Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2024 – № 4 (39)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2024

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. № 4 (39). 287 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2024-4-39. EDN YPGJXJ
2024, № 4 (39). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Т. А. Александрова,** кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, советник ректората по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тиу,** доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)
Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024
© Авторы статей, 2024

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2024. № 4 (39). 287 pages. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2024-4-39. EDN YPGJXJ

2024, № 4 (39). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova,** Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, rector's advisor for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu,** doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration number:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal «Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2024

© Authors of the articles, 2024

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 4 (39) – 2024

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии. Часть 2 ____ 8

Чевтаев А. А. Антропология акмеистической потусторонности в стихотворении М. Зенкевича «Мясные ряды» ____ 21

Кузьмина М. Д. Переписка П. В. Киреевского с Н. М. Языковым 1830-х годов и традиции дружеской эпистолографии ____ 33

Егоров М. Ю. Метаповествовательная техника в прозе В. Н. Войновича 1970–1980-х годов ____ 42

Семенова Т. А. «Итак, звалась она Татьяной…»: к пушкинским аллюзиям в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» ____ 50

Якушева Д. Д. Рецепция образа Екатерины II: роман А. Б. Мариенгофа «Екатерина» в историко-литературном контексте первой половины XX века ____ 58

Медиакоммуникации и журналистика

Антонова Л. Г., Гузенко Г. В. Жанровые особенности контента образовательной онлайн-платформы ARZAMAS ____ 67

Зубаркина Е. С., Мискевич Ю. А. Радиоспектакль для взрослых и детей в вещании Испании и стран Латинской Америки: история, особенности, тенденции развития ____ 81

Русский язык

Плотникова Л. И., Левина Э. М. Имена собственные в региональном поэтическом дискурсе: на материале произведений белгородских авторов ____ 95

Сложеникина Ю. В., Мусаева А. С. Языковая репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе ____ 106

Гапонова Ж. К. К вопросу об антропонимических формулах в ярославских писцовых книгах 1627, 1628 и 1629 гг. ____ 118

Глазков А. Г. Речевой акт лжи в аспекте категории когерентности в русском языке ____ 129

Ребковец О. А., Милянчук Н. С. Коммуникативное самопозиционирование автора контента в современном научно-популярном дискурсе (на материале телеграм-каналов о лингвистике) ____ 139

Кытманова Е. А. Номинация жанра «рассуждение»: этимологический анализ 153

Ананьев Д. Н. Аббревиатура как средство создания образа ГУЛАГа в романе А. И. Солженицына 165

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лукин О. В. Словарь Палласа как первое лексикографическое произведение в истории компаративистики 174

Шеховцова Е. Е. Употребление лексемы «green» и особенности восприятия концепта «зеленый» представителями англоязычной культуры 185

Ляпина Е. С. Особенности передачи псевдоустности при переводе корейских дорам на русский язык (на материале дорамы «Sky Castle») 194

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Кузнецов В. Г. Роль когнитивной метафоры в вербализации концептов (на материале газетно-публицистического и художественного дискурсов французского языка) 204

Погодаева С. А. Специфика французского языка в Западной и Центральной Африке 212

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания 224

Каминская Т. Л. Образ советской эпохи «застоя» в личных письмах писателя Л. Воробьева 234

Елизова Е. И., Ланцевская Н. Ю. Элементы культурно-цивилизационной матрицы локальной цивилизации Республики Сейшельские Острова 242

Летина Н. Н., Чернявская А. П. Социокультурные аспекты идеала личности в сознании российского подростка 253

Кузьмина Ю. А. Рецепция позитивизма в русском символизме 267

Савушкин И. С. Новое искусство и поиск исторической субъектности Алексея Ремизова 277

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 4 (39) – 2024

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the chrysanthemum image in russian and chinese poetry. Part 2 ____ 9

Chevtaev A. A. Anthropology of acmeist otherworldliness in M. Zenkevich's poem Meat Rows ____ 21

Kuzmina M. D. Correspondence between P. V. Kireevsky and N. M. Yazykov in the 1830s and friendly epistolography traditions ____ 33

Egorov M. Yu. Meta-narrative technique in V. N. Voynovich's prose of the 1970s–1980s ____ 42

Semyonova T. A. «So, she was called Tatiana...»: on Pushkin allusions in V. O. Pelevin's novel Secret Views of Mount Fuji ____ 50

Yakusheva D. D. Reception of Catherine the Great's image: A. B. Mariengof's novel «Catherine» in the historic-literary context of the first half of the XX century ____ 58

Media communication and journalism

Antonova L. G., Guzenko G. V. Genre specifics of the contents on the educational online platform ARZAMAS ____ 68

Zubarkina E. S., Miskevich Yu. A. Radio plays for adults and children in Spanish and Latin American broadcasting: history, specifics and development trends ____ 81

Russian language

Plotnikova L. I., Levina E. M. Proper names in regional poetic discourse: based on the works of belgorod authors ____ 95

Slozhenikina Yu. V., Musaeva A. S. Linguistic representation of the artificial intelligence in popular science discourse ____ 106

Gaponova Zh. K. Towards the issue of anthroponymic formulas in the Yaroslavl census books of 1627, 1628 and 1629 ____ 118

Glazkov A. G. The speech act of lying in the aspect of the coherence category in the russian language ____ 129

Rebkovets O. A., Milyanchuk N. S. Communicative self-positioning of the content author in modern popular science discourse (based on telegram channels on linguistics) ____ 139

Kytmanova E. A. Nomination of the genre «rassuzhdeniye»: etymological analysis _____ 153

Ananyev D. N. Abbreviation as a means of creating the GULAG image in A. I. Solzhenitsyn's novel _ 165

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Lukin O. V. Pallas's Dictionary as the first lexicographic work in the history of comparativistics_____ 174

Shekhovtsova E. E. The use of the lexeme «green» and the specifics of the concept «green» in english speaking culture _____ 185

Lyapina E. S. Specifics of translating pseudo-oral language in korean doramas into russian (the case of the dorama Sky Castle) _____ 194

Languages of foreign countries (romance languages)

Kuznetsov V. G. The role of cognitive metaphors in verbalizing concepts (based on newspaper journalistic and literary discourses in french) _____ 204

Pogodaeva S. A. The specificity of the french language in Western and Central Africa_____ 212

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Astafieva O. N., Tkhagapsoev H. G. Developing information-semiotic theory of culture in the methodology of culturological knowledge _____ 225

Kaminskaya T. L. The soviet era of «stagnation» in personal letters of the writer L. Vorobyov _____ 234

Elizova E. I., Lancevskaya N. Yu. Elements of the cultural and civilizational matrix of the local civilization of the Republic of Seychelles _____ 243

Letina N. N., Chernyavskaya A. P. Sociocultural aspects of the ideal personality in the russian teenager's mind _____ 253

Kuzmina Yu. A. Reception of positivism in russian symbolism _____ 267

Savushkin I. S. New art and the search for historical subjectivity by Alexey Remizov _____ 277

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-8
EDN: UGVWQW

Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии. Часть 2

Елена Михайловна Болдырева[1]✉, Елена Валерьевна Асафьева[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2, КНР
[2]Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий. 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 31а
[1]e71mih@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-2977-7262
[2]tvist_o@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-0933-0068

Аннотация. Во второй части статьи продолжен анализ символического потенциала образа хризантемы в произведениях китайских и русских поэтов разных эпох, выявляется ряд общих идей и мотивов, свойственных как художественному миру рассматриваемых писателей, так и универсальным общекультурным коннотациям образа хризантемы. Во второй части исследования на примере поэтических текстов Ду Фу, Хуана Чао, Ло Иня, Цинь Гуаня, Яня Цидао, В. Маяковского, М. Волошина, Г. Иванова, И. Анненского, О. Мандельштама, И. Бродского, Н. Агнивцева рассматриваются иные грани культурной символики хризантемы, демонстрирующие национально-специфические особенности «хризантемного текста» в русской и китайской поэзии, детерминированные различными культурно-историческими факторами, а также различные варианты индивидуально-авторской символики хризантемы в стихотворениях русских и китайских поэтов. В статье рассматривается хризантема как символ абсолютной безысходности и бессмысленности бытия; хризантема как символ экзистенциального одиночества человека; хризантема как символ мужества и стойкости духа в китайской поэзии; хризантема как символ порока, стремления к удовлетворению низменных потребностей, образный атрибут мещанства, отражение пошлой буржуазной культуры в плакатном соцреалистическом дискурсе 1920-х гг.; хризантема как символ творчества, поэтического искусства и памяти, в русской поэзии сопряженный с потерями, болью и ностальгией от утраты родины и воспоминаний, но одновременно воплощающий свет искусства, которое способно сохранить память и остановить время. Образ хризантемы рассматривается как многоаспектная сущность, сочетающая в себе различные символические значения: любовь, праздник, восторженное восхищение жизнью, молодость и красота, самодостаточность и божественная сущность природы, искусство, безграничность пространства и времени, духовная и физическая смерть и экзистенциальное одиночество человека в мироздании, память и др.

Ключевые слова: символ; флористический дискурс; образ хризантемы; русская лирика; китайская лирика; философия; лирический герой; мотив памяти; мотив одиночества; реминисценция

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии. Часть 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 8–20. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-8. https://elibrary.ru/UGVWQW

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2024

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Cultural symbolism of the chrysanthemum image in russian and chinese poetry. Part 2

Elena M. Boldyreva[1]✉, Elena V. Asafieva[2]
[1]Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng street, 2, Chongqing, PRC
[2]Teacher of the russian language and literature, Yaroslavl college of management and professional technologies. 150042, Yaroslavl, Tutaevskoye shosse, 31a
[1]e71mih@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-2977-7262
[2]tvist_o@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-0933-0068

Abstract. The second part of the article continues to analyze the symbolic potential of the chrysanthemum in the works of chinese and russian poets in different epochs, reveals a number of common ideas and motifs characteristic of both the writers' artistic world and universal general cultural connotations associated with the chrysanthemum image. The authors use the poetry of Du Fu, Huang Chao, Luo Yin, Qin Guang, Yan Qidao, V. Mayakovsky, M. Voloshin, G. Ivanov, I. Annensky, O. Mandelstam, I. Brodsky, and N. Agnivtsev as examples to examine other aspects of the cultural symbolism of the chrysanthemum, demonstrating the national-specific features of the «chrysanthemum text» in russian and chinese poetry determined by different cultural and historical factors. Moreover, different variants of individual authorial chrysanthemum symbolism are considered in the verses of russian and chinese poets. The article considers the chrysanthemum as a symbol of complete hopelessness and meaninglessness of existence; the chrysanthemum as a symbol of human existential loneliness; the chrysanthemum as a symbol of courage and fortitude in chinese poetry; the chrysanthemum as a symbol of vice, striving to satisfy base needs, a figurative attribute of philistinism, reflection of vulgar bourgeois culture in placard socialist realist discourse of the 1920s; the chrysanthemum as a symbol of creativity, poetic art and memory, associated in russian poetry with loss, pain and nostalgia from the lost homeland and memories, but at the same time embodying the light of art, which is able to save memory and stop the time. The image of chrysanthemum is viewed as a multidimensional essence combining various symbolic meanings: love, festivity, ecstatic admiration of life, youth and beauty, self-sufficiency and divine essence of nature, art, infinite space and time, spiritual and physical death and existential loneliness of man in the universe, memory, etc.

Key words: symbol; floral discourse; image of chrysanthemum; russian poetry; chinese poetry; philosophy; lyrical hero; motif of memory; motif of loneliness; reminiscence

The article has been written as part of the work of the Center for Russian-Speaking Countries Studies at the Southwest University, the People's Republic of China, the PRC Ministry of Education

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the chrysanthemum image in russian and chinese poetry. Part 2. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):8–20. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-8. https://elibrary.ru/UGVWQW

Введение

Во второй части нашего исследования мы продолжаем рассматривать культурную символику образа хризантемы в русской и китайской поэзии. В первой части нашей статьи мы рассмотрели образ хризантемы, воплощающий преимущественно универсальные символические смыслы – семантику любви и смерти, восторженно-радостного праздничного ликования и упоения живой жизнью, божественной сущности, мудрости и самодостаточности природного мира, молодости и красоты, преодолевающих дисгармоничные стороны бытия. Во второй части исследования на примере поэтических текстов Ду Фу, Хуана Чао, Ло Иня, Цинь Гуаня, Яня Цидао, В. Маяковского, М. Волошина, Г. Иванова, И. Анненского, О. Мандельштама, И. Бродского, Н. Агнивцева мы рассмотрим совершенно иные грани культурной символики «хризантемного» дискурса русской и китайской поэзии, акцентировав внимание на национально-специфических особенностях «хризантемного текста» в русской и китайской поэзии, детерминированных различными культурно-историческими факторами, а также на различных вариантах индивидуально-авторской символики

хризантемы в стихотворениях русских и китайских поэтов.

«Лотос уже отцвел, а хризантема еще держит ветви, гордые от мороза»: хризантема как символ стойкости духа

«В классической лирике Китая хризантема была воплощением осени, символом противостояния хрупкой красоты надвигающейся зиме» [Ши Хан, 2012, с. 45]. Обладая морозостойкостью, она цветет при очень низких температурах, когда другие растения погибают. Эта ее особенность отражена во многих классических стихотворениях китайских авторов, где хризантема стала символом стойкости духа.

В стихотворении Хуана Чао «Когда осень наступит…» изображен осенний пейзаж в восприятии хризантемы. Холодный воздух поздней осени, ее «золотые доспехи», несмотря на свое могущество и красоту, несут гибель растениям: «…в восьмой день девятого месяца все цветы погибнут после того, как я распущусь» [40句描写菊花的诗句…, 2023] (*здесь и далее перевод авторов статьи).* Дата, указанная в тексте, предшествует празднику Двойной Девятки, о котором мы уже упоминали ранее. День, который вскоре должен наступить, сделает хризантему единственно значимым цветком, и потому накануне все другие цветы должны погибнуть, чтобы соблюсти закон цикличности, повелевающий зиме вступить в свои права. Стойкая хризантема же еще недолгое время будет цвести, чтобы защищать мир и человека от проникновения разрушительных энергий, стремящихся ввергнуть все живое в Хаос.

Сопротивление красоты разрушительному воздействию холода, преодоление препятствий на пути к бессмертию передано в стихотворении Ло Иня «Хризантема». Лирический герой наблюдает за борьбой хризантемы со снежным потоком: «В сумерках года благоухают несколько веток хризантем. Снег срезает нежные тычинки, а золото убирает маленькие соцветия и благоухает ими» [40句描写菊花的诗句…, 2023]. Практически наступившая зима не может разрушить хризантему, и ветки ее продолжают источать аромат, несмотря на то, что цветки уже, вероятнее всего, опали. Сопротивление холоду делает цветок еще более выносливым, и чем позднее осень, тем пышнее распускаются его бутоны. Осознавая это, герой признается, что и сам стал подобен хризантеме, живущей вопреки зиме и укрепляющейся благодаря трудностям: «Я пью белое вино уже тысячи лет, и всю жизнь я мерзну» [40句描写菊花的诗句…, 2023]. Холод, проникающий в героя, символизирует мудрость, приобретенную в схватке с жизненными трудностями. Согласно мировоззрению буддизма, душа человека не достигнет освобождения, не совершив Восьмеричный путь, состоящий из кругов страданий и соблазнов. Желая достичь бессмертия, герой выражает нежелание «быть слишком легкой весной», осознавая, что беззаботная радость не способствует развитию, самопознанию и соответственно, самосовершенствованию. Хризантема, таким образом, служит примером нравственного сопротивления и помогают герою не сбиться с верного пути, поскольку вдвоем они «ведут свою родословную друг от друга».

Таким образом, хризантема как символ стойкости духа является уникальным кодом в китайской культуре, возникшим в результате особого религиозно-философского миропонимания: идеи развития души через страдание и преодоление. Являясь символом мудрости и долголетия, она служит примером для людей, защищает их от проникновения зла и сохраняет мировой порядок

«В пасмурный день по теченью плывут хризантемы»: хризантема как аллегория глубокой тоски и экзистенциального одиночества

В мировой культуре символика флористических образов нередко соотносится не только с человеческими качествами, но и с различными состояниям души. Эмоциональный спектр здесь весьма широк: подсолнечник или латирус часто символизирует жизнелюбие и радость, аконит или тсуга – страх, сорняки-бабочки – ненависть и неприязнь. Как мы отмечали в первой части статьи, хризантемы очень часто символизируют радость и солнце. Однако в китайской поэзии у этого цветка есть и противоположное значение – глубокая тоска и экзистенциальное одиночество человека, остро ощущающего бессмысленность собственного бытия.

В стихотворении Яня Цидао «Влюбленные бабочки...» лирический герой, погруженный в созерцание природы, размышляет об уходящей осени. Он осознает, что все живое утрачивает радость и покидает родные просторы: «Хризантемы на пороге печалятся, орхидеи плачут росой, занавеска холодна, ласточки улетают» [菊花名句.., 2023]. Испытывая идентичные эмоции, герой акцентирует внимание на равнодушии луны, которой «неведома горечь разлуки», пото-

му что она является символом непостоянства и текучести времени, и, уходя с небосклона, она на короткий миг уступит место солнцу, а потом вновь вернется, подобно ласточкам; так же, как будет уходить и возвращаться печаль: «Ласточки улетают, они прилетают и улетают, и горечь разлуки, и горечь расставания» [菊花名句.., 2023]. Хризантема, находящаяся на пороге зимы и, соответственно, гибели здесь символизирует скоротечность жизни и красоты, на что указывает также образ дороги: «Я поднялся на высокое здание в одиночестве и посмотрел на дорогу, ведущую на край света» [菊花名句.., 2023]. Высокое здание имеет не только предметное, но и метафорическое значение: его следует рассматривать как жизненный опыт, приобретенную с годами мудрость. Экзистенциальное одиночество приводит к осознанию непостижимости мира и законов природы: «Я хочу послать цветную бумагу и линейку, но я не знаю, где горы длинные, а воды широкие». «Посылать цветную бумагу (вариант – цветные ноты) и линейку» (寄彩笺兼尺素) – это идиома со значением толковать стихотворение или эссе. Таким образом, влюбленные бабочки – это символ любви к жизни, а сама жизнь – поэзия и красота, хризантемы же, напротив, воплощение экзистенциальной тоски на пороге смерти.

Символическое значение печалящейся хризантемы усиливается в стихотворении Ду Фу «Восемь стансов об осени», где природа и сам герой погружены во мрак: «атмосфера горы Ушань и ущелья Уся мрачна», «ветер и облака на Сейшельских островах погружены во мрак» [40句描写菊花的诗句…, 2023]. Апофеозом этого страдания является «хризантема в слезах», она страшится смерти, поскольку зима обнажила свой «меч», чтобы срезать ее бутоны. Холод разрушителен не только для природы, но и для людей, и зима обрушивается внезапно: «город Байди высоко поднял срочную сумеречную наковальню» [40句描写菊花的诗句…, 2023]. Герой чувствует себя столь же беспомощным, как «одинокая лодка, привязанная к сердцу леса» [40句描写菊花的诗句…, 2023], поскольку ни лодке, ни ему, ни хризантеме нет спасения, и они привязаны к законам естества, повелевающим зиме вступить в свои права.

Хризантема может символизировать не только глубокое переживание, связанное с приближением смерти, но и экзистенциальную тоску, вызванную одиночеством, ощущением бессмысленности природы и себя самого. Так, в стихотворении Цинь Гуаня «Аромат при полном дворе» герой наблюдает за падающими листьями и рассуждает о тщетности всего сущего. Впадая в рефлексию, он вместе с тем испытывает чувство вины: «Простите за грусть», «Не уверен, что это хорошая идея для меня – грустить и уставать» [菊花名句.., 2023], однако подобное состояние овладевает им всецело: «не успел я проснуться, как уже грущу». Подобное состояние обусловлено отсутствием прошлого (памяти) и будущего (любви): «Легко потерять новую любовь, и трудно угадать, что было в прошлом» [菊花名句.., 2023]. Пребывая в настоящем, он соотносит себя с хризантемами, которые существуют непонятно зачем и для кого: «Спросите желтые хризантемы у изгороди, для кого они» [菊花名句.., 2023]. Одиночество, дарующее герою свободу, не радует его, и он разочарован в себе и в жизни. Сам он стоит на месте, как хризантема, цветущая вопреки морозам, но природа вокруг него движется: «золотые волны кружатся, и белая роса усеивает мох» [菊花名句.., 2023]. Динамичность вселяет надежду на преодоление внутреннего кризиса и символизирует целительную силу времени. Овладевающая героем тоска может быть следствием проникновения в его сознание избыточной энергии Ян, поскольку действие происходит во время праздника Двойной Девятки. В таком контексте хризантемы для героя становятся самыми нужными цветами, поскольку их свойства защищают душу человека от энергетического дисбаланса.

Таким образом, в китайской поэзии хризантема символизирует экзистенциальную тоску, одиночество, страх и ощущение бессмысленности бытия – состояния, обусловленные скоротечностью времени, приближением зимы и неспособностью повлиять ни на природу, ни на собственную жизнь. Отрефлексированные образы природного мира, в частности хризантемы, отражают душевный кризис лирического героя: цветы наделяются способностью испытывать различные эмоции, степень интенсивности которых зависит от стадии осени. Так, если осень ранняя, она сопровождается грустью и размышлением о смысле жизни, если поздняя, переходящая в зиму, герой испытывает страх и приближение метафизической гибели.

«…это же вам не хризантема, а селёдка!»: хризантема как символ порочной буржуазной культуры

При всей амбивалентности поэтической семантики хризантемы, которая может символизировать такие антонимичные понятия, как жизнь и смерть, молодость и увядание, радость и тоску, в целом оценочный ореол данного образа практически всегда является позитивным. Исключением в этом смысле являются некоторые стихотворения русских поэтов, написанные в 1920-е годы XX века, когда в рамках формирующегося соцреалистического канона хризантема предстает в иронично-дискредитирующем ключе и парадоксальным образом приобретает противоположные коннотации и становится символом порока, стремления к удовлетворению низменных потребностей (духовных и физических), образным атрибутом мещанства, отражением пошлой буржуазной культуры.

Подобная семантика актуализируется в стихотворении В. Маяковского «Даешь изячную жизнь» [Маяковский, 2023, с. 327]. Данный текст следует рассматривать в контексте всего творчества поэта, одна из задач которого – отражение борьбы и сама борьба пролетарской идеологии с воззрениями изначально порочной буржуазной культуры, замедляющей наступление прогрессивной мировой социалистической революции. Противников пролетариата, стремящихся к преумножению материального достатка, поэт сопоставляет с животными: «Даже / мерин сивый / желает / жизни изящной/и красивой. <…> Ещё грациозней, / ещё капризней/стремится человечество / к изящной жизни» [Маяковский, 2023, м. 327]. Описывая уровень их сознания, он делает акцент на физическом начале животных и их репродуктивной функции: «но особо пылко –/ если / навстречу / особа-кобылка» [Маяковский, 2023, с. 327]. Современное общество лирический герой делит на две категории – людей и «фраки» с хризантемами. Первые борцы за идеалы и производители социальных благ, вторые могут только потреблять, множить себе подобных, поэтому задача первых – устранить вторых, опредмеченных, лишенных человеческой природы:

Рабочей рукою
старое выжми –
посыплются фраки,
польются фижмы [Маяковский, 2023, с. 328].

Метонимичные образы выражают идею о том, что приверженцы буржуазной культуры не могут считаться людьми, потому что у них нет высокой цели и способности к мышлению, критическому анализу:

… нельзя без пуговицы,
а без головы можно [Маяковский, 2023, с. 328].

Реализуя свою художественную задачу, В. Маяковский говорит о поэтическом творчестве как об оружии мыслящего человека против фраков с хризантемами. Цветы в его стихотворении скрывают ущербность «буржуев» и их физическое несовершенство «Чтоб не было / ям / на хилых грудях, / ходит, / в петлицу / хризантемы вкрутя» [Маяковский, 2023, с. 328]. Здесь эталоном мужской красоты является не цветок, а физическая сила и выносливость. В свою очередь хризантема олицетворяет мужчин, неразборчивых в половых связях и потому сидящих «в очереди / венерической клиники». Здоровые люди, таким образом, могут рождаться только в здоровом обществе, а буржуазный мир уничтожится сам собой, но искусство позволит ускорить этот процесс. Хризантема в петлице – это мнимое изящество, выдающее жуликов, воров и лицемеров, которые не моются, сморкаются в руку, читают бесполезные книги и захламляют пространство. Истинное же изящество – «это стопроцентная польза, / удобство одежд / и жилья простор» [Маяковский, 2023, с. 329].

Сходную семантику имеет образ хризантемы в стихотворении Н. Агнивцева «Очень просто» [Агнивцев, 1990, с. 37], где поэт критикует западный буржуазный мир, акцентируя внимание на том, что подобное в российской действительности невозможно. Представители господствующего в Америке капиталистического класса описаны как те же «фраки» с хризантемами В. Маяковского – живут низменными инстинктами, эксплуатируя других и пренебрежительно относясь к окружающим соотечественникам и представителям иных культур:

Ах, как звонок смех японок
Для родившихся во фраках.
Ах, как звонок, ах, как звонок
Смех японок в Нагасаках… [Агнивцев, 1990, с. 37]

Обилие лексических повторов, междометий, а также нарушение грамматических норм выражает не только идею потребительски-эксплуататорского отношения к представительницам Восточной Азии и миру в целом, но и ил-

люстрирует недостаток интеллекта, отсутствие культуры общения и ограниченный словарный запас. Для субъекта лирического высказывания важнее оказываются блага материальные, нежели духовные, и те он тратит на то, чтобы жить в пороке, в том числе сексуальном:

Эскортируемый гидом,
Я вручаю сердце Браме
И лечу с беспечным видом
В некий домик к некой даме…[Агнивцев, 1990, с. 37]

Здесь фрак и хризантема являются символом физической близости мужчины и женщины при отсутствии духовной связи, таким образом, дискредитируется понятие «любовь», недоступное обывательскому сознанию, а интеллектуальная составляющая профессии «гейша» нивелируется имплицитным образом животного мира: Брама здесь не имя собственное, а собирательный образ женщины, оказывающей эскорт-услуги, наименование которого восходит к породе декоративно-мясных кур. Гейшу в действительности зовут Молли, или «цветок жасмина». Жасмин здесь усиливает значение хризантемы как похоти, поскольку этот цветок в Японии символизирует женственность и прочные семейные узы. В контексте деятельности Молли он утрачивает свое значение, меняя его на противоположное – восприятие любви как нечто продажное, неискреннее и т. д. В предыдущем стихотворении В. Маяковского таким «усиливающим» свойством обладали ландыши, превращающие любовь в «слюнявую» пошлость в устах буржуя. Соответственно, женщина становится необходима только для удовлетворения базовых потребностей, не обременяющих представителя «фрачной» идеологии:

…Повздыхаю деликатно,
Вдену в лацкан хризантему
И вернусь в Нью-Йорк обратно [Агнивцев, 1990, с. 38].

Итак, в соцреалистическом дискурсе русской поэзии хризантема оказывается наделена исключительно негативно-дискредитирующей семантикой, она символизирует похоть, капитализм, эгоизм и порочную буржуазную культуру. Этот образ следует рассматривать в историческом контексте, поскольку оба текста относятся к 20-ым годам XX в., когда в РСФСР(позже СССР) шла борьба против западной идеологии и пропагандировались идеи мировой социалистической революции. В связи с этим, хризантема выступает как метонимический собирательный образ представителя буржуазной культуры, обладающего рядом качеств, недостойных советского гражданина: алчностью, расточительностью, потребительским отношением к жизни, физической и интеллектуальной ущербностью. Наряду с этим, хризантема символизирует плотскую любовь, ведущую к самоуничтожению и дискредитации здорового общества, залогом которого является семья, где главенствует взаимопонимание и высокая социальная ответственность мужчины и женщины. Подобные коннотации усиливаются вспомогательными образами других цветов – ландышей у В. Маяковского и жасминов у Н. Агнивцева.

«Смотри, как пышны хризантемы в сожжённом осенью саду – как будто лермонтовский Демон грустит в оранжевом аду»: хризантема как воплощение поэзии и метакультурных связей

Поэзия подобна цветку, где из бутона художественной формы произрастают лепестки смыслов, созвучий. Многообразие форм, ароматов и оттенков привлекают своей неповторимостью подобно тому, как могут привлекать и вдохновлять хорошие стихи, столь же уникальные и изысканные. Поэтому в некоторых произведениях русских поэтов хризантема становится символом творчества, поэтического искусства.

В стихотворении Георгия Иванова «Как все бесцветно, все безвкусно…» [Иванов, 2023, с. 146] лирический герой воспринимает себя и мир сквозь призму скуки и однообразия «Как все бесцветно, все безвкусно, / Мертво внутри, смешно извне» [Иванов, 2023, с. 146]. Причиной подобного может быть отсутствие понимания своего места в мире, осознание своего дара и его же ненужности, на что указывает контекст всего цикла «Дневники»: «Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья, / Но даже черви им, увы, пренебрегли» [Иванов, 2023, с. 132], «Те» иль «эти»? «Те» иль «эти»?/Ах, не все ль равно / (Перед тем, как в лунном свете / Улететь в окно)» [Иванов, 2023, с. 137] и т. д. Внутреннее опустошение и внешняя безликость вызывают в герое непреодолимое чувство тошноты, усиленное тем, что он воспринимает мир всесторонне с помощью разных органов чувств. Преодолением кризиса для героя становится хризантема – воплощение искусства в самом широком понимании.

Ее пышный бутон контрастирует с «плоскостью» природы:

– Смотри, как пышны хризантемы
В сожженном осенью саду [Иванов, 2023, с. 146].

Исходя из страдательного залога метафоры, мы понимаем, что речь идет не о цветущем саду, а о сгнивших листьях, потерявших свой ярко-огненный цвет. На этом фоне хризантема выглядит еще величественней. Но привлекает не внешнее ее великолепие, а связь с культурным наследием России. Обращаясь к традициям разных эпох, можно наполнить внутреннюю пустоту и вновь различить символы во внешне однообразном предметном мире: почувствовать эмоции демона и увидеть краски осени его глазами, разрушить границы пространства вместе с хризантемами Врубеля. Не случайно именно этот цветок, стремящийся вверх к пространству космического, находится в центре знаменитого триптиха «Цветы», выражая идею вечного торжества природы, находящейся вне пределов обывательского или даже человеческого сознания. Синтез искусств, отсутствие временных границ преображает голос обывателя в голос творца: «Зевая сам от этой темы, / Ее меняю на ходу» [Иванов, 2023, с. 146], вписывая его в контекст русского искусства.

О связи хризантем с искусством, в частности, с символизмом есть упоминания и в других текстах Георгия Иванова. Так, в стихотворении «Я люблю безнадежный покой» герой соотносит свое мировосприятие с поэтическими традициями И. Анненского, противопоставляя утонченность и гармонию покоя и бессловесности, свойственную старшим символистам, динамичному и страстному художественному пространству Н. Гумилева, находящего красоту в экзотике земного мира «Я люблю безнадежный покой <...> / То, что Анненский жадно любил, / То, чего не терпел Гумилев» [Иванов, 2023, с. 152].

Более имплицитно образ хризантемы как инструмента диалога различных литературных традиций представлен в стихотворении М. Волошина «В мастерской» [Волошин, 1990, с. 72]. Оно являет собой сложную систему реминисценций, включающую в себя художественную манеру по меньшей мере трех поэтов – И. Бунина, И. Анненского и О. Мандельштама.

В первой строфе возникает образ морозного зимнего окна и «хризантемы в голубой пыли» [Волошин, 1990, с. 72], что ритмически повторяет стих из стихотворения И. Бунина «Хризантемы» [Бунин, 1929, с. 83]. Голубая пыль идентично серебряному инею, покрывшему цветы в первичном тексте, и «снеговой пыли». В обоих текстах яркие и чистые краски: «Ясный вечер, зимний и холодный» [Волошин, 1990, с. 72] – «небо ярко-синее», «яркие и чистые буду видеть краски» [Бунин, 1929, с. 83]. На связь двух текстов также указывают образ солнца и пограничное состояние суток: у И. Бунина переход от утра ко дню, у М. Волошина – от вечера к ночи. В том и другом стихотворении выражена идея хрупкости красоты природы: «…**до полдня** будут серебристые хризантемы…» [Бунин, 1929, с. 83] и «**чуток сон** дрожащего стебля» [Волошин, 1990, с. 72]. Однако, проникая в пространство бунинского текста, М. Волошин дополняет его аутентичными образами («линия щеки», «вечер», «бледный луч», «глаза таинственной земли»), вступая в диалог с поэтом, но не уподобляясь ему.

Во второй строфе М. Волошин меняет структуру стиха, придавая ему мелодичность звучания, и усиливает символический контекст, обозначенный в первой строфе, обращаясь к поэтической традиции И. Анненского. Идея двоемирия реализуется за счет сна, в пространстве которого не существует времени «…долгой разлукою / Время не сможет наш сон победить», «День, опрозраченный тайнами сна, / Станет подобным сапфировой чаше» [Волошин, 1990, с. 73]. Чаша – вместилище жизни гармоничной, то, что вне ее – суета, подогревающая воду и превращающая ее в пену – ускользающее время. Такой контекст представлен в стихотворении И. Анненского «С четырех сторон чаши» [Анненский, 1939, с. 117]. Скрываясь на дне ее, в пространстве сна, герои М. Волошина сохраняют незримую связь наяву, где они не могут прикоснуться друг к другу. Этот факт также является отсылкой к поэтике символизма, где Вечная Женственность/Душа Мира/Прекрасная Дама (в зависимости от концепции старших и младших символистов) может взаимодействовать с поэтом только в пространстве ирреальном – ресторане, храме. И. Анненскому привычнее пространство космоса – мира Истины, отраженного пространством земли, где, в конечном итоге, и оказываются герои:

Мир, увлекаемый плавным движеньем,
Звёздные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным, живым отраженьем

Нашего вечною, слитного Я [Волошин, 1990, с. 73].

Заметим, что женский образ появился еще в первой строфе и был более эфемерным, подобно Прекрасной Даме: предстает как «линия щеки», а здесь героиня становится более осязаемой и сливается с героем. Вступая в диалог с Анненским, герой М. Волошина вновь обозначает собственный голос, превращая космический мир в иллюзию, искажение мира «Я». воплощенного в единстве мужского и женского начала. Он сознательно разрушает фактически пространство сна, явленного не только во второй строфе стихотворения М. Волошина, но и в стихотворении И. Анненского «Струя резеды в темном вагоне» [Анненский, 1939, с. 231], где сад с хризантемами, находящийся в пространстве междумирия, был единственным убежищем для героя и его спутницы. Таким образом, утверждается идея, что счастье любви возможно как в пространстве космоса, так и за его пределами.

Наконец, в третьей строфе М. Волошин от пространства эфемерного переходит к миру опредмеченному. Характер детализации обнажает интертекстуальные связи со стихотворением О. Мандельштама «Notre Dame» [Мандельштам, 2018, с. 229], где поэт изображает не французский католический храм, а храм искусства. «Мастерская» М. Волошина, в недрах которой вместо сводов – углы, вместо реликвий – бумага и полки книг, становится подобной Нотр-Даму. В обоих текстах присутствует образ Египта, но у Волошина он соотносится с образом царевны Таиах, у Мандельштама – с архитектурой. Связь текстов очевидна и благодаря существенной детали – перебою ритма в одном стихе:

Где римский судия
судил чужой народ,
Стоит базилика, – и,
радостный и первый,
Как некогда Адам,
распластывая нервы,
Играет мышцами
крестовый легкий свод
[Мандельштам, 2018, с. 229].

Ночь придёт. За бархатною мглою
Станут бледны полыньи зеркал.
Я тебя согрею и укрою,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал [Волошин, 1990, с. 72].

М. Волошин заимствует у О. Мандельштама основную идею – поиск своего места в мире поэтического искусства. Подобно тому, как герой О. Мандельштама пребывает в надежде создать нечто столь же великое, как Нотр-Дам, герой М. Волошина в мастерской поэтического слова встраивается в парадигму разных литературных традиций и осмысливает их через диалог с собственным лирическим «я». Взяв за основу хризантему, он трансформировал ее сначала в эфемерную женскую суть, затем в Таиах, чтобы показать, что искусство существует вне времени, пространства и конкретных художественных форм.

Таким образом, хризантема в русской поэзии становится символом искусства, катализатором реминисценций в поэтической мастерской автора, инструментом связи различных литературных традиций, благодаря которым художник может преодолеть духовный и творческий кризис, обогатить собственный поэтический мир и достигнуть творческой самоидентификации, вписав себя и свое творчество в общий литературный контекст.

«И в саду, как в бреду, хризантемы цветут…»: хризантема как символ метафизичности пространственно-временного континуума

В творчестве русских поэтов возникает еще один символический смысл хризантемы, когда этот образ воплощает в себе метафизичность пространства и времени, становится символом преодоления ограниченности земного бытия и живой памяти, способной вернуть человеку утраченное время. В стихотворении И. Анненского «Струя резеды в темном вагоне» [Анненский, 1939, с. 231] лирический герой скрывается от реальности в саду с хризантемами. Пограничное состояние героя обусловлено страхом перед реальностью, воплощенной в образе темного вагона. Поезд судьбы, символизирующий скоротечность земной жизни, встречается у И. Анненского неоднократно и соотносится с ладьей Харона. В пространстве поезда нередко можно встретить демонов, крадущих души пассажиров и увлекающих их в преисподнюю – конечную точку маршрута в текстах И. Анненского. «Хаос полусуществования» можно преодолеть, погрузившись в сон, мечту, то есть в метафизическое время и пространство. Пытаясь спасти незримую героиню от разрушения и гибели, он увлекает ее сначала в «мечту»:

Для тебя оживил я мечту,
И минуты ее на счету [Анненский, 1939, с. 231].

Мечта здесь – то же, что сон, а если смотреть шире – альтернативная реальность, в которой объект существует параллельно реальности иной, пребывая одновременно в нескольких измерениях, и вселенная становится пространством вариантов. Все, что происходит с героиней, можно назвать трансерфингом реальности, где она путешествует между мирами. У И. Анненского их условно два: поезд (скоротечность жизни, ускользающее время, хаос бытия земного) и «сон» (краткий миг счастья, свет, спасение, вечная жизнь). Мир поезда показан сквозь призму эмоций героини – боль, страдание, оцепенение, в то время как «сон» описан подробно и содержит ряд символов, одним из которых является хризантема:

В голубых фонарях,
Меж листов на ветвях
Без числа
Восковые сиянья плывут,
И в саду,
Как в бреду,
Хризантемы цветут… [Анненский, 1939, с. 231]

Здесь мы видим противостояние жизни, заключенной в образе голубых фонарей и цветущей хризантемы, и смерти – восковые сияния. Свет фонаря – это свет божественной истины, согревающий и спасающий, воск – мертвое сияние. На подобные коннотации указывает, с одной стороны, его свойство таяния (пламя времени сжигает жизнь), с другой – цветовая семантика. В поэтике И. Анненского «белое – не светлое, не живое, напротив, это что-то мучительное, угасшее, напоминающее о смерти» [Парамонова, 2015, с. 40], в то время как голубое – «это мировая душа, духовная суть мира» [Парамонова, 2015, с. 41], которая смерти неподвластна. И фонари, и хризантемы призваны спасти героиню от ужаса «мглы», однако разорванность лирического повествования, его фрагментарность указывает на то, что она периодически «просыпается», возвращаясь в вагон. Сон в поезде прерывистый и кратковременный, потому что состав движется с большой скоростью, колеса беспрерывно стучат, другие пассажиры могут шуметь, разговаривать. Все это является аллегорией жизненных трудностей, когда короткие моменты счастья сменяются чередой неудач. Однако, засыпая, героиня вновь возвращается в альтернативную реальность, но уже трансформированную. Мгновения, проведенные вне пространства сна, разрушают ее не только эмоционально, но и физически. Телесная деструкция, воплощенная в образе «окровавленных ног», свидетельствует о близости смерти, а форсированное использование эллиптических и восклицательных конструкций являются попыткой обмануть время: «Dors, dors, mon enfant!» / «Но сама – вся дрожащая – встань! / Ты одна, ты царишь… Но скорей!» [Анненский, 1939,с. 231] и т. д. Асинхронность времени также свидетельствует о том, что в вагоне жизнь течет очень быстро: что в нем часы, во сне – минуты. Поскольку минута меньше часа, в вагоне жизнь закончится скорее, в то время как во сне будет длиться относительно вечно. Когда хризантема появляется в тексте во второй раз, то обретает цвет – голубой, что является символом торжества жизни. Сама по себе олицетворяющая долголетие, благодаря цветовой семантике она обретает бессмертие:

В фонарях догорела мечта –
Голубых хризантем… [Анненский, 1939, с. 231]

В пространстве «вагона» (земли, жизни и т. д.) хризантема погибла. На это указывает образ белого венка, которого так боится героиня. Семантика цвета здесь также указывает на то, что венок погребальный. Часто белые хризантемы составляют его основу, особенно если хоронят молодых девушек. Ритмическая пауза (тире) подчеркивает, что это те же самые цветы, но они поменяли цвет, так как перемесились из мира тления в мир вечности, а «вагон» для героини остановился навсегда. Финальный стих, обособленный от остальных фрагментов текста, является логическим завершением – временем остановки состава: «Стрелка будет показывать семь…» [Анненский, 1939, с. 231]. Время глагола также раздвигает границы пространства и времени. По косвенным признакам ясно, что все уже произошло, когда хризантема поменяла цвет, а что в это время будет происходить вне пределов «сна» не имеет значения, потому что героиня уже обрела спасение и счастье, на которые указывает семантика числа «семь». Мнение исследователей о том, что поэзия И. Анненского преимущественно является «сумеречной», безусловно, верно, однако принимая во внимание влияние религиозной философии Вл. Соловьева на концепцию символизма, следует сказать, что физическая смерть – это не что иное, как освобождение души и при-

ближение ее к Богу. Подобный контекст весьма актуален для данного стихотворения, поэтому героиня скорее обрела счастье, погрузившись в сон вечности.

Отождествление хризантемы с особым, метафизическим пространством и временем характерно не только для поэтики символизма, но и для эмигрантского и ссыльного творчества И. Бродского. В стихотворении «Гвоздика» [Бродский, 2022, с. 645] лирический герой возвращается в квартиру, гостеприимную и удобную. По тому, как он чувствует себя в пространстве, можно понять, что оно ему привычно:

ты все шатаешься, как тень, и глухо
под нос мурлычешь песни. Как всегда
И чай остыл…[Бродский, 2022, с. 645]

В кажущуюся объективность пространства проникают посторонние образы: «Альпы громоздятся на столе, / и, как орел, парит в ущельях муха» [Бродский, 2022, с. 645]. Топонимы не только раздвигают границы квартиры, но и указывают на ее абстрактность, из чего следует, что и комната, и кухня существуют в сознании героя, подобно тому, как существует художественный образ. Данное стихотворение следует рассматривать в контексте биографии самого И. Бродского. Оно датировано октябрем 1964 г., следовательно, создавалось в «архангельской ссылке». Дождь, стучащий в окна, возвращает герою И. Бродского воспоминания о городской квартире и о том, что было ему дорого – книги, друзья и т. д. Ассоциативная память заключена в образе хризантемы газа, разрушающее границы прошлого и будущего:

а сам огонь, светясь голубовато,
поглотит, ослепив твои глаза,
не оставляя пепла – чудеса! –
сучки календаря и циферблата [Бродский, 2022, с. 645].

Хризантема как символ живой памяти противопоставлена образу гвоздики, олицетворяющей скорбь по утраченному счастью. Голубой цветок пламени не только приковывает внимание героя, но и посредством воображения переносит его в прошлое, поэтому герой оказывается одновременно в двух временах и не спешит выключать «черный стебелек / с гудящей и горящей хризантемой».

Спустя чуть больше десятилетия эта же «газовая» хризантема появится в поэме И. Бродского «В Англии» [Бродский, 2022, с. 623], созданной уже в эмиграции. Мотив утраченной родины, воплощенный в образе различных цветов, звучит здесь особенно трагично. «Кухня; / издающая запах чая гудящая хризантема / газовой плитки» [Бродский, 2022, с. 623] в чужой стране практически идентичны реалиям советской действительности семидесятых годов. Однако неоднократно возникающий образ стекла, отражающего пространство, свидетельствует о подобии, но не идентичности. Герой разделен с родиной подобно тому, как гербарий отделен от комнаты стеклом серванта:

Посредине абсурда, ужаса, скуки жизни
стоят за стеклом цветы, как вывернутые наизнанку
мелкие вещи [Бродский, 2022, с. 623].

Каждый из цветков обладает уникальной семантикой, но их совокупность символизирует локомотив, возвращающий героя в русскоязычный мир, в котором воробьи, гостеприимная кухня и хризантемы. Образ локомотива противопоставлен экспрессу, «уходящему в вечность, где не нужны колеса», то есть в вечное скитание. Преодолевая границы языка, времени, цветы помогают карандашу и «газовой» хризантеме сохранить память о родной культуре, языке и хотя бы в воображении вернуться домой, разрушив «китайскую стену» эмиграции:

Плавающий в покое
мир, где не спрашивают «что такое?
что ты сказал? повтори» – потому что эхо
возвращает того воробья неизменно в ухо
от китайской стены; потому что ты
произнес только одно: «цветы» [Бродский, 2022, с. 623].

Таким образом, в творчестве русских поэтов хризантема приобретает уникальное символическое значение метафизичности пространственно-временного континуума. Проникая в будущее и прошлое, одновременно существуя в нескольких пространственных плоскостях, она утверждает идею вечности, заключенную у Анненского в религиозно-философском осмыслении «смерти» и «жизни», у Бродского в памяти о родине в целом и Петербурге в частности. Свойства хризантемы усиливаются образом пламени, которое олицетворяет скоротечность земной жизни и разрушает пространство, освобождая героев от

бремени страдания. Особую значимость и у И. Анненского, и у И. Бродского приобретает семантика цвета – голубой и синий символизируют вечность, духовность, свет, в то время как белый – смерть, обесцвеченность, пустоту, небытие.

Заключение

«Как огни, пойманные и закрепленные великим колористом от непостоянства атмосферы и солнца, чтобы войти и украсить человеческое жилище, они звали меня, эти хризантемы, отложить все мои печали и вкусить с жадной жадностью. восторгаться в этот час чаепития слишком мимолетными удовольствиями ноября, чье сокровенное и таинственное великолепие они зажгли вокруг меня» [Пруст, 1992, с. 41]. Символический потенциал образа хризантемы в русской и китайской культуре поистине неисчерпаем, исходя из чего мы можем говорить о функционировании в поэзии особого «хризантемного» текста как части флористического дискурса [周雪霏, 2006; 姚红霞, 2011; 张荣东, 2008; 张荣东, 2010; 彭镇华 , 江守和, 2001; 黄光, 2014; Изотова, 2017; Калиниченко, 2012; Черепенина, 2014]. Рассмотрение «хризантемного» дискурса русской и китайской литературы позволяет уяснить как индивидуально-авторскую, так и универсальную общекультурную специфику образа в российской и китайской поэзии, обнаружить ряд общих идей и мотивов, свойственных как художественному миру рассматриваемых писателей, так и универсальным общекультурным коннотациям образа хризантемы.

В контексте любовного поэтического дискурса хризантема выступает в двух ипостасях – бытовой и бытийной, если у китайских поэтов она преимущественно аккомпанирует различным вариациям любовных лирических сюжетов (расставание, память об утраченном счастье), то в русской поэзии любовная семантика хризантемы расширяется, превращая цветок в полноправный субъект лирического сюжета, приобретающий статус универсальной бытийной категории, объединяющей природный и человеческий мир. Похожим образом реализуется и танатологическая семантика хризантемы, ориентированная на различные мировоззренческие установки: у китайских авторов она знаменует смену времен года, цикличность и преодоление телесности, у русских – скорбь по утраченной земной жизни, трагизм смерти и одновременно ее преодоление и бессмертие души. Семантика радостно-праздничного переживания бытия, воплощенная в хризантеме, в китайской поэзии реализуется в основном в контексте традиционных национальных праздников – Праздника Двойной Девятки и Холодных рос, а в русской поэзии хризантема символизирует радость жизни и преображение мира через искусство.

Наряду с универсальными символическими коннотациями образа хризантемы, изоморфными для русской и китайской культуры, существуют и уникальные национально-специфические особенности «хризантемного текста» в русской и китайской поэзии, детерминированные различными культурно-историческими факторами, а также различные варианты индивидуально-авторской символики хризантемы. В китайской поэзии хризантема имеет два уникальных значения – с одной стороны, мужество, стойкость духа, с другой – экзистенциальное одиночество, самосозерцание и ощущения ненужности и бессмысленности собственного бытия. Здесь цветок символизирует скоротечность времени и неизбежность физического распада, связанного с приближением зимы – природной и метафизической. Человек, ощущая свое бессилие, впадает в эмоциональный анабиоз, но вместе с тем осознает, что он не властен над законами высшей материи и стоически переносит все испытания земной жизни, а хризантема служит ему примером стойкости и самообладания.

Индивидуально-авторские коннотации образа хризантемы в русской поэзии более разнообразны по сравнению с китайской. Во-первых, она символизирует порочность буржуазной системы ценностей в контексте плакатного соцреалистического дискурса русской поэзии 1920-х гг. Во-вторых, является аллегорией искусства, способного преображать и изменять реальность, выстраивать метакультурные и межкультурные связи и наполнять смыслом жизнь творца. В-третьих, она символизирует вечность, преодоление пространственно-временных границ и становится образным эквивалентом всесильной памяти, способной перенести человека в мир, казалось бы, безвозвратно утраченного прошлого.

Таким образом, образ хризантемы в русской и китайской поэзии – это многоаспектная сущность, сочетающая в себе различные символические значения: любовь, праздник, восторженное восхищение жизнью, молодость и красота, самодостаточность и божественная сущность природы, искусство, безграничность пространства и времени, духовная и физическая смерть и экзи-

стенциальное одиночество человека в мироздании, память и др. Художественный потенциал образа хризантемы поистине безграничен: желтая хризантема Яня Цидао – символ любовного расставания, беспомощно-нежные хризантемы Л. Рубальской, могила – храм из хризантем И. Лиснянской, мечта голубых хризантем И. Анненского и его же хризантемы, цветущие в саду, как в бреду, и припадающие нежной головой к яркой гробовой крышке, знойная радость золотого цветка хризантемы Н. Тэффи, серебристые хризантемы инея И. Бунина, наслаждение хризантемами в день праздника Чунъян Мэн Хаорана, горькие хризантемы Ли Бо, неповторимый аромат живой изгороди из хризантем Ли Шаньиня, гордые от мороза ветви хризантемы Су Ши, нежные тычинки золотых соцветий хризантемы Ло Иня, печалящиеся хризантемы Яня Цидао, хризантема в слезах Ду Фу, хризантемы, вкрученные в лацканы и петлицы буржуев В. Маяковского и Н. Агнивцева, пышные хризантемы в сожженном осенью саду Г. Иванова, хризантемы в голубой пыли М. Волошина, гудящая хризантема газовой плитки И. Бродского. Не случайно знаменитый японский мыслитель-конфуцианец Кайбара Экикэн в своем трактате «Раккун» («Поучения в радости»), утверждая, что ключи к радости – любование природой и чтение мудрых книг, среди всех цветов мира безоговорочно отдает предпочтение именно хризантеме: «Даже если в это время цвело бы много цветов, хризантема всё равно была бы первой. Но в конце осени она цветёт одна – это её время, и она прекрасна» [Кайбара, 2015, с. 259].

Библиографический список

1. Агнивцев Н. Я. Гранитный барин. Москва : Правда, 1990. 51 с.
2. Анненский И. Ф. Стихотворения. Санкт-Петербург : Советский писатель, 1939. 380 с.
3. Бродский И. А. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург : Азбука, 2022. 880 с.
4. Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. Двинятиной. Санкт-Петербург : Пушкинский дом, Вита Нова, 2014.
5. Волошин М. А. Коктебельские берега. Поэзия, рисунки, акварели, статьи. Симферополь : Таврия, 1990. 248 с.
6. Иванов Г. В. Стихотворения. Москва : Звонница-МГ, 2023. 320 с.
7. Изотова Н. Н. Символика хризантемы в японской лингвокультуре // Культура и искусство. 2017. № 10. С. 40–48.
8. Кайбара Э. Поучение в радости // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 246–266.
9. Калиниченко В. В. Синтез культурных традиций Запада и Востока в рассказе Д. Г. Лоуренса «Запах хризантем» // Уральский филологический вестник. 2012. № 4. С. 110–120.
10. Мандельштам О. Э. Немногие для вечности живут. Москва : АСТ, 2018. 640 с.
11. Маяковский В. В. Хорошо! Стихотворения. Поэмы. Москва : Азбука, 2023. 448 с.
12. Парамонова Л. Ю. Мучительная жажда красоты и амбивалентность цвета в книге И. Анненского «Кипарисовый ларец» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 38–43.
13. Пруст М. Под сенью девушек в цвету. Москва : Республика, 1992. 462 с.
14. Черепенина Н. Хризантемы как символ гибели и возрождения души // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно-методических статей. Армавир : РИО АГПА, 2014. С. 99–102.
15. Ши Хан. Флористические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX века. Волгоград, 2012. 162 с.
16. Donnell M. A. Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance. URL: http://Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance (obu.edu) (дата обращения: 23.12.2023).
17. 40**句描写菊花的**诗句 // 寻古诗词网 : [сайт]. URL: https://www.xungushici.com/post/145 (дата обращения: 23.12.2023).
18. **周雪霏**，**菊花的象征意**义 [J]，语漫谈文，2006.
19. **姚**红霞.绽放在古诗词里的“**黄花**”—**浅**谈古诗词里菊花的意象[J].**中学教学参考**，2011(04): 52–53.
20. 张荣东.**中国古代菊花文化研究**.[D].**南京**：**南京**师范大学文学院，2008.
21. 张荣东.论屈原、陶渊明对菊花人格象征含义生成的贡献[J].阅江学刊, 2010, 2 (01): 138–142.
22. **彭**镇华 ,**江守和**.**菊花**—**中**华民族气节与高洁品德的象征[J].**中国花卉园**艺, 2001(21): 4–6.
23. **菊花名句**// **古**诗文网 : [сайт]. URL: https://so.gushiwen.cn/mingjus/default.aspx?tstr=%E8%8F%8A%E8%8A%B1 (дата обращения: 10.01.2024).
24. **黄光**.论菊花在传统文化中的象征意义[J].农业考古, 2014(01): 280–284.

Reference list

1. Agnivcev N. Ja. Granitnyj barin = The Granite Landlord. Moskva : Pravda, 1990. 51 c.
2. Annenskij I. F. Stihotvorenija = Poems. Sankt-Peterburg : Sovetskij pisatel', 1939. 380 s.
3. Brodskij I. A. Maloe sobranie sochinenij = A small collection of works. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2022. 880 s.

4. Bunin I. A. Stihotvorenija = Poems : v 2 t. / Vstup. stat'ja, sost., podg. teksta, primech. T. Dvinjatinoj. Sankt-Peterburg : Pushkinskij dom, Vita Nova, 2014.

5. Voloshin M. A. Koktebel'skie berega. Pojezija, risunki, akvareli, stat'i = Koktebel shores. Poetry, drawings, watercolors, articles. Simferopol' : Tavrija, 1990. 248 c.

6. Ivanov G. V. Stihotvorenija = Poems. Moskva : Zvonnica-MG, 2023. 320 c.

7. Izotova N. N. Simvolika hrizantemy v japonskoj lingvokul'ture = Chrysanthemum symbols in Japanese linguistic culture // Kul'tura i iskusstvo. 2017. № 10. S. 40–48.

8. Kajbara Je. Pouchenie v radosti = Teaching in joy // Voprosy filosofii. 2015. № 3. S. 246–266.

9. Kalinichenko V. V. Sintez kul'turnyh tradicij Zapada i Vostoka v rasskaze D. G. Lourensa «Zapah hrizantem» = Synthesis of Western and Eastern cultural traditions in D. G. Lawrence's story «The Scent of Chrysanthemums» // Ural'skij filologicheskij vestnik. 2012. № 4. S. 110–120.

10. Mandel'shtam O. Je. Nemnogie dlja vechnosti zhivut = Few live for eternity. Moskva : AST, 2018. 640 s.

11. Majakovskij V. V. Horosho! = Al Right! // Stihotvorenija. Pojemy. Moskva : Azbuka, 2023. 448 c.

12. Paramonova L. Ju. Muchitel'naja zhazhda krasoty i ambivalentnost' cveta v knige I. Annenskogo «Kiparisovyj larec» = The painful thirst for beauty and ambivalence of color in I. Annensky's book «Cypress Box» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 397. S. 38–43.

13. Prust M. Pod sen'ju devushek v cvetu = In the Shadow of Young Girls in Flower. Moskva : Respublika, 1992. 462 s.

14. Cherepenina N. Hrizantemy kak simvol gibeli i vozrozhdenija dushi = Chrysanthemums as a symbol of the soul's death and revival // Slovo i tekst: teorija i praktika kommunikacii: sbornik nauchno-metodicheskih statej. Armavir : RIO AGPA, 2014. S. 99–102.

15. Shi Han. Floristicheskie obrazy v russkoj i kitajskoj pojezii pervoj treti XX veka = Floral images in Russian and Chinese poetry of the early XX century. Volgograd, 2012. 162 s.

16. Donnell M. A. Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance. URL: http://Floral Imagery within Wartime Era Poetry: How Its Usage Transforms Memory and Remembrance (obu.edu) (data obrashhenija: 23.12.2023).

17. 40句描写菊花的诗句 // 寻古诗词网 : [sajt]. URL: https://www.xungushici.com/post/145 (data obrashhenija: 23.12.2023).

18. 周雪霏，菊花的象征意义 [J]，语漫谈文，2006.

19. 姚红霞.绽放在古诗词里的"黄花"—浅谈古诗词里菊花的意象[J].中学教学参考，2011(04): 52–53.

20. 张荣东.中国古代菊花文化研究.[D].南京：南京师范大学文学院，2008.

21. 张荣东.论屈原、陶渊明对菊花人格象征含义生成的贡献[J].阅江学刊, 2010, 2 (01): 138–142.

22. 彭镇华 ,江守和.菊花—中华民族气节与高洁品德的象征[J].中国花卉园艺, 2001(21): 4–6.

23. 菊花名句// 古诗文网 : [sajt]. URL: https://so.gushiwen.cn/mingjus/default.aspx?tstr=%E8%8F%8A%E8%8A%B1 (data obrashhenija: 10.01.2024).

24. 黄光.论菊花在传统文化中的象征意义[J].农业考古, 2014(01): 280–284.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-21
EDN: UPVMQB

Антропология акмеистической потусторонности в стихотворении М. Зенкевича «Мясные ряды»

Аркадий Александрович Чевтаев
Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного, Российский государственный гидрометеорологический университет. 190103, г. Санкт-Петербург, Рижский пр., д. 11
achevtaev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6844-8560

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению поэтики стихотворения М. А. Зенкевича «Мясные ряды» как индивидуально-авторскому воплощению представлений об инобытии. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью уяснения принципов творческой работы поэта в аспекте соотношения символистской и акмеистической поэтики. Впервые предлагается поэтическое видение М. Зенкевичем сущности потустороннего мира в его антропологическом преломлении. Посредством структурно-семиотического и антропологического подходов к изучению художественного текста, образующих методологию данной работы, устанавливается, что в стихотворении «Мясные ряды» репрезентация антропологии потусторонности сопрягается с бытийным тождеством человека и животного и определяется трансгрессией «посюстороннего» мира в инобытийный мир. Анализ стихотворения показывает, что мортальная поэтика в зенкевичевском тексте соединяет в себе земное бытие и посмертное существование человека, уподобляемого животному в их телесности. В антропологической поэтике М. Зенкевича потусторонний мир мыслится не упразднением движения мировой материи, а ее реонтологизацией в пространстве инобытия: животное и человек, натуралистически обнажаясь, как «куски мяса», тем не менее продолжают существовать. Делается вывод, что, конструируя свой художественный мир на основе практик символизма и предвосхищаемого акмеизма, поэт стремится выявить принцип «нераздельности и неслиянности» земного и потустороннего измерений бытия. Экзистенциально определяя антропологическую сущность смерти и ее бытийные последствия, поэт утверждает бытийное и ценностно-смысловое равенство между «человеком» и «животным», «жизнью» и «смертью», «повседневностью» и «вечностью». В этом отношении очевидно, что миф о материи, создаваемый и утверждаемый М. Зенкевичем, являет собой память о символизме в акмеистических перспективах творчества.

Ключевые слова: Зенкевич; акмеизм; инобытие; лиминальность; материя; мортальная поэтика; онтология тела; символистское миропонимание; художественная антропология

Для цитирования: Чевтаев А. А. Антропология акмеистической потусторонности в стихотворении М. Зенкевича «Мясные ряды» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 21–32. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-21. https://elibrary.ru/UPVMQB

Original article

Anthropology of acmeist otherworldliness in M. Zenkevich's poem Meat Rows

Arkady A. Chevtaev
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian philology and russian as a foreign language, Russian state hydrometeorological university. 190103, St. Petersburg, Rizhsky pr., 11
achevtaev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6844-8560

Abstract. The article examines the poetics of M. A. Zenkevich's poem Meat Rows as an individual authorial manifestation of ideas about otherness. The relevance of this paper is due to the need to clarify the principles of the poet's creative work in terms of the correlation between Symbolist and Acmeist poetics. It is the first time that M. Zenkevich's poetic vision of the essence of the otherworld in its anthropological interpretation is presented. Using structural-semiotic and anthropological approaches to studying literary text, the author forms the methodology of this paper and establishes that the poem Meat Rows represents the anthropology of otherworldliness in connection with the existential identity of man and animal and is determined by the transgression of «this world» into the other world. The

© Чевтаев А. А., 2024

poem analysis shows that mortal poetics in Zenkevich's text connects the earthly existence and postmortal existence of man, equated to animal in their corporeality. In M. Zenkevich's anthropological poetics, the otherworld is seen not as the abolition of the world matter movement, but as its reontologization in the space of otherness: animal and man, naturalistically exposed as «pieces of meat», continue to exist nonetheless The conclusion is made that, constructing his artistic world on the basis of symbolism practices and anticipated acmeism, the poet seeks to identify the principle of «inseparability and non-fusion» of the earthly and otherworldly dimensions of existence. Defining the anthropological essence of death and its existential consequences, the poet claims the existential and value-sense equality between «man» and «animal», «life» and «death», «daily routine» and «eternity». In this respect, it is obvious that the myth of matter, created and approved by M. Zenkevich, is a memory of symbolism in the acmeistic creative perspectives.

Key words: Zenkevich; acmeism; otherness; liminality; matter; mortal poetics; body ontology; symbolist worldview; artistic anthropology

For citation: Chevtaev A. A. Anthropology of acmeist otherworldliness in M. Zenkevich's poem Meat Rows. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):21–32. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-21. https://elibrary.ru/UPVMQB

Введение

Уникальность поэтического мира, репрезентируемого в акмеистических стихах М. А. Зенкевича, определяется, во-первых, предельным обнажением сущностных основ материи как первоистока бытия, во-вторых, репрезентацией «темного родства» человека с материальной первозданностью мира, в-третьих, попыткой уяснить соотношение телесно-физической природы человеческого «я» и его духовно-интеллигибельного самоопределения в мироздании. В многомерном, но концептуально едином художественном универсуме своей первой книги стихов «Дикая порфира» (1912) поэт предлагает собственное видение «прекрасной ясности», которая декларируется акмеистами в качестве ценностного основания их творческого мировидения. В зенкевичевской поэтике на первый план выдвигается идея укорененности человека в материально-биологическую среду миропорядка, и «простота» и «ясность» в его творческой модели бытия мыслятся прозрением первооснов природы в ее геологическом, палеонтологическом, анималистическом и историческом измерениях.

Культ материи и ее онтологических реализаций в поэтическом творчестве М. Зенкевича был отмечен в рецензии на «Дикую порфиру» Вяч. Ивановым, указавшим, что поэт «пленился Материей и ей ужаснулся» [Иванов, 1912, с. 44]. Это безусловно верное суждение символиста о постсимволистской поэтике становится определяющим для дальнейших рефлексий над зенкевичевской концепцией универсума. В книге «Дикая порфира» поэт не только абсолютизирует материю как первоисток и двигатель бытийного развертывания мира, но и акцентирует его эволюционистскую направленность [Rusinko, 1988, p. 90; Макуилен, 2023]. Поэтический «дарвинизм», отчетливо наблюдаемый в структуре первой книги стихов М. Зенкевича, обусловливает особое построение модели мира, которая учитывает различные аспекты реализации материи в эмпирической («посюсторонней») реальности. Как указывает Л. Г. Кихней, в «Дикой порфире» наблюдается «взаимодействие и противостояние трех миров: макромира (земли и космоса), „среднего мира" (человека) и „нижнего мира" (природно-биологического)» [Кихней, 2001, с. 27]. Материально-физические основы очевидны для всех данных «миров», и именно с материей в ее многомерных, но абсолютных проявлениях вступает в смысловой контакт лирический субъект практически всех стихотворений книги.

Стремление проинтегрировать и осмыслить материю в ее космической, биологической и (до)исторической данности, предстающее магистральной авторской интенцией в творчестве М. Зенкевича 1900-х – 1910-х годов, продуцирует мысль о постулировании поэтом природы как «сверх-субъекта», к постижению которого стремится субъектное «я» [Чеснялис, 2015, с. 112–113]. Осознание зенкевичевским лирическим субъектом (человеком) своего «темного родства» с природными первоистоками и его вслушивание в «голос» материи, исходящий из недр природного хаоса, обусловливают нарочитую «„физиологичность" образов», которая раскрывается в постоянных «упоминаниях ран, крови, слизи, внутренних органов и пр.» [Кихней, Ламзина, 2021, с. 113]. Именно биологически явленная телесность выделяет поэтику М. Зенкевича среди других акмеистов и участников первого «Цеха поэтов». Если для Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, О. Э. Мандельштама в начале 1910-х годов противостояние символистским стратегиям творчества прежде всего предполагает реорганизацию культурно-мифологических аспектов поэтического слова, то для

М. Зенкевича оно сопрягается с ценностным возвратом к первоистокам природы во всей ее телесно-физиологической и хтонической обнаженности.

Доминирование материи в онтологической концепции «Дикой порфиры» и предельное повышение ее аксиологического статуса в творческом сознании поэта вызывает два существенных вопроса: 1) каково место человека в моделируемом М. Зенкевичем художественном мире? 2) что представляет собой смерть, а точнее – каковы ее бытийные последствия для человека, природы, универсума? Так как изучение творчества поэта все еще находится на начальном этапе, проблема антропологии мира, конструируемого М. Зенкевичем, мыслится одной из ключевых. Тема человека и его бытийного самополагания как основа зенкевичевской лирической рефлексии была отмечена уже его соратником по акмеизму-адамизму С. М. Городецким, который в статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» (1913) писал о поэзии М. Зенкевича: «С юношеской зоркостью он вновь и вновь увидел нерасторжимое единство земли и человека, в остывающей планете он увидел изрытое струпьями тело Иова, и в теле человеческом – железо земли» [Городецкий, 2014, с. 87]. Впоследствии представление об антропологических смыслах «Дикой порфиры» обретает различные трактовки. Так, И. В. Петров полагает, что у М. Зенкевича «не природа торжествует над человеком, напротив – только человек, поняв свою природу, осознав свое родство с ней, возвышается над бытием» [Петров, 1998, с. 31]. Это суждение оспаривается П. А. Чеснялис, считающей, что «лирический субъект „Дикой порфиры" – это человек, который интересен М. А. Зенкевичу как существо биосоциальное» [Чеснялис, 2015, с. 94], то есть подчиненное тотальному действию материи и уподобленному ей историческому процессу. Конечно, поэтический мир М. Зенкевича обнаруживает подтверждение правоты и того, и другого взгляда, представая принципиально амбивалентным постулированием человека и его места в макрокосме. Однако нам видится первостепенным то, что зенкевичевский лирический субъект стремится не к бытийному «поединку» с природой, а к уяснению сущности тварного мира и, соответственно, его художественная антропология не только включает человека в природно-материальное бытие, но и верифицирует возможности выхода за его пределы.

Проблема репрезентации инобытия в поэтике «Дикой порфиры», как и многие вопросы акмеистического творчества М. Зенкевича, до сих пор остается практически не изученной. Однако именно представления поэта о бытийной потусторонности позволяют, во-первых, уяснить связи его художественного миропонимания с символизмом, а во-вторых, приблизиться к пониманию зенкевичевской концепции мироздания. При этом принципиально важно, что в стихотворениях М. Зенкевича рефлексия над сущностью потустороннего измерения бытия своим основанием и конечной целью полагает прежде всего человека в его телесно-физическом и духовно-ментальном проявлениях. В этом отношении наиболее показательным и концептуально насыщенным видится стихотворение «Мясные ряды» (1910), в котором поэт максимально натуралистически постулирует возможный вариант посмертного существования человеческого «я» в инобытии.

Данный поэтический текст М. Зенкевича привлекает внимание своей эстетической провокационностью, определяемой нарочитым «физиологизмом» образного ряда. Так, исследователи подчеркивают, что «Мясные ряды» «посвящены плотской, тварной природе человека», в которой на первый план выдвигается «его плоть – мускулы, жир, мясо» [Кихней, Ламзина, 2021, с. 115]. На общем фоне акмеистической поэзии стихотворение «Мясные ряды» отчетливо выделяется стремлением М. Зенкевича максимально натуралистически изобразить органическую материю и соотнести ее с посмертным состоянием тварного мира. Однако, несмотря на художественную самобытность данного текста, его поэтика все еще остается практически не исследованной и в основном осмысляется в рамках историко-литературного контекста акмеизма [Тименчик, 2015, с. 156–158; Игошева, 2021, с. 97–98].

В предлагаемой статье мы обратимся к рассмотрению тех антропологических смыслов стихотворения М. Зенкевича «Мясные ряды», которые, с одной стороны, характеризуют восприятие поэтом смерти в ее материально-биологическом и духовно-онтологическом измерениях, а с другой – определяют специфику зенкевичевского видения потусторонности как посмертной области бытия. Конечно, репрезентация потустороннего мира, представленная в данном поэтическом тексте, является одним из вариантов рефлексии М. Зенкевича над сущностью инобытия, однако думается, что она принципиально значи-

ма для понимания художественного мировоззрения поэта и конструируемого в его акмеистическом творчестве мифа о материи.

Методология исследования

Наше аналитическое прочтение зенкевичевского стихотворения строится на совмещении структурно-семиотического и мифопоэтического методов изучения поэтического текста. Знаковая система, представленная в структуре «Мясных рядов» и определяющая магистральный вектор смыслообразования, неразрывно связана с окказиональной мифологией М. Зенкевича, в которой материя и природа предельно абсолютизируются и обретают почти божественный статус. В зенкевичевском универсуме «мистика символизма уступает свое место „естественно-научной мистике", где объектом поклонения (и познания) станет могущественная Природа» [Тырышкина, Чеснялис, 2017, с. 125]. При этом мистическое восприятие мироздания не исчезает, а преобразуется: меняются истоки и перспективы трансцендентности, но сама она не отменяется. В мифопоэтике М. Зенкевича трансформируется знаковая парадигма репрезентации онтологических смыслов, но объяснительная и концептуальная функции мифа безусловно сохраняются.

Миф о материи и ее бытийном движении в сознании поэта направлен на верификацию сущности человеческой природы в ее телесном и духовном проявлениях. Это определяет принципиальный антропологический характер того вселенского взгляда на бытие, который в поэтике «Дикой порфиры» обретает астрономический, геологический, палеонтологический, анималистический, исторический модусы осмысления миропорядка. Литературоведческое понимание художественной антропологии исходит из того, что «каждый автор создает свой образ человека» и «как бы заново повторяет процесс» его «сотворения» [Савельева, 1999, с. 7]. В этом отношении для нас первостепенной оказывается та сторона антропологического подхода к литературному произведению, которая акцентирует внимание на телесно-физическом аспекте поэтического представления человека в координатах моделируемого мира. Согласно воззрениям М. М. Бахтина, эстетическое построение телесности предполагает разграничение «внутреннего» и «внешнего» тел как «своего», осознаваемого человеком-субъектом в конкретный момент бытия, и «чужого», то есть определяемого взглядом извне (ср.: «Мое тело – в основе своей внутреннее тело, тело другого – в основе внешнее тело» [Бахтин, 2003, с. 126]). Думается, что для акмеистической поэтики М. Зенкевича соотношение «внешнего» и «внутреннего» тела является принципиально важным, так как поэт не только реонтологизирует человеческую природу, что свойственно всем поэтам-акмеистам, но и стремится показать, что ее внешний и внутренний аспекты имеют единый исток и порождаются «темным родством» с материально-природным хаосом. При этом важно, что, как указывает В. В. Савельева, в художественном тексте «границы телесности не совпадают с границами тела. Они больше и шире телесного пространства, так как включают сразу представления о прошлом, настоящем и будущем тела» [Савельева, 1999, с. 148]. В поэзии М. Зенкевича представление о телесности расширяется не только за счет интеграции в эту категорию темпоральных измерений человеческого тела, но и посредством включения физической природы человека в единый космический «организм» материи как основы и феноменальной данности универсума. Соответственно, в предлагаемой работе антропологический аспект репрезентации «потусторонности» в зенкевичевской поэтике мы рассматриваем прежде всего сквозь призму семиозиса телесных знаков и окказионального мифотворчества.

Результаты исследования

Стихотворение «Мясные ряды» написано М. Зенкевичем в 1910 году, то есть в период стихийного формирования акмеистической поэтики, еще не получившей концептуального обоснования и не сложившейся в самостоятельное литературное течение. Однако в данном тексте поэт, с одной стороны, стремясь преодолеть влияние символистской концепции мира, а с другой – представить собственный взгляд на устройство универсума, предлагает такое видение феноменов бытия, которое четко соотносится с ключевым постулатом акмеизма, впоследствии сформулированным Н. Гумилевым в статье-манифесте «Наследие символизма и акмеизм» (1913): «Для нас иерархия в мире явлений – только удельный вес каждого их них, причем вес ничтожнейшего все-таки неизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия – все явления братья» [Гумилев, 2006, с. 148]. Именно онтологическое уравнивание натуралистически представленных явлений земной (повседневной) реальности и возможных перспектив посмертного существования образует ценностно-смысловой каркас зенкевичевского стихотворения. В книге «Дикая порфира» дан-

ный текст снабжен посвящением А. Ахматовой, по свидетельству поэта, попросившей его об этом после прочтения ей «Мясных рядов» весной 1911 года [Тименчик, 2015, с. 156; Игошева, 2021, с. 97–98]. Вопрос о том, почему А. Ахматовой захотелось, чтобы это стихотворение было посвящено ей, требует отдельного рассмотрения, однако думается, что это желание вызвано тем нарочито шоковым натурализмом репрезентации инобытия, которое было чуждо, как символистам, так и акмеистам: вероятно, А. Ахматовой такое посвящение виделось приобщением к экзистенциальному прозрению запретной области универсума, совершаемого М. Зенкевичем.

В рукописном плане «Дикой порфиры», предполагавшем деление на разделы, «Мясные ряды» замыкали раздел «Материя», за которым следовали стихотворения, объединенные в раздел «История» [Зенкевич, 1994, с. 628–629]. Место данного текста в композиционном построении книги (при ее издании разделы были сняты, но порядок следования стихотворений сохранился) видится особенно важным именно в контексте антропологических смыслов «Дикой порфиры». Помещенные на границе между стихотворениями, в которых осмысляются природные движения материи, и текстами, в которых утверждается исторический путь человечества, «Мясные ряды» оказываются своеобразным «медиатором», соединяющим вне- и дочеловеческое развертывание материально-физического мира с духовно-биологическим бытием человека. Катастрофические прозрения зенкевичевского лирического субъекта здесь предвосхищают многомерные и разветвленные утверждения «темного родства» с хаосом материи исторических и мифологических героев последующих стихотворений книги.

Итак, в рассматриваемом стихотворении, состоящем из пяти катренов, изображаются рыночные мясные ряды и процесс разделывания мясных туш. В первой строфе в центр субъектной рефлексии помещается мясная лавка с ее характерными атрибутами:

Скрипят железные крюки и блоки,
И туши вверх и вниз сползать должны.
Под бледною плевой кровоподтеки
И внутренности иссиня-черны [Зенкевич, 1994, с. 57].

Лирический субъект фокусирует взгляд прежде всего на мясных тушах, натуралистическое изображение которых предельно эксплицирует мертвую плоть животных. При этом на первый план выдвигается телесно-биологическая изнанка разделываемых туш, в силу чего «мясо» становится знаком телесности как таковой, во всей полноте ее материально-органической феноменальности. Как замечает А. А. Кобринский, многие зенкевичевские стихотворения «построены на придании организму человека или животного своеобразной „прозрачности": срываются поверхностные покровы, и нарушается привычная инерция восприятия» [Кобринский, 2013, с. 301]. Такое снятие телесных «покровов» с плоти недавно живого существа, раскрывающее его анатомически-физиологические глубины («И внутренности иссиня-черны»), с одной стороны, являет биологическую материю вне формы (телесного облика), а с другой – демонстрирует витальное естество плоти даже в ее посмертном состоянии, на что указывает детализирующий телесную мертвенность знак «под бледною плевой кровоподтеки». «Кровь» универсально символизирует «принцип жизни, душу, силу» [Купер, 1995, с. 159], и поэтому «кровоподтеки» здесь обозначают глубинную динамику материи, продолжающей свое движение и после биологической смерти живого существа.

Репрезентация «мясных рядов» в стихотворении М. Зенкевича явно соотносится с опытом изображения мясной лавки в ренессансной и барочной живописи XVI–XVII вв. Родство поэтики «Дикой порфиры» с живописной практикой фламандцев впервые было отмечено в 1929 году критиком Л. Березиным (А. Лежневым) [Березин, 1929, с. 243]. Красный цвет в зенкевичевской книге стихов, будучи цветом мяса, внутренностей, кровеносной системы, самого органического устройства плоти, оказывается знаком «живописности» и ассоциируется с багровым колоритом полотен живописцев XVI–XVII вв. В поэтике «Мясных рядов» актуализируется сюжетно-тематический комплекс «мясная лавка», распространенный в голландской и фламандской живописи и образующий своеобразный жанр «мясного натюрморта». По мысли Б. Р. Виппера, возникновение данной жанровой разновидности натюрморта, изображающей «освежевывание огромных туш», определяется характерной для позднего Ренессанса «страстью к обнажению предмета» [Виппер, 2005, с. 275]. Ренессансно-барочное желание постичь витальное начало мира посредством препарирования его биологиче-

ских феноменов очевидно проявляется и в творчестве М. Зенкевича, однако для поэта оно сопрягается не только и не столько с эвристическим познанием внутреннего устройства живого / мертвого организма, сколько с поиском бытийных основ материи как таковой. Поэтому зенкевический лирический субъект стремится максимально онтологизировать изображаемую телесность мертвой плоти, представляя ее в качестве органичной части универсума.

Во второй строфе стихотворения постулируется субъектная «точка зрения», раскрывающая антропологический ракурс видения микромира «мясных рядов»:

Все просто так. Мы – люди, в нашей власти
У этой скользкой смоченной доски
Уродливо-обрубленные части
Ножами рвать на красные куски [Зенкевич, 1994, с. 57].

Обобщенно-собирательное «мы» («мы – люди»), к которому причисляет себя лирический субъект, наделяет человека статусом «мясника», подчиняющего своей воле жизнь животных, обрекающего на смерть живую плоть скота, превращающего ее в мертвые туши и расчленяющего их на части. Человек-«мясник», воплощающий антропологическую власть над природой, и «мясные туши», олицетворяющие животную покорность этой власти, выстраивают ряд семантических оппозиций: «волевое – безвольное», «живое – мертвое», «мучитель – жертва», посредством которых утверждается мысль о человеке как о вершине тварного мира. При этом подчеркивается естественность и непреложность этой власти над природой с точки зрения человека («Все просто так»).

Лирический субъект предельно сосредоточен на бытовых подробностях разделывания мясных туш. Сам М. Зенкевич, как указывает Р. Д. Тименчик, в их телефонном разговоре в 1972 году свидетельствовал, что в основу стихотворения были положены «просто впечатления от Митрофаньевского базара в Саратове» [Тименчик, 2015, с. 158]. Эти «простые впечатления», совмещаясь с явной рецепцией живописного «мясного натюрморта», с одной стороны, преобразуются в акмеистически подробное описание повседневности, а с другой – оказываются основой поэтического «всматривания» в инобытие.

Концептуальным основанием поэтики акмеизма является отказ от мистического акта прозрения сущности универсума. Постулируемая символистами «посредническая» функция тварных феноменов бытия между «этим» (земным, профанным) и «тем» (потусторонним, сакральным) измерениями мироздания, лишающая вещь онтологической самоценности, решительно отвергается акмеистами. Символистская отрешенность от быта и тотальная устремленность к «чистому» бытию воспринимается ими как нарушение мировой гармонии. Восстановление же единства миропорядка требует возвращения бытийного статуса явлениям земной реальности. Поэтому в акмеистическом мировидении «в оправдании реального мира огромную роль играл критерий явленности, то есть самообнаружения единичных вещей, реально существующих в сопредельном человеку пространстве и времени» [Кихней, Меркель, 2015, с. 130]. Уравнивая в правах быт и бытие, акмеизм стремится снять противоречие между земным и потусторонним и явить онтологическую сущность мира в реалиях повседневности. В этом отношении натуралистическая детализация изображаемых М. Зенкевичем «мясных рядов» отчетливо демонстрирует акмеистическую логику «преодоления» символизма. «Железные крюки и блоки», «туши», «скользкая смоченная доска», «уродливо-обрубленные части», «ножи», «красные куски», являясь атрибутами обычной мясной ласки, совмещенной со скотобойней, оказываются знаками той повседневной жизни, в которой максимально полно проявляет себя первородная материя, и потому обладают безусловной онтологической ценностью.

Однако «мясные ряды» – это пространство, совмещающее витальное и мортальное начала бытия. Жизненные силы человека («мясника»), способного «ножами рвать» «уродливо-обрубленные части», и убой скота, превращаемого в «красные куски», превращают базарную «мясную лавку» в лиминальную зону, в которой соприкасаются жизнь и смерть. Лиминальный статус созерцаемых лирическим субъектом «мясных рядов» определяет сюжетный поворот в развертывании лирической рефлексии, осуществляемый в третьей строфе стихотворения. Именно здесь субъектная «точка зрения» фокусируется на воображаемом потустороннем мире и репрезентирует возможное посмертное бытие человека:

И чудится, что в золотом эфире
И нас, как мясо, вешают Весы,
И так же чашки ржавы, тяжки гири,

И так же алчно крохи лижут псы [Зенкевич, 1994, с. 57–58].

Как видно, земные «мясные ряды» в сознании субъекта преображаются в инобытийную реальность, в которой место забиваемого и разделываемого скота занимают люди. Оказываясь в лиминальном пространстве базара, субъектное «я» («мы») от описания смерти и посмертного состояния плоти животных переходит к рефлексии над потусторонним уделом человека. В этом отношении стихотворение М. Зенкевича очевидно включается в сферу литературного творчества, представляемую «как поле для воображения, которое регулярно обращается к проблеме смерти и ищет выходы из нее» [Красильников, 2015, с. 90]. Моделирование посмертного бытия здесь явно проблематизирует акмеистическую установку на отказ от ценностного-смыслового «всматривания» в потусторонность.

В статье-манифесте 1913 года Н. Гумилев утверждает, что акмеизм отказывается от попыток постичь инобытие, присущих русскому символизму. Поэт провозглашает: «Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма. Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда он дрожит, приближаясь к иному; но тогда она должна только содрогаться» [Гумилев, 2006, с. 149]. Конечно, этот тезис следует воспринимать в большей степени как декларацию эстетического противоборства с символизмом, нежели как реальное отрицание рефлексии над потусторонностью. Так, если в период формирования акмеизма Н. Гумилев действительно стремится изображать «содрогание души» на границе с инобытием (ср.: «Так много, много в глухих заливах / Лежит любовников других, / Сплетенных, томных и молчаливых… / Какое счастье быть средь них!» («Константинополь» (1911)) [Гумилев, 1998, с. 50]; «Если ж это голубь Господень / Прилетел сказать – Ты готов! – / То зачем же он так несходен / С голубями наших садов?» («Птица» (1912)) [Гумилев, 1998, с. 130]), то позднее, в стихотворениях книги «Огненный столп» (1921), он нарочито погружается в потусторонний мир. Опыт моделирования инфернального пространства и посмертного пути души присущ и акмеистической поэтике О. Мандельштама [Филатов, 2021], в которой инобытие эксплицирует единство трагического, элегического и идиллического начал в универсуме (ср.: «Когда Психея-жизнь спускается к теням / В полупрозрачный лес, вослед за Персефоной, / Слепая ласточка бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой» («Когда Психея-жизнь спускается к теням…» (1920)) [Мандельштам, 1993, с. 147]). Как видно, акмеисты в своей творческой практике отнюдь не избегают рефлексии над потусторонностью, но осуществляют ее отличными от символистских представлений способами: инобытие в акмеистической поэтике не изолировано от земной реальности как идеальный абсолют, а сопричастно и соприродно ей.

В этом отношении «Мясные ряды» М. Зенкевича, с одной стороны, соотносятся с акмеистическим недоверием к абсолютизации инобытия, а с другой – соизмеримы с символистскими прозрениями потусторонности. Уподобляя посмертный мир «мясным рядам» повседневно-земного базара, зенкевический лирический субъект лишает его сакральных коннотаций и онтологической цели человеческого существования, отчетливо проступающих в поэтической практике младших символистов (Вяч. И. Иванова, А. Белого, Эллиса). При этом смерть и инобытие у М. Зенкевича лишены и тех эстетизированных смыслов, которыми их наделяет старший символизм [Ханзен-Лёве, 1999, с. 355–356]. Так, в поэзии В. Я. Брюсова, влияние которой на зенкевичевское творчество 1906–1912 годов весьма существенно и принципиально [Тименчик, 1992, с. 338], мир смерти предстает как безбрежная область забвения и покоя (ср.: «Но за ропотом снежной метели / И под шепот ласкающих слов – / Не забыл я полей асфоделей, / Залетейских немых берегов» («…я вернулся на яркую землю…» (1896)) [Брюсов, 1973, с. 124]; «Беспредельным далям преданный, / Там, где мекнет свет и шум, / Я покину круг изведанный / Повторенных слов и дум» («Я бы умер с тайной радостью…» (1898)) [Брюсов, 1973, с. 124–125]). Потусторонний мир М. Зенкевича в этом отношении отказывается принципиально другим: уподобленный земным «мясным рядам», он акмеистически отменяет сакрализацию посмертного иномирия, но в то же время символистски абсолютизируется в качестве возможной вечности.

Знак «золотой эфир», маркирующий инобытийное пространство, указывает на божественно-небесное измерение посмертного мира, однако пребывание в нем человека обнаруживает явные инфернальные коннотации: «И нас, как мясо, вешают Весы». При этом зенкевический субъект

в ментальном прозрении потусторонности соотносит мир «мясных рядов» с идеологемой посмертного божественного Суда. «Весы», являющиеся базарным атрибутом взвешивания животного мяса, здесь обнаруживают семантику посмертного определения меры добродетельности и греховности человеческой жизни. Универсальная символика «весов» определяется значением «справедливости, то есть равенства и равноправия, вины и наказания» [Кирло, 2010, с. 88]. Отметим, что онтологическое «взвешивание» мира, отсылающее к ветхозаветному пиру царя Валтасара, утверждается М. Зенкевичем в стихотворении «Гимн к материи» (ср.: «Всему – весы, число и мера, / И бег спиралями всему, / И растекается во тьму / За пламенною сферой сфера. // Твой лик в душе – как в меди – выбит, / И пусть твой ток сметет ее / И солнце в алой пене вздыбит – / Но царство взвешено твое!» [Зенкевич, 1994, с. 44]. Эсхатологические прозрения бытия и итога первородной и вездесущей материи, присущие поэтике М. Зенкевича в целом [Кихней, 2017, с. 598], в стихотворении «Мясные ряды» проецируются на посмертное существование человека. Соответственно, «Весы» здесь обозначают одновременно и сакральную меру посмертного воздаяния, и профанное родство человека с земным скотом, на что указывают рыночные реалии взвешивания («чашки ржавы, тяжки гири»).

Моделируемая М. Зенкевичем мортальная реальность, тождественная вечности, обнаруживает семантическую инверсию оппозиции «мучитель – жертва»: в инобытийных «мясных рядах» человек уподобляется скоту, а в ипостаси «мясников» выступают носители потусторонней (божественно-инфернальной) силы, что акцентировано в четвертой строфе стихотворения:

И как и здесь, решающим привеском
Такие ж жилистые мясники
Бросают на железо с легким треском
От сала светлые золотники… [Зенкевич, 1994, с. 58].

Изображение загробного мира в виде мясной лавки устанавливает онтологическое равновесие между земной и потусторонней областями универсума, что подчеркивается композиционным параллелизмом текста: 1-я и 2-я строфы описывают реальные «мясные ряды», 3-я и 4-я – инобытийные, но их устройство мыслится полностью идентичным. Это обусловливает семантическую взаимообратимость знаков, моделирующих данные пространства: означаемым реалий земной «мясной лавки» становятся материально явленные предметы инобытия, а в знаках потусторонней реальности проступают значения «посюсторонних» «мясных рядов». Такое соотношение репрезентируемых сфер бытия, с одной стороны, обнаруживает символистскую логику движения от быта к иномирию, а с другой – указывает на акмеистическое единство «этого» и «того» миров. Уподобляя человека умерщвляемому и расчленяемому скоту, лирический субъект М. Зенкевича эксплицирует телесно-биологическое единство человеческого и животного существования, обусловленное их общей укорененностью в природную материю. Отметим, что впоследствии подобное тождество человека и животного утверждается поэтом в тематически близком стихотворении «Бык на бойне» (1913), в котором «бык» обнаруживает почти человеческие чувства в преддверии близкой смерти на скотобойне: «И словно в гуртах средь степного приволья / В одном из загонов вздыбленный бык, / Сотрясая треньем жерди и колья, / В углу к годовалой телке приник. // Он будто не чуял, что сумрак близок, / Что скоро придется стальным ногам – / С облупленной кожей литой огрызок / Отрезанным сбросить в красный хлам» [Зенкевич, 1994, с. 95].

Думается, что антропология потусторонности в «Мясных рядах» М. Зенкевича нацелена на вскрытие телесной соприродности человека и животного. «Внешнее» тело, осмысляемое извне, здесь явлено тушами скота, а «внутреннее» тело, онтологически переживаемое лирическим субъектом, представлено человеческой природой, но при этом они бытийно сопричастны друг другу. Поэтому в сюжете стихотворения становится возможной трансгрессия «мясных рядов» из «этого» мира в «тот», в котором человек занимает позицию обреченного на убой и освежевание животного.

Мортальная поэтика в акмеистическом творчестве М. Зенкевича ориентирована на телесную деформацию живого организма, призванную явить сущность материи в ее биологическом первородстве. Поэтому закономерно, что «превращение тела в мясо – одна из инвариантных тем Зенкевича» [Кобринский, 2013, с. 302]. Однако в «Мясных рядах» поэт идет далее и допускает возможность превращения в мясную тушу не только тела, но и души, то есть всей материально-духовной сущности человека. Представляя загробный мир «золотого эфира» в виде матери-

ально-физически уплотненной реальности, в которой человек сохраняет телесное самосознание и ощущает потусторонние метаморфозы своего «я» как преображения и мучения плоти, М. Зенкевич стремится явить «отелеснивание» духа [Полтаробатько, 2008, с. 15]. Соответственно, для поэта принципиально важно показать, что антропологический взгляд на бытие неразрывно связан с переживанием и проживанием телесности и в земной, и в потусторонней реальности.

Именно постулирование, а не разрешение ценностно-смыслового конфликта между телом и духом пуантирует сюжетное завершение стихотворения. В пятой (финальной) строфе лирический субъект акцентирует духовно-религиозные интенции своего представления об инобытии, но тут же нивелирует их уподоблением посмертной вечности земному «базару»:

Прости, Господь! Ужель с полдневным жаром,
Когда от туш исходит тяжко дух,
И там, как здесь, над смолкнувшим базаром,
Лишь засверкают стаи липких мух? [Зенкевич, 1994, с. 58]

Открывающее строфу воззвание к Богу, снятое поэтом при публикации стихотворения в 1933 году в силу социально-исторических обстоятельств («Прости, Господь!» было заменено на «И мучит мысль» [Зенкевич, 1994, с. 631]), здесь проблематизирует зенкевичевское видение христианской религиозной парадигмы мировосприятия. С одной стороны, художественный универсум «Дикой порфиры», в котором материя абсолютизируется как первоисток тварности, явно противостоит христианской концепции бытия, с другой же – в стихотворениях поэта Иисус Христос предстает онтологическим стержнем мира и самоопределения в нем человека [Чевтаев, 2019]. Очевидно, что амбивалентный характер рецепции поэтом христианства в «Мясных рядах» смещается в сторону «отелеснивания» духа и замыкания его в координатах безысходного пространства. Уподобление мортального инобытия «смолкнувшему базару», в котором человек обречен на безысходные страдания мясной туши, соотносимо с видением вечности Аркадием Свидригайловым в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! <…> И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [Достоевский, 1973, с. 221]. Эта параллель подкрепляется, как видно, «инсектологическим» знаками: «пауки» Ф. Достоевского соотносятся с «мухами» М. Зенкевича, которые, являясь базарной реалией «мясных рядов», превращаются в знак материально-физического мучения тела – души – духа.

Лирический субъект «Мясных рядов» воображает инобытие человека как онтологический тупик тварного начала в природном саморазвитии материи, однако и воззвание к Богу, и вопросительный характер финальной части стихотворения, свидетельствуют о том, что для М. Зенкевича вопрос о соотношении материи и духа, а значит – и о сущности потустороннего мира остается открытым. Акмеистические представления о материальной упорядоченности универсума в поэтике «Дикой порфиры» сопрягаются с жаждой постичь иной мир, что позволяет считать М. Зенкевича не столько «борцом» с символизмом, сколько его продолжателем, предлагающим телесно-биологическую версию инобытия. В этом отношении творчество поэта явно свидетельствует о том, что «между символизмом и постсимволизмом никогда не было существенного разрыва» [Успенский, 2020, с. 215], но был сложный и многомерный диалог предшественников и последователей, индивидуально-авторские миры которых строились не на отрицании, а на творческом обновлении представлений о мироздании.

Заключение

Итак, антропология потусторонности, репрезентируемая в поэтике стихотворения М. Зенкевича «Мясные ряды», сопряжена с уяснением бытийного тождества человека и животного и с порождаемой им трансгрессией реалий потустороннего мира в инобытийный мир. Мортальная поэтика, которая в зенкевическом тексте определяет убой и расчленение скота, что воплощается в характерной системе знаков («крюки», «блоки», «туши», «кровоподтеки», «внутренности», «уродливо-обрубленные части», «ножи», «красные куски», «чашки», «гири», «псы», «мясники»), экстраполируется на посмертное существование человека и уподобляет его духовное «я» телесной материи. При этом в поэтике М. Зенкевича потусторонний мир мыслится не упразднением движения мировой материи, а ее реонтологизацией в пространстве ино-

бытия: животное и человек, натуралистически обнажаясь как «куски мяса», тем не менее продолжают существовать.

Конструируя свой художественный мир на основе практик символизма и предвосхищаемого акмеизма, поэт стремится выявить принцип «нераздельности и неслиянности» земного и потустороннего измерений бытия. Экзистенциально определяя антропологическую сущность смерти и ее бытийные последствия, поэт утверждает бытийное и ценностно-смысловое равенство между «человеком» и «животным», «жизнью» и «смертью», «повседневностью» и «вечностью». В этом отношении очевидно, что миф о материи, создаваемый и утверждаемый М. Зенкевичем, являет собой память о символизме в акмеистических перспективах творчества.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. Москва : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.

2. Березин Л. (Лежнев А). О стихах М. Зенкевича // Новый мир. 1929. № 5. С. 242–245.

3. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. Москва : Художественная литература, 1973. 672 с.

4. Виппер Б. Р. Проблема и развитие натюрморта. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. 384 с.

5. Городецкий С. М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Акмеизм в критике. 1913–1917. Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 84–90.

6. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). Москва : Воскресенье, 1998. 344 с.

7. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. Москва : Воскресенье, 2006. 552 с.

8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 6. Преступление и наказание. Ленинград : Наука, 1973. 423 с.

9. Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. Москва : Школа-пресс, 1994. 688 с.

10. Иванов Вяч. И. Marginalia // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 38–45.

11. Игошева Т. В. Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче // Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966). Москва : Азбуковник, 2021. С. 96–107.

12. Кирло Х. Словарь символов: 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. Москва : ЗАО Центрполиграф, 2010. 525 с.

13. Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. Москва : МАКС-Пресс, 2001. 184 с.

14. Кихней Л. Г. Эсхатологические мифы В. Нарбута и М. Зенкевича // Кихней Л. Г. Под знаком акмеизма: Избранные статьи. Москва : Азбуковник, 2017. С. 592–605.

15. Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 129–138.

16. Кихней Л. Г., Ламзина А. В. Специфика «рамочного текста» в книгах М. А. Зенкевича «Дикая порфира» и «Под мясной багряницей» // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 112–124.

17. Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. Санкт-Петербург : Свое издательство, 2013. 362 с.

18. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). Москва : Языки славянской культуры, 2015. 488 с.

19. Купер Дж. Энциклопедия символов. Москва : «Золотой век», 1995. 402 с.

20. Макуилен К. «Голос материи» Зенкевича: палеонтология в эпоху модерна // Новое литературное обозрение. 2023. № 1 (179). С. 71–86.

21. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: В 4-х томах. Т. 1. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993. 367 с.

22. Петров И. В. Поэтика «адамизма» (Лирика М. Зенкевича и Вл. Нарбута) // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 1998. № 4. С. 28–37.

23. Полтаробатько Е. Д. Природа и культура в русском постсимволизме: телесный код в поэзии М. Зенкевича // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2008. № 3. С. 11–16.

24. Савельева В. В. Художественная антропология. Алматы : АГУ им. Абая, 1999. 281 с.

25. Тименчик Р. Д. Зенкевич М. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Москва : Большая Росс. энциклопедия, 1992. С. 337–339.

26. Тименчик Р. Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма // Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. С. 152–174.

27. Тырышкина Е. В., Чеснялис П. А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). Т. 2. С. 117–131.

28. Успенский П. Ф. Символизм как точка сборки: новые исследования русского модернизма // Russian Literature. 2020. Vol. 114–115. P. 203–217.

29. Филатов А. В. Поэтика инфернального пространства в поэзии О. Э. Мандельштама: философский аспект // Русская словесность. 2021. № 1. С. 82–92.

30. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. 512 с.

31. Чевтаев А. А. Христос в «адамистическом» универсуме книги стихов М. Зенкевича «Дикая порфира» // XI Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных статей. Ишим : ИПИ им. П.П. Ершова (филиала) ТюмГУ, 2019. С. 149–156.

32. Чеснялис П. А. Эстетика и поэтика адамизма в ранней лирике В. Нарбута и М. Зенкевича. Новосибирск : НГПУ, 2015. 149 с.

33. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. Vol. XXXII, 1988, P. 84–97.

Reference list

1. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti = The author and the hero in aesthetic activity // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij: V 7-mi tomah. T. 1. Moskva : Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 69–263.

2. Berezin L. (Lezhnev A). O stihah M. Zenkevicha = On M. Zenkevich's poems // Novyj mir. 1929. № 5. S. 242–245.

3. Brjusov V. Ja. Sobranie sochinenij = Collection of works : V 7-mi tomah. T. 1. Stihotvorenija. Pojemy. 1892–1909. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. 672 s.

4. Vipper B. R. Problema i razvitie natjurmorta = The problem and development of still life. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2005. 384 s.

5. Gorodeckij S. M. Nekotorye techenija v sovremennoj russkoj pojezii = Certain trends in contemporary Russian poetry // Akmeizm v kritike. 1913–1917. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaja Akademija; Izd-vo Timofeja Markova, 2014. S. 84–90.

6. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete collection of works : V 10-ti tomah. T. 2. Stihotvorenija. Pojemy (1910–1913). Moskva : Voskresen'e, 1998. 344 s.

7. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete collection of works : V 10-ti tomah. T. 7. Stat'i o literature i iskusstve. Obzory. Recenzii. Moskva : Voskresen'e, 2006. 552 s.

8. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij = Complete collection of works : V 30-ti tomah. T. 6. Prestuplenie i nakazanie. Leningrad : Nauka, 1973. 423 s.

9. Zenkevich M. A. Skazochnaja jera: Stihotvorenija. Povest'. Belletristicheskie memuary = The Fairy Tale Era: Poems. Narratives. Belletristic memoirs. Moskva : Shkola-press, 1994. 688 s.

10. Ivanov Vjach. I. Marginalia // Trudy i dni. 1912. № 4–5. S. 38–45.

11. Igosheva T. V. Eshhe raz ob A. Ahmatovoj i M. Zenkeviche = Once again about A. Akhmatova and M. Zenkevich // Russkie pojety XX veka: materialy i issledovanija. Anna Ahmatova (1889–1966). Moskva : Azbukovnik, 2021. S. 96–107.

12. Kirlo H. Slovar' simvolov: 1000 statej o vazhnejshih ponjatijah religii, literatury, arhitektury, istorii = Dictionary of Symbols: 1000 entries on the most important concepts of religion, literature, architecture, and history. Moskva : ZAO Centrpoligraf, 2010. 525 s.

13. Kihnej L. G. Akmeizm: Miroponimanie i pojetika = Acmeism: Worlsview and poetics. Moskva : MAKS-Press, 2001. 184 s.

14. Kihnej L. G. Jeshatologicheskie mify V. Narbuta i M. Zenkevicha = Eschatological Myths by V. Narbut and M. Zenkevich // Kihnej L. G. Pod znakom akmeizma: Izbrannye stat'i. Moskva : Azbukovnik, 2017. S. 592–605.

15. Kihnej L. G., Merkel' E. V. Aksiologija povsednevnyh veshhej v pojetike akmeizma = The axiology of everyday things in Acmeism poetics // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologija. 2015. № 1 (33). S. 129–138.

16. Kihnej L. G., Lamzina A. V. Specifika «ramochnogo teksta» v knigah M. A. Zenkevicha «Dikaja porfira» i «Pod mjasnoj bagrjanicej» = Specificity of the «frame text» in M. A. Zenkevich's «Wild Porphyry» and «Under the meat purple» / Filologicheskij klass. 2021. T. 26. № 3. S. 112–124.

17. Kobrinskij A. A. Pojetika OBJeRIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda XX veka = OBERIU poetics in the context of the XX century Russian literary avant-garde. Sankt-Peterburg : Svoe izdatel'stvo, 2013. 362 s.

18. Krasil'nikov R. L. Tanatologicheskie motivy v hudozhestvennoj literature (Vvedenie v literaturovedcheskuju tanatologiju) = Thanatological motifs in fiction (Introduction to literary thanatology). Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. 488 s.

19. Kuper Dzh. Jenciklopedija simvolov = The Encyclopedia of Symbols. Moskva : «Zolotoj vek», 1995. 402 s.

20. Makuilen K. «Golos materii» Zenkevicha: paleontologija v jepohu moderna = Zenkiewicz's «Voice of Matter»: paleontology in the Modernist era // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. № 1 (179). S. 71–86.

21. Mandel'shtam O. Je. Sobranie sochinenij = Collection of works : V 4-h tomah. T. 1. Moskva : Art-Biznes-Centr, 1993. 367 s.

22. Petrov I. V. Pojetika «adamizma» (Lirika M. Zenkevicha i Vl. Narbuta) = Poetics of «Adamism» (Poems by M. Zenkevich and V. Narbut) // Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija. 1998. № 4. S. 28–37.

23. Poltarobat'ko E. D. Priroda i kul'tura v russkom postsimvolizme: telesnyj kod v pojezii M. Zenkevicha = Nature and culture in Russian post-symbolism: the bodily code in M. Zenkevich's poetry // Vestnik RUDN. Serija «Literaturovedenie. Zhurnalistika». 2008. № 3. S. 11–16.

24. Savel'eva V. V. Hudozhestvennaja antropologija = Artistic anthropology. Almaty : AGU im. Abaja, 1999. 281 s.

25. Timenchik R. D. Zenkevich M. A. = Zenkevich M. A. // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. T. 2. Moskva : Bol'shaja Ross. jenciklopedija, 1992. S. 337–339.

26. Timenchik R. D. Iz Imennogo ukazatelja k «Zapisnym knizhkam» Ahmatovoj: levyj flang akmeizma = From the Name Index to Akhmatova's Notebooks: the left flank of Acmeism // Acta Slavica Estonica VII. Blokovskij sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaja literatura Serebrjanogo veka. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. S. 152–174.

27. Tyryshkina E. V., Chesnjalis P. A. Jestetika adamizma: lirika M. Zenkevicha 1910-h godov = The aesthetics of adamism: M. Zenkevich's poetry of the 1910s // Idei i idealy. 2017. № 3 (33). T. 2. S. 117–131.

28. Uspenskij P. F. Simvolizm kak tochka sborki: novye issledovanija russkogo modernizma = Symbolism as an assembly point: new studies of Russian modernism // Russian Literature. 2020. Vol. 114–115. P. 203–217.

29. Filatov A. V. Pojetika infernal'nogo prostranstva v pojezii O. Je. Mandel'shtama: filosofskij aspekt = Infernal space poetics in O. E. Mandelstam's poetry: a philosophical aspect // Russkaja slovesnost'. 2021. № 1. S. 82–92.

30. Hanzen-Ljove A. Russkij simvolizm. Sistema pojeticheskih motivov. Rannij simvolizm = Russian symbolism. The system of poetic motifs. Early Symbolism. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 1999. 512 s.

31. Chevtaev A. A. Hristos v «adamisticheskom» universume knigi stihov M. Zenkevicha «Dikaja porfira» = Christ in the «adamic» universum of M. Zenkevich's book of poems «Wild Porphyry» // XI Kirillo-Mefodievskie chtenija: sbornik nauchnyh statej. Ishim : IPI im. P.P. Ershova (filiala) TjumGU, 2019. S. 149–156.

32. Chesnjalis P. A. Jestetika i pojetika adamizma v rannej lirike V. Narbuta i M. Zenkevicha = Aesthetics and poetics of Adamism in the early lyric poems of V. Narbut and M. Zenkevich. Novosibirsk : NGPU, 2015. 149 s.

33. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. Vol. XXXII, 1988, P. 84–97.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 82-6
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-33
EDN: VYQZBP

Переписка П. В. Киреевского с Н. М. Языковым 1830-х годов и традиции дружеской эпистолографии

Марина Дмитриевна Кузьмина
Кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18
mdkuzmina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1293-800X

Аннотация. В то время как И. В. Киреевский состоял в дружбе и дружеской переписке с широчайшим кругом лиц (А. И. Кошелевым, В. Ф. Одоевским, А. В. Веневитиновым, Е. А. Баратынским, Н. М. Языковым, Н. М. Рожалиным, С. П. Шевыревым, С. А. Соболевским, А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским и др.), его младший брат-интроверт П. В. Киреевский довольствовался дружбой и дружеской перепиской лишь с одним лицом – поэтом Н. М. Языковым. Их общение продолжалось до конца недолгой жизни последнего, которая оборвалась в 1846 г. Языков был вхож в круг семьи Киреевских-Елагиных, был принят в ней как родной, что было крайне важно для Петра, не мыслящего жизни вне семьи (характерно, что, в отличие от старшего брата, он и не вступил в брак). Более того, двух друзей объединял большой интерес к русской старине, к фольклору. Языков с усердием, даже с ревностью, помогал Киреевскому собирать произведения устного народного творчества. Этот обоюдный интерес сказался на характере их переписки: ее язык местами архаичен, она во многом стилизована под фольклор. Вместе с тем любопытно, что, на первый взгляд, очень замкнутая, она испытывала влияние современного ей литературного процесса и прежде всего современной эпистолографии. В ней, пусть и по-своему, отразился популярный в дружеском кругу Пушкина и в дружеском кругу Ивана Киреевского «буффонадный» стиль. Вместе с тем она испытала влияние семейной переписки Киреевских-Елагиных, в которой была принята исповедально-«душеизлиянная» манера. При всем том эпистолярное общение двух друзей было глубоко своеобразно. Закрытый, самодостаточный, Петр Киреевский был мало подвержен внешним влияниям. Не попадавшая в сферу внимания исследователей эпистолярного жанра, его переписка с Языковым имеет литературную ценность. Исследование дружеской эпистолографии 1830-х гг. без ее учета не может быть полным.

Ключевые слова: П. В. Киреевский; Н. М. Языков; дружеская эпистолография 1830-х гг.; дружеская переписка; дружеское письмо; «буффонадное» письмо; исповедальное письмо

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Переписка П. В. Киреевского с Н. М. Языковым 1830-х годов и традиции дружеской эпистолографии // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 33–41. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-33. https://elibrary.ru/VYQZBP

Original article

Correspondence between P. V. Kireevsky and N. M. Yazykov in the 1830s and friendly epistolography traditions

Marina D. Kuzmina
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of book publishing and book selling, Higher school of printing and media technologies, St. Petersburg state university of industrial technologies and design. 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya st., 18
mdkuzmina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1293-800X

Abstract. While I. V. Kireevsky had a lot of friends and a wide friendly correspondence (with A. I. Koshelev, V. F. Odoyevsky, A. V. Venevitinov, E. A. Baratynsky, N. M. Yazykov, N. M. Rozhalin, S. P. Shevyrev, S. A. Sobolevsky, A. S. Pushkin, P. A. Vyazemsky, and others, his younger introverted brother P. V. Kireevsky had only one friend with whom he corresponded – the poet N. M. Yazykov. Their communication continued until the end of the latter's short life in 1846. Yazykov was part of the Kireevsky-Yelagin family circle being accepted as a relative, which was extremely

© Кузьмина М. Д., 2024

important for Peter, who could not imagine life outside his family (it is worth noting that, unlike his elder brother, he never married). Moreover, the two friends were united by a great interest in old times, in russian folklore. Yazykov zealously and eagerly, helped Kireevsky to collect works of oral folklore. This mutual interest influenced the nature of their correspondence: its language is somewhat archaic and is often stylized as folklore. At the same time, it is curious that the language was influenced by the contemporary literary process and, above all, by modern epistolography, reserved though it seemed at first sight. It reflects in its own way the «buffoonery» style popular with Pushkin and his friends as well as among Ivan Kireevsky's friends. At the same time, their correspondence was influenced by the Kireevsky-Yelagin family letters, which adopted a confessional and «heartfelt» manner. However, the epistolary communication between the two friends was deeply peculiar. Reserved and self-sufficient, Pyotr Kireevsky was hardly affected by external influences. His correspondence with Yazykov, which has not come to the attention of epistolary genre researchers, is of literary value. A study of the 1830s friendly epistolography cannot be complete without taking it into account.

Key words: P. V. Kireevsky; N. M. Yazykov; friendly epistolography of the 1830s; friendly correspondence; friendly letter; buffoonery letter; confessional letter

For citation: Kuzmina M. D. Correspondence between P. V. Kireevsky and N. M. Yazykov in the 1830s and friendly epistolography traditions. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):33–41. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-33. https://elibrary.ru/VYQZBP

Введение. Со второй половины XVIII в. на фоне художественных открытий сентиментализма эпистолярный жанр начинает играть все более важную роль в развитии русской словесности – и в первой трети XIX в. становится, по известному определению Ю. Н. Тынянова, «литературным фактом» [Тынянов, 1977, с. 265]. Особую роль в литературном процессе первой трети XIX в. сыграло дружеское письмо. Это наиболее эмансипированный инвариант эпистолярного жанра, представляющий максимальные возможности для художественных экспериментов, возможности, которые преумножались в случае дружеской переписки двух и более литераторов. Совместными усилиями можно было совершать открытия более быстро, многопланово и успешно. Общая траектория развития эпистолярного жанра в первой трети XIX столетия на сегодняшний день хорошо изучена, в основном на материале писем Пушкина и литераторов его круга. Как показали исследования, доверительно-исповедальное письмо конца XVIII в. – начала XIX в. сменяется «буффонадным», сложившимся под пером арзамасцев, в результате чего, по характеристике Л. Я. Гинзбург, стало наблюдаться «парадоксальное соотношение: в дружеском письме, казалось бы, самом интимном роде словесности <…> интимность оказывается запрещенной» [Гинзбург, 1987 с. 187].

При большом внимании, уделенном дружеской эпистолографии Пушкина и литераторов его круга, эпистолярное наследие их современников недостаточно изучено. Между тем без этого представление о развитии жанра письма не может быть полным. В частности, очень показательна не привлекавшая внимания исследователей обширная дружеская переписка будущего славянофила, а в 1820-е–1830-е гг. начинающего литератора, литературного критика и издателя И. В. Киреевского, в числе друзей-корреспондентов которого были многие видные деятели его времени, в том числе в сфере культуры и литературы: А. И. Кошелев, В. Ф. Одоевский, А. В. Веневитинов (брат поэта Дмитрия Веневитинова), Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Н. М. Рожалин, С. П. Шевырев, близкий друг Пушкина С. А. Соболевский, Пушкин, П. А. Вяземский и др. В их переписке, с одной стороны, получила развитие «буффонадность», столь характерная для дружеской переписки Пушкина и арзамасцев, а с другой – чуждая последней доверительно-исповедальная тональность, отчасти унаследованная молодыми эпистолографами от традиций «чувствительной» эпистолографии конца XVIII в. – начала XIX в., но значительно переосмысленная [см. подр.: Кузьмина, 2023].

Петр Киреевский на фоне брата Ивана. Тем более не привлекало внимания специалистов эпистолярное наследие младшего брата Ивана Киреевского – Петра, тоже будущего славянофила и крупного фольклориста своего времени. Его личность, биография и творческое наследие малоизучены. Как при жизни, так и после смерти он по большей части оставался в тени своего старшего брата, вызывавшего у исследователей преимущественный интерес. Думается, не последнюю роль в этом сыграли различия в типе темпераментов, образе жизни, роде деятельности, круге общения обоих Киреевских. В отличие от Ивана, Петр был интровертом. Открытой общественной и культурной жизни он предпочитал жизнь внутреннюю, «домашнюю».

Так же, как и Иван, Петр Киреевский с начала 1820-х гг. живет в Москве (большинство исследователей называют 1822 г. годом переезда семьи Елагиных-Киреевских в Москву. Н. П. Колюпанов же – вероятно, опиравшийся на какие-то недоступные нам сейчас материалы – приводит другую, точную дату: 14 июля 1821 г. [Колюпанов, 1889, 1987 с. 12]. Этот вопрос рассматривает Е. В. Лудилова [Кошелев, 2005, с. 97]), посещает литературный салон З. Н. Волконской и, разумеется, вовлечен в деятельность литературного салона, хозяйкой которого была их с братом мать, А. П. Елагина, и который в 1820-е–1840-е гг. пользовался чрезвычайной популярностью. Возможно, Петр вместе с Иваном участвует в одном или нескольких литературных кружках, но если относительно Ивана известно, что он входил в кружок «архивных юношей» (выражение С. А. Соболевского, тоже члена кружка), сложившийся в Московском архиве государственной коллегии иностранных дел, где служили оба брата, первый начал раньше, второй позже; Иван состоял также членом и литературного кружка С. Е. Раича, и «Общества любомудрия», – то относительно участия в этих кружках Петра доподлинных сведений нет (об этом исчерпывающе точно отозвался в свое время М. О. Гершензон: «…у нас нет ни одного прямого показания о его роли в этих кружках, об его интересе к ним или об их влиянии на его развитие…» [Гершензон, 2006, с. 458]. Думается, культурную атмосферу эпохи, ведущие тенденции современного ему литературного развития он впитывал преимущественно через посредничество семьи, к которой был сердечно привязан и за пределы которой не испытывал потребности выходить (примечательно, что, в отличие от Ивана, он не вступил и в брак). Это было влияние, как очевидно, прежде всего матери, А. П. Елагиной, одной из самых развитых и литературно образованных женщин своего времени, талантливой переводчицы, общавшейся со многими писателями, состоявшей в дружеских отношениях и в переписке со своим родственником и другом В. А. Жуковским, который, в свою очередь, оказывал влияние и на нее, и на ее сыновей. Их переписка, резонно замечает прот. Дмитрий Долгушин о переписке Жуковского и Елагиной, «…ориентировалась на сентименталистское литературное произведение <…>. В эту традицию А. П. Елагина вводила и своих детей…» [Долгушин, 2009, с. 20]. Возможно, наибольшее влияние Киреевский-младший испытывал со стороны старшего брата, на которого во многом ориентировался, которого безмерно уважал и любил. Вместе с тем Петр, несомненно, меньше, чем Иван (который, в частности, с юных лет был под нравственным обаянием личности Жуковского [см., напр.: Лясковский, 2006, с. 334–335]), поддавался каким бы то ни было влияниям, проявляя глубокую внутреннюю самодостаточность и самобытность. Эта особенность – с одной стороны, органичная включенность в литературный контекст эпохи, приобщенность к литературным традициям, а с другой, их переосмысление – проявляется и в эпистолярном наследии Петра Киреевского.

Единственный друг Петра Киреевского – поэт Николай Языков. В отличие от Ивана, у которого было внушительное количество друзей-корреспондентов, – у Петра друг-корреспондент всего один – поэт Н. М. Языков. Правда, об их переписке можно говорить весьма условно, поскольку сохранилось лишь одно послание Языкова, и то позднее – от августа 1843 г. Письма же Киреевского к нему 1830-х гг. насчитывают несколько десятков. В начале 1838 г. их автор скажет Языкову очень характерные слова: «Вне моей семьи ты у меня один, а моя душа старовер: ее церковь не терпит новизны и питается только дониконовскими просвирами» [Киреевский, 2006, с. 417]. Этим словам Киревский был верен до конца. Не только в 1830-е, но и в 1840-е гг. Языков (ушедший из жизни в 1846 г.) оставался его единственным близким другом. Петр, как и мать, Елагина, состоял в хороших отношениях с друзьями Ивана, последние осведомлялись о нем, слали ему поклоны, но – он не принимал их в число своих друзей. И тем более не стремился, в отличие от брата, создать вторую, дружескую «семью», – в дополнение к первой, кровной.

Для Ивана же это было важно. Расширяя круг друзей, принимая в него все новых членов, он вместе с тем старался максимально сплотить их, и друзья вслед за ним были нацелены на то же самое. В письме к С. П. Шевыреву Киреевский-старший именует дружеский круг «…истинным, неслучайным семейством» [Киреевский, 2018, с. 343]. Он размышляет об этом в связи с ситуацией, в которую попал и которую тяжело переживал Рожалин: его отец собрался жениться на «недостойной» [Киреевский, 2018, с. 343] женщине. Создаваемой таким образом «случайной» семье Киреевский противопоставляет «истинную» дружескую. Он считает очень важным утешить Рожалина напоминанием о нерушимо-

сти дружеских уз, а также помочь «советом дружбы» [Киреевский, 2018, с. 343], в котором Рожалин, славившийся своей нерешительностью, так нуждался. Вторя Киреевскому, Баратынский тоже говорит о дружеских связях как о родственных. Более того, он включает друга – наравне со своей молодой, любимой женой (А. Л. Баратынской, урожд. Энгельгардт) – в узкий семейный круг: «Дружба твоя, милый Киреевский, принадлежит к моему домашнему счастию; картина его была бы весьма неполной, ежели б я пропустил речи наши о тебе, удовольствие, с которым мы читаем твои письма, искренность, с которою мы тебя любим и радуемся, что ты нам платишь тем же. Мы оба видим в тебе милого брата и мысленно приобщаем тебя к нашей семейной жизни» [Баратынский, 2006, с. 164–165] (в этом отношении очень справедливо наблюдение И. М. Семенко, заметившей равнозначимость для Баратынского любви и дружбы как двух великих ценностей жизни [см.: Семенко, 1970, с. 222]. И Кошелев мыслит в подобном ключе. Он мечтает вместе с друзьями публиковаться в журнале «Московский вестник», в котором они соединились бы в «одно семейство» [Кошелев, 2005, с. 117].

Если Иван, принадлежащий, таким образом, к двум в целом независимым друг от друга «семействам» – родственному и дружескому (хотя и его мать, и брат, как было сказано, а равно и другие родственники, были хорошо знакомы и дружески общались с его друзьями), то Петр Киреевский стремится ввести Языкова в свою единственную семью, в круг самых родных и близких. Характерно его обращение к другу в первом же письме: «Милый друг и брат…» [Киреевский, 2006, с. 349], – и в последующих письмах именование его «братом» [Киреевский, 2006, с. 352, 383]. Петр Киреевский рассказывает Языкову в письмах о членах своей семьи, не сомневаясь, что подобные сведения уместны и будут ему интересны (ср.: «Мы в Ильинском живем покуда и тихо, и мирно <…>, и все, слава Богу, здоровы, кроме маменьки, которая все еще пьет воды <…>. Брат по-прошлогоднему живет в Москве, только один раз приезжал сюда…» [Киреевский, 2006, с. 350], «Маменьку Рамих уговорил приехать в Москву для того, что, кроме прежней болезни, от которой она часто страдала, она здесь еще очень часто простуживалась…» [Киреевский, 2006, с. 352]), а некоторые письма к нему даже пишет совместно с родными. Так, одно из посланий, от 4 октября 1833 г., написано рукой Ивана под диктовку Петра. Последний не мог сам держать перо по нездоровью. Фиксируя слова брата, Киреевский-старший делает свои комментарии в скобках (напр.: «О Толстом напишет Иван. (Это брат пошутил, я Толстого почти не знаю)» [Киреевский, 2006, с. 357]), и текст получается коллективно-диалогичным. Принадлежащее Петру в нем сливается с привнесенным Иваном. Закончив писать под диктовку, Киреевский-старший затем – во второй части – продолжает послание уже от себя. Другое коллективное семейное письмо к Языкову было создано в ноябре 1833 г.: текст рукой Петра не дополняется в конце, как это обычно бывает, а перемежается в середине, – довольно развернутой припиской Елагиной, в конце же следует еще более развернутая приписка Ивана. Для самого Ивана, разделявшего родственное и дружеское «семейство», подобные коллективные семейные письма к друзьям не были характерны. Тем примечательнее, что внутри дружеское «семейства» совместные письма имели место: Киреевский-старший мог с кем-то из друзей писать к общему другу (правда, и в этом случае они воспринимали то, что получилось, не как одно коллективное письмо, а как два «авторских» (ср. такие «двойные» письма: Киреевского и Титова – к Кошелеву от 30 марта и 11 апреля <1827 г.>, Киреевского и Веневитинова – к Соболевскому от <31 января 1830 г.>), пусть и «единомысленные», дополняющие друг друга. Петру же важно соединить себя, родных и Языкова в общий семейный круг. Для этого у него были некоторые «внешние» «основания»: друг-поэт еще в 1829 г., до начала переписки, жил в доме Елагиных-Киреевских в Москве, а летом 1831 г. отдыхал с ними в Ильинском, их подмосковном имении, – и был принят как свой, вошел в семейный круг. Это, конечно, было очень важно для Петра, но, несомненно, важнее для него была личная сердечная привязанность к Языкову, ведь совместное проживание с Соболевским за границей и дружба с ним брата Ивана не привели к дружбе Петра.

Дружеские письма Петра Киреевского. Тем любопытнее, что дружеские письма Петра в немалой степени соотносимы с дружескими письмами Ивана и его второго «семейства». Эти письма также сочетают исповедальность и «буффонадность». В отношении первой можно отметить, что в «душеизлиянном» варианте она у Петра, как и у Ивана и у его друзей, скорее в проекте: «Вот тебе покуда моя исповедь вообще, – сообщает Киреевский-младший Языкову. –

Больше буду писать скоро…» [Киреевский, 2006, с. 401]. «…дари меня, хоть изредка письмами, которые бы сообщали мне известия о состоянии твоем, как нравственном, так и телесном» [Кошелев, 2005, с. 113], – просил Киреевского-старшего Кошелев. «Благодарю тебя за твои расспросы обо мне и охотно буду отвечать на них обстоятельно, – обещал тот, – ибо нет тяжеле состояния, как быть неузнанным теми, кого мы любим» [Киреевский, 2018, с. 201]. Но, в отличие от брата, Киреевский-младший любит актуализировать сентиментальную традицию хотя бы в клаузуле, которая у него часто приобретает вид эмоциональной гиперболы: «*Весь и вечно твой П. Киреевский* (курсив Киреевского. – *М. К.*)» [Киреевский, 2006, с. 406, 407]. Очевидно, сентиментальная эпистолярная традиция в целом осознается автором, подобно его современникам, как архаичная, однако он испытывает потребность выразить другу свои чувства – и позволяет себе это хотя бы в клаузуле, под прикрытием эпистолярного этикета.

В целом же в дружеской переписке обоих братьев артикулирована исповедальность не столько в «душеизлиянном», сколько в «ментальном» варианте – их больше интересует не состояние души, а развитие ума и самореализация на избранном поприще. Эпистолографы с интересом расспрашивают и извещают об этом друг друга. Кошелев даже предложил Киреевскому-старшему идею непременно отчитываться в результатах этой деятельности друг перед другом в письмах, принятую и им, и всем дружеским кругом. Неудивительно, что лень в их переписке строго порицалась, причем лень как в отношении к деятельности, так и в отношении к самой переписке (неусердие во второй могло свидетельствовать о неусердии в первой; вызывало тревогу) [см. подр.: Кузьмина, 2022]. В эпистолярии Петра, посвятившего себя собиранию произведений русского народного творчества, в отличие от Ивана и его друзей, не стоит вопрос о лени и долге перед отечеством и другом. Автор писем всецело увлечен своим делом – и, чувствуется, не может писать ни о чем другом. Более того, едва находит время на письма, и находит его только ради друга.

Начиная с 1832 г., Петр Киреевский восторженно сообщает своему корреспонденту: «…я теперь совершенно углубился в народные песни и сказания» [Киреевский, 2006, с. 353], «…готовящееся собрание русских песен будет <…> одно из замечательнейших явлений литературы…» [Киреевский, 2006, с. 376], «Ах, братец, коли б ты был здесь! То-то бы расцвели наши песни! <…>. Я хотя и весь в них, душой и телом, а все-таки чувствую, что не по силам мне одному быть нянькой этого царственного дитяти» [Киреевский, 2006, с. 390–391] и т. п. Эти восторженные признания были обусловлены не только полной отданностью их автора избранному делу, но и откликом, который и эти признания, и это дело находили у адресата. Языков тоже любил фольклор, что преломлялось и в его поэтическом творчестве [см. подр., напр.: Абашева, 2017, с. 92–131; Абашева, 2009, с. 329–418; Семенко, 1970, с. 211–217; Соймонов, 1971, с. 124, 142–143], и в том, что он усердно помогал Киреевскому. Уехав в 1833 г. из Москвы в свое симбирское имение, он с увлечением собирает там русские песни, побуждает к этому и родных, и знакомых, дает советы. Как заметил М. К. Азадовский, «заботы о песнях не оставляют его, можно сказать, ни на минуту» [Азадовский, 1936, с. 139; см. также: Абашева, 2017, с. 92–131]. Он сохранит живой интерес к фольклору до конца своей недолгой жизни.

Фольклорно-литературный стиль писем Петра Киреевского. Любовь Киреевского к русской старине начинает определять и стиль его посланий. Они, скажем так, фольклорно-литературны. Отчасти стилизованы под художественное произведение (показательна их метафоричность – ср.: «нянька» «царственного дитяти»), но больше под произведения устного народного творчества. Петр Киреевский-эпистолограф в полной мере оправдывает давно присвоенное ему название первого славянофила («Еще в Германии (где он находился с июля по ноябрь 1830 г. – *М. К.*), – замечал С. М. Сергиев, – (если не раньше) Киреевский определился как первый славянофил…» [Сергиев, 1992, с. 539]). Уже в 1830-е гг. он настолько впитал в себя и полюбил дух русской старины, что и мыслит, и выражается, с одной стороны, в традициях устного народного творчества (ср.: «…до сих пор еще на меня сердишься, несмотря на повинную голову, которой и меч не сечет…» [Киреевский, 2006, с. 353], «…у Киреева <…> молодая жена так хороша, что ни пером не описать, ни языком не сказать…» [Киреевский, 2006, с. 358], «Когда ты, справившись с богатырскими силами, пустишься в возвратный путь…» [Киреевский, 2006, с. 420] и т. п.), а с другой – в православных традициях (например, отнюдь не всуе поминает Бога: «Бакуниных, слава Богу, нет…»

[Киреевский, 2006, с. 350], «У нас все, слава Богу, идет хорошо…» [Киреевский, 2006, с. 355]). Ни того, ни другого даже в зародыше не было в эти годы в письмах Ивана Киреевского.

Любопытно, что при всей огромной значимости фольклорных и православных традиций для Петра Киреевского, те и другие могут становиться у него и основой для «буффонады». Последняя в его эпистолярии не лишает их аксиологической ценности. Эффект «буффонады» рождается в результате того, что Киреевский, глубоко вжившись в фольклорные и православные традиции, мысля и выражаясь в этих традициях, – свободно ими распоряжается. С одной стороны, разрушает застывшие языковые формулы, разнообразит и, соответственно, «оживляет» их (ср. в вышеприведенной цитате: «…ни пером не описать, ни языком не сказать…»). Идя дальше, освобождает слово или выражение от непременной привязки к контексту – в частности, к сакральному религиозному. Таким образом рождается, например, клаузула одного из писем к Языкову: «И ныне, и присно, и во веки веков твой Киреевский» [Киреевский, 2006, с. 352]. Нельзя, правда, сказать, что это открытие Петра Киреевского. Подобное употребление религиозных «формул» было принято в дружеском эпистолярии пушкинской эпохи. В частности, сам Пушкин одно из писем к Жуковскому начинает словами: «Отче, в руце твои предаю дух мой» [Пушкин, 1966, с. 173], – накладывая шутливое, принятое еще во времена арзамасского братства обращение к старшему другу-учителю «Отче», на серьезное молитвенное обращение к Богу: поэт повторил последние слова, произнесенные Распятым Христом с Креста (см.: Лк. 23: 46) (думается, Н. К. Эмирсуинова небезосновательно замечает по поводу этих обращенных к Жуковскому слов, что «здесь, конечно, выразилось стремление Пушкина говорить с поэтом-романтиком в его стилистическом ключе моралиста-христианина…», «…не только намек на религиозность Жуковского, но и смиренное признание за другом права старшинства» [Эмирсуинова, 1992, с. 58]). Возвращаясь к Петру Киреевскому, нужно отметить, что, с другой стороны, он не может не чувствовать неактуальность так полюбившейся ему лексики для современного языка (а вместе с тем, конечно, и неактуальность для большинства его современников традиций, стоящих за этой лексикой), особенно для разговорного. Между тем современный, в том числе разговорный, язык близок адресату (хотя ему не чужда и архаика, и он, как и Киреевский любит русскую старину и православную веру (см. подр. о преломлении темы русской старины и о религиозных мотивах в его поэзии: [Абашева, 2009, с. 76–91]) и автору, и, конечно же, он наиболее аутентичен для дружеской переписки.

В результате фольклорист-эпистолограф соединяет разностилевую лексику, поддерживая и по-своему переосмысляя «буффонадные» эксперименты эпистолографов пушкинского круга и круга старшего брата. Так, пишет Языкову: «…восприими сугубое поздравление! Да здравствуешь ты как кум Каролины и как регистратор коллежский!» [Киреевский, 2006, с. 354], «Хоть заочно, но крепко и костохрустно обнимаю тебя в знамение душевного поздравления с Новым годом…» [Киреевский, 2006, с. 361], «Крепко обнимаю тебя, мой наивседражайший, да здравствуешь ты и да ознаменуется 34-й год разверстием уст твоих!» [Киреевский, 2006, с. 388] и т. п. В подобном ключе адресовался к нему и Языков в единственном сохранившемся письме, 1843 г.: «Намереваюсь усесться здесь порядком, зане бренному здоровью моему необходим постоянный надзор искусного целителя телес человеческих» [Языков, 2006, с. 152]. Оба друга совмещают архаичные формы: «восприими», «сугубое», «знамение», «наивседражайший», «уста», «зане», «телес» и пр. – с современными им разговорными. У Киреевского есть даже неологизм в духе характерного для дружеской эпистолографии 1820-х–1830-х гг. словотворчества – «костохрустно». Эта эпистолярная традиция была хорошо знакома обоим. Языков участвовал в переписке пушкинского круга, к которому принадлежал, в том числе состоял в переписке с Пушкиным, хотя и проявлялся в ней по-своему, не поддаваясь всецело влиянию первого поэта России [см. подр.: Пригожая, 2003, с. 123–124; Рассадин, 2002, с. 78–129; см. также: Сахаров, 1984, с. 90–91; Трофимов, 2010]. Тем же путем – откликаясь на традиции и оставаясь собой – он шел и в поэзии [см. подр., напр.: Карпов, 1983, с. 268–270], где, в частности, ставит свой любимый архаизм «зане» в современные языковые контексты (ср. в его стих. «П. А. Осиповой» («Благодарю вас за цветы…»): «И все божественное лето, / Которое из рода в род, / Как драгоценность, перейдет, / Зане Языковым воспето!» [Языков, 1982, с. 104]. См. также его стих. «К. К. Павловой» («В те дни, когда мечты, блистательно и живо…»), «Сампсон»). По наблюдению еще В. Г. Белинского, первым на

этот древнерусский союз обратил внимание Пушкин, очень уместно, но всего единожды употребивший его – в трагедии «Борис Годунов». Попытки же Баратынского и Ап. Григорьева применять «зане» в литературе критик признал неудачными, заметив: «Чего не мог ввести Пушкин, того не введет г. Григорьев…» [Белинский, 1955, с. 886–887]. Языков – как в поэзии, так и в эпистолярной прозе – продолжает эксперименты с «зане», опираясь на арзамасскую традицию.

Киреевский в рамках этой традиции – в подобном «буффонадном» ключе – обычно начинает письма (хотя может начинать и в чисто разговорной тональности: «Ну, брат!» [Киреевский, 2006, с. 383], «Ах, братец…» [Киреевский, 2006, с. 390] и т. п.), опуская – опять же в традициях дружеской эпистолографии своего времени – прескрипт. Отсутствие прескрипта традиционно знаменовало свободу общения, и в данном случае служит той же цели. Той же цели служит и «буффонадность». На нее же работает, хотя и иначе, «душеизлиянная» клаузула. Начало и окончание письма у Петра Киреевского, корректируя, гармонично дополняют друг друга.

Поздние письма Петра Киреевского к Языкову. В таком духе Киреевский писал Языкову до конца 1830-х гг. Он сохранит верность этой традиции и в 1840-е гг. Только клаузула со временем утратит юношескую гиперэмоциональность, которую сменит рассудительная сдержанность (ср.: «Твой Петр К. [Киреевский, 2006, с. 423], «Твой Петр Киреевский» [Киреевский, 2006, с. 445]). А прескрипт преобразится до предельно лаконичного архаично-разговорного «друже» [Киреевский, 2006, с. 417], «друже, старче честной» [Киреевский, 2006, с. 420], «друже-старче» [Киреевский, 2006, с. 443], – отображающего верность автора письма самому себе, как и дружескую преданность, проверенную годами, дружескую доброжелательность, легкий юмор и легкую же грусть – по ушедшей молодости. Память об ушедшей молодости соединится в сознании автора-эпистолографа с темой прошлого родной земли. Поздравляя Языкова с Новым – 1846 – годом, Киреевский выскажет многоговорящее пожелание ему здравствовать на «…многие, многие Новые годы, которые, хотя да будут всегда новые, но да отражают в себе все ярче всю красоту наших прежних, старых лет – и нашей православной Руси, и нашей молодости, потому что все-таки ж ничему новому не бывать милее старого, разве только укреплять и освежать то, что составляет его душу» [Киреевский, 2006, с. 443].

Вывод. Этим принципам фольклорист-эпистолограф оставался верен до конца и на выбранном поприще, и в переписке, и во всей своей жизни.

Библиографический список

1. Абашева Д. В. Языков и народно-поэтическая традиция. Москва : МГПУ, 2017. 264 с.

2. Абашева Д. В. Языковы в истории литературы и фольклористики. Москва : Таганка, 2009. 444 с.

3. Азадовский М. К. Киреевский и Языков. (Страница из истории русской фольклористики) // Азадовский М. К. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Ленинград : Худ. лит-ра, 1936. С. 133–153.

4. Баратынский Е. А. Письма к И. В. Киреевскому // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 156–195.

5. Белинский В. Г. Стихотворения Аполлона Григорьева // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. Москва : Изд-во АН СССР, 1955. С. 592–600.

6. Гершензон М. О. Петр Васильевич Киреевский // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 447–505.

7. Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры. Москва : Искусство, 1987. С. 183–188.

8. Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.

9. Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Ленинград : Наука, 1983. С. 268–270.

10. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Санкт-Петербург : Росток, 2018. Т. 1. 608 с.

11. Киреевский П. В. Письма // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Письма и дневники / Изд. подгот. А. Ф. Малышевским. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 305–454.

12. Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева: В 2 т. Москва, 1889–1892. Т. 1. 584 с. Т. 2. 436 с.

13. Кошелев А. И. Письма И. В. Киреевскому (1822–1828) / публ. Е. В. Лудиловой // Русская литература. 2005. № 1. С. 96–124.

14. Кузьмина М. Д. Дружеская переписка И. В. Киреевского 1820–1830-х гг. в литературном контексте // Русская литература. 2023. № 1. С. 119–134.

15. Кузьмина М. Д. Мотив лени в дружеской переписке молодого И. В. Киреевского // Studia Litterarum. 2022. № 1. С. 218–237.

16. Лясковский В. Н. Братья Киреевские // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 332–414.

17. Пригожая О. В. Переписка А. С. Пушкина с Н. М. Языковым как целостный текст // По царству и поэт: Материалы всеросс. науч. конф. «Н. М. Языков и литература пушкинской эпохи» / сост. и отв. ред. А. П. Рассадин. Ульяновск : Средневолжский науч. центр, 2003. С. 123–134.

18. Пушкин А. С. Письма. 1815–1837 // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 10 т. Т. 10. Москва : Наука, 1966. 903 с.

19. Рассадин А. П. Последний из пушкинской плеяды. Н. М. Языков. Историко-документальное повествование. Ульяновск : Симбирская книга, 2002. 200 с.

20. Сахаров В. И. Под сенью дружных муз. О русских писателях-романтиках. Москва : Худ. лит-ра, 1984. 295 с.

21. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. Москва : Худ. лит-ра, 1970. 295 с.

22. Сергиев С. М. Киреевский Петр Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. Москва : Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. С. 538–540.

23. Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Ленинград : Наука, 1971. 360 с.

24. Соймонов А. Д. Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели // Литературное наследство. Т. 79. Москва : Наука, 1968. С. 121–166.

25. Трофимов Ж. Родня по вдохновенью. Историко-документальное повествование об А. С. Пушкине и Н. М. Языкове. Ульяновск : Издат. дом «Караван», 2010. 192 с.

26. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977. С. 255–270.

27. Эмирсуинова Н. К. А. С. Пушкин в письмах к В. А. Жуковскому 1820-х годов // Романтизм: вопросы эстетики и художественной практики. Сб. науч. тр. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1992. С. 56–60.

28. Языков Н. М. Письмо к П. В. Киреевскому от августа 1843 г. // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 152.

29. Языков Н. М. Сочинения. Ленинград : Худ. лит-ра, 1982. 447 с.

Reference list

1. Abasheva D. V. Jazykov i narodno-pojeticheskaja tradicija = Yazykov and folk poetic tradition. Moskva : MGPU, 2017. 264 s.

2. Abasheva D. V. Jazykovy v istorii literatury i fol'kloristiki = The Yazykovs in the history of literature and folklore studies. Moskva : Taganka, 2009. 444 s.

3. Azadovskij M. K. Kireevskij i Jazykov. (Stranica iz istorii russkoj fol'kloristiki) = Kireevsky and Yazykov. (A page from the history of Russian folklore studies // Azadovskij M. K. Literatura i fol'klor. Ocherki i jetjudy. Leningrad : Hud. lit-ra, 1936. S. 133–153.

4. Baratynskij E. A. Pis'ma k I. V. Kireevskomu = Letters to I.V. Kireevsky // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorchestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 156–195.

5. Belinskij V. G. Stihotvorenija Apollona Grigor'eva = Poems by Apollon Grigoriev // Belinskij V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 9. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 592–600.

6. Gershenzon M. O. Petr Vasil'evich Kireevskij = Petr Vasilievich Kireevsky // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorchestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 447–505.

7. Ginzburg L. Ja. «Zastenchivost' chuvstva». Po povodu pisem ljudej pushkinskogo kruga = «Shyness of Feeling». On the letters of people from Pushkin's circle // Krasnaja kniga kul'tury. Moskva : Iskusstvo, 1987. S. 183–188.

8. Dolgushin D. V. V. A. Zhukovskij i I. V. Kireevskij: Iz istorii religioznyh iskanij russkogo romantizma = V. A. Zhukovsky and I. V. Kireevsky: From the history of religious pursuits of Russian Romanticism. Moskva : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 352 s.

9. Karpov A. A. Jepoha 1830-h godov v pis'mah N. M. Jazykova = The epoch of the 1830s in N.M. Yazykov's letters // Pushkin: Issledovanija i materialy. T. 11. Leningrad : Nauka, 1983. S. 268–270.

10. Kireevskij I. V. Poln. sobr. soch. i pisem = Complete works and letters : V 3 t. Sankt-Peterburg : Rostok, 2018. T. 1. 608 s.

11. Kireevskij P. V. Pis'ma = Letters // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 3. Pis'ma i dnevniki / Izd. podgot. A. F. Malyshevskim. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 305–454.

12. Koljupanov N. P. Biografija Aleksandra Ivanovicha Kosheleva = The biography of Aleksandr Ivanovich Koshelev : V 2 t. Moskva, 1889–1892. T. 1. 584 s. T. 2. 436 s.

13. Koshelev A. I. Pis'ma I. V. Kireevskomu (1822–1828) = Letters to I.V. Kireevsky (1822-1828) / publ. E. V. Ludilovoj // Russkaja literatura. 2005. № 1. S. 96–124.

14. Kuz'mina M. D. Druzheskaja perepiska I. V. Kireevskogo 1820–1830-h gg. v literaturnom kontekste = I. V. Kireevsky's correspondence with friends in the

1820s-1830s in a literary context // Russkaja literatura. 2023. № 1. S. 119–134.

15. Kuz'mina M. D. Motiv leni v druzheskoj perepiske molodogo I. V. Kireevskogo = The motif of laziness in young I. V. Kireyevsky's correspondence with friends // Studia Litterarum. 2022. № 1. S. 218–237.

16. Ljaskovskij V. N. Brat'ja Kireevskie = The Kireev brothers // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorchestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 332–414.

17. Prigozhaja O. V. Perepiska A. S. Pushkina s N. M. Jazykovym kak celostnyj tekst = A. S. Pushkin's correspondence with N. M. Yazykov as an integral text // Po carstvu i pojet: Materialy vseross. nauch. konf. «N. M. Jazykov i literatura pushkinskoj jepohi» / sost. i otv. red. A. P. Rassadin. Ul'janovsk : Srednevolzhskij nauch. centr, 2003. S. 123–134.

18. Pushkin A. S. Pis'ma. 1815–1837 = Letters. 1815-1837 // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 10 t. T. 10. Moskva : Nauka, 1966. 903 s.

19. Rassadin A. P. Poslednij iz pushkinskoj plejady. N. M. Jazykov. Istoriko-dokumental'noe povestvovanie = The last of Pushkin's pleiad. N. M. Yazykov. Historical and documentary narrative. Ul'janovsk : Simbirskaja kniga, 2002. 200 s.

20. Saharov V. I. Pod sen'ju druzhnyh muz. O russkih pisateljah-romantikah = In the shadow of friendly muses. About Russian romantic writers. Moskva : Hud. lit-ra, 1984. 295 s.

21. Semenko I. M. Pojety pushkinskoj pory = The poets of Pushkin's time. Moskva : Hud. lit-ra, 1970. 295 s.

22. Sergiev S. M. Kireevskij Petr Vasil'evich = Kireevsky Petr Vasilievich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'. T. 2. G–K. Moskva : Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija; Fianit, 1992. S. 538–540.

23. Sojmonov A. D. P. V. Kireevskij i ego sobranie narodnyh pesen = P. V. Kireevsky and his collection of folk songs. Leningrad : Nauka, 1971. 360 s.

24. Sojmonov A. D. Fol'klornoe sobranie P. V. Kireevskogo i russkie pisateli = P. V. Kireevsky's folklore collection and Russian writers // Literaturnoe nasledstvo. T. 79. Moskva : Nauka, 1968. S. 121–166.

25. Trofimov Zh. Rodnja po vdohnoven'ju. Istoriko-dokumental'noe povestvovanie ob A. S. Pushkine i N. M. Jazykove = Kindred by inspiration. Historical-documentary narrative about A. S. Pushkin and N. M. Yazykov. Ul'janovsk : Izdat. dom «Karavan», 2010. 192 s.

26. Tynjanov Ju. N. Literaturnyj fakt = A literary fact // Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moskva : Nauka, 1977. S. 255–270.

27. Jemirsuinova N. K. A. S. Pushkin v pis'mah k V. A. Zhukovskomu 1820-h godov = A. S. Pushkin in his letters to V. A. Zhukovsky in the 1820s // Romantizm: voprosy jestetiki i hudozhestvennoj praktiki. Sb. nauch. tr. Tver' : Tverskoj gos. un-t, 1992. S. 56–60.

28. Jazykov N. M. Pis'mo k P. V. Kireevskomu ot avgusta 1843 g. = The letter to P. V. Kireevsky of August 1843 // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorchestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 152.

29. Jazykov N. M. Sochinenija = Works. Leningrad : Hud. lit-ra, 1982. 447 s.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 30.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 82-311.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-42
EDN: VZZTWU

Метаповествовательная техника в прозе В. Н. Войновича 1970–1980-х годов

Михаил Юрьевич Егоров
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
michael_egorov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0049-1535

Аннотация. В статье рассматривается, каким образом проявляет себя метаповествовательность в повести «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» и в романе «Москва 2042» В. Н. Войновича. Повествование в «Иванькиаде» ведётся от первого лица, но рассказчик использует различные варианты форм текста (дневник, официально оформленное заявление, предисловие к сборнику стихотворений, юридическую справку, письмо министру и т. д.). В. Войнович подчеркивает документальность истории: в книге упоминаются реальные лица. Переводя повесть в статус документального повествования, В. Войнович метаповествовательно вовлекает текст в реальность, но и опосредует её через ранее существовавшие тексты, интертекстуальные игры, разрушающие автономию повествования. Рассказчик В. Войновича пытается изобрести «реальный» мир. Создать «реальный» мир в метаповествовательной структуре «Иванкиады» не выходит, можно создать только метафору реальности. В «Москве 2042» метатекстуальные элементы нарочито выпячены. Фантастический сюжет «Москвы 2042» неслучайно литературоцентричен. Метаповествовательная тема замещает собой собственно сюжетную историю, историю героев. Важную роль в «Москве 2042» играет остранение. Все реалии, характеризующие антиутопический тоталитарный мир Москвы будущего, в сознании Карцева отражаются как выбивающиеся из привычной нормы. Созданию эффекта выведения восприятия текста из автоматизма способствует метаповествовательность. Метаповествование не только поддерживает остранение, но само подвергается остраняющему эффекту. Появление метаповествовательных компонентов в «Москве 2042» связано и с жанровыми особенностями антиутопии. С одной стороны, рассказчику в «Москве 2042» метаповествовательные элементы позволяют утвердить мнение о реальности произошедшего, а с другой стороны, повествование заставляет читателя дистанцироваться от изображенного мира.

Ключевые слова: В. Н. Войнович; «Иванькиада»; «Москва 2042»; метаповествование; третья волна эмиграции; русское зарубежье; остранение

Для цитирования: Егоров М. Ю. Метаповествовательная техника в прозе В. Н. Войновича 1970–1980-х годов // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 42–49. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-42. https://elibrary.ru/VZZTWU

Original article

Meta-narrative technique in V. N. Voynovich's prose of the 1970s-1980s

Mikhail Yu. Egorov
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
michael_egorov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0049-1535

Abstract. The article considers how meta-narration manifests itself in the story Ivankiada, or The Story of Voynovich's Moving into a New Apartment and in the novel Moscow 2042 by V.N. Voynovich. The narrative in Ivankiada is from the first person, but the narrator uses different text forms (a diary, an official statement, a preface to a collection of poems, a legal note, a letter to a minister, etc.). V. Voynovich emphasizes the documentary nature of the story with real persons mentioned in the book. Changing the status of the story into a documentary narrative, V. Voinovich meta-narratively involves the text in reality, but also mediates it through pre-existing texts, intertextual games that destroy the autonomy of the narrative. V. Voynovich's narrator tries to invent a «real» world. It is impossible to create a «real» world in the meta-narrative structure of Ivankiada; only a metaphor of reality can be created. In Moscow 2042 metatextual elements are deliberately emphasized. The fictional plot of Moscow 2042 is literary-centered

© Егоров М. Ю., 2024

for a reason. The meta-narrative theme replaces the actual plot line, the story of the characters. Estrangement plays an important role in Moscow 2042. All the realities that characterize the dystopian totalitarian world of Moscow of the future are reflected in Kartsev's mind as being out of the conventional norm. The meta-narration contributes to the effect of taking the perception of the text out of automatism. The meta-narrative not only supports estrangement, but is itself subject to estrangement. The emergence of meta-narrative components in Moscow 2042 is also connected with the dystopian genre features. The narrator in Moscow 2042, on the one hand, uses meta-narrative elements to establish an opinion about the reality of what happens, and on the other hand, the narrative forces the reader to distance themselves from the world described.

Key words: V. N. Voinovich; Ivankiada; Moscow 2042; meta-narrative; third wave of emigration; Russians abroad; estrangement

For citation: Egorov M. Yu. Meta-narrative technique in V. N. Voynovich's prose of the 1970s-1980s. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):42–49. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-42. https://elibrary.ru/VZZTWU

Введение

Статья посвящена творчеству В. Н. Войновича (1932–2018). В центре внимания находятся два крупных прозаических текста писателя: повесть «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» и роман «Москва 2042». Оба произведения впервые были опубликованы за границей в 1970–1980-х гг. Повесть была опубликована до эмиграции автора, роман – в то время, когда В. Н. Войнович уже постоянно проживал в Германии. «Иванькиада» и «Москва 2042» рассматриваются в аспекте реализации в них метаповествовательных техник.

Методы исследования

Предлагаемая статья, несомненно, не могла быть создана без влияния структуралистского подхода к изучению литературного произведения. Для примера в качестве основополагающей отечественной структуралистской работы можно было бы назвать «Структуру художественного текста» Ю. М. Лотмана [Лотман, 1970]. Исследование основано на научных трудах, в которых многосторонне разрабатываются проблемы метатекстуальности, П. Во «Метафикшн» [Waugh, 1984], В. Б. Зусевой-Озкан «Историческая поэтика метаромана» [Зусева-Озкан, 2014]. В частности, важным представляется подход к метаповествованию, продиктованный замечанием П. Во: «Метафикшн – это термин, обозначающий вымышленный текст, который сознательно и систематически привлекает внимание к своему статусу артефакта, чтобы провоцировать вопросы об отношениях между вымыслом и реальностью» [Waugh, 1984, p. 2].

Результаты исследования

Писатель В. Войнович эмигрировал из СССР в 1980 году, но некоторые его произведения были опубликованы за границей ещё до отъезда. Среди них повесть «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру», впервые увидевшая свет в 1976 году в легендарном американском издательстве «Ардис».

Феномен метатекстуальности устроен таким образом, что накладывает отпечаток на определенное понимание реальности. Если границы повествования нарушаются, читатель видит переход повествования на уровень, подчеркивающий существование текста как артефакта, то и реальность начинает восприниматься как нечто, «пересекающееся» с текстом.

Реальность в том виде, в котором она представлена в «Иванькиаде», выглядит для читателя как искусственная конструкция, сеть взаимозависимых семиотических систем, часто выходящих за рамки собственно художественной литературы. Повествование в произведении ведётся от первого лица, но рассказчик использует различные варианты форм текста. В исследуемой повести находится место дневнику [Войнович, 1993а, с. 441–444], описанию сна [Войнович, 1993а, с. 449], официально оформленному заявлению [Войнович, 1993а, с. 456], предисловию к сборнику стихотворений [Войнович, 1993а, с. 458], юридической справке [Войнович, 1993а, с. 463–464], письму к председателю Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров СССР тов. Б. И. Стукалину [Войнович, 1993а, с. 485–486], письму председателя жилищного кооператива [Войнович, 1993а, с. 513], выписке решении собрания членов этого кооператива [Войнович, 1993а, с. 514], письму в ЖСК «Московский писатель» [Войнович, 1993а, с. 515–516], протоколу заседания ЖСК [Войнович, 1993а, с. 515], письму бывшего председателя правления ЖСК [Войнович, 1993а, с. 515], письму ко всем членам ЖСК [Войнович, 1993а, с. 517–518]. Кроме того, персонажи «Иванькиа-

ды» регулярно пересказывают, передают высказывания, мнения других персонажей. В. Войнович ещё и подчеркивает документальность истории, в книге упоминаются реальные лица. Например, В. Войнович рассказывал, как С. С. Иванько, выступающий отрицательным героем книги, с удовольствие раздавал автографы людям, узнавшим его по «Иванькиаде»: «Когда я написал „Иванькиаду", я надеялся, что Иванько и некоторым его покровителям будет очень неприятно. Но я увидел, что с его карьерой ничего не случилось. Больше того – я ему сделал паблисити» [Глэд, 1991, с. 102].

В подобном обращении с материалом можно усмотреть влияние кризиса традиционных для советской литературы форм, перестающих быть адекватными средствами для передачи идей. Встретив очередное противодействие на пути получения квартиры и обдумывая обращения в районный комитет партии, рассказчик в «Иванькиаде» обращается к опыту социалистического реализма и заключает: «Если бы это была не документальная история, взятая прямо из жизни, а роман, написанный по методу социалистического реализма, то действительно в райкоме и состоялся бы хэппи-энд» [Войнович, 1993а, с. 488]. Разумеется, ничего подобного не происходит.

«Иванькиада» начинается с раздела «Вместо предисловия», в котором автор говорит о трудностях создания произведения. Примечательно, что заканчивается эта глава упоминанием Маркса: существует ли в государстве «этакий правоверный догматик и ортодокс и, вцепившись одной рукой в бороду Маркса, другой листает „Капитал", сверяя по нему каждый свой шаг [Войнович, 1993а, с. 436]»? В «Эпилоге» же даётся ответ: «Нет, пожалуй, совсем иным представляется нам образ нашего героя [Иванько]. Маркса он выкинул из головы с тех пор, как сдал последний зачет по марксизму, а это было давно. Марксизм ему нужен как ширма, которой можно прикрыться. Дайте ему ширму другую, он прикроется ею» [Войнович, 1993а, с. 523]. Получается, что вопросы марксистской морали, такие навязчивые в социалистическом реализме, были не так уж далеки от текста «Иванькиады», да и закончится всё хорошо: «…вот какой ценой я привел эту типичную, в общем, историю к нетипичному хэппи энду» [Войнович, 1993а, с. 521]. Отметим здесь элегантное смещение «реальности» и текста: не события завершились, а события были приведены к финалу рассказчиком.

По мнению У. Г. Гэсса, в искусстве существует дилемма: «В любом искусстве два противоречивых импульса находятся в состоянии манихейской войны: импульс к коммуникации и, следовательно, к средству коммуникации как к средству, и импульс к созданию артефакта из материалов этого средства и, следовательно, отношение к средству как к цели» [Gass, 1970, p. 94]. В метаповествовании это открыто выражается через систематическое обращение к «раскрытию» процесса написания текста. Для «Иванькиады» свойственно изначальное напряжение между указанными У. Г. Гэссом крайностями.

Перед читателем открывается документ о тяжбе – история, как это явствует уже из подзаголовка, тяжбы из-за получения новой квартиры, и не кем-нибудь, а тем, чьё имя указано на обложке в качестве автора текста. Однако впечатление документальности кажущееся, текст многослойнее. Как было продемонстрировано выше, в «Иванькиаду» привлекаются формы отнюдь не литературные (официальные письма-обращения, заявления и т. д.). «Невымышленное» существование повести отражается в различного рода привлеченных документах.

Переводя повесть в статус документального повествования, В. Войнович метаповествовательно вовлекает текст в реальность, но и опосредует её через ранее существовавшие тексты, интертекстуальные игры, разрушающие автономию повествования.

Бегло обозначим интертексты в «Иванькиаде». Название произведения уже отсылает к тексту «внешнему» по отношению к истории получения квартиры, здесь слышится отголосок «Иллиады». Рассказчик сравнивает себя с пушкинским Андреем Гавриловичем Дубровским: «И подумал, что попал в положение старика Дубровского тем же примерно характером. Я тоже, во-первых, мало знаю толку в делах и, во-вторых, горячусь и бываю неосмотрителен» [Войнович, 1993а, с. 471]. Есть ссылки и на Н. В. Гоголя [Войнович, 1993а, с. 453, 490], а одна из главок называется «Немного о птицетройке и Альфреде Мюссе» [Войнович, 1993а, с. 452]. На страницах «Иванькиады» существует несколько указаний на Б. Л. Пастернака и его роман «Доктор Живаго» [Войнович, 1993а, с. 438, 439, 495, 535]. Несколько раз в повести упоминается М. А. Булгаков и его роман «Мастер и Маргарита» [Войнович, 1993а, с. 494, 495, 510, 511], явно отсылая к вечности «квартирного вопроса».

«Реальность» расшатывается и такими метаповествовательными маркерами, как обращения к читателю: «Но из розового миража возникает передо мной не догматик, не ортодокс, а деятель нового типа, которого я и спешу вам представить, любезный читатель» [Войнович, 1993а, с. 436], «…и вы, читатель, вероятно, полагаете, что на этом конец всей истории. Но вы же видите, что это не последняя страница нашего повествования» [Войнович, 1993а, с. 467], «Вторую копию я послал (да простит меня строгий читатель) секретарю парторганизации Госкомиздата Соловьеву» [Войнович, 1993а, с. 487] и т. д. Присутствие читателя подчеркивает условность повествования.

Рассказчик комментирует сюжет «Иванькиады», указывая одновременно на то, что тот способен сделать реальность более «реальной»: «Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а изнутри не всегда понятны» [Войнович, 1993а, с. 435].

Пересечение реальности и литературы приобретает зримые черты в рассуждениях рассказчика о большом количестве спецслужбистов в Союзе писателей: «Я часто думал, почему в Союзе писателей так много бывших (и не только бывших) работников карательных служб. И понял: потому что они действительно писатели. Сколько ими создано сюжетов, высосанных из пальца! И каких сюжетов! Подрывные организации, распространившиеся по всей стране. Многочисленные связи с иностранными разведками…» и т.д. [Войнович, 1993а, с. 476] (социологическое толкование «Иванькиады» см. [Chapman, 2017, p. 529–532]).

Характерно высказывание С. Довлатова, указывающая на похожую черту повести в целом: «Скажем, замечательная книга Войновича «Иванькиада», с одной стороны, построена на фактических событиях, а с другой – это художественная литература. Там есть герой, там есть психологический рисунок, там есть юмор. Это художественная литература, созданная писателем, а не жизнью» [Глэд, 1991, с. 90]. (ср. отчасти сходное высказывание П. Вайля и А. Гениса: в «Иванькиаде» «ощущение абсурдности бытия достигается скрупулезным, фактографическим воспроизведением реальности» [Вайль, Генис, 1982, с. 173]).

К писателю в качестве главного героя произведения В. Войнович вернулся в романе «Москва 2042». По собственному признанию, В. Войнович задумал роман ещё в СССР, а начал работу над ним в 1982 году [Войнович, 2017, с. 722, 723].

Метатекстуальные стратегии, которые использует В. Н. Войнович в романе «Москва 2042» весьма наглядны. Метатекстуальность явлена уже на первых страницах произведения. Во «Вступлении», входя в диалог с читателем, повествователь предупреждает, что всё, рассказанное в романе, является правдой: «Легко предвижу, что некоторые читатели отнесутся к моему рассказу с недоверием, скажут: это уж слишком, это он выдумал, этого быть не может. Не буду спорить, может или не может, но должен сказать совершенно определенно, что я ничего никогда не выдумываю» [Войнович, 1993, с. 7].

В «Москве 2042» метатекстуальные элементы – элементы, связанные с литературным творчеством, нарочито выпячены. Так, «Вступление» с вышеприведённым заявлением призвано резко поменять перспективу восприятия текста наблюдателем-читателем: всё сказанное в романе читатель должен воспринимать как документальную историю. С этим контрастирует выбранный жанр произведения – антиутопия. Такой жанр, несомненно, предполагает наличие фантастического компонента. В соединении метаповествования с антиутопией, таким образом, конструкция «Москвы 2042» получается ещё более искусственной.

Действительность происходящего прочно закрепляется в сознании эксплицитного нарратора, который пытается навязать свою точку зрения всем читателям, заявляя об этом неоднократно: «Я думаю, этого объяснения достаточно, чтобы вы отнеслись к моему рассказу с полным доверием» [Войнович, 1993, с. 7], «Некоторые детали я охотно бы опустил, только моя исключительная правдивость не позволяет мне ни на шаг отступить от правды фактов» [Войнович, 1993, с. 87], «Мое дело – быть объективным и бесстрастным регистратором фактов» [Войнович, 1993, с. 158].

Вообще по тесту романа рассыпаны упоминания эксплицитного наррататора, позволяющие пересекать условную границу мира повествуемого: «Я подозреваю, что читателей этой книги интересуют подробности космического путешествия…» [Войнович, 1993, с. 86], «…читатель не забыл (я-то не забыл), у меня в кармане должна была быть выданная мне на прощанье стюардессой бутылочка Смирнофф…» [Войнович, 1993,

с. 115], «Я прошу у читателя прощения, что привожу так подробно все прочитанные мною правила…» [Войнович, 1993, с. 156].

Фантастический сюжет «Москвы 2042» неслучайно литературоцентричен. «…в книге соединяются два мира. Один – сугубо условный – Москва 2042 года. Второй – мир чувств, переживаний, размышлений писателя Виталия Карцева» [Вайль, Генис, 1991]. Главный герой-рассказчик Виталий Никитич Карцев, являющийся известным писателем, отправляется в будущее на 60 лет вперёд. Перед этим он получает заказ от журнала «Нью Таймс» сделать репортаж о России будущего. В Москве 2042 года герой оказывается вовлечён в водоворот событий, связанных с празднованием его собственного столетнего юбилея на государственном уровне. В праздновании особую роль играет писательская профессия Карцева: в обществе грядущего он возведен в ранг классика: «Здесь, в Москорепе, каждый пионер, / Читая ваши славные страницы, / Старается брать с Карцева пример, / По-карцевски работать и учиться» [Войнович, 1993, с. 110]. В финале романа власть в описываемом обществе берет в свои руки насильственным путём тоже писатель Сим Симыч Карнавалов, прекрасно известный Карцеву. Карцеву удается вернуться домой в прошлое с мыслью создать роман о своём путешествии.

Герой-рассказчик «Москвы 2042» попадает в мир будущего, устроенный по особым законам. Эти законы отчасти связаны с литературой. Москвой, точнее Московской коммунистической республикой (сокращенно Москореп), управляют Верховный Пятиугольник и Редакционная Комиссия. Возглавляет Москореп Гениалиссимус. Улицы Москвы носят названия литературных произведений Гениалиссимуса: переулок имени Послесловия к Первому тому Собрания Сочинений Гениалиссимуса, проспектом имени Первого тома Собрания Сочинений Гениалиссимуса, проспект имени Четвертого тома (бывший Калининский), улица имени Августовских тезисов Гениалиссимуса (бывшая Грановского).

Б. А. Ланин, размышляя о романе «Москва 2042», особо выделяет мотив подмены, характеризующий содержательную сторону произведения [Ланин, 2017, с. 57–58]. Этот мотив проявляет себя в мире Москореп: вместо бани там действует «пункт санитарной обработки», вместо свинины на обед «вегетарианская свинина „Прогресс", изготовленная из чего-то вроде прессованной брюквы» [Войнович, 1993, с. 157], вместо церковных структур оксюморонная Коммунистическая Реформированная Церковь, которая отказалась от веры в Бога, автором Священного писания называется Гениалиссимус и т. п. Впрочем, и сам Гениалиссимус подменен, вместо него государством руководят другие личности.

Подмена характеризует не только объекты мира Москорепа, но и метаповествовательность. Метаповествовательная тема замещает собой собственно сюжетную историю, историю героев – историю путешествия в будущее. О полной подмене говорить, естественно, невозможно, но внимание читателя всё равно раздваивается. Оказывается, что правители Москорепа заинтересованы в том, чтобы роман, над которым Карцев работает, был определенного содержания (о чем будет сказано ниже). Препирательства Карцева с власть предержащими о романе занимают определенное место в «Москве 2042». Например: [Берий Ильич Взрослый, маршал Москорепа, спросил Карцева:] «…роман получился в основном интересный. Ну а вы его все-таки читали с критическим отношением?» «Ну конечно, с критическим. А как же», – сказал я. …«И какие же вы недостатки нашли в вашем романе?» «Недостатки? – переспросил я удивленно. – Я не понимаю, о каких недостатках вы говорите». «Ну, начать хотя бы со вступления. Уже в самом начале у вас сказано как-то непонятно, то ли все, что вы пишете было на самом деле, то ли вы все это выдумали. А где правда?» [Войнович, 1993, с. 243–244].

Литературоведы, обращающиеся к роману «Москва 2042», регулярно отмечают такое свойство произведения, как пародийность (см. например [Ланин, 2017; Шохина, 1992; Clowes, 1993; Novikov, 2000; Ryan-Hayes, 1995]). «Читатель включается в игру, где царят подмена, пародирование, высмеивание, вышучивание, травестирование. Пародирование происходит и на уровне композиции, например, семичастная композиция пародирует семь дней творения…» [Ланин, 2017, с. 58–59]. Нам же представляется, что не менее важную роль в «Москве 2042» играет остранение. Примечательно, что остранение и пародия в рамках теории формализма связаны. О. А. Ханзен-Лёве, описывая такую связь, приходит к выводу: «Остраняющая пародия, деканонизация, нарушение нормы образуют тем самым единый процесс на всех уровнях корреляции… пародия или остранение в широком смысле всегда вызывает эмансипацию рефлектирующего сознания с тех позиций восприятия, кото-

рые уличаются в их конвенциональном характере» [Ханзен-Лёве, 2001, с. 374].

Хрестоматийная цитата об остранении из статьи В. Б. Шкловского «Искусство как приём»: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения" вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно» [Шкловский, 1983, с. 15].

Сюжет «Москвы 2042» – благодатная территория для проявления приёма остранения: талантливый писатель-эмигрант перемещается из прошлого в необычный мир будущего, при этом повествование ведётся от первого лица. Читатель видит окружающий героя мир глазами человека из иного времени, такой мир не может не быть представленным странным.

Все реалии, характеризующие антиутопический тоталитарный мир Москвы будущего, в сознании Карцева отражаются как выбивающиеся из привычной ему нормы. В качестве примера можно привести любой из множества эпизодов романа, в которых герой сталкивается с порядками Москорепа. Какие бы организации там не посещал Карцев (например, Государственный экспериментальный ордена Ленина публичный дом имени Н. К. Крупской или Ордена Ленина гвардейский союз коммунистических писателей Главного управления безбумажной литературы и т. д.), все их порядки, устройство представлены именно как «видение, а не как узнавание». Названия посещенных учреждений, наверное, уже сами говорят о странных как для героя, так и для читателя порядках, царящих в них.

Остранению подвергается язык общества будущего. Одна из отличительных черт языка антиутопического мира – обилие разного рода сокращений, аббревиатур. Форма приветствия: слаген – слава Гениалиссимусу, кабесот означает кабинет естественных отправлений, то есть туалет, прекомпиты – предприятия коммунистического питания, напоминающие столовые, предкомоб – предприятие коммунистического обучения, пукомрасы – пункты коммунистического распределения [товаров], БЕЗО – органы безопасности и т. д.

Более того, по сюжету произведения к Карцеву в Москорепе была приставлена переводчица, которая по-русски почти дословно воспроизводила то, что говорил писатель на русском же языке. Объяснялось это остраняющее обстоятельство так: «…мы действительно пользуемся приблизительно одним и тем же словарным составом, каждый язык, как известно…, имеет не только словарное, но и идеологическое содержание, и переводчица для того и нужна, чтобы переводить разговор из одной идеологической системы в другую» [Войнович, 1993, с. 104].

Несомненно, созданию эффекта выведения восприятия текста из автоматизма способствует в «Москве 2042» метаповествовательность, которая как бы формирует дополнительную надстройку и над сюжетом произведения, и над его рассказыванием, и над восприятием статуса литературного произведения. Размышляя о сократической майевтике, О. Ханзен-Леве делает показательный для нас вывод о связи метаповествоательности и остранения: «Всякая критическая саморефлексия осуществляется в ходе подобной «внутренней диалогизации», то есть выделения направленной на себя самого перспективы остранения» [Ханзен-Леве, 2001, с. 15] (также см. [Selejan, 2023]).

В Москорепе Карцеву передают его собственный опубликованный роман, написанный под впечатлением от предпринятого путешествия в будущее. В логике представленного мира это тот же роман, который сейчас разворачивается перед глазами читателя.

Правители Москвы хотят уговорить писателя внести изменения в текст произведения. В романе, предоставленном Карцеву, говорится о том, что очень скоро в результате вооруженного переворота власть в Москорепе захватит Сим Симыч Карнавалов. Верховный Пятиугольник убеждён, что, если изменить сюжет романа, то изменится ход событий, переворота не случится. Карцев сначала отказывается что-либо менять в романе, но под разнообразным давлением в конце концов соглашается на минимальную правку. Он меняет только имя злополучного персонажа – теперь это не Сим, а Серафим: «К сожалению, у меня и сейчас не хватило принципиальности и твердости позиции, и я не смог выкинуть этот персонаж совсем. Но я его переименовал, и он будет теперь называться не Сим, а Серафим» [Войнович, 1993, с. 305]. И тут же в тексте уже не Сим, а новоявленный Серафим узурпирует власть в Москве 2042 года. Переход текста в реальность и реальности в текст тематизируется.

Таким образом, метаповествование не только поддерживает остранение, но само метаповест-

вование подвергается остраняющему эффекту. В эпизодах замены имени персонажа читатель присутствует при производстве, «делании» (в выражениях В. Б. Шкловского) метаповествования на страницах романа.

В связи с этим появляется вопрос о соотношении литературы и действительности, которому уделено место на страницах романа. В одном из эпизодов Карцев задаётся вопросом: «А если этот разговор, как и всё остальное, я просто вообразил, то почему же силой воображения я не могу закончить свои приключения и вернуться к себе в Штокдорф?» [Войнович, 1993, с. 270]. Но вопрос остаётся без ответа.

Отрицательный персонаж «Москвы 2042» Дзержин утверждает: «И даже больше того, не искусство отражает жизнь, а жизнь отражает искусство» [Войнович, 1993, с. 217]. Гениалиссимус Букашев ему вторит: «…понятие действительность очень условно. Во всяком случае, для нас она существует только в том виде, в каком отражается в нашем воображении» [Войнович, 1993, с. 217]. Карцев же готов согласиться: «Откуда ж я знаю, где правда? Вы же сами говорите: вторичное первично, а первичное вторично. В таком случае вообще никакой разницы между выдумкой и реальностью не существует» [Войнович, 1993, с. 244]. Как продемонстрировано в истории Сима-Серафима, решается указанная проблема весьма радикально, во вполне постмодернистском ключе.

Появление метаповествовательных компонентов в «Москве 2042» связано ещё и с жанровыми особенностями. Антиутопия определяется Г. Морсоном как антижанр, то есть такой жанр, который появляется через отталкивание (или пародирование, как пишет Г. Морсон) от других жанров, произведений: «Антиутопия…, как все антижанровые вещи, она переосмысливает тексты других жанров, …её мишень – утопия – тоже жанр пороговой литературы» [Морсон, 1991, с. 244]. Антиутопия всегда как бы раздвоена, должна пониматься одновременно на нескольких уровнях, на нескольких жанровых уровнях. Метаповествовательность романа В. Войновича тоже предполагает «двоение», такое прочтение, которое пересекает границы простого развития сюжета, заглядывание на уровень описания создания произведения. «Иными словами, чтобы показать пограничность утопии как жанра искусства, антиутопия сама часто ведет рискованную игру со своей художественностью и литературностью» [Войнович, 1993, с.247].

Вообще, для В. Войновича в «Москве 2042» метатекстуальность, взаимопересечение литературы и жизни являются крайне важными. Он намеренно акцентирует элементы, характеризующие такую ситуацию, с самого начала романа. Складывается впечатление, что В. Войнович в романе специально гонится за метаповествовательной тематикой, наращивая её к финалу, к истории с Симом-Серафимом.

Заключение

Рассказчик В. Войновича в «Иванькиаде» пытается изобрести «реальный» мир. Создать «реальный» мир в метаповествовательной структуре повести не выходит, можно создать только атмосферу реальности. Кроме интертекстов документальность, реальность в «Иванькиаде» размывается особым эпизодом, занимающим несколько страниц и отличающимся уникальными для произведения стилем, отношением к предшествующим событиям. Рассказчик идиллически описывает день главного отрицательного героя произведения С. С. Иванько, нарушена идиллия будет только визитом к министру Б. И. Стукалину. Вера в документальность повествования будет подорвана только признанием рассказчика в том, что весь этот эпизод выдуман [Войнович, 1993а, с. 496]. Рассказчику же в «Москве 2042», с одной стороны, метаповествовательные элементы позволяют осуществить попытку выдать всю историю за правду, утвердить мнение о реальности произошедшего, а с другой стороны, всё повествование заставляет читателя дистанцироваться от изображенного мира.

Библиографический список

1. Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Ann Arbor : Эрмитаж, 1982. 192 с.

2. Вайль А., Генис А. Две утопии Владимира Войновича. О романе «Москва 2042» // Независимая газета. 1991. 22 января. № 10. С. 7.

3. Войнович В. Москва 2042 // Войнович В. Малое собрание сочинений в 5 тт. Т. 3. Москва : ПОО «Фабула», 1993. С. 5–338.

4. Войнович В. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру // Войнович В. Малое собрание сочинений в 5 тт. Т. 3. Москва : ПОО «Фабула», 1993а. С. 433–524.

5. Войнович В. Автопортрет. Москва : Издательсво «Э», 2017. 912 с.

6. Глэд Д. Беседы в изгнании. Москва : Книжная палата, 1991. 320 с.

7. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. Москва : Intrada, 2014. 488 с.

8. Ланин Б. А. Владимир Войнович // Ланин Б. А. Проза русской эмиграции: учебное пособие для вузов. Москва : Издательство Юрайт, 2017. С. 47–63.

9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.

10. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление. Москва : Прогресс, 1991. С. 233–251.

11. Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва : Языки русской культуры, 2001. 672 с.

12. Шкловский В. Б. Искусство как приём // Шкловский В. Б. О теории прозы. Москва : Советский писатель, 1983. С. 9–25.

13. Шохина В. Восемнадцатое брюмера генерала Букашева // Октябрь. 1992. № 3. С. 198–201.

14. Chapman A. «Let There Be Abundance! But Leave A Shortage Of Something!» Distinction, Subjectivity, and Brezhnev's Culture Of Scarcity // The Slavic and East European Journal. 2017. Vol. 61. № 3. P. 519–541.

15. Clowes W. E. Parody of Popular Forms in Iskander's «Rabbits and Boa Constrictors» and Voinovich's «Moscow 2042» // Clowes W. E. Russian Experimental Fiction. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1993. P. 183–197.

16. Gass W. H. Fiction and the Figures of Life. New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1970. 288 p.

17. Novikov T. The Poetics of Confrontation: Carnival in V. Voinovich's «Moscow 2042» // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2000. Vol. 42. № 4. P. 491–505.

18. Ryan-Hayes K. L. Dystopia redux: Voinovich and «Moscow 2042» // Ryan-Hayes K. L. Contemporary Russian Satire. Cambridge : Cambridge University Press. 1995. P. 193–238.

19. Selejan C. Metafiction, Defamiliarization and Cognitive Science: Andrew Crumey's «Mr Mee» and Richard Powers' «Galatea 2.2» // East-West Cultural Passage. 2023. Vol. 23. № 1. P. 8–23.

20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York : Routledge, 1984. 177 p.

Reference list

1. Vajl' P., Genis A. Sovremennaja russkaja proza = Contemporary Russian prose. Ann Arbor : Jermitazh, 1982. 192 s.

2. Vajl' A., Genis A. Dve utopii Vladimira Vojnovicha. O romane «Moskva 2042» = Two utopias of Vladimir Voynovich. On the novel «Moscow 2042» // Nezavisimaja gazeta. 1991. 22 janvarja. № 10. S. 7.

3. Vojnovich V. Moskva 2042 = Moscow 2042 // Vojnovich V. Maloe sobranie sochinenij v 5 tt. T. 3. Moskva : POO «Fabula», 1993. S. 5–338.

4. Vojnovich V. Ivan'kiada, ili Rasskaz o vselenii pisatelja Vojnovicha v novuju kvartiru = Ivankiada, or The Story of Voynovich's Moving into a New Apartment // Vojnovich V. Maloe sobranie sochinenij v 5 tt. T. 3. Moskva : POO «Fabula», 1993a. S. 433–524.

5. Vojnovich V. Avtoportret = Self-portrait. Moskva : Izdatel'svo «Je», 2017. 912 s.

6. Gljed D. Besedy v izgnanii = Conversations in exile. Moskva : Knizhnaja palata, 1991. 320 s.

7. Zuseva-Ozkan V. B. Istoricheskaja pojetika metaromana = The metanovel's historical poetics. Moskva : Intrada, 2014. 488 c.

8. Lanin B. A. Vladimir Vojnovich = Vladimir Voynovich // Lanin B. A. Proza russkoj jemigracii: uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2017. S. 47–63.

9. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of literary text. Moskva : Iskusstvo, 1970. 384 s.

10. Morson G. Granicy zhanra = The genre boundaries // Utopija i utopicheskoe myshlenie. Moskva : Progress, 1991. S. 233–251.

11. Hanzen-Ljove O. A. Russkij formalizm: Metodologicheskaja rekonstrukcija razvitija na osnove principa ostranenija = Russian Formalism: A methodological reconstruction of development based on the principle of estrangement. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2001. 672 s.

12. Shklovskij V. B. Iskusstvo kak prijom = Art as a technique // Shklovskij V. B. O teorii prozy. Moskva : Sovetskij pisatel', 1983. S. 9–25.

13. Shohina V. Vosemnadcatoe brjumera generala Bukasheva = General Bukashev's Eighteenth Brumaire .// Oktjabr'. 1992. № 3. S. 198–201.

14. Chapman A. «Let There Be Abundance! But Leave A Shortage Of Something!» Distinction, Subjectivity, and Brezhnev's Culture Of Scarcity // The Slavic and East European Journal. 2017. Vol. 61. № 3. P. 519–541.

15. Clowes W. E. Parody of Popular Forms in Iskander's «Rabbits and Boa Constrictors» and Voinovich's «Moscow 2042» // Clowes W. E. Russian Experimental Fiction. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1993. P. 183–197.

16. Gass W. H. Fiction and the Figures of Life. New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1970. 288 p.

17. Novikov T. The Poetics of Confrontation: Carnival in V. Voinovich's «Moscow 2042» // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2000. Vol. 42. № 4. P. 491–505.

18. Ryan-Hayes K. L. Dystopia redux: Voinovich and «Moscow 2042» // Ryan-Hayes K. L. Contemporary Russian Satire. Cambridge : Cambridge University Press. 1995. P. 193–238.

19. Selejan C. Metafiction, Defamiliarization and Cognitive Science: Andrew Crumey's «Mr Mee» and Richard Powers' «Galatea 2.2» // East-West Cultural Passage. 2023. Vol. 23. № 1. P. 8–23.

20. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York : Routledge, 1984. 177 p.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 03.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 82-3
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-50
EDN: WICBMK

«Итак, звалась она Татьяной…»: к пушкинским аллюзиям в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи»

Татьяна Александровна Семенова
Старший преподаватель кафедры философии, истории, иностранных языков, Пензенский аграрный университет. 440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, д. 30
semenova.t.a@pgau.ru, https://orcid.org/0000-0002-1433-3098

Аннотация. Статья посвящена пушкинским рецепциям в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи». В работе обнажается функциональная природа обращения к аллюзиям в постмодернистском современном произведении на примере романа В. Пелевина. Выдвигается и доказывается (посредством использования компаративистского и интертекстуального методов анализа) гипотеза, что Пелевин в образной ткани своего произведения опирался на прецедентный текст А. С. Пушкина «Евгений Онегин», который он переосмысляет в ходе конструирования собственного сюжета и художественной системы. Одним из главных доказательств, подтверждающих данное утверждение, является ономастический код романа: имя главной героини отсылает к пушкинской Татьяне Лариной.

Интертекстуальность выступает в роли инструмента, использованного автором для создания амбивалентного образа, с одной стороны, воплощающего женский архетип, а с другой – наделенного чертами гротескной стилизации. Этой же цели подчинен и ризоматично организованный нарратив, вовлекающий читателя в постмодернистскую игру посредством отсылки к известнейшему классическому произведению. Интертекст как прием в романе выступает связующим звеном, обеспечивая диалог между разными литературными эпохами, писательскими стратегиями и художественными установками.

В итоге доказывается, что В. Пелевин встраивает в роман пушкинский код методом ложных отсылок, которые дают эффект «кривого зеркала». Пушкинская и пелевинская Татьяны, при внешней непохожести, на текстовом уровне обнаруживают генетическую и типологическую близость, что подтверждается анализом нарративной конструкции, композиции, поэтики пелевинского текста. Исследование специфики взаимодействия персонажей и их цитатная характеристика наглядно продемонстрировали аллюзивную природу как главных героев, так и романа В. Пелевина в целом. Об этом также свидетельствуют и инициатический, танатологический, мистическийи онейрический мотивы, перекликающиеся с аналогичными мотивами в романе в стихах А. С. Пушкина.

Ключевые слова: современная русская литература; интертекстуальность; аллюзия; постмодернизм; проза В. Пелевина; Евгений Онегин; две Татьяны; система образов

Для цитирования: Семенова Т. А. «Итак, звалась она Татьяной…»: к пушкинским аллюзиям в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 50–57. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-50. https://elibrary.ru/WICBMK

Original article

«So, she was called Tatiana...»: on Pushkin allusions in V. O. Pelevin's novel Secret Views of Mount Fuji

Tatiana A. Semenova
Senior lecturer, department of philosophy, history and foreign languages, Penza state agrarian university. 440014, Penza, Botanicheskaya str., 30
semenova.t.a@pgau.ru, https://orcid.org/0000-0002-1433-3098

Abstract. The article is devoted to Pushkin receptions in V. O. Pelevin's novel Secret Views of Mount Fuji. The paper reveals the functional nature of allusions in the postmodern contemporary work based on the example of V. Pelevin's novel. Using comparativist and intertextual methods of analysis, the author of the article puts forward and proves the hypothesis that in his work, Pelevin relied on A. S. Pushkin's precedent text «Eugene Onegin», which he

© Семенова Т. А., 2024

reinterprets in the course of constructing his own plot and artistic system. One of the main proofs supporting this claim is the novel's onomastic code: the main heroine's name refers to Pushkin's Tatiana Larina.

Intertextuality acts as the writer's tool to create an ambivalent image, embodying the female archetype on the one hand, and, on the other hand, characterized by grotesque stylization. The rhizomatically organized narrative, which engages the reader in a postmodern game through a reference to the best-known classical work, serves the same purpose. The intertext technique acts as a link in the novel, providing a dialogue between different literary epochs, writing strategies and literary approaches.

In conclusion, the author proves that V. Pelevin inserts Pushkin's code into the novel through false references, producing a «curved mirror» effect. Pushkin's and Pelevin's Tatianas, despite their physical dissimilarity, are genetically and typologically similar at the textual level, which is confirmed by analyzing the narrative structure, composition, and poetics of Pelevin's text. The study of the characters' specific interaction and their quotation characteristics clearly demonstrate the allusive nature of both the main characters and V. Pelevin's novel as a whole. This is also evident in the initiatic, thanatological, mystical and oneiric motifs, which correspond to similar motifs in Pushkin's poetic novel.

Key words: modern russian literature; intertextuality; allusion; postmodernism; V. Pelevin's prose; Eugene Onegin; two Tatianas; system of images

For citation: Semyonova T. A. «So, she was called Tatiana...»: on Pushkin allusions in V. O. Pelevin's novel Secret Views of Mount Fuji. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):50–57. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-50. https://elibrary.ru/WICBMK

Введение

Интертекстуальность пелевинских произведений в целом становится предметом размышлений ряда литературоведов (Ю. Л. Высочиной, К. Ф. Герейхановой, И. В. Чиндина, Ю. А. Гимрановой, Ин Юе, А. Н. Безрукова и др.). Несмотря на то, что вопрос функциональной природы реминисценций на творчество А. С. Пушкина в пелевинском корпусе художественных текстов уже поднимался ранее (к примеру, А. П. Марьюшкиной, А. С. Смирновым, О. В. Богдановой и др., на чьи работы мы ссылаемся), сопоставление главных женских персонажей в романе в стихах «Евгений Онегин» (1833) и романе «Тайные виды на гору Фудзи» (2018) ранее не осуществлялось. Более того, произведение А. С. Пушкина спустя почти 200 лет вызывает потребность в осмыслении и разнотолки [Розин, 2022], что обусловливает новизну исследования.

Исследователи обращаются к более широкой панораме, сравнивая авторский стиль В. Пелевина и межвременной диалог в контексте его творчества в целом, в то время как точечное сравнение персонажей посредством интертекстуального и компаративного методов анализа художественных текстов также позволяет не только обнажить глубокие смыслы конкретного постмодернистского произведения, но и пролить свет на особенности авторской методологии.

Частично в работе продолжено рассуждение Е. В. Шерчаловой о «женском» и «мужском» в романе В. Пелевина. Филолог, исследуя топографическую организацию романа, указывает на разграничение «женского» (закрытое, обладает границами, доминирующий персонаж женского пола) и «мужского» (открытое, границы размыты или отсутствуют, доминирует мужчина) типов пространств [Шерчалова, 2021, с. 282]. Литературовед также указывает, что такое деление отражается и на уровне организации глав: отрывкам, где в роли рассказчика выступает Татьяна, соответствует четный номер главы, причем в названии (глава 2–4) указано наименование феминистической организации, последовательницей которой становится героиня (см.: Глава 2.2. LAS NUEVAS CAZADORAS. ЖИЗЕЛЬ; Глава 3.2. LAS NUEVAS CAZADORAS. КЛАРИССА; Глава 4.2. LAS NUEVAS CAZADORAS. ЗГЫЫН); в то время как нечетные главы «отданы» Федору [Шерчалова, 2021, с. 278].

Прежде чем переходить к описанию исследования и результатам, кратко остановимся на терминологической рамке. Ключевым понятием работы является интертекст – термин, предложенный Ю. Кристевой в 1967 году для обозначения диалогичного взаимодействия текстов и явных или скрытых отсылок. Диалог и указание на другое произведение становится инструментом порождения нового смысла с целью осмыслить чужой опыт и встроить свое произведение в единое коммуникативное пространство [Давыдова, 2007, с. 157–162]. Художественное произведение, таким образом, становится «местом единовременного существования культурных слоев» [Ямпольский, 1993, с. 17].

Как будет показано далее, при последовательном сопоставлении характеров героинь, эпизодов и сюжета пелевинского и пушкинского романов у них крайне мало общего, однако сама структура построена на отсылке к произведению классика XVIII века, то есть в основе «скелета» пост-

модернистского романа лежит интертекстема.

Основная часть

Творчество В. Пелевина ориентировано на два крупных аудиторных кластера, интересы и литературные вкусы которых принципиально различаются, а именно читателя массового, ожидающего от литературы подобия кинематографа – зрелищности, персонажной полифонии, перипетий и пр., и читателя интеллектуального, ожидающего от художественного произведения смысла и мимесиса. И хотя постмодернистская эстетика далека от подражания действительности, пелевинский текст тесно связан как с литературной традицией, так и с актуальным контекстом (культурным, политическим, идеологическим и пр.).

Пелевин активно использует интертекст, что насыщает историю узнаваемыми культурными кодами, знаками, позаимствованными из массовой культуры и, с одной стороны, формирует историю, а с другой – подчеркивает фрагментарность повествования. Текст представляет собой не цельное произведение, единую авторскую мысль, а мозаику, через разрозненные аспекты которой эта мысль транслируется.

Классическая литература становится источником сюжетных решений и архетипов, которые В. Пелевин осмысляет в постмодернистском дискурсе. При этом реальность деконструируется, подменяется симулякром, разрушается связь между означаемым и означающим, что характерно не только для Пелевина, но и для современной литературы, обращающейся к диалогу с классикой. Следы пушкинского кода, в частности, обнаруживаются в творчестве современных писателей, не обязательно постмодернистов (Д. Стахова, Н. Силинской и мн. др.) [Черняк, 2009, с. 124]. Диалог с классической литературой на поле современных литературных произведений носит игровой, вольный характер – «игра в классики», как удачно заметила М. А. Черняк, позволяет раскрыть корифеев русской словесности с другой, более личной, эмоциональной стороны [Черняк, 2009, с. 139].

Итак, обратимся к текстам художественных произведений и сопоставим описания героинь Пушкина и Пелевина.

Татьяну, особенно в начале произведения (о финальных трансформациях персонажей скажем позднее) нельзя было назвать красавицей – читаем у А. Пушкина:«Ни красотой сестры своей, / Ни свежестью ее румяной / Не привлекла б она очей. / Дика, печальна, молчалива, / Как лань лесная, боязлива…»[Пушкин, 1978, с. 33]. В схожих определениях рисует Онегин девушку после знакомства с ее письмом: «И вспомнил он Татьяны милой / И *бледный* цвет, и *вид унылый*» (курсив автора статьи) [Пушкин, 1978, с. 59].

Героиня же пелевинского произведения отличается привлекательностью с малых лет: «Таня догадалась, что она красавица, уже к третьему классу школы…» [Пелевин, 2020, с. 23], что роднит ее образ, особенно в начале романа, с Лолитой («Лолита», В. Набоков, 1955), Оленькой Мещерской («Легкое дыхание», И. Бунин, 1916) и пр.: «…в самые свои растрепанные и перепачканные минуты Таня нередко ловила на себе чужие глаза, полные памятного по дяде Герасиму кроличьего блеска, от которого так сладко и жутко делалось на душе…» [Пелевин, 2020, с. 25]. В последствии Таня называет неуловимую привлекательность «мерцанием» [Пелевин, 2020, с. 47].

В целом, мотив красоты – сквозной для творчества В. Пелевина [Семенова, 2023]. В романе «Тайные виды на гору Фудзи» главная героиня рассуждает о духовной и физической красоте, обозначая себя в финансовом эквиваленте: «…она, Таня, сама по себе была пятаком или червонцем. У нее не было никакого фиксированного номинала вообще <…> …к монете „Таня” проявляли устойчивый интерес» [Пелевин, 2020, с. 26]. Девушка ставит однозначный знак неравенства между «внутренним» и «внешним» содержанием: «Будь это иначе, на месте косметических кабинетов открывали бы салоны духа. А вот красоту внешнюю брали везде и сразу» [Пелевин, 2020, с. 25].

Физическая привлекательность в пелевинских сюжетах становится конверсивной, будучи «разменной монетой» на рынке социальных взаимодействий, что мы также видим и в анализируемом романе. При этом рассуждения постмодерниста о природе красоты неразрывно связаны с потреблением, то есть красота – это ограниченный ресурс, которому есть определенное применение в современном (и не только) мире.

Пелевин подробно останавливается на возрастных изменениях внешности, поданные сквозь гиперболизированную призму мужского взгляда. По словам Федора, главного героя романа: «…была в школе такой красивой девчонкой, а стала натуральной ватрушкой…» [Пелевин, 2020, с. 202]. Мужчина словно продолжает рассуждения девушки о красоте, вновь обращаясь только к внешней, физической привлекательности.

Характер Тани отличен от пушкинской героини: пелевинская героиня активно старается приспособиться к обстоятельствам и занять свое место. Мотивный анализ показывает, что Таня дея-

тельный персонаж, в то время как Федор, главный герой и ее возлюбленный, больше тяготеет к рассуждениям [Шерчалова, 2021, с. 278]. Таня контактирует с большим количеством персонажей, нежели Федор, используя при этом больше ролевых моделей. В. Пелевин дает больше свободы своей героине, чем А. Пушкин.

Согласно лингвистическому исследованию корпуса произведений А. Пушкина, проведенный онлайн-журналом «Системный Блокъ», мужчины более активны и деятельны, в то время как героини «чаще всего кого-то ждут, что-то знают, кого-то любят и о чем-то плачут», а также отличаются слабостью и эмоциональностью [Ермакова].

Увлечения у девушек тоже разные: пушкинская Таня «живет в мире литературы» [Лотман, 2020, с. 55], чего нельзя сказать о героине Пелевина, которую мы скорее отнесем к массовому потребителю, а не интеллектуальной элите. Девушка читает модные журналы, старается следовать советам популярных психологов, которые рассуждают, очевидно, на тему неравных отношений между мужчиной и женщиной и о способах, которыми прекрасная половина человечества может привязать к себе мужа.

Значимым в композиции произведений становится мотив сна и сопутствующие эпизоды, наполненные символизмом и мистицизмом: в пятой главе «Евгения Онегина» приводится описание вещего сна Татьяны, который она видит в ночь во время святок, а во втором параграфе части II «LAS NUEVAS CAZADORAS. ЖИЗЕЛЬ» рассказывается о мистическом сне Аманды, который снится Тане.

Сон пушкинской Татьяны исследователи связывают с анимистическими представлениями (важная роль отводится образу хозяина леса – медведю [Баркова, 2022, с. 31]) и предвидением будущих событий романа [Чумаков, 1999, с. 47–48; Пимонов, 2023]. Сон Аманды ближе к тотемизму, но и в нем, впрочем, звучит пророческая мысль: «Таня поняла, что это был сон о будущем» [Пелевин, 2020, с. 187].

«Зачин» сна тоже схож: Татьяна гадает на святки, пелевинская же героиня принимает специальное средство, чтобы увидеть некий необыкновенный сон, что также можно трактовать мистически – то есть сон снится не случайно, требуется особые подготовка. Галлюциногенные препараты неоднократно становятся катализатором в художественном мире постмодерниста [Сяотин, 2022, с. 65] и выполняют роль проводника, канала, соединяющего реальность и иной мир [Исянь, 2021, с. 70].

И вновь: во сне пелевинская Таня доминирует в пространстве, а пушкинская Татьяна – пассивна («…силится бежать…хочет закричать: не может» [Пушкин, 1978, с. 80]) и не может противиться воле демонического Онегина. С обоими эпизодами связан инициатический мотив, восходящий к танатологическому – трансформация через символическую смерть [Ляшенко, 2023, с. 28; Сильчева, Шерчалова, 2022, с. 3176].

Можно провести параллель между эпизодом сна Татьяны не только с фрагментом изучаемого в работе романа: этимологически близким оказывается и сон Степы (главный герой романа «Числа», 2003) (сопоставление эпизодов проведено А. С. Смирновым [Смирнов, 2021]).

Напрашивается также сравнение эпизода с балладой «Светлана» (1813), жанровая специфика которой изначально подразумевает обращение к фольклорным истокам, в частности, обычаям и святочным ритуалам, что мы и видим в произведении В. Жуковского. «Балладный» код в прозе Пелевина мы не обнаружили, однако отметим, что постмодернист часто черпает и вдохновение в целом, и сюжетные решения, знаковые архетипические образы, топографическую организацию и прочее из фольклора и мифологии.

Но если у Жуковского мотив сна становится мотивацией фантастических ситуаций, оказывающихся в финале «небылицей», и играет смыслоформирующую роль, а в «Евгении Онегине» сон инспинирован гаданием – оба эпизода трактуются и воспринимаются читателем гомогенно, то для сна пелевинской Тани отводится менее значимая роль. К тому же вопрос интерпретации крайне важен: это было нечто хаотичное, бред, порожденный воздействиями наркотического средства, или высшее откровение?

Эпизод гадания широко распространен в русской литературе: к нему обращаются и писатели-классики – Л. Н. Толстой в «Войне и мире», и А. А. Ахматова в «Поэме без героя», и современные отечественные и зарубежные авторы (М. Павич, И. Кальвино, С. Кларк, Дж. Харрис, М. Фрай, Д. Рубина и мн. др.), так что достоверно определить первоисточник не представляется возможным. Впрочем, мы не ставим перед собой задачу определить претексты выявленных интертекстем, интерес представляет сопоставление, однако тема кажется нам перспективной для дальнейшего изучения.

Итак, далее. У героинь А. С. Пушкина и В. О. Пелевина есть и очевидно общая обида:

«Что было следствием свиданья? / Увы, не трудно угадать! / Любви безумные страданья / Не

перестали волновать / Младой души, печали жадной; / Нет, пуще страстью безотрадной / Татьяна бедная горит; / Ее постели сон бежит; / Здоровье, жизни цвет и сладость, / Улыбка, девственный покой, / Пропало всё, что звук пустой» [Пушкин, 1978, с. 63].

И читаем у Пелевина: после второй встречи с Федором возле бани [*первая встреча состоялась в годы их молодости, вторая – призвана ее реконструировать. – прим. Т. А.*], чувствуя себя оскорбленной, Таня, «…босая, заплаканная…» [Пелевин, 2020, с. 156] не желает больше встречаться с обидчиком, отправляется пешком в лес – мистическое, лиминарное пространство, выступающее в качестве границы между мирами [Сильчева, Шерчалова, 2022, с. 3176].Однако после возвращения в Москву Таня демонстрирует волевой характер: Пелевин акцентирует внимание на её перерождении, деятельностном, а не пассивном способе справиться с эмоциями.

Эти эпизоды становятся переломными моментами в сюжете: пушкинская героиня выходит замуж, пелевинская – становится адептом феминистической структуры «Новые охотницы» [*как они себя называют сами – прим. Т.А.*] и приобретает сверхъестественные силы, что в целом соответствует жанрам и духу произведений.

Образы героинь в финале произведений отличаются от их первоначальных. Пушкин описывает спокойную статность и уверенность Татьяны: «Никто б не мог ее прекрасной / Назвать; но с головы до ног / Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется vulgar… <…> Но и следов Татьяны прежней / Не мог Онегин обрести <…> равнодушною княгиней, / Но неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы» [Пушкин, 1978, с. 132, 136]. Героиня управляет своими эмоциями, никак не показывая отношения к Онегину («…ей ничто не изменило: / В ней сохранился тот же тон, / Был так же тих ее поклон» [Пушкин, 1978, с. 133]), и наконец становится доминирующим в пространстве персонажем: «К ней дамы подвигались ближе; / Старушки улыбались ей; / Мужчины кланялися ниже, / Ловили взор ее очей» [Пушкин, 1978, с. 132].

В эпилоге «Тайных видов на гору Фудзи» глазами медитирующего монаха мы видим, чем занимаются московские олигархи. Федор оказывается в компании Тани, которая, по описанию саядо Ана: «…была непреклонна и холодна<…> У нее был недовольный вид…» [Пелевин, 2020, с. 406, 408]. Вспомним также финал четвертой части романа: третья встреча героев возле бани в лесу завершается однозначной победой Татьяны над Федором. Примечательно, что встречу героиня про себя называет «стрелкой», что отражает ее воинственный, а не романтичный настрой.

Обзорное сравнение и цитатная характеристика героинь показывает, что в действительности при более детальном рассмотрении у них мало общего. Такой вывод соответствует характеру постмодернистских реминисценций и ложных отсылок. Постмодернистский интертекст зачастую разрывает связь между означающим и означаемым, форма преобладает над содержанием [Пигулевский, 2002] или не имеет содержания вовсе.

Открытым остается вопрос о соотношении двух Татьян: можно ли назвать пелевинскую героиню переосмыслением классического, пушкинского образа и на этом основании говорить об интертекстуальном диалоге? Очевидно, что пушкинский текст послужил референсом для В. Пелевина, и разительный контраст между героинями, их противопоставление – не случайность, а инструмент повествования. Реминисценции и обращение к пушкинскому коду литературоведы обнаруживают и в романах «Священная книга оборотня» (2004), «Т» (2009), «Любовь к трем цукербринам» (2014), и в рассказах (к примеру, в «Мардонгах» (1991)) – как на уровнях поэтики, сюжета, проблематики, так и на языковом уровне [Марьюшкина, 2023].

К положительному ответу на наш вопрос подталкивает и зеркально отраженный, диаметральный сюжет: в финале «Евгения Онегина» Татьяна, соблюдая высокие моральные принципы, отказывает Евгению, несмотря на ответное чувство, в то время как пелевинская героиня, как мы уже упомянули ранее, празднует победу.

Параллель с пушкинской героиней исследователи обнаруживают и в романе «Числа», о чем мы бегло упоминали в работе. Интересно, что и Степана, и главную героиню «Тайных видов на гору Фудзи» называют «Танёк», что представляет собой автоаллюзию, позволяющую дать емкую (для почитателя творчества постмодерниста) характеристику обоим персонажам. Интертекстуальность и аллюзивность, «переосмысление» классических узнаваемых сюжетов и образов, является одной из стилеформирующих черт художественного мира В. Пелевина [Любарский, 2022], позволяющей передать пласт смыслов посредством обращения к национальной памяти.

Интертекстуальные связи внутри корпуса художественных произведений одного автора – не оригинальная черта ни творчества В. Пелевина,

ни постмодернизма в целом. К примеру, Л. Г. Кихней и А. В. Ламзина [Кихней, Ламзина, 2021; Ламзина, 2020] рассматривают особенности автоаллюзий в творчестве акмеистов. Однако в постмодернизме диалогичные связи внутри корпуса текстов одного автора выступают в качестве ризоматичной структуры нарратива и становятся циклообразующей скрепой, трансформирующей корпус произведений в сверхтекст [Тулушева, 2023].

Федора также можно сопоставить с главным героем пушкинского произведения, Онегиным. Их роднит хандра, для борьбы с которой они ищут источник сильных эмоциональных потрясений: для Федора таким инструментом становится эмо-пантограф и предложения Дамиана Улитина *[по сюжету глава стартапа «Фуджи И» – прим. Т. А.]*, Евгений же старается найти себе занятие, в чем не преуспевает. При этом сюжетная линия, совпадая в любовном аспекте, не дублирует социальный тип пушкинских героев: если Онегин «…ничем заняться не умел» [Пушкин, 1978, с. 131], то Федор прочно занимает положение в обществе.

Однако в финале подчеркивается его слабость: «…издал какой-то влажный хлюп и повесил трубку… <…> … со спины было видно, до чего он похудел и осунулся – как бы превратился из наглого восклицательного знака в *смиренный* вопросительный. И лысина его тоже казалась теперь бледнее. В ней даже появилось что-то восковое. <…> …*робко* улыбнулся…протянул к ней бледную худую руку» (курсив автора статьи) [Пелевин, 2020, с. 402–404].

Подчеркнем, что мягкотелость героя обусловлена, во-первых, с точки зрения сюжета, его жизненными обстоятельствами, лишь косвенно связанными с Таней, а во-вторых, композиционно, описание представлено в «женской», четной главе, то есть мы «видим» Федора субъективно, глазами ненадежного рассказчика – Тани, которая торжествует победу. Субъективизм является одной из ключевых характеристик творчества В. Пелевина в целом [Пугачева, Янушкявичене, 2022, с. 135; Шамс, 2021, с. 53].

В восьмой главе Онегин, встретив Татьяну в Петербурге, поражен произошедшими с ней изменениями. А. Пушкин описывает смятение в душе героя: «Домой задумчив едет он; / Мечтой то грустной, то прелестной / Его встревожен поздний сон… Что с ним? в каком он странном сне! / Что шевельнулось в глубине / Души холодной и ленивой? / Досада? суетность? иль вновь / Забота юности – любовь?» [Пушкин, 1978, с. 134]. И – после того, как Татьяна прочитала письмо: «В тоске безумных сожалений / К ее ногам упал Евгений…» [Пушкин, 1978, с. 143]. И Онегин, и Федор, так же, как и обе Татьяны, претерпевают изменения [Пимонов, 2022].

Заключение

Представленный анализ и сопоставление женских (бегло – мужских) образов позволяет понять художественный метод В. Пелевина и обозначить специфику построения персонажной типологии постмодернистского текста. В романе «Тайные виды на гору Фудзи» можно обнаружить реминисценции не только к творчеству А.С. Пушкина, а отсылки к биографии и литературному наследию А. С. Пушкина – не только в анализируемом романе. Для постмодернизма в целом и работ В. Пелевина в частности характерен интертекстуальный вневременной диалог, переосмысление сюжетов, образов и мотивов, что представляет собой неиссякаемое поле для филологических изысканий.

Библиографический список

1. Баркова А. Л. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. 248 с.

2. Ермакова В. Толстой и Пушкин – сексисты? Корпусное исследование русской классики / В. Ермакова, Н. Сидоренко, А. Ишметова, О. Лапа, И. Кадацкая. 2021. URL: https://sysblok.ru/philology/tolstoj-i-pushkin-seksisty-korpusnoe-issledovanie-russkoj-klassiki/ (дата обращения: 23.08.2024)

3. Давыдова Т. Т. Современный литературный процесс в России: учебное пособие / Т. Т. Давыдова, И. К. Сушилина // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. № 6. Москва : Издательство МГУП, 2007. 362 с.

4. Исянь Чж. Даосизм как константа в творчестве В. Пелевина // Мир русского слова. 2021. № 2. С. 68–73.

5. Кихней Л. Г. Эпитафические посвящения Гумилеву собратьев по акмеистическому цеху: игра явных и тайных смыслов / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Научный диалог. 2021. № 12. С. 256–271.

6. Ламзина А. В. Перевод Н. С. Гумилевым сонетов У. Шекспира: дешифровка биографических подтекстов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 3 (66). С. 235–241.

7. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). Москва : АСТ, 2020. 640 с.

8. Любачарский Р. В. Концепции Карлоса Кастанеды в романе Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 92–103.

9. Ляшенко Т. М. Архетипические черты образов Ольги и Татьяны в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Филология: научные исследова-

ния.2023. № 3. С. 25–33.

10. Марьюшкина А. П. «Пушкинский код» в романной прозе В. Пелевина // Пушкинские чтения–2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. / под ред. проф. Т. В. Мальцевой. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 67–72.

11. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. Москва : Эксмо, 2020. 416 с.

12. Пигулевский В. О. Иронические изобретения постмодерна // Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов-на-Дону : Изд-во «Фолиант», 2002. 418 с.

13. Пимонов В. И. Сон Татьяны как предвестие смерти Онегина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 2 (89). С. 86–91.

14. Пимонов В. И. Что сталось с Онегиным? Поэтика финала пушкинского романа //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. № 85. Т. 24. С. 78–83.

15. Пугачева Я. В. Стилевые доминанты индивидуально-авторского дискурса В. Пелевина (на материале романа «Т») / Я. В. Пугаева, О. Л. Янушкявичене // Вестник челябинского государственного университета. 2022. № 3(461) С. 131–137.

16. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Стихотворения. Москва : Правда, 1978. 224 с.

17. Розин В. М. «Евгений Онегин»: три способа прочтения и осмысления – от науки, психологии личности, философии искусства // Культура и искусство. 2022. № 6. С. 34–46.

18. Семенова Т. А. Мотив красоты в творчестве В. О. Пелевина: диалог с Ф. М. Достоевским // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 15–16 ноября 2023 г.). С. 54–64.

19. Сильчева А. Г. Мифологический топос в романах В. Пелевина / А. Г. Сильчева, Е. В. Шерчалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 10 (36). Т. 15. С. 3174–3178.

20. Смирнов А. С. «Пушкинский («Татьянин») текст» в романе В. О. Пелевина «Числа» // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: коллективная монография. Гродно : ЮрСаПринт, 2021. С. 284–294.

21. Сяотин Чж. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 45(1). 2022. С. 58–69.

22. Тулушева Е. С. Реверсивный нарратив выхода из материального мира в романах В. Пелевина «Священная книга оборотня» И «Непобедимое солнце» // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XVI Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 15–16 ноября 2023 г.). С. 70–79.

23. Черняк М. А. Классика в кривом зеркале массовой литературы. К вопросу о тенденциях российской словесности XXI века // StudiSlavistici. 2009. № 6 (1). С. 123–140.

24. Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. В мире стихотворного романа. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Москва : Изд-во МГУ, 1999. 128 с.

25. Шамс А. Дуализм художественного пространства романа Виктора Пелевина «Generation „П”» // Вестник ЧГПК им И. Я. Яковлева. 2021. № 4 (113). С. 48–55.

26. Шерчалова Е. В. «Мужское» и «женское» пространства в романе «Тайные виды на гору Фудзи» В. О. Пелевина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2021. № 3 (70). С. 276–284.

27. Ямпольский М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. Москва : РИК «Культура», 1993. 464 с.

Reference list

1. Barkova A. L. Slavjanskie mify. Ot Velesa i Mokoshi do pticy Sirin i Ivana Kupaly = Slavic Myths. From Veles and Mokosha to the bird Sirin and Ivan Kupala. Moskva : Mann, Ivanov i Ferber, 2022. 248 s.

2. Ermakova V. Tolstoj i Pushkin – seksisty? Korpusnoe issledovanie russkoj klassiki = Are Tolstoy and Pushkin sexist? A corpus study of Russian classics / V. Ermakova, N. Sidorenko, A. Ishmetova, O. Lapa, I. Kadackaja. 2021. URL: https://sysblok.ru/philology/tolstoj-i-pushkin-seksisty-korpusnoe-issledovanie-russkoj-klassiki/ (data obrashhenija: 23.08.2024)

3. Davydova T. T. Sovremennyj literaturnyj process v Rossii = Modern literary process in Russia : uchebnoe posobie / T. T. Davydova, I. K. Sushilina // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9 : Filologija. № 6. Moskva : Izdatel'stvo MGUP, 2007. 362 s.

4. Isjan' Chzh. Daosizm kak konstanta v tvorchestve V. Pelevina = Taoism as a constant in V. Pelevin's work // Mir russkogo slova. 2021. № 2. S. 68–73.

5. Kihnej L. G. Jepitaficheskie posvjashhenija Gumilevu sobrat'ev po akmeisticheskomu cehu: igra javnyh i tajnyh smyslov = Epitaphic dedications to Gumilev by fellow Acmeists: a play of explicit and secret meanings / L. G. Kihnej, A. V. Lamzina // Nauchnyj dialog. 2021. № 12. S. 256–271.

6. Lamzina A. V. Perevod N. S. Gumilevym sonetov U. Shekspira: deshifrovka biograficheskih podtekstov = N. S. Gumilev's translation of W. Shakespeare's sonnets: deciphering biographical subtexts / Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2020. № 3 (66). S. 235–241.

7. Lotman Ju. M. Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka) = Talks about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - beginning of XIX century). Moskva : AST, 2020. 640 s.

8. Ljubacharskij R. V. Koncepcii Karlosa Kastanedy v romane Viktora Pelevina «Tajnye vidy na goru Fudzi» = Carlos Castaneda's concepts in Victor Pelevin's novel «Secret Views of Mount Fuji» // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2022. № 3 (76). S. 92–103.

9. Ljashenko T. M. Arhetipicheskie cherty obrazov Ol'gi i Tat'jany v romane v stihah A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» = Archetypal features of Olga and Tatyana images in A.S. Pushkin's novel in verse «Eugene Onegin» // Filologija: nauchnye issledovanija.2023. № 3. S. 25–33.

10. Mar'jushkina A. P. «Pushkinskij kod» v romannoj proze V. Pelevina = "Pushkin's code" in V. Pelevin's prose // Pushkinskie chtenija–2023. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXVIII Mezhdunar. nauch. konf. / pod red. prof. T. V. Mal'cevoj. Sankt-Peterburg : LGU im. A. S. Pushkina, 2023. S. 67–72.

11. Pelevin V. O. Tajnye vidy na goru Fudzi = Secret Views of Mount Fuji. Moskva : Jeksmo, 2020. 416 s.

12. Pigulevskij V. O. Ironicheskie izobretenija postmoderna = Ironic inventions of Postmodernism // Ironija i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu. Rostov-na-Donu : Izd-vo «Foliant», 2002. 418 s.

13. Pimonov V. I. Son Tat'jany kak predvestie smerti Onegina = Tatyana's dream as a premonition of Onegin's death // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2023. T. 25. № 2 (89). S. 86–91.

14. Pimonov V. I. Chto stalos' s Oneginym? Pojetika finala pushkinskogo romana = What happened to Onegin? The poetics of the ending of Pushkin's novel // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2022. № 85. T. 24. S. 78–83.

15. Pugacheva Ja. V. Stilevye dominanty individual'no-avtorskogo diskursa V. Pelevina (na materiale romana «T») = Style dominants of V. Pelevin's authorial discourse (based on the novel «T») / Ja. V. Pugaeva, O. L. Janushkjavichene // Vestnik cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 3(461) S. 131–137.

16. Pushkin A. S. Evgenij Onegin. Stihotvorenija = Eugene Onegin. Poems. Moskva : Pravda, 1978. 224 s.

17. Rozin V. M. «Evgenij Onegin»: tri sposoba prochtenija i osmyslenija – ot nauki, psihologii lichnosti, filosofii iskusstva = «Eugene Onegin»: three ways of reading and comprehending - from science, personality psychology, and philosophy of art // Kul'tura i iskusstvo. 2022. № 6. S. 34–46.

18. Semenova T. A. Motiv krasoty v tvorchestve V. O. Pelevina: dialog s F. M. Dostoevskim = The motif of beauty in V. O. Pelevin's work: a dialog with F. M. Dostoevsky // Rossija v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i social'noj sfere: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva – Penza, 15–16 nojabrja 2023 g.). S. 54–64.

19. Sil'cheva A. G. Mifologicheskij topos v romanah V. Pelevina = Mythological topos in V. Pelevin's novels / A. G. Sil'cheva, E. V. Sherchalova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. № 10 (36). T. 15. S. 3174–3178.

20. Smirnov A. S. «Pushkinskij („Tat'janin») tekst» v romane V. O. Pelevina «Chisla» = «Pushkin's („Tatiana's") text» in V. O. Pelevin's novel «Numbers» // Norma i otklonenie v literature, jazyke i kul'ture: kollektivnaja monografija. Grodno : JurSaPrint, 2021. S. 284–294.

21. Sjaotin Chzh. Viktor Pelevin i vostochnyj postmodernizm = Victor Pelevin and the Eastern postmodernism // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. № 45(1). 2022. S. 58–69.

22. Tulusheva E. S. Reversivnyj narrativ vyhoda iz material'nogo mira v romanah V. Pelevina «Svjashhennaja kniga oborotnja» I «Nepobedimoe solnce» = Reversive Narrative of the exit from the material world in V. Pelevin's novels «The Holy Book of the Werewolf» and «The Invincible Sun» // Rossija v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i social'noj sfere: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva – Penza, 15–16 nojabrja 2023 g.). S. 70–79.

23. Chernjak M. A. Klassika v krivom zerkale massovoj literatury. K voprosu o tendencijah rossijskoj slovesnosti XXI veka = Classics in the curved mirror of mass literature. To the issue of trends in the XXI century Russian literature // StudiSlavistici. 2009. № 6 (1). S. 123–140.

24. Chumakov Ju. N. «Evgenij Onegin» A.S. Pushkina. V mire stihotvornogo romana. V pomoshh' prepodavateljam, starsheklassnikam i abiturientam = «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin. In the world of the poetic novel. To help teachers, high school students and applicants. Moskva : Izd-vo MGU, 1999. 128 s.

25. Shams A. Dualizm hudozhestvennogo prostranstva romana Viktora Pelevina «Generation „P"» = The dualism of the artistic space in Victor Pelevin's novel Generation 'P' // Vestnik ChGPK im I. Ja. Jakovleva. 2021. № 4 (113). S. 48–55.

26. Sherchalova E. V. «Muzhskoe» i «zhenskoe» prostranstva v romane «Tajnye vidy na goru Fudzi» V. O. Pelevina = «Male» and 'female' spaces in V. O. Pelevin's novel «Secret Views of Mount Fuji» // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». 2021. № 3 (70). S. 276–284.

27. Jampol'skij M. B. Pamjat' Tiresija. Intertekstual'nost' i kinematograf = The Memory of Tiresias. Intertextuality and cinema. Moskva : RIK «Kul'tura», 1993. 464 s.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-58
EDN: QFNXUO

Рецепция образа Екатерины II: роман А. Б. Мариенгофа «Екатерина» в историко-литературном контексте первой половины XX века

Дарья Дмитриевна Якушева
Младший научный сотрудник отдела русской классической литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
ddyakusheva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-8109-4513

Аннотация. Главным объектом исследования стала журнальная публикация романа А. Б. Мариенгофа «Екатерина» в «Литературном современнике». Мы впервые обратились к сравнению с оригинальным текстом, напечатанным по второй машинописной копии. Публикуемые материалы представляют собой один из этапов подготовки полного свода вариантов произведения. История публикации романа насчитывает всего четыре печатных издания. Так, впервые читатель смог ознакомиться с полным вариантом текста лишь в 1994 году, когда писателя уже давно не было в живых. Первая публикация пришлась на непростые как для Мариенгофа, так и для страны 1930-е годы: тогда в журнале «Литературный современник» появляется роман о становлении и царствовании Екатерины Великой. Однако ему не суждено было предстать перед читателем в полном объеме по воле редакции. Для исследователей как XVIII, так и XX вв. кажется удивительным факт появления подобного текста в советской печати, посвященного фигуре, откровенно не импонирующей тогдашней власти. Среди исторических героев, вокруг которых выстраивалась едва ли не идеология, были Иван Грозный и Петр I, политика Екатерины II преимущественно подвергалась критике, а ее культурно-просветительская деятельность осталась на периферии историографии того времени, не представляя особого интереса. Настоящая статья представляет собой текстологическое исследование первой публикации романа Мариенгофа в «Литературном современнике». В ходе сравнения журнального текста с машинописной копией были установлены существенные расхождения, обусловленные цензурно-идеологическими, а также чисто эстетическими соображениями. Приведенные в статье текстологические находки значительно расширяют творческую историю произведения.

Ключевые слова: А. Б. Мариенгоф; Екатерина II; «Литературный современник»; текстология; исторический роман; цензура; автоцензура

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-00664, https://rscf.ru/project/23-28-00664

Для цитирования: Якушева Д. Д. Рецепция образа Екатерины II: роман А. Б. Мариенгофа «Екатерина» в историко-литературном контексте первой половины XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 58–66. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-58. https://elibrary.ru/QFNXUO

Original article

Reception of Catherine the Great's image: A. B. Mariengof's novel «Catherine» in the historic-literary context of the first half of the XX century

Daria D. Yakusheva
Junior researcher, department of russian classical literature, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya str. 25a.
ddyakusheva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0006-8109-4513

Abstract. The main object of the study was the publication of A. B. Mariengof's novel Catherine in the magazine Literaturny Sovremennik (The Literary Contemporary). The author first turned to comparison with the original text published from the second typewritten copy. The materials published represent one stage in preparing a complete set of the work's variants. The novel has a publication history of only four printed editions. For the first time the reader could read the full version of the text only in 1994, when the writer was no longer alive. The first publication happened in the 1930s, a difficult time both for Mariengof and for the country: then the magazine The Literary Contemporary published

© Якушева Д. Д., 2024

a novel about the rise and reign of Catherine the Great. However, it was not presented to the reader in its full form by the editors. For the scholars of both the XVIII and XX centuries, it seemed surprising that such a text could appear in the Soviet press, the text devoted to a figure openly detested by the authorities of the time. Among the historical heroes who were ideologically useful for the authorities were Ivan the Terrible and Peter the Great, while the policy of Catherine the Great was mainly criticized, and her cultural and educational activities remained on the periphery of historiography of the time, not being of special interest. The present article is a textual study of the first publication of Mariengof's novel in The Literary Contemporary. The comparison of the magazine text with the typewritten copy revealed significant discrepancies due to censorship-ideological as well as purely aesthetic considerations. The textual findings presented in the article expand the creative history of the work considerably.

Key words: Mariengof, Catherine the Great, Literaturny Sovremennik (The Literary Contemporary), textual criticism, historical novel, censorship, auto censorship

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00664, https://rscf.ru/project/23-28-00664

For citation: Yakusheva D. D. Reception of Catherine the Great's image: A. B. Mariengof's novel «Catherine» in the historic-literary context of the first half of the XX century. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):58–66. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-58. https://elibrary.ru/QFNXUO

Введение

Творческое наследие Анатолия Борисовича Мариенгофа, которого исследователи называют «русским Оскаром Уайльдом» [Хуттунен, 2006], отличается разнообразием сюжетов и жанровых форм. Свой путь он начал со стихотворений-«имажов», в которых раскрывались программные принципы имажинизма, такие как эпатажность, индивидуализация, изобилие образности и неожиданных метафор (например, особой частотностью отличается метафора родов). За лирической частью следуют автобиографические произведения, такие как «Роман без вранья» (1927), «Это вам, потомки!» (конец 1950-х гг.), «Записки сорокалетнего мужчины» (1937), лирические поэмы, более десятка пьес и др. Из всего многообразия текстов, созданных писателем, наше внимание привлек исторический роман, посвященный императрице Екатерине Великой, который и стал предметом настоящего исследования.

Роман «Екатерина», написанный во второй половине 1930-х годов, представляет особый интерес как для исследователей первой половины XX века, так и для специалистов по русской литературе эпохи Просвещения. Факт обращения Мариенгофа к этому историческому пласту и центральной фигуре второй половины XVIII века кажется явлением уникальным и требующим тщательного историко-литературного анализа (хотя стоит сказать, что в 1920–1930 гг. исторические романы были крайне популярны; можно вспомнить такие произведения, как «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Державин» В. Ф. Ходасевича, «Пушкин в жизни» В. Вересаева и др.). В первую очередь это связано с тем, что за всю советскую эпоху не было издано ни одной биографии Екатерины Великой. Фокус внимания историографии этого периода был направлен на другие сюжеты. Так, много писалось о Н. И. Новикове [Макогоненко, 1951; Светлов, 1946; Западов, 1968], А. Н. Радищеве [Макогоненко, 1949; Бабкин, 1952; Благой, 1953; Плимак, 1966], Я. Б. Княжнине [Кулакова, 1947]. Особый интерес представляло разоблачение «лживого либерализма» Екатерины II, сменившегося после Пугачевского восстания так называемым «полицейским режимом»; в императрице видели «душителя свобод», который преследовал «просветителей», отважных борцов (к которым относили Новикова и Радищева). Как отмечает А. Б. Каменский в предисловии к книге Исабель де Мадариаги «Россия в эпоху Екатерины Второй», в советское время отдельные монографические исследования появлялись, однако выходившие тогда труды затрагивали отдельные аспекты, которые оценивались историками через призму своего времени, с позиции классовой борьбы. В это время марксизм предлагал изучение развития общества как смены социально-экономических формаций. Кроме того, в том, что традиция изучения этой эпохи оказалась прерванной (или лучше сказать – оставленной на периферии), сыграла также роль тема «женского правления», о которой тогда говорить не хотели: «Однако клеймо „эпохи дворцовых переворотов” и „женского правления” сделало невозможным написание серьезных обобщающих трудов» [Исабель де Мадариага, 2002, с. 7].

Найти художественные произведения, в центре внимания которых находилась бы императрица, кажется непростой задачей – роман Мариенгофа стал исключением из правил. Однако необходимо отметить произведение П. Н. Краснова «Екатерина Великая. 1729–1796», изданное

в 1935 году в Париже. В предисловии автор выражает глубокую симпатию к Екатерине Великой, отмечая, что хотел бы написать больше книг об этой исторической фигуре. Но далее следует важная оговорка: «Мы живем в тяжелое время. Издать и продать восемь томов о Екатерине в нашем жутком изгнанническом плену невозможно. И как это ни тяжело и ни обидно – писателю приходится теперь считаться с условиями книжного рынка» [Краснов, 1935, с. 6].

Если проследить историю публикации «Екатерины», то мы обнаружим, что полный текст был впервые опубликован лишь в 1994 году, в книге «Это вам, потомки! Записки сорокалетнего мужчины. Екатерина» с предисловием Б. В. Аверина «„Циническая" проза Мариенгофа». В 2013 году роман вошел в Собрание сочинений в трех томах со вступительной статьей Т. Хуттунена. Отдельные главы «Екатерины» публиковались в журнале «Литературный современник» в 1936 году (№9-10). Сам же текст романа, включенный в научные издания, печатался по второй машинописной копии, хранящейся в рукописной отделе Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в фонде Мариенгофе.

Целью исследования стало сравнение двух текстов: журнальной версии «Екатерины» и первоисточника. Если оригинальное произведение включает в себя тринадцать глав и насчитывает около трехсот страниц, то в «Литературном современнике» была опубликована едва ли половина, с существенными сокращениями, которые и стали предметом текстологического анализа. В настоящий момент нет свода вариантов, который бы позволил детально сопоставить эти два текста, тогда как это является важным этапом в понимании внешних обстоятельств, повлиявших на авторское решение вмешаться в подлинник. Еще Д. С. Лихачев писал, что любые изменения, вносимые самим творцом в свое произведение, «должны внимательно изучаться и не должны механически отбрасываться» [Лихачев, 2006, с. 72]. Поэтому мы считаем эту тему значимой для истории текста.

Основная часть

Один из вопросов, который необходимо осветить в настоящем исследовании, касается репутации писателя как в годы, предшествовавшие публикации романа, так и во время его создания. Интересно, что имя Мариенгофа значится в докладной записке заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП (б) Я. А. Яковлева на имя Иосифа Сталина, датированной не позднее 3 июля 1922 года, о ситуации в писательской среде. В отдельном пункте этого документа перечисляются политически благонадежные группы, среди которых «имажинисты – Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Кусиков и т. д.» [Власть и художественная интеллигенция, 1999, с. 39].

История взаимоотношений писателя и советской власти неисчерпаема и любопытна: в ней множество взлетов и падений, противоречий и сложных перипетий. В одно время Мариенгоф удачно занимается публицистикой, становится заведующим сценарным отделом «Пролеткино», однако после 1925 года его литературная репутация и востребованность идут на спад. Примерно на это же время приходится постепенное истощение имажинизма как литературного течения, которого начала теснить новая группа конструктивистов: «...на их фоне имажинисты, последние индивидуалисты в литературе русской метрополии, поневоле начинали казаться чем-то мелким, отжившим свое» [Марков, 2017, с. 211]. Заключительным этапом стали четыре номера журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном», которая выходила в свет с 1922 по 1924 гг.

После издания «Романа без вранья» последовало множество недоброжелательных отзывов. Среди рецензентов были, например, Иван Бунин и Владислав Ходасевич, опубликовавшие отзывы в журнале «Возрождение». Это произведение не устроило современников, как отмечает Олег Демидов, тремя вещами: правдивостью, самолюбованием автора и языком [Демидов, 2019, с. 296-297]. В одном из документов, датированном февралем 1928 г., содержится сводка о нарушениях в печати, приведено несколько фамилий, среди которых – Мариенгоф: «После Злых заметок Бухарина и различных сборников против богемы и богемствующих печатание последующим изданием книг, идеализирующих богему, более, чем опрометчиво» [Цензура в Советском Союзе, 2004, с. 141].

Кроме того, загадочными остаются события 1929 года, связанные с так называемым «Делом Пильняка и Замятина», в которые был втянут и сам Мариенгоф. Основанием для этого стал роман «Циники», запрещенный в СССР, за который писателю пришлось писать «объяснительную» во Всероссийский Союз Советских Писателей.

Тем не менее Мариенгоф не оставлял попыток подстроиться под запросы Родины, в которой

решил остаться, хотя возможность примкнуть к эмигрантской литературной среде у него, как известно, была. Писатель был трижды за границей: в 1924, 1925 и 1927 годах, посетив сначала Берлин, затем Париж и Австрию. С первой поездкой писателю помог А. В. Луначарский, первый нарком просвещения РСФСР. Цель путешествия тесно переплетена с переживаниями Мариенгофа о своей судьбе: «Мариенгоф, конечно, покидает Страну Советов с явной целью присмотреться к Европе на предмет своего будущего. Революция революцией, но к 1925 году в стране уже начинает не хватать кислорода» [Демидов, 2019, с. 258].

Одно время Мариенгоф посвящает себя детской литературе, стараясь создавать такие произведения, которые бы отвечали требованиям идеологической пропаганды. В первую очередь для нее были актуальны «темы революции и Красной армии, героики борьбы с врагами советской власти, темы интернационального единства, коллективного труда» [Демидов, 2019, с. 327]. Однако это не становится делом всей его жизни, и писатель продолжает экспериментировать с жанрами, чтобы вернуться в большую литературу. Так он приходит к задумке написать исторический роман, посвященной жизни и царствованию Екатерины Второй.

Еще один исследовательский вопрос, который мы поставили перед собой, звучит так: где и когда впервые Мариенгофом была упомянута Екатерина Великая, есть ли какие-нибудь свидетельства, которые бы стали отправной точкой для анализа зарождающегося интереса писателя к этой исторической личности? Ответить на него пока представляется затруднительным, однако нам удалось найти редкие упоминания имени императрицы. В четвертом номере журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном», в разделе «Современные размышления» можно найти пункт под названием «Историческая справка»: «В разные эпохи поэты поразному выдумывали читателя, зачастую очень искусственно. Вольнодумца Вольтера читали только коронованные особы. (Екатерина читала, чтоб создать себе славу просвещенной читательницы)» [Гостиница для путешествующих в прекрасном, 1924, №4, с. 3]. С точностью определить, действительно ли эти слова принадлежат Мариенгофу, мы не можем, поскольку внизу стоят два имени: Анатолий Мариенгоф и Вадим Шершеневич. В 1950-ых годах Екатерина мельком упоминается в небольшом драматическом произведении «В машине пять мест» из цикла «Маленькие комедии»: «Тебе, мамочка, необходимо отдохнуть, отвлечься. Для этого лучшее средство – физическая работа... Вот *Екатерина Вторая вышивала незабудки на салфеточках;* Лев Толстой тачал сапоги» [Мариенгоф, 2013, с. 489]. В период, предшествующий созданию романа, найти какие-либо отсылки к этой исторической фигуре (в письмах к друзьям или жене; в очерках и статьях) оказалось затруднительным, однако, безусловно, обращение именно к этой теме напрямую связано с интересом Мариенгофа к эпохе Петра I и дворцовых переворотов. Вспомним, например, такие произведения, как «Заговор дураков» (1922), «Совершенная Виктория» (1943), «Актер со шпагой» (1944) и др.

Во всех комментариях к роману «Екатерина», входящих в научные издания, публикующие этот текст в полном объеме, содержится важное для нас замечание: «Несколько глав романа были опубликованы в журнале „Литературный современник" (1936, №9-10); их текст значительно отличается от хранящегося в архиве варианта и в настоящем издании не учитывается» [Мариенгоф, 1994, с. 449]. Закономерно вывести следующий вопрос: какие именно изменения были внесены писателем в журнальную публикацию и чем это было мотивировано? Мы постараемся по возможности исчерпывающе ответить на него, используя материал, полученный в ходе сравнения архивного варианта с текстом, представленном на суд читателю в «Литературном современнике» в 1936 году.

Изменения, вносимые Мариенгофом в журнальную публикацию, условно можно разделить на два вида. Первый связан с намеренным изъятием фрагментов текса (глав и параграфов внутри них). Это происходит вследствие как сугубо художественной переработки, так и по причине адаптации к современному политическому мнению, задающему определенные стереотипы восприятия ряда актуальных тем (в том числе касающихся эпохи и личностей, изображенных в романе). Как мы в дальнейшем увидим, писателю приходится в ряде случаев изымать главное оружие имажинистов – эпатажность и «откровенность» слова, способствующие созданию уникальных образов. В этом случае можно говорить о создании «*нового» художественного текста,* отвечающего идеологическим требованиям господствующей культуры. Проблема цензуры является важным исследовательским аспектом текстологии, на которой сделан особый акцент в

настоящей статье. Историки литературы, анализируя цензурные искажения, отмечают: «Под цензурным давлением писатель перерабатывает тот или иной участок текста, и делает его необратимым» [Гришунин, 1998, с. 151].

Второй вид можно условно назвать «правка-сокращение»: это случаи, когда Мариенгоф сокращает объем предложения (в большинстве случаев это сокращение придаточной части), а также изменяет стилистическую окраску слов. Объем настоящей работы не позволяет привести все случаи авторского вмешательства в текст: это задача нашего будущего исследования. Обратимся для начала к немногочисленным примерам, иллюстрирующим второй вид редакторских правок, которые связаны с переработкой отдельных слов / словосочетаний.

«Король был человек беседы. Он *струил и струил* о комедиях, балетах, о маскарадах» [Мариенгоф, 1994, с. 225] / «Король был человек беседы. Он *говорил и говорил* о комедиях, балетах, о маскарадах» [Литературный современник, 1936, №9, с. 66];

Господи, что же надеть из петербургских платьев, чтобы стать толстой? А то Петр Федорович опять, разговаривая со мной, будет смотреть *на мамин зад. У императрицы зад гораздо шире, чем у мамы, раза в два»* [Мариенгоф, 1994, с. 239] / «Господи, что же надеть из петербургских платьев, чтобы стать толстой? А то Петр Федорович опять, разговаривая со мной, *будет смотреть на мамины плечи. А ведь императрица гораздо жирнее, чем мама*» [Литературный современник, 1936, № 9, с. 69];

«А тот *поерзал* негустой бровью» [Мариенгоф, 1994 с. 256] / «Шувалов *дернул* бровью» [Литературный современник, 1936, № 9, с. 76];

«...но чтоб *перепышнить* их» [Мариенгоф, 1994, с. 290] / «...но чтоб *превзойти* их» [Литературный современник, 1936, № 10, с. 95];

« –Да, *дерьмо* – согласился скучный князь» [Мариенгоф, 1994, с. 321] / « –Да, *это правильно* – согласился скучный князь» [Литературный современник, 1936, № 10, с. 106];

Вице-канцлер рассуждал *липучими* староманерными фразами» [Мариенгоф, 1994, с. 258] / «Вице-канцлер рассуждал староманерными фразами» [Литературный современник, 1936, № 9, с. 77].

Мы видим, как в некоторых примерах слова со сниженной стилистической окраской меняются на нейтральные (мамин зад / мамины плечи; дерьмо / правильно), что было сделано, видимо, из этических соображений. Также возможна и правка со стороны редакторского отдела журнала, однако доподлинно нам неизвестно, как с ним взаимодействовал Мариенгоф. На данный момент мы располагаем письмом писателя к жене, в котором говорится про отказ «Литературного современника» продолжить печатать роман и частично пересказан разговор с В. Н. Орловым, заведующим критическим отделом журнала: «Он сказал, что у меня в 7-й главе чуть ли не поклеп на историю. „Екатерина уж слишком отвратительно на брюхе ползет к власти". Словом, пожалел императрицу. А мне брехал, что „писано как будто с дворянской точки зрения" и еще какую-то чушь! Короче говоря, празднует трус» [Демидов, 2019, с. 426]. Вероятнее всего, редакторское влияние все же было оказано на текст романа.

По мнению большинства исследователей [Добренко, 1997; Блюм, 2000; Горяева, 2010], институт цензуры в Советском Союзе приобрел статус всеобъемлющего органа, регулирующего всю печатную продукцию. Один из самых непростых для анализа процессов связан именно с автоцензурой, порождающей ряд проблем: «Сложность проблемы заключается в том, что цензура соединялась с автоцензурой, а редакторская правка не всегда согласовывалась с автором» [Спиридонова, 2019, с. 133]. По этой причине текстологу иногда затруднительно провести черту между правками, который внес сам писатель, и изменениями, на которых настояла, например, редакция издания, где печатался текст.

Особое внимание следует уделить форме авторского присутствия в тексте, а именно многочисленным лирико-философским отступлениям, которые в журнальной публикации романа опускаются. Они являются внесюжетными элементами композиции, которые необходимы для организации художественного материала. Приведем несколько примеров, отсутствующих в журнальном варианте романа:

«Мы всего-навсего люди. Никто из нас не родятся великим поваром, великим философом или великим притворщиком. Но жизнь относительно милостива. <...> Поговорим об избранниках, потому что эта книга, к сожалению, посвящена им. Итак, мы считаем, например, что избраннику гораздо легче было вырасти в порядочного человека, чем стать порядочным негодяем. Для второго, нам кажется, требовалось затратить несравненно больше усилий, настойчивости и времени. А лю-

бители парадоксов, может быть, добавят: и таланта!» [Мариенгоф, 1994, с. 219–220];

«Женщины и полководцы знают, что самое лучшее, самое верное оружие – несчастное оружие. Потому-то в решительную минуту они и предпочитают им сражаться» [Мариенгоф, 1994, с. 222];

«Глупые люди, как правило, не сомневаются в своем уме. Большею частью они также не сомневаются в том, что друзья и знакомцы их считают за умников. Поэтому-то, не тревожимые сомнение, они обычно столь разговорчивы в обществе, многословны в письмах и щедры на сентенции» [Мариенгоф, 1994, с. 223];

«Так мы играем вничью. В жизни, при известном эгоизме, почти всегда можно сыграть вничью. Но, Боже мой, как же существовать деликатному человеку? Зная, что сны рассказывать очень приятно, он никогда не найдет в себе отваги прервать свою жену, своего приятеля, своего сослуживца. Зная также, что внимать рассказываниям тоска неимоверная, он вряд ли решится найти себе слушателя. Каторжная жизнь у деликатного человека. Впрочем, он по всей вероятно получает большое удовольствие от сознания собственной деликатности. Вот и опять ничья» [Мариенгоф, 1994, с. 245–246];

«Может быть, только в детстве глаза видят весну. Поэтому-то, выйдя в юность и еще более того – в средние годы, начинаем мы вдруг удивляться, что и ручьи скучно журчат, и сосульки невесть куда подевались, и апрельское солнце не так светит, как четверть века тому назад» [Мариенгоф, 1994, с. 260].

Общей особенностью авторских отступлений, содержащихся в исходном варианте романа, является повествование от второго лица множественного числа: «мы считаем, например...», «думается нам», «мы настаиваем на том, что…». Важно отметить значимость семантики местоимений в механизме референций, поскольку это позволяет дать коммуникативную характеристику определённой речевой ситуации, а в рамках художественного произведения они становятся маркерами авторской интенции. Так, одно из категориальных значений *мы,* значение совместности и обобщения, служит для усиления авторитета повествователя и универсализации суждения [Шведова, 1999]. Это также становится важным средством коммуникации с читателем [Шмелев, 2002]. Автор, предлагая воображению типичные ситуации и выбирая общезначимые философские проблемы / вопросы, делает его вовлеченным, наделяет опытом и знаниями, позволяющими обобщать и говорить от лица «группы, сообщества».

Завершающим этапом в нашем исследовании стало выявление исключенных из текста подлинника глав и попытка объяснить возможные причины такой автоцензуры. Лакуны в журнальной публикации можно разделить условно на две категории: с одной стороны, мы видим случаи пропусков целых глав, с другой – некоторых параграфов, довольно небольших по объему (значительным сокращениям подверглись главы 1, 4, 6, 7 и 8).

В журнальной публикации не сохраняются главы №2-3, содержащиеся в оригинальном тексте. Вторая представляет собой небольшой рассказ о рождении Петра III (о его родителях: Карле-Фридрихе Шлезвиг-Голштинском и Анне Петровне), о его детстве и первой встрече с маленькой Фике летом 1739 г. в Эйтине. Каждый получает саркастическое прозвище: Карл Голштинский, например, назван «герцогом-мартышкой», но особо насмешливое описание получил Петр: «Мальчика меньше всего можно было назвать красивым. Он походил на червяка, выброшенного лопатой могильщика на поверхность. Но этот червяк приходился внуком Петру Великому и, по бабке, Карлу XII. Поэтому он очень нравился Фике» [Мариенгоф, 1994, с. 182]. Третья глава повествует об Анне Леопольдовне и том, как Елизавета Петровна «сделалась полковником Преображенского, Семеновского <...>, а также императрицею Всероссийскою» [Мариенгоф, 1994, с. 199]. Упоминается исторический факт: указ от 2 декабря 1742 г. о высылке всех евреев из Малороссии во время царствования Елизаветы Петровны. Приводится также депеша Финча, английского посла, от 21 июня 1741 г.: это открывает тему политических отношений России и Европы, поскольку в ней идет речь о неприятии русских иноземцев. Заканчивается глава рассказом о высылке графа А.И. Остермана и Б.К. Миниха в Сибирь: «И поехали: Остерман в Березов, Миних в Пелым» [Мариенгоф, 1994, с. 207].

Переходя к анализу второй категории пропусков (случаи, когда автор пропускает параграфы внутри глав), мы сделаем акцент на автоцензуре, касающейся непосредственно Екатерины II, чье имя вынесено в заглавие романа. В оригинальном тексте навязчивым мотивом становится описание маленькой Фике, мечтающей с ранних лет о короне. В своих мемуарах императрица дей-

ствительно часто отмечает, что делает все возможное, чтобы взрастить в себе будущую великую правительницу, достойную своего народа. В небольшом плане Екатерины Великой, как следует из ее мемуаров, всего три пункта: «1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу» [Записки императрицы Екатерины Великой, 1907, с. 58]. Примечательно, что Мариенгоф включает эту цитату в роман, но несколько переиначивает ее. К концу четвертой главы автор приводит размышления Фике: «Я должна понравиться прежде всего Елисавете Петровне, потом Петру Федоровичу, моему жениху, потом России» [Мариенгоф, 1994, с. 226].

В седьмом параграфе первой главы рассказывается, как «золотушной девочке снились короны, короны, короны» [Мариенгоф, 1994, с. 173] и как Фике перед сном считала: «Первая за императором Карлом, вторая за русским королем, третья...» [Мариенгоф, 1994, с. 173]. В саркастической манере, свойственной не только этому роману, но в целом прозе Мариенгофа, автор, описывая упражнения будущей императрицы в кадрили, пишет: «Она плакала и танцевала, плакала и танцевала. Но ничего не поделаешь, если хочешь носить корону, надо плакать и танцевать, плакать и танцевать» [Мариенгоф, 1994, с. 176]. В пятой главе, во втором параграфе, приводятся размышления Иоганны-Елисаветы и Фике. Мать императрицы «думала о преображенцах, с расколотыми черепами скатившихся в снег» [Мариенгоф, 1994, с. 234], что отсылает нас к событиям 1741 г., когда в ходе дворцового переворота на престол взошла Елизавета Петровна, Фике же думала о наряде и эффекте, который должно произвести на придворных и народ: «Надо отдать справедливость этой девочке, она в нужную минуту умела сосредоточить свои мысли на самом существенном. Разве не предстояло ей появиться через какой-нибудь час перед взорами императрицы, великого князя и нации?» [Мариенгоф, 1994, с. 234].

Отметим, что одной из главных риторических фигур, которой пользуется Мариенгоф, является, безусловно, ирония, которая служит для «разоблачения» идеализированных образов исторических деятелей. На протяжении всего романа в своей привычной «цинической манере» писатель изображает будущую императрицу (не щадя и Петра III). Достаточно привести ее тревоги по поводу своей внешности: «Господи, что же надеть из петербургских платьев, чтобы стать толстой? А то Петр Федорович опять, разговаривая со мной, будет смотреть на мамин зад. <...> Говорят, что Елисавета Петровна съедает за обедом целый косяк буженины, индейскую курицу и лопату пирогов. Я теперь тоже будут съедать лопату пирогов и тогда стану вдвое шире мамы» [Мариенгоф, 1994, с. 239]. В журнальной публикации этот отрывок несколько переработан и сокращен, вероятно, из цензурных соображений: вместо «маминого зада» – «мамины плечи». Отдельного обширного исследования требует тема средств художественной изобразительности, которыми пользуется Мариенгоф при создании главных действующих лиц романа. Отметим, что этой темы кратко коснулся В. А. Сухов в книге «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа» (2007). Синтез всех приемов дает исчерпывающее представление об имажинистском видении сотворения художественной реальности. По этой причине читатель может испытывать в некотором роде смущение от того, насколько «порочными» и «слишком человеческими» изображены герои. Однако это делает роман «живым», как и хотел того автор.

Заключение

Укрепление организационно-управленческой функции напрямую зависело от степени влияния государства на общественное самосознание, которое регулировалось в соответствии с политическим курсом, «который неизбежно вел к деформации духовной жизни общества, ликвидации свободы мнений, политизации и идеологизации всех областей культуры» [Агапова, 2008, с. 124]. Деятельность цензуры в Советском Союзе была направлена на установление ряда табу и норм, в согласии с которыми должны были создаваться художественные произведения, претендующие на публикацию и известность.

В одном из примечаний к тексту документа, фиксирующего имена писателей, чьи произведения по разным причинам объявлялись неугодными власти и запрещенными к печати, о Мариенгофе говорится следующее: «Его произведения (за редким исключением публикаций отрывков в журналах и книги двух пьес, вышедшей в 1958 г.) в доперестроечное время всегда отклонялись цензурой» [Цензура в Советском Союзе, 2004, с. 426]. Это относится и к историческому роману «Екатерина», которое, с одной стороны, все же появилось на страницах журнала, с другой – так же быстро исчезло, не найдя отклика. Роман оставался без своего читателя вплоть до издания полной версии в 1994 году, однако даже тогда не смог добиться широкой известности. За

рубежом, в отличие от родины, он пользовался большей популярностью, был переведен на несколько европейских языков: английский, чешский, французский, немецкий и др. [Демидов, 2019, с. 705].

Тем не менее произведение уникально по многим причинам: от сюжета и жанровой формы до художественных приемов, в которых обнаруживаются новаторские идеи писателя. Как это свойственно для ранних романов Мариенгофа, которые можно определить как «монтажные», «Екатерина» представляет собой симбиоз исторического мира (где фундаментом становятся документальные свидетельства изображаемой эпохи) и вымышленного. Повествовательная техника, как и многие другие аспекты текста, требуют отдельных научных исследований, поскольку это произведение оказалось незаслуженно забытым.

Библиографический список

1. Агапова Е. А. Феномен цензуры. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 184 с.

2. Бабкин Д. С. Процесс А.Н. Радищева. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. 360 с.

3. Благой Д. Д. А.Н. Радищев: Жизнь и творчество. Москва : Знание, 1953. 50 с.

4. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху террора, 1929–1953 гг. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. 312 с.

5. Бунин И. А. Самородки // Возрождение. 1927. №800. 11 августа.

6. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 19171953. Москва : МФД, 1999. 872 с.

7. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. Москва : РОССПЭН, 2010. 407 с.

8. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. Москва : Наследие, 1998. 413 с.

9. Грузинов И. Имажинизма основное. М: Имажинисты, 1921. 22 с.

10. Демидов О. В. Анатолий Мариенгоф: первый денди Страны Советов. Москва : АСТ, 2019. 749 с.

11. Добренко, Евгений Александрович. Формовка советского читателя : Соц. и эстет. предпосылки рецепции совет. лит. Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. 320 с.

12. Западов А. В. Новиков. Москва : Молодая гвардия, 1968. 211 с.

13. Записки императрицы Екатерины Второй. Санкт-Петербург : Издание А.С. Суворина, 1907. 772 с.

14. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.

15. Краснов П. Н. Екатерина Великая. 1729–1796. Париж : К-во В. Сияльского, 1935. 452 с.

16. Кулакова Л. И. Яков Борисович Княжнин // История русской литературы. Т. 4. Ч.2. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. С. 227-249.

17. Литературный современник. Москва, 1936. № 9–10.

18. Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. Москва : Наука, 2006. 175 с.

19. Макогоненко Г. П. А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества. Москва : ГИХЛ, 1949. 195 с.

20. Макогоненко Г. П**.** Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. Москва : Ленинград : ГИХЛ, 1951. 544 с.

21. Мариенгоф А. Б. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Москва : Книжный Клуб Книговек, 2013. 818 с.

22. Мариенгоф А. Б. Это вам, потомки! Записки сорокалетнего мужчины. Екатерина. Санкт-Петербург : Петро-РИФ, 1994. 461 с.

23. Марков В. Ф. Очерк истории русского имажинизма (1919–1927). М: Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 370 с.

24. Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. Москва : Наука, 1966. 305 с.

25. Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. Москва : Гизлегпром, 1946. 116 с.

26. Спиридонова Л. А. Текстология: теория и практика. Москва : ИМЛИ РАН, 2019. 256 с.

27. Сухов В. А. Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа. Пенза : ПГПУ, 2007. 192 с.

28. Ходасевич В. Ф. Цыганская жизнь // Возрождение. 1927. №751. 23 июня.

29. Хуттунен Т. Оскар Уайльд из Пензы // Век нынешний и век минувший: культурная рефлексия прошедшей эпохи. Тарту, 2006. С. 359–375.

30. Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф. Денди. Монтаж. Циники. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. С. 124–125.

31. Цензура в Советском Союзе. 1917-1991. Документы / сост. А. В. Блюм. Москва : РОССПЭН, 2004. 576 с.

32. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Москва : Азбуковник, 1999. 176 с.

33. Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 887 с.

Reference list

1. Agapova E. A. Fenomen cenzury = The censorship phenomenon. Rostov-na-Donu : IPO PI JuFU, 2008. 184 s.

2. Babkin D. S. Process A. N. Radishheva = A. N. Radishchev's process. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1952. 360 s.

3. Blagoj D. D. A. N. Radishhev: Zhizn' i tvorchestvo = A. N. Radishchev: Life and work. Moskva : Znanie, 1953. 50 s.

4. Bljum A. V. Sovetskaja cenzura v jepohu terrora, 1929–1953 gg. = Soviet censorship in the age of terror, 1929–1953. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2000. 312 s.

5. 5Bunin I. A. Samorodki = Talented people // Vozrozhdenie. 1927. № 800. 11 avgusta.

6. Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953 = Authorities and creative intelligentsia. Documents of the CC of the RCP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953. Moskva : MFD, 1999. 872 s.

7. Gorjaeva T. M. Politicheskaja cenzura v SSSR. 1917–1991 gg. = Political censorship in the USSR. 1917-1991. Moskva : ROSSPJeN, 2010. 407 c.

8. Grishunin A. L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii = Scientific aspects of textology. Moskva : Nasledie, 1998. 413 s.

9. Gruzinov I. Imazhinizma osnovnoe = The basic imagism. Moskva : Imazhinisty, 1921. 22 s.

10. Demidov O. V. Anatolij Mariengof: pervyj dendi Strany Sovetov = Anatoly Mariengof: the first dandy of the Soviet State. Moskva : AST, 2019. 749 s.

11. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo chitatelja : Social'nye i jesteticheskie predposylki recepcii sovetskoj literatury = Forming the Soviet reader: Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 1997. 320 s.

12. Zapadov A. V. Novikov = Novikov. Moskva : Molodaja gvardija, 1968. 211 s.

13. Zapiski imperatricy Ekateriny Vtoroj = Notes of Empress Catherine the Great. Sankt-Peterburg : Izdanie A. S. Suvorina, 1907. 772 s.

14. Isabel' de Madariaga. Rossija v jepohu Ekateriny Velikoj = Isabel de Madariaga. Russia in the Age of Catherine the Great. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 976 s.

15. Krasnov P. N. Ekaterina Velikaja. 1729–1796 = Catherine the Great. 1729–1796. Parizh : K-vo V. Sijal'skogo, 1935. 452 s.

16. Kulakova L. I. Jakov Borisovich Knjazhnin = Yakov Borisovich Knyazhnin // Istorija russkoj literatury. T. 4. Ch.2. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1947. S. 227–249.

17. Literaturnyj sovremennik = The Literary Contemporary. Moskva, 1936. №. 9–10.

18. Lihachev D. S. Tekstologija = Textual studies : kratkij ocherk. Moskva : Nauka, 2006. 175 s.

19. Makogonenko G. P. A. N. Radishhev. Ocherk zhizni i tvorchestva = A. N. Radishchev. An essay on the life and work. Moskva : GIHL, 1949. 195 s.

20. Makogonenko G. P. Nikolaj Novikov i russkoe prosveshhenie XVIII veka = Nikolai Novikov and the Russian enlightenment of the XVIII century. Moskva : Leningrad : GIHL, 1951. 544 s.

21. Mariengof A. B. Sobranie sochinenij = Collected works : V 3 t. T. 1. Moskva : Knizhnyj Klub Knigovek, 2013. 818 s.

22. Mariengof A. B. Jeto vam, potomki! Zapiski sorokaletnego muzhchiny. Ekaterina = This is for you, the descendants! Notes by a 40-year-old man. Catherine. Sankt-Peterburg : Petro-RIF, 1994. 461 s.

23. Markov V. F. Ocherk istorii russkogo imazhinizma (1919–1927) = An essay on the history of Russian imagism. Ekaterinburg : Kabinetnyj uchenyj, 2017. 370 s.

24. Plimak E. G. Zapretnaja mysl' obretaet svobodu: 175 let bor'by vokrug idejnogo nasledija Radishheva = Forbidden thought gains freedom: 175 years of struggle over Radishchev's ideological legacy. Moskva : Nauka, 1966. 305 s.

25. Svetlov L. B. Izdatel'skaja dejatel'nost' N. I. Novikova = N.I. Novikov’s publishing activity. Moskva : Gizlegprom, 1946. 116 s.

26. Spiridonova L. A. Tekstologija: teorija i praktika = Textual studies: theory and practice. Moskva : IMLI RAN, 2019. 256 s.

27. Suhov V. A. Ocherki o zhizni i tvorchestve Anatolija Mariengofa = Essays on the life and work of Anatoly Mariengof. Penza : PGPU, 2007. 192 s.

28. Hodasevich V. F. Cyganskaja zhizn' = Gypsy life. // Vozrozhdenie. 1927. №751. 23 ijunja.

29. Huttunen T. Oskar Uajl'd iz Penzy = Oscar Wilde from Penza // Vek nyneshnij i vek minuvshij: kul'turnaja refleksija proshedshej jepohi. Tartu, 2006. S. 359–375.

30. Huttunen T. Imazhinist Mariengof. Dendi. Montazh. Ciniki = Imagist Mariengof. Dandy. Montage. Cynics. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. S. 124–125.

31. Cenzura v Sovetskom Sojuze. 1917–1991. Dokumenty = Censorship in the Soviet Union. 1917-1991. Documents / sost. A. V. Bljum. Moskva : ROSSPJeN, 2004. 576 s.

32. Shvedova N. Ju. Mestoimenie i smysl. Klass russkih mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva = The pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces opened by them. Moskva : Azbukovnik, 1999. 176 s.

33. Shmelev D. N. Izbrannye trudy po russkomu jazyku = Selected works on the Russian language. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 887 s.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья
УДК 316.77; 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-67
EDN: QLQEMO

Жанровые особенности контента образовательной онлайн-платформы ARZAMAS

Любовь Геннадьевна Антонова[1]✉, Глеб Викторович Гузенко[2]
[1]Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики коммуникации факультета филологии и коммуникации, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
[2]Ведущий специалист Центра по связям с общественностью управления стратегического планирования и коммуникаций, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14
[1]antonova_lubov@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-7768-8614
[2]g.guzenko@uniyar.ac.ru, https://orcid.org/0009-0004-0282-0173

Аннотация. Статья посвящена практике жанрообразования сетевого контента при создании образовательных материалов платформы Arzamas в интернете. Рассмотрены понятия «цифровое образование», «медиатекст», проанализированы жанровые особенности текста для просветительских образовательных онлайн-платформ. Проведено аналитическое описание отдельных жанровых моделей медиатекстов на просветительской образовательной онлайн-платформе Arzamas и аналогичных просветительских образовательных онлайн-платформах. Определены жанровые группы представленных на образовательной платформе материалов. Рассмотрен феномен тематической и функциональной маркировки контента, объединяющий материалы вне рубрик. Проанализированы критерии имиджа образовательной платформы и ее адресата, их влияние на жанрообразование контента платформы. Изучено явление поликодовости контента, рассмотрены условия и факторы его возникновения; использование поликодовых знаков в медиатексте в процессе создания новых жанров. Рассмотрены интерактивные элементы оформления контента электронных ресурсов с точки зрения удобства потребления пользователем.

Методология исследования опирается на общенаучные подходы к типам и жанрам медиаречи. Новизной исследования является комплексный анализ факторов и критериев функционирования просветительских образовательных онлайн-платформ и способов и средств жанрообразования внутри платформ и существующего тематического контента. Выводами исследования стало теоретическое обоснование четырех факторов, от которых зависит жанрообразование контента просветительских образовательных онлайн-платформ: тематики медиатекстов, возрастных групп целевой аудитории и их потребностей в определенных форматах, поликодовости материала и имиджа платформы в интернет-среде. Дана оценка результативности контента различных жанровых групп, используемых в материалах образовательной онлайн-платформы для выполнения основных задач ресурса. Результаты данного исследования возможно применить при проведении медианаблюдений и социологических исследований для оценки востребованности просветительских и образовательных онлайн-платформ в российском сетевом и образовательном дискурсах.

Ключевые слова: медиакоммуникация; формат онлайн-образования; веб-коммуникация; образовательная платформа; жанр; гипержанр; медиатекст; дискурс; теги; имидж ресурса

Исследование выполнено в рамках инициативной НИР VIP-019 «Город как культурный феномен в тексте, языке и коммуникации»

Для цитирования: Антонова Л. Г., Гузенко Г. В. Жанровые особенности контента образовательной онлайн-платформы ARZAMAS // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 67–80. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-67. https://elibrary.ru/QLQEMO

© Антонова Л. Г., Гузенко Г. В., 2024

Media communication and journalism

Original article

Genre specifics of the contents on the educational online platform ARZAMAS

Lubov G. Antonova[1]✉, Gleb V. Guzenko[2]
[1]Doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of theory and practice of communication, faculty of philology and communication, P. G. Demidov Yaroslavl state university. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14
[2]Leading specialist at the Center for public relations, department of strategic planning and communications, P. G. Demidov Yaroslavl state university. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14
[1]antonova_lubov@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-7768-8614
[2]g.guzenko@uniyar.ac.ru, https://orcid.org/0009-0004-0282-0173

Abstract. The article is devoted to practical genre formation of network content when creating educational materials on the Internet platform Arzamas. The authors consider the concepts of «digital education» and «media text», and analyze the genre features of the text for educational online platforms. The article provides an analytical description of individual genre models of media texts on the educational online platform Arzamas and other similar platforms, and defines genre groups of the materials presented on the educational platform. The phenomenon of thematic and functional content labeling, uniting materials outside the headings, is also examined. The authors analyze the criteria of the educational platform's image and its addressee, and their influence on the genre formation of the content. The authors examine the phenomenon of content polycoding and the conditions and factors of its emergence, the use of polycoded signs in media text in the process of creating new genres; consider interactive elements of designing electronic resources contents to make them user-friendly.

The research methodology is based on general scientific approaches to the types and genres of media speech. The research is innovative due to the complex analysis of the factors and criteria for educational online platforms functioning and the ways and means of genre formation within the platforms and the existing thematic content. The conclusions of the study are the theoretical grounds for four factors that determine the content genre formation on educational online platforms: the themes of media texts, the age groups of the target audience and their needs in certain formats, the polycodes of the material, and the image of the platform in the Internet environment. The article gives an assessment of the content performance in different genre groups used for the materials of the online educational platform to fulfill the main tasks of the resource. The results of this study can be applied in media monitoring and sociological research to assess the demand for educational online platforms in Russian online and educational discourse.

Key words: media communication; online education format; web communication; educational platform; genre; hypergenre; media text; discourse; tags; the resource image

The study was carried out within the framework of the initiative research project VIP-019 «City as a cultural phenomenon in text, language and communication»

For citation: Antonova L. G., Guzenko G. V. Genre specifics of the contents on the educational online platform ARZAMAS. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):67–80. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-67. https://elibrary.ru/QLQEMO

Введение

Современный этап развития человечества принято считать «цифровым обществом» – одним из составляющих постиндустриального общества, имеющего несколько ключевых особенностей: усиление роли информации и знания в жизни общества, массовое внедрение информационных технологий, позволившее создание глобального информационного пространства, стремительное развитие информационных коммуникаций [Кафтан, 2017]. С учетом высоких темпов развития цифровизации (вышеуказанных ключевых особенностей постиндустриального общества) в России особую ценность для нового поколения будущих специалистов различных сфер деятельности начинает приобретать формат онлайн-образования как способ получения необходимых навыков и компетенций. Это имеет несколько предпосылок: удобство для пользователя, интерактивность образовательного процесса и глубокое вовлечение его участника в двустороннюю коммуникацию с образовательной платформой. На критерий «удобства пользователя» оказывает влияние такой элемент, как формат и жанровые особенности тематического контента, публикуемого в рамках сетевого образовательного проекта, что во многом обеспечивает стабильную двустороннюю коммуникацию между платформой и пользователем, сохраняя и преумножая интерес участника коммуникационного процесса к дальнейшему взаимодействию. Для

создания и сохранения уникальных свойств контента образовательных платформ используются определенные жанры сетевого дискурса, которые могут быть эффективны в разрезе конкретной ситуации во взаимодействии с конкретным пользователем (и, соответственно, привлекают внимание аудитории), либо, наоборот, малоэффективны (и не имеют должного отклика у целевой аудитории).

В рамках данной статьи будут рассмотрены эффективные приемы жанровой организации контента образовательных платформ при взаимодействии контентмейкеров с различными возрастными группами пользователей.

Основная часть

Согласно мнению исследователя Руслана Сулейманова, цифровое образование является комплексным понятием, включающим множество аспектов, взаимодействующих друг с другом в интернет-среде: «Это и массовые открытые онлайн-курсы, и системы управления образованием (LMS), позволяющие осуществлять смешанное обучение, и использование новых технологий: дополненной и виртуальной реальностей, анализа больших данных, искусственного интеллекта, машинного обучения, достижений робототехники» [Сулейманов, 2018]. Как считает ряд исследователей, для успешного развития цифровизации образовательного процесса недостаточно лишь перевода учебных материалов в электронный формат (так называемой «оцифровки»): «Использование новых информационно-коммуникационных технологий является только начальным условием для дальнейшего развития цифровой педагогики, критерием оценки которой будет его полезность для обучающихся» [Сафуанов, 2019]. Критерием успеха цифрового образования исследователи считают организационные и структурные изменения непосредственно в самом образовательном процессе учреждений высшего образования Российской Федерации.

В то время, как образовательные организации высшего образования подстраиваются под темп цифровизации и внедряют новые инструменты и подходы в процесс коммуникации преподавателя со студентами, иные организации, занятые деятельностью в сфере просвещения, дополнительного образования или повышения квалификации и переподготовки (такие, как Arzamas, Нетология, ПостНаука, Яндекс.Практикум и т. д.) *изобретают и апробируют* в собственной практике вышеупомянутые новые инструменты цифровизации. Среди подобных успешных приемов можно отметить визуализирование лекций, применение методик 3D-моделирования, аудиализация текстовой информации, использование нейросетевых моделей. Подобные методики используются для привлечения внимания потребителя, увеличения уровня востребованности аудитории к контенту, что позволяет контентмейкеру иметь более высокую конкурентоспособность.

Стоит учесть, что каждый из изобретаемых образовательными платформами инструментов, несмотря на их широкое разнообразие в вариациях, вступает в коммуникацию с пользователями платформ, в первую очередь, через *медиатекст*. Согласно мнению Л. Г. Антоновой, «медиатекст» (он же «медиажанр») являет собой продукт коммуникативной практики: «он становится активной формой передачи информации по каналам массмедиа, а при создании особых условий передачи и восприятия информации массовой аудиторией часто рассматривается как дискурсивная единица в диалоге с адресатом медийной информации» [Антонова, 2023, с. 120].

Каждый из подобных текстов имеет ряд отличительных для понятия признаков: *читабельность, гипертекстовость, доступность, поликодовость, медийность, интертекстуальность, эмоциональность, мультипликационность (клиповость), персонифицированность, а также особенную «обратную связь» от адресата* [Антонова, 2023, с. 118]. (Каждый из этих параметров, как мы увидим в аналитической части, находит отражение в текстовых продуктах, которые предложены в режиме медиа на образовательной платформе).

Однако необходимо отметить стремление образовательных и просветительских платформ к обретению конкурентоспособности и апробации *новых подходов* в ходе «борьбы» за внимание адресата информации, что, соответственно, позволяет повысить собственный трафик, увеличить финансирование и продажу различных образовательных продуктов, связанных с профессиональной деятельностью платформы. В дополнении к данному тезису нужно отметить критерий *гипержанровость* в характеристике медиатекстов вышеупомянутых контентмейкеров.

Рассмотрим подобный тезис на **примере жанровых особенностей образовательного контента просветительской образовательной платформы** Arzamas [Arzamas].

В **качестве стартового этапа анализа контента** следует провести сопоставительный *анализ данной платформы с конкурентами на рынке образовательных и просветительских онлайн-платформ.*

В частности, одним из конкурентов выступает проект ПостНаука [ПостНаука]. Несмотря на различие в развиваемых платформами тематических направлений материала (ПостНаука работает в поле естественных и гуманитарных наук, а Arzamas специализируется на истории науки и искусства), оба игрока цифровой образовательной среды в рамках деятельности в формате образовательной платформы придерживаются единства в ***основных аспектах преподнесения контента***:

1. Образовательный ***контент сепарирован*** от просветительского и развлекательного с помощью деления на рубрики, и в обоих случаях отделение произведено одинаково – ПостНаука.Academy и Arzamas.Academy на обособленных вкладках интернет-сайтов платформ размещают так называемые «курсы», то есть комплексные базы материала по определенным тематикам, заявленным в заголовках.

2. В «курсах» обоих платформ ***коммуникатором*** в процессе взаимодействия между платформой и ее пользователем выступает признанный ***ученый и специалист в определенной области знаний***, заявленной в тематике курса (в частности, данный инструмент реализует вышеуказанной критерий образовательной платформы – «персонификацию» информации [Антонова, 2023]).

3. Каждый «курс» делится, в свою очередь, на несколько ***«уроков»***, продолжительность которых составляет не более одного академического часа, что способствует более успешному вовлечению адресата информации в коммуникативный процесс, соблюдая требования «клиповости» и порционности подачи информации [Антонова, 2023].

4. «Курсы» представлены в виде ***аудиозаписей коммуникаторов с минимальным использованием визуального сопровождения*** (в частности, иногда единственным изображением), что повышает удобство, вариативную мобильность использования материалов курсов.

5. Широко представлены на платформах ***дополнительные материалы*** в угоду усвоения пользователем выбранного «курса»: в работу идут фотогалереи и кинохроники, интервью со специалистами и списки литературы, игры, ситуативные кейсы и проверочные тесты, что обеспечивает широту диапазона участия и разнообразие коммуникативных ролей подписчиков.

6. Материалы «курсов» представлены в соответствии с ***дидактическими принципами***: соблюдается научность, последовательность и системность, доступность, наглядность в процессе обучения [Джураева, 2019], что подтверждается аналитическими методическими скринами и постоянным сопроводительным «подтекстом» при расположении материалов.

7. Каждый из «курсов», в соответствии с требованиями положительной эмотивности и креолизованности медийного контента, активно использует ***заголовочные комплексы для отдельных медиатекстов***, что позволяет успешно привлекать внимания адресата информации и потенциального потребителя контента: у ПостНауки используются такие креативные модели заголовков, как «Антропогенез: что сделало человека человеком», «Химия между нейронами: вещества, которые нами управляют»; у Arzamas – «Бандитский Петербург Серебряного века», «Правила Пушкина», «Анатомия готического собора (18+)» и т. д.

Учитывая вышеперечисленные закономерности, можно сделать вывод, что структурно-тематические особенности образовательного контента просветительских платформ отчасти позволяют отнести его к жанру ***«подкастов»***. Как известно, в основе этого медиаресурса – цифровая аудиозапись некоей аналитической, информационной или просветительской передачи, размещенной в интернете и предоставляющей ее потребителю возможность отложенного прослушивания [What is Podcasting? Pew Research Center: Journalism & Media staff].

В комплексе с используемыми *дополнительными дидактическими материалами*, представленными как современные текстовые продукты сетевого дискурса (вышеуказанные онлайн-тексты, игры, кейсы и т. д.), вместе с авторским индивидуальным подходом к передаче информации, чему следует практически каждый профессиональный коммуникатор, образовательный контент просветительских онлайн-платформ образует ***гипержанр,*** который, в свою очередь, и подается ***как вариант курсовой подготовки***. Согласно определению К. Ф. Седова, «гипержанры – это макрообразования, то есть речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в

своём составе несколько жанров» [Ульянова, 2014].

Подобные макроконструкции призваны ***выполнить несколько задач,*** стоящих перед ***образовательной онлайн-платформой***:

1. Вовлечение адресата информации в коммуникативный процесс;

2. Помощь в усвоении адресатом предоставленной информации;

3.Стимулирование интереса адресата к другим продуктам образовательной онлайн-платформы.

Для более глубокого анализа детально остановимся на **контенте онлайн-платформы Arzamas**. Коллектив проекта поддерживает работоспособность официальных представителей платформы во многих *социальных сетях*: ВК, Одноклассники, Telegram и другие. Это доказывает, что деятельность платформы активно обсуждается участниками указанных соцсетей, и, следовательно, весь контент следует рассматривать в том числе и как составляющую *сетевого дискурса*.

Используя классификацию медиадискурса В. И. Карасика, образовательный контент ресурса можно отнести ***к жанровым группам сетевого дискурса креативы***: «от лат. creo – ‘творить, создавать’, художественное творчество, свое или чужое, в виде текстов, картин, инсталляций и мультимедийных проектов, сопровождаемое комментариями» [Карасик, 2019, с. 50] и *социативы* «от лат. societas – ‘компания’, заметки и рассуждения об интересных вещах, эта жанровая группа позволяет объединиться единомышленникам в рамках той или иной предметной области» [Карасик, 2019, с. 51].

Разделение на жанровые группы происходит по *тематическому принципу*. В своем ядре любой образовательный контент платформы Arzamas из рубрики **«Курсы»** представляет собой вышеуказанный *гипержанр* при сочетании подкаста с различными мультимедийными технологиями. Соответствующий *гипержанр* относится к той или иной *жанровой группе* в частном порядке, в зависимости от репрезентуемой коммуникатором темы:

– Такие образовательные медиатексты («курсы»), как «Культура Китая в страшных сказках и преданиях (18+)», «Поэзия скальдов: загадки и герои», «Анатомия готического собора (18+)», «Иранская мифология», раскрывают потребителям темы, связанные с творчеством и восприятием мира через призму поэзии, мифологии, архитектуры и т. д., где, соответственно, контент может быть соотнесен с жанровой группой *креативы*, поскольку в основе своей данные медиатексты являются репрезентацией отформатированных в удобный образовательный проектный тип персональных аудиолекций эксперта по определенной тематике в области *художественного искусства.*

– Образовательный контент «Портрет художника эпохи СССР», «Краткая история феминизма», «Исламская революция в Иране: как она изменила всё», «История Англии: война Алой и Белой розы» относится к определенным историческим явлениям и / или событиям, что объединяет все эти материалы в жанровой группе *социативы*. В каждом из медиатекстов данной жанровой группы авторы рассуждают на тему определенного социального / исторического явления, в том числе прибегая к созданию определенного тематического ресурса. В конкретном случае факт наличия жанровой группы *социативов* на платформе Arzamas заключается не столько в существовании некоего объединенного тематикой ресурса, сколько в самой социокультурной идее, цели: *актуальное описание интересных явлений и событий* из реальной жизни, которые вошли или войдут число общественных и культурно значимых прецедентов.

Изучая коммуникативные особенности контента образовательной онлайн-платформы Arzamas, нельзя не упомянуть **способы использования поликодовых элементов в медиатекстах на этой платформе.** Практически каждый визуальный материал, созданный авторами, имеет свою, уникальную для платформы стилистику, что делает Arzamas брендом – продуктом с уникальной идентичностью.

Понятие *«поликодовость» в жанрообразовании* отсылает к феномену сочетания элементов различных языковых кодов и появлению новых гибридных жанров. Этот процесс особенно актуален для *мультимедийной среды*, в том числе в образовательном дискурсе в целом и в контенте образовательных онлайн-платформ [Торопкина, 2018].

Рассмотрим несколько основных ***аспектов поликодовости информации***:

– *Гибридизация.* В данном контексте современные жанры часто являются комбинацией различных традиционных жанров. Например, представители интернет-жанра «мем» могут сочетать в себе элементы фотографии, текста и юмора,

кино и музыки, имеют отсылки к классическим произведениям искусств.

– *Интермедиальность*. Использование нескольких видов медиа для создания одного произведения. Это может включать видеоклипы, которые сочетают музыку, текст и визуальные эффекты, например, компьютерную 3D графику и другое.

– *Культурный синтез.* Жанры могут развиваться под влиянием различных культурных контекстов, что приводит к появлению новых форм. Например, музыкальные жанры могут интегрировать элементы различных национальных стилей.

– *Трансмедиа.* Переход сюжета, фабулы и действующих лиц контента (в формате истории) от интерпретации в одном жанре медиаконтента к другому при сохранении основных черт. Например, адаптация книги в формате кинофильма или ТВ-сериала, театральной и радиопостановки.

– *Интерактивность.* Вовлечение аудитории в создание контента через комментарии, лайки, репосты, опросы, сбор мнений и т. д.

Поликодовый текст представляет собой сочетание вербальных и невербальных элементов, где каждый код выполняет свою функцию и влияет на восприятие текста читателем. Жанрообразующими факторами в таком тексте могут быть как лингвистические, так и экстралингвистические компоненты.

Среди *лингвистических факторов* стоит отметить:

– *Стиль и язык.* Характер использования лексики, грамматических конструкций, стилистических приемов. Например, использование жаргона, сленга, официальных формулировок;

– *Риторические приемы.* Типы аргументации, способы убеждения, эмоциональная окраска текста. Усиление позиции автора, экспертность.

Среди *экстралингвистических факторов* стоит отметить:

– *Графическое оформление.* Сюда входит шрифт, цветовая гамма, расположение элементов на странице;

– *Изобразительные средства*. Это фотографии, иллюстрации, схемы, графики. Они дополняют или даже заменяют часть вербального контента;

– *Мультимедийные элементы.* Аудио- и видеофрагменты, анимация;

– *Культурный контекст.* Общественные нормы, традиции, стереотипы, которые влияют на интерпретацию текста определенным читателем.

Приведем ***примеры использования уникальных поликодовых знаков в контенте онлайн-платформы Arzamas***:

– *интерактивные иконки* – лендинги, превью материалов, тестов, игр и контента, функциональные кнопки, ссылки, уведомления, выполненные в единой корпоративной стилистике;

– *каталогизированная информация* – оформление в виде «выпадающих списков» или «переключающихся списков» блоков контекстной информации в рамках конкретного продукта;

– *шрифты, цвета, элементы оформления корпоративной айдентики*;

– *анимированные вставки* в аудиовизуальном контенте с учетом корпоративных особенностей;

– *сопутствующее оформление исторических визуальных материалов* (фотоснимков реально существующих мест, объектов) с учетом визуальных особенностей платформы;

– *отсылки к российской культуре* – использование элементов образов известных исторических деятелей (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и других) в качестве визуального оформления.

В совокупности ***поликодовость контента образовательной онлайн-платформы Arzamas*** приводит к тому, что несколько видов медиа при взаимодействии в определенном социокультурном контексте создают новые, ***гипержанровые продукты*** на стыке как уже существующих, традиционных жанров, так и с учетом новых тенденций и современных инструментов интернет-коммуникации.

Обратимся к другим коммуникативным особенностям просветительской образовательной платформы.

Контент подразделов относится к ***разным целевым аудиториям в рамках возрастных групп.*** Некоторый контент вышеупомянутых «Курсов», а также «Материалов», «Журнала» имеют возрастную маркировку 18+. Другие же медиатексты рубрик, ввиду отсутствия какого-либо упоминания о возрастных ограничениях, могут относиться к любой возрастной категории.

Отдельного упоминания о возрасте потенциальных потребителей нет и у рубрики «Магазин», где в формате онлайн-маркетплейса выставлены на продажу брендированные образовательные предметы с элементами дизайн-кода образовательной платформы.

В рамках сетевого жанрового дискурса **рубрики «Материал» и «Журнал»** имеют признаки жанра *электронный журнал* – публикации в электронном формате, состоящей из текста и

изображений и читаемой с помощью цифровых девайсов [Тарасова, 2014]. По классификации В. И. Карасика, они также будут относиться к жанровым группам *креативов* и *социативов* [Карасик, 2019], в зависимости от поддержанной тематики.

В качестве примера *социативов* можно привести подборку **материалов «Краткая история вещей»**, содержащую 46 выпусков хронометражем 13–15 минут в формате *аудиовизуальных дневников исследователей*. В аннотации к группе материалов указано следующее: *«Откуда взялись и куда исчезли знакомые всем и забытые вещи и как они стали такими, какими мы их знаем. Археологи Александр Бутягин и Евгений Черленок рассказывают о самых обычных и менее узнаваемых предметах».*

Жанровая группа *креативы* в данных рубриках, как и в случае с рубрикой «Курсы», проявляется в публикации экспертных материалов. В качестве примера можно привести медиатекст «20 цитат из дневника Любови Шапориной», содержащий выдержки из дневника художницы с интересными личными откровениями и открытиями. Кроме того, к рубрике *креативы* можно отнести различные тесты и другие геймифицированные *способы проведения самопроверки знаний* для пользователей из сферы литературы, художественного искусства и мировой истории.

Контент **рубрики «Магазин»** отличается от других медиатекстов платформы – он являет собой характерные карточки с описанием товаров, их ценой, параметрами, графической визуализацией и активными кнопками интерфейса для совершения покупки и оплаты. Но *товаром* здесь выступают определенные *тематические образовательные курсы*, которые можно приобрести для самообразования. Учитывая данные признаки, контент следует отнести к жанру сетевого дискурса *коммерческие объявления* из группы директивных жанров по классификации Л. Ю. Щипининой [Ульянова, 2014]. В рамках классификации В. И. Карасика подобные медиатексты относятся к жанровой группе сетевого дискурса *агитативы* – «различные сообщения, продвигающие тот или иной товар или образ жизни» [Карасик, 2019, с. 50].

Примером подобных *агитативов* выступает и следующий медиапродукт в данной рубрике: заголовок «Настольная игра «Собери музей», и текст анонса– обращения к покупателю: *«Ура первой настолке Arzamas! Вы играете за Третьякова, Щукина, Мамонтова и других меценатов. Сможете создать главные московские музеи и не разориться?»*. Здесь активно используются игровые приемы включения подписчиков в рекламно-маркетинговую коммуникацию и ролевой дискурс.

(Кроме того, отмечена цена за одну штуку товара, присутствует изображение упаковки настольной игры, что создает эффект «настоящего» дела в направлении «создания музейной коллекции»).

Рубрика «Детская комната» (а также связанное с ней и доступное для скачивания на мобильный телефон приложение «Гусь-Гусь») относятся, в первую очередь, к адресной аудитории младшего возраста, но, как отмечено в аннотации к блоку материалов, в то же время способны объединить с помощью современных медиаинструментов несколько поколений пользователей для полезного потребления данного контента: *«Как провести время с детьми, чтобы всем было полезно и интересно: книги, музыка, мультфильмы и игры, отобранные экспертами».* На вкладке **контента «Мультфильмы»** также происходит дополнительное деление на возрастные категории «старше 6 лет» и «младше 6 лет». В зависимости от возрастного маркера, подбираются соответствующие образовательные или развлекательные мультфильмы, в том числе *с комментариями специалистов*, что увеличивает «кредит доверия» отобранным произведениям мультипликации.

Контент **рубрики «Детская комната»**, удовлетворяя запросы целевой аудитории (для детей и их родителей), обладает *оригинальным жанровым разнообразием.* Публикации оформляются *по принципам гипержанровости*: подкасты с дополнительными материалами, текстовые сообщения с мультипликационными вставками и музыкальным сопровождением и другие вариации. Отличие «детского материала» от контента для более взрослых потребителей хорошо подтверждает анализ представленного материала по классификации В. И. Карасика. К вышеупомянутым жанровым группам: *креативы* и *социативы* – прибавляются две группы контента: *аттрактивы* – «развлекательно-шутливые послания» и *инструктивы* – «рекомендации по решению практической проблемы» [Карасик, 2019].

В качестве примера *аттрактива* стоит привести следующий материал: **игровую рубрику «Советские ребусы»**, где пользователям предлагается разгадать детские ребусы 1920–1970-х годов. Медиатекст являет собой *зашифрованное в*

ребусе слово в формате изображения. Ответ на загадки возможно посмотреть под активной кнопкой интерфейса, которая выдает искомое слово по клику пользователя. Важно, что соблюдается активный интеллектуальный режим при языковом поиске, тип задания совершенствует когнитивные способности ребенка.

В качестве *инструктива* в данном блоке материалов следует рассмотреть **материал «Как поставить спектакль»**. Текст инструкции, сопровождаемый графическим отображением некоторых пунктов рекомендательного списка, снабжен также *аудиовизуальными примерами* выполнения того или иного этапа алгоритма практических действий, что обеспечивает необходимое корректное сопровождение (*прием фасилитации*) для достижения практического результата.

Рассмотрим **особенности организации дискурсивных связей в работе образовательных платформ с подписчиками**.

Согласно исследованиям Е. К. Русанова, интернет-жанры рождаются в процессе взаимодействия пользователей сетевой коммуникации в рамках интернет-дискурса, то есть при *использовании, анализе и воспроизведении совокупности текстов* в коммуникативном пространстве, предполагающем *интерактивное общение виртуальных коммуникантов* при учете дистанции (в режиме онлайн), что приводит к формированию интернет-дискурса [Русанов, 2016].

Интернет-дискурс (или сетевой дискурс) характеризуется ***рядом особенностей:***

– *обратная связь*. В отличие от традиционных форм общения, сетевой дискурс предоставляет мгновенную обратную связь, что способствует быстрому развитию дискуссии;

– *виртуальность.* Участники находятся на расстоянии друг от друга, что создает определенную дистанцированность и уменьшает значимость невербальных сигналов;

– *текстуальность.* Основным средством коммуникации является письменный текст и медиатекст;

– *интерактивность.* Возможность непосредственного взаимодействия с другими участниками делает процесс сетевой дискурса динамичным;

– *поликодовость.* Использование визуальных средств (фотографий, видео, инфографики), которые дополняют или заменяют вербальные сообщения;

– *демократизация информации*. Каждый участник имеет возможность создавать и распространять информацию, вступать в диалог с экспертами, привносить свою точку зрения;

– *прозрачность.* Сообщения остаются доступными для просмотра и анализа после их публикации, что также влияет на характер и содержание общения;

– *мобильность.* Возможность доступа к сетевому дискурсу с помощью мобильных устройств делает его более гибким и удобным для пользователей.

В связи с этим следует рассмотреть отдельный аспект работы образовательной платформы – ***установление дискурсивных отношений*** в рамках образовательного дискурса ***медиатекстов платформы и их адресатов*** с позиции разнообразия контента, его особенностей и жанрообразования.

В частности, для взаимодействия с пользователем образовательная **платформа Arzamas** вводит ***специальные «теги»*** **–** специальные метки для контента, существующие вне определенных рубрик и облегчающие для пользователя поиск материалов определенной темы. Наряду с распространенными на различных просветительских и образовательных платформах тематическими метками, отсылающими пользователя к определенному виду искусств или научной сфере («Кино», «Архитектура», «История», «Литература» и т. д.), существуют специфические для данного ресурса ***функциональные метки.*** Рассмотрим подробнее данный феномен:

– **Тег «Чтение на 15 минут»** объединяет более 50 материалов разнообразных тематик: изучение исторической литературы, анализы произведений искусства, рецензии на новые литературные произведения, воспоминания и рекомендации экспертов различных сфер деятельности. Поскольку тег является не жанровой группой, а полезным инструментом для рубрикации, то под данной меткой находят себе место представители практически всех вышеупомянутых групп – *социативы* («Иосиф Бродский: поэт в аудитории», «Фантастический город: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921)», «Между „Правдой“ и „Временем“», «История усталости от Средневековья до наших дней» и другие примеры медиатекстов, объединенных целью рассмотрения того или иного исторического явления или события); *креативы* (отрывок мемуаров немецкого режиссера Вернера Херцога «Каждый за себя, а Бог против всех», «Клокочущая ярость. Революция и

контрреволюция в искусстве») и *аттрактивы* (отрывки книг «„Гибель Запада“ и другие мемы», «Желтый. История цвета»). Исключением оказались инструктивы и агитативы – контента данных жанровых групп с соответствующим тегом обнаружено не было, что объясняется спецификой коммуникативных задач этих материалов, где изначально определено не информационное, а *ситуативно-творческое начало*.

При всем разнообразии дискурсивных отношений каждый материал *отвечает на запрос пользователя* – каждый из них *не превышает 15 минут времени читателя в процессе чтения.* В качестве примеров изучим несколько материалов.

1. ***Медиатекст «История усталости от Средневековья до наших дней»*** составляет 9806 печатных знаков с пробелами (1358 слов) и *прочитывается* пользователем за 11,3 минут при средней скорости чтения 120 слов в минуту. Учитывая наличие четырех контекстных изображений в материале– иллюстраций средневековых миниатюр и фресок, можно допустить, что оставшееся время (от положенных на ознакомление с материалом 15 минут) пользователь сможет потратить на их *аналитическое изучение* – комфортное «погружение» в информационные детали контента.

2. ***Медиатекст «Дизайн детства»*** составляет 10943 печатных знака с пробелами (1479 слов) и может быть прочитан пользователем со средней скоростью чтения за 12,3 минут. Материал имеет четыре тематические иллюстрации, которые *облегчают аналитическую работу с контентом* и обеспечивают более продуктивное и скорое «погружение» в материал.

3. «***Искусство Центральной и Восточной Европы с 1950 года»*** составляет 12955 печатных знаков с пробелами (1581 слово) и может быть прочитан пользователем за 13,2 минут со средней скоростью чтения. Медиатекст снабжен сопутствующими иллюстрациями – тремя фотографиями с указываемыми явлениями европейской культуры.

Соответственно, ***функциональный тег «Чтение на 15 минут»*** выполняет возложенную на него задачу – в процессе коммуникации пользователя с образовательной платформой данная метка предоставляет читателю *широкий каталог образовательных поликодовых медиатекстов*, сопровождаемых тематическими иллюстрациями и связанных с различными категориями гуманитарных наук, в которых действительно соблюдается ***принцип соотнесенности объема потраченного времени читателя на потребление контента.***

– **Тег «Шпаргалка»** объединяет более 70 материалов различных рубрик, посвященных широкому спектру научных направлений и родов искусства: мировая история, литература, кинематограф и изобразительное искусство и т. д. Функциональным единством для данной метки является ее *практико-ориентированная направленность*: каждый из материалов, несмотря на принадлежность к различным тематическим рубрикам и жанровым группам (чье разнообразие представлено так же, как и в материалах предыдущего тега – *социативы, креативы, аттрактивы*), призван научить пользователя *оперативной и избирательной работе с информационными источниками:* понимать «азы» заявленной в заголовочном комплексе материала тематики историко-культурного плана. Рассмотрим несколько примеров:

1. ***Медиатекст «Определитель святых»***. В аннотации материала указано следующее: *«Arzamas составил каталог, благодаря которому вы научитесь опознавать святых на средневековых католических изображениях по их основным атрибутам».* При переходе на страницу материала перед пользователем предстает поликодовый медиатекст – перечень визуальных отображений святых с короткими поясняющими подписями. Особенностью материала является *креативное цветовое решение в инфографике страницы:* отдельным ярким песочным цветом на каждом черно-белом изображении того или иного святого *выделен вышеуказанный «основной атрибут»:* меч в руках апостола Павла, агнец возле Агнессы Римской, плащ у Мартина Турского.

Образовательная платформа предоставляет пользователю не только изложение фактов в схематической форме, но и *универсальный инструмент* для опознавания сюжетов и действующих лиц на католических фресках и иконах, с помощью которого *можно будет оперативно и избирательно получить информацию с изображения* без дополнительного информационно-текстового запроса у экспертов-теологов или богословов. Это особенно удобно для *первоначального ознакомления и решения вопросов «осведомленности»* в том или ином культурном контексте.

2. ***Медиатекст «Русь, Запад, Восток: 10 веков в одной таблице»***. В аннотации указано сле-

дующее: *«От Рюрика до Робеспьера – синхронная таблица по мировой истории. Одна строка – одно двадцатилетие».*

При переходе на страницу материала пользователя встречает поликодовый медиатекст, грамотно представленный с использованием инфографики в формате таблицы. Для навигации по материалу слева страницы размещены *интерактивные кнопки* для быстрого перехода к тому или иному тематическому блоку, который соотносится с определенным периодом истории. В строчке десятилетий отмечены даты, которые, по отдельному нажатию пользователя, предоставляют, с помощью выпадающего списка, краткое описание всех ключевых моментов мировой истории в указанные временные сроки. Безусловно, подобная мультимедийная, интерактивная информационная таблица является примером *современного эстетически оформленного справочного пособия.*

Данный каталогизированный, систематизированный и, что немаловажно для коммуникации пользователя с образовательной платформой, *удобный и понятный с позиции интерфейса и инфографики материал,* что при определенных условиях может помочь в работе с историческими источниками и при проведении научных исследований.

3. ***Медиатекст «12 признаков того, что перед вами импрессионистская картина»***. В аннотации указано: *«Фотографическое кадрирование, вид на город сверху, кафе и парки, скачки и паровозы – рассказываем о том, как определить работу художника-импрессиониста».*

Материал представляет собой разделенный на 12 параграфов ***поликодовый контент.*** Каждый из параграфов имеет *заголовочный комплекс*, отображающий один из 12 признаков определения течения искусства, *пояснение в объеме 4–6 строк текста* и оформленные в популярном в социальных сетях формате *«карусели»* (поочередный показ при перелистывании) визуальные примеры в количестве 4–7 шт., основанные на фотокопиях существующих произведений искусства.

По завершении прочтения материала пользователь может получить *практические способы определения* принадлежности того или иного объекта изобразительного искусства к течению импрессионизма.

– **Тег «Стыдные вопросы»** объединяет около 30 материалов, которые также можно найти в различных рубриках образовательной платформы, посвященных различным темам. Функциональным единством выступает *формат материала «вопрос-ответ»*: каждый из материалов принадлежит к различным тематическим рубрикам и жанровым группам (их разнообразие представлено так же, как и в материалах под предыдущими тегами – *социативы, креативы, аттрактивы*) и дает пользователю информацию по указанной в заголовочном комплексе теме в виде *определенных тезисов*. Важной структурной особенностью является то, что каждый материал заранее сообщает в заголовочном комплексе пользователю о количестве предлагаемых тезисов: «8 вопросов о Корее», «Буддизм в 9 вопросах», «Кто придумал гонки?» (в последнем случае – один тезис как распространенный ответ на определенный вопрос). Рассмотрим материалы с *соответствующей маркировкой* на примерах.

1. ***Медиатекст «Тесла против Эдисона:*** 9 вопросов о “войне токов”». Аннотация для материала следующая: *«Почему “война токов” так называется? Какую роль в ней сыграл электросчетчик, а какую – электрический стул? И кто все-таки изобрел лампочку?»*

Материал, соответственно заголовочному комплексу, посвящен разбору взаимоотношений двух выдающихся исторических личностей – изобретателей Никола Теслы и Томаса Эдисона. Каждый ответ на вопрос тематики либо дает новую информацию (например, конкретный ответ на вопрос «Кто изобрел лампочку»), либо опровергает слухи, воспринимаемые некоей частью общества за факт («Правда, что все боялись переменного тока?»). Каждый из тезисов, или ответов на вопросы, сопровожден *визуальными материалами* – гравюрами, рисунками и историческими фотографиями. Для удобства пользователя, слева от поля, где располагается основной медиатекст, размещены *интерактивные кнопки для быстрого обращения* к интересующему вопросу.

После прочтения материала пользователь получает комплексную информацию о вышеуказанном историческом контексте с уже *проведенным фактчекингом и отделением мифа от реальности*.

2. ***Медиатекст «12 вопросов об Октябрьской революции».*** В аннотации указано следующе: *«Почему именно 25 октября и могла ли революция совершиться в один день в такой огромной стране, как Россия? Что такое Советы? Все ли большевики хотели убить царя? И правда ли, что без Ленина ничего бы не вышло? Отве-*

чаем на стыдные вопросы об Октябрьской революции».

Материал отвечает на все вопросы, указанные в заголовочном комплексе, и, как и в предыдущем примере, помогает пользователю лучше разбираться в указанном историческом контексте *с учетом возможности мифологизации* на базе реально существующих событий.

3. ***Медиатекст «11 вопросов о старообрядцах».*** Аннотация следующая: *«Старообрядцы – это религиозные фанатики, которые себя сжигали? Они обязательно носили длинную бороду? Из-за чего спорили патриарх Никон и протопоп Аввакум?».*

Как и в ранее указанных примерах материалов под данной маркировкой, медиатекст отвечает на поставленные в заголовочном комплексе вопросы, развенчивает мифы. В качестве *иллюстративного медиаматериала* грамотно представлены *качественные визуальные изображения*: православные фрески, иконы, картины художников и фотографии представителей старообрядческого ответвления православной церкви.

Подводя итог вышеуказанному ***разбору дискурсивных отношений*** между образовательной платформой и пользователем, мы можем предположить, что как ***тематические теги*** («Искусство», «Литература», «Архитектура» и т. д.), так и ***функциональные теги*** («Шпаргалка», «Чтение на 15 минут», «Стыдные вопросы») руководствуются важным для жанрообразования на образовательной платформе фактором, который можно определить как ***интеллектуальное сопровождение для удобства пользователя***. В соответствии с поставленными определенным тегом тематическими задачами, информационный поликодовый материал жанра «электронный журнал» преобразуется в **интерактивный гипержанровый медиапродукт**, что улучшает качество контента для пользователя, и, соответственно, увеличивает востребованность и конкурентоспособность продукции образовательной онлайн-платформы.

Рассмотрим далее **взаимоотношения платформы и пользователя вне маркировки определенного контента**. И здесь следует обратить внимание на *коммуникационные инструменты для пользователя*, которые обеспечивает образовательная платформа: *навигационные знаки* для успешного продвижения, *подвижные ссылки* для расширения и обогащения тематического поля, *интерактивные кнопки*. Все эти технологически встроенные в гипержанровое медийпространство образовательной платформы инструменты – важные отличительные особенности *новых интермедиальных образовательных ресурсов* научно-популярного и просветительского направления работы.

(Так, например, при использовании интерактивной кнопки «Мне повезет!» пользователя направляют к материалам рубрики «Журнал», где в список входят любые тематические и функциональные теги, вне зависимости от тем, проблем, объема и научной сферы текста). Таким функциональным сопровождением авторы образовательного ресурса предлагают пользователю продолжить знакомство с контентом ресурса с целью *самообразования, повышения уровня эрудированности*, а также получения удовольствия от *интеллектуального времяпровождения*. Это своеобразный функциональный *аттрактив,* обеспечивающий пользователю устойчивое персональное взаимодействие с платформой. Кроме того, можно предположить, что функционал интерактивной кнопки связан с возможным возникновением «*исследовательского азарта*» у пользователя в ходе потребления контента – состояния крайней степени увлечения процессом научных изысканий.

Кроме того, критерий «***удобство пользователя***» усиливает и другой функциональный инструмент образовательной платформы: *сообщение о подписке на рассылк*у с полем для заполнения, адресом электронного почтового ящика (своеобразный *инструктив* как алгоритм действий для последующей автоматизации получения наиболее полезных, по мнению редакции образовательной онлайн-платформы, просветительских материалов).

Своеобразный *дискурс* выстраивается между платформой и пользователем и *в формате товарно-денежных отношений* при совершении читателем оплаты периода использования материалов сайта. Помимо приведения ценовых категорий и возможностей оплаты, образовательная онлайн-платформа предлагает *совершить покупку в качестве «подарка»* близкому человеку: в этом случае ресурс после проведения пользователем оплаты формирует из уникального промокода с фирменным визуальным оформлением подарочный сертификат, который можно «распечатать и вручить лично», как отмечает платформа. С помощью данного инструмента платформа *повышает востребованность его контента для своей целевой аудитории* – как среди действи-

тельных, так и среди *потенциальных потребителей*.

Необходимо подчеркнуть, что все используемые коммуникативные и коммуникационные инструменты, представленные в аналитическом описании, работают на создание для пользователей ***имиджа образовательной онлайн-платформы.***

Согласно мнению Д. И. Евсиенко, имидж образовательной онлайн-платформы являет собой сложный психологический продукт, формирующийся при учете ряда *равноценных факторов*: оценки качества предоставляемого образовательного (просветительского) контента, оценки процесса обучения в ходе взаимодействия с образовательной онлайн платформой, оценки удобства и доступности сервиса, оценки престижа и репутации ресурса и его авторов на рынке образования [Евсеенко, 2023].

Комплексную оценку имиджу ***онлайн-платформы Arzamas***, с учетом всех вышеуказанных факторов, пользователи могут найти при помощи ресурсов по поиску информации о контрагентах и участниках рынка от компаний-агрегаторов, соответствующих отзывов, где образовательные онлайн-платформы участвуют как реально существующие игроки.

В «Каталоге компаний» АО «Т-Банк» [Каталог компаний АО «Т-Банк»] образовательная ***онлайн-платформа Arzamas*** имеет оценку 4,9 баллов из 5 на основании 206 отзывов и оценок пользователей. Примеры отзывов: *«Самый лучший образовательный апп, спасибо!», «Отличный источник научно-познавательных лекций на каждый день. Стоит своих денег!», «Одно из любимых приложений. Очень много интересных лекций, подкастов. Постоянное обновление. Удобный интерфейс. Отдельное спасибо хочется сказать за детское приложение Гусьгусь! Ребенок каждый вечер слушает что-то новое, особенно Переверни пингвина! Очень полезный подкаст про профессии от взрослых профессионалов, с ведущими детьми. Все подробно на доступном для детей языке».*

На этом же сайте образовательная ***онлайн-платформа «ПостНаука»*** имеет оценку 5 баллов из 5 на основании трех оценок пользователей. Пользователи не опубликовали отзывы и отклики о деятельности платформы.

Мы понимаем, что, используя вышеуказанные данные, нельзя утверждать, что с позиции имиджевого превосходства онлайн-платформа Arzamas может быть совершеннее платформы «ПостНаука» – для подобного утверждения недостаточно исследовательских данных, нужны развернутые комплексные исследования с элементами не только коммуникативных, но и маркетинговых технологий. Но можем предположить, что настолько широкий разрыв в количестве отзывов пользователей у двух платформ в рамках оценки их деятельности с помощью популярного сетевого инструмента – «Каталога компаний» – является свидетельством большей популярности Arzamas в интернет-дискурсе с потенциальными потребителями услуг, на что, несомненно, влияет в том числе и ***разнообразие контента,*** *и* ***широкий диапазон коммуникативных и коммуникационных медиаинструментов*** сетевой коммуникации, которые активно и продуктивно поддерживает онлайн-платформа Arzamas.

Вывод

Разнообразие жанровых форм контента образовательных и просветительских онлайн-платформ зависит от четырех факторов: тематики медиатекстов, возрастных групп целевой аудитории и ее потребностей в форматах поликодовости материала и имиджа платформы в интернет-среде. Для усиления вовлеченности адресата в процесс коммуникации с платформой и востребованности для целевой аудитории предлагаемого контента медиатекст подобных ресурсов имеет склонность к гипержанровости, обретая новые и более усложненные формы образовательного дискурса.

В конечном итоге любой медиатекст призван, как и следует из наименования платформ, *сообщать, просвещать и развлекать*. Образовательная онлайн-платформа Arzamas, выстраивая грамотно и инструментально продуктивно коммуникативную стратегию с потребителем образовательных услуг, используя гипержанровый режим медиапродуктов, организуя разнообразные тематические группы контента и жанровые модели медийных материалов для разных групп потребителей, с поставленными задачами успешно справляется.

Библиографический список

1. Антонова Л. Г. Образовательный и просветительский медиадискурс: жанровые модели и инструменты // Основы маркетинговой лингвистики : учебник / Л. Г. Антонова и др. Москва : МГПУ, 2023. С. 115–132.

2. Баталова А. Р. Дискурсивное поле: структура и критерии (на примере дискурсивного поля христиан-

ской культуры) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1299–1303.

3. Джураева С. Н. Дидактические принципы в образовании // Academy. 2019. № 6 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-printsipy-v-obrazovanii (дата обращения: 07.06.2024).

4. Евсеенко Д. И. Имидж образовательного онлайн-сервиса: структура и факторы эффективности // Молодой ученый. 2023. № 27 (474). С. 162–165.

5. Иванова М. Н. Дискурс и дискурсивное поле // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3–1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-diskursivnoe-pole (дата обращения: 07.06.2024).

6. Карасик В. И. Интернет-жанры // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55.

7. Каталог компаний АО «Т-Банк». URL: https://www.tbank.ru/reviews/company/arzamas/107019/ (дата обращения: 07.06.2024).

8. Кафтан В. В. Философия современного информационного общества // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Философские науки. 2017. № 2. URL: https://www.philosmgou.ru/jour/article/download/240/240 (дата обращения: 07.06.2024).

9. Мельникова О. К. К вопросу об определении термина «Интернет-дискурс» // Казанский вестник молодых учёных. 2018. № 4 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termina-internet-diskurs (дата обращения: 07.06.2024).

10. ПостНаука. URL: https://postnauka.org/ (дата обращения: 07.06.2024).

11. Рацибурская Л. В. Актуальные коммуникативные тенденции в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская, В. А. Торопкина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-kommunikativnye-tendentsii-v-sovremennom-mediynom-slovotvorchestve (дата обращения: 07.06.2024).

12. Русанов Е. К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме // Гуманитарные юридические исследования. 2016. № 1. С. 216–217.

13. Сафуанов Р. М. Цифровизация системы образования / Р. М. Сафуанов, М. Ю. Лехмус, Е. А. Колганов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2019. № 2 (28). URL: https://usptu-bulletin.ru/index.php/bul/article/view/9922 (дата обращения: 07.06.2024).

14. Сулейманов Р. Правда и ложь о цифровом образовании // Учительская газета. 2018. № 27. URL: https://ug.ru/pravda-i-lozh-o-czifrovom-obrazovanii-gotovy-li-shkolniki-i-uchitelya-k-oczifrovyvaniyu-obrazovatelnogo-proczessa-2/ (дата обращения: 07.06.2024).

15. Тарасова А. Н. Жанровое разнообразие сетевых текстов // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4.

16. Торопкина В. А. Поликодовость и гибридность современного медийного словотворчества // Вестник ННГУ. 2018. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovost-i-gibridnost-sovremennogo-mediynogo-slovotvorchestva (дата обращения: 07.06.2024).

17. Ульянова М. А. Классификация жанров интернет-дискурса // Lingua mobilis. 2014. № 3 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-zhanrov-internet-diskursa (дата обращения: 07.06.2024).

18. Шарифуллин Б. Я. Гипержанры и гипержанровые сценарии в вербальной и невербальной коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/giperzhanry-i-giperzhanrovye-stsenarii-v-verbalnoy-i-neverbalnoy-kommunikatsii (дата обращения: 07.06.2024).

19. Arzamas. URL: https://arzamas.academy/ (дата обращения: 07.06.2024).

20. What is Podcasting? Pew Research Center: Journalism & Media staff. URL: https://www.pewresearch.org/journalism/2006/07/19/what-is-podcasting/ (дата обращения: 07.06.2024).

Reference list

1. Antonova L. G. Obrazovatel'nyj i prosvetitel'skij mediadiskurs: zhanrovye modeli i instrumenty = Educational and enlightening media discourse: genre models and tools // Osnovy marketingovoj lingvistiki : uchebnik / L. G. Antonova i dr. Moskva : MGPU, 2023. S. 115–132.

2. Batalova A. R. Diskursivnoe pole: struktura i kriterii (na primere diskursivnogo polja hristianskoj kul'tury) = Discursive field: structure and criteria («the case of the discursive field of Christian culture») // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. T. 20. № 4. S. 1299–1303.

3. Dzhuraeva S. N. Didakticheskie principy v obrazovanii = Didactic principles in education // Academy. 2019. № 6 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-printsipy-v-obrazovanii (data obrashhenija: 07.06.2024).

4. Evseenko D. I. Imidzh obrazovatel'nogo onlajn-servisa: struktura i faktory jeffektivnosti = The image of online educational service: structure and factors of effectiveness // Molodoj uchenyj. 2023. № 27 (474). S. 162–165.

5. Ivanova M. N. Diskurs i diskursivnoe pole = Discourse and discursive field // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2020. № 3–1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-diskursivnoe-pole (data obrashhenija: 07.06.2024).

6. Karasik V. I. Internet-zhanry = Internet genres // Zhanry rechi. 2019. № 1 (21). S. 49–55.

7. Katalog kompanij AO «T-Bank». = Catalog of companies JSC «T-Bank». URL: https://www.tbank.ru/reviews/company/arzamas/107019/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

8. Kaftan V. V. Filosofija sovremennogo informacionnogo obshhestva = Philosophy of the modern information society // Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Serija: Filosofskie nauki. 2017. № 2. URL: https://www.philosmgou.ru/jour/article/download/240/240 (data obrashhenija: 07.06.2024).

9. Mel'nikova O. K. K voprosu ob opredelenii termina «Internet-diskurs» = Toward a definition of the term «Internet discourse» // Kazanskij vestnik molodyh uchjonyh. 2018. № 4 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termina-internet-diskurs (data obrashhenija: 07.06.2024).

10. PostNauka = PostScience. URL: https://postnauka.org/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

11. Raciburskaja L. V. Aktual'nye kommunikativnye tendencii v sovremennom medijnom slovotvorchestve = Current communicative trends in modern media word-formation / L. V. Raciburskaja, V. A. Toropkina // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-kommunikativnye-tendentsii-v-sovremennom-mediynom-slovotvorchestve (data obrashhenija: 07.06.2024).

12. Rusanov E. K. Internet-diskurs v diskursivnoj paradigme = Internet discourse in a discursive paradigm // Gumanitarnye juridicheskie issledovanija. 2016. № 1. S. 216–217.

13. Safuanov R. M. Cifrovizacija sistemy obrazovanija = The education system digitalization / R. M. Safuanov, M. Ju. Lehmus, E. A. Kolganov // Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, jekonomika. Serija jekonomika. 2019. № 2 (28). URL: https://usptu-bulletin.ru/index.php/bul/article/view/9922 (data obrashhenija: 07.06.2024).

14. Sulejmanov R. Pravda i lozh' o cifrovom obrazovanii = The truth and lies about digital education // Uchitel'skaja gazeta. 2018. № 27. URL: https://ug.ru/pravda-i-lozh-o-czifrovom-obrazovanii-gotovy-li-shkolniki-i-uchitelya-k-oczifrovyvaniyu-obrazovatelnogo-proczessa-2/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

15. Tarasova A. N. Zhanrovoe raznoobrazie setevyh tekstov = Genre variety of online texts // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2014. T. 19. № 4.

16. Toropkina V. A. Polikodovost' i gibridnost' sovremennogo medijnogo slovotvorchestva = Polycode and hybrid nature of contemporary media word formation // Vestnik NNGU. 2018. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikodovost-i-gibridnost-sovremennogo-mediynogo-slovotvorchestva (data obrashhenija: 07.06.2024).

17. Ul'janova M. A. Klassifikacija zhanrov internet-diskursa = Genre classification in Internet discourse // Lingua mobilis. 2014. № 3 (49). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-zhanrov-internet-diskursa (data obrashhenija: 07.06.2024).

18. Sharifullin B. Ja. Giperzhanry i giperzhanrovye scenarii v verbal'noj i neverbal'noj kommunikacii = Hypergenres and hypergenre scenarios in verbal and non-verbal communication // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/giperzhanry-i-giperzhanrovye-stsenarii-v-verbalnoy-i-neverbalnoy-kommunikatsii (data obrashhenija: 07.06.2024).

19. Arzamas. URL: https://arzamas.academy/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

20. What is Podcasting? Pew Research Center: Journalism & Media staff. URL: https://www.pewresearch.org/journalism/2006/07/19/what-is-podcasting/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 05.10.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-81
EDN: QZVYTP

Радиоспектакль для взрослых и детей в вещании Испании и стран Латинской Америки: история, особенности, тенденции развития

Елена Станиславовна Зубаркина[1]✉, Юлия Артуровна Мискевич[2]
[1]Кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной, Московский педагогический государственный университет. 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16/18
[2]Редактор отдела оперативной информации Lenta.ru, шеф-редактор радио «Пульс» МПГУ, Московский педагогический государственный университет. 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16/18
[1]famzub@yandex.ru✉, https://orcid.org/0009-0005-5678-1787
[2]yuliya.wenell@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0583-2554

Аннотация. В статье рассматривается опыт создания радиоспектаклей в Испании и странах Латинской Америки: Гватемале, Аргентине, Венесуэле, Перу и Уругвае. Авторы отражают основные исторические этапы становления и развития радиотеатра в вышеуказанных странах, выявляют особенности современной радиодрамы на крупных государственных и коммерческих FM-радиостанциях, а также в подкастинге. Актуальность темы обусловлена новыми подходами к созданию аудиоспектаклей и их возрастающей просветительской и социальной ролью в Испании и Латинской Америке. Серьезные изменения данный жанр претерпел в период пандемии Covid-19: топ-менеджеры большинства рассматриваемых радиостанций приняли решение публиковать контент в сети, а над созданием драмы стали работать в экспериментальном дистанционном формате. Видоизменилась и тематическая палитра программ в жанре радиотеатра – приоритет отдается социальным, а не развлекательным сюжетам, посредством таких проектов фокусируется внимание на проблемах социального неравенства, безработицы, а также интенсивности дискриминационных течений в многополярных государствах. Кроме того, преобразования коснулись способов финансирования данных программ и радиопроектов – авторы зафиксировали отсутствие существенной и системной поддержки государственных и частных радиостанций в сохранении традиций радиотеатра в последние годы. Новизна исследования заключается в попытке комплексно отразить своеобразие, место и роль жанра радиоспектакля в испаноязычной журналистике. Вместе с тем в статье определяются тенденции развития данного направления радиожурналистики как для взрослой, так и для детской аудитории. Кроме того, авторами подробно изучена роль инновационных технологий в развитии радиодрамы в Испании и Латинской Америке.

Ключевые слова: радиотеатр; журналистика; медиа; Испания; Латинская Америка; радиоспектакль; аудио; радио

Для цитирования: Зубаркина Е. С., Мискевич Ю. А. Радиоспектакль для взрослых и детей в вещании Испании и стран Латинской Америки: история, особенности, тенденции развития // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 81–94. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-81. https://elibrary.ru/QZVYTP

Original article

Radio plays for adults and children in Spanish and Latin American broadcasting: history, specifics and development trends

Elena S. Zubarkina[1]✉, Julia A. Miskevich[2]
[1]Candidate of philological sciences, acting head of the V. A. Slavina department of journalism and media communications, Moscow pedagogical state university. 109240, Moscow, Verkhnyaya Radischevskaya str. 16/18.
[2]Editor of Lenta.ru operational information department, editor-in-chief of radio «Pulse», Moscow pedagogical state university. 109240, Moscow, Verkhnyaya Radischevskaya str. 16/18.
[1]famzub@yandex.ru✉, https://orcid.org/0009-0005-5678-1787
[2]yuliya.wenell@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0583-2554

© Зубаркина Е. С., Мискевич Ю. А., 2024

Abstract. The article examines the experience of producing radio plays in Spain and Latin American countries: Guatemala, Argentina, Venezuela, Peru and Uruguay. The authors describe the main historical stages of forming and developing the radio theater in the above-mentioned countries, reveal the specifics of modern radio drama at major state and commercial FM radio stations, as well as in podcasting. The relevance of the topic lies in the new approaches to audio plays and their increasing educational and social role in Spain and Latin America. This genre underwent serious changes during the Covid-19 pandemic: top managers at most of the radio stations in question decided to publish the content online, and began working on the production in a distance format as an experiment. The thematic range of programs in the radio theater genre has also changed – the priority is given to social subjects rather than entertaining ones; such projects focus their attention on the problems of social inequality, unemployment, as well as the intense discrimination in multipolar states. In addition, the transformation affected the ways of financing these programs and radio projects – the authors note the recent lack of significant and systematic support of public and private radio stations in keeping the traditions of the radio theater. The novelty of the study lies in the attempt to comprehensively analyze the originality, place and role of the radio play genre in Spanish-speaking journalism At the same time, the article identifies the development trends in this area of radio journalism for both adult and children's audiences. The authors also examine in detail the role of innovative technologies in developing radio drama in Spain and Latin America.

Key words: the radio theater; journalism; media; Spain; Latin America; radio play; audio; radio

For citation: Zubarkina E. S., Miskevich Yu. A. Radio plays for adults and children in Spanish and Latin American broadcasting: history, specifics and development trends. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):81–94. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-81. https://elibrary.ru/QZVYTP

Введение

Радиоспектакль, как жанр художественного вещания, был одним из самых популярных с момента развития и популяризации радио как канала коммуникации в 20 веке. Практически во всех странах радиоредакции предпринимали особые усилия для создания уникальных произведений по мотивам известных литературных произведений или специально созданным сценариям. При этом в международном сообществе теоретиками и общественными деятелями сегодня признается не только просветительская роль радиодрамы, но и ее социальное значение. П. И. Садовская отмечает, что «находясь на стыке литературного произведения и драмы как сценического воплощения, речи письменной и устной, строго зафиксированного текста и воображаемого, радиоспектакль создает дополнительный потенциал для драматургии, так как популяризирует ее, тем самым способствуя культурному развитию общества» [Садовская, 2009, с. 60]. О том, что радиотеатр также имеет ярко выраженный социальный характер, например, помогает людям с ОВЗ, утверждает в том числе испанское Агентство по международному развитию и сотрудничеству: «Радиоспектакли открывают доступ к современному испанскому театру для людей с ограниченными возможностями по зрению» [Ficción Sonora].

Тем временем в направлении литературной радиодраматургии сегодня можно отметить парадоксальные тенденции. С одной стороны, в последние десятилетия руководство многих радиостанций по всему миру встало на путь отказа от производства радиоспектаклей из-за высоких затрат на данный вид творческой деятельности и, как следствие, отсутствия коммерческой выгоды. С другой стороны, в отдельных странах можно наблюдать обратный процесс – возрождение традиций создания радиодрамы.

В испаноязычной радиожурналистике, к которой обращено внимание авторов данного исследования, художественно-драматическое вещание, в том числе и детское, обладает богатой историей, своей спецификой и продолжает развиваться, в том числе, за счет внедрения инновационных технологий в творческий процесс. При этом теоретики и практики признают, что монетизация таких программ сегодня затруднена.

Так, говоря о рентабельности проектов, реализованных в жанре радиоспектакля, исследователи Сара Руис-Гомез и Хосе Мария Легорбуру-Ортелано отмечают, что художественная литература – дорогой контент для производства, требующий работы высококлассных специалистов. Именно низкий уровень финансирования и отсутствие квалифицированных специалистов являются двумя главными препятствиями на пути увеличения количества художественных произведений на радио [Ruiz-Gómez, Legorburu-Hortelano, 2023, с. 76].

С ними согласны и испанские теоретики в области медиа – Мигель Анхель Ортис Собрино и Федерико Вольпини Сисо, которые также полагают, что работа квалифицированных специалистов в сфере радиодрамы не выгодна частному радио, так как для производства подобного контента необходимы квалифицированные специа-

листы, дефицит которых очевиден в настоящее время [Sobrino, Sisó, 2017, с. 15].

В то же время в испаноязычном научном сообществе единогласно отмечается, что радиодрама обладает весомым просветительским потенциалом. Так, чилийский исследователь Р. Родригес пишет, что радиотеатр – жанр для «популяризации и передачи нематериального наследия» [Rodríguez, 2014, с. 31]. Он подчеркивает, что художественная литература на радио способствует удержанию аудитории радио. Аргентинский исследователь, директор Centro de Producciones Radiofónicas Ф. Годинез Галай, замечает: «Вымышленные и художественные способы подачи информации вызывают идентификацию и призывают слушателя к собственным переживаниям, вовлекают и делают частью сообщаемого опыта или информации, что обеспечивает лучшее донесение этого сообщения и достижение целей коммуникации» [Godinez Galay, 2011]. По словам исследователя, если слушать информацию, «изложенную скучно – без музыки или с плохо подобранной музыкой», то слушатель будет отвлекаться на что-то другое. Таким образом, цель коммуникации не будет достигнута: «Гораздо приятнее слушать рассказ, повесть и тем самым понимать ее смысл, чем текст, прочитанный без всякого изящества». С ними соглашается и Р. Родригес. Изучая феномен радиотеатра в Латинской Америке, он отмечает, что радиодрама побуждает радиослушателей размышлять, дискутировать и осознавать социальные проблемы, которое люди часто боятся увидеть; они боятся увидеть себя высмеянными [Ortiz, 2015]. В свою очередь региональный советник ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации Латинской Америки и Карибского бассейна Роза М. Гонсалес транслирует идею о том, что радио обладает «способностью передавать информацию и знания, которые делают общее благо человечества» [Documental: Nuevo mundo, nueva radio].

Вместе с тем исследователи подчеркивают, что преимущество жанра радиотеатра в формировании культурных ценностей не освобождает создателей от обязанности «развлекать» публику. Так, по мнению британского сценариста Р. Дэвиса, «очень важно поддерживать интерес аудитории к персонажам; это важно для успеха любого сценария, будь то для телевидения, кино, театра или радио» [Davis, 2004, с. 12].

Преобразование условий существования радио изменило и подход к созданию детской радиодрамы, которая, как и в истории советского вещания, в Испании и Латинской Америке была элементом нравственного воспитания, формирования культуры, реализовывала важные просветительские задачи. На современном этапе исследователями также подтверждается широкий функционал данного вида аудиокультуры. В частности, в научном труде о детском радиотеатре Гватемалы А. Браном отмечается, что просветительская функция аудиоспектаклей для детей реализуется как инструмент педагогики для аудитории младшего возраста [Bran, 2015].

В данной статье продолжается исследование вопроса истории, современного подхода к созданию радиодрамы для широкой аудитории, а также ее потенциала в трансляции культурных ценностей. Новизна теоретического материала обусловлена комплексным подходом в отражении особенностей литературно-драматического искусства в контексте испаноязычной журналистики.

В эмпирическую базу вошел опыт постановки и записи радиоспектаклей в Испании, а также странах Латинской Америки: Гватемалы, Аргентины, Венесуэлы, Перу и Уругвая. Акцент сделан на государства, в которых продолжается работа в жанре аудиоспектакля как в рамках классического FM-вещания, так и подкастинга.

Методы исследования

Исследование просветительской и социальной роли продуктов радиодраматургии в странах Латинской Америки и Испании, а также особенностей их создания представлены в теории журналистики в незначительном объеме. Однако накопленный опыт испаноязычной журналистики в данном направлении представляет интерес как для теоретиков, так и практиков.

Методологическую основу исследования составляют такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение. Кроме того, авторами применяется сравнительно-исторический метод для обнаружения самих аудиопродуктов в архивах и других источниках, их сравнения, выявления общего и частного. Ведущим методом стал контент-анализ, позволяющий выявить содержательные особенности современной испаноязычной радиодраматургии и определить ее место в культурной и социальной жизни общества.

Практика создания радиотеатра в испаноязычных странах: история вопроса

В первые десятилетия вещания в Испании были запущены частные радиостанции: Radio Barcelona, Radio España, Radio Cádiz, Estación

Castilla, Radio Club Sevillano и Radio Ibérica. В их эфире радиотеатр стал одним из самых популярных видов контента. Так продолжалось на протяжении первого пятидесятилетия радиовещания.

«Королем» испанского радиоспектакля называют Гильермо Сотье Касасеку. В 1940-х годах он принял участие в конкурсе станции Cadena SER «Tu carrera es la radio» («Твоя карьера – это радио») и уже в 1947 году записал свою первую аудиопостановку «Historias en el Retiro» («Истории в Ретиро»). В 1952 году им был представлен собственный радиосериал «Lo que no muerte» («Что не является смертью»).

Еще одним знаковым радиодраматическим проектом середины прошлого века в Испании стал спектакль «Diego Valor» («Диего Валор») о фантастических приключениях одноименного героя (эфир состоялся на Cadena SER). Через пять лет аудиопостановку экранизировали и транслировали как телесериал. В 1955 году эта же станция представила радиоспектакль Эдуардо Васкеса «Matilde, Perico y Periquín» («Матильда, Перико и Перикин»). Роль Перико исполнил Педро Пабло Аюсо – известный испанский актер озвучания. В течение 16 лет радиосериал шел с постоянным успехом.

Примечательно, что в 1950-е годы радиотеатр в Испании вызвал интерес у рекламодателей – спектакли спонсировала торговая марка Cola Cao. Это свидетельствует о высокой доле прослушивания проектов и, соответственно, их востребованности у аудитории. В последующие годы к радиодраме не пропадает интерес.

5 января 1976 года в эфир Cadena SER стартовал ежедневный проект «La Saga de los Porretas» («Сага о Порретасе»). Аудиопостановка стала одной из последних в своем жанре в испанском радиовещании. Выпуски длились по 10 минут: с помощью радиоприемников слушатели следили за динамичными событиями в жизни испанской семьи Порретас. В центр сюжета был 80-летний Сегисмундо Порретас, который нередко конфликтовал со своей невесткой и внуками. Постановка транслировалась ежедневно на протяжении 12 лет, вплоть до 1988 года.

Исследователи Ортис Собрино и Вольпини отмечают, что «Сагу о Порретасе» на Cadena SER можно считать последним примером преемственности традиционных радиоспектаклей и радиосериалов крупных испанских сетей [Ortiz, 2017, с. 14]. Однако нельзя утверждать, что за последние 40 лет радиотеатр исчез из радиоландшафта страны. Например, вплоть до 2014 года Испанское национальное радио транслировало аудиопостановки и литературные адаптации, созданные при участии известного писателя и радиосценариста Хуана Хосе Планса, который, среди прочего, занимался популяризацией литературы в жанре фантастики посредством аудиоформатов.

В латиноамериканских странах вещатели начали выпускать собственные радиоспектакли преимущественно в конце 20-х годов.

В *Гватемале* в 1929 году была запущена первая радиостанция TGA под руководством Хулио Кабальероса. 16 сентября 1930 года станция получила статус официального государственного радио и сменила название на Radio TGW. Экспериментальная трансляция радиодрамы состоялась в 1936 году. До этого периода гватемальская актриса Арасели Паларе регулярно посещала Колумбию, чтобы приобрести необходимые навыки и компетенции для участия в радиоспектаклях. К 1936-му году президент Гватемалы Хорхе Убико, утвердившись в необходимости организации нового вида досуга для населения посредством радио, связался с Паларе и назначил ее профессором Национальной консерватории музыки и исполнительских искусств. Паларе предстояло обучать сотрудников радио и коллег-актеров этому виду искусства. Вскоре актриса подготовила группу артистов для постановки дебютного радиоспектакля на национальном радио. Драма «Atrévete Susana» («Смелее, Сусана») получила положительные отзывы слушателей, которые были отражены в многочисленных письмах, присланных в редакцию.

1940–1950-ые годы называют «золотым веком» гватемальской радиостанции: развлекательные программы транслировались в прямом эфире не только на территории страны, но и в некоторых частях Центральной Америки.

В 1946 году при поддержке директора Radio TGW Хосе Кастаньеды в эфир вышла программа «Детский радиотеатр» («Radioteatro Infantil Martha Bolaños de Prado»). Марта Боланьос и Елена Мини де Ториелло адаптировали известную кубинскую сказку «La Cucharachita Martínez» («О Таракашке Мартине»), которую, как правило, читают детям во всех испаноязычных странах в дошкольном возрасте. В постановке участвовали дети возраста 7–14 лет. В целом «Детский радиотеатр» представлял собой мастерскую, в которую мог поступить любой желающий ребенок.

Следующими детскими произведениями, послужившими основой для радиодрамы, стали сказки «Красная Шапочка», «Белоснежка» и «Спящая красавица». Сотрудники редакции намеренно выбирали хорошо известные для младшей аудитории произведения, чтобы облегчить процесс восприятия и заинтересовать слушателей. По прошествии лет радиодраматурги начали вводить в эфир и авторские пьесы, написанные специально для «игры у микрофонов».

«Детский радиотеатр» долгое время был единственной передачей для юных слушателей в эфире TGW. Остальные гватемальские радиопрограммы предназначались для взрослой аудитории. Поэтому дети и подростки были вынуждены адаптироваться к программам, которые адресовались родителям, и приобщались к совместному прослушиванию [Cervera, 1992].

В *Аргентине* радиотеатр получил широкое распространение в 1930-е годы. Из-за международного экономического кризиса театральные труппы были распущены, аргентинская театральная публика с 1925 по 1927 годы сократилась примерно на 16 %. Именно поэтому на радио возложили две основные задачи – развлекать аудиторию и участвовать в обеспечении ее культурного досуга. Рост уровня популярности вещания можно определить по следующей статистике: в 1922 году в домовладениях Аргентины насчитывалось 1000 приемных устройств, тогда как в 1936 году – уже 1 500 000 [Misevich, 2020, с. 114]. Кроме того, в этот период страна являлась четвертым по величине импортером радиоустройств из Соединенных Штатов. В 1924 году в Консерватории музыки и декламации известные актеры – Лола Мембривес, Эльза О'Коннор, Гильермо Батталья, Нарсисо Ибаньес Мента, Роза Розен – стали профессионально обучаться дикции и основам работы у микрофона. В 1926 году Драматическая группа Национального радио уже представила первые пьесы. В 1929 году режиссер Франсиско Мастандреа создал аудиоспектакль «La caricia del lobo» («Волчья ласка») [Berman, 2018, с. 211]. Это была первая радиодрама, которая не завершалась в течение одного дня или в течение одного прослушивания.

Первая труппа, работающая в жанре радиотеатра, возникла в 1931 году под названием «Chispazos de Tradición» («Искры традиции»). С ней работал драматург, сценарист и режиссер Андрес Гонсалес Пулидо. Труппа создала несколько радиоспектаклей («Ров смерти», «Цветы и чертополох», «Таинственный певец»), хронометраж каждого составлял 30 минут. Драмы транслировались ежедневно с понедельника по пятницу в эфире станции LR3 Radio Nacional. Сюжеты воплощали в себе элементы креольского фольклора и живописной поэзии гаучо. Радиопостановки отличалась особой музыкальностью, поскольку множество диалогов буквально пропевались актерами под гитару. Исследователь Хорхе Бернардо Ривера называл радиоспектакль «радиожурналом с музыкой, песнями, диалогами, комедийными и драматическими номерами, свободно вдохновленными весьма своеобразным видением фольклора» [Rivera, 1985]. Доля слушателей этих радиодрам среди женщин значительно превышала количество слушателей-мужчин. Радиотеатральная труппа «Искры традиции» повествовала о социальной несправедливости, любовных перипетиях и т. д. В аргентинской прессе тех лет сообщалось, что многие владельцы магазинов устанавливали в торговых залах громкоговорители, которые позволяли покупательницам слушать «любимую мыльную оперу по радио и не пропускать серии, выходя вечерами за покупками» [Chispazos de tradición]. Журналист Роберто Ди Кьяра писал: «Когда прозвучали первые главы «Chispazos de Tradicional», радиоприборы, которые люди искали, как хлеб, исчезли как вода. Это была настоящая революция» [Radioteatro: La imaginación en el aire]. Исследователи К. Улановский, М. Меркин, Дж. Панно и Г. Тайман подтверждают газетные сведения и отмечают, что «радиодрама быстро достигла сердец слушателей и изменила графики, ритмы и обычаи жизни» [Ulanovsky, Merkin, Panno, Tijman, 2009].

В 1940-е годы радиоспектакли транслировались в радиоэфире Аргентины ежедневно. Особую популярность приобрели жанры детектива (например, «Las aventuras de Arsenio Lupin» («Приключения Арсенио Люпена»), «Sherlock Holmes» («Шерлок Холмс»)), романы, а также интерпретация зарубежной классики.

Во времена колоссального успеха радиотеатра актеры радиоспектаклей начали гастролировать по всей стране [Cervera, 1992]. В частности, особой популярностью пользовались спектакли Зенеиды Суарес Корво «La virgen de piedra» («Каменная дева»), «El halcón blanco» («Белый ястреб»), «El caballero de las dos rosas» («Рыцарь двух роз»).

В это же время в Аргентине активно развивается критика радиотеатра. Исследователи М. Берман и Д. Фратичелли провели анализ ре-

цензий на радиоспектакли в журналах «Радиоландия» и «Антенна» и пришли к выводу, что восхваляющие отзывы на постановки появлялись гораздо реже негативных замечаний [Berman, 2008, с. 74]. Историк М. Каруш утверждает: «В типичной колонке [издания] склонность к трансляции радиодрамы и копированию идей других радиовещателей объяснялась стремлением получить прибыль» [Karush, 2013]. Отмечалось, что «радиотеатр [был] излюбленной мишенью критиков-интеллектуалов десятилетия». Особенно жесткими выходили рецензии на страницах католической газеты El Pueblo (Деревня) в разделе «Сквозь эфир», в которых преимущественно осуждалась морально-нравственная сторона поступков героев популярных радиопостановок.

Между тем радиотеатр того периода служил важнейшим источником заработка для аргентинских актеров, получавших мизерную зарплату за основную деятельность. В отличие от классического театра, радиоспектакли обеспечивали популярность участникам труппы. Так, в 1940-х фото актеров начали печатать на страницах прессы (например, в изданиях Radiolandia и Sintonía). В журнале Máscara создали раздел под названием «La radio al día» («Радио каждый день»), где выходили интервью с художественными руководителями, которые призывали профессиональных актеров и актрис принять участие в радиопостановках. В 70-е годы только одна радиостанция (Del Pueblo) продолжала транслировать радиодрамы, поскольку с этого момента интерес к радиотеатру начал снижаться.

Между тем история аргентинской радиодрамы во многом пересекается с процессом ее развития в *Венесуэле*. Аналогично труппе «Искры традиции» в стране было создано драматическое объединение «El Teatro del Aire» (Театр воздуха), в котором состояли несколько артистов. Выход первых спектаклей датируется 1931 годом, их продолжительность также составляла 30 минут. После нескольких успешных спектаклей (например, «Энрикета ищет свой идеал») число постановок стало увеличиваться. При этом первые трансляции сложно назвать радиодрамой в чистом виде. Скорее это относилось к разновидности сарсуэлы – испанского мелодраматического жанра, сочетающего в себе вокальные номера и диалоги, максимально приближенного к оперетте. Через несколько лет на смену таким драматическим композициям пришел радиоспектакль, который для жителей Венесуэлы реализовывал не только развлекательную, но в большей степени просветительскую функцию. «Тайна алых глаз» – проект, созданный по оригинальному сценарию Альфредо Кортины и Марио Гарсиа Ароча, стартовал в эфире Каракаса в 1934 году. 30-минутные серии, ежедневно выходившие в эфир по вечерам, завершались на кульминационном эпизоде, интриге, подобно современному телесериалу, что сохраняло интерес слушателей и обеспечивало рейтинги в последующие дни трансляций.

Однако прежде всего проект был создан с целью сделать географически известной территорию страны, поскольку жители столицы мало или почти ничего не знали о Венесуэле за пределами большого города, и напротив, население провинции часто не располагало сведениями о других регионах или жизни главного города.

По сюжету, главный герой в поисках клада путешествовал по городам и селам, таким как Маракайбо, Мерида, Сан-Кристобаль, Трухильо, Сан-Фернандо-де-Апуре и т. д. Каждый раз, когда персонаж достигал нужной локации, следовали сцены с описанием местности, бытоописанием, обычаев, культуры, особенностей веры горожан или селян. Таким образом, слушатель, зачастую неспособный путешествовать из-за отсутствия транспорта и плохого состояния дорог, мог узнать, что представляет собой Венесуэла и как живут соотечественники в разных ее штатах.

История радиотеатра *Перу* сегодня остается практически неизученной. Пожалуй, наиболее исчерпывающие сведения о специфике радиодрамы прошлого века и высоком интересе к ней аудитории представлены в художественном тексте экс-сотрудника перуанской радиостанции, писателя Марио Варгаса Льосы в романе «Тетушка Хулия и Писака». В середине 20-го века в Лиме работали две радиостанции «Радио Сентраль» и «Радио Панамерикана». На страницах романа довольно подробно и с документальной точностью проиллюстрировано, каким образом приобретались сценарии радиопьес и как выглядел процесс их воплощения с творческой и технической стороны. «Главным блюдом радио Сентраль, – следует из текста, – весьма частым и обильным, которое, согласно всем опросам и анкетам, обеспечивало ей огромную аудиторию, были радиопостановки». В частности, сообщается о том, что поставщиком сценариев была крупнейшая кубинская компания CMO. «Радиопостановки продавались на вес, потому что это менее коварный способ, чем продажа по количеству страниц или слов; вес – единственное, что можно

проверить. <...> Цену сценария, как цену говядины, сливочного масла или яиц, решали весы». Однако тексты были «засорены словами чисто кубинского происхождения, которые за минуту до каждой передачи <...> переводили как могли (и всегда плохо) на разговорный язык перуанцев». «С другой стороны, нередко при перевозке из Гаваны до Лимы в чреве парохода или самолета, при перегрузках на таможнях папки с машинописными текстами приходили в негодность, а иногда терялись целые главы; отсыревшие и склеившиеся страницы невозможно было читать, в довершение всего уже на складах „Радио Сентраль" их обгрызали крысы. Поскольку обнаруживалось это в последние минуты, когда Хенаро-отец уже раздавал исполнителям сценарий, возникали поистине трагические ситуации, разрешавшиеся простым игнорированием утерянных глав, отчего все становилось с ног на голову; в самых тяжелых случаях это приводило к однодневной болезни либо Лусиано Пандо, либо Хосефины Санчес, после чего в течение последующих двадцати четырех часов производилась реставрация – или уничтожение без особых травм исчезнувшего веса – в граммах или килограммах» [Льоса, 2000].

Детская аудиокультура была представлена в перуанском эфире как спектаклями на основе испаноязычных сказок для самой младшей аудитории, так и для более старшего возраста – постановками по произведениям мировой классики. Например, в 1956-ом году в эфире транслировалась радиоверсия романа Р. Л. Стивенсона – «La Isla del Tesoro» («Остров сокровищ»). Музыкальный спектакль с интеграцией авторских реплик вбирал в себя диалоги актеров и музыкальные подложки, но еще был лишен масштабного шумового и звукового сопровождения.

Литературно-драматическое вещания *Уругвая* стартовало с проектов в формате «театр у микрофона». В конце 20-х годов группы театральных актеров, совместно с режиссером, разыгрывали в эфире эпизоды сценариев, которые приобретались у Аргентинского общества авторских прав. Трансформировался этот подход через несколько лет, когда была запущена официальная служба радиоэлектрического вещания (SODRE), и новой радиостанции поручили реализовывать задачи включения в ее программы «передач или прослушиваний художественного, научного, иллюстративного или развлекательного характера в целях духовного совершенствования жителей страны». Обратим внимание, что толчком к развитию литературно-художественного вещания в Уругвае послужил первый Чемпионат Мира по футболу, проведенный в стране в 1930 году. Само событие и победа «страны-хозяйки мероприятия» спровоцировали создание программ, посвященных спортивной теме. На этом фоне государственные деятели, обратив внимание на дефицит «женского» контента в эфире, инициировали возникновение радиосериалов. Так, в 1930 году сформировался первый радиотеатральный состав. Дебютный радиоспектакль «Las Aventuras de Carlos Norton» («Приключения Карлоса Нортона») прозвучал в 1934 году в эфире Radio Universal. Одним из главных идеологов радиотеатра был драматург и диктор Умберто Наззари, которые вел программы в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Наззари стал новатором в жанре радиодрамы. Принято считать, что именно благодаря его усилиям слушатели, не склонные к чтению охотно приобщались к текстам А. Дюма, М. Паньоля или Ф. Достоевского после знакомства с радиопостановками [El Dueño de la Radio]. Радиотеатр особенно полюбился уругвайским слушателям в 1940-1950-х годах. С течением времени выбор литературной основы для постановок стал разнообразным как с точки зрения жанров, так и авторов: от уругвайской классики (Хулио Эррера, Э. Асеведо Диас) до произведений мировой драматургии (Г. Ибсен, А. Чехов, Л. Пиранделло). Нередко спектакль создавался в качестве адаптации кинематографических произведений, таких как «Рокко и его братья» Л. Висконти.

Таким образом, мы можем резюмировать, что как в Испании, так и большинстве рассматриваемых нами стран Латинской Америки жанр радиоспектакля развивался синхронно. Чаще всего при первых экспериментах радионовеллы служили развлечением для представителей женской части аудитории. Впоследствии жанр эволюционировал, адаптировался под детское потребление и семейное прослушивание, стал частью культурного досуга за счет построения сюжетов на образцах мировой классики: интеллектуальной прозы, поэзии, драмы. Радиовещатели преуспевали в продвижении культурных ценностей и формировании духовно-нравственных ориентиров посредством радиодрамы, вместе с тем совершенствуя навыки ее производства.

Таблица №1

Современный радиоспектакль: просветительский и социальный аспекты

Страны / Критерии	Испания	Гватемала	Аргентина	Венесуэла	Перу	Уругвай
Социальный аспект	+	+	+	–	–	+
Просветительский аспект	+	+	+	+	+	+
Фокус на детский радиоспектакль	+	+	–	+	–	–
Высокий уровень саунд-дизайна	+	–	–	–	–	–
Преобладание классики	+	–	+	–	+	–
Государственное вещание	+	+	–	+	+	–
Коммерческое вещание	–	–	–	–	–	–
Распространение только через подкастинг	+	+	+	+	–	+
Инновационные решения в производстве радиодрамы	+	–	–	–	–	–

Согласно данным социологических исследований, время непрерывного потребления радиоконтента в *Испании* в 2023 году сократилось до 93 минут в день (со 110 минут в день десятью годами ранее) [Promedio de tiempo diario destinado a escuchar la radio en España de 1997 a 2023]. Это не самые высокие показатели по Европе. Так, например, солидными рейтингами отличается Франция, где радио слушают более 20 часов в неделю.

Тем не менее, специалисты, изучающие медиапотребление испанских жителей, маркируют уровень интереса к радио как высокий [Loyola, Morales, Vidal, 1998, с. 181]. Особенно внушительные показатели характерны для аудитории возраста 50+. Отмечается, что слушатели данной группы воспринимают радиоэфир как «часть жизни» и «с ностальгией вспоминают моменты воссоединения семьи, когда можно было „воображать посредством радиоспектаклей”».

Радиоспектакль остается в перечне «активных» жанров для испанского эфира. Несмотря на сложности монетизации такого контента, о которых мы уже говорили ранее, радиоменджеры стараются находить эффективные маркетинговые приемы, привлекающие аудиторию:

1. обращение в постановках к историям героев самых окупаемых коммерческих проектов;

2. следование сюжетам современной популярной литературы (особенно жанра фэнтези);

3. внедрение технических инновационных решений и, как следствие, эксперименты с форматами.

Например, в 2023 году перед командой RNE Sound Fiction была поставлена задача «запечатлеть комикс в звуке (...)», перенести приключения известного испанцам героя Тинтина из мультфильма в радиофантастику. Речь шла о проекте «Las aventuras de Tintín» («Приключения Тинтина») [Las aventuras de Tintín]. В 1930-е годы истории о молодом репортере, позже сыщике, Тинтине были представлены молодым бельгийским автором в формате комиксов, а затем экранизированы в качестве мультфильма для детей. В разных странах Европы по сей день распространен и активно скупается мерч, посвященный персонажам радиодрамы. В социальных сетях публика с восторгом отозвалась на идею создать радиоспектакль по мотивам известного комикса и высоком уровне саундизайна проекта: «Спасибо, это здорово! Я фанат Тинтина, и это потрясающе. Я так представлял себе все голоса, и все супер здорово сделано: музыкальные эффекты, голоса, интонации и все прочее».

О стремлении испанских радиожурналистов сохранить жанр и сделать его более востребованным с помощью новых технологий свидетельствует опыт теле- и радиовещательной компании RTVE (RNE – входит в ее состав) 2019-го года. Ею был создан первый радиотеатр с технологией 5G [VÍDEO: La Radio Es Sueño]. Radio 3 (входит в RTVE) транслировала радиоспектакль из кинозала Cineteca de Madrid. Предварительно

в него были приглашены зрители, которые вживую наблюдали за процессом записи. Незадолго до этого продюсеры выбрали добровольца, который прошел тест в Институте сна. После ему предлагалось прочитать пьесу испанского драматурга Педро Кальдерона де ла Барка «Жизнь есть сон». На самом же представлении радиодрамы с применением инновационной технологии преобразовывались электрические сигналы, производимые мозгом добровольца. Зрителям транслировались аудио и изображения, то есть отражение голоса и картинки, возникающих в буквальном смысле в «сознании» человека. Первоначальная цель эксперимента – подтверждение гипотезы мультидисциплинарного художника Юрия Леха о том, что можно вызывать определенные сны. Инициатива стала частью проекта Еврокомиссии 5G Media.

В странах Латинской Америки радиодраматургические произведения значительно эволюционировали. На современном этапе как взрослые, так и детские проекты регулярно инициируются **для решения социальных проблем**, среди которых:

− привлечения внимания к социальным темам;

− построение межэтнического диалога;

− укрепления гражданской позиции;

− преодоление социального неравенства, устранение любых проявлений дискриминации;

− социализация граждан.

В нескольких странах социальная роль радиотеатра заметно проявилась в период ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19.

Так, в 2020 году, во время эпидемии, в *Гватемале* был реализован радиопроект «Solocuentos Radioteatro» («Радиотеатр „Солоистории”») [Solocuentos Radioteatro]. Создатели отмечают, что артисты присылали им аудиофрагменты, записанные у себя дома, а команда выполняла монтаж. Сейчас на видеохостинге Youtube опубликованы две радиопостановки для детей, созданных за тот период. Радиопроект не отличается высоким качеством пре- и постпродакшна, как представленный выше аудиоспектакль испанских коллег: аудиофайлы записывались на диктофоны смартфонов, а для монтажа использовалась стоковая музыка (от англ. Stock – «запасы») без авторских прав. Комментарии самих авторов свидетельствуют о том, что «задача заключалась в развлечении слушателей во время карантина, как во времена Второй мировой войны, когда радио было одним из средств массовой коммуникации». Думается, что наряду с изначально поставленной целью журналисты одновременно реализовали практику элитарной культуры как инструмент построения социальных связей и адаптации к изоляции, борьбы с ее негативным воздействием. Максимальное число прослушиваний одного проекта достигло 24 тысяч.

Расширение социальной роли радиодрамы в период эпидемии произошло и в *перуанской* журналистике. Отметим, что в последнее десятилетие для жителей юга страны (особенно сельских) трансляция аудиоспектаклей играла значимую роль. Они выходили на языках кечуа и аймара – индейского народа, проживающего в Андах. Пандемия способствовала запуску нового проекта «Выжить с надеждой» специально для данной категории слушателей. Согласно сюжету, главная героиня Глэдис мигрирует из Пуно в Лиму, но возвращается в родной город по причине начала пандемии. Популярность и социальная значимость радиопостановки подчеркнута его победой в конкурсе государственного уровня «Национальная инновационная программа повышения конкурентоспособности и производительности (Innóvate Peru)».

Обращает на себя внимание в контексте изучения радиодраматургического опыта *уругвайский* эксперимент: в 2022 году участники программы по социальной интеграции пожилых Programa Ibirapitá запустили проект в жанре радиотеатра Radioteatro [Proyecto Radioteatro]. Уругвайские пенсионеры предлагали темы, писали сценарий и озвучивали роли. Предварительно Национальный институт по делам пожилых людей (Inmayores) провел ряд информационно-просветительских мероприятий. Цель проекта сформулирована следующим образом – *«побудить задуматься о дискриминации и насилии, с которыми пожилые люди сталкиваются в обществе»*. Пользователи отозвались о результатах проекта положительно: «*Я участвовал в семинарах, это был прекрасный опыт. Спасибо всем, кто сделал это возможным» / «Очень хорошо!!! Это была замечательная инициатива… Спасибо»* [Proyecto Radioteatro]. Суммарно все эпизоды прослушали около 7,5 тысяч человек. Опыт создания данного радиопроекта подтверждает тезис аргентинского исследователя Ф. Годинеза Галая, что *«социальное использование радиодрамы подразумевает не только развлекательный и эффективный способ распространения какой-либо информации, но также повыше-*

ние осведомленности о различных проблемах путем демонстрации повседневных ситуаций, близких слушателю» [Godinez Galay, 2011].

Отмечая социальную ориентированность современных радиоспектаклей для взрослых в испаноговорящих странах, справедливо остановиться и на детских аудиопроектах. Приведем в пример *аргентинский* опыт постановки – «Araí y el Carpincho» («Арай и капибара»), которая была создана экологическим движением Taller Ecologuesta в рамках программы «Водно-болотные угодья без границ» [Escuchá el radioteatro «Araí y el Carpincho»]. Радиоспектакль, состоящий из пяти глав, посвящен теме водно-болотных угодий (болота, поймы, реки и озера), их важности для окружающей среды, коренным народам, населявшим определенные районы ранее, а также современному состоянию угодий. Основная цель радиопроекта – донести детям, что человек ответственен за прибрежную территорию, на которой живет, развить в них сочувствие, любопытство и любовь к окружающей среде. Опубликованные эпизоды набрали от двух до девяти тысяч прослушиваний на SoundCloud.

Безусловно, наряду с возрастанием социальной функции радиоспектакля сохраняется и его *просветительское назначение*. Радиожурналисты латиноамериканских стран продолжают традиции прошлого столетия, выпуская проекты как для взрослых, так и для детей в целях пропаганды культурных ценностей, чтения, духовно-нравственных идеалов. Обратимся к практике детских постановок, чтобы выделить новые формы взаимодействия с аудиторией и их просветительский компонент.

В этой связи интересно рассмотреть проект крупной коммерческой станции Radio Programas del Perú (RPP) в *Перу* – «Mi Novela Favorita» («Мой любимый рассказ»). В 77 выпусках данного цикла в роли комментатора происходящих сценических действий выступает лауреат Нобелевской премии Марио Варгаса Льоса.

Рассмотрим содержательный аспект на примере постановки, вышедшей 9 октября 2020 года – «Las aventuras de Huckleberry Finn» («Приключения Гекльберри Финна») по одноименному детскому романа Марка Твена [Las aventuras de Huckleberry Finn]. Срежиссировал и адаптировал оригинальный текст писателя Алонсо Алегрия. Хронометраж поставновки составил 53 минуты.

Аудиополотно начинается с джингла (звуковой заставки), затем следуют музыкальные композиции хронометражем около 3 минут, после чего – первый диалог героев. Важно подчеркнуть, что радиоспектакль создан с помощью богатого шумового и звукового сопровождения. С высокой долей вероятности можно заключить, что часть элементов записывалась специально для проекта на микрофоны и портативные рекордеры. Например, «мяукание кота» – не файл из общедоступной фонотеки, а единица звука, воспроизведенная актером озвучания. Описания сцен в спектакле зачитываются автором. В постановке задействованы именитые в стране артисты Хорхе Вильянуэва, Марчелло Ривера и Оскар Каррильо.

В плане продвижения проекта учтен фактор кроссплатформенных возможностей радио. Помимо сайта RPP, спектакль опубликован на площадках Spotify, Apple Podcasts, SoundCloud, Google Podcasts и Ivoox.

Данный цикл перуанской радиостанции (в других выпусках дети могут прослушать также «El hombre que ríe» («Человек, который смеется» В. Гюго), «La isla del tesoro» («Остров сокровищ» Р. Стивенсона), «Los tres mosqueteros» («Три мушкетера» А. Дюма и т. д.)), его характеристики говорят о заинтересованности радиоменеджеров в просветительской работе и довольно внимательном подходе к созданию качественного контента. Отметим, что из опыта всех стран, изучаемого нами в рамках исследования, перуанская практика привлечения знаменитого писателя к комментированию литературно-драматических постановок выглядит новаторски и может расцениваться как уникальный новый подход в радиоискусстве. Высказываясь о работе над циклом, М. Льоса подчеркнул: *«*Я очень рад, потому что мы много работаем над этими адаптациями. <…> Мы сделали разные версии, пытаясь сохранить текст оригинального произведения, и, с другой стороны, сделать их привлекательными для новой, молодой аудитории» [Mario Vargas Llosa sobre el pódcast «Mi novela favorita»].

Гватемальская радиожурналистика демонстрирует успешный опыт сохранения традиционных подходов к созданию детского контента в формате литературно-драматического вещания. Упомянутая нами в исторической части работы программа «Детский радиотеатр» выпускается и сегодня, причем, как и ранее, для записи серий привлекаются дети. Ежегодно, в день годовщины проекта, в студии проводятся мероприятия, на которых собираются актеры. В настоящее время

состав труппы – группа от 25 до 30 детей в возрасте от 6 до 17 лет. Постановки транслируются в дневное время и длятся 30 минут. «Radioteatro Infantil Martha Bolaños de Prado» активно ведет сообщество в социальных сетях. В нем авторы анонсируют новые радиопостановки, которые запланированы в эфире TWG. На данный момент дети записывают спектакли по сценариям современных авторов. Например, «Ноу es mi cumpleaños» («Сегодня мой день рождения»), «La hija del molinero» («Дочь Миллера») и другие. При выборе материала редакция ориентируется больше на фантастические истории. При этом гватемальские исследователи, говоря о детском радиотеатре, отмечают: «неважно, вымышленная история или реальная, слушатель чувствует себя причастным к персонажам» [Cervera, 1992]. Уточняется, что наличие выразительных средств в медиапродукте, в частности – радиопостановке, «подталкивает ребенка к открытию новых понятий, новым рассуждениям и знаниям».

Направление детской радиодраматургии в деятельности венесуэльских и уругвайских станций сегодня представлено не широко. Внимание радиожурналистов, работающих для аудитории детей и подростков, в большей степени сосредоточено на подкастинге. В то же время есть примеры совместных инициатив радиостанций и общественных организаций, направленных на просвещение подрастающего поколения и приобщения к аудиокультуре с помощью литературы, что подчеркивается самими создателями.

Так, в 2019 венесуэльская станция Unión Radio запустила проект Radio Escuela (РадиоШкола) с целью «облегчить обучение детей и молодежи с помощью радио, средства, которое в силу своих характеристик является очень доступным даже в самых неблагоприятных ситуациях». Один из наиболее популярных циклов, создаваемых командой, – «Te Tengo un Cuento» («У меня есть история для тебя»). С понедельника по четверг журналисты и дикторы Unión Radio, а также приглашенные актеры читают детские рассказы из каталога, предоставленного Венесуэльским книжным банком. Один из участников команды радиожурналистов уточняет: «Хотя в Radio Escuela, кажется, нет ничего особенно нового, инновационная часть заключается в том, чтобы найти способ соединить прошлое нашей журналистики с текущими потребностями юной части аудитории, чтобы молодые люди обращались к радио. Проект был основан на многолетних журналистских традициях, на многолетней традиции служения Венесуэле, представляя себя по-новому перед нашими слушателями. Никто не представлял, что журналисты, которые в 6 утра рассказывают самые тяжелые новости, читают историю для детей, которые могут оказаться в самых неблагоприятных условиях». Радиожурналисты Radio Escuela также уточняют, что за время выпуска циклов ими было более четко сформулировано представление о том, что синтез современных медиа и образования могут эффективно работать как инструмент просвещения граждан: «Нам, журналистам, решать – просвещать или нет. Но если мы сможем сделать шаг к образованию, я не думаю, что это будет противоречить журналистике».

Интересен выбор литературной основы для постановок: так, в рамках цикла вышли спектакли по книгам европейских авторов – иллюстратора и писателя Макса Велтхейса, Дэниела Барбота. Однако большая часть спектаклей поставлены по мотивам венесуэльских писателей и поэтов, таких как, например, Андресс Элоя Бланко Меаньо (жил на рубеже XIX–XX веков), лирика XX века Эдуардо Поло и т. д. [Te tengo un cuento].

В эфире радиостанций *Уругвая* радиодрама сегодня представлена весьма скудно. В настоящее время общественная радиостанция Radio Uruguay в программе Radioteatro de Archivo транслирует архивные радиоспектакли. Например, «De repente, el último verano» («Внезапно прошлым летом») Теннесси Уильямса, («Дожди Ранчипура») «Las lluvias de Ranchipur» Луиса Бромфилда и другие [Radioteatro de archivo].

В то же время сохранением жанра радиотеатра в стране занимаются «в частном порядке». Например, в 2014 году ученики школы в Саусе записали радиоспектакль «Los niños de la Independentcia» («Дети независимости») [Escolares de Escuela de Sauce interpretan el radioteatro «Los niños de la Independencia»]. Данная инициатива получила поддержку Министерства образования и культуры, Комиссии по 250-летию со дня рождения Хосе Артигаса (одного из руководителей освободительного движения против испанского и португальского колониальных режимов в Южной Америке), Национальной комиссии по двухсотлетию и Коммуны Канарских островов. Несмотря на школьный уровень проекта, непрофессиональный постпродакшн, радиопостановку транслировали в эфире Radio

Canelones, что рассматривалось как реализация общественной миссии в целях просвещения несовершеннолетних граждан и сохранения традиций радиодрамы.

Заключение

Итак, период становления жанра радиоспектакля в испаноязычных странах пришелся на конец 20-х – начало 30-х годов. За несколько десятилетий прошлого века радиожурналисты Испании и латиноамериканских стран продолжали создавать специальные труппы для записи драматических произведений и последующей их трансляции в эфире. Период 1930-х по 1970-ые можно считать «эпохой радиоспектакля» в испаноязычной журналистике. За это время жанр приобрел свои специфические черты, созданные в его рамках произведения перешли из категории «мыльной оперы» в разряд элитарного искусства. Лучшие традиции создания радиодрамы сотрудники современных медиа стараются сохранить, несмотря на сложность монетизации такого рода контента и финансовые убытки радиостанций в некоторых странах в целом.

Так, например, с новыми формами реализации и продвижения радиотеатральных продуктов сегодня активно экспериментируют испанские журналисты, демонстрируя с помощью привлечения инновационных технологий эффективность потребления аудиоконтента для человека.

Обратим внимание, что все чаще радиоспектакль стал выполнять социальную функцию наряду с просветительской. Социальная роль таких проектов особенно усилилась в период пандемии COVID-19. Радиожурналисты Перу, Уругвая, Гватемалы запустили уникальные проекты, позволяющие участвовать в радиопостановках людям преклонного возраста, тем самым реализуя практику адаптации к вынужденной изоляции. Мы также пришли к выводу, что страны Латинской Америки сегодня демонстрируют уникальный опыт решения других общественных проблем с помощью радиодрамы: от привлечения внимания общественности к острым темам до попытки снизить интенсивность дискриминационных течений в многополярных государствах.

Остается заметно очерченной и просветительская функция современной радиодрамы. Во всех испаноязычных странах, чей опыт был рассмотрен в нашей статьей, мы обнаружили стремление журналистов просвещать аудиторию (в частности, детскую) с помощью постановок по мотивам мировой классической литературы и национальной, современной и разных исторических периодов. Новаторские практики, инициированные радиожурналистами Перу, Испании, Гватемалы, Уругвая, Венесуэлы, могут служить примером для последователей в области радиодраматургии.

Однако исследование современного опыта радиопостановок в Испании и Латинской Америке дает основание фиксировать полярные явления: отсутствие существенной и системной поддержки государственных и частных радиостанций в сохранении традиций радиотеатра и в то же время – инициативу локальных редакций или отдельных журналистов и общественных организаций, при участии которых литературно-драматическое искусство продолжает развиваться и оказывать влияние на продвижение культурных ценностей, духовно-нравственных идеалов, а также популяризовать литературу и пропагандировать чтение как способ интеллектуального досуга.

Библиографический список

1. Льоса М. В. Тётушка Хулия и капитан Пантелеон / пер. с исп. Л. Новиковой, Л. Синянской. Санкт-Петербург : Амфора, 2000. 627 с.

2. Садовская П. И. Средства и приемы интерпретации художественного произведения в рамках феномена радиодраматургии // Мир науки, культуры, образования. 2009. №. 7-1. С. 60–63.

3. Berman M. La construcción de un género radiofónico: el radioteatro. Buenos Aires : Eudeba, 2018. С. 210–212.

4. Berman M., Fraticelli D. Del estado del radioteatro antes del teleteatro // LIS Letra. Imagen. Sonido. Ciudad Mediatizada. 2008. №. 1. С. 71–82.

5. Bran A. N. A. L. V. Video documental sobre el radioteatro infantil en guatemala como método alternativo de enseñanza y aprendizaje. 2015. С. 69.

6. Cervera J. Teoría de la literatura infantil. Bilbao : Mensajero. 1992. С. 382.

7. Chispazos de tradición // La Prensa. 2022. URL: https://goo.su/YsnP (дата обращения: 25.04.2024)

8. Davis R. Escribir guiones: desarrollo de personajes [Writing scripts: character development]. Barcelona : Paidós, 2004. С. 199.

9. Documental: Nuevo mundo, nueva radio // UNESCO. 2021. URL: https://goo.su/qxgfb0 (дата обращения: 25.04.2024)

10. El Dueño de la Radio, Humberto Nazzari. (Por Alvaro Gustavo Loureiro, «El País», Montevideo, Uruguay, 1990) // La Galena del Sur. 2022. URL: https://goo.su/kKrohy (дата обращения: 23.04.2024)

11. Escolares de Escuela de Sauce interpretan el radioteatro «Los niños de la Independencia» // Uruguay Presidencia. 2014. URL: https://goo.su/bO7hmui (дата обращения: 26.04.2024)

12. Escuchá el radioteatro «Araí y el Carpincho» // Taller Ecologista. 2020. URL: https://goo.su/ERHo (дата обращения: 26.04.2024)

13. Ficción Sonora: La Cooperación Española y el Centro Dramático Nacional organizan talleres de dramaturgos españoles en el exterior // AECID. 2015. URL: https://goo.su/3ha8NR (дата обращения: 01.05.2024)

14. Godinez G. F. El radiodrama en la comunicación de mensajes sociales // Apuntes teórico-prácticos para la producción integral, Buenos Aires, Ediciones del Jinete Insomne. 2011. C. 166.

15. Karush M. B. Cultura de clase: Radio y cine en la creación de una Argentina dividida (1920–1946). Ariel. 2013. C. 304.

16. Las aventuras de Huckleberry Finn // RPP. 2020. URL: https://goo.su/73cZHC (дата обращения: 26.04.2024)

17. Las aventuras de Tintín – 26/01/23 // RTVE. 2023. URL: https://goo.su/Npyw0PV (дата обращения: 26.04.2024)

18. Loyola M. I., Morales S., Vidal E. Los consumos de medios de comunicación en los mayores de 50 años: entre el asombro y la nostalgia // Revista Latina de Comunicación Social. 1998. №. 53. C. 180–187.

19. Mario Vargas Llosa sobre el pódcast 'Mi novela favorita': «Fueron concebidas para la radio» // RPP. 2020. URL: https://goo.su/qcxxxx (дата обращения: 26.04.2024)

20. Misevich V. A. Las primeras décadas del radioteatro argentino: disputas en la construcción de la identidad actoral // telondefondo. Revista de Teoría y Crítica Teatral. 2020. №. 31. C. 112–129.

21. Ortiz R. R. Prólogo e Introducción //Comunicación y Medios. 2015. №. 31. C. 07–13.

22. Ortiz M. A. y Volpini F. Realización, lenguaje y elecciones narrativas de radioteatro: tres aproximaciones a la creación de espacios sonoros en el tiempo. Área Abierta, 1(17). 2017. C. 13–36.

23. Promedio de tiempo diario destinado a escuchar la radio en España de 1997 a 2023 // Statista. 2024. URL: https://goo.su/TdKp (дата обращения: 23.04.2024)

24. Proyecto Radioteatro | Episodio 1: Desilusión // YouTube. 2022. URL: https://goo.su/djNXjSc (дата обращения: 26.04.2024)

25. Radioteatro de archivo // Portal Medios Públicos. URL: https://goo.su/PHnlBe (дата обращения: 26.04.2024)

26. Radioteatro: La imaginación en el aire // Colecciones Teatrales. 2015. URL: https://coleccionesteatrales.blogspot.com/2015/11/radioteatro-breve-resena.html (дата обращения: 03.04.2024)

27. Rivera J. Radioteatro: la máquina de capturar fantasmas // Aníbal Ford, Jorge B. Rivera y Eduardo Romano, Medios de comunicación y cultura popular, Buenos Aires, Legasa. 1985. C. 65–70.

28. Rodríguez R. El radioteatro como herramienta educativa para promover el patrimonio inmaterial: hombres y mujeres del mar en el sur de Chile // Cuadernos. info. 2014. № 35. C. 29–38.

29. Ruiz-Gómez S., Legorburu-Hortelano J. M. Pódcast y ficción sonora en España: una relación simbiótica para recuperar un género olvidado (2013–2022) //Ámbitos: Revista Internacional de Comunicación, 62. 2023. C. 69–87.

30. Sobrino M. Á. O., Sisó F. V. Realización, lenguaje y elecciones narrativas de radioteatro: tres aproximaciones a la creación de espacios sonoros en el tiempo // Área abierta. 2017. T. 17. № 1. C. 13–36.

31. Solocuentos Radioteatro // YouTube. 2020. URL: https://goo.su/LKvus (дата обращения: 26.04.2024)

32. Te tengo un cuento: «Hola, Bebé», leído por Carolina Guillén // YouTube. 2022. URL: https://goo.su/Qaay (дата обращения: 07.05.2024)

33. Ulanovsky C., Merkin M., Panno J. J., Tijman G., Días de radio (1920–1959). Emecé, Buenos Aires. 2009. C. 250.

34. VÍDEO: La Radio Es Sueño // RTVE. 2019. URL: https://goo.su/t4E9Xq (дата обращения: 26.04.2024)

Reference list

1. L'osa M. V. Tjotushka Hulija i kapitan Pantaleon = Aunt Julia and Captain Pantaleon / per. s isp. L. Novikovoj, L. Sinjanskoj. Sankt-Peterburg : Amfora, 2000. 627 s.

2. Sadovskaja P. I. Sredstva i priemy interpretacii hudozhestvennogo proizvedenija v ramkah fenomena radiodramaturgii = Means and techniques of interpreting the artwork within the phenomenon of radio dramaturgy // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2009. №. 7-1. S. 60–63.

3. Berman M. La construcción de un género radiofónico: el radioteatro. Buenos Aires : Eudeba, 2018. C. 210–212.

4. Berman M., Fraticelli D. Del estado del radioteatro antes del teleteatro // LIS Letra. Imagen. Sonido. Ciudad Mediatizada. 2008. №. 1. S. 71–82.

5. Bran A. N. A. L. V. Video documental sobre el radioteatro infantil en guatemala como método alternativo de enseñanza y aprendizaje. 2015. S. 69.

6. Cervera J. Teoría de la literatura infantil. Bilbao : Mensajero. 1992. S. 382.

7. Chispazos de tradición // La Prensa. 2022. URL: https://goo.su/YsnP (data obrashhenija: 25.04.2024)

8. Davis R. Escribir guiones: desarrollo de personajes [Writing scripts: character development]. Barcelona : Paidós, 2004. S. 199.

9. Documental: Nuevo mundo, nueva radio // UNESCO. 2021. URL: https://goo.su/qxgfb0 (data obrashhenija: 25.04.2024)

10. El Dueño de la Radio, Humberto Nazzari. (Por Alvaro Gustavo Loureiro, «El País», Montevideo, Uruguay, 1990) // La Galena del Sur. 2022. URL: https://goo.su/kKrohy (data obrashhenija: 23.04.2024)

11. Escolares de Escuela de Sauce interpretan el radioteatro «Los niños de la Independencia» // Uruguay Presidencia. 2014. URL: https://goo.su/bO7hmui (data obrashhenija: 26.04.2024)

12. Escuchá el radioteatro «Araí y el Carpincho» //

Taller Ecologista. 2020. URL: https://goo.su/ERHo (data obrashhenija: 26.04.2024)

13. Ficción Sonora: La Cooperación Española y el Centro Dramático Nacional organizan talleres de dramaturgos españoles en el exterior // AECID. 2015. URL: https://goo.su/3ha8NR (data obrashhenija: 01.05.2024)

14. Godinez G. F. El radiodrama en la comunicación de mensajes sociales // Apuntes teórico-prácticos para la producción integral, Buenos Aires, Ediciones del Jinete Insomne. 2011. S. 166.

15. Karush M. B. Cultura de clase: Radio y cine en la creación de una Argentina dividida (1920–1946). Ariel. 2013. S. 304.

16. Las aventuras de Huckleberry Finn // RPP. 2020. URL: https://goo.su/73cZHC (data obrashhenija: 26.04.2024)

17. Las aventuras de Tintín – 26/01/23 // RTVE. 2023. URL: https://goo.su/Npyw0PV (data obrashhenija: 26.04.2024)

18. Loyola M. I., Morales S., Vidal E. Los consumos de medios de comunicación en los mayores de 50 años: entre el asombro y la nostalgia // Revista Latina de Comunicación Social. 1998. №. 53. S. 180–187.

19. Mario Vargas Llosa sobre el pódcast 'Mi novela favorita': «Fueron concebidas para la radio» // RPP. 2020. URL: https://goo.su/qcxxxx (data obrashhenija: 26.04.2024)

20. Misevich V. A. Las primeras décadas del radioteatro argentino: disputas en la construcción de la identidad actoral // telondefondo. Revista de Teoría y Crítica Teatral. 2020. №. 31. S. 112–129.

21. Ortiz R. R. Prólogo e Introducción // Comunicación y Medios. 2015. №. 31. S. 07–13.

22. Ortiz M. A. y Volpini F. Realización, lenguaje y elecciones narrativas de radioteatro: tres aproximaciones a la creación de espacios sonoros en el tiempo. Área Abierta, 1(17). 2017. S. 13–36.

23. Promedio de tiempo diario destinado a escuchar la radio en España de 1997 a 2023 // Statista. 2024. URL: https://goo.su/TdKp (data obrashhenija: 23.04.2024)

24. Proyecto Radioteatro | Episodio 1: Desilusión // YouTube. 2022. URL: https://goo.su/djNXjSc (data obrashhenija: 26.04.2024)

25. Radioteatro de archivo // Portal Medios Públicos. URL: https://goo.su/PHnlBe (data obrashhenija: 26.04.2024)

26. Radioteatro: La imaginación en el aire // Colecciones Teatrales. 2015. URL: https://coleccionesteatrales.blogspot.com/2015/11/radioteatro-breve-resena.html (data obrashhenija: 03.04.2024)

27. Rivera J. Radioteatro: la máquina de capturar fantasmas // Aníbal Ford, Jorge B. Rivera y Eduardo Romano, Medios de comunicación y cultura popular, Buenos Aires, Legasa. 1985. S. 65–70.

28. Rodríguez R. El radioteatro como herramienta educativa para promover el patrimonio inmaterial: hombres y mujeres del mar en el sur de Chile // Cuadernos. info. 2014. № 35. S. 29–38.

29. Ruiz-Gómez S., Legorburu-Hortelano J. M. Pódcast y ficción sonora en España: una relación simbiótica para recuperar un género olvidado (2013–2022) //Ámbitos: Revista Internacional de Comunicación, 62. 2023. S. 69–87.

30. Sobrino M. Á. O., Sisó F. V. Realización, lenguaje y elecciones narrativas de radioteatro: tres aproximaciones a la creación de espacios sonoros en el tiempo // Área abierta. 2017. T. 17. № 1. S. 13–36.

31. Solocuentos Radioteatro // YouTube. 2020. URL: https://goo.su/LKvus (data obrashhenija: 26.04.2024)

32. Te tengo un cuento: «Hola, Bebé», leído por Carolina Guillén // YouTube. 2022. URL: https://goo.su/Qaay (data obrashhenija: 07.05.2024)

33. Ulanovsky C., Merkin M., Panno J. J., Tijman G., Días de radio (1920–1959). Emecé, Buenos Aires. 2009. S. 250.

34. VÍDEO: La Radio Es Sueño // RTVE. 2019. URL: https://goo.su/t4E9Xq (data obrashhenija: 26.04.2024)

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Русский язык

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-95
EDN: TMHUWG

Имена собственные в региональном поэтическом дискурсе: на материале произведений белгородских авторов

Лариса Ивановна Плотникова[1]✉, Элла Михайловна Левина[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
[2]Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
[1]Plotnikova@bsu.edu.ru✉, https://orcid.org/0009-0003-4181-1141
[2]elevina@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0003-5061-6559

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики имён собственных в поэтических текстах белгородских авторов. Изучение онимов в региональном поэтическом дискурсе обусловлено необходимостью выявить наиболее многочисленные группы ономастической лексики в творчестве поэтов Белогорья, описать функциональную предназначенность поэтонимов в белгородском поэтическом пространстве. Подчёркивается важная роль онимов, которые наряду с другими составляющими поэтической системы направлены на реализацию общей идейно-художественной задачи, являются словесным воплощением модели мира автора. Имена собственные широко представлены основными разновидностями, однако центральное место в ономастическом пространстве региона по праву занимают топонимы и антропонимы, которые не только отражают конкретные объекты и явления Белгородчины, но и репрезентируют особенности этноязыкового сознания белгородских поэтов. Большая часть тополексем отражает региональные реалии. Однако эти слова, включённые в поэтический текст, транслируют особое авторское восприятие, становятся своеобразными смысловыми доминантами индивидуально-авторской образности. Автор дополняет и обогащает образное представление об окружающей действительности, эстетически воздействует на читателя. В этом находит отражение личностное, ценностно ориентированное отношение художника слова к миру. Среди антропонимов наиболее значимыми являются прецедентные имена как носители культурной информации. Прежде всего, это имена известных поэтов и писателей, деятелей культуры и искусства, что свидетельствует об особом отношении авторов к истории народа и его культурному наследию. Исследование позволило заключить, что имена собственные в поэтических текстах характеризуются особой стилистической предназначенностью, играют важную текстообразующую роль, становятся средством формирования новых смыслов, позволяют достичь впечатляющей образности.

Ключевые слова: имена собственные; онимы; поэтонимы; топонимы; антропонимы; региональный поэтический дискурс; белгородские авторы

Для цитирования: Плотникова Л. И., Левина Э. М. Имена собственные в региональном поэтическом дискурсе: на материале произведений белгородских авторов // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 95–105. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-95. https://elibrary.ru/TMHUWG

Russian language

Original article

Proper names in regional poetic discourse: based on the works of belgorod authors

Larisa I. Plotnikova[1]✉, Ella M. Levina[2]
[1]Doctor of philological sciences, professor, department of the russian language and russian literature, Belgorod state national research university. 308015, Belgorod, Pobeda str, 85.
[2]Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language and russian literature,

© Плотникова Л. И., Левина Э. М., 2024

Belgorod state national research university. 308015, Belgorod, Pobeda str, 85.
[1]Plotnikova@bsu.edu.ru✉, https://orcid.org/0009-0003-4181-1141
[2]elevina@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0003-5061-6559

Abstract. The article focuses on studying the specificity of proper names in the poetry of belgorod authors. Studying onyms in the regional poetic discourse is conditioned by the necessity to identify the most numerous groups of onomastic lexicon in the works of belgorod poets and to describe the functional purpose of poetonyms in Belgorod poetic space. The authors emphasize the important role of onyms, which along with other poetic components aim at realizing the general ideological-artistic task and represent the author's verbal model of the world. The main varieties of proper names are widely represented, but the central place in the onomastic space of the region is occupied by toponyms and anthroponyms, which not only reflect specific objects and phenomena of the Belgorod region, but also represent specific characteristics of Belgorod poets' ethno-linguistic identity. Most of the topolexemes reflect regional realities. However, these words, included in the poetic text, convey a specific author's perception and become a kind of semantic dominants of authorial imagery. The author complements and enriches the figurative idea of the surrounding reality and influences the reader's aesthetics. This reflects the personal, value-oriented attitude of the artist to the world. The most significant anthroponyms are precedent names as carriers of cultural information. First of all, these are the names of famous poets and writers, cultural figures and artists, which shows the special attitude of the authors to the history of the people and their cultural heritage. The study leads to the conclusion that proper names in poetic texts are characterized by a special stylistic purpose, play an important text-forming role, become a means of forming new meanings and help to achieve impressive imagery.

Key words: proper names; onyms poetonyms; toponyms; anthroponyms; regional poetic discourse belgorod authors

For citation: Plotnikova L. I., Levina E. M. Proper names in regional poetic discourse: based on the works of belgorod authors. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):95–105. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-95. https://elibrary.ru/TMHUWG

Введение

В отечественной лингвистике проблемы имён собственных нашли глубокое отражение в работах В. Д. Бондалетова, 2007; А. В. Суперанской, 2012; Н. В. Подольской, 1988; Ю. А. Карпенко, 1986; В. И. Супруна, 2000; В. М. Калинкина, 1999; Н. К. Фролова, 2005 и других исследователей. Неослабевающий интерес к проблемам онимов объясняется тем, что «имена собственные относятся к тем языковым средствам, которые дают возможность в чрезвычайно лаконичной форме передать большое смысловое и эмоциональное содержание. Свойство имён собственных вызывать цепи связанных с ними признаков, представлений, ассоциаций обусловлено особенностями лингвистической природы имён собственных» [Дронова, 2006, с. 184].

Особую важность представляют онимы художественного текста, которые используются художником слова как одно из важных языковых средств в реализации его творческого замысла. Поэтическая ономастика является довольно перспективной областью языкознания, что подтверждается работами М. В. Горбаневского, 1988; О. В. Ивановой, 2009; В. М. Калинкина, 2017; С. М. Пронченко, 2008; Л. М. Хамитовой, 2006 и др. Анализ поэтических текстов белгородских авторов (Л. Ясновой, В. Кичигиной, В. Молчанова, Т. Олейниковой, И. Чернухина, В. Харченко и др.) выявил пласт онимных номинаций, исследование которых позволяет представить их лингвокреативную роль и текстообразующий потенциал в репрезентации поэтической картины мира Белгородчины. Поэтический текст рассматривается нами как единство лингвистических и экстралингвистических факторов. Лингвистический фактор представлен сложной системой взаимосвязанных и взаимообусловленных языковых единиц разных уровней, организующих текст, а экстралингвистический фактор представлен объектами реального мира, знаниями краеведческого характера, ценностными ориентирами, общеисторическим, эстетическим опытом автора. В соответствии с данными установками, региональный поэтический дискурс определяется в работе как сложное коммуникативно-когнитивное явление, представляющее единое поэтическое пространство, составленное из текстов белгородских авторов и выделенных выше экстралингвистических составляющих.

Исследование ономастических единиц в региональном поэтическом дискурсе направлено на решение следующих *задач*: 1) выявить наиболее представленные в количественном отношении группы ономастической лексики, функционирующей в произведениях белгородский авторов; 2) установить типы информации об упоминаемых географических и других именуемых объектах Родины, актуализируемой в сознании читателя через систему поэтонимов; 3) описать функцио-

нальную предназначенность поэтонимов в белгородском поэтическом пространстве.

Материал и методы исследования

Для исследования имён собственных использовались материалы авторской картотеки онимов, извлечённых из поэтических текстов белгородских авторов. Сформулированные задачи определили выбор *методов исследования*. В качестве основных методов и приёмов были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение. С целью установления системы поэтонимов в региональном поэтическом творчестве использован метод сплошной выборки из стихотворений указанных авторов. Разноаспектное исследование поэтонимов стало возможным благодаря описательному методу и методу лингвокультурологического анализа. Контекстуальный анализ применялся при установлении семантико-прагматических особенностей имён собственных, поскольку определить их функциональное своеобразие возможно именно в текстовом пространстве, учитывая взаимодействие с другими средствами языка.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью представить специфику системы имен собственных в региональном поэтическом творчестве. Выявление и описание системы онимов позволяет установить типы информации, традиционные для поэтического пространства региона. Кроме того, выявление индивидуально-авторских особенностей в использовании ономастических средств можно рассматривать как своеобразный когнитивно-дискурсивный камертон идиостиля конкретного автора.

Результаты исследования

Изучение имён собственных в художественном тексте представляется актуальным, так как онимы свидетельствуют об отдельных фактах истории малой родины, кроме того, они участвуют в создании культурно-эстетического фона произведения, в образовании и выражении глубинных текстовых смыслов, расширяют представление о языковой специфике конкретного региона, помогают понять особенности авторского мировидения, способствуют постижению замысла поэта. В. М. Калинкин пишет о том, что «динамический характер семантики поэтонимов, их способность аккумулировать и в конкретных употреблениях актуализировать ту или иную часть накопленной информации, относящейся к именуемым объектам, сделали их чрезвычайно привлекательным, особенно для поэзии, средством выразительности» [Калинкин, 1999, с. 34].

В. А. Маслова обращает внимание на неслучайно возросший интерес к региональным проблемам, объясняя это несколькими факторами: «частичной децентрализацией политической и экономической жизни многих крупных регионов… их выдвижением в качестве важных административных единиц, мощным движением во всем мире в защиту региональных автономий, а также осознанием той опасности, которую несет в себе нивелирующее начало цивилизации XXI в. Поэтому на первый план выдвигается регион как основная административная единица» [Маслова, 2015, с. 4]. Вместе с тем изучение поэтического ономастикона на региональном материале представляет особую важность не только для отдельно взятого региона, необходимо учитывать, что в нём отражается история и культура России, её общечеловеческие ценности.

Онимы в поэтических текстах играют важную роль, так как наряду с другими составляющими поэтической системы, они направлены на реализацию общей идейно-художественной задачи, являются словесным воплощением модели мира автора.

Актуальными и перспективными представляются исследования специфики имён собственных, получившие обоснование в работах В. М. Калинкина. Так, в известной работе «Знакомьтесь: поэтонимология» учёный предлагает своё осмысление термина поэтоним, он толкуется как «имя в литературно-художественной речи, которое выполняет, кроме обязательной номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой» [Калинкин, 2017, с. 23]. В. М. Калинкин подчёркивает мысль о том, что отличие поэтонима от онима состоит в следующем: «поэтонимами обозначают не реальные, а существующие в творящем сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных собственными именами». И далее – мысль, которая представляется важной и интересной: «… даже в тех случаях, когда поэтоним называет лицо, какой-нибудь топографический или другой объект, существующий или существовавший в прошлом в реальном мире, ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры» [Калинкин, 2017, с. 22]. Данное положе-

ние позволяет рассматривать поэтоним как особое средство выражения образного представления автора об окружающей действительности.

Как свидетельствует языковой материал, имена собственные в поэзии белгородских авторов широко представлены основными разновидностями онимов: это топонимы, антропонимы, гидронимы, фитонимы, зоонимы и др. Среди данного многообразия центральное место в ономастическом пространстве региона по праву занимают топонимы и антропонимы, которые не только отражают конкретные объекты и явления Белгородчины, но и передают их поэтическое восприятие автором, репрезентируют особенности этноязыкового сознания белгородских поэтов.

Можно говорить о том, что поэтические тексты авторов одного региона отличаются единым топонимическим пространством. Естественно, что ключевой темой для исследуемых авторов в первую очередь является тема родного города. *Белгород* – это город на юге средней полосы европейской части России, административный центр Белгородской области. Известны разные варианты, объясняющие этимологию данного топонима. Так, можно считать, что топоним *Белгород* образован на основе сочетания «белый город», буквально: крепость, стены которой построены из белого камня. Другой вариант связывает этимологию с названием *Белая гора*, на склонах которой и расположен город, буквально: *город на Белой горе*: «***Белогорье****… Поле отчее. / По-над лугом белый дым, / Трав густых сиянье сочное / По откосам меловым. // Змейка вьющегося вереска / Розовеет над горой, / И совсем не видно берега / За травой береговой»* (В. Молчанов).

В этноязыковом сознании поэтов Белогорья представления о родном крае связаны в первую очередь с белым цветом, светлыми тонами, которые можно считать регионально-маркированными атрибутами поэтической картины мира:

Географию Белгорода, белгородского ***светлого края****,*
Как заставку судьбы, ежедневно знакомую сень
Мне не спутать ни с чем благостройность, ухоженность рая,
Даль наклонных полей, будь то березень иль вересень (В. Харченко).

Приведённые примеры свидетельствуют об особом текстообразующем потенциале имени собственного в репрезентации поэтической картины мира Белогорья. С помощью поэтонимов отражается субъективное авторское видение мира, реализуется нестандартное представление о реальном объекте действительности.

В центре повествования большинства белгородских авторов – языковой образ малой родины. В анализируемых поэтических строках поэтонимы, как правило, отражают информацию, связанную с историей Белгородчины и ее естественно-географическим пространством. Ландшафтная характеристика, природные явления, красота природы, растительный мир, климат – все это формирует наше представление о родине как о пространстве, территории, которая характеризуется своими географическими особенностями [Воркачев, 2006, с. 26]. Вместе с тем, в условиях поэтического контекста топонимы передают оттенки переживаний автора, субъективное отношение к различным явлениям, людям, к самому себе. Так, личностный характер нашёл яркое воплощение в «Песне о Белом городе» И. Чернухина:

«Белый город – родные края,
Вечный зов материнской крови,
Соловьиная песня моя,
Город детства и первой любви.
Полюбил я каштаны твои,
И Донец твой, и белые горы.
Здесь когда-то гремели бои –
Смерть гуляла, разруха и горе…»

В собственной вербальной версии поэт по-новому именует действительность, преобразовывает материал восприятия, создаёт на его основе наглядные образы. Это обусловлено не только способностью автора отражать действительность, но и выражать своё отношение к ней.

Как свидетельствует языковой материал, значительная часть тополексем отражает региональные реалии, ср.: «*Или музыка слов, уникальных, насыщенных смыслов: /* ***Ровеньки, Волоконовка, Грайворон, Губкин, Хотмыжск****, / А легенда о* ***Ворскле****! А* ***Нежеголь*** *в ритме струистом!.. ...****Белгородчина!*** *Общий наш знак, знаменатель, знаменье, / Знамя, завязь всех дел, трон заветный, завещанный пост, / Этот Ноев ковчег земляков, данный нам во спасенье / И спасающий нас для каких-то невидимых звёзд//»* (В. Харченко). Эти имена собственные, включённые в поэтический текст, не просто представляют реальные картины Белогорья, они, как показывают примеры, транслируют особое автор-

ское восприятие, становятся своеобразными смысловыми доминантами индивидуально-авторской образности.

Исследователи творчества И. Чернухина считают его поэму *«Бел-город»* документальной историей Белгородчины, однако погружение данного онима в поэтический контекст придаёт ему особый смыслопорождающий импульс: «*Что мне делать,* ***Белый город,*** */ Подскажи мне искренне: / счастье где мое / и горе? - / Далеко ли, близко ли?..».* В этом случае необходимо говорить и о содержательной насыщенности поэтонима, о его многоплановости и особом эмоционально-оценочном потенциале.

Значение и функциональная предназначенность онима зачастую определяются его особой ролью в биографии автора. Примером может послужить стихотворение Н. Дроздовой, которая проникновенно говорит о месте, где она родилась, где прошло её детство: *«**Зимовенька, Зимовенька** - / травы тучные в пыли - / золотая деревенька, / сердцевиночка земли»* (Н. Дроздова).

Большая часть жизни В. Кичигиной связана с Днепропетровском, одно из стихотворений посвящено его набережной, с которой связаны важные моменты в жизни автора:

*«**Днепр**, прощай! Мой потерянный рай*
Чёрно-белых осенних признаний,
Невозможной любви затерявшийся край,
Бесконечность прощений-прощаний».

В данном случае личностный характер поэтического текста обусловлен собственной вербальной версией об обозначаемом, отражающей специфику поэтического мышления автора. Употреблённый поэтом оним служит как для выражения чувств и переживаний, так и для эмоционального воздействия на читателя.

Топонимы в стихотворениях белгородских авторов довольно часто используются для обозначения конкретного места, в котором происходит какое-то событие. Это названия конкретных сел, городов, географических объектов Белгородской области*: **«Томаровка, Борисовка** – / кровный / Край мой отчий: земля и зенит, / Где на месте Подворья Петрова /Лес столетний за Ворсклой стоит* (И. Чернухин). Каждое из имён собственных отличается информативностью, вместе с тем, в каждом из них ощущается особое эмоциональное состояние автора, его ценностное отношение к миру.

События, связанные с особым положением города Белгорода в настоящее время, когда в нашей стране проходит специальная военная операция, не могли не найти отражение в творчестве поэтов-белгородцев. Так, в стихотворении В. Кичигиной «Белгород. Коротко» название города вынесено в сильную позицию заголовка. Кроме того, оним начинает каждое четверостишие, он звучит набатом, своеобразным сигналом тревоги. Уже само название стихотворения определяет специфику подачи авторского материала: краткая информация о событиях и состоянии родного города облекается в соответствующие лаконичные формы. Стремление нестандартно представить ситуацию, привлечь внимание читателя и выразить своё отношение к ней приводит к намеренному сгущению информации: автор берёт за основу номинативные предложения, каждое из которых словно соответствует стуку сердца: *«Белгород. Оторопь. Вороньё / где-то находит что-то своё. Много. / Грохот и тишь, и фоном её / тревога».* // Номинативные предложения выбраны поэтом, чтобы в сжатой до предела мысли передать его личные переживания, тревогу за судьбу родного города. В стихотворении представлены ряды номинативных предложений, с помощью которых автор выделяет наиболее важные детали и события, воссоздающие в текстовом пространстве единую картину происходящего. Односоставные безличные предложения в ряду с номинативными конструкциями подчёркивают особое состояние автора, силу энергии искреннего чувства и трагизм обстановки в целом: *«Белгород. Прохоровский монумент. / Страшные даты. / Коротко. Грозно. Тревожный контент. Губернатор»*. Подобного рода конструкции позволяют автору выделить наиболее значимые детали, создать своеобразные яркие штрихи, которые достоверно и эмоционально воссоздают особое положение, в котором оказался город и его жители: *«Белгород. Кружево и каравай, / мирно и чисто… / Белгород… кромка, граница и край / здравого смысла».* Концентрация важных деталей, сжатость мысли, большая энергия внутренних ассоциативных связей между односоставными предложениями создают особую смысловую насыщенность и особую энергию чувства. Выбор безглагольных конструкций создаёт предельную концентрацию информации, является свидетельством лингвокреативной деятельности автора, направленной на воплощение идейно-художественного замысла.

Регионально ориентированный поэтический текст отличается, как правило, активным исполь-

зованием гидронимов, которые непосредственно связаны с топонимами. Они участвуют в создании ярких художественных образов, отражая авторское видение мира, например: «*Отполирован гранит у реки, / **Везёлке** унылой не снилось такое…»* (В. Харченко). Наименования рек используются белгородскими авторами и при описании событий прошлого, ср.: *«Всю ночь за **Ворсклой** Лебеди кричали, / Свистел Овпур, тревожа сторожей, / Не спал Кончак... и молча половчане / Седлали настороженных коней»* (И. Чернухин). Подобного рода слова становятся основой индивидуально-авторской образности: именно родные места были основной опорой в трудные для белгородской земли времена.

Стихотворение В. Харченко «Речное» предваряется перечнем рек Белгородского региона: *Нежеголь, Валуй, Мокрая Ивица, Корень, Разумная, Везёлка, Потудань, Ерик, Тихая Сосна, Липовый Донец, Журавка, Орлик, Ольшанка*… Название каждой из них имеет свою историю, является регионально маркированным языковым средством:

«Речки, реченьки, речушки, ручейки,
Хоть малы вы, да ведь живы, да легки!
Сеть звенящих и играющих имён
С колокольным завершеньем:
***Донец** – **Дон**! **Донец** – **Дон**!»*

Важно отметить, что зафиксированные в поэтических текстах топонимы зачастую связаны с регионально-языковой историей, в этом случае автор объясняет этимологию того или иного названия: *«Названья будто мастер все выстругивал, / Именовал, вдохнувши от сохи: / Деревня под яругой – **Подъяруги**, / Деревня под ольхою – **Подольхи»*** (В. Чурсин). Подобного рода имена собственные являются знаково-символическими для региона, они создают его цельный неповторимый образ. Автор не просто даёт историческую справку, он дополняет и обогащает образное представление об окружающей действительности. В этом находит отражение личностное, ценностно ориентированное отношение художника слова к миру.

Безусловно, в региональном поэтическом пространстве представлены не только региональные топонимы. Среди зафиксированных слов – самые различные географические наименования, которые передают не только реальные картины действительности, но и их поэтическое восприятие. В результате индивидуального переживания описываемого объекта создаётся авторская картина мира. Как правило, такие топонимы являются знаковыми для автора, они передают эмоциональное восприятие поэтом окружающего мира, за каждым из них стоит объёмная мысль, способствующая созданию целостного художественного образа. Так, своё восприятие и ощущение Крыма представлено в стихотворении В. Кичигиной: «*Италия ценит старость, / Россия ласкает детей… / А я вот в Крыму оказалась / Со странной любовью своей. / Не женщиной, не ребёнком, / Под шляпой седых волос/ Не пряча, шепчу тихонько: / «Спасибо, что довелось / Отведать солёный воздух / Всей гаммой мне данных чувств, / Не рано и, в общем, не поздно / Войти в галерею искусств / Тобой вдохновлённых…*». В данном примере поэтоним *Крым* – это определённый символ, который является носителем глубокого индивидуально-авторского смысла. Его символическое наполнение обеспечивается направленностью на эмоционально-образное выражение. Сам текст при этом концентрируется вокруг обозначаемого понятия.

Сильная позиция топонима в заголовке поэтического текста подчёркивает особую значимость обозначаемого им места в жизни автора. Оним становится дискурсивным образным средством, его функциональная предназначенность определяется созданием чувственных, зрительных представлений об описываемых явлениях. Так, для Ланы Ясновой впечатления от незабываемой поездки в Краков послужили основой авторского осмысления его восприятия, результатом которого явилось образное воплощение авторских переживаний в художественном тексте-посвящении «Краков»: *«А где-то сентябрь утомительно тянется, / и где-то звонки с безответностью номера. / И есть только день, что с тобою останется / почти приключением или историей / про Старое място под новой брусчаткою, / и Вислу с драконом, и бедного юношу, / про веру в спасенье крестом и облаткою / и странное время – прошедшее в будущем…»*.

Своими штрихами отмечена поездка Т. Огурцовой: *«На Невском рыбу продавали. / И пахло морем и весной. / Где я была? Какие дали / Сверкали льдом передо мной?»*

Особая этнокультурная аура поэтических текстов белгородских авторов создаётся за счёт наименований церковных праздником и храмов. Данные онимы выявляют не только универсальные, но и специфические особенности этноязыкового сознания поэтов Белогорья. Это не просто

реальные картины и явления белгородского края, это ещё и яркое отражение определённого поэтического восприятия: *«...И падает в листы стихотворенье / грустя в предощущении* ***Покрова»*** (Л. Яснова). В региональном поэтическом творчестве наименования церковных праздников и дат могут представлять особый временной отрезок, имеющий важное значение в жизни человека: *«...от поры сухороса до* ***Успенского дня*** */ лето катится с горки – не догонишь теперь»* (Л. Яснова); «*Мы все живём на этом белом свете. // На жизнь и смерть у нас одни права. // Но как нам выжить в этой круговерти // От* ***Троицыных дней до Покрова****?»* (Т. Олейникова).

Одно из стихотворений В. Кичигиной называется «На Ивана Купала». Этот языческий праздник совпадал по старому календарю с днём Иоанна Предтечи, поэтому, как считают исследователи, слился воедино с церковным. Он символизирует единение с природой, огонь, вода – важные стихии праздника. Считается, что вечерняя вода исцеляет, избавляет от хвори и бед. Упоминаемый автором праздник соотносится с общей идеей произведения, погружает читателя в сущность изображаемого, свидетельствует об эмоциональном восприятии автором окружающего мира: *«На Ивана Купала / в дань вечерней заре / сердце я искупала / в тихом тёмном Днепре… // …Только я всё не знаю / продолженье пути: / то ли в омут без края, \ то ли сердце спасти…».*

В поэзии в первую очередь отражается духовная сторона автора. Этот опыт духовной силы очень важен для читателя. Стихотворения, в которых затронута тема молитвы, отмечены и у белгородских поэтов. Одно из стихотворений Н. Дроздовой носит название «Перед иконой святителя Николая». Николай Чудотворец – один из наиболее почитаемых христианских святых, люди обращаются к его иконе с благодарностью и просьбами. Н. Дроздова обращается к святому, благоговейно называя его отче Николае, Чудотворче Николае, милосердный Николае: *«Без любви – как без родины - / и беспутье, и страх. / Безотцовщина, бродим мы / одиноко впотьмах / всё путями окольными… / Как друг друга найти - / ты нас, отче Николае, / на учи, просвети… Оживи меня, сонную, / Страх и ложь обнажи, / к своему хлебосольному / дому путь укажи…».* Автор уверен в том, что слова молитв прошли через тысячелетия и обрели великую силу для православного человека. Ещё одно стихотворение Натальи Дроздовой – это молитва-исповедь автора «Перед иконой Божьей Матери «Споручница грешных». Обращаясь к Матери Пречистой, она благодарит её за помощь и уверяет: *«И пусть я умру, / но поганому / не отдам / ни родины, ни детей / своих. / Чуть раны затянутся, / снова / в дерзкий бой / влечёт меня рать / родимая».*

Группа антропонимов в количественном отношении выделяется среди других групп зафиксированных имён собственных. Она представлена довольно разнообразно, так как складывается из имён людей, которые в силу тех или иных жизненных обстоятельств вызвали у автора интерес, послужили основой создания художественных образов. Так, стихотворение В. Харченко «Ромочка» написано под впечатлением от поездки, главным героем которой стал мальчик, совсем малыш, объединивший пассажиров вагона своей милой улыбкой и необыкновенным лучистым взглядом (для которого В. Харченко создаёт своё, авторское слово): *«В вагонной вынужденной тесноте, /* ***Светлодетским*** *любуясь взглядом, / Ему семь часов улыбались те, / Кто ехал с Ромочкой рядом… Вот так в Нижний Новгород поезд вёз / Всех вместе при маленьком Роме, / Хозяев малоптенцовых гнёзд, / Когда никого – кроме…».* Теплота, с которой автор описывает своего очаровательного героя, создаёт особую эмоциональную тональность всего поэтического текста. Образное отражение автором объективного мира вызывает у читателя желание сопереживать, размышлять о волнующих вопросах бытия, о духовных ценностях.

Татьяна Огурцова в стихотворении «Лидия и Изабелла» рассуждает о том, чьи имена послужили в своё время названиями сортов винограда: *«Чья душа в чью высокую честь / Имена винограду пропела? / Да, на свете бессмертие есть, / Лидия и Изабелла».* Ассоциативный ряд, представленный в поэтическом тексте, можно обозначить как *любовь – виноград – вино – Лидия и Изабелла*, он стимулирует творческую активность читателя, создаёт своеобразный языковой художественный образ.

Среди зафиксированных антропонимов – имена простых людей, которые очень дороги авторам. Стихотворение В. Харченко «Тётя Зина» посвящено соседке – человеку отзывчивому, одинокому, заботливому и очень нужному: *«Та соседка, что на лестнице всегда узнавала мои шаги, / Побереги её, Господи, подольше среди живущих! / Разве могут у Тебя быть падчерицы, пасынки, тем более враги? / Разве делимся у Тебя мы на лучших и худших?».* Тщательно ото-

бранные автором слова порождают образы, то есть живые картины действительности, в которых перед читателем предстают реальные люди с их жизненными проблемами, поисками и заблуждениями.

Используя антропонимы, автор может играть со словом, создавая смысловую двуплановость. Например, один из разделов поэтического сборника Виктории Кичигиной называется «ВИКТОР И Я». Как нам представляется, автор намеренно разбивает своё имя на составляющие «Виктор» и «я», акцентируя внимание читателя на их неразрывном единстве. Оригинально выраженная поэтом мысль демонстрирует творческие возможности языковой личности, транслирует авторские интенции, основанные на определённых ассоциативных связях.

Зафиксированный нами языковой материал свидетельствует о том, что самое обычное, распространённое в наши дни имя позволяет художнику слова передать объёмную мысль, создать целостный образ, может послужить оригинальным способом вербализации уникального авторского смысла. В стихотворении В. Харченко «Серебряное имя» (стихи с элементами прозы) имя собственное *Андрей* становится ключевым словом всего произведения. Это имя имеет греческое происхождение и означает *мужественный* или *смелый*. Оно имеет древние корни и является популярным в различных культурах:

«*Андро по-грузински, Анджей, Андрей –*
Серебряным снегом, церковными фресками
Лучится имя. Орден царей
«Андрей Первозванный». Флаг Андреевский».

Имя *Андрей* обычно ассоциируется с такими чертами характера, как мужественность, решительность, сила воли, настойчивость, уверенность в себе. Автор выделяет широко известных людей с этим именем: *«Андрей Вознесенский, Андре Моруа, / Андрей Платонов, Андрей Миронов, / Андрей Дмитриевич Сахаров… / Переводится имя: «мужествен, храбр», / Князь Болконский (представляли, ахали)»*. Ряд прецедентных имён, расширяя пространство текста, усиливает изображение, реализует творческий замысел, активизирует творческое воображение читателя. Среди других широко известных лиц – те, у кого «серебрится имя аккордом-отчеством»: Василий Андреевич Жуковский («*… Наши бабушки Жуковским зачитывались: серебро романтизма»*), Софья Андреевна Толстая («*переписчица великих рукописей*»), Анна Андреевна Ахматова («*гранд-дама Серебряного века*»), Пётр Андреевич Гринёв («*сбережённая (по-пушкински смолоду) честь*»). Все приведённые в анализируемом тексте прецедентные имена представляют для автора большую культурную ценность и подтверждают мысль о «серебряном звучании» имени, хотя «*… не из имени в душу сочится густое добро! / Но что делать, коль слышится, слышится мне серебро / В этом имени, в этой (почти что чужой) свирели?*»

Прецедентные имена как носители культурной информации являются довольно значимыми компонентами поэтического текста. Прежде всего, это имена известных поэтов и писателей, деятелей культуры и искусства, что свидетельствует об особом отношении авторов к истории народа и его культурному наследию. В этом ключе авторы-белгородцы следуют сложившейся русской литературной традиции. Ярко представлены мифоантропонимы в поэзии Ланы Ясновой. Один из последних её сборников получил название «Профиль Мнемозины». Автор не случайно использует прецедентное имя, отмечая в комментариях для читателя, что «поэт, согласно античным представлениям, в момент нахождения во власти муз пьёт из источника знаний Мнемосины – богини памяти, являющейся условием творчества» [Яснова, 2021, с. 286]. В данном сборнике Лана Яснова объединяет свои стихотворения в циклы, которые обозначены прецедентными именами: ***«Марина»*** (М. Цветаева), ***«Пастернак», «Анна»*** (А. Ахматова), ***«Иосиф»*** (И. Бродский), ***«В.С.В. Две роли»*** (В. С. Высоцкий). Цикл «Марина» включает 13 стихотворений Ланы Ясновой, которые предваряются эпиграфами из произведений Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Арсения Тарковского.

Среди прецедентных имён, вынесенных белгородскими авторами в сильную позицию заглавий стихотворений, – имена Антонио Вивальди, Джузеппе Тартини, Людвига ван Бетховена, А. Вертинского, В. Долиной, А.С. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского и многие другие.

В стихотворении В. Кичигиной «Бетховен. Соната № 24» прецедентное имя вынесено в заголовок, что способствует реализации авторского замысла и привлечению читательского внимания, активизации его воображения. Чтобы наиболее полно понять авторские установки, читателю необходимо актуализировать знания о том, что соната была посвящена графине Терезе Брунсвик, с которой композитора связывали самые тёплые отношения. Это произведение зна-

менует начало нового этапа в творчестве композитора, его считают воплощением возвышенной любви, одной из самых изящных сонат Бетховена. В то же время, как считают исследователи творчества композитора, её отличает сосредоточенно-философское восприятие жизни, созерцательные образы и лаконичность. Знание этих основ (уже имеющееся или полученное пытливым читателем) служит своеобразной структурно-смысловой базой образности стихотворения В. Кичигиной:

«Я брошусь в музыку.
Как дико и как просто…
Чего изволите? Бетховен? Моцарт? Брамс?
Я ухожу. Я растворяюсь в ЭТОМ.
В разлёт молекул, будто жидкость – в пар…».

В личной беседе В. В. Кичигина поделилась воспоминанием, рассказала о том, что впечатление от прослушивания сонаты предопределило творческий замысел, послужило своеобразным импульсом, «озарением», когда стихотворение начинает представляться лишь в общих чертах. Результатом процесса личностного переживания познаваемого объекта явилось создание целостного словесно-художественного полотна.

Прецедентные имена, с одной стороны, становятся своеобразными культурными знаками, вписывающими поэзию в интертекстуальное пространство мировой культуры, с другой стороны, это своеобразные ценностные ориентиры, указывающие направление интерпретации и осмысления индивидуально-авторского мировидения.

Если говорить о функциональной предназначенности имён собственных в поэтическом тексте, необходимо отметить, что поэтонимы прежде всего реализуют номинативную функцию, однако наблюдения над авторскими предпочтениями позволяют увидеть, какая тщательная работа осуществляется автором при подборе имен. Включая топонимы и антропонимы в художественное пространство, поэты стремятся к максимальной точности в изображении малой родины, отражая ее географические и культурно-исторические особенности. Кроме того, тщательно отобранные поэтом онимы выполняют в поэтическом произведении определённую художественную функцию, отличаются дискурсивной образностью, способствуют реализации творческого замысла, являются особым средством культурно-дискурсивной интерпретации явлений действительности.

Выводы

Изучение имён собственных, или поэтонимов, в региональном поэтическом дискурсе позволяет сделать определённые выводы.

Поэтонимы являются особым средством репрезентации образного представления автора об окружающей действительности. Доминирующим в региональном поэтическом творчестве является образ малой родины, который эксплицируется именами собственными различных групп, составляющих довольно объемную конфигурацию.

Языковой материал свидетельствует о количественном преобладании топонимов и антропонимов среди различных групп ономастической лексики. Система поэтонимов актуализирует в сознании читателя естественно-географическую, культурно-историческую информацию об объектах региона. Однако исследуемые слова нельзя считать лишь документальным отражением истории и настоящего времени в жизни Белгородчины. Погружение в поэтический контекст придаёт именам собственным особую семантическую ёмкость и экспрессивность. Поэтонимы в региональном поэтическом дискурсе являются словесным воплощением модели мира автора, выражают его отношение к окружающему миру.

Исследование позволило заключить, что имена собственные в поэтических текстах характеризуются особой стилистической предназначенностью, играют важную текстообразующую роль, представляют реально узнаваемые картины Белогорья, становятся средством формирования новых смыслов, отражают особенности авторского миропонимания, позволяют достичь впечатляющей образности.

Библиографический список

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. 2-е изд., доп. Москва : ЛИБРОКОМ, 2007. 360 с.

2. Воркачев С. Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж : ВГУ, 2006. С. 26–30.

3. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе: филологические этюды. Москва : Изд-во Университета дружбы народов, 1988. 87 с.

4. Дроздова Н. В. День пленэра. Белгород : Крестьянское дело, 2015. 170 с.

5. Дронова Е. М. Семантические характеристики аллюзивных имён собственных // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж : ВГУ, 2006. С. 184–189.

6. Елистратова К. А. Ономастикон поэтического дискурса В. Полозковой: семантика, структура, функ-

ционирование // Верхневолжский филологический вестник, 2016. № 1 (27). С. 33–38.

7. Иванова О. В. К вопросу о роли имён собственных в поэтическом тексте (на примере анализа стихотворения С. Фиксина «Смоленск») // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология, 2007. № 3. С. 78–81.

8. Иванова О. В. К вопросу об именах собственных в заглавиях художественных тестов (на материале лирики поэтов Смоленской поэтической школы) // Девятые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений. Ч. III. Ономастика сегодня: проблемы и перспективы исследования / отв. ред. И. А. Королева. Смоленск : СмолГУ, 2009. С. 54–62.

9. Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк : Юго-Восток, 1999. 408 с.

10. Калинкин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Неофилология, 2017. Т. 3. № 1(9). С. 10–17.

11. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки, 1986. № 4. С. 34–40.

12. Кичигина В. Приговорённый любить: стихи. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. 164 с.

13. Маслова В. А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // Филологические науки, 2015. № 6. С. 3–8.

14. Молчанов В. Е. Звени, осенняя строка... Белгород : Константа. 2007. 352 с.

15. Олейникова Т. И. Неровное дыхание. Белгород : «Константа», 2016. 133 с.

16. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. Москва : Наука 1988. 192 с.

17. Пронченко С. М. Ономастические структуры в произведениях О.Э. Мандельштама // Мир русского слова. 2008. № 2.

18. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Изд. 4-е. Москва, 2012. 368 с.

19. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография. Волгоград : Перемена, 2000. 172 с.

20. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Т. 2. Топонимика и этнонимика. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. 520 с.

21. Хамитова Л. М. Онимы в произведениях современных татарских поэтов // Языки и литература тюркских народов: история и современность / Материалы всероссийской тюркологической конференции. Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2006. С. 118–121.

22. Харченко В. К. «Я буду Вас ценить и целовать…». 102 стихотворения о славе, смерти и любви. Белгород : Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2001. 128 с.

23. Чернухин И. А. Долина: лирика. Белгород : Белгородская областная типография, 2009. 196 с.

24. Яснова Л. Профиль Мнемозины: избранные стихотворения. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. 320 с.

Reference list

1. Bondaletov V. D. Russkaja onomastika = Russian onomastics. 2-e izd., dop. Moskva : LIBROKOM, 2007. 360 s.

2. Vorkachev S. G. Slovo «Rodina»: znachimostnaja sostavljajushhaja lingvokoncepta = The word «Motherland»: the significance of the linguistic concept // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. Voronezh : VGU, 2006. S. 26–30.

3. Gorbanevskij M. V. Onomastika v hudozhestvennoj literature: filologicheskie jetjudy = Onomastics in fiction: philological studies. Moskva : Izd-vo Universiteta druzhby narodov, 1988. 87 s.

4. Drozdova N. V. Den' plenjera = The plein air day. Belgorod : Krest'janskoe delo, 2015. 170 s.

5. Dronova E. M. Semanticheskie harakteristiki alljuzivnyh imjon sobstvennyh = Semantic characteristics of allusive proper names // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. Voronezh : VGU, 2006. S. 184–189.

6. Elistratova K. A. Onomastikon pojeticheskogo diskursa V. Polozkovoj: semantika, struktura, funkcionirovanie = Onomasticon of V. Polozkova's poetic discourse: semantics, structure, functioning // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik, 2016. № 1 (27). S. 33–38.

7. Ivanova O. V. K voprosu o roli imjon sobstvennyh v pojeticheskom tekste (na primere analiza stihotvorenija S. Fiksina «Smolensk») = On the role of proper names in the poetic text (analyzing S. Fixin's poem «Smolensk») // Vestnik MGOU. Serija «Russkaja filologija, 2007. № 3. S. 78–81.

8. Ivanova O. V. K voprosu ob imenah sobstvennyh v zaglavijah hudozhestvennyh testov (na materiale liriki pojetov Smolenskoj pojeticheskoj shkoly) = Toward the issue of proper names in the titles of literary tests (based on the poetry of the Smolensk school poets) // Devjatye Polivanovskie chtenija. Sbornik statej po materialam dokladov i soobshhenij. Ch. III. Onomastika segodnja: problemy i perspektivy issledovanija / otv. red. I. A. Koroleva. Smolensk : SmolGU, 2009. S. 54–62.

9. Kalinkin V. M. Pojetika onima = The poetics of the onym. Doneck : Jugo-Vostok, 1999. 408 s.

10. Kalinkin V. M. Znakom'tes': pojetonimologija = Meet Poetonymology // Neofilologija, 2017. T. 3. № 1(9). S. 10–17.

11. Karpenko Ju. A. Imja sobstvennoe v hudozhestvennoj literature = Proper names in fiction // Filologicheskie nauki, 1986. № 4. S. 34–40.

12. Kichigina V. Prigovorjonnyj ljubit' = Condemned to love : stihi. Belgorod : ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2017. 164 s.

13. Maslova V. A. Regional'naja lingvistika: problemy i perspektivy = Regional linguistics: problems and prospects // Filologicheskie nauki, 2015. № 6. S. 3–8.

14. Molchanov V. E. Zveni, osennjaja stroka... = Ring, the autumn line... Belgorod : Konstanta. 2007. 352 s.

15. Olejnikova T. I. Nerovnoe dyhanie = Uneven breathing. Belgorod : «Konstanta», 2016. 133 s.

16. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology / otv. red. A. V. Superanskaja. 2-e izd. Moskva : Nauka 1988. 192 s.

17. Pronchenko S. M. Onomasticheskie struktury v proizvedenijah O. Je. Mandel'shtama = Onomastic structures in O. E. Mandelstam's works // Mir russkogo slova. 2008. № 2.

18. Superanskaja A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = General theory of proper names. Izd. 4-e. Moskva, 2012. 368 s.

19. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial = Onomastic field of the Russian language and its creative aesthetic potential : monografija. Volgograd : Peremena, 2000. 172 s.

20. Frolov N. K. Izbrannye raboty po jazykoznaniju: v 2 t. T. 2. Toponimika i jetnonimika = Selected works on linguistics: in 2 vols. Vol. 2. Toponymy and ethnonymy. Tjumen' : Izd-vo Tjumenskogo gos. un-ta, 2005. 520 s.

21. Hamitova L. M. Onimy v proizvedenijah sovremennyh tatarskih pojetov = Onyms in the works of modern Tatar poets // Jazyki i literatura tjurkskih narodov: istorija i sovremennost' / Materialy vserossijskoj tjurkologicheskoj konferencii. Elabuga : Izd-vo EGPU, 2006. S. 118–121.

22. Harchenko V. K. «Ja budu Vas cenit' i celovat'…». 102 stihotvorenija o slave, smerti i ljubvi = «I will treasure you and kiss you...». 102 poems about glory, death and love. Belgorod : Izd-vo Belgorodskogo gos. un-ta, 2001. 128 s.

23. Chernuhin I. A. Dolina: lirika = The valley: lyrical poetry. Belgorod : Belgorodskaja oblastnaja tipografija, 2009. 196 s.

24. Jasnova L. Profil' Mnemoziny = Mnemosyne's profile : izbrannye stihotvorenija. Belgorod : ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2021. 320 s.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 02.10.2024; approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-106
EDN: OHNVAO

Языковая репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе

Юлия Владимировна Сложеникина[1], Анастасия Сергеевна Мусаева[2]✉
[1]Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия». 125190, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 80;
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
[2]Старший преподаватель кафедры английской филологии, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал). 443081, г. Самара, ул. Стара Загора, д. 76
[1]goldword@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4982-7802
[2]ana.mus@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1760-7055

Аннотация. В статье анализируется репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе. Отмечается, что научно-популярный дискурс имеет ярко выраженную лингвопрагматическую направленность и определяется следующими параметрами: характеристика адресанта / адресата, интенция, тематика, функции, используемые вербальные и невербальные средства. С точки зрения адресанта, характерной особенностью научно-популярного дискурса является выражение авторской интенции и нарратива: в тексте создается речевой портрет ученого, позиционируется его авторская установка, отношение к проблеме. С точки зрения получателя информации, указывается на расширение характеристики «адресат» в данной стилевой разновидности языка: это не только непосвященный читатель, но и ученые, экспертное сообщество, читатели-оппоненты, чиновники, бизнесмены, инвесторы. Адресатом дискурса является максимально широкая аудитория с собственной картиной мира и аксиологией. Большое значение имеют формы установления контакта и привлечения аудитории к совместным рассуждениям и действиям. С содержательной точки зрения, тематика дискурса в основном связана с философскими вопросами сосуществования человека и ИИ, проблемами их взаимодействия. Вариативность построена по принципу «свой» / «чужой». Качественная оценка ИИ как чужого решается через оппозицию «добро – зло».

Жанрообразующий признак научно-популярного дискурса по типу коммуникативной цели – создание оценочности, цель информирования вторична. Отмечается тенденция к гибридности стиля, приобретение им функций воздействия, убеждения, свойственных публицистическому стилю. Язык научно-популярных эссе максимально приближен к литературному разговорному языку аудитории. Важной частью данного функционального стиля является система аргументации. Отмечается преобладание риторической аргументации над логической. Научно-популярные тексты имеют разнообразные маркеры модальности. Их нейролингвистическая функция связана с минимизацией страха некоторой группы читателей перед неизвестным будущим.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс; речевой жанр; модальность; текст; гибридный стиль; искусственный интеллект; лингвистическое портретирование; лингвопрагматика

Исследование выполнено научным коллективом за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01284 «Термин внутри и вне специального дискурса: механизмы переходности», https://rscf.ru/project/23-28-01284/

Для цитирования: Сложеникина Ю. В., Мусаева А. С. Языковая репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 106–117. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-106. https://elibrary.ru/OHNVAO

Original article

Linguistic representation of the artificial intelligence in popular science discourse

Yulia V. Slozhenikina[1], Anastasia S. Musaeva[2]✉
[1]Doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology, Moscow financial industrial university «Synergy». 125190, Moscow, Leningradsky prospect, 80;

© Сложеникина Ю. В., Мусаева А. С., 2024

professor, department of russian language and teaching methods, Peoples' friendship university of Russia. 117198, Moscow, Miklukho-Maklay str., 6.
[2]Senior lecturer, department of english philology, Moscow city pedagogical university (Samara branch). 443081, Samara, Stara Zagora str., 76.
[1]goldword@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4982-7802
[2]ana.mus@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1760-7055

Abstract. The article analyzes how the phenomenon of artificial intelligence is represented in popular science discourse which has a strong linguopragmatic character and is determined by the following parameters: addresser/addressee profile, intention, subject matter, functions, the use of verbal and non-verbal means. From the addresser's point of view, a characteristic feature of popular science discourse is the expression of the author's intention and narrative: the text creates the scientist's speech portrait and positions their authorial attitude to the problem. As for the information recipient, the authors point out the expansion of the «addressee» characteristics in this style of language: it is not only the ordinary reader, but also scientists, expert community, opponents, officials, businesspeople, investors. The addressee of the discourse is the widest possible audience with their own worldview and axiology. The forms of establishing contact and involving the audience in mutual discussions and actions are of great importance. The content of the discourse is mainly related to the philosophical issues of coexistence of humans and AI and the problems of their interaction. The variability is based on the principle of «friend» / «foe» and the qualitative assessment of AI as a foe is solved through the opposition «good – evil». The genre-forming feature of popular science discourse according to the type of communicative purpose is evaluating, whereas the purpose of informing is secondary. There is a tendency towards the hybrid style which acquires the functions of influence and persuasion inherent in the journalistic style. The language of popular science essays is as close as possible to the literary spoken language of the audience. An important part of this functional style is the system of arguments with the predominance of rhetorical over logical argumentation. Popular science texts have various modality markers. Their neurolinguistic function is connected with minimizing the fear of a certain group of readers in the face of the unknown future.

Key words: popular science discourse; speech genre; modality; text; hybrid style; artificial intelligence; linguistic portraiture; linguistic pragmatics

The research has been done by the research team and supported by the grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01284 «The term inside and outside the specialist discourse: mechanisms of transitivity», https://rscf.ru/project/23-28-01284/

For citation: Plotnikova L. I., Levina E. M. Proper names in regional poetic discourse: based on the works of Belgorod authors. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):106–117. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-106. https://elibrary.ru/OHNVAO

Введение. Феномен искусственного интеллекта

В постиндустриальном обществе искусственный интеллект является основным драйвером научно-технического и экономического развития. В истории науки ключевой термин «искусственный интеллект» (Artificial Intelligence, или AI) зафиксирован в системе цитирования Scopus в 1960 году. В настоящее время количество работ, посвященных искусственном интеллекту, растет в геометрической прогресии.

Под термином искусственный интеллект понимается: 1) наука и технология создания интеллектуальных машин и интеллектуальных компьютерных программ; 2) свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека.

ИИ рассматривается не только в качестве объекта или предмета исследования нескольких научных дисциплин, но и как ключевая технология настоящего и ближайшего будущего человечества. Данная технология призвана решить проблемы в трудно формализуемых областях деятельности человека. Именно методы и подходы ИИ делают решаемыми сложные для человека технические задания, связанные с многозадачностью, большим объемом информации и т. п. Считается, что ИИ обладает большой возможностью поиска вариантов решений; возможно, они приближаются к бесконечности.

ИИ – это наука и технология создания интеллектуальных машин, интеллектуальных компьютерных программ, свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Технологии ИИ уже сегодня продуктивно используются во многих отраслях человеческой деятельности: в медицине, промышленности и сельском хозяйстве; в бытовой сфере человека (технология «Умный дом»), в гуманитарной сфере: журналистике, интеллектуальном машинном переводе, образовании; в социально-правовой

сфере: в биржевой торговле, юриспруденции, налогообложении и т. п.

Однако внедрение ИИ в различные сферы общественной личной жизни человека ставит перед ним ряд вопросов: ИИ закономерен для человеческого развития или невозможен по разным причинам? Это путь к процветанию или к краху? ИИ – выдающееся современное научное открытие или очередная химера, что-то наподобие вечного двигателя? Опасения основаны не только на боязни нового и неизведанного, но и на древнем архетипе – недоверии к сущностям гибридного происхождения. ИИ, как и мифологическая химера, также имеет гибридный генезис. Изначально именно развитие интеллекта выделило человека из животного мира. Другими словами, само понятие интеллект имеет четкую атрибуцию, связанную с человеком и человеческой цивилизацией в целом. В первом основном значении искусственный – это сделанный наподобие настоящего, природного. Поэтому даже на уровне основного термина ИИ – оксюморон, образное сочетание противоречащих друг другу понятий, парадокс.

Как отрасль науки ИИ заявил о себе в 1956 г. на семинаре в Дартмут-колледже (Хановер, США). Его организаторами выступили 4 американских ученых: Д. Мак-Карти, М. Мински, Н. Рочестер и К. Шеннон. Участники семинара представляли собой специалистов, занимающихся компьютерным моделированием способностей интеллекта, и исходили из гипотезы, что все когнитивные функции человека (мышление, восприятие, память, научные открытия, художественное творчество) могут быть запрограммированы компьютером для их воспроизведения.

Однако при переводе на русский язык произошла неточность: словосочетанию artificial intelligence (буквально «умение рассуждать разумно») придали антропоморфный оттенок, для которого в английском языке есть аналог intellect. Ученые предполагают, что в перспективе неверный перевод может привести к ошибочным направлениям в разработке проблемы.

За прошедшие десятилетия ИИ прошел 6 этапов.

1. Этап гипотез и предположений. Так, например, лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Саймон в 1958 г. заявил, что машины, будучи допущенными к международным соревнованиям, через десять лет станут чемпионами мира по шахматам.

2. Этап регресса. С середины 1960-х гг., видимо, под впечатлением от доклада Сената США (1966 г.) о внутренних ограничениях машинного перевода, СМИ стали вести негативную информационную политику относительно ИИ.

3. Этап семантического представления знания с помощью ИИ. В 70-х гг. XX в. ученые попытались имитировать на компьютере некоторые психологические процессы, начали создаваться экспертные системы, в которых для воспроизведения мыслительных процессов использовались знания квалифицированных специалистов. Особенно значительными оказались успехи медицинской диагностики.

4. Этап неоконнекционизма и машинного обучения. В 80-е гг. XX в. были разработаны алгоритмы машинного обучения, благодаря которым компьютеры стали аккумулировать знания и автоматически перепрограммироваться на основе собственного опыта. Появились первые гибридные системы.

5. Этап интерфейсов «человек – машина». С 1990-х г. произошло объединение ИИ с робототехникой и интерфейсом «человек – машина». Появились интеллектуальные агенты с элементами эмоций, значительно усовершенствовались диалоговые системы (чат-боты).

6. Этап возрождения ИИ. В 2010-х гг. произошел резкий технологический скачок, возросшая мощность компьютеров дала возможность соединять большие данные, методы глубокого обучения и искусственные нейронные сети. В частности, в области речи и речевой коммуникации методы машинного обучения позволили компьютерным устройствам распознавать устную речь, записывать ее, обрабатывать тексты на естественных языках. Самообучающиеся интеллектуальные системы стали широко применяться во всех сферах человеческой деятельности.

Исследования в области искусственного интеллекта развиваются уже более 60 лет. Новые направления – логическое и нейрокибернетическое. Логический подход направлен на создание прикладного (слабого) искусственного интеллекта, то есть компьютерных программ, предназначенных для решения какой-либо одной задачи или их небольшого множества. Нейрокибернетический подход направлен на создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, то есть аналога человеческого мозга, способного решать любые интеллектуальные задачи.

К настоящему времени определилось 2 исследовательских подхода к трактовке понятия ис-

кусственный интеллект. Первая позиция: ИИ – это одна из научно-технических разработок, создание машинного разума, решающего сложные когнитивные задачи, ранее доступные только человеку; вторая: ИИ – это техническое устройство, наделенное разумом, оно способно действовать по нелинейным алгоритмам познавательной деятельности, само создает новые смысловые связи и принимает решения на основе имеющейся информации – фактически речь идет об искусственной личности с большим набором когнитивных способностей.

Можно утверждать, что большинство достижений в области ИИ напрямую связано с ростом производительности компьютеров. Вместе с тем достижения в области ИИ неоспоримы. Важным общественным институтом в продвижении достижений в области изучения ИИ является Российская ассоциация искусственного интеллекта (РАИИ) – творческая профессиональная организация, зарегистрированная приказом Минюста РФ 19.10.1992 N 1304. Российская ассоциация является правопреемницей Советской ассоциации искусственного интеллекта. С двадцатилетним опозданием Советская ассоциация была создана в мае 1989 г. как ответ на состоявшийся в 1969 г. в Вашингтоне первый форум специалистов по искусственному интеллекту. В настоящее время РАИИ является добровольной организацией, ставящей целями «создание благоприятных условий для их профессиональной деятельности специалистов, содействие в реализации наиболее перспективных работ в области искусственного интеллекта <…> развитие международного сотрудничества в области искусственного интеллекта» [Российская ассоциация искусственного интеллекта: http://raai.org/]. Все члены РАИИ являются индивидуальными членами Европейского координационного комитета по искусственному интеллекту (ECCAI).

Институт проблем информатики Российской академии наук (ИПИ РАН) был образован в 1983 году. В 2015 г. реорганизован в Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. В настоящее время Федеральное государственное учреждение Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук находится в ведении Федерального агентства научных организаций (ФАНО России). Научно-методическое руководство деятельностью ФИЦ ИУ РАН осуществляют Российская академия наук (РАН) и Отделение нанотехнологий и информационных технологий Российской академии наук. Ведомство издает журнал «Искусственный интеллект и принятие решений», где публикуются научные статьи по проблематике ИИ.

Реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» должен способствовать Приказ Минэкономразвития России от 2 июля 2021 г. N 407 «Об утверждении отдельных методик расчета показателей…» [Приказ…]. В соответствии с приказом в РФ надлежит учитывать статистику по количеству человек, получивших дополнительное профессиональное образование в области ИИ; удовлетворенности условиями работы граждан, заинтересованных в развитии технологий ИИ; компаний-разработчиков ИИ-решений; размер ИИ-сообщества.

В 2010-х гг. произошел резкий технологический скачок, мощность компьютеров дала возможность соединять большие данные, методы глубокого обучения и искусственные нейронные сети. Начальным, с точки зрения государственного интереса к проблеме ИИ, можно считать 2019 год. 15 января 2019 г. состоялось заседание наблюдательного совета АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», по результатам решений которого Президент РФ 30 января 2019 г. утвердил перечень поручений по развитию в России технологий ИИ и разработке национальной стратегии развития искусственного интеллекта. В результате Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490 была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Разработку национальной стратегии можно считать началом государственной языковой политики в сфере ИИ. В «Стратегии…» были даны определения 12 ключевых понятий сферы ИИ.

В 2020 г. в паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» был добавлен седьмой федеральный проект – «Искусственный интеллект».

Основные аспекты языковой политики в области ИИ сводятся к разработке и утверждению государственных стандартов. Для этого 22 декабря 2020 г. была утверждена «Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению „Искусственный интеллект” на период 2021–2024 гг.». Согласно данной программе, в течение четырех лет необходимо разрабо-

тать и утвердить 217 стандартов в области ИИ, обеспечивающих развитие приоритетного направления. Одно из направлений деятельности по стандартизации в сфере ИИ – гармонизация отечественной терминологии с международными стандартами по направлению ИИ.

К настоящему времени принят ряд ГОСТов, связанных с ИИ. Основную работу по внедрению нормативной базы в области ИИ выполняет «Технический комитет по стандартизации № 164 „Искусственный интеллект”» (ТК 164).

Жанрообразующие черты научно-популярного стиля

Возникновение научно-популярного дискурса (далее – НПД) С. А. Герасимова связывает с выходом в XVIII в. науки из «замкнутой сферы для узкого круга избранных» в общественную жизнь [Герасимова, 2021, с. 30]. Просветители-популяризаторы пытались донести до общественного сознания [Phelan, Arico, Nichols, 2013, p. 704–705] такие следствия научного познания и практической деятельности, как польза, ценность, эффективность, в итоге – преимущества и блага для человека. На рубеже XX–XXI вв. одним из топовых объектов популяризации стал искусственный интеллект. «В том, что касается создания искусственного интеллекта, сравнимого с человеческим или превосходящего его, мы почти наверняка добьемся успеха, поскольку это сулит немыслимые выгоды», – пишет астрофизик Института исследований космоса М. Ливио [Что.., 2017, с. 40]. Описание дискурса искусственного интеллекта является мастеримом современных исследований [Козловская, Мусаева, Сложеникина, 2023]

Считается, что НПД имеет адресатом непосвященного читателя, неспециалиста. Он находится на стыке парадигм: собственно научной и социальной. Обращенный к обществу, он призван утверждать прогрессивные взгляды, ценности, формировать позитивное отношение к достижениям ученых, предлагать материал для улучшения социабельности членов коллектива. Однако к характеристике НПД дискурса следует относиться диалектически. Усложнение социальной структуры общества и организации науки нашло отражение и в усложнении самого НПД. Такие характеристики НПД, как простота, ясность и доступность, уходят в прошлое, поскольку изменилась структура аудитории. Это не только широкий круг читателей-пропонентов, но и другие ученые, интересующиеся проблемой, экспертное сообщество, нелояльные читатели-оппоненты, чиновники и бизнесмены, финансирующие научные разработки, то есть максимально широкая и разнообразная аудитория с собственной картиной мира и ценностными установками.

В связи с этим наметилась тенденция гибридности НПД: он приобретает качества публицистичности. К функции информирования добавляются функции воздействия, убеждения. Например, убедительность аргументов особенно важна для адресатов, от которых зависит продвижение и финансирование научных разработок, поэтому набор аргументов должен позиционировать состоятельность, достижимость, ресурсозатратность какого-либо научного прецедента. Можно сказать, что произошла стратификация языка науки: новые задачи превращают НПД «в метаязык с объясняющей и убеждающей функциями по отношению к языку науки» [Вольф, 2020, с. 428].

Е.А. Сидорова с соавторами отмечают, что с композиционной точки зрения, научно-популярный текст содержит большое количество аргументации для доказательства или опровержения некой позиции, с формальной – характеризуются небольшим объемом и отсутствием явно выраженной структуризации при помощи глав и заголовков, с лексической – минимальным количеством специальных терминов [Сидорова, 2020, с. 492]. Интересны наблюдения над языком научно-популярных текстов М.Н. Вольф. Ученый предполагает, что поскольку аргументы данного текста адресованы широкой непосвященной аудитории, то язык их формулирования должен быть «максимально приближен к языку аудитории, свободному от профессионального жаргона, понятийного аппарата и специальных профессиональных средств представления знания» [Вольф, 2020, с. 430; см. также: Van Den Herik, 2021, p. 95]. Другими словами, если научный текст привлекает для представления знания метаязык, то есть вторичный код, то научно-популярный текст должен писаться на естественном языке и не требовать от читателя знания правил кодирования метаязыка.

Как и другие типы дискурсов, НПД представлен двумя сторонами: основной, коммуникативно-информационной, и вспомогательной, речеорганизующей. Е. Ю. Викторова замечает, что вспомогательный аспект имеет ничуть не меньшее значение для решения задач НПД. Именно в его рамках участники дискурса осуществляют информационный обмен, управляют коммуника-

цией, стремясь к ее эффективности [Викторова, 2019, с. 255–256; см. также: Konovalova, Nizamieva, 2020]. Для этих целей используются специальные средства, в современном метаязыке лингвистики для их обозначения используются термины «дискурсивные маркеры», «дискурсивные слова», «дискурсивы». Исследователь предложила классификацию дискурсивов, выделив дискурсивы-организаторы (они нужны адресанту для конструирования текста, с их помощью он выстраивает композицию и структуру, «придает ей цельность, логичность и связность») и дискурсивы-регулятивы (они нужны адресанту для конструирования речи, общения, с их помощью можно показать «отношение к содержанию речи, расставить акценты... установить контакт», поддерживать его, привлекать и стимулировать внимание аудитории [Викторова, 2019, с. 256].

Вспомогательные коммуникативные единицы связаны с осуществлением прагматических функций дискурса. В отличие от собственно научного, НПД имеет ярко выраженную лингвопрагматическую направленность [Kulikova, Barabash, Tedeeva, 2023, p. 303; Mitrofanova, Kolesova, Romanova, Romanova, 2018, p. 238–239]. Е. Е. Анисимова и Т. Е. Финк считают, что лингвопрагматический аспект «определяется следующими параметрами: характеристика адресанта / адресата, интенция, тематика, функции, используемые вербальные и невербальные средства» [Анисимова, 2020, с. 87].

Материалы и методы. Популяризация искусственного интеллекта в русскоязычной и переводной литературе

Внедрение технологий искусственного интеллекта в организацию и жизнедеятельность социума сделало его объектом популяризации во всем мире. Ученые пишут о том, что современный ИИ может не только анализировать, но и интерпретировать данные [Wu, Luo, 2024, с. 2–3]. В каталоге Российской государственной библиотеки насчитывается около трех десятков книг по ИИ для широкого круга читателей. «Говорящими» являются названия этих произведений, например: Мюллер Д. П., Массарон Л. Искусственный интеллект для чайников / пер. с англ. В. А. Коваленко (М.; СПб., 2019) [Мюллер, 2019]. Читательская аудитория именуется жаргонизмом «чайник», обозначающим неопытного человека, новичка, простака или даже глупца.

Адресат книги: Литвинцева Л. В. Искусственный интеллект: беседы со школьниками (СПб., 2019) – школьники [Литвинцева, 2019]. По замыслу автора, книга должна стать первым знакомством с новой наукой. Структуру книги составляют беседы школьников с разработчиками интеллектуальных систем. В адаптированной для школьников форме раскрываются сложные научные понятия, как-то «нечеткие высказывания», «нечеткие множества», «генетические алгоритмы», «мягкие вычисления», «нейросети» и др.

Книга: Пиковер К. Искусственный интеллект: иллюстрированная история: от автоматов до нейросетей / пер. с англ. А. Ефимовой (Москва., 2021) содержит многочисленные иллюстрации, начиная с первых механизмов, датированных 1300 г. до н.э., в которых реализовались базовые принципы программирования и искусственного интеллекта [Пиковер, 2021].

Книга: Брайтон Г., Селина Г. Искусственный интеллект в комиксах (М., 2018) – адресована читателям 12+. Авторы уверены, что будущее за искусственным интеллектом; будучи научным сотрудником института Макса Планка, Г. Брайтон в доступной и увлекательной форме пишет о том, как работает ИИ, какова его этика и механика [Брайтон, 2018].

Для широкого круга читателей предназначена книга В. В. Потопахина «Романтика искусственного интеллекта». Автор размышляет о возможности партнерских отношений человека и машины, реальности «бунта машин» и т. п. [Потопахин, 2017].

Основной материал для исследования предоставила коллективная монография, вышедшая в издательстве «Альпина нон-фикшн», – книга «Что мы думаем о машинах, которые думают: ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте» [Что.., 2017]. С точки зрения характеристики адресанта, авторами научно-популярных эссе являются около двухсот ученых-популяризаторов науки, например, Стивен Пинкер – профессор Гарвардского университета, Лоуренс Краусс – физик-космолог Университета штата Аризона, Фрэнк Вильчек – физик, профессор Массачусетского технологического института и мн. др. Все они являются авторами монографий по проблемам нейробиологии, космологии, физики, философии, когнитивистики и проч. Их точки зрения на ИИ могут быть противоположными. Авторская интенция заключается в том, чтобы отразить многообразие мнений для формирования целостного и всестороннего представления об ИИ. Исследователи в ряде эссе

подчеркивают, что развитию ИИ сопутствует множество заблуждений и страхов, которые они пытаются нейтрализовать аргументами. Адресатом ИИ-дискурса является массовая аудитория, заинтересовавшаяся проблемой.

Тематика дискурса по большей части носит философский характер, она не связана с описанием достижений ИИ в разных сферах человеческой деятельности. Авторов эссе волнуют такие проблемы, как экзистенциальные риски, которые возникнут, если ИИ достигнет уровня сверхинтеллекта; конец человеческого рода, его замена гибридными формами человека и ИИ; поведение машин, направление их мыслей, претензии на гражданские права; наличие у машин будущего сознания и самосознания; возможность возникновения общества машин, его взаимодействие с человеческим сообществом, наличие эмпатии и под.

Методами исследования были избраны:

− метод изучения источников. Источниками исследования являются утвержденные в РФ ГОСТы по искусственному интеллекту. Они разрабатываются в рамках «Перспективной программы стандартизации по приоритетному направлению „Искусственный интеллект” на период 2021–2024 гг.». В программу, в частности, включены стандарты общего назначения, закрепляющие термины и определения в области ИИ. Стандартизация предполагает разработку и утверждение ГОСТов по внедрению ИИ в приоритетных областях человеческой деятельности: промышленности, транспорте, медицине, образовании, строительстве и др.;

− метод сплошной выборки. Он заключается в сборе языкового материала;

− метод оппозиций. В работе осуществляется семиотическое противопоставление;

− сравнительный метод. Он заключается в сопоставлении словосочетаний литературного языка и омонимичных им терминов с выделение специфики последних;

− количественный метод. Он заключается в использование подсчетов и измерений при изучении терминов;

− дискурсивный анализ, предполагающий трехаспектную модель анализа идеологии текста, интенций и перцепций автора, семантики языковых единиц.

Результаты и обсуждение. Лингвистические аспекты научно-популярного дискурса «искусственный интеллект»

Характерной особенностью данного рода эссе являются так называемые авторизирующие конструкции самоупоминания. Это синтагмы, созданные с помощью личных или притяжательных местоимений 1-го лица, относящихся к автору текста. Такие конструкции служат созданию речевого портрета ученого, позиционируют его как языковую личность. Например, очень четко с помощью местоимения «я» свою позицию аргументирует главный астрофизик Центра космических полетов им. Годдарда НАСА Д. Мазер: «Я пришел к выводу, что мы уже поддерживаем эволюцию мощного искусственного интеллекта… Я думаю, что результаты нам не понравятся… Я не знаю, окажется ли кто-нибудь достаточно умным, чтобы сохранить власть над этим джинном» [Что.., 2017, с. 54–55].

Близко по функции позиционирования авторского «я» фразы внутреннего диалога автора, как-то: «Будет ли искусственный интеллект, сравнимый по уровню с человеческим, неизбежно обладать самосознанием? Это сложный вопрос» [Что.., 2017, с. 24].

Ярким признаком гибридности научно-популярных текстов об ИИ, наличием в них признаков публицистичности являются риторические предложения. Часто они образуют структурный формант текста – абзац. Приведем в пример отрывок из эссе М. Шанахана, профессора когнитивной робототехники Имперского колледжа Лондона «Самосознание человеческого уровня у искусственного интеллекта: «А что насчет искусственного интеллекта, сравнимого с человеческим? Не возникнет ли у такого ИИ комплексного набора целей? Не получится ли при некотором стечении обстоятельств, что попытки достичь этих целей каждый раз будут оказываться неудачными? Уместно ли в таком случае сказать, что ИИ испытывает страдания, даже если учесть, что особенности строения делают его невосприимчивым к боли или неприятным физическим ощущениям, известным людям» [Что.., 2017, с. 26]. Авторы ставят вопросы перед собой, научным сообществом, читателями, часто не имея на них собственных ответов. В НПД, связанном с ИИ, создается ситуация неопределенности, энтропии, что делает данный дискурс принципиально открытым и вариативным.

Вариативность построена по принципу «свой» / «чужой» [о лексической вариативности

см.: Kuprieva, Smirnova 2019, pp. 80-84]. Морфологически антитеза выражается, например, противительным союзом: «У людей все эти свойства образуют единый комплекс. Но у ИИ они могут существовать по отдельности» [Что.., 2017, с. 25]. Машины с ИИ называются чужеродными для человека сущностями, однако качественные оценки чужого размещаются на шкале «добро – зло» во всем ее охвате.

Так, С. Пинкер, профессор психологии Гарвардского университета, катастрофические сюжеты о последствиях внедрения ИИ называет фантастическими, а перспективы продвинутого ИИ – самыми радужными: «это безопасность, экономия рабочего времени и экологичность» [Что.., 2017, с. 30]. И наоборот, профессор космологии и астрофизики Кембриджского университета, экс-президент Королевского научного общества М. Рис считает, что «опасения по поводу негативных сторон его развития становятся все более актуальными – и небезосновательно» [Что.., 2017, с. 31]. Промежуточную позицию слияния в будущем человека и машины занимает, к примеру, Д. Сасселов, профессор астрономии Гарвардского университета. Он пишет: «Если в будущем мы хотим долго жить и процветать, нам надо разработать системы искусственного интеллекта .., став неким гибридом биологического существа и машины. Поэтому я лично в долгосрочной перспективе не вижу никакой проблемы противостояния человека и искусственного интеллекта» [Что.., 2017, с. 37]. Если говорить о жанрообразующем признаке НПД по типу коммуникативной цели, или интенции, то данные тексты в основном направлены не на решение информационных задач, а на создание оценочности.

Для анализа НПД можно привлечь жанрообразующий признак «фактор прошлого и фактор будущего», разработанный Т. В. Шмелевой для характеристики модели речевого жанра [Шмелева, 1997]. Зачастую современные научно-популярные эссе отталкиваются от произведений научных фантастов, дискутируют с ними с учетом достижений текущего момента, верифицируют их. Многие популяризаторы современности уверены, что ИИ способен пережить человека и в отдаленной перспективе колонизировать вселенную. Так, М. Рис пишет о том, что человечество в долгосрочной перспективе – лишь примитивная переходная форма. Следующая эволюционная стадия – это машиноориентированная культура, «простирающаяся в отдаленное будущее и далеко за пределы Земли» [Что.., 2017, с. 32]. Данные эссе также в перспективе станут точкой отсчета для будущих текстов в области ИИ, покажут, насколько правдоподобным оказалось видение горизонтов технологических прогнозов. С нашей точки зрения, формирование научной фантастики, начавшееся в XX в., подготовило почву для научно-популярного дискурса ИИ. В частности, упоминаются три закона робототехники, сформулированные американским писателем-фантастом и популяризатором науки А. Азимовым [Что.., 2017, с. 55]. В большинстве научно-популярных эссе, в отличие от собственно научного стиля, в котором ИИ воспринимается как новый объект, звучит мысль о привычности механизмов ИИ для многих видов деятельности.

Важной частью НПД является система аргументации. Можно отметить преобладание риторической аргументации над логической. Аргумент может иметь форму развернутой метафоры: «Как изобретение автомобиля не было попыткой создать точную копию лошади, так и разработка систем искусственного интеллекта не означает создание чего-то подобного Homo sapiens. Устройству <…> чтобы управлять автомобилем <...>, не обязательно уметь привлекать полового партнера или избегать несвежего мяса» [Что.., 2017, с. 28]. По аналогии со сниженной лексикой аргумент о несвежем мясе тоже можно квалифицировать как сниженный – он апеллирует к нездоровой физиологии человека.

К перечню риторических приемов аргументации относим также литоту, например, «… временные рамки технологического прорыва – лишь мгновение по сравнению с тем, сколько длится приведший у появлению человечества естественный отбор» [Что.., 2017, с. 31].

В качестве аргумента могут использоваться прецедентные события, например, «проблема 2000 года», ощущаемая на его пороге как возможный апокалипсис. Однако все опасения оказались напрасными: «… шаги к более разумным машинам пробудили у многих страх того, что знание нас погубит. Мое личное мнение таково: боязнь того, что машины вдруг могут обезуметь, есть не что иное, как напрасная трата эмоциональных сил – такой сценарий ближе к «проблеме 2000 года» [Что.., 2017, с. 28].

Среди логических аргументов отметим указание на ценность ИИ с точки зрения выработки более качественных моделей для операций с большими данными, повышения производитель-

ности, «они являются движущей силой экономической конкуренции» [Что.., 2017, с. 35].

Те или иные фрагменты текста могут иметь дискурсивные маркеры модальности. Отмечаем иронично-маркированные текстовые единицы. Ирония в тексте связана с выражением представления о комичности ситуации, ситуации, ее критикой или осмеянием [Kozlovskaya, 2020, с. 78-90]. В нижеприведенном отрывке с целью иронии используется слово «прорыв», актуальное в настоящее время, особенно в официальных кругах, часто используемое по незначительным поводам, и потому затасканное. Функцию энантиосемии, то есть приобретения словом противоположного значения, выполняют кавычки. Есть прямое указание на ситуацию осмеяния – выражение «со смехом». Снижение оценки ситуации достигается также с помощью выражения «с паникой в голосе». Этому же способствуют необычные синтагматические конструкции типа «разрекламированный прорыв», «оказались поверхностными», «неминуемые достижения», а также фразеологизированное выражение «а он взял да и случился»: «… многие из недавних широко разрекламированных прорывов в этой области на деле оказались довольно поверхностными. В прошлом „эксперты” со смехом отвергали возможность быстрого технического прогресса – а он взял да и случился. „Эксперты” также вещали (местами даже с паникой в голосе) о неминуемых научно-технических достижениях, которые так и не произошли» [Что.., 2017, с. 28].

Ироничная тональность может иметь и нейролингвистическое значение: она призвана минимизировать страх некоторой группы читателей перед неизвестным будущим, в котором часть человеческих целей будет достигаться ИИ: «… машины… начнут по-дарвиновски конкурировать с нами за доступ к ресурсам, выживание и возможности к воспроизводству. Такой сценарий выглядит ночным кошмаром для большинства людей, страхи которых подпитываются фильмами о роботах-терминаторах и ядерной войне, начатой компьютерами» [Что.., 2017, с. 43]. На лингвистическом уровне реакцию страха можно компенсировать понижением значимости объекта – ИИ. Это достигается, например, посредством его сравнения с пилой или обогревателем и апелляцией к здравому смыслу: «Для этого не понадобятся занудные „законы робототехники” … достаточно будет здравого смысла – того же, которым люди руководствовались, разрабатывая кухонные комбайны, циркулярные пилы, обогреватели и автомобили» [Что.., 2017, с. 28]. Эти аргументы, создающие экспрессию текста, направлены на эмоциональное восприятие. Уверенность в безопасности будущих продвинутых систем ИИ может быть манифестирована и рациональными повествовательными конструкциями, например: «Кое-кто опасается, что искусственный интеллект однажды станет настолько могущественным, что полностью выйдет из-под контроля. Этого не произойдет. Разумные системы должны подчиняться законам физики и математики» [Что.., 2017, с. 35–36].

Понижению статуса объекта способствует также просторечная лексика, например информация о прогрессе в области ИИ называется «шумиха». Предположения о небезопасности ИИ называются мещанскими, то есть, в переносном значении, свойственными людям с мелкими, ограниченными интересами и узким кругозором. Для наименования авторов, нагнетающих страх в обществе по поводу ИИ, используется окказиональный неологизм «технопророки». Для доказательства безопасности ИИ выдвигается даже гендерная гипотеза: возможно, он будет развиваться по женскому типу и не будет иметь стремления к доминированию.

Обозначим дискурсивы-организаторы, служащие композиционным целям и создающие внутри текста отношения логичности, последовательности, связности. Например: «Определенно, никто не может обладать мышлением, сравнимым с нашим… В этом смысле интеллект связан … с интенциональностью. Кроме того, язык – социальный феномен… Его назначение – говорит о вещах (например: это инструмент)… Короче, язык основан на осознании мира» [Что.., 2017, с. 25]. В пределах одного абзаца автор использовал 5 конструкций для структурирования мысли и аргументации. Отметим, что слова «определенно» и «короче» можно квалифицировать как дискурсивы с регулятивной функцией – они служат повышению категоричности авторского высказывания, помогают ученому демонстрировать уверенность в своих мыслях.

На решение задач установления контакта и вовлечения аудитории направлены дискурсивы-адресации, призывающие аудиторию к совместным рассуждениям и действиям, выраженные глаголами-императивами, личными местоимениями множественного числа и др. типа «позвольте остановиться», «давайте отвлечемся от этого вопроса», «мы могли бы расширить понятие». На лексическом уровне используются приемы апел-

ляции к большинству типа «Многие из нас задумываются над вопросами из области ИИ»; и от обратного: «Мало кто сомневается, что машины будут все больше и больше превосходить нас в плане способностей» [Что.., 2017, с. 31]. Ученый-популяризатор может использовать глаголы, обращенные к рациональной или чувственной сфере адресата, например: «нет причин полагать», «легко представить». Автор научно-популярного текста открыт для дискуссии и внешних оценок, подбирает аргументы с учетом мнения читателей, например: «Грубо говоря (и пусть нас за это критикуют), убеждения – вид информации, мышление – вид вычисления, а мотивация – вид обратной связи и контроля» [Что.., 2017, с. 27].

Поскольку НПД предполагает большую вариативность в оформлении структурных единиц текста, авторы эссе имеют, например, возможность усилить информативно-коммуникативные и экспрессивные функции значимых элементов текста – зачина и концовки. Так, трагическую тональность формирует Ф. Типлер, профессор математической физики Тулейнского университета. Его эссе начинается простым нераспространенным двусоставным повествовательным предложением «Земля обречена» [Что.., 2017, с. 39]. В концовке эссе автор снова к ней возвращается: «Земля обречена, помните?» [Что.., 2017, с. 40]. Апокалипсис становится для ученого эмоциональным фоном, на котором он предлагает оригинальную гипотезу: люди будут загружены в ИИ, «представители ИИ будут рождаться как личности», «для конфронтации между людьми и искусственным интеллектом нет причин» [Что.., 2017, с. 40]. Говоря о гибридности НПД, отмечаем присутствие черт рекламного стиля, а именно, наличие авторского слогана: «Не можешь победить – присоединяйся» [Что.., 2017, с. 40].

В НПД возрастает роль заголовка, он стремимся к новизне, оригинальности, парадоксальности, то есть пытается зацепить внимание читателя; за счет емко сформулированной коммуникативной идеи компенсировать краткость и сжатость аргументации в самом тексте эссе. Назовем некоторые заголовки научно-популярных текстов из книги «Что мы думаем о машинах, которые думают: ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте» (М., 2017): Д. Сасселов «Искусственный интеллект – это я», Э. Г. Лиси «Лично я приветствую наших механических повелителей», Д. Маркофф «Наши господа, рабы или партнеры», Д. Мазер «Это будет дикая гонка», С. Идальго «Машины не думают, но и люди – тоже», Х. Энрикес «Пересадка головы?», Р. Провайн «Держать их на коротком поводке» и др. [Что.., 2017].

При всей дискуссионности о новом будущем человечества, развивающего технологии ИИ, возможности саморазвивающегося ИИ, интенции авторов направлены на доказательство преимуществ нового мира. Резюме тезисов НПД можно выразить словами физика-теоретика Э. Г. Лиси: «Разумные машины смогут заботиться о людях лучше, чем сами люди, и у них будет мотивация, чтобы так поступать, по крайней мере, какое-то время» [Что.., 2017, с. 44].

Заключение

Таким образом, формирование научной фантастики как разновидности жанра подготовило почву для научно-популярного дискурса ИИ. НПД об ИИ расширил характеристику «адресат»: это не только непосвященный читатель, но и ученые, экспертное сообщество, нелояльные читатели-оппоненты, чиновники и бизнесмены, финансирующие научные разработки. Дискурс ориентирован на максимально широкую аудиторию с собственной картиной мира и аксиологией.

Тематика дискурса по большей части носит философский характер, связанный с сосуществованием человека и ИИ, проблемами их взаимодействия. Характерной особенностью НПД являются авторизирующие конструкции самоупоминания, они создают речевой портрет ученого и позиционируют авторскую установку, отношение к проблеме.

НПД имеет ярко выраженную лингвопрагматическую направленность и определяется следующими параметрами: характеристика адресанта / адресата, интенция, тематика, функции, используемые вербальные и невербальные средства.

Жанрообразующий признак НПД по типу коммуникативной цели – создание оценочности, цель информирования вторична. Отмечается тенденция к гибридности НПД, приобретение им функций воздействия, убеждения, свойственных публицистическому стилю. Язык научно-популярных эссе максимально приближен к литературному разговорному языку аудитории. Признаком гибридности научно-популярных текстов об ИИ являются риторические предложения, создающие ситуацию, что делает данный дискурс принципиально открытым и вариативным.

Вариативность построена по принципу «свой» / «чужой». Качественная оценка ИИ как

чужого решается через оппозицию «добро – зло».

Важной частью НПД является система аргументации. Отмечается преобладание риторической аргументации над логической. Научно-популярные тексты имеют маркеры модальности, в частности иронии. Одна из ее функций – нейролингвистическая. Она призвана минимизировать страх некоторой группы читателей перед неизвестным будущим. Для этого используется прием понижения значимости объекта, например, через сравнение, употребление сниженной лексики, авторских неологизмов и др.

Среди дискурсивов-организаторов наибольшее значение имеют формы установления контакта и привлечения аудитории к совместным рассуждениям и действиям. В оформлении структурных единиц текста в НПД усиливается роль заголовка, зачина, концовки.

Библиографический список

1. Анисимова Е. Е., Финк Т. Е. Лингвопрагматический аспект публицистического дискурса о здоровом образе жизни (на примере немецкоязычных журналов «Women's Health» и «Stern. Gesundleben») // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 87–98.

2. Брайтон Г., Селина Г. Искусственный интеллект в комиксах. Москва : Бомбора : Эксмо, 2018. 173 с.

3. Герасимова С. А. Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века // Научный диалог. 2021. № 4. С. 28–41.

4. Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции ted talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266.

5. Вольф М. Н. Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 3. С. 426–440.

6. Козловская Н. В., Мусаева А. С., Сложеникина Ю. В. Транстерминологизация в сфере искусственного интеллекта: к постановке вопроса о субтерминологии // Art Logos. 2023. № 3(24). С. 98–118.

7. Литвинцева Л. В. Искусственный интеллект: беседы со школьниками. Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2019. 312 с.

8. Мюллер Д. П., Массарон Л. Искусственный интеллект для чайников / пер. с англ. В.А. Коваленко. Москва; Санкт-Петербург : Диалектика, 2019. 375 с.

9. Пиковер К. Искусственный интеллект: иллюстрированная история: от автоматов до нейросетей / пер. с англ. А. Ефимовой. Москва : Синдбад, 2021. 220 с.

10. Потопахин В. В. Романтика искусственного интеллекта. Москва : ДМК Пресс, 2017. 168 с.

11. Сидорова Е. А. Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе / Е. А. Сидорова, И. Р. Ахмадеева, Ю. А. Загорулько, А. С. Серый, В. К. Шестаков // Онтология проектирования. 2020. Т. 10. № 4 (38). С. 489–502.

12. Что мы думаем о машинах, которые думают: ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / под ред. Д. Брокмана; пер. с англ. М. Исакова. Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. 548 с.

13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–99.

14. Konovalova E., Nizamieva M. Stylistic devices and expressive means in ted talks lectures on architecture and construction // IOP conference series: Materials Science and Engineering, Kazan, 29 апреля – 15 2020 года. Vol. 890. Kazan, Russia: IOP Science, 2020. P. 012206.

15. Kozlovskaya N. V., Rastyagaev A. V., Slozhenikina Ju. V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4. No 4. P. 78–90.

16. Kulikova E., Barabash V, Tedeeva Z. The Pragmatic Component of Semantics and Its Role in Media Texts // Media Education. 2023. No. 2. P. 302–309.

17. Kuprieva I. A., Smirnova S. B. Formation of the lexeme's corpus for the level model development of language // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, No. 4. P. 80–84.

18. Mitrofanova T. A, Kolesova T. V., Romanova M. S., Romanova E. V. Pragmatic aspect of implicit addressing means in different spheres of communication // Issues and Trends in Interdisciplinary Behavior and Social Science: Proceedings of the 6th International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Sciences, ICIBSoS 2017, Bali, July 22-23, 2017. Bali, 2018. P. 237–244.

19. Phelan M., Arico A., Nichols Sh. Thinking things and feeling things: on an alleged discontinuity in folk metaphysics of mind // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2013. Vol. 12, No. 4. P. 703–725.

20. Van Den Herik Ja. C. Rules as Resources: An Ecological-Enactive Perspective on Linguistic Normativity // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2021. Vol. 20, No. 1. P. 93–116.

21. Wu G., Luo D. Hermeneutics: A Broadening Scope of Inquiry // Technology and Language. 2024. Vol. 5, No. 1(14). P. 1–6.

Reference list

1. Anisimova E. E., Fink T. E. Lingvopragmaticheskij aspekt publicisticheskogo diskursa o zdorovom obraze zhizni (na primere nemeckojazychnyh zhurnalov «Women's Health» i «Stern. Gesundleben») = Linguopragmatic aspect of journalistic discourse on healthy lifestyle (the case study of German-language magazines «Women's Health» and «Stern. Gesundleben») // Vestnik Mos-

kovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2020. № 4. S. 87–98.

2. Brajton G., Selina G. Iskusstvennyj intellekt v komiksah = Artificial intelligence in comics. Moskva : Bombora : Jeksmo, 2018. 173 s.

3. Gerasimova S. A. Dejatel'nost' prosvetitelja-jenciklopedista kak otrazhenie intellektual'noj kul'tury XVIII veka = Work of the enlightener-encyclopedist as a reflection of the XVIII century intellectual culture // Nauchnyj dialog. 2021. № 4. S. 28–41.

4. Viktorova E. Ju. Diskursivno-pragmaticheskaja specifika zhanra lekcii ted talk (skvoz' prizmu funkcionirovanija v nej diskursivov) = Discursive-pragmatic specificity of ted talk genre (through the prism of discourse functioning) // Zhanry rechi. 2019. № 4 (24). S. 254–266.

5. Vol'f M. N. Ritoricheskaja argumentacija v nauchno-populjarnom diskurse: osobennosti i perspektivy = Rhetorical argumentation in popular science discourse: specifics and perspectives // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija. 2020. T. 36. № 3. S. 426–440.

6. Kozlovskaja N. V., Musaeva A. S., Slozhenikina Ju. V. Transterminologizacija v sfere iskusstvennogo intellekta: k postanovke voprosa o subterminologii = Transterminologization in the sphere of artificial intelligence: towards the issue of subterminology // Art Logos. 2023. № 3(24). S. 98–118.

7. Litvinceva L. V. Iskusstvennyj intellekt: besedy so shkol'nikami = Artificial Intelligence: conversations with schoolchildren. Sankt-Peterburg : BHV-Peterburg, 2019. 312 s.

8. Mjuller D. P., Massaron L. Iskusstvennyj intellekt dlja chajnikov = Artificial Intelligence for dummies / per. s angl. V. A. Kovalenko. Moskva; Sankt-Peterburg : Dialektika, 2019. 375 s.

9. Pikover K. Iskusstvennyj intellekt: illjustrirovannaja istorija: ot avtomatov do nejrosetej = Artificial Intelligence: An Illustrated History, From Medieval Robots to Neural Networks / per. s angl. A. Efimovoj. Moskva : Sindbad, 2021. 220 s.

10. Potopahin V. V. Romantika iskusstvennogo intellekta = The artificial intelligence romanticism. Moskva : DMK Press, 2017. 168 s.

11. Sidorova E. A. Platforma dlja issledovanija argumentacii v nauchno-populjarnom diskurse = A platform for studying arguments in popular science discourse / E. A. Sidorova, I. R. Ahmadeeva, Ju. A. Zagorul'ko, A. S. Seryj, V. K. Shestakov // Ontologija proektirovanija. 2020. T. 10. № 4 (38). S. 489–502.

12. Chto my dumaem o mashinah, kotorye dumajut: vedushhie mirovye uchenye ob iskusstvennom intellekte = What we think of machines that think: the world's leading scientists on artificial intelligence / pod red. D. Brokmana; per. s angl. M. Isakova. Moskva : Al'pina non-fikshn, 2017. 548 s.

13. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra = The model of speech genre // Zhanry rechi: sbornik nauchnyh statej. Vyp. 1. Saratov : GosUNC «Kolledzh», 1997. S. 88–99.

14. Konovalova E., Nizamieva M. Stylistic devices and expressive means in ted talks lectures on architecture and construction // IOP conference series: Materials Science and Engineering, Kazan, 29 aprelja – 15 2020 goda. Vol. 890. Kazan, Russia: IOP Science, 2020. P. 012206.

15. Kozlovskaya N. V., Rastyagaev A. V., Slozhenikina Ju. V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4. No 4. P. 78–90.

16. Kulikova E., Barabash V, Tedeeva Z. The Pragmatic Component of Semantics and Its Role in Media Texts // Media Education. 2023. No. 2. P. 302–309.

17. Kuprieva I. A., Smirnova S. B. Formation of the lexeme's corpus for the level model development of language // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, No. 4. P. 80–84.

18. Mitrofanova T. A, Kolesova T. V., Romanova M. S., Romanova E. V. Pragmatic aspect of implicit addressing means in different spheres of communication // Issues and Trends in Interdisciplinary Behavior and Social Science: Proceedings of the 6th International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Sciences, ICIBSoS 2017, Bali, July 22-23, 2017. Bali, 2018. P. 237–244.

19. Phelan M., Arico A., Nichols Sh. Thinking things and feeling things: on an alleged discontinuity in folk metaphysics of mind // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2013. Vol. 12, No. 4. P. 703–725.

20. Van Den Herik Ja. C. Rules as Resources: An Ecological-Enactive Perspective on Linguistic Normativity // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2021. Vol. 20, No. 1. P. 93–116.

21. Wu G., Luo D. Hermeneutics: A Broadening Scope of Inquiry // Technology and Language. 2024. Vol. 5, No. 1(14). P. 1–6.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 81'373.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-118
EDN: RPPYCE

К вопросу об антропонимических формулах в ярославских писцовых книгах 1627, 1628 и 1629 гг.

Жанна Константиновна Гапонова
Кандидат филологических наук, декан факультета русской филологии и культуры, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
jangap1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9248-226X

Аннотация. Писцовые и переписные книги Ярославского уезда содержат ценный для историка языка материал, позволяющий сделать собственно языковые и социокультурные выводы об особенностях функционирования отдельных языковых единиц и мировоззренческих установках русского народа в переходный период от Средневековья к Новому времени. Исследование направлено на восполнение лакуны, существующей в исследованиях исторической, в том числе региональной, антропонимики XVII в. Описание антропонимов – компонентов лексической системы языка, функционирующих по своим внутренним законам, – позволяет автору выделить наиболее частотные модели именования лиц разного социального статуса (преимущественно ремесленников и крестьян), образующие антропонимические формулы, зафиксированные в «Списке с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году». Анализ антропонимов проводится на содержащемся в памятниках деловой письменности ярославского региона, впервые привлекаемом к исследованию историческом материале. Система календарных и некалендарных имен ярославского региона XVII в. показывает, что единая антропонимическая формула еще находилась в стадии становления, поэтому объем сведений о переписываемых ремесленниках и крестьянах, а также способ их представления во многом зависели от субъективной воли переписчиков и того, какие цели преследовало составление документа. Сопоставление полученных данных с выводами ученых-ономатологов других регионов позволяет еще раз поставить вопрос о статусе спорных элементов, включаемых в структуру антропонимической формулы, и дать некоторые комментарии отдельным некалендарным именам, зафиксированным в ярославских источниках.

Ключевые слова: антропоним; антропонимическая формула; антропонимическое тождество; история русского языка; региональная деловая письменность XVII в.; выписи из писцовых и переписных книг; календарные имена; некалендарные имена

Для цитирования: Гапонова Ж. К. К вопросу об антропонимических формулах в ярославских писцовых книгах 1627, 1628 и 1629 гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 118–128. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-118. https://elibrary.ru/RPPYCE

Original article

Towards the issue of anthroponymic formulas in the Yaroslavl census books of 1627, 1628 and 1629

Zhanna K. Gaponova
Candidate of philological sciences, dean of the faculty of russian philology and culture, associate professor at the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
jangap1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9248-226X

Abstract. The scribal and census books of the Yaroslavl district contain valuable material for historians of language, allowing them to make linguistic and socio-cultural inferences about the functioning of specific linguistic units and the mindset of the russian people during the transition from the Middle Ages to the New Time. This research aims to fill a gap in the study of historical, as well as regional anthroponymy of the 17th century. The description of anthroponyms – the components of the lexical system that function according to their internal laws – makes it possible to identify the most common patterns of naming people of different social classes (mainly craftsmen and peasants), forming the

© Гапонова Ж. К., 2024

anthroponymous formulas recorded in the The Copy of Extracts from Yaroslavl Books of Letters and Measures by Ivan Nikitich Golovin and the Clerk Nikon Fedorov, Years 135, 136, and 137. The analysis of these anthroponyms is based on historical material found in the business chronicles of the Yaroslavl region, which has not been studied before. The system of calendar and non-calendar names in the Yaroslavl region in the 17th century shows that a unified anthroponymic formula was still in the stage of formation. Therefore, the amount of information about craftsmen and peasants, as well as how they were presented, depended largely on the subjective will of the scribes and the purpose of the document. The comparison of the Yaroslavl data with the conclusions of onomatologists from other regions raises questions about the status of certain elements in the anthroponymic formula. This leads to further discussion about controversial elements in the name structure and individual non-calendar names found in Yaroslavl documents.

Key words: anthroponym; anthroponymic formula; anthroponymic identity; history of the russian language; regional business writing of the XVII century; extracts from scribal and census books; calendar names; non-calendar names

For citation: Gaponova Zh. K. Towards the issue of anthroponymic formulas in the Yaroslavl census books of 1627, 1628 and 1629. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):118–128. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-118. https://elibrary.ru/RPPYCE

Введение

Историческая региональная антропонимика вызывает интерес научного сообщества, поскольку материал, содержащийся в региональных источниках XV–XVII вв., позволяет сделать не только историко-лингвистические, но и социокультурные выводы, необходимые для формирования представлений о становлении регионального делопроизводства, оформления антропонимов в официальных документах, а также о некоторых мировоззренческих установках русского народа. При этом исследователь из Петрозаводска Л. П. Михайлова, отмечая богатство и своеобразие антропонимии Ярославской земли XVI в., обращает внимание на тот факт, что территория Ярославского Поволжья с точки зрения антропонимики является практически не исследованной [Михайлова, 2016, с. 137].

Несмотря на большое количество работ, посвященных исторической антропонимике (обозначим здесь только фамилии исследователей XXI вв.: И. М. Ганжина, Л. М. Городилова, И. А. Королева, И. А. Кюршунова, Е. Н. Полякова, Е. Ю. Сидоренко и другие), до сих пор нерешенными остаются вопросы, связанные с составом антропонимической формулы; с разграничением прозвищ и некалендарных имен; с происхождением отдельных имен и установлением их статуса; с разграничением фамилий и указанием на имя отца или прозвище; проблемы модификации отдельных имен, когда форма имени не позволяет однозначно определить, к календарному или некалендарному имени оно восходит и какие языковые процессы привели к закреплению той или иной формы имени и т.п.

Так, терминологические проблемы при выборе единицы описания имени собственного подробно обсуждает Л. М. Городилова: «на практике во многих исследовательских работах отразилось неразличение номинативных и идентифицирующих средств, что привело к появлению большого количества терминов: «антропонимическая структура» (Фролов, 1972; Палагина, 1976), «антропосочетание» (Пахомова, 1984), «антропонимическая формула» (Карлова, 1991), «структурная формула именования», «антропонимная формула», «развернутая антропонимическая формула именования», «развернутая антропонимическая структура», «развернутая структурная формула именования» (Королева, 1995; 2000, 2018), «антропонимическое сочетание» (Смольников, 1996; 2005), «именная формула» (Коваленко, 2003), «антропонимическая формула именования лица» (Соловьев, 2005), «модель именования лица», «развернутое именование лица» (Неволина, 2011), «полное имя индивида» (Астахова, 2012) и др.» [Городилова, 2022, с. 1411–1412].

В своей работе мы будем пользоваться термином «антропонимическая формула», поскольку, на наш взгляд, он позволяет формально обозначить составляющие части антропонима, определить их позицию в структуре именования. Кроме того, для нас значимым оказывается и формальный аспект при выборе термина: слова *формула* и *формуляр* являются однокоренными, поэтому весьма логичным кажется для анализа деловых документов с установленным или получившим распространение официальным формуляром использовать однокоренное слово. Вслед за Л. М. Городиловой под антропонимической формулой, у которой выделяются ядерная и периферийная зоны, будем понимать «совокупность сочетания личного имени, патронима, прозвища, фамильного прозвания или фамилии, расположенных в определенной последовательности» [Городилова, 2022, с. 1412].

Как отмечают М. В. Боброва и Е. А. Старцева

в статье «Прозвища в переписных документах XVII в. территории Муллы (Пермский край)», «система официального именования человека в деловом письме XVII в. была достаточно сложной. Наиболее строгой и устойчивой она была в писцовых и переписных книгах, где антропоним был по преимуществу трехсоставным: имя, отчество и (часто уже сложившаяся) фамилия» [Боброва, Старцева, 2016, с. 153]. Вместе с тем данные исследований ономатологов по другим регионам позволяют сделать вывод, что в XVII в. единая антропонимическая формула еще находилась в стадии становления, поэтому объем сведений о переписываемых ремесленниках и крестьянах, а также способ их представления во многом зависели от субъективной воли переписчиков и того, какие цели преследовало составление документа. В силу этого результаты исследования антропонимов, полученные на основании анализа материалов деловой письменности по другим регионам (а на сегодняшний день мы имеем довольно большой пласт работ, посвященных антропонимике в вологодских, воронежских, донских, нижегородских, новгородских, пензенских, пермских, смоленских, тверских и других памятниках деловой письменности), не могут быть механически транслированы на антропонимикон Ярославля. Особый историко-культурный статус ярославских памятников деловой письменности определяется, с одной стороны, близостью к Москве, административно-деловой язык которой стал «образцом для всей территории русского государства», постепенно вытеснив «обычай на местах» [см. об этом: Кортава, 2014], чему немало способствовала работа чиновников Поместного приказа, направляемых на места «писать и мерить» земли, с другой стороны, позицией Ярославля – не просто одного из крупнейших в XVII в. социально-экономических и культурных центров, но столицы (1612 г., как известно, Ярославль на несколько месяцев – с апреля по июль – стал столицей Руси), богохранимого града, формирующей оппозиционное отношение ко всему, что связано с московской государственностью.

Результаты исследования

Цель нашего исследования – описать особенности антропонимов, зафиксированных в ярославских писцовых книгах, выделить наиболее частотные модели именования лиц разного социального статуса, образующие антропонимические формулы, обозначить «статус» составных элементов, включаемых в структуру формул и дать некоторые комментарии отдельным некалендарным именам из ярославских писцовых книг.

Предметом исследования стало 365 антропонимических единиц, выявленных методом сплошной выборки из «Выписи с ярославских книг письма и меры» 1626–1629 гг.

Источником исследования послужил опубликованный в собрании И. А. Вахрамеева список с выписи из писцовой книги, содержащей описания дворов Пажецкой волости, а также Спасской и Богоявленской слобод, Дмитровской сотни и расположенных вокруг них земель города Ярославля 135, 136, 137 гг. [Список с выписей…, 1896], в котором отражены данные валового описания русских земель, предпринятого в 1626/27–1628/29 гг. и прерванного Смоленской войной. Описание вотчинных земель Спасского монастыря было выполнено несколькими комиссиями. Половину Ярославского уезда и Ярославль с Московской стороны были отправлены описывать служивший в московских дворянах Иван Никитич Головин и подьячий Патриаршего Разряда Никон Федоров. С целью более точной идентификации людей, а также выявления антропонимических тождеств, позволяющих уточнить состав ядерной и периферийной зоны антропонимической формулы, к анализу также привлекались «Правая грамота Государя царя и великого князя Михаила Федоровича … 7135 (1627) г.», переписные книги ярославского городского населения 7154 (1646), 7177 (1668), 7178 (1669) и 7180 (1671), опубликованные в 1913 г. Ярославской ученой архивной комиссией. Каждый из этих памятников решал различные социоэкономические задачи. Например, в писцовых книгах 20-х годов XVII в., содержащих данные всеобщей переписи тяглового населения, находит отражение борьба за сохранение особого статуса вотчинных земель ярославского Спасского монастыря: его владения продолжают описываться «посошно», тогда как посадские – «подворно» – вплоть до следующей переписи 1646 г. («*…слободка Спаская и Богоявленскій приходъ тянетъ с сошными людьми с монастырскою вотчиною а не с посадомъ*» [Правая грамота…, 1896, с. 149]), вследствие чего зафиксированные в деловых документах этого периода антропонимические единицы оказываются довольно различными по структуре: писцы не ставят перед собой задачи системного установления родственных связей, отражения рода занятий или предыдущего места приписки переписываемых в

монастырских владениях лиц. Предпринятая по царскому указу перепись Ярославля писцами Тимофеем Алексеевым Собакиным и подьячим Ильей Кирилловым в 1646 г. решала по преимуществу задачу учета населения, поэтому переписчики фиксировали всех облагаемых податями лиц мужского пола, включая детей, тогда как структура и содержание книги 1671 г., отправленной в Москву из Ярославля думным дворянином и воеводой Григорием Михайловичем Аничковым «со товарищи», прямо определены задачей учета не только податных людей, но казенного имущества, включая «*пищалей и всякихъ пушечных запасов и свинцу и зеля*» [стлб. 491]. Эти различия во многом определяют особенности представления антропонимической формулы в разных источниках.

Антропонимические формулы в «Выписей с ярославских книг письма и меры … 135 и 136 и 137 году»

Структурный анализ ярославских именований лиц показывает наличие в ярославской антропонимической системе разнообразных антропонимических формул: одночленных, двучленных, трехчленных и четырехчленных единиц.

Для характеристики структурных элементов в антропонимической формуле воспользуемся буквенными обозначениями, предложенными Е. Ю. Сидоренко (падежные формы не дифференцируются, в выбранных буквах сразу указано происхождение единицы): **X** – христианское имя, **P** – неканоническое имя, **x** – патроним или фамилия, образованные от христианского имени, **p** – патроним или фамилия, образованные от неканонического имени, а также прозвище, указание на побочное занятие лица, его принадлежности к определенной местности, этнического происхождения [Сидоренко, 2004, с. 62].

Одночленные формулы представлены в «Выписи…» 1627–1629 гг. для именования попов, реже дьячков, причем в таких антропонимических формулах, как правило, в препозиции находится указание на чин человека: *попъ Пантелей*, *попъ Григорей*, *дв. попа Бориса*, *дьяконъ Михайла, просвирня Оринка, пономарь Якунка, просвирня Антонидица* (Здесь и далее примеры из «Списка с выписей ярославских книг письма и меры…» даются без указания на источник). Единичны одночленные формулы в «Выписи» для ремесленных людей, например: *портные мастера Пронка да Ивашко.*

Рассмотрим подробнее, какие антропонимические формулы можно выделить среди именований крестьян и ремесленных людей.

Наиболее частотны **двучленные структуры**, среди которых выделяется вариант **X + x** (174 употребления): *Ѳилка Совостьяновъ*, *Обрамко Евтихеевъ*, *Панка Ѳедотовъ, Ивашко Кириловъ*, *монастырской бобыль Мишка Ивановъ*, *монастырской поваръ Логинко Степановъ*, *монастырской пушкарь Тимошка Яковлевъ, Володка Григорьевъ*, *Васка Даниловъ*, *Ѳома Михайловъ, Оска Марковъ, Ивашко Филипповъ, огородникъ Карпунка Ивановъ.*

Еще одним довольно распространенным вариантом двучленной формулы является **X + p** (56 употреблений). Наши наблюдения показывают, что в качестве второго элемента антропонимической формулы может выступать патроним, образованный от неканонического имени (*Ивашко Будиловъ*, *Демка Калининъ*, *Левка Щукинъ, Оска Волкъ, Панко Докукинъ*), или прозвища (*Сергейко да Филка Швилевы, точилщикъ Ивашко Жоминъ, Ивашко Барыгинъ, Ивашко Чювѣра, Ѳедотко Лепешовъ, Мартюшка Шуравинъ огородникъ*). Обратим внимание, что в некоторых указанных примерах может показаться неочевидным отнесение второго компонента к патроним у, например: *Сергейко да Филка Швилевы.* На наш взгляд, мы имеем дело с патронимом *Швилев/Свилев* (в русских говорах довольно частотна мена С/Ш), образованным от прозвища *Свиля*, которое восходит к глаголу *свивать*. Свиля – ‘проворный, бойкий, расторопный человек’ [Даль, 2000, т. 4, с. 148; СРНГ, 2002, т. 36, с. 280]. Как видим в примере из «Выписи…», второй компонент формулы относится сразу к двум лицам, поэтому с большей долей вероятности указывает на то, что достался им от отца, у которого, возможно, было прозвище, впоследствии ставшее основой для образования родовой фамилии.

В случае, когда в качестве второго компонента выступает патроним, образованный от прозвища, определить мотивировочный признак, положенный в основу прозвищного наименования часто оказывается затруднительно по причине либо диалектного происхождения лексемы, либо ее полисемии, а вследствие этого множественной мотивации для наделения человека тем или иным прозвищем. Например, *Жомин* может быть образовано от диалектной единицы *жом*, представленной в говорах двумя омонимами, каждый из которых является полисемантом: ‘жердь для увязывания снопов и сена на возу’

(Арх., Волог. и др.); ‘затруднение, стеснение’ (Арх.); ‘об очень скупом человеке, скряге’ (Волог., Арх., КАССР, Сев.-Двин., Олон., Новг., Яросл., Костром., Пек., Перм.) и др. [СРНГ, 1987, т. 9, с. 214].

Единичны случаи, когда вторым компонентом формулы является единица, указывающая на место рождения или предыдущей приписки лица: *Ивашко Сигорской плотникъ* (от названия селения Сигорь)*, слуга Ѳедоръ Рыбенской* (от названия города Рыбинск), *Ивашко Костромитинъ* (от названия города Кострома), *Илейка Зубчанинъ* (от названия города Зубцов, откуда в Богоявленском приходе было зафиксировано «*шесть человѣкъ прихожихъ людей зубчанъ*» [Правая грамота…, 1896, с. 127]). Это, вероятно определяется тем, что указанные люди платили подати вместе с монастырскими людьми, выйдя из тягла по предыдущему месту жительства.

Следующая двучленная антропонимическая формула указывает на первый компонент – неканоническое имя – и второй компонент – патроним, образованный от христианского имени, **Р + х** (33 употребления): *Вторышка Максимовъ, Неустройка Ефимовъ, Милютка Терентьевъ, Неупокойка Петровъ, Богдашко Панѳильевъ, Дружинка Назарьевъ, Первушка Ивановъ, Баженко Омельяновъ, кузнецъ Неѳедко Іевлевъ, Уланъ Олексѣевъ, Постничко Остаѳьевъ, Жданъ Обросимовъ.*

Самой малочисленной среди двучленных антропонимических формул в «Выписи…» оказалась формула **Р + р** (8 употреблений): *Богдашко Тупицынъ мылникъ, Шестачко Насакинъ, Милютка Платуѳьевъ каменщикъ, Шестачко Адищевъ мясникъ, Дружинка Дунаевскои, Милютка Елцовъ, Любимка Дехтеря, Дружинка Тупица.*

Отмечая тенденции начала XVII века в именовании крестьян, И. М. Ганжина делает вывод, о «подавляющей двучленности формул именования, употреблении личных имен в квалитативных формах, использовании большого количества прозвищ – ср.: *Ивашка Денешка, Третьячок Белюшта* (15), *Офонка Дурей, Ивашко Поскоряй* (16), *Ивашко Кривой, Ивашко Милован, Гришка Ребро* (20) и т.д.» [Ганжина, 2016, с. 131]. Исследователь солидарна с мнением Т. С. Астаховой, пришедшей к выводу, что «для языка среднерусского периода была свойственна конъюнкция личного имени и прозвища, тогда как для современного языка характерна их дизъюнкция» [Цит. по: Ганжина, 2016, с. 131]. В исследуемой «Выписи…» мы наблюдаем иную картину, прозвища выступают в качестве второго члена двучленной формулы только в 12 номинациях: *Ивашко Бѣлогузъ, Ивашка Горбунъ, Ивашко Боранъ, Ивашко Адамъ, Ивашко Чювѣра, Ивашко Голыга, Матюшка Каротышка, Ивашко Дорода, Ивашко Дурнои, Ѳѳонка Щербакъ, Любимка Дехтеря, Дружинка Тупица.* При этом о тенденции к снижению антропонимического веса прозвищ и их переходе в статус идентификаторов свидетельствует тот факт, что, сохраняясь в антропонимических тождествах («*Иванъ Бѣлогузъ живетъ на монастырскомъ вкладномъ дворѣ за монастыремъ лѣтъ с двадцать*» [Правая грамота…, 1896, с. 150]; «*монастырьскои плотникъ Ѳѳонка Щербакъ Овдокимовъ сынъ*» [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), стлб. 228], «*Ивашко Григоревъ сынъ строгалник голыга, у него сынъ Митюшка, а 2 сына Ѳилка да Гришка сошли к Маскве 5 годов и ныне в стрѳлцах в Олексѣеве приказе Мещеринова*» [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), стлб. 236]), они утрачиваются во втором-третьем поколении семьи. Появление в более поздних памятниках патронимов *Дороднов, Тупицын, Горбунов, Дехтерев* на прямую не позволяет связать их носителей с названными лицами.

Трехчленные формулы именования крестьян в ярославских писцовых книгах представлены несколькими разновидностями. Наиболее частотной является формула **Х + х + р** (7 употреблений), которую Е. Ю. Сидоренко в качестве единственной выделяет в своем исследовании памятников деловой письменности XVII века г. Тобольска [Сидоренко, 2004, с. 64]: *Титко Лукьяновъ Лисинъ, Микитка Калининъ башмакъ, Михалко Савинъ Дородновъ, Ортемко Григорьевъ Путятинъ.* Представлено несколько именований, когда третьим компонентом антропонимической формулы является единица, указывающая на место рождения человека: *Ивашко Ивановъ Каловскои* (название от села Калово)*, дв. Ивашко Лукьяновъ Переславца* (от города Переславля), *Сидорка Трофимовъ Романовецъ* (от города Романов),

Среди трехчленных антропонимических формул выявлен в «Выписи» довольно устойчивый вариант фиксации женского имени (среди двучленных формул именования женщин не представлено) – **Х + х/р + жена /дочь**: *вдова Марица Худяковская жена, вдова Онтонидка Васильева дочь, вдова Татьяница Максимовская жена, вдова Маврица Филкина жена детеныша.*

Вариативной оказывается трехчленная формула, в которую включается компонент

сын /дети (5 употреблений): 1 вариант – **X + р + дети:** *Митка да Савка, Поспѣловы дѣти, огородники;* 2 вариант – **X + х + сын/ дети:** *Максимко да Михалка Степановы дѣти монастырскіе масленики, Степанко Макарьевъ сынъ, Илеико до Олѳимко Лукьяновы дети, Оверка Ивановъ сын.*

Замечен единичный случай именования крестьянина в «Выписи», когда третьим компонентом формулы становится матроним – именование по женской линии, используемое в качестве родового имени **(X + х + х)**: *огородникъ Гришка Ивановъ Окулининъ.*

Структура **четырехкомпонентной формулы** представлена в варианте **X + х + сын + р**, который Е. Ю. Сидоренко выявляет как единственный для именования крестьян [Сидоренко, 2004, с. 64] (16 употреблений): *Ѳедка Осиповъ сынъ Щулыгинъ, торгуетъ отъѣзжимъ товаромъ, Иванъ Рукановъ сынъ Пановъ, Васка Давыдовъ сынъ Жареной; Василей Матвѣевъ сынъ Плеснинской, Андрюшка Викуловъ сынъ Урпеневъ (владѣетъ по заемной кабалѣ недѣліцика Богдашки Иванова сына Стоянова, да сына ево Васки 134 году), Макаръ Спиридоновъ сынъ Слѣпышевъ шапошникъ, служка Ивашко Семеновъ сынъ Стряпковъ, Ѳонасей Степановъ сынъ Чернеевъ (владѣетъ но купчей Сенки Васильева сына Иконника посацкого человѣка 129 году), Ѳедка Ѳедоровъ сынъ Вшивая Нагавица.* В последнем примере в качестве родового имени указывается не слово-прозвище, а словосочетание *Вшивая Нагавица.* Любопытным оказывается факт обнаружения такого же сочетания во множественном числе по отношению к другому человеку, причем в источнике указывается на то, что это прозвище, в Переписной книге 1646 г: *дв. вдовы Оринны Дмитреевы – у нея ж живет Ивашко прозвище вшивые нагавицы – у него сынъ Ондрюшка* [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), 1913, стлб. 160]. *Нагавица (ноговица)* – ‘вид обуви или одежды, прикрывающей ноги’ [СлРЯ XI–XVII, 11, с. 415], слово зафиксировано в документах XIV–XVII вв. и сегодня полностью вышло из употребления [Никонов, 1993, с. 83]. Однако в современных говорах слово до сих пор используется в речи в близком к указанному значении: ‘шерстяной чулок без ступни, закрывающий только голень ноги’ (подп., чер.) [СРГК, 4, 34]; ‘носки, гамаши’ (волог., нижегор., иркут.) [СРНГ, 21, с. 264]; ‘вид чулок на вате; гамаши’ [НОС, 6, с. 64].

В ярославской «Выписи» обнаружен интересный пример четырехчленной антропонимической формулы, в которой одновременно представлен вариант христианского и древнерусского дохристианского имени отца: *служка Ермолка Михайловъ сынъ Зыбы.* Как отмечает С. Б. Веселовский, в 1539 г. в северо-восточной части Руси жил крестьянин по имени Зыба. *Зыба, зыбка* – ‘колыбель’; *зыбить* – ‘качать’ [Веселовский, 1974, с. 125]. Лексемы представлены в русских говорах в значениях ‘колыбель, люлька’ (*Баю, баю за зыбою, Отец пошел за рыбою*. Моск., Беломор.; ‘топь, трясина’ (Пек., Слов. Акад. 1907) [СРНГ, 12, с. 27].

В четырехчленных антропонимических формулах может быть представлена вариативность компонентов: **X + р + сын + х** (*Гришка Макарьевъ сынъ Назарьевъ*); **Р + х + сын + р** (*Баженко Омельяновъ сынъ Сорокоумовъ*)*;* **X + х + жена + р** (*вдова Оксиница Васильевская жена Шестова*).

Единичны многочленные наименования лиц, в структуру антропонимической формулы которых входит слово *прозвище*, например: **X + х + прозвище + р** (*дв. Ивашка Ивановъ прозвище стрѣлецъ),* **X + прозвище + р + х** (*дв. дьячекъ Давыдко, прозвище Нежданко Селиванова; дв. Паршка, прозвище Дворка, Сидоровъ*); **X + прозвище + р + х + сын** (*владѣетъ по купчей 127 году продавца посацкого человѣка Ромашки прозвище Дружинки Якимова сына мясника*). Как отмечают исследователи, маркированность именования словом *прозвище* постепенно вытесняется, потому что «с XVII в. проходил активный процесс образования фамилий, и слово прозвище (как и сами прозвища) постепенно уходило из официальных бумаг» [Боброва, Старцева, 2016, с. 153]. Этот процесс находит отражение и в ярославских писцовых книгах. По мнению И. М. Ганжиной, в XVII в. у крестьян уменьшается количество нехристианских имен, они становятся гораздо менее разнообразными по семантике, а те, что несут качественную оценку, в этот период уже переходят в состав прозвищ, занимая второе или третье место в составе именования. Ср.: *Ивашка Ортемьев прозвище Куренок*; *Яков, прозвища Нелюбай, Спиридонов*; *Ивашка Сергеев, прозвище Карла* и др. [Ганжина, 2016, с. 119]. Как показывают приведенные выше примеры, при слове *прозвище*, как правило, употреблялись лексемы, номинирующие человека некалендарным именем или указывающие на его род деятельности. Но в Переписной книге 1646 г. нам встретился пример, когда в качестве прозвища мужчине дается христианское

имя **(Х + прозвище + х + х + сын)**: *монастырьской бобыль Вахромѣико прозвищем Ѳедка Крисанѳиев сынъ – у него дѣти Олешка да Ивашко 7 годов* [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), 1913, стлб. 226]. Анализируя подобную практику на материале пермских источников, М. В. Боброва и Е. А. Старцева обращают внимание на то, что в семьях могли существовать добавочные «домашние» имена, которые родители давали детям до крещения, они также помогали идентифицировать лицо «в ситуации дублирования имен в многодетных крестьянских семьях» [Боброва, Старцева, 2016, с. 155]. Таким образом, бытовым именем выступало имя Федка, тогда как крещен ребенок был в честь святого Варфоломея (Вахромей просторечный вариант греческого имени).

Многочленные антропонимические формулы показывают, что структура могла включать достаточно большое количество компонентов при необходимости точнее идентифицировать человека: *дв. Ульянки Петровской жены Иванова сына Попова.*

Вопрос о статусе в антропонимической формуле компонентов, указывающих на род деятельности человека

Рассматривая ядро и структуру антропонимической формулы, Л. М. Городилова к проблемным вопросам относит «определение статуса лексем со значением ‘название лица по роду деятельности’, ‘название лица по месту рождения или жительства’, ‘название лица по этнической принадлежности’, которые могут располагаться как перед антропонимической моделью, так и после нее» [Городилова, 2022, с. 1413]. Указывая, что среди антропонимистов-историков нет единства мнений, сам исследователь приходит к выводу, что в препозиции такие лексемы, как *бронник, кузнец* и т.п., выполняют характеризующую функцию и могут быть отнесены к идентификаторам, а в постпозиции апеллятивы со значением ‘род деятельности лица’ подверглись десемантизации и стали структурным компонентом антропонимической модели [Городилова, 2022, с. 1416].

Попытки идентифицировать человека среди других в зависимости от определенных целей обусловили, как мы уже отмечали, вариативность антропонимических формул в писцовых и переписных книгах. Отсутствие строго регламентированных норм в оформлении деловых бумаг в XVII веке заставляет исследователей при анализе тех или иных исторических источников обращать внимание на «местную» практику составления определенных типов документов, а в ряде случаев и на особенности стиля того или иного писца, которые, видимо, определялись стоящими перед ним задачами, его коммуникативными способностями, а также (перепись выполнялась «со слов») социокультурным уровнем самих респондентов.

Во многом солидаризируясь с учеными, занимающимися историческим антропонимиконом, и опираясь на анализ ярославских писцовых книг, мы вынуждены прокомментировать некоторые моменты, с которыми позволим себе не согласиться. Ярославская «Выпись…» содержит многочисленные указания на род деятельности человека, которые мы склонны не рассматривать в качестве компонента антропонимической формулы, а считать идентификатором имени: *кузнецъ, плотникъ, портной мастеръ, ремесленые люди, мелникъ, мясникъ, перевощикъ, пушкарь, скоморохъ, щепникъ, рукавичникъ, колашникъ* и многие другие.

Рассмотрим некоторые примеры, свидетельствующие, на наш взгляд, об идентифицирующей функции апеллятивов, указывающих на род деятельности лица. Если такой апеллятив входит в структуру антропонимической формулы, то он должен сохранять статус постоянного структурного компонента, не зависящего от позиции в антропонимической формуле. Рассмотрение антропонимических тождеств, определяющих одно и то же лицо в различных письменных источниках, позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, по отношению к одному и тому же человеку мы можем наблюдать указание на род деятельности в одном источнике и отсутствие этого указания в другом, например: *Наумка Семеновъ* (ср. *Наумко Семенов масленикъ), Калинка Ортемьевъ кирпищикъ* (ср. *Калинка Ортемев сынъ калотилщик, у нево дѣти Першка да Якѵнка 12 годовъ*), *Ивашко Кирилов сынъ овсяникъ (ср. Ивашко Кириловъ); Семейка Семеновъ сынъ сыреищикъ* (ср. *монастырской бобыль Сенка Семеновъ*); *Богдашко Тупицынъ мылникъ* (ср. *Богдашко Яковлевъ сынъ Тупицынъ*); *Оношка Клементьевъ* (ср. *Амоско Клементьев сынъ шапочникъ – у нег дѣти Исачко 16 годов, Гришка 12 годов*); *дв. посадцког человѣка Онашки Евтиѳеева сына—у него сынъ Семейка* (ср. *во дв. Ананя Евтиѳѣевъ портъной мастер у него живет сусед Терентей Иванов нищей бою бердыш*; *во дв. Оношка Евтиеѣев бою копе*; ср. м. *Онашки Евтиѳьева ветошника*). То есть выделенный компонент может считаться необязательным в

структуре имени, если в одном из источников его отсутствие не лишает писца или другого человека возможности идентифицировать личность по указанию на отца. Кроме того, определение профессионального статуса человека с помощью словосочетания лишает, на наш взгляд, возможности выступать ему в качестве компонента антропонимической формулы из-за возникающей избыточности, поскольку впоследствии лишь из одного слова может возникнуть фамилия: *Павликъ портнои мастеръ; Ананя Евтиѳѣевъ портъной мастер*.

Во-вторых, употребление идентификатора по отношению сразу к нескольким людям (*Савка да Якунка строгалники; во дворѣ живутъ монастырскіе бобыли Данилко Ѳедоровъ, Алешка Еремеевъ, Игнашка Ѳедоровъ ветошники*) не позволяет, на наш взгляд, апеллятив считать компонентом индивидуальной антропонимической формулы.

В-третьих, в разных источниках при именовании одного и того же человека может наблюдаться смена пре- и постпозиции идентификатора: *Ѳедка водовозъ* (ср. *монастырской водовозъ Ѳедка Ѳоѳановъ*); *во дв. монастырьского служки Ивашка Горбуна* (ср. *Ивашка Горбунъ, монастырской овчинникъ*); *кузнецъ Олешка Ондреевъ* (ср. *бобыл Олешка ОндрѢевъ сынъ кузнецъ*); *Первушки монастырского повара* (ср. *монастырской повар Первушка Тихоновъ*).

Аргументом в пользу идентифицирующей функции апеллятива, называющего человека по роду деятельности, может стать указание на разные виды деятельности в разных источниках или синонимичные определения при назывании профессионального статуса человека: *Гарасимко Ивановъ хлебникъ* (ср. *Герасимко Иванов сынъ мушникъ); Ѳедка Осиповъ сынъ Щулыгинъ, торгуетъ отъѣзжимъ товаромъ* (ср. в другом источнике *монастырской слушка Ѳетка Осипов сын ѳонарникъ у нег дѣти Ивашко 10 годов да Ортюшка 5 годов*); *Милютка Платуѳьевъ каменщикъ* (ср. *Милютка Евсѣвевъ сынъ Платушев строгалник у нег дѣти Пронка да Лучка да Матюшка*); *дв. Дружинки Овдокимова монастырского портного мастера* (ср. *дв. Дружинка Овдокимовъ каѳтанникъ*).

Однако в том случае, когда наблюдается процесс оформления фамилии из слов, указывающих на профессиональный статус или прозвище, мы, безусловно, можем их считать компонентом антропонимической формулы, например: *Ивашко Замошкин* (ср. в другом источнике: *Ивашко Василев сынъ замошникъ*).

Эти и другие примеры, позволяют обратить внимание, что в исследуемой «Выписи…», имеющей целью учет земель Спасского монастыря и проживающих на них крестьян и ремесленников, Ярославль описывается в составе уезда и при описании городской территории писцов более интересует количество проживающих на дворе душ (некоторые даже не фиксируются поименно: «семнатцать человѣкъ бѣдныхъ людей»), правовые основания, доказывающие владение тем или иным двором. Указание на ремесло или род занятий в равной степени представлено в пре- и постпозиции, зачастую в описаниях людей, проживающих на одном дворе, демонстрирует, что постпозиционно расположенные лексемы со значением ‘род деятельности лица’ в исследуемом памятнике являются идентификаторами и не подвергаются антропонимизации. Таким образом, однозначно делать вывод о необходимости включения компонента, связанного с родом деятельности человека, в антропонимическую формулу в качестве антропонима на основании его положения в постпозиции по отношению к личному имени, нельзя, установить статус этого компонента помогает сопоставление источников, в которых зафиксированы антропонимические тождества. Так, в примере «*Пронка Емельяновъ Пугвичникъ Москвитянинъ*» одновременно присутствуют два идентификатора, указывающие на род деятельности и место рождения человека, что можно установить, сопоставив эту формулу с представленной в другом источнике: *монастырской бобыл Пронка Емелянов сынъ шрвошник у него сынъ Петрунка бежал в прошлом во 153-м году, другой Ванка 15 лѣт* [Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.), 1913, с. 227], согласно которому пришлый человек Прохор Емельянов сменил ремесло.

Как правило, тенденция к антропонимизации наблюдается в двучленных формулах: *Огаѳонко кирпищикъ, Васка торочешникъ, монастырской служебникъ Васка токарь, монастырской служебникъ Томилко бочкарь, служки Савки Шубина* (ср. *сошка Савка Ѳедоровъ сын Шубинъ*) – и реже в многочленных: *дв. Ивашка Ивановъ прозвище стрѣлецъ; Ѳедка Ивановъ сынъ Свечинъ*.

Заключение

Таким образом, результаты исследования антропонимов, полученные на основании анализа ярославских писцовых книг первой половины XVII в. свидетельствуют о переходном характере

деловой письменности в рассматриваемый период. Разнообразие антропонимических формул показывает отсутствие в первой половине XVII века жесткозакрепленных моделей именования человека, о трансформации антропонимической формулы в зависимости от типа документа и решаемых в процессе его составления задач. Самой частотной антропонимической формулой в ярославском «Списке с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году» является двучленная структура: личное христианское имя + патроним, также образованный от христианского имени (174 антропонима или 48 % от общего количества проанализированных единиц), группы трехчленных и четырехчленных именований малочисленны по сравнению с другими памятниками деловой письменности XVII века г. Ярославля и представлены примерно одинаковым количеством употреблений. Полученные данные позволяют сделать вывод, характерный для большинства территорий России: в первой половине XVII веке лишь наметились тенденции формирования антропонимической модели, близкой современной. При этом ярославские писцовые и переписные книги содержат богатый антропонимический материал, фиксирующий практику функционирования некалендарных имен и прозвищ, их семантические особенности, который требует дальнейших исследований для определения степени соответствия Ярославского Поволжья общероссийским тенденциям формирования антропонимикона.

Библиографический список

1. Боброва М. В., Старцева Е. А. Прозвища в переписных документах XVII в. территории Муллы (Пермский край) // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.). Арзамас – Саров : Интерконтакт, 2016. С. 153–156.

2. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Москва : Наука, 1974. 382 с.

3. Ганжина И. М. Антропонимическое пространство средневекового города (на материале «Дозорной книги города Твери 1616 года») // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции, Арзамас, 13–16 сентября 2016 года. Арзамас : Интерконтакт, 2016. С. 129–133.

4. Ганжина И. М. Об основных тенденциях антропонимической номинации преднационального периода (на материале тверских памятников деловой письменности XVI–XVIII веков) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 114–121.

5. Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.) книги переписныя переписи Тимофея Алексьева Собакина и подьячаго Ильи Кирилова// Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 77–240. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).

6. Город Ярославль. 7177 (1668 г) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 241–372. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).

7. Город Ярославль. 7178 г. (1669 г.) книги переписные Ярославлю городу // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 373–490. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).

8. Город Ярославль. 7179. (1671 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль : Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 491–584. (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии; Кн. 6. Вып. 3–4).

9. Городилова Л. М. Статус пограничных компонентов антропонимической формулы в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики = Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1410–1417.

10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва : Русский язык, 2000.

11. Кортава Т. В. О русской канцелярской традиции // Вестник ТГГПУ. 2014. №4 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-kantselyarskoy-traditsii (дата обращения: 01.06.2024).

12. Михайлова Л. П. Из антропонимии Ярославского правобережья (по писцовым материалам XVI века) // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.). Арзамас – Саров : Интерконтакт, 2016. С. 133–137.

13. Никонов В. А. Словарь русских фамилий. Москва : Школа-Пресс, 1993. 224 с.

14. Новгородский областной словарь (НОС): в 13 вып. Вып. 6. Новгород : Изд-во Новг. пед. ин-та, 1994.

15. Правая грамота Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и отца его Государева Великого Государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси на Спасову слободку и на Богоявленской приход и в Кремле городе и в остроге и за острогом и на посаде и на монастырские дворы и в них на жильцов и на служебников и на крестьянские дворы и на огородные места 7135 (1627) г. // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. Т. 1. Москва : Синодальная типография, 1896. С. 124–155.

16. Сидоренко Е. Ю. Структуры антропонимической формулы в Тобольской деловой письменности XVII века // Традиции славяно-русской культуры в Сибири: материалы 26-ой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 24 мая – Дню равноапостольных Кирилла и Мефодия, празднованию Сибирской пушкинианы. Тюмень, 2004. С. 63–66.

17. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК): в 6 в. Вып. 4. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 685 с.

18. Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 1–50. Санкт-Петербург : Наука, 1966–2017.

19. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII): в 31 т. Т. 11. Москва : Наука, 1986. 456 с.

20. Список с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. Т. 3: Выписки из писцовых и переписных книг. Москва : Синодальная типография, 1896. С. 1–85.

Reference list

1. Bobrova M. V., Starceva E. A. Prozvishha v perepisnyh dokumentah XVII v. territorii Mully (Permskij kraj) = Nicknames in the XVII century census documents of Mulla territory (The Perm region) // Onomastika Povolzh'ja: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Arzamas, 13–16 sentjabrja 2016 g.). Arzamas – Sarov : Interkontakt, 2016. S. 153–156.

2. Veselovskij S. B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishha i familii = Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames. Moskva : Nauka, 1974. 382 s.

3. Ganzhina I. M. Antroponimicheskoe prostranstvo srednevekovogo goroda (na materiale «Dozornoj knigi goroda Tveri 1616 goda») = Anthroponymic space of a medieval city (based on the «Watch Book of the City of Tver in 1616») // Onomastika Povolzh'ja: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Arzamas, 13–16 sentjabrja 2016 goda. Arzamas : Interkontakt, 2016. S. 129–133.

4. Ganzhina I. M. Ob osnovnyh tendencijah antroponimicheskoj nominacii prednacional'nogo perioda (na materiale tverskih pamjatnikov delovoj pis'mennosti XVI–XVIII vekov) = On the main tendencies of anthroponymic nomination in the pre-national period (the case study of Tver business documents of the XVI–XVIII centuries) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. 2016. № 1. S. 114–121.

5. Gorod Jaroslavl'. 7154 g. (1646 g.) knigi perepisnyja perepisi Timofeja Aleks'eva Sobakina i pod'jachago Il'i Kirilova = The city of Yaroslavl. 7154 (1646) the census books of Timofey Alekseev Sobakin and scribe Ilya Kirilov // Jaroslavskie piscovye, dozornye, mezhevye i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 77–240. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

6. Gorod Jaroslavl'. 7177 (1668 g) perepisnaja kniga po g. Jaroslavlju = The city of Yaroslavl. 7177 (1668) the census books of Yaroslavl // Jaroslavskie piscovye, dozornye, mezhevye i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 241–372. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

7. Gorod Jaroslavl'. 7178 g. (1669 g.) knigi perepisnye Jaroslavlju gorodu = The city of Yaroslavl. 7178 (1669) the census books of the city of Yaroslavl // Jaroslavskie piscovye, dozornye, mezhevye i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 373–490. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

8. Gorod Jaroslavl'. 7179. (1671 g.) perepisnaja kniga po g. Jaroslavlju = The city of Yaroslavl. 7179 (1671) the census book of Yaroslavl // Jaroslavskie piscovye, dozornye, mezhevye i perepisnye knigi XVII v. Jaroslavl' : Tipo-lit. Nikolaevoj, 1913. Stlb. 491–584. (Trudy Jaroslavskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii; Kn. 6. Vyp. 3–4).

9. Gorodilova L. M. Status pogranichnyh komponentov antroponimicheskoj formuly v pamjatnikah delovoj pis'mennosti Prienisejskoj Sibiri XVII v. = Gorodilova L. M. The status of anthroponymic formula border components in the business documents of the East Siberia in the XVII century // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice. 2022. T. 15. Vyp. 5. S. 1410–1417.

10. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language : v 4 t. Moskva : Russkij jazyk, 2000.

11. Kortava T. V. O russkoj kanceljarskoj tradicii = On the Russian clerical tradition // Vestnik TGGPU. 2014. №4 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-kantselyarskoy-traditsii (data obrashhenija: 01.06.2024).

12. Mihajlova L. P. Iz antroponimii Jaroslavskogo pravoberezh'ja (po piscovym materialam XVI veka) = From the Yaroslavl right river bank anthroponymy (based on the XVI century scribal materials) // Onomastika Povolzh'ja: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Arzamas, 13–16 sentjabrja 2016 g.). Arzamas – Sarov : Interkontakt, 2016. S. 133–137.

13. Nikonov V. A. Slovar' russkih familij = The Dictionary of Russian surnames. Moskva : Shkola-Press, 1993. 224 s.

14. Novgorodskij oblastnoj slovar' (NOS) = Novgorod regional dictionary (NRD) : v 13 vyp. Vyp. 6. Novgorod : Izd-vo Novg. ped. in-ta, 1994.

15. Pravaja gramota Gosudarja carja i velikogo knjazja Mihaila Fedorovicha vseja Rusi i otca ego Gosudareva Velikogo Gosudarja svjatejshego patriarha Filareta Nikiticha Moskovskogo i vseja Rusi na Spasovu slobodku i na Bogojavlenskoj prihod i v Kremle gorode i v ostroge i za ostrogom i na posade i na monastyrskie dvory i v nih na zhil'cov i na sluzhebnikov i na krest'janskie dvory i na ogorodnye mesta 7135 (1627) g. = The right charter of the

Sovereign Tsar and Grand Duke Mikhail Fedorovich of All Russia and his father, the Grand Sovereign, His Holiness Patriarch Philaret Nikitich of Moscow and All Russia for Spasova Slobodka and for the Epiphany parish and in the Kremlin city and in the prison and behind the prison and on the settlement and for the monastery yards and in them for tenants and servants and peasant yards and on the garden plots 7135 (1627) // Istoricheskie akty Jaroslavskogo Spasskogo monastyrja / izd. I. A. Vahrameevym. T. 1. Moskva : Sinodal'naja tipografija, 1896. S. 124–155.

16. Sidorenko E. Ju. Struktury antroponimicheskoj formuly v Tobol'skoj delovoj pis'mennosti XVII veka = Anthroponymic formula structures in Tobolsk business writing of the XVII century // Tradicii slavjano-russkoj kul'tury v Sibiri: materialy 26-oj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 24 maja – Dnju ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodija, prazdnovaniju Sibirskoj pushkiniany. Tjumen', 2004. S. 63–66.

17. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej (SRGK) = Dictionary of Russian dialects of Karelia and neighboring regions (SRDK) : v 6 v. Vyp. 4. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1999. 685 s.

18. Slovar' russkih narodnyh govorov (SRNG) = Dictionary of Russian folk dialects (DRFD). Vyp. 1–50. Sankt-Peterburg : Nauka, 1966–2017.

19. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language in XI-XVII centuries. (SlRJa XI–XVII): v 31 t. T. 11. Moskva : Nauka, 1986. 456 s.

20. Spisok s vypisej jaroslavskih knig pis'ma i mery Ivana Nikiticha Golovina da pod'jachego Nikona Fedorova, 135 i 136 i 137 godu = The Copy of Extracts from Yaroslavl Books of Letters and Measures by Ivan Nikitich Golovin and the Clerk Nikon Fedorov, Years 135, 136, and 137// Istoricheskie akty Jaroslavskogo Spasskogo monastyrja / izd. I. A. Vahrameevym. T. 3: Vypiski iz piscovyh i perepisnyh knig. Moskva : Sinodal'naja tipografija, 1896. S. 1–85.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 30.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 81.42
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-129
EDN: RQEFQO

Речевой акт лжи в аспекте категории когерентности в русском языке

Алексей Владимирович Глазков
Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дискурсивных практик, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82
alexy.glazkow@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9115-6745

Аннотация. В статье рассмотрена система когерентных отношений в речевом акте лжи. Логико-коммуникативный подход, реализованный в исследовании, позволяет сконцентрировать внимание не семантике и прагматике ложных сообщений, на механизме реализации цели лжеца – не дать адресату обнаружить, что сообщение ложно. Показано, что направления соответствия ложного высказывания «от слова к миру» не отражает реальное положение вещей, а создает некую виртуальную, модально контрастную систему, необходимую для достижения коммуникативной задачи лжи. Выявлено внутреннее отсутствие когерентности в системе сообщения, содержащего ложь. Противопоставлены два типа когерентных отношений в ложном сообщении: расщепление и разветвление. Первый тип означает, что на входе и выходе ложного сообщения находятся когерентные предложения, позволяющие скрыть ложь. Второй тип означает отсутствие такого предложения, что приводит к нарушению речевого акта лжи: ложь в таком случае может быть вскрыта. Анализ когерентной структуры составляет основу внутреннего механизма восприятия высказывания, позволяющего отделить истинное от ложного. Обнаружение такого механизма дает возможность утверждать, что ложь не следует рассматривать как нарушение Принципа Кооперации. В завершение статьи рассмотрены два кейса. Анализ когерентности в кейсах основан на методике анализа текстуальных групп – произвольных последовательностей предложений, к которым применяется параметры текстуального анализа. Главной задачей методики является определение характера связей между предложениями. В Кейсе 1 проанализирована внутритекстовая некогерентная текстуальная группа, созданная автором при использовании метода доказательства от противного. В Кейсе 2 представлена система некогерентных текстуальных групп на примере сопоставления продающего текста и отзывов клиентов.

Ключевые слова: когерентность; речевой акт; ложь; текстуальность; направление соответствия; интенциональное состояние; семантика; прагматика

Для цитирования: Глазков А. Г. Речевой акт лжи в аспекте категории когерентности в русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 129–138. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-129. https://elibrary.ru/RQEFQO

Original article

The speech act of lying in the aspect of the coherence category in the russian language

Alexey V. Glazkov
Candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of discursive practices, Russian Presidential academy of national economy and public service. 119571, Moscow, Vernadsky pr., 82
alexy.glazkow@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-9115-6745

Abstract. The article considers the system of coherent relations in the lying speech act. The logical-communicative approach used in the study helps to focus on the semantics and pragmatics of false messages, on the mechanism of realizing the liar's goal which is to prevent the addressee from discovering that the message is false. The author shows that the false statement compliance directions «from word to the world» do not reflect the real state of affairs, but create a certain virtual, modally contrastive system necessary to achieve the communicative goal of lying. There is an intrinsic lack of coherence in the system of a message containing lies. The article contrasts two types of coherent relations in a false message: splitting and branching. The first type means that there are coherent sentences at the input and output of the false message that can hide the lie. The second type means the absence of such a sentence, which leads to breaking the speech act of lying: the lie in such a case can be revealed. The analysis of the coherent structure underlies the inter-

© Глазков А. Г., 2024

nal mechanism of the statement perception, which helps to separate the truth from the lie. The discovery of such a mechanism suggests that a lie should not be regarded as a violation of the Principle of Cooperation. The article concludes with two case studies. Coherence analysis in the cases is based on the methodology of analyzing textual groups - arbitrary sequences of sentences to which textual analysis parameters are applied. The main objective of the methodology is to determine the nature of the relationship between the sentences. Case 1 discusses a non-coherent textual group created by the author using the opposite proof method. Case 2 considers a system of non-coherent textual groups using the example of comparing the selling text and the customers feedback.

Key words: coherence; speech act; a lie; textuality; direction of compliance; intentional state; semantics; pragmatics

For citation: Glazkov A. G. The speech act of lying in the aspect of the coherence category in the russian language. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):129–138. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-129. https://elibrary.ru/RQEFQO

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу соотношения двух категорий: категории лжи и категории когерентности. И одна, и другая имеют глубокую историю изучения, однако вопрос о том, насколько когерентно ложное высказывание, остался, как видится, без внимания. Возможно, причина заключается в том, что когерентность часто рассматривается как некоторое свойство дискурса, который им обладает или к нему бесконечно приближается (например, М. Л. Макаров указал, что «когеренция проявляется во взаимодействии стратегий, в „удачно разыгранном" диалоге, в котором все ходы участников соответствуют их общим, глобальным целям» [Макаров, 2003, с. 195–196]). Такой подход не требует постановки проблемы об отсутствии когерентности в дискурсе или о ее градуальном характере. Однако в последнее время особенно при изучении дискурсов (особенно в медиасреде) приводит к обнаружению отсутствия строгой цельности (как это отметила Л. В. Селезнева в отношении PR-дискурса [Селезнева, 2016]), а следовательно, и когерентности.

В настоящем исследовании мы понимаем под когерентностью категорию текстуальности, позволяющую установить непротиворечивость текстуальной группы – произвольного множества предложений. Мы отстаиваем идею, что непротиворечивость дискурса как его свойство есть следствие логической консистентности предложений в рассматриваемой текстуальной группе.

К наиболее значимым исследованиям в области лжи отнесем коллективный труд «Логический анализ языка. Между ложью и фантазией» [Логический анализ языка, 2008], работы таких зарубежных исследователей, как Майбауэр [Meibauer, 2014], В. Худы [Chudy, 2003]. Важными для российской науки являются работы А. В. Ленец [Ленец, 2010, 2013, 2016], где рассмотрены языковые характеристики лжи на материале немецкого языка.

Настоящая статья, объектом которой является речевой акт лжи, ставит своей целью рассмотрение ложного высказывания в логико-коммуникативном аспекте. Мы намерены показать семантико-прагматическую структуру сообщения, содержащего интенцию лжи, и установить специфику отношений когерентности между предложениями, образующими такое сообщение.

Ложь как речевой акт

Рассмотрим тривиальный случай лжи: автор сообщает адресату некоторую информацию, которая является заведомо ложной. Например, отвечая маме на телефонный звонок сидящая в кафе студентка сообщает:

(1) *Мама, я на паре*.

Сопоставим это высказывание с высказыванием, являющимся правдивым:

(2) *Мама, я в кафе*.

С одной стороны, оба высказывания представляют собой репрезентативные, или ассертивные, речевые акты, когда говорящий сообщает о некотором фрагменте реальности. Различие, как, например, указывает А. В. Ленец, в том, что в (1) особенность ассертива состоит «в ложной ответственности отправителя за сообщение / утверждение» [Ленец, 2013, 87], в (2), соответственно, этого нет. Ложное высказывание подавляет некоторые принципы кооперации [Ленец, 2016]. Соглашаясь с данной точкой зрения, обратим внимание еще на одну существенную категорию в теории речевых актов – на категорию *направления соответствия,* описанную еще Дж. Остином [Austin, 1953]. Направление соответствия устанавливается, исходя из того, фиксирует сообщение некоторого положения дел реальности или, наоборот, сообщение призвано формировать некоторое положение дел реальности. Соответственно, первое отражает модель «мир→ слово», а второе – «слово → мир» [Yule, 1996, p. 55]. Репрезентатив как речевой акт отвечает направлению соответствия «мир → слово», что вполне соответствует предложению (2), отражающему действительное положение дел. Предложение (1), напротив, отвечает модели «слово → мир», так как автор сообщения описывает некоторую ситуацию, которая отсут-

ствует в нашем возможном мире. Модель «мир → слово» создает определенные ограничения для автора сообщения, связанные с тем, каким является окружающий мир. Если девушка находится в кафе, а не в университете, то она имеет некоторую парадигму возможных предложений, которыми эта ситуация может быть представлена. Эта парадигма бесконечна, так как невозможно представить исчерпывающее множество таких предложений, но она ограниченна в том смысле, что существуют не входящие в нее предложения, которые и составляют бесконечное множество ложных сообщений.Если понимать под словом *мир* наш возможный мир, то граница между нашем возможным миром и другими мирами, где девушка находится на паре в университете, и есть граница между истинным и ложным. Однако этот мир не влияет на девушку, так как она сама создает его в своем высказывании, а тогда возникает вопрос, является ли предложение (2) репрезентативом и отвечает ли модели «слово → мир».

Разрабатывая теорию речевых актов, Дж. Сёрль предложил использовать еще одно понятие – интенциональное состояние. Трактуя интенциональность как направленность «на объекты и положение дел внешнего мира» [Сёрль, 1987, с. 96], Сёрль выделил целое множество интенциональных состояний, таких, как вера, страх, надежда, желание, любовь, ненависть и т. д. – он указал, что приведенный им список является неполным [Сёрль, 1987, с. 99]. Все они должны иметь объект, должны быть о чем-то. Поэтому, кстати, в английском языке наряду со словом *intentionality* используется термин *aboutness* (ср. [Yablo, 2014]). Таким образом, интенциональность – это категория, которая делит мир на субъект и объект, причем объект ставится в зависимость об субъекта. В выражениях типа *Я уверен, что P* или *Я сомневаюсь, что P* говорящий берет на себя ответственность за то, что сказано. Он указывает, что созданный им образ реальности X поставлен в зависимость от того, как ему реальность видится.Можно ли ложь рассматривать как интенциональное состояние? В списке Сёрля имеется состояние *фантазия*. Это значит, что, когда некто фантазирует, выдумывает нечто, выдумка становится объектом его состояния. Вполне может иметь место высказывание *Я выдумал то, что*. Однако высказывание *Я обманываю, говоря, что* невозможно, так как в этом случае ложь сразу перестанет быть ложью. Ложь точно так же имеет объект – сообщение, в которое должен поверить адресат и которое никаким образом не должно быть маркировано как ложь, хотя сам автор знает, что он лжет. Ощущение лжи, обмана существует в ментальном мире человека. Один лжет легче, другой испытывает угрызения совести, но во всех случаях говорение лжи, «обманывание» – особое интенциональное состояние человека, имеющее свою языковую корреляцию.В таком случае ложь как речевой акт имеет под собой интенциональное состояние обмана и интенцию транслировать ложное сообщение, причем оно должно быть так «упаковано», чтобы адресат не распознал лжи. Очевидно, в этом заключается один из компонентов иллокутивной силы высказывания. Тогда можно сказать, что имеет место не собственно репрезентатив, а имитация репрезентатива, не нарушающая Принцип Кооперации, а представляющая собой один из видов кооперации, когда адресат ставит / не ставит под сомнение содержание сообщения.

Несмотря не то, что правда оказывается немаркированным членом оппозиции «правда – ложь» (в ряде языков, в том числе в русском, отсутствует специальный глагол, обозначающий, что человек говорит правду; В. Худы также указывал, что в польском языке можно увидеть отглагольное существительное *prawdomówienie*, хотя отсутствует глагол **prawdomówić*), в сознании человека существует особый инференциональный механизм верификации, ставящий под сомнение истинность сообщения. В русском языке это называется словом *доверчивость*: доверчивый человек – тот у которого этот механизм ослаблен, у недоверчивого он, напротив, постоянно активен.Задача лгущего – усыпить бдительность недоверчивого человека и создать у того ощущение получения истинной информации. Такова перлокутивная составляющая речевого акта. Тому, как этого добиться, мы и посвящаем основную часть нашего исследования.

Семантическое и прагматическое содержание лжи в аспекте когерентности

Ложное сообщение, если оно имеет интенцию обмана, сложнее по содержанию, чем истинное сообщение. Кроме передаваемого, оно должно иметь другое, истинное значение, точнее – то, которое автор считает истинным. Пусть предложение содержит некоторую пропозицию, которую автор считает ложной, обозначим ее через p_F. Тогда должно существовать некоторое непустое множество $\neg p_F = p_T$, такое, что любая пропозиция $p_n \in p_T$ несовместима с p_F. Данное условие является достаточным и необходимым. Действительно, если p_Tпусто, то выраженная пропозиция будет единственной, а следовательно, не может быть ложной по интенции говорящего. От противного

доказано достаточное условие. Необходимость доказывается тем, что существование любой истинной пропозиции, несовместимой с p_F, делает последнюю ложной.

Данная модель ложного высказывания имеет в своем составе интенцию автора, намеренного сообщить ложь. Что касается инференциональной модели, то окажется, что коммуникация будет успешной (для автора), если адресат не вскроет интенцию лжи. И если он не вскроет ее никогда, то с его точки зрения он не будет иметь оснований утверждать, что он был обманут. И для него семантическая и прагматическая структура принятого сообщения ничем не будет отличаться от обычного репрезентатива, когда автор сообщает истинную (по его мнению) информацию.

Возникает вопрос, как распознается ложная информация. В своем диссертационном исследовании А. В. Ленец (на материале немецкого языка) выявила речевые маркеры, способные свидетельствовать о том, что сообщение содержит ложь [Ленец, 2010]. Имеется целый ряд работ из области психологии, криминалистики, которые также позволяют обнаружить маркеры ложного высказывания. Однако представим себе, что такие маркеры отсутствуют, и зададимся вопросом, каким образом можно установить ложность. Если сформулировать задачу в общем виде – какова дискурсивная природа ложного сообщения, каково его место в дискурсивной практике?

Семантическая сложность ложного высказывания требует выделения в нем семантического (непосредственно вытекающего из лексической и грамматической структуры предложения) и прагматического компонентов. Очевидно, что ложная пропозиция не может относиться к семантическому компоненту, она лежит в области прагматики и оказывается сродни импликатуре. Еще П. Грайс в статье «Логика и речевое общение» [Grice, 1989] выделил три типа импликатур: конвенциональные (вытекающие непосредственно из значения предложения и, прежде всего, его культурной составляющей), общие конверсационные (вытекающие из логики построения высказывания) и частные конверсационные импликатуры (вытекающие из ситуации общения). Впоследствии в прагматике теория импликатур Грайса испытала серьезные преобразования (отметим работы Л. Хорна [Horn, 2004] и С. Левинсона [Levinson, 1983], которые делали акцент на логическом аспекте изучения высказывания, а поэтому во главу угла ставили общие конверсационные импликатуры; работу К. Баха, который, ссылаясь на оговорку Грайса, отказал конвенциональным импликатурам в прагматическом статусе, переведя их в область «Что сказано?», то есть семантики [Bach, 1999, p. 365]). Однако описание Грайсом частных конверсационных импликатур осталось в целом актуальным по настоящее время, и в большинстве работ сам термин «импликатура» ассоциируется именно с этим типом. Если считать, что ложная составляющая значения предложения имеет прагматический характер (что и отмечает в своих исследованиях А. В. Ленец), то искать его надо именно в области частной конверсационной импликатуры. Это, в свою очередь, означает, что ложное высказывание существует как ложное только в процессе коммуникации и не имеет некоторой внутренней ложности. Даже если на клетке со слоном написано «Буйвол», сама по себе надпись «Буйвол» не ложна: ее ложность следует из того, что видящий слона в клетке ожидает надписи «Слон», а тем самым ложность проявляется в конфликте двух сообщений. Коммуникативный конфликт, формирующий ложность высказывания, должен быть скрыт в речевом акте лжи. Таким образом, между автором и адресатом идет постоянная игра, когда первый скрывает ложь, а второй ее распознает и разоблачает. Далее дадим описание такой системы с использованием категории когерентности.

Когерентностный подход к анализу лжи

Под **когерентностью** в настоящем исследовании понимается категория текстуальности, позволяющая определить непротиворечивость последовательности предложений (текстуальной группы). Текстуальная группа признается когерентной, если противоречия между предложениями отсутствуют или все противоречия разрешаются внутри текстуальной группы. Данное условие обеспечивает когерентность дискурса как его свойство [Макаров, 2003] и позволяет провести формальный анализ когерентности.

Когерентными будут следующие текстуальные группы.

(3) /1/ *Анны нет дома*. /2/ *Анна в кафе*.

(4) /1/ *Анна в кафе*. /2/ *Кофе стынет*.

(5) /1/ *Анна в кафе*. /2/ *Потом она пойдет на пару.*

В (3) предложение /1/ отрицательное, оно семантически сложнее утвердительного, поскольку содержит в себе как буквальное значение, так и значение любой пропозиции, способной указать местонахождение Анны за пределами дома.

В (4) когерентность обеспечивается тем, что предложение /1/ выражает общую ситуацию, для которой ситуация остывания кофе (предложение /2/) является частной – включается в нее.

В (5) предложения представляют собой последовательность ситуаций (в ситуационной семантике был дан термин «цепочка событий» [Barwise, Perry, 1999, p. 56]). Когерентность предложений в группе создается за счет того, что ситуации тривиально могут следовать одна за другой, в их последовательности нет нарушения обыденной смены событий.

Некогерентными являются группы, в которых содержатся семантические противоречия, не разрешенные внутри группы.

(6) /1/ *Анна дома*. /2/ *Анны нет дома*.

(7) /1/ *Анна в кафе*. /2/ *Анна на паре*.

Группы (6) и (7) некогерентны при условии кореферентности объектов (речь идет об одной и той же Анне) и совпадении времен ситуаций. Если же будет указание, что ситуации предложений из (6) имеют разные временные характеристики, то есть на временном интервалеτ_1 Анна была дома, а на интервалеτ_2 ее дома не было, когерентность группы не нарушена. При тех же условиях либо при условии, что речь идет о разных девушках по имени *Анна*, когерентной может быть и группа (7).

Чтобы перейти к рассмотрению вопроса о речевом акте лжи,проанализируем когерентность одной из групп более подробно и снова обратимся к примеру (5), где предложение /1/ имплицитно имеет в своей семантической структуре множество пропозиций, более точно определяющих местонахождение Анны. При условии тождества любой из данных пропозиций с выраженной или невыраженной пропозицией другого предложения создается эффект когерентности предложений в группе. При этом неважно, из какого числа предложений будет состоять группа. Рассмотрим схему.

Рисунок 1. Система когерентности текстуальных групп с отрицательным предложением

Мы выделили 3 ступени пропозиций: Р1 – это основная пропозиция, указывающая на отсутствие Анны дома; пропозиции ступени Р2 обозначают, где находится Анна; пропозиции ступени Р3 обозначают, что делает Анна в указанном месте. Каждое из предложений, выражающих пропозиции уровня Р2, будет когерентно предложению /1/, если не учитывать интенцию автора, желающего сказать правду или солгать. При этом предложения, выражающие пропозиции ступени Р3, когерентны только одному из предложений, выражающих пропозицию ступени Р2. В общем виде скажем, что когерентны могут быть только цепочки вида Р2n – Р3n. Тогда если некоторая цепочка Р2k – Р3k истинна, то все остальные выражают ложь.

Добавим еще одно предложение *Анна вернулась домой* на ступени Р4. Оно когерентно с первым предложением группы, если времена τ_{P1} и τ_{P4} различаются так, что второе позже первого. Соблюдение данного условия приводит к тому, что указанные предложения когерентны, независимо от того, были ли когерентны предложения, выражающие пропозиции ступеней Р2 и Р3 и выражают ли все возможные предложения ложь или истину. Это видно на схеме, поскольку все представленные различные ситуации сводятся к одной.

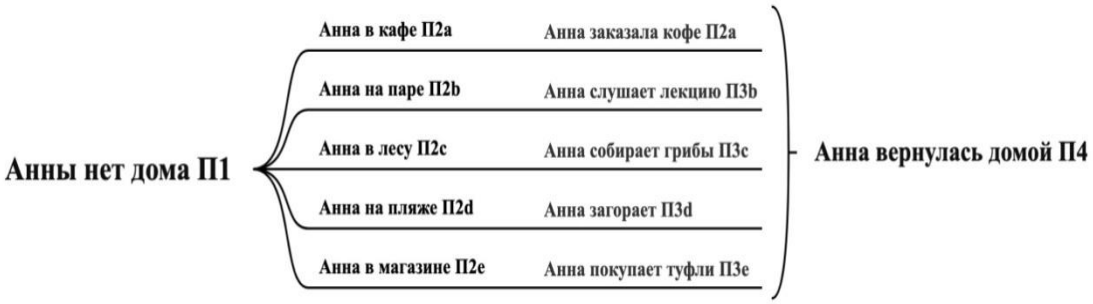

Рисунок 2. Схема когерентности текстуальных групп с расщеплением реальности

Такую схему мы называем расщеплением реальности и определяем как «существование некогерентных кореферентных ситуаций» [Глазков, 2018, с. 125]. Для расщепления реальности характерно наличие двух точек: точки расхождения и точки схождения, между которыми располагаются взаимно некогерентные предложения, которые и создают расщепления реальности.

Добавим в систему групп еще одно предложение: *Анна навсегда уехала в Питер*, которое займет свою позицию на ступени 2.

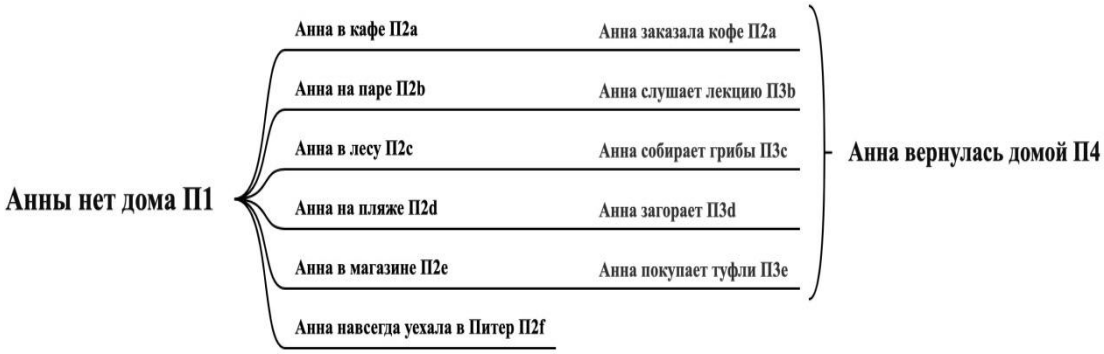

Рисунок 3.Схема когерентности текстуальных групп с разветвлением реальности

Очевидно, что для этого предложения нет точки схождения с другими предложениями из системы. В данном случае получим систему разветвления, где хотя бы одно предложение не сходится с остальными и не имеет с ними общего развития. Если развитие вообще невозможно, то будем говорить о когерентном тупике. Схемы с разветвлением и расщеплением в приложении к анализу высказываний о будущем представлены в недавнем исследовании Ф. Кариани [Cariani, 2021, p. 21–31].

Пусть в системе расщепления реальности истинной является цепочка *a*, то есть Анна находится в кафе и заказывает кофе. Пусть эксплицитной, то есть имеющей реальное сообщение, будет цепочка *b*. Остальные цепочки оказываются гипотетическими и могут не приниматься в расчет. Пусть автор ставит своей задачей передачу такого ложного сообщения, которое не должно быть верифицировано. Естественно, что в этом случае она должна, во-первых, максимально быстро достичь точки схождения и, во-вторых, добиться когерентности в зоне расщепления реальности. Это очевидно. Из сказанного следуют максимы «идеальной» лжи – такой, которая не верифицируется.

1. Ложное сообщение должно иметь точку схождения с истинным.

© Глазков А. Г., 2024

2. Ложное сообщение не должно быть когерентным тупиком.

3. Ложное сообщение должно быть внутренне когерентным.

Прокомментируем каждую максиму.

Максима 1 достаточно очевидна. Ее нарушение приведет к тому, что перлокутивный эффект речевого акта не будет достигнут.

Максима 2 представляет собой следствие из Максимы 1, но, как было показано, не синонимична ей. Наличие когерентного тупика фактически означает, что когерентного развития текстуальной группы не существует. Когерентным тупиком является конечное предложение в доказательстве от противного, часто используемом в строгих системах аргументации, например в математике или логике. Такое предложение должно стать некогерентным исходному, откуда начиналось расщепление реальности, так что продолжение текстуальной группы окажется бессмысленным. Примером является разобранный далее Кейс 1.

Максима 3. Ложное сообщение, как и истинное, не должно иметь внутренних противоречий. Внутренняя непротиворечивость текстуальной группы, находящейся в зоне расщепления реальности, более требовательна, чем непротиворечивость текстуальной группы, представляющей истинность. Когерентность текстуальной группы складывается на основе нескольких факторов: 1) линейные связи внутри текстуальной группы (обычно влияние распространяется слева направо); 2) виртуальные линейные связи с другими текстами (что описано в рамках интертекстуальности, если установка связей входит в интенцию автора, и синтекстуальности, если связи возникают случайно – о термине *синтекстуальность* см. [Глазков, 2018, с. 213 и далее]; 3) когнитивные факторы: общее знание, общее окружение; 4) информация, не требующаяся для создания когерентности текстуальной группы – своего рода стоп-лист, где находится избыточная информация. Данная система описана нами как *пирамида когерентности* (см.: [Глазков, 2023]). Для речевого акта лжи очень важно учитывать внешние факторы, что часто связывают с понятием *правдоподобия*, определяемым как «обобщенное представление о подлинности чего-либо» [Елькина, 2019, с. 116]. А. Т. Грязнова связывает правдоподобие с убедительностью, рассматривая фэнтезийный дискурс [Грязнова, 2018, с. 119]. Ложь тоже должна быть убедительной, хотя от фэнтези ее отделяет то, что эта убедительность строится на такой модальной системе, которая должны быть максимально подобна истинной в данном возможном мире. Например, если в предложенную систему добавить предложение *Анна на Марсе*, это лишило бы ее всей правдоподобности, потому что нахождение человека на Марсе возможно либо в рамках научного, либо в рамках художественного дискурса, а ложь – принадлежность бытового, правового, журналистского, политического дискурсов. Ложь должна создать такой отличающийся модальностью от истинного конструкт, который мог бы существовать в нашем возможном мире. Е. А. Глазкова указывает, что «использовать термин „правдоподобие" уместно тогда, когда нет возможности проверить достоверность информации, но есть ощущение, что описанное возможно в реальности» [Глазкова, 2018, с. 60]. Для логического анализа существенно показать, на основании чего такое ощущение может возникнуть, именно поэтому мы и предлагаем когерентностную модель лжи.

Можно заметить, что противопоставление «ложь – истина» имеет континуальный, градуальный характер. Специфика этих отношений состоит в том, что у ложного высказывания отсутствует градуатор – «специальное языковое (вербальное) средство, повышающее или понижающее степень проявления признака» [Колесникова, 2016, с. 33]. Оно может маркировать ложное высказывание только в сообщении адресата лжи, распознавшего ложь.

Итак, мы приходим к выводу, что ложное сообщение – это продукт расщепления реальности, при котором создается когерентная текстуальная группа, модально противоречащая истинной текстуальной группе, непременно имеющая точку схождения с истинной и обладающая правдоподобием.

Далее будут представлены примеры анализа некоторых типов ложных сообщений.

Кейс 1. Внутритекстовая некогерентная текстуальная группа

Покажем данный тип лжи на примере доказательства от противного.

Суть доказательства от противного состоит в том, что в доказательство вводится намеренно ложное суждение, которое приводит к противоречию и доказательству исходного тезиса согласно закону о непротиворечии. С точки зрения теории текста это означает то, что в текст внедрена некогерентная текстуальная группа, причем в ходе доказательства оказывается, что отсутствуют механизмы приведения ее к когерентной текстуальной группе. В качестве примера возьмем доказательство следствия из леммы о количестве ребер в дереве с n вершинами, относящейся к теории графов.

/1/ *Дерево с более чем одной вершиной имеет не менее двух висячих вершин.*

/2/ *Доказательство*. /3/ *Если в дереве T не более одной висячей вершины, то остальные имеют степень хотя бы 2 и сумма степеней вершин не менее, чем 2v(T) − 1.* /4/ *Однако она же равна 2e(G) = 2v(G) − 2 по пункту 1 леммы 1.5, противоречие* [Карпов, 2022, с. 26].

Противоречие возникает между предложениями /1/ и /3/, /4/. В /1/ сообщается, что дерево с двумя и более вершинами может иметь не менее двух висячих вершин, то есть таких вершин, степень связности которых равна единице (граф не имеет продолжения на этих вершинах). Примером такого графа могут быть синтаксические деревья в генеративном синтаксисе. В предложении /3/ содержится описание такого графа, который, по сути, не может существовать. Его можно представить себе в виде незамкнутой геометрической конструкции, состоящей из нескольких соединенных отрезков. Каждый из них, кроме одного, соединяется с двумя другими. Один – соединен только с одним отрезком. Простое воображение приводит к мысли, что это невозможно. Однако очевидность в данном случае может быть доказана, и автор апеллирует к тому, как должна вычисляться сумма степеней вершин, если бы такой граф существовал. В предложении /4/ он приводит то же вычисление, но с учетом доказанной ранее леммы о том, что количество вершин в дереве на единицу меньше количества ребер. Для графа с более чем одной вершиной степень должна быть на 2 меньше количества ребер, то есть должны быть хотя бы две висячие вершины, что делает предложение /4/ некогерентным предложению /3/, а поскольку предложение /3/ некогерентно предложению /1/, выстраивается когерентная группа /1-2-4/, а предложение /3/ может быть исключено. Тем самым, предложения /3/ и /4/ представляют собой разветвление, так как точки схождения для предложений /3/ и /4/ нет.

Кейс 2. Межтекстовая некогерентная текстуальная группа

Можно было бы показать такую группу на примере фейковых новостей, однако такие кейсы часто разбираются, поэтому мы предложим показать ложное сообщение на примере продающего текста. Для этого возьмем фрагмент описания гостиницы, размещенной на сайте-агрегаторе.

/1/ *Имеется бесплатная частная парковка*.

Сравним это сообщение с отзывами клиентов.

/2/ *Парковка была занята, пришлось оставлять машину на улице*.

/3/ *Парковка всего на 4 машины, искали ближайшую платную*.

/4/ *На парковку не рассчитывайте, там всегда стоят одни и те же машины, возможно, работников отеля*.

Группа предложений /1, 2/ вполне может быть представлена как когерентная: клиенту не повезло. Группа /1, 3/ выглядит иначе: клиент указывает на размер парковки, что не было сообщено автором продающего текста. Имплицитно из предложения выводится, что эти клиенты не смогли оставить свой автомобиль на парковке отеля. Группа /1, 4/ уличает автора текста во лжи, так как, согласно мнению клиента, парковка возле отеля имеет совсем иной характер. Этот клиент тоже на смог воспользоваться данной парковкой. Следовательно, имеется когерентная группа из предложений /2, 3, 4/ и имплицитное расширение предложения /1/, которое можно составить из двух некогерентных предложений:

/1'F/ *Клиент может оставить свой автомобиль на частной парковке отеля*.

/1'T/ *Клиент не может оставить свой автомобиль на частной парковке отеля*.

Судя по отзывам клиентов, истинным является второе сообщение, а первое, привлекающее возможных гостей, является ложным. Возникает вопрос, рассматривать ли группу /1'F, 1'T/ как расщепление или разветвление. Владельцы отеля отвечают одному из клиентов на его замечание.

/5/ *Нам очень жаль, что Вы не смогли припарковать Ваш автомобиль в связи с наплывом проживающих. /6/ Надеемся, что в следующий приезд Вы сможете ей воспользоваться*.

Предложение /5/ вполне вписывается в когерентную группу /1, 2, 3, 5/, однако предложение /4/ остается за ее пределами, потому что в ней содержится противоречие: автомобили принадлежат гостям / работникам отеля. В таком случае мы можем структуру данной текстуальной группы представить в таком виде:

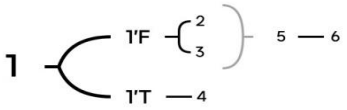

Рисунок 4. Схема когерентных отношений Кейса 2

Таким образом, видно, что расщепление реальности имеет место только в одной группе. Поскольку владелец отеля никак не комментирует сообщение, содержащееся в предложении /4/, оно не приобретает точки схождения с оставшимися предложениями группы и иллюстрирует разветв-

ление, что, скорее всего, делает высказывание о наличии частной парковки в отеле ложным.

Вывод

Итак, мы приходим к выводу, что ложь – это особая система когерентных отношений, в которой на входе, на этапе формирования авторской интенции, содержатся некогерентные предложения, одно из которых автор считает истинным. Далее система развивается по модели расщепления или разветвления реальности, чтобы на выходе, в точке схождения, образовать когерентную текстуальную группу с исходным предложением (при расщеплении – речевой акт лжи состоялся) или образовать тупик (при разветвлении – речевой акт лжи не удался). Поскольку ложь формируется по направлению соответствия «от слова к миру», ложное и истинное представляют собой сложную модальную систему, где модальность одного возможного мира противоречит модальности другого возможного мира.

В связи с этим остается вопрос, следует ли в данном случае говорить о нарушении принципа кооперации? Нарушает ли лжец максиму качества, запрещающую говорить то, что он считает ложным? Любопытным для решения этого вопроса оказывается недавнее исследование «Плохой язык» («BadLanguage») Г. Каппелена и Дж. Девера [Cappelen, Dever, 2019], в котором ставится под сомнение действенность Принципа Кооперации П. Грайса. Еще С. Левинсон называл теорию Грайса «философским раем», имея в виду идеальный характер содержащихся в ней максим. Исследование Г. Каппелена и Дж. Девера точно так же выводит речевую коммуникацию из идеального мира. В главе, посвященной проблеме лжи, авторы показывают, что пространство между ложью (lying) и заблуждением (misleading) не пусто, что провести строгую границу между этими процессами невозможно как из-за нечеткости человеческих интенций, так и из-за нестрогости языковых значений.

Мы полагаем, что ложь как речевой акт имеет иной механизм, чем нарушение максимы качества. Если учитывать нестрогость границы между ложью, заблуждением и неточным выражением мысли, то следует ввести в процесс коммуникации наличие постоянно действующего у реципиента механизма верификации получаемого сообщения. А тогда кооперация означает не только совместную деятельность ради оптимального обмена информацией, а еще и постоянную верификацию получаемых сообщений, то есть ожидания, что пришедшее к адресату сообщение может быть ложным, неточным и т. д.

Поскольку мы сказали в начале статьи, что решаем проблему в аспекте логического анализа, покажем, в чем состоит содержательная суть механизма верификации. Мы полагаем, что модель такого механизма должна строиться на основе модальной многослойности речевого сообщения. Ложное сообщение обязательно содержит в себе более одной модальности. Каждый такой слой, что было показано нами, когерентен или, по крайней мере, должен быть когерентен. Верификация сводится в сомнении в когерентности между слоями и поиску отсутствия когерентности в том слое, который содержит потенциально (или предположительно) ложную информацию. Собственно верификация есть построение когерентной системы высказывания, которая адресату видится таковой, так как должна быть консистентной в системе того возможного мира, относительно которого механизм верификации запущен.

Библиографический список

1. Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: Очерк прагматики нарративного текста. Москва : Де'Либри, 2018. 436 с.

2. Глазков А. В. Пирамида когерентности // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2023. № 4 (115). С. 39–50.

3. Глазкова Е. А. Правдоподобие как игра: анализ кейса «Барнаульский метрополитен» // Правда – неправда – простправда. Сборник научных трудов проекта NOTONLY. NOTONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва, 2018. С. 59–98.

4. Грязнова А. Т. Языковые средства достижения эффекта правдоподобия в прозе русского фэнтези // Правда – неправда – простправда. Сборник научных трудов проекта NOTONLY. NOTONLY 2018: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва, 2018. С. 116–133.

5. Елькина Д. С. Правдоподобие как универсальная классифицирующая категория // StudiaLinguistica (Санкт-Петербург). 2019. № 28. С. 116–120.

6. Колесникова С. М. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка. Москва : ФЛИНТА, 2018. 231 с.

7. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка). Ростов-на-Дону, 2010. 39 с.

8. Ленец А. В. Прагмалингвистическая теория лжи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. №1(22). С. 86–90.

9. Ленец А. В. Ложь в коммуникации как нарушение прагматических правил принципа кооперации // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 105–108.

10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва : Гнозис, 2003. 280 с.

11. Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика язык. Москва : Прогресс, 1987. С. 96–126.

12. Селезнева Л. В. Парадокс целостности PR-дискурса // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 102–109.

13. Austin J. L. How to Talk? // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. Vol. 53. 1952–1953. P. 227–246.

14. Bach K. The Myth of Conventional Implicature // Linguistics and Philosophy. 1999. № 22. P. 327–366.

15. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford : CSLI Publications, 1999. 376 p.

16. Cappelen H., Dever J. Bad Language: Contemporary Introductions to Philosophy of Language. Oxford : Oxford University Press, 2019. 222 p.

17. Cariani F. The Modal Future. A theory of future-directed thought and talk. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 280 p.

18. ChudyW. Filozofjakłamstwa. Warszawa : Volumen, 2003. 564 s.

19. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge, London : Harvard University Press, 1989. 394 p.

20. Horn L. R. Implicature // Handbook of Pragmatics. Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford : Blackwell Publishing, 2004. P. 3–28.

21. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 420 pp.

22. Meibauer J. Lying at the Semantic-Pragmatic Interface. Boston / Berlin : Walter de Gryuter, Inc., 2014. 256 p.

23. Yablo S. Aboutness. Princeton : Princeton University Press, 2014. 221 p.

24. Yule G. Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 1996. 138 p.

Reference list

1. Glazkov A. V. Iz real'nosti v tekst i obratno: Ocherk pragmatiki narrativnogo teksta = From reality to text and back again: An essay on the pragmatics of narrative text. Moskva : De'Libri, 2018. 436 s.

2. Glazkov A. V. Piramida kogerentnosti = The pyramid of coherence // Vestnik Cherepoveckogo gos. un-ta. 2023. № 4 (115). S. 39–50.

3. Glazkova E. A. Pravdopodobie kak igra: analiz kejsa «Barnaul'skij metropoliten» = Verisimilitude as a game: case study of Barnaul Metro // Pravda – nepravda – prostpravda. Sbornik nauchnyh trudov proekta NOTONLY. NOTONLY 2018: Teorija i praktika gumanitarnyh issledovanij. Moskva, 2018. S. 59–98.

4. Grjaznova A. T. Jazykovye sredstva dostizhenija jeffekta pravdopodobija v proze russkogo fjentezi = Linguistic means to achieve the effect of verisimilitude in the Russian fantasy prose // Pravda – nepravda – prostpravda. Sbornik nauchnyh trudov proekta NOTONLY. NOTONLY 2018: Teorija i praktika gumanitarnyh issledovanij. Moskva, 2018. S. 116–133.

5. El'kina D. S. Pravdopodobie kak universal'naja klassificirujushhaja kategorija = Verisimilitude as a universal classifying category // StudiaLinguistica (Sankt-Peterburg). 2019. № 28. S. 116–120.

6. Kolesnikova S. M. Gradual'nost': svjazi i otnoshenija v sisteme russkogo jazyka = Gradiality: links and relations in the system of the Russian language. Moskva : FLINTA, 2018. 231 s.

7. Lenec A. V. Kommunikativnyj fenomen lzhi: lingvisticheskij i semioticheskij aspekty (na materiale nemeckogo jazyka) = Communicative phenomenon of lying: linguistic and semiotic aspects (on the material of the German language). Rostov-na-Donu, 2010. 39 s.

8. Lenec A. V. Pragmalingvisticheskaja teorija lzhi = Pragmatic-linguistic theory of lying // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. №1(22). S. 86–90.

9. Lenec A. V. Lozh' v kommunikacii kak narushenie pragmaticheskih pravil principa kooperacii = Lying in communication as a violation of the cooperation principle's pragmatic rules // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 4. S. 105–108.

10. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa = Basic discourse theory. Moskva : Gnozis, 2003. 280 s.

11. Serl' Dzh. Priroda intencional'nyh sostojanij = The nature of intentional states / Filosofija, logika jazyk. Moskva : Progress, 1987. S. 96–126.

12. Selezneva L. V. Paradoks celostnosti PR-diskursa = The paradox of PR discourse integrity // Diskurs-Pi. 2016. № 3–4. S. 102–109.

13. Austin J. L. How to Talk? // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. Vol. 53. 1952–1953. P. 227–246.

14. Bach K. The Myth of Conventional Implicature // Linguistics and Philosophy. 1999. № 22. P. 327–366.

15. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford : CSLI Publications, 1999. 376 p.

16. Cappelen H., Dever J. Bad Language: Contemporary Introductions to Philosophy of Language. Oxford : Oxford University Press, 2019. 222 p.

17. Cariani F. The Modal Future. A theory of future-directed thought and talk. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 280 p.

18. ChudyW. Filozofjakłamstwa. Warszawa : Volumen, 2003. 564 s.

19. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge, London : Harvard University Press, 1989. 394 p.

20. Horn L. R. Implicature // Handbook of Pragmatics. Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford : Blackwell Publishing, 2004. P. 3–28.

21. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 420 pp.

22. Meibauer J. Lying at the Semantic-Pragmatic Interface. Boston / Berlin : Walter de Gryuter, Inc., 2014. 256 p.

23. Yablo S. Aboutness. Princeton : Princeton University Press, 2014. 221 p.

24. Yule G. Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 1996. 138 p.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 05.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 81"42
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-139
EDN: RSBIRE

Коммуникативное самопозиционирование автора контента в современном научно-популярном дискурсе (на материале телеграм-каналов о лингвистике)

Ольга Александровна Ребковец[1]✉, Наталья Сергеевна Милянчук[2]
[1]Аспирант кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет. 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10;
и.о. ректора, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга. 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, д. 4.
[2]Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет. 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10
[1]rebkovets.olga@gmail.com✉, https://orcid.org/0009-0009-7267-7655
[2]mlnchk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5519-4779

Аннотация. В статье демонстрируется функциональная трансформация и стилистическое обновление научно-популярных текстов, обусловленное перемещением научно-популярной коммуникации в медиапространство. Обосновывается продуктивность дискурсивного подхода к исследованию научно-популярного текста и ставится проблема анализа языковой реализации такого компонента современного научно-популярного дискурса, как автор сообщения – субъект речи. Уточняется содержание термина *коммуникативная позиция* в соотношении с терминами *коммуникативная роль* и *речевая маска*. Самопозиционирование автора рассматривается как инструмент организации его взаимодействия с адресатом и средство привлечения и удержания аудитории. Определяются ключевые коммуникативные позиции, реализуемые авторами в традиционных научно-популярных текстах (просветитель, детектив) и в современном научно-популярном дискурсе (эксперт, разоблачитель мифов, помощник-советчик, организатор исследовательской команды, организатор клуба по интересам, аниматор, «классная дама»). Анализируются языковые средства реализации зафиксированных коммуникативных позиций. Выявляются признаки дифференциации позиций, позволяющие их систематизировать: отнесенность к одной из коммуникативных стратегий (общение «сверху вниз», общение на равных, общение «снизу вверх»); коммуникативная цель и задачи автора; коммуникативная ориентация автора, определяемая приоритетностью одного из компонентов коммуникативной ситуации: я-ориентация (приоритет самопрезентации), ты / вы-ориентация (приоритет интересов адресата), мы-ориентация (приоритет сотрудничества автора и адресата). Делается вывод о том, что, в отличие от традиционного научно-популярного изложения, строившегося на коммуникативной иерархии сильной позиций автора и слабой позиции адресата, самопозиционирование авторов современного научно-популярного контента в основном осуществляется в рамках стратегии общения на равных.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс; субъект речи; коммуникативная позиция автора; коммуникативная роль; коммуникативная стратегия; позиция просветителя; позиция эксперта; позиция разоблачителя мифов; позиция аниматора; позиция антипуриста; позиция помощника; позиция организатора

Для цитирования: Ребковец О. А., Милянчук Н. С. Коммуникативное самопозиционирование автора контента в современном научно-популярном дискурсе (на материале телеграм-каналов о лингвистике) // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 139–152. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-139. https://elibrary.ru/RSBIRE

Original article

Communicative self-positioning of the content author in modern popular science discourse (based on telegram channels on linguistics)

Olga A. Rebkovets[1]✉, Natalia S. Milyanchuk[2]
[1]Postgraduate student at the russian language and literature department, Far Eastern federal university. 690922, Vladivostok, Russkiy island, Ayaks settlement, 10;
acting rector, Kamchatka state university named after Vitus Bering. 683032, Petropavlovsk-Kamchatsky, Pogranichna-

© Ребковец О. А., Милянчук Н. С., 2024

ya str., 4.
[2]Candidate of philological sciences, associate professor, department of russian language and literature, Far Eastern federal university. 690922, Vladivostok, Russkiy island, Ayaks settlement, 10
[1]rebkovets.olga@gmail.com✉, https://orcid.org/0009-0009-7267-7655
[2]mlnchk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5519-4779

Abstract. The article demonstrates the functional transformation and stylistic upgrade of popular science texts due to the shift of popular science communication to the media space. The authors substantiate the productivity of the discursive approach to popular science text research and raise the issue of analyzing such a linguistic component of modern popular science discourse as the subject of speech – the author of the message. The content of the term «communicative position» is clarified in relation to the terms «communicative role» and «speech mask». The self-positioning is considered as a tool for organizing the author's interaction with the addressee and a means of attracting and keeping the audience. The article defines the key communicative positions realized by authors in traditional popular science texts (educator, detective) and in modern popular science discourse (expert, myth-breaker, assistant / advisor, research team leader, hobby club founder, entertainer, «class mistress») and analyzes the linguistic means for realizing the fixed communicative positions. The following signs of positions differentiation that allow to systematize them are revealed: reference to one of the communicative strategies (communication «top-down», communication on equal terms, communication «bottom-up»); communicative goal and tasks of the author; communicative orientation of the author, determined by the priority of one of the components in the communicative situation: I-oriented (priority of self-presentation), you-oriented (priority of the addressee's interests), we-oriented (priority of cooperation between the author and the addressee). The authors conclude that, unlike the traditional popular science narrative, based on the communicative hierarchy of the author's strong position and the addressee's weak position, the self-positioning of authors in modern popular science content is mainly carried out through the strategy of communicating on equal terms.

Key words: popular science discourse; subject of speech; communicative position of the author; communicative role; communicative strategy; position of the educator; position of the expert; position of the myth-breaker; position of the entertainer; position of the anti-purist; position of the assistant; position of the organizer

For citation: Rebkovets O. A., Milyanchuk N. S. Communicative self-positioning of the content author in modern popular science discourse (based on telegram channels on linguistics). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):139–152. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-139. https://elibrary.ru/RSBIRE

Введение

Одной из характерных тенденций в развитии современного медиапространства является рост популярности и, соответственно, увеличение объёма научно-популярного контента. В результате этой тенденции научно-популярные тексты значительно расширили сферу своего распространения, в первую очередь благодаря новым техническим возможностям (форматам, средствам, каналам передачи информации), и претерпели существенную жанровую и лингвостилистическую трансформацию [Ребковец, 2024]. Обновлённый стилистический облик научно-популярного контента не только нуждается в изучении и описании, но и требует новых исследовательских подходов.

Теоретическое обоснование методологии исследования

Весьма продуктивным в этом случае оказывается дискурсивный подход, который не просто позволяет зафиксировать языковые особенности научно-популярных текстов (которые, безусловно, заслуживают отдельного внимания), но и даёт возможность выявить ключевые параметры процесса коммуникативного взаимодействия между автором и читателем, что, собственно, и определяет характер текста – как в плане содержания, так и в плане выражения. При таком подходе любая текстовая (речевая) репрезентация научно-популярного контента может рассматриваться как «коммуникативное событие» [Teun A. van Dijk, 1988], «фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская, 2013, с. 190], «в определённом социальном контексте» [Чепкина, 2006, с. 662]. Как пишет В. Е. Чернявская, «дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния экстралингвистического фона /…/ на формирование тех или иных языковых закономерностей», это поиск ответа «на вопрос о том, как различные слагаемые коммуникативного процесса /…/ отражаются на внутритекстовой организации и обусловливают в ней специфическую – ту, а не иную упорядоченность языковых единиц и структур» [Чернявская, 2013, с. 190–191]. К «слагаемым коммуникативного процесса» В. Е. Чернявская относит такие компоненты, как:

- автор сообщения;
- адресат сообщения;

− сфера, в которой осуществляется коммуникация;

− канал сообщения;

− коммуникативная интенция, обусловленная целью коммуникации, и др. [Чернявская, 2013, с. 191].

Целью нашего исследования является анализ коммуникативно-прагматических особенностей реализации такого компонента научно-популярного дискурса, как автор сообщения – субъект речи.

Источником материала для исследования послужили тексты сообщений, опубликованных в период с 2016 по 2024 гг. в телеграм-каналах, авторы которых позиционируют себя как популяризаторы научных знаний о языке. В качестве фонового материала, в сопоставлении с которым фиксируются новые явления и тенденции в изучаемой сфере коммуникации, привлекались тексты известных печатных научно-популярных книг и статей, изданных в XX веке. В работе использовались исследовательские методики, разработанные в рамках функционального подхода к языку: дискурсивный, коммуникативно-прагматический, функционально-стилистический анализ текстов.

Уточнение содержания термина *коммуникативная позиция*

В своём исследовании мы исходим из того, что любой научно-популярный текст представляет собой результат дискурсивной деятельности автора, в ходе которой он стремится решить ряд коммуникативных задач, в первую очередь – привлечь и удержать внимание адресата. Одним из инструментов решения такой задачи является выбор коммуникативной позиции автора по отношению к адресату и реализация этой позиции в тексте – как прямая, осознанная, с эксплицитным самопозиционированием, так и косвенная, без специального самопозиционирования, но объективно фиксируемая в тексте.

Термин *коммуникативная позиция*, как правило, используется в коммуникативистике для обозначения статуса говорящего в ситуации общения с точки зрения его шансов на успех в процессе речевого воздействия. Так, И. А. Стернин определяет коммуникативную позицию как «степень коммуникативной влиятельности, авторитетности говорящего по отношению к его собеседнику» [Стернин, 2001, с. 52] и, соответственно, противопоставляет сильную и слабую коммуникативную позицию говорящего [Стернин, 2001, с. 90]. С понятием коммуникативной позиции связано понятие коммуникативной роли. Л. П. Крысин, говоря о социальных позициях и социальных ролях коммуникантов, соотносит позицию со статусом («по оси „выше – ниже”»), а роль – с «формами общественного поведения человека»: «Статус отвечает на вопрос: „кто он?”, роль – на вопрос: „что он делает?” Поэтому можно сказать, что роль – это динамический аспект статуса» [Крысин, 2004]. Аналогичное содержание понятие роли получило в лингводидактике – как «устойчивый комплекс форм поведения, соответствующий определенной функции человека в социальных отношениях» [Щукин, 2007, с. 290]. В теории речевого воздействия коммуникативная роль трактуется не только как «поведение человека в общении, в той или иной коммуникативной ситуации», но и как «образ, который человек создает в общении для достижения определенной цели. /…/ то, как человек подает себя в общении, кем он “прикидывается”» [Стернин, 2001, с. 68]. Такая трактовка сближает понятие коммуникативной роли с понятием речевой маски. В современной лингвистике под речевой маской подразумевается особая коммуникативная стратегия, в основе которой лежит «временная и ситуативная эксплуатация чужого языкового образа, который говорящий реконструирует и присваивает с определенной целью; это имитация чужого речевого поведения, включающая иную манеру речи, иной лексикон, предполагающая иную языковую картину мира» [Шпильман, 2006, с. 9]. Вместе с тем В. В. Виноградов, рассуждая о «коллективной „сценической маске” оратора, которая, конечно, прежде всего создается формами речи и моторной экспрессии», имел в виду скорее не эксплуатацию чужого образа, а «функционально различные типы ораторской личности в данный период – „проповедника”, „защитника”, „обвинителя”, „политического вождя” и т. п.» [Виноградов, 2005, с. 149–150], которые, на наш взгляд, вполне соотносимы с коммуникативными ролями и коммуникативными позициями.

Отметим, что все три указанных термина – *коммуникативная позиция, коммуникативная роль, речевая маска* – в практике употребления нередко пересекаются, смешиваются, используются как синонимы, причем далеко не всегда такое употребление некорректно или необоснованно. Так, И. А. Стернин, представляя три выделенные Э. Берном [Berne, 1996] ключевые роли, «которые коммуниканты бессознательно исполняют

в процессе общения», – роли ребенка, родителя и взрослого – предлагает их «рассматривать как максимально обобщенные коммуникативные роли», но называет их далее коммуникативными позициями, объясняя свой выбор тем, что, реализуя эти роли, человек говорит *с позиции* ребенка, родителя, взрослого, а не *в роли* ребенка, родителя, взрослого [Стернин, 2001, с. 75].

В нашем исследовании под коммуникативной позицией также понимается не просто статус говорящего в процессе общения, а конкретная коммуникативная роль, которую выбирает, назначает себе говорящий в рамках коммуникативной ситуации и с позиции которой он взаимодействует с адресатом для достижения стратегической коммуникативной цели.

Результаты исследования

Коммуникативные позиции автора, реализуемые в традиционных научно-популярных изданиях

Традиционно выделяются две ключевые функции научно-популярных текстов – сообщения и воздействия [Маевский, 1979, с. 2]. Соответственно, общими целями научно-популярного изложения являются, во-первых, популяризация научного знания, его трансляция в широкую аудиторию, во-вторых, вовлечение аудитории в сферу науки, привлечение внимания общества к этой сфере. Классической, исторически сложившейся коммуникативной позицией автора научно-популярного текста является позиция **просветителя**. Эта позиция характеризуется тем, что автор обладает 1) более обширными и глубокими знаниями, чем адресат; 2) истинно научным представлением об объекте обсуждения; 3) авторитетным мнением (своим и чужим). Цель просветителя – прежде всего способствовать формированию у адресата научного («правильного») представления об объекте обсуждения, а также вызвать интерес читателя к проблеме и поддерживать этот интерес на протяжении текста.

Типичную реализацию коммуникативной позиции просветителя рассмотрим на примере фрагмента из знаменитой книги Л. В. Успенского «Слово о словах»:

Каждое орудие приносит наивысшую пользу в руках того, кто его как можно глубже изучил, кто им владеет как мастер. *А* ***мастерски владеть*** *любым из них – стамеской или кистью художника, крошечным чертежным пером или гигантским блюмингом – это* ***значит до тонкостей узнать****, как они устроены, из каких частей состоят, как работают и в чем изменяются во время работы, какого обращения с собой требуют.*

Из всех орудий язык – ***самое удивительное и сложное. Так достаточно ли знаем мы его? Я поставлю перед вами несколько совсем простых языковедческих вопросов, а вы уж судите сами: легко ли вам ответить на них?*** */…/*

Я не уверен, что каждый читатель сможет быстро и правильно ответить на этот совсем уж простой вопрос. А если так – очевидно, законы нашего родного языка не слишком-то хорошо нам известны [Успенский, 2009, с. 7].

В данном случае автор-просветитель сначала обозначает ценность и необходимость научного знания за счет использования аксиологической лексики (*польза*); различных грамматических форм и конструкций, выражающих высшую степень проявления признака (***наивысшую*** *пользу;* ***как можно глубже*** *изучил; из всех орудий язык –* ***самое удивительное и сложное***) и лексических средств реализации такого же смысла (*владеть как* ***мастер; мастерски; до тонкостей*** *узнать*). Затем с помощью риторических вопросов (*Так достаточно ли знаем мы его? Легко ли вам ответить на них?*) и утверждений с персуазивным модусом [Панфилов, 1977, с. 41] (***Я не уверен, что****…;* ***очевидно****, законы нашего родного языка* ***не слишком-то*** *хорошо нам известны*) демонстрирует недостаточность осведомленности читателя и предлагает эти лакуны заполнить подлинно научным содержанием, изложенным доступным языком. Отметим, что коммуникативная позиция просветителя реализована в данном случае в рамках общей стратегии сотрудничества, о чем свидетельствует *мы*-позиция: *законы* ***нашего*** *родного языка не слишком-то хорошо* ***нам*** *известны.* Просветитель не подчеркивает свое превосходство, а объединяет себя и читателя, демонстрируя ценность приращения научного знания для любого человека – и для специалиста, и для любителя, дилетанта. Автор использует приемы диалогизации [Пром, 2022], в том числе прямое обращения к читателю (*а вы уж сами судите…*), добиваясь эффекта коммуникативного сближения с читателем, который поддерживается также интонационно-синтаксическим разнообразием и лексической образностью.

Таким образом, автор-просветитель, с одной стороны, обозначает свою коммуникативную позицию как более сильную по сравнению с позицией адресата (автор вправе ставить вопросы

перед адресатом и давать оценку его знаниям), а с другой стороны, объединяет себя с адресатом в общую категорию субъектов, в равной степени заинтересованных в получении новых знаний о языке.

К традиционной практике научно-популярного изложения относится и коммуникативная позиция автора-**детектива.** Как и автор-просветитель, автор-детектив обладает более обширными и глубокими знаниями, чем адресат, но хочет поделиться с аудиторией не столько этими знаниями, сколько опытом и азартом научного поиска. В этом случае в центре изложения – сюжет, состоящий из последовательности шагов, каждый из которых приближает адресата к решению какой-то научной проблемы. Коммуникативные цели в этом случае те же, что и у просветителя, но меняется их иерархия: на первый план выходит цель поддержания интереса, которая, впрочем, всё равно работает на достижение собственно «содержательной» цели. Но всё же первостепенная задача автора в данном случае не поделиться научным знанием, а показать, как это интересно и захватывающе – заниматься наукой.

Примеры реализации коммуникативной позиции автора-детектива находим а произведениях И. Л. Андроникова:

***ТАИНСТВЕННЫЕ** БУКВЫ*

***На мою долю выпала однажды сложная и необыкновенно увлекательная задача.** Я жил в ту пору в Ленинграде, принимал участие в издании нового собрания сочинений Лермонтова, и **мне предстояло выяснить**, кому посвятил Лермонтов несколько своих стихотворений, написанных в 1830 и 1831 годах.*

*В этих стихотворениях семнадцатилетний Лермонтов обращается к какой-то девушке. Но **имени ее он не называет ни разу**. Вместо имени в заглавиях стихотворений, ей посвященных, стоят лишь три начальные буквы: «Н.Ф.И.». А между тем **в лермонтовской биографии нет никого, чье имя начиналось бы с этих букв.** /.../*

***Я не знаю, почему Лермонтов ни разу не написал ее имени. Я не знаю, почему за сто лет эту загадку не удалось разгадать ни одному биографу Лермонтова.** Я знаю только одно, что в новом издании сочинений Лермонтова надо сделать точное и краткое примечание: «Посвящено такой-то». И я принялся за работу* [Андроников, 1962].

Автор реализует коммуникативную позицию детектива, используя тактики, которые исследователи художественного дискурса относят к так называемым интригообразующим стратегиям, «создающим атмосферу таинственности» [Мельничук О. А., Мельничук Т. А., 2013, с. 131]. Данный эффект создается за счет взаимодействия различных языковых и композиционных средств. Интерес читателя призвана поддержать особая лексика, включающая семантический компонент загадочности, неизвестности (*предстояло **выяснить**; за 100 лет эту **загадку** не удалось **разгадать** ни одному биографу; сложная и необыкновенно увлекательная **задача***), регулярно используемая в сочетании со средствами интенсификации. Подчеркивают сложность предстоящего решения задачи также повторы определенных конструкций (***не удалось ни одному** биографу; **не называет ни разу; ни разу не написал** ее имени*). Синтаксический параллелизм с анафорическим элементом *я не знаю,* с одной стороны, акцентирует заинтересованность автора в поиске ответа на поставленный вопрос, его неосведомленность на начальном этапе «расследования», с другой стороны, вовлекает читателя в интеллектуальную игру, содержит приглашение пройти вместе с автором-детективом путь от полного неведения до научного открытия.

Коммуникативные позиции авторов, реализуемые в современном научно-популярном дискурсе

Современный научно-популярный текст унаследовал традиционные коммуникативно-стилистические модели, но в силу объективных причин претерпел существенные изменения, прежде всего в связи с перемещением из книжно-печатной сферы в медиапространство. Это пространство, с одной стороны, дает новые технические возможности в установлении и поддержании контакта с адресатом, а с другой стороны, является гораздо более «клиентоориентированным», то есть требует от автора специальных усилий для привлечения и удержания внимания аудитории. В отличие от бескорыстных советских авторов-просветителей и авторов-детективов, современный автор научно-популярного контента заинтересован в реализации не только и не столько коммуникативных стратегий [Иссерс, 2008], сколько бизнес-стратегии развития своего канала, которая заключается прежде всего в стремлении к увеличению числа подписчиков. Как показывает практика, именно реализации этой общей бизнес-стратегии подчинен выбор разнообразных коммуникативных стратегий, которые в свою очередь реализуются через использование много-

численных тактик, отвечающих какому-либо запросу, потребности, интересу потенциальной аудитории канала.

Влияние законов медиарынка обусловливает тот факт, что в современном научно-популярном тексте коммуникативная позиция автора по отношению к адресату имеет более разнообразные реализации, призванные привлечь и удержать внимание различных сегментов аудитории, представители которых примерно в равной степени интересуются достижениями современной науки, но имеют разные предпочтения, установки в процессе выстраивания научно-популярной коммуникации.

Проведенный в ходе нашего исследования коммуникативно-дискурсивный и собственно лингвистический анализ научно-популярных текстов о языке, публикуемых в русскоязычных телеграм-каналах, позволил выявить следующие коммуникативные позиции автора в современном научно-популярном дискурсе:

- эксперт;
- разоблачитель мифов;
- помощник, советчик;
- организатор исследовательской команды;
- организатор клуба по интересам;
- «классная дама»;
- аниматор;
- антипурист.

Коммуникативная позиция **эксперта** в современных научно-популярных интернет-публикациях является результатом развития классической позиции просветителя, активно функционировавшей в научно-популярных публикациях XX века. Автор-эксперт обладает более обширными знаниями, чем адресат, и свою компетентность он подчеркивает, включая в самопрезентацию информацию о своем ученом звании, месте работы или учебы, профессиональных интересах. Начиная выстраивать диалог с читателем, автор эксплицирует информацию о том, что он как эксперт обладает истинно научным представлением об объекте обсуждения и готов помочь сформировать у своей аудитории такое же научное («правильное») представление. При этом, как уже было отмечено, выбор коммуникативных тактик эксперта обусловлен не только просветительской миссией, но и общей бизнес-стратегией развития канала, что заставляет автора контента уделять особое внимание коммуникативному комфорту адресата, обеспечивающему реализацию гедонистической функции научно-популярного текста. Влияние фактора указанной бизнес-стратегии отличает коммуникативную позицию эксперта в современном научно-популярном дискурсе от классической позиции просветителя в традиционных научно-популярных изданиях.

Анализ нашего материала позволил выявить несколько вариантов реализации коммуникативной позиции эксперта – в зависимости от ключевого мотива, определяющего его коммуникативное поведение:

- эксперт, ориентированный на удовлетворение коммуникативной потребности адресата;
- эксперт, ориентированный на собственные научные интересы;
- эксперт, заинтересованный в подтверждении своего экспертного статуса.

Эксперт, ориентированный на интеллектуальные потребности читателя, создает контент, который заинтересует аудиторию по умолчанию (благодаря объективно популярной теме) или в порядке удовлетворения конкретного запроса, который адресат может оставить в комментариях. Например:

Необычное происхождение обычных слов.

Регулярно публикую ***собственные этимологические миниисследования. Чистое просвещение****! Присоединяйтесь :)*

Делитесь идеями в чате канала*! (Для этого достаточно нажать кнопку «отправить сообщение» в описании канала тут)*

Итак, ***начинаю документировать интересное происхождение обыденных слов****.*

Начнём с ***простенького****.*

АПЕЛЬСИН есть не что иное, как Apel Sin, то бишь китайское яблоко. Пришло к нам из голландского, откуда и попадало на Русь [телеграм-канал «Этимология каждый день», 30.05.2019].

Эксперт, ориентированный на адресата, во-первых, выбирает тему, которая, по его мнению, гарантированно заинтересует адресата: в данном примере это этимология, происхождение слов. Во-вторых, такой эксперт обычно подчеркивает, что свою просветительскую миссию он готов реализовать в удобной и доступной для каждого читателя форме, небольшими порциями, без терминов и сложных наукообразных оборотов, для чего использует соответствующую лексику (***чистое просвещение****; этимология* ***каждый день****; этимологические* ***мини****исследования*). Связь этимологических сведений с каждодневной речевой практикой адресата демонстрируется через использова-

ние лексики с семой «обычный, простой» (*происхождение **обычных** слов; происхождение **обыденных** слов*), включая разговорную форму деминутива (*начнем с **простенького***). Вместе с тем делается акцент на нетривиальности транслируемой информации (***необычное** происхождение; **интересное** происхождение*). За счет использования морфологических форм прямого императива в составе побудительных предложений с активным пунктуационным оформлением автор старается вовлечь читателя во взаимодействие (***Присоединяйтесь; Делитесь** идеями в чате канала**!)*** и регулирует его деятельность (*для этого достаточно нажать кнопку «отправить сообщение» в описании канала тут*). Коммуникативное давление прямых побудительных высказываний смягчается использованием интернет-пунктуации: *Присоединяйтесь**:)***. В результате формируются коммуникативные условия, весьма комфортные для адресата: он получает интересную для него информацию, затрачивая на это минимальные усилия.

Эксперт, ориентированный на собственные научные интересы, также заинтересован в привлечении аудитории, но делает ставку не на удовлетворение запроса аудитории, а на формирование этого запроса за счет эксклюзивности предлагаемой им информации. Это в целом более интровертный тип личности, для которого ведение научно-популярного канала – не столько бизнес-проект, сколько необходимый способ самовыражения. Например:

*Александр Пиперски: **лингвистические заметки** @apiperski*

*Всем привет! Меня зовут Александр Пиперски, **я лингвист. Я всё время обращаю внимание на то, что и как люди говорят и пишут**. Иногда это позволяет отвлечься от более тяжёлых мыслей, поэтому я надеюсь, что и вас в эти непростые времена немного развлекут мои заметки. Пока что собираюсь писать здесь по одному посту в день – посмотрим, сколько продержусь. Добро пожаловать!*

*Если что, **буква в логотипе сингальская** – и да, это одна буква! А @waurda в ссылке – это 'слова' по-готски. («Всего шесть букв, а свободно!» – радостно сказал я. «Ещё бы!..» – ответила мне жена)*[телеграм-канал «О словах и не только», 15.03.2022].

В данном случае коммуникативная позиция эксперта, ориентированного на собственные научные интересы, выражена неявно, что может быть связано с ее неосознанностью, но объективно она реализуется. Об этом свидетельствует достаточно скромное, но настойчивое самопозиционирование автора как человека, погруженного в науку о языке (*Александр Пиперски: **лингвистические заметки**; Меня зовут Александр Пиперски, **я лингвист. Я всё время обращаю внимание на то, что и как люди говорят и пишут***), а также сдержанные попытки поделиться с читателем своими эмоциями и найти отклик на них (*Иногда **это позволяет отвлечься от более тяжёлых мыслей**, поэтому **я надеюсь, что и вас в эти непростые времена немного развлекут мои заметки***). Однако ключевым компонентом самопозиционирования здесь является демонстрация элемента письменности малоизвестного языка (***Если что, буква в логотипе сингальская** – и да, это одна буква!*) и слова одного из мертвых языков (*А @waurda в ссылке – это 'слова' по-готски*), что, безусловно, призвано продемонстрировать, насколько редким, экзотическим знанием о языках обладает автор контента. Он как бы приглашает в свой уникальный мир потенциальных единомышленников: *Добро пожаловать!* Такой эксперт вряд ли рассчитывает на массовую аудиторию, для него важнее привлечь тех, кто желает приобщиться к эксклюзивному знанию, войти в эксклюзивное сообщество знатоков.

Коммуникативная позиция эксперта, заинтересованного в подтверждении своего экспертного статуса, также предполагает акцент на его личности, но в этом случае самопозиционирование строится на саморекламе и акцентировании деталей, которые, по мнению автора, повысят его статус в глазах аудитории. Например:

Всем привет!

*Меня зовут Валерий Шульгинов, **я являюсь ведущим научным сотрудником (капитаном ведущим научным сотрудником!)** в лабораториях **ВШЭ** и **МФТИ**, где **занимаюсь изучением вежливого и конфликтного общения**, а также **читаю лекции по лингвистической антропологии, корпусным методам и многим другим интересным вещам**.*

*Вы находитесь на моём канале «Лингвоед», который я начал вести в далёком 2017 году. В то время **я преподавал русский в Китае** и мне очень хотелось поделиться моими наблюдениями за китайским языком, культурой и, пожалуй, кухней (хотя «едом» я стал не по этой причине, об этом как-нибудь в другой раз). Постепенно тематика канала расширялась, и однажды я сформулировал его содержание так: это место,*

где мы заглядываем в окна чужих культур, через интересные примеры из различных языков [телеграм-канал «Лингвоед», 12.04.2023].

В отличие от самопрезентации эксперта, ориентированного на запрос аудитории, в которой ключевую роль играют так называемая ты/вы-стратегия («стратегия адресованности, интерактивности» [У Баоянь, 2008, с. 9]) и мы-стратегия («стратегия интеграции» [У Баоянь, 2008, с. 9]), в самопрезентации эксперта, ориентированного на собственные научные интересы, и эксперта, заинтересованного в подтверждении своего статуса, преобладает я-стратегия («стратегия создания виртуального образа» автора [У Баоянь, 2008, с. 9]). Но если погруженный в науку эксперт в этом случае делает упор на свою самобытность, уникальность, то эксперт, заинтересованный в подтверждении статуса, – на достижения и социальное одобрение.

Реализацию коммуникативной позиции **помощника и советчика** можно наблюдать на справочно-информационном интернет-портале «Грамота.ру». Визитной карточкой этого ресурса стало профессиональное сопровождение, квалифицированная помощь адресату в любых лингвистических вопросах:

Грамота.ру – справочно-информационный интернет-портал, адресованный ***всем, кто знает, изучает или преподает русский язык, а главное – любит его****.*

Приветствуем вас, друзья!

Это официальный канал портала «Грамота.ру». Здесь мы продолжим рассказывать о русском языке [телеграм-канал «Грамота.ру», 12.03.2022].

Команда портала выступает в качестве коллективного автора публикаций и делает акцент на профессионализме и экспертном статусе материалов портала (*справочно-информационный интернет-портал; официальный канал),* но при этом выбирает коммуникативную позицию, равную позиции адресата, что делается за счет целенаправленного повышения его статуса: *адресованный* ***всем, кто знает, изучает или преподает русский язык****, а главное – любит его*. Обращаясь к таким же специалистам, как они сами, авторы канала реализуют коммуникативную позицию помощника и советчика, задачей которого является оперативное удовлетворение профессиональных запросов на лингвистическую информацию различного рода в форме, максимально удобной для работы. Взаимодействие разноуровневых языковых средств позволяет создать атмосферу расположенности к собеседнику и готовности вести дружелюбное общение (***Приветствуем вас, друзья!****;* ***всем****, кто знает, изучает или преподает русский язык,* ***а главное – любит*** *его*).

Коммуникативная позиция **разоблачителя мифов** в целом также является просветительской, однако автор выбирает особую нишу для формирования научно-популярного контента на своем канале. Он предлагает читателю не просто новое научное знание или помощь в получении необходимой информации, а нечто более значимое – избавление читателя от заблуждений, связанных с обывательскими ненаучными представлениями о тех или иных фактах. Например:

Пишу о русском языке, ***борюсь с лингвофриками****, низвергаю пуристов.*

Веду телеграм-канал «Восстание редуцированных» и блог «Истоки слова» [телеграм-канал «Восстание редуцированных», 31.03.2022].

При установлении контакта с аудиторией автор канала использует неологизм *лингвофрики,* который в данном случае служит маркером принадлежности к сообществу, негативно относящемуся к псевдонаучным этимологическим трактовкам, а значит сигналом «свой / чужой» для потенциальной аудитории.

Разоблачение мифа ценно для адресата ещё и тем, что оно имеет занимательный сюжет, основанный на интриге: так же, как при реализации традиционной коммуникативной позиции автора-детектива, здесь можно говорить об использовании интригообразующих тактик. Например:

Z и V – славянские?

Много сейчас разговоров о том, что *буквы Z и V на российской военной технике* ***вовсе не*** *латинские,* ***а*** *старославянские:* Ⱬ *(земля) и V (ижица).*

О том, почему ***это не так****, я написала здесь #zv* [телеграм-канал «Восстание редуцированных», 30.03.2022].

Интригообразующий «сюжет» выстраивается за счет особой композиционной структуры текста: сначала автор сообщает о широко распространившемся представлении (*Много сейчас разговоров о том, что…*), затем заявляет о том, что оно ошибочно (*это не так*), а далее объясняет, почему оно ошибочно, или отсылает к такому объяснению (*я написала здесь*). Помимо указанных компонентов, которые являются обязательными, эта структура может включать факультативный компонент – обоснование необходимости разоблачения:

Слышали, что изначально «урод» – тот, кто «у рода», первенец?

Я раньше думала, что это просто прикол родноверов-маргиналов, к которому вряд ли кто-то относится серьезно – но даже небезызвестная училка уже сняла соответствующий ролик… А значит, нужен пост с опровержением этой туфты [телеграм-канал «Восстание редуцированных», 17.03.2022].

Реализуя коммуникативную позицию разоблачителя мифов, автор выступает в образе «борца с мракобесием», защитника истинного научного знания (***борюсь*** *с лингвофриками, нужен пост* ***с опровержением*** *этой туфты*). Использование разнообразных средств выражения оценки – от смягченной, косвенной (*вряд ли кто-то относится серьезно*) до сниженной, грубой (*лингвофрик, маргинал, туфта, прикол*) – позволяет автору сформировать отрицательное отношение аудитории к разоблачаемой им ненаучной информации. В заявлении об ошибочности распространенного мнения отрицательная оценка выражается прямо и жестко: *это не так*. Поскольку разоблачение как коммуникативное действие по своей природе носит конфликтный характер, разоблачитель мифов уделяет особое внимание взаимодействию с аудиторией в рамках общей коммуникативной стратегии сотрудничества. Для этого используются приемы, объединяющие автора и читателя и вовлекающие читателя в тематически организованное общение: вопросы, непосредственно обращенные к читателю и предполагающие подтверждение; отсылки к информации, хорошо известной и автору, и читателям (***слышали, что****…; **много сейчас разговоров о том, что****…; даже* ***небезызвестная*** *училка сняла соответствующий ролик*).

Нередко автор научно-популярного контента в интернет-пространстве выбирает для себя роль организатора. Мы выделили две таких организаторских позиции: организатор клуба по интересам и организатор исследовательской команды. Так, коммуникативная позиция **организатора исследовательской команды** позволяет автору решать свои исследовательские задачи, эксплуатируя энтузиазм подписчиков, их увлеченность лингвистикой и желание внести свой вклад в серьезное научное исследование:

Каждый день – новое слово русского языка, которое я узнал

Добро пожаловать! Я, лингвист Борис Иомдин (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Яндекс), каждый день публикую здесь новое русское слово, которое я узнал в этот день, а вы голосуете, знаете ли вы его [телеграм-канал «Узнал новое слово», 2.01.2022].

Автор эксплицирует свое участие в активной исследовательской деятельности, указывая свое известное в научном мире имя и фамилию, место работы и квалификацию: *Я лингвист Борис Иомдин (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Яндекс)*. Реализация я-стратегии в данном случае является вспомогательным компонентом позиционирования канала и на самом деле служит реализации ты / вы-стратегии: главная задача автора – привлечь аудиторию к сотрудничеству, а самопрезентация организатора команды как известного ученого (с точным указанием имени и фамилии) выступает в качестве источника мотива, который должен убедить аудиторию включиться в совместную деятельность. Ты / вы-стратегия реализуется за счет обращенного к читателю предложения включиться в интеллектуальную интерактивную игру: *я /…/ каждый день публикую здесь новое русское слово, которое я узнал в этот день, а вы голосуете, знаете ли вы его*. Такое взаимодействие автора и читателей оказывается взаимовыгодным: автор получает необходимые ему научные данные, а читатель – чувство причастности к высокой науке и массу интересных сведений о современном состоянии языка, которые сопровождаются авторитетным комментарием специалиста.

Коммуникативная позиция **организатора клуба по интересам** эксплуатирует психологическую потребность людей войти в круг единомышленников, связанных общим интересным занятием в свободное от работы время. Основной коммуникативной тактикой в рамках этой позиции становится формирование атмосферы дружного коллектива, внутри которого адресат может получить не только новые знания, но и поддержку и одобрение. Безусловно, автор такого канала обладает более обширными знаниями, чем адресат, но он предлагает своей аудитории не столько научную информацию, сколько возможность обрести друзей-единомышленников, став членом тематического клуба. Например:

/…/ Такие нюансы ***мы частенько разбираем*** *на онлайн-уроках* ***в клубе****. А этим летом* ***в рамках клуба у нас*** *как раз проходит курс по пунктуации – вы наконец научитесь верно расставлять знаки препинания и не лепить лишние.*

К нам можно*! Проведите лето с пользой* ***в кругу единомышленников*** [телеграм-канал «Русский язык с Марией Чепиницкой», 23.06.2022].

Ключевым языковым средством реализации указанной тактики является лексика, которую можно отнести к тематической группе «клуб»: *клуб, круг, единомышленник, участник, друг, поддержка, помогать, обсуждать, поделиться* и др.:

Бывало ли у вас такое: дочитал книгу, а ***обсудить не с кем?*** *Я, например, ценю в чтении не только сам процесс, но и* ***возможность поделиться*** *впечатлениями.*

Поэтому каждое воскресенье ***мы с участниками закрытого клуба обсуждаем*** *прочитанный в течение недели рассказ, а в конце месяца – роман или повесть. /.../*

Но чтение – это не главное ***преимущество клуба****. Помимо*

✔*еженедельных онлайн-уроков,*

✔*повторения и закрепления правил в чате,*

✔*удобных конспектов,*

✔*тестов в будни и игр в выходные*

вы получаете поддержку единомышленников *– таких же любителей русского языка и хороших произведений. В чате я отвечаю на любые вопросы и даже* ***помогаю*** *в проверке домашних работ.*

Мы все друг другу помогаем*. И* ***это ценно*** [телеграм-канал «Русский язык с Марией Чепиницкой», 2.05.2022].

Выбранную коммуникативную позицию автор-организатор клуба по интересам реализует в рамках мы-стратегии, демонстрирующей принадлежность автора и адресата к одному коммуникативному сообществу и создающей контур общего взаимодействия в едином контексте [У Баоянь, с. 9], что проявляется в первую очередь в высокой частотности личного местоимения *мы* и глагольных форм 1 лица множественного числа: ***мы разбираем****; в рамках клуба* ***у нас; к нам*** *можно*; употреблением конструкций со значением субъекта совместной деятельности: ***мы с участниками обсуждаем***, ***мы все*** *друг другу* ***помогаем***. Особая привлекательность клубной атмосферы подчеркивается использованием лексических единиц с семой эксклюзивности (***преимущество*** *клуба; участники* ***закрытого клуба)***. Графическое выделение списка тех «бонусов», которые станут доступны участникам при вступлении в клуб, также поддерживает идею их привилегированного статуса. В результате создается эффект комфортного общения – взаимного интереса и поддержки.

Коммуникативная позиция **«классная дама»** также направлена на объединение адресатов, но в данном случае не в клуб или команду: автор создает подобие виртуального класса. Такой элемент игры позволяет автору как реализовать собственно просветительскую функцию классического научно-популярного контента, так и придать публикациям своеобразный развлекательно-ностальгический характер. Примером такой игры с аудиторий можно считать телеграм-канал Татьяны Гартман, позиционирующей себя как *Та самая училка*. Татьяна Гартман прославилась в качестве «блюстителя» соблюдения языковых норм, но ее ТГ-канал позиционирует гораздо более эмпатичный образ «обычной» учительницы, которая делится с аудиторией разными деталями своей профессиональной и публичной деятельности, в первую очередь связанными с русским языком:

Ура! Получилось!

Кто справился? [телеграм-канал «Татьяна Гартман», 18.12.2021].

Оксана Гузенко, Александр Лопуха, Anton Mikin ***получают пятёрки****!!!*

Остальным напоминаю*, что правило касается прилагательных, образованных от НЕОДНОСЛОЖНЫХ существительных (ёж не подходит) при помощи суффикса ОВ/ЕВ (мозаИчный, отрубной не подходят)*

Запоминаем другие исключения*: продуктОвый, местечкОвый, оркестрОвый* [телеграм-канал «Татьяна Гартман», 20.12.2021].

Коммуникативная позиция школьной учительницы поддерживается автором за счёт использования традиционных для педагогической коммуникации императивных форм совместного действия [Храковский, Володин, 2002], в том числе форм инклюзивного побуждения [Изотов, 2005] (***запоминаем*** *другие исключения),* специфических оценочных конструкций (***получают пятёрки***), экспрессивной пунктуации и традиционных для учебной сферы общения графических выделений. Автор, с одной стороны, действует в рамках стратегии дружелюбия, демонстрируя участникам позитивное отношение и поддержку (*Ура! Получилось! Кто справился?*), но при этом важное место в такой коммуникации занимают традиционные для педагогической риторики дидактические тактики, включающие элемент коммуникативного давления (*остальным напоминаю*). За счет этого на канале создается атмосфера школьного урока, которая, с одной стороны, забавляет взрослую аудиторию, с

другой стороны, дает ей возможность удовлетворить ностальгические чувства, связанные с «чудесными» школьными годами.

Коммуникативная позиция **аниматора** является еще одним примером игры с аудиторией канала. Занимательная форма подачи лингвистической информации и особая форма общения с адресатом становятся для автора значимыми способами реализации общей бизнес-стратегии развития канала и выходят на первый план. При этом просветительская функция научно-популярного контента занимает периферическую позицию в общей системе целеполагания автора. Автор может демонстрировать свою позицию аниматора за счет эксплицированного акцента на занимательности предлагаемого контента и удовольствии, которое получит адресат от знакомства с ним. Такой акцент создается с помощью лексики, включающей сему «эмоциональное, интеллектуальное удовольствие»:

Веселое *и* ***занятное*** *про языки (в основном русский):* ***игра*** *слов, переводы, этимология. Чат @lingvojokes_chat,* ***мемы*** *можно в личку @leno4kova* [телеграм-канал «Лингвошутки», 22.08.2016].

Лексическое указание на развлекательный характер содержания предлагаемого контента в данном случае содержится уже в самом названии канала: *Лингво****шутки***.

Имплицитным способом реализации коммуникативной позиции аниматора можно считать использование особого – игривого – стиля общения:

Приветствую, ***цветочки****! На этом канале вас ждут* ***интересные*** *факты о языке, задания и тесты. И конечно, мои мысли и возможность обсудить* ***всё это безобразие*** [телеграм-канал «Русский язык с Марией Чепиницкой», 15.03.2021].

Признаками такого стиля в данном случае являются дружеское, подчеркнуто неформальное обращение (*Приветствую, цветочки!*) и стилистически сниженное, эмоционально окрашенное устойчивое сочетание (*всё это безобразие*). Всё это в совокупности формирует атмосферу лёгкого, необременительного для адресата общения, в ходе которого он может получить ещё и новое знание о языке.

Особый интерес вызывает такая коммуникативная позиция автора научно-популярного контента о языке, как **антипурист.** Демонстрируя эту позицию, автор заявляет о своем намерении противостоять языковому пуризму – «стремлению к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также от естественного проникновения в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов (народно-разговорных, просторечных, диалектных и т.п.)» [Большой энциклопедический словарь, 2000]. Например:

Пишу о русском языке, борюсь с лингвофриками, ***низвергаю пуристов****.*

Веду телеграм-канал «Восстание редуцированных» и блог «Истоки слова».

Кушаю, убираюсь, пью чёрное кофе*. И заодно пишу о лингвистике* [телеграм-канал «Восстание редуцированных», 19.11.2020].

Позиция антипуриста выражается не только прямыми заявлениями о неприятии пуризма (***низвергаю пуристов***), но и указаниями на игнорирование автором отдельных кажущихся незыблемыми языковых норм (***кушаю, убираюсь, пью чёрное кофе***). Эта позиция имеет ряд преимуществ в плане привлечения аудитории. Во-первых, она выделяет автора из ряда экспертов-лингвистов, делает его непохожим на других. В данном случае можно говорить об элементах коммуникативной тактики интеллектуального эпатажа, которая оказывается эффективной при воздействии на аудиторию, освоившую просветительскую нишу научно-популярной коммуникации и заинтересованную в новых, неординарных подходах. Во-вторых, коммуникативная позиция антипуриста сближает автора и адресата, удовлетворяя потребность образованной аудитории в экспертном «разрешении» на отказ от предписываемых нормой языковых форм, кажущихся устаревшими или неестественными, и употребление на их месте вариантов, официально не признаваемых нормой, но гораздо более привычных и не вызывающих отторжения. При этом необходимо отметить, что антипурист нарушает языковые нормы осознанно, имея на это определенные основания, и, как правило, может обосновать отход от нормативности лингвистическими закономерностями и историческими фактами:

Писала в книжке своей о том, как ***кофе вошло в русский язык именно в среднем роде и как на рубеже XIX–XX веков средний род даже фиксировался в словарях и в литературе как образцовый****.*

И вот поделилась со мной подписчица очередным примером, подтверждающим ***этот факт*** [телеграм-канал «Восстание редуцированных», 23.06.2024].

Как видим, позиция антипуриста в научно-популярной коммуникации в своей основе содержит позицию эксперта, который имеет научные представления о динамике языковой нормы, оперирует внушительным багажом знаний об истории языка и истории становления его норм. Но главной задачей эксперта в этом случае является трансляция не столько научных знаний, сколько научной и общественной позиции противостояния шаблонной «борьбе за чистоту» языка, основанной на запретах. И в этом противостоянии автор-антипурист заставляет своего адресата корректировать режим отношения к языковой норме – с жестких требований к окружающим соблюдать норму переключиться на стремление разобраться в том, под влиянием каких факторов эта норма формируется. Решение такой задачи определяет необходимость обращения к демонстрации живого характера языка, динамики происходящих в нем активных процессов, что также находит заинтересованную и благодарную аудиторию.

Выводы

Проведённое исследование показало, что в современном медийном дискурсе фиксируется значительное разнообразие коммуникативных тактик самопозиционирования автора научно-популярного контента.

Рассмотрение характерных особенностей каждой из выявленных коммуникативных позиций и способов их реализации позволило вычленить значимые различительные признаки, по которым коммуникативные позиции автора научно-популярного контента могут быть систематизированы. Главным таким признаком стала магистральная коммуникативная стратегия, в русле которой осуществляется взаимодействие автора с аудиторией:

1) стратегия общения «сверху вниз»: автор, владея более обширными знаниями и опытом, чем адресат, просвещает его. В рамках этой стратегии реализуются коммуникативные позиции эксперта и разоблачителя мифов;

2) стратегия общения на равных: автор помогает адресату либо сотрудничает с ним. К этой стратегии относятся коммуникативные позиции помощника-советчика, антипуриста, организатора исследовательской команды, организатора клуба по интересам;

3) стратегия общения «снизу-вверх»: автор обслуживает, развлекает адресата. Эту стратегию можно наблюдать при реализации коммуникативной позиции аниматора.

Особый случай представляет коммуникативная позиция «классная дама», в рамках реализации которой фиксируется сочетание стратегии общения «сверху вниз» и «снизу вверх»: с одной стороны, «училка» дает своим «ученикам» новые знания, контролирует процесс их усвоения, но с другой стороны, своим гротескным образом развлекает, забавляет аудиторию, которая с удовольствием включается в игру.

Внутри каждой из выделенных групп коммуникативные позиции авторов научно-популярного контента различаются по следующим признакам:

− коммуникативная цель автора, под которой понимается стремление автора удовлетворить определенные потребности адресата, мотивирующие его обращение к научно-популярному контенту;

− коммуникативная ориентация, которая определяется авторским выбором одного из компонентов коммуникативной ситуации в качестве приоритетного: я-ориентация (акцент на самопозиционировании автора), ты/вы-ориентация (акцент на интересах адресата), мы-ориентация (акцент на объединении автора с адресатом);

– задачи, которые автор ставит для достижения коммуникативной цели;

− основные коммуникативные тактики, используемые автором.

Сопоставление коммуникативных позиций, традиционных для авторов научно-популярных публикаций XX века, и коммуникативных позиций авторов современного научно-популярного контента показало, что приоритет в общении автора с аудиторией сместился с коммуникативной стратегии «сверху вниз» на стратегию общения на равных, то есть стратегию сотрудничества. Именно стратегию общения на равных выбирает большинство современных авторов.

Вместе с тем самопозиционирование в рамках стратегии «сверху вниз» функционально усложнилось: в современном научно-популярном изложении фиксируются разные варианты позиции эксперта, которые отличаются акцентом на разные компоненты коммуникативной ситуации (интересы адресата или фигура автора) и разные аспекты самопрезентации (функциональный или статусный).

Неожиданным результатом исследования стала фиксация в научно-популярном изложении коммуникативной стратегии «снизу вверх», которая представлена коммуникативной позицией

аниматора, развлекающего аудиторию. Это позволяет говорить о повышении роли гедонистической функции современного научно-популярного контента, что, на наш взгляд, обусловлено его переходом в сферу медиакоммуникации и влиянием такого экстралингвистического фактора, как бизнес-стратегия держателя медиаресурса.

Перспективу выполненного исследования составляет, с одной стороны, пополнение списка выявленных коммуникативных позиций, с другой стороны, дальнейшее описание языковых средств их реализации, в частности, средств непрямых, имплицитных, неочевидных.

Библиографический список

1. Андроников И. Л. Загадка Н. Ф. И. // Андроников И. Л. Рассказы литературоведа. Москва : Детская литература, 1962. С. 37–66. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/ANDRON/NFI.HTM (дата обращения: 17.10.2023).

2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва : Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург : Норинт, 2004. 1456 с.

3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. Москва : Высшая школа, 2005. 287 с.

4. Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Брно, 2005. 270 с.

5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва : Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

6. Крысин Л. П. Социальный аспект владения языком // Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва : Языки славянской культуры, 2004. С. 411–436. URL: https://destructioen.narod.ru/krysyn_cozialnyje_roli.htm (дата обращения: 20.10.2024).

7. Маевский Н. Н. Особенности научно-популярного стиля. Ростов-на-Дону, 1979. 25 с.

8. Мельничук О. А., Мельничук Т. А. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) // Вопросы психолингвистики. Теоретические и экспериментальные исследования, 2012. №1 (15). С. 156–167.

9. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 28–44.

10. Пром Н. А. Диалогизация дискурса и жанра в медиа // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 2 (34). С. 146–155.

11. Ребковец О. А. К вопросу о функционально-стилевой специфике современного научно-популярного текста // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 432–434.

12. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.

13. У Баоянь. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискуссии (на материале интернет-дневников). Москва, 2008. 26 с.

14. Успенский Л. В. Слово о словах. Очерки о языке. Москва : АСТ: Зебра Е, 2009. 496 с.

15. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 272 с.

16. Чепкина Э. В. Языковедческие функциональные методы: дискурсивный анализ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. Москва : Флинта: Наука, 2006. С. 662–664.

17. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 232 с.

18. Шпильман М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска»: на материале произведений А. и Б. Стругацких. Новосибирск, 2006. 229 с.

19. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. Москва : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 746 с.

20. Berne E. Games People Play: The Basic Handbook of Transactional Analysis. Random House Publishing Group, 1996. 216 с.

21. Teun A. van Dijk. The Analysis of News as Discourse // News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press (Ed. by Teun A. van Dijk). Hillsdale, New Jersey, 1988. P. 1–30.

Reference list

1. Andronikov I. L. Zagadka N. F. I. = The mystery of N. F. I. // Andronikov I. L. Rasskazy literaturoveda. Moskva : Detskaja literatura, 1962. S. 37–66. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/ANDRON/NFI.HTM (data obrashhenija: 17.10.2023).

2. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' = Big Encyclopedic Dictionary / gl. red. A. M. Prohorov. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Sankt-Peterburg : Norint, 2004. 1456 s.

3. Vinogradov V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi = On the theory of literary speech. Moskva : Vysshaja shkola, 2005. 287 s.

4. Izotov A. I. Funkcional'no-semanticheskaja kategorija imperativnosti v sovremennom cheshskom jazyke v sopostavlenii s russkim = Functional-semantic category of imperative in the modern Czech language in comparison with Russian. Brno, 2005. 270 s.

5. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative strategies and Russian speech tactics. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 s.

6. Krysin L. P. Social'nyj aspekt vladenija jazykom = The social aspects of language skills // Krysin L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. S. 411–436. URL: https://destructioen.narod.ru/krysyn_cozialnyje_roli.htm

(data obrashhenija: 20.10.2024).

7. Maevskij N. N. Osobennosti nauchno-populjarnogo stilja = Specifics of popular science style. Rostov-na-Donu, 1979. 25 s.

8. Mel'nichuk O. A., Mel'nichuk T. A. Strategii detektivnogo diskursa (na primere romanov A. Kristi) = Detective discourse strategies (based on A. Christie's novels) // Voprosy psiholingvistiki. Teoreticheskie i jeksperimental'nye issledovanija, 2012. №1 (15). S. 156–167.

9. Panfilov V. Z. Kategorija modal'nosti i ee rol' v konstruirovanii predlozhenija i suzhdenija = The category of modality and its role in sentence and judgment construction // Voprosy jazykoznanija. 1977. № 4. S. 28–44.

10. Prom N. A. Dialogizacija diskursa i zhanra v media = Discourse and genre dialogization in media // Zhanry rechi. 2022. T. 17. № 2 (34). S. 146–155.

11. Rebkovec O. A. K voprosu o funkcional'no-stilevoj specifike sovremennogo nauchno-populjarnogo teksta = Toward the issue of functional and stylistic specificity of the modern popular science text // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2024. № 4 (107). S. 432–434.

12. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to speech impact. Voronezh, 2001. 227 s.

13. U Baojan'. Kommunikativnye strategii i taktiki i jazykovye sredstva ih realizacii v russkojazychnoj neformal'noj mezhlichnostnoj diskussii (na materiale internet-dnevnikov) = Communicative strategies and tactics and language means of their realization in Russian informal interpersonal discussion (based on the Internet diaries). Moskva, 2008. 26 s.

14. Uspenskij L. V. Slovo o slovah = A word about words. Ocherki o jazyke. Moskva : AST: Zebra E, 2009. 496 s.

15. Hrakovskij V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologija imperativa. Russkij imperativ = Semantics and typology of imperative. Russian imperative. Moskva : Editorial URSS, 2002. 272 s.

16. Chepkina Je. V. Jazykovedcheskie funkcional'nye metody: diskursivnyj analiz = Linguistic functional methods: discourse analysis // Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M. N. Kozhinoj. Moskva : Flinta: Nauka, 2006. S. 662–664.

17. Chernjavskaja V. E. Tekst v medial'nom prostranstve = Text in media space. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 232 s.

18. Shpil'man M. V. Kommunikativnaja strategija «rechevaja maska»: na materiale proizvedenij A. i B. Strugackih. = Communicative strategy «speech mask»: in the works by A. and B. Strugatsky. Novosibirsk, 2006. 229 s.

19. Shhukin A. N. Lingvodidakticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguodidactic Encyclopedic Dictionary. Moskva : Astrel': AST: Hranitel', 2007. 746 s.

20. Berne E. Games People Play: The Basic Handbook of Transactional Analysis. Random House Publishing Group, 1996. 216 s.

21. Teun A. van Dijk. The Analysis of News as Discourse // News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press (Ed. by Teun A. van Dijk). Hillsdale, New Jersey, 1988. R. 1–30.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-153
EDN: RSNOOY

Номинация жанра «рассуждение»: этимологический анализ

Екатерина Александровна Кытманова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
ekaterina__k@hotmail.com, https://orcid.org/0009-0000-5200-2815

Аннотация. Жанр «рассуждение» возник в русском научном дискурсе в XVIII в., однако номинирующая его лексема имеет более древнее происхождение. Данная статья посвящена истории возникновения и развития лексемы «рассуждение», которая рассматривается в фонетико-орфографическом, морфологическом и семантическом аспектах на материале произведений древнерусской письменности XI в. Несмотря на то, что слово «рассуждение» впервые появляется в переводных текстах с греческого, результаты исследования подтверждают старославянское происхождение лексемы и выявляют ее ономасиологическую структуру и первичное лексическое значение. На основе данных фонетико-орфографического анализа было доказано, что лексема «рассуждение» претерпела процессы ассимиляции в древнерусском языке, что нашло отражение в ее орфографическом облике. Морфолого-словообразовательный анализ подтвердил наличие в слове трех степеней деривации и отпричастное происхождение слова, сохранившего в своей ономасиологической структуре значение вневременного признака глагола. С помощью контекстуального анализа было установлено, что лексема «рассуждение» обладала семантическим синкретизмом и проявляла вариативность в оттенках значения в произведениях разных жанров средневековой нравоучительной литературы. В жанрах религиозно-философской литературы, таких как пандекты и патерики, лексема «рассуждение» имела значение «обращение за духовным советом», а в текстах сборников, включающих заповеди и поучения религиозно-правового характера – «судебное разбирательство», «решение». С помощью методики компонентного анализа в структуре лексического значения слова была выявлена центральная сема, которая позволит в дальнейших исследованиях объяснить траекторию развития «рассуждения» от единицы общего словаря до номинации научного жанра и особенности самого жанра.

Ключевые слова: лексема; жанр; номинация жанра; ономасиологическая структура слова; ассимиляция; калькирование; семантический синкретизм; древнерусская письменность XI в.

Для цитирования: Кытманова Е. А. Номинация жанра «рассуждение»: этимологический анализ // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 153–164. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-153. https://elibrary.ru/RSNOOY

Original article

Nomination of the genre «rassuzhdeniye»: etymological analysis

Ekaterina A. Kytmanova
Candidate of philological sciences, associate professor at the department of foreign languages, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24
ekaterina__k@hotmail.com, https://orcid.org/0009-0000-5200-2815

Abstract. Although the genre «rassuzhdeniye» (reasoning) originated in Russian scientific discourse in the XVIII century, the lexeme nominating it has a more ancient origin. This article describes the history of the origin and development of the lexeme «rassuzhdeniye», which is considered in phonetic and orthographic, morphological and semantic aspects using the works of the XI century Old Russian texts. Despite the fact that the word «rassuzhdeniye» first appears in texts translated from Greek, the results of the study confirm the Old Slavonic origin of the lexeme and show its onomasiological structure and primary lexical meaning. The data of phonetic and orthographic analysis prove that the lexeme «rassuzhdeniye» was assimilated in Old Russian, which is reflected in the orthography of the word. Morphological and word-building analysis revealed three degrees of derivation and participial origin of the lexeme which is preserved in its onomasiological structure endowing it with the quality of non-temporal verbal meaning. Using the data of

© Кытманова Е. А., 2024

contextual analysis, the author proved that the lexeme under consideration possessed a syncretic meaning revealing its semantic nuances in different contexts of various genres of Russian Orthodox didactic literature. In the genres of religious and philosophical literature, such as pandects and patrologies, the lexeme had the meaning of «seeking spiritual guidance», whereas in the texts containing teachings and commandments it has the meaning «judicial decision». The component analysis of the word «rassuzhdenije» identified its core, which can help in interpreting its development trajectory from a lexeme of general vocabulary to a genre nomination and specify the features of the genre itself.

Key words: lexeme; genre; genre nomination; onomasiological structure; assimilation; calque; semantic syncretism; Old Russian literature of the 11th century

For citation: Kytmanova E. A. Nomination of the genre «rassuzhdeniye»: etymological analysis. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):153–164. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-153. https://elibrary.ru/RSNOOY

Введение

Возникновение научной деятельности в России XVIII века привело к появлению системы научных жанров, центральным из которых являлось «рассуждение». Наличие жанра подтверждается не только большим количеством научных трудов, имеющих данную номинацию («Рассуждение об оде вообще» (1734), «Рассуждение о комедии вообще» (1750) В.К. Тредиаковского, «О причине теплоты и стужи. Рассуждение Михайла Ломоносова» (1749), «Рассуждение о упругости воздуха, которое предлагает Михайло Ломоносов» (1749), «Рассуждение И. Е. Фишера о гиперборейцах…» (1755), «Политическое рассуждение о числе жителей у некоторых древних народов» (1788) Д. И. Фонвизина, «Разсуждение о врачебной науке, которую называют докторством» (1787) Г. Н. Теплова и др.), но и дефиницией в «Словаре Академии Российской», где «разсужденїе» определяется как «Сочиненїе, содержащее въ себе подробнѣйшее размышленїе, разсмотрѣнїе какаго либо предмета» [Словарь Академии Российской…, стлб. 959]. Из данного определения следует, что рассуждение прошло довольно длинный путь развития от номинации действия до номинации жанра, и это развитие происходило в средневековый период истории русского языка и культуры. Последнее замечание весьма важно для понимания национально-специфических черт не только жанров русских научных текстов, но и русского научного мышления, что опровергает расхожие заявления о том, что русская наука, также как и русская культура XVIII века были явлениями импортированными и чуждыми русской природе.

Как справедливо заметила Л. В. Балашова, особенности жанра отражаются и «в выборе единицы, заимствованной или исконно русской, словообразовательно непроизводной или производной, причем с определенной словообразовательной структурой; в использовании первичного или вторичного ЛСВ для именования речевых жанров и их компонентов; в степени словообразовательной и семантической (прежде всего – метафорической) активности таких номинаций; в наличии системы экспрессивных синонимов для обозначения жанров, особенно в разных стратах современного русского языка» [Балашова, 2022, с. 161].

Целью данной статьи является рассмотрение номинации жанра «рассуждение» в этимологическом аспекте, то есть выявление его начального морфемного состава и словообразовательных связей, а также первичного лексического значения.

Методы исследования

Методы и процедуры исследования включают: диахронический подход, этимологический, фонетико-орфографический, морфемный, словообразовательный, контекстуальный и компонентный анализ семантики слова.

Состояние вопроса исследования

К сожалению, диахронические словари русского языка не дают этимологического анализа слова «рассуждение», указывая лишь на его церковнославянское или латинское происхождение. Так, авторы «Русского этимологического словаря», утверждают, что слово «рассуждение» наряду с «разглагольствованием» и «разысканием» является калькой с латинского слова *dissertatio* [Аникин, 2020, с. 58].

Между тем, слово известно в русском языке еще с XI века и не только в старославянской (*расоуждениѥ*), но и в древнерусской огласовке (*расоужениѥ*) [Словарь древнерусского языка…, 2013, с. 238].

Могло ли слово быть семантической калькой? Возможно, но если слово и было калькировано, то не с латинского, а древнегреческого образца. Есть основания полагать, что «рассуждение» является переводным эквивалентом греческого слова *διάκρισις* – от гл. *διάκρινω* – «разделять», «пони-

мать», «различать». Подтверждение тому – наличие в русском языке элементов, из которых составлена калька (приставка *разъ-*, корень *соуд (соуж)* и суффикс - е*нij*). При этом все элементы соответствуют древнегреческим морфемам по семантике: приставки *διά* и *разъ-* со значением «разделения» (Ср. *διαίρέω, διαίρεσις*; *раздѣлити*, *раздѣлениѥ*), «распределенного действия» (Ср. *διαπέμπω; разбѣгатисѧ*), «завершенности, полной степени качества» (*διαθέαομαι, διαφόρως*; *разглѧдати, различьнѣи*); корень *сѫж/сѫд (соудъ/соуж),* который восходит к индо-европейским корням *som** и *dhe** (деть, дело) и имеет греческий эквивалент – *κρισις* от гл. *κρινω* [Фасмер, 1986–1987, с. 794]*;* и, наконец, суффикс *-(е)нij*, который является самым распространенным в старославянском языке средством для образования имен существительных с абстрактным значением.

Как справедливо заметил Л. П. Крысин, «кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития» [Крысин, 2002, с. 30]. Однако вопрос о калькировании представляется весьма важным в связи с раскрытием национального / заимствованного характера единицы-номинации жанра.

По наблюдению Крысина, «кальки отличаются тем, что в них реализуются какие-то нехарактерные, неорганичные для данного языка черты – либо в формальной, либо в содержательной стороне слова, словосочетания» [Крысин, 2002, с. 31]. Поскольку словообразовательная модель слова является органичной для русского языка и подтверждается большим количеством примеров даже на этапе древнего периода, очевидно, что «новым» для русского языка было значение слова, относящееся к духовной, религиозно-философской сфере. Следовательно, можно предположить, что мы имеем дело с семантической калькой, однако это довольно сложный случай калькирования, возможно ещё не описанный в научной литературе, поскольку имеет ряд характерных черт, отличающих его от общеизвестных аналогов. Во-первых, слово, если и было калькировано, то не с оригинального языка на переводящий (с греческого на русский), а через посредство старославянского языка, что накладывало на процесс ассимиляции не только семантические, но и фонетические, морфологические и грамматические трудности; во-вторых, влияние старославянского языка было не однократным, а многократным, точнее троекратным (имеется в виду возвращение к старославянским образцам в результате книжных реформ митрополита Киприана (XIV в.), и патриарха Никона (XVII в.)), что существенно изменяло процесс естественной ассимиляции слова в русском языке; в-третьих, в силу того, что одномоментному переводу подвергались греческие источники, относящиеся к разным жанрам и разным эпохам в развитии самого греческого языка, значение исходного слова *διάκρισις* не было правильно понято в его многозначности и диахронической динамике и, следовательно, адекватно передано в старославянских переводах. В итоге русскому человеку приходилось самому «вырабатывать» трудный смысл многогранного понятия «рассуждение».

Результаты исследования

Слово «рассуждение» в XI в. Истоки.

По всей видимости, самой архаичной формой слова является ***расѫждєньıє**** (в источнике – ***расѫждєньıѥмь,*** тв.п.), зафиксированное в Пандектах Антиоха, хотя древнейшими рукописями принято считать Остромирово Евангелие и Изборники 1073 и 1076. Однако в Остромировом Евангелии слово не употребляется. Это объясняется «редкостью» его греческого аналога в Новом Завете. Согласно исследованиям Д. ДеГраафа, *διάκρισις* употребляется в Новом Завете всего три раза [DeGraaf, 2005, с. 740], причем эти эпизоды не включены в OE, а единственный случай употребления глагола *διάκρινω* (из 19 имеющихся в Новом Завете) получает не калькированный, а семантический эквивалент – ***нє оусѫмьнитьсѧ*** (*διάκριθῇ;* Марк 11:23) [Евангелие…, л. 294], что характерно для общеевропейской традиции перевода страдательного залога этого глагола (значение «сомнения» наблюдалось в латинских переводах Библии ещё до Вульгаты).

Что же касается других трех древнейших источников русской книжности, то, как считает Т. Л. Миронова, тексты Изборника Святослава 1073, Изборника 1076, Синайского Патерика, так же, как и Пандектов Антиоха, были созданы в результате транслитерации старославянских оригиналов с древнейшей глаголицы на кириллицу, однако Пандекты Антиоха имеют более древнее происхождение, будучи транслитерированы с архаической глаголицы [Миронова, 2004, с. 245].

По мнению П. М. Копко, Пандекты Антиоха сохранили древнейший вид предполагаемого источника на церковнославянском языке и были

списаны с трех разных подлинников: 1) меньшая часть (лл. 26 об. – 125 (128)); 2) большая часть – остальная рукопись, наиболее древняя, не допускавшая руссизмов; 3) лл. 18 об. – 26 об. (так называемая «одноеровая» часть, которая была списана с более позднего источника и позднее более подробно рассмотрена И. Пожгаи и И. Тотом [Popovski, 1989]) [Копко, 1915, с. 1].

Если предположить глаголическое происхождение слова, то, возможно, оно выглядело следующим образом: □□(□)□□□□□□□□□□*. При этом буква (□), скорее всего, отсутствовала, либо текст воспринимался писцом, переписывавшем его на кириллице, на слух, и звуки «з» и «с» неизбежно сливались при произнесении. Данное предположение об отсутствии буквы □ подтверждается и тем фактом, что написание буквы «*з*» в приставке *раз-* отсутствовало в кириллических текстах вплоть до XIV века. Вопросы также вызывает и буква *ѥ*, поскольку в глаголице не было букв, обозначающих йотированные звуки.

Слово «рассуждение» встречается в источнике в двух формах: ***расѫждєньѥмь*** [Пандект монаха Антиоха…, л. 187] и ***расоуждєниꙗ*** [Пандект монаха Антиоха…, л. 57]. Первая форма относится к источнику более древнему, чем начало рукописи. Как можно заметить, уже в одном памятнике начинается замена староболгарских фонетико-графических явлений на восточнославянские: «юсы» большой и малый заменяются на буквы «оу» и «ѫа», обозначающие чистые гласные, редуцированного «ь» на «и». Отсюда форма ***расоуждєниꙗ*** – более позднее явление, свидетельствующие о «обрусении» слова уже на ранней стадии его проникновения в язык.

Фонетико-орфографический аспект

В других древнейших источниках кириллической письменности на Руси встречаются следующие орфографические варианты слова: ***расоуждениѥ*** [Изборник великого князя…, л. 161; 9 (11), л. 26]; ***расоужаниѥ, расоужениьѫ, без расѫжениꙗ*** [Синайский патерик…, л. 37; л. 38 об.; л. 124].

Наблюдаемая фонетико-графическая вариативность слова в пределах одного периода и даже одного источника – свидетельство его иноязычного происхождения. Появившееся в староболгарском языке новообразование претерпевало процесс ассимиляции в древнерусском языке, на что указывают следующие изменения, отраженные в орфографическом облике слова:

1) падение носовых гласных и замена носового гласного [ǫ] на [u], что выразилось в замене «юса большого» на лигатуры «*оу*» / «*ѹ*» и позднее монограф «*у*»;

2) замена сверхкраткого редуцированного [ь] на гласный полного образования [и], соответственно в буквах «*ь*» – «*и*»;

3) замена сложного звука с фрикативным началом и взрывным окончанием [ž’ď] в южнославянском (болгарском) языке на палатализованный передненебный спирант [ž’], соответственно: «*жд*» – «*ж*».

Сложно судить об акцентной структуре слова. Одно можно утверждать в точности: в отличие от древнегреческого аналога (*διάκρισις*) ударение в старославянском варианте не падало на приставку. Таким образом, значение греческого слова «разделение, расчленение, разъединение, проникновение», которое больше сосредоточено в приставке ***διά-***, не было основным в старославянском и затем русском языке.

Несовпадение ударения с греческим аналогом подтверждают и акцентные перестройки XIV в., в результате которых ударение было закреплено за суффиксом – ***разсѫждєнїє*** [Иоанн Синайский…]. Подобные изменения касались выравнивания внутри совокупности слов, образованных от одного и того же суффикса с переносом ударения на суффикс: «Как легко понять, достижение этого идеала означало бы не что иное, как доминантность суффикса» [Зализняк, 2010, с. 181], что способствовало закреплению словообразовательной модели V + -ениj = N, и повысило абстрактность лексемы, закрепив ее за религиозной и риторической литературой.

Морфологический аспект

Доказательством того, что слово «рассуждение» не являлось калькой, но творческим переводческим решением в отсутствии семантического эквивалента, может служить и морфемно-словообразовательный анализ, способствующий выявлению ономасиологической структуры слова.

Исследуя старославянскую лексику, Р.М. Цейтлин отметила, что в языке X–XI вв. насчитывалось до 736 слов с суффиксом ***-ниѥ*** [Цейтлин, 1977, с. 69], что, по мнению автора, свидетельствовало о продуктивности модели образования существительных с абстрактным значением. Однако, на наш взгляд, статус отглагольного существительного неприменим к данным словам, по крайней мере в XI в., поскольку слова на ***-ниѥ*** являются не результатом приложения суффикса к глагольной основе, а продуктом не-

скольких процессов, и не только словообразовательных, но и морфологических. Каждый из этих процессов наложил свой «отпечаток» на семантику производного слова.

По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «в отличие от простых, непроизводных знаков, выражающих принадлежность слов к одной единственной категории, производное слово, напротив, принадлежа одной категории, хранит в себе тем не менее след другой и потому «гибридно» [Кубрякова, 2004, с. 197–198], что ставит вопрос о соотношении в ономасиологической структуре рассматриваемого нами производного слова категорий предметности, признаковости и процессуальности.

Слово является производным, поскольку в нем выделяются одна корневая и три аффиксальных словообразовательных морфемы: ***ра-сѫжд-єнь(є)***, что говорит о трех степенях деривации:

I степень: ***раз-*** + ***сѫ(ж)дити*** – ***расѫ(ж)дити /расѫ(ж)дати*** (Ср. ***расѫждалисѧ*** [Popovski, 1989, с. 59], ***расѫждѧємо*** [Изборник великого князя…, л. 10 об.])

II степень: ***расѫжд(а)*** + ***-н*** – ***расѫ(ж)дьнъ / расѫ(ж)дєнъ / расѫжанъ*** (Ср. ***расоудьнѣ*** [Изборник великого князя…, л. 8 об.)])

III степень: ***расѫждєн*** + ***-*ьj / иj*** – ***расѫж(д)єньє / расѫжаниє***.

Рассмотрим «вклад» каждого этапа в семантику лексемы.

Присоединение приставки ***раз-*** не было результатом калькирования древнегреческого слова, но проявлением активной модели, действовавшей в старославянском языке, причем приставка присоединялась не только к основе глагола, но и существительного (Ср. ***разоумъ, размыслъ, расоудъ)***.

Поскольку присоединение приставки не влияло на формирование категориальных признаков слова (слово оставалось в рамках той же части речи), мы не будем учитывать первый этап деривации для построения ономасиологической структуры слова, однако важно отметить, что после того, как данная модель сложилась, именно в приставке происходили семантические сдвиги, определяющие развитие лексического значения слова. Так, графическое выделение приставки в ходе евфимьевской справы и закрепление ее в результате никонианской книжной реформы закрепило главенство этой морфемы над другими частями слова, которые уже с семантической точки зрения представляли некое целое, тогда как приставка ***раз-*** стала генерировать различные изменения как в денотативном, так и в коннотативном компонентах слова по ценностной шкале от положительного полюса («способность размышлять, оценивать, разум») до отрицательного («сомнение, отступничество»).

Присоединение суффикса ***-н*** – традиционный для славянских языков способ образования страдательных причастий прошедшего времени, что формировало категориальное значение страдательного залога и указание на пациенс. Однако это также мог быть и суффикс прилагательного, поскольку, как известно, прилагательные и причастия в старославянском языке практически не различались. Тем не менее переход в разряд прилагательных сопровождался формированием значения атемпорального признака действия, что, на наш взгляд, и отражало значение слова в XI в. В некоторых контекстах форма прилагательного выполняла функции существительного и наоборот – форма существительного выполняла функции прилагательного и причастия, например: «*Разоумѣваи пьрѧ мьдьльно твори же* ***расоуждениꙗ*** *не тъштасѧ».* В данном тексте ***расоуждениꙗ*** является переводным соответствием греческого *(τὰ κριθέντα*), то есть соответствует причастию и означает «вынесенное судебное решение».

В так называемом «Минейном сборнике», признанном исследователями более древним антиграфом Изборника 1076 [Буланин, 1990; Мушинская, 2015; Veder, 2019] для перевода той же части речи используется причастие ***расоуженыа:*** *«Разоумѣваи пьрѧ моудно, твори же* ***расоуженыа*** *тощно. єлма жє зѣло єсть блазно, єже w вѣщехъ неиспытно, аще бо бє свѣта»* [Николов, 2000, с. 96], что подтверждает нашу версию о неустойчивой частеречной принадлежности слова и доминировании признаковости в его ономасиологической структуре.

Присоединение форманта ***-*ьj-е / иj-е***, который исходно бытовал в славянских диалектах и использовался для образования собирательных существительных, который стал применяться для создания слов, обозначающих отвлеченные понятия, а также при образовании названий действий от страдательных причастий, было показателем осознания древнеболгарским переводчиком значения опредмеченного действия или его результата, которое содержалось в греческом образце, но не было достаточно понятно в славянском мире. Присоединение этого форманта к уже имеющим-

ся в старославянском языке причастно-адъективным формам, возможно, и стало тем творческим актом, который породил лексему «рассуждение».

Кубряковой было выявлено, что в результате словообразовательных процессов «ингерентные для данной части речи концепты устранены быть не могут, устраняются лишь ее модификационные (словоизменительные, субкатегориальные, но не категориальные) характеристики» [Кубрякова, 2004, с. 206].

Исходя из данного утверждения, можно представить ономасиологическую структуру слова в диахроническом аспекте следующим образом. Базисом слова «рассуждение» является процессуальность (изменение), тесно связанная с признаковостью по действию (градуальность, здесь: постепенное, поэтапное изменение), однако эта признаковость имеет не темпоральный или залоговый, а, скорее, видовой характер, свидетельствующий о завершении процесса – появляется предметность (результат процесса) – «нечто подвергшееся суду», «результат судебной (разумной, рациональной) деятельности, вынесенное решение».

Семантический аспект

Для изучения семантики слова обратимся к контексту. Источниками древнерусских текстов XI в., уже упомянутых нами, были: Пандекты Антиоха, Изборники 1073 и 1076 гг. и Синайский патерик.

Все эти тексты являются сборниками аскетически-нравоучительного характера. Пандекты представляют собой выдержки из Священного Писания, перемежающиеся святоотеческими поучениями и молитвами. Патерики – сборники изречений святых отцов или рассказов о них. Изборники включали собрание гномологических текстов (поучительных изречений и притч).

Важно отметить, что лексема «рассуждение» встречается не только в религиозных, но и в поучительных текстах. Даже те из них, которые, как Пандекты Антиоха, являлись собранием библейских и евангельских изречений, имели формат, который представлял собой κεφάλαια παραινετικά (поучительные главы), организующие материал тематически или вопросно-ответным образом. Некоторые исследователи подметили, что этот жанр близок популярной в философской литературе позднеантичного периода, в частности, «Медитациям» Марка Аврелия [Pozsgai, 2015, с. 63] (о связи жанра медитации с рассуждением см. [Кытманова, 2024]).

Аналогичные поучительные главы содержатся в Изборнике 1073 г. (Вопросы и ответы преподобного Анастасия Синаита) и в Изборнике 1076 г. (Наказание богатым). Таким образом, лексема «рассуждение» появляется в текстах не столько религиозных, сколько религиозно-философских, нравоучительных и дидактических.

Большинство источников, исключая Синайский патерик, – это тексты, прошедшие, как утверждают исследователи, несколько ступеней компиляции и являющиеся результатом наложения нескольких культурных слоев. До недавнего времени в науке существовало мнение, что смысл древнерусских слов подобной литературы можно выявить только при сопоставлении с греческими образцами, однако, как подтверждают новейшие исследования, это не так, поскольку составители древнерусских сборников работали не с греческими оригиналами, а с переводами, которые воспроизводили исходные тексты не целиком, а в виде эксцерптов [Буланин, 2012]. Между греческим текстом и текстом сборников, возможно, стояло несколько славянских переводов. Как справедливо заметил Д. М. Буланин, «сравнение с греческим не всегда помогает правильной интерпретации текста, так как не учитывает ближайшие источники сборника, которыми были не греческие сочинения, а их славянские переводы, порой подвергавшиеся компилятором довольно бесцеремонной адаптации» [Буланин, 1990, с. 161].

Рассмотрим сперва те случаи, которые не вызывают у большинства ученых сомнений в их греческих аналогах.

1. «*Подобаєть же и намъ творити оубо труды съ съмѣрєньємь и* ***расѫждєньємь,*** *сирѣчь вѣпрошєньємь дховьныхъ о҃ць*» (διακρίσεως) [Popovski, 1989, с. 129]. Δεῖ οὖν καὶ ἡμᾶς ποιεῖν μὲν τοὺς κόπους μετὰ ταπεινώσεως καὶ **διακρίσεως** τουτέστιν δι ἐρωτήσεως πνευματικῶν πατέρων [Antiochus, 1866, col. 1700].

Как свидетельствует «Патристический лексикон» Лампе, слово *διάκρισις* имело в святоотеческой литературе следующие значения: A 1) разделение, отделение, разграничение; 2) разделение ипостасей; 3) различение двойственной природы Христа; B 1) деление; C 1) проницательность, способность различать; 2) усмотрение, рассудительность, высшее суждение; 3) внимательное изучение, рассмотрение; D колебание, сомнение [Lampe, 1961, с. 354]. В данном контексте слово ***расѫждєньє*** проявляет значение, близкое к C2 – «усмотрение, рассудительность, высшее суждение», расширяющееся до следующей дефиниции: *сирѣчь вѣпрошєньємь дховьныхъ о҃ць*, т.е. «сниc-

кание совета, разрешения; действие в соответствии с одобрением, по усмотрению духовных наставников», что подтверждается и латинским переводом: *arbitratu discretivo spiritualium Patrum* (по усмотрению духовных отцов) [Antiochus, 1866, col. 1699].

Таким образом, в данном контексте слово имело значение «высшее суждение; апелляция к духовным отцам, сообразование своего действия с их решением, принятие их суда как образца для поведения; некое действие, в результате которого можно получить совет, наставление».

2. «*Дхъ бо гнѣвънъ и въ нашемъ ср҃дци сѣдѧ очи разоумьнѣи тьмьными мѧтежи ослѣпить да ауже ни* ***расоуждєниꙗ*** *пользьнъихъ можємъ сътѧжати ни дх҃вьна разоума обрѣсти постизанию ни съвѣта блага оудръжати съвръшєниѧ ни сѫштаꙗ жизни выти причастъници ни видѣниꙗ б҃жиꙗ свѣта приꙗти в нашь оумъ боудєтъ ни моудрости приобъштєнии*» [Popovski, 1989, с 40]. Οὔτε **διάκρισιν** τῶν συμφερόντων δυνάμεθα κτήσασθαι [Antiochus, 1866, col. 1504]. Ut in reliquum quae saluti parandae commodent et conferant nequeamus **discernere** [Antiochus, 1866, col. 1505].

Во другом контексте слово, хотя и встает в один ряд с «разумом», «умом» и «мудростью», но имеет другой смысл: «различать, что полезно, а что нет», проводить четкие границы, способность ясно видеть, а, значит, понимать. Референтом слова является действие, предшествующее умопостижению; возможно, это «проницательность, способность различать», что подтверждается и современным переводом («*Ибо дух гнева, поселившись в нашем сердце, ослепляет мысленное око темными волнениями, и вообще ни* ***различения*** *того, что полезно, мы не сможем иметь*» [Антиох, 2015, с. 69]).

Данный контекст дает не только представление о значении интересующей нас лексической единицы, но и о мировоззрении русского средневекового человека, для которого рассуждение – необходимая ступень к познанию, заключающаяся в способности ясно видеть «духовным оком», то есть разумом. В психологическом смысле – это необходимая концентрация внимания, предшествующая процессу мышления. Однако наряду с рациональным здесь имеется и нравственный аспект: размышляя, необходимо поступать по справедливости и в соответствии с авторитетным мнением.

3. «*ѩко велика бѣ от техъ любы и* ***расоужанию*** *и пощение*» [Синайский патерик…, л. 37 об., с. 109]; ὅτι μεγάλη ἦν παρὰ τοῖς Σκητκύταις ἀγάπη, καὶ ἄσκησις, καὶ διάκρισις [Joannes Moschus…, col. 2908]; quia magna erat charitas apud Scythiotas magna abstinentia, magna discretio [Joannes Moschus…, col. 2907].

Данный текст взят из Синайского патерика, который в своей основной части соотносится с произведением византийского автора VI в. Иоанна Мосха «Луг духовный». Являясь аскетической и одновременно апологетической литературой, патерик близок по своему духу и по времени создания Пандектам, отражая тот же взгляд на понятие διάκρισις, что и первый источник. В славянском переводе, тем не менее, мы не видим полного сходства ни с греческим, ни с латинским текстом. Бросаются в глаза отсутствие упоминания скитских старцев и перестановки ключевых слов: *расоужанию* и *пощение* (Ср. греч. ἄσκησις, καὶ διάκρισις). Возможно, перестановка связана с тем, что далее идет речь о старце Аммонии, не принимавшем пищу, если его никто не посещал. Таким образом, аскетическое поведение является прямым следствием жизни по закону святости, которое исходит от духовных отцов. Следовательно, значение слова *расоужанию* в данном контексте сближается с тем, что мы отметили в Пандектах: «рассудительное поведение, с оглядкой на настоятелей и святых отцов».

4. «*И чюдивъ ся старьць* ***расоужденью.*** *братьню бл҃гви и*» [Синайский патерик…, л. 38 об., с. 112]. Καὶ θαυμάσας ὁ γέρων τὴν **διάκρισιν** τοῦ ἀδελφοῦ ηὐλόγησεν αὐτόν [Joannes Moschus…, col. 2909]. Admiratusque senex **discretionem** fratris, benedixit eum [Joannes Moschus…, col. 2910].

В данном отрывке речь идет о некоем ученике Иоанне, который не притронулся к пище, так как не получил разрешения своего духовного отца. Странника-повествователя восхищает в этом монахе особенное послушание, которое здесь и выражает слово ***расоуждению***. Следовательно, в данном контексте слово приобретает значение, которое вряд ли содержит греческий, а тем более латинский текст – «высшая степень послушания», что весьма сходно со значением в предыдущем контексте.

5. *«Повѣдаше намъ ав’ва геор’гии прозвутеръ. обьща житиѧ схолари ѩко въ пребывании старьць великъ сѣдѧше. бѣ же не тръбѣ при вѣрѣ.сь же обрящаше комъкаваше* ***без расѫжениꙗ***» [Синайский патерик…, л. 124, с. 283]. Διηγήστο ἡμῖν ὁ ἀββᾶς Γεώργιος ὁ πρεσβυτερος τοῦ

κοινοβιου τῶν Σχολαρίων ὅτὶ εἰς τὰ Μονιοια γέρων μέγας πονικὸς ἐκαθέξετο ἦν δὲ ἀφλὴς περὶ τὴν πίστν καὶ ὅπου ηὕρισκεν μετελάμβανεν **ἀδιακρίτως** [Joannes Moschus…, col. 3048]. Vita senis coenobii Scholarium, viri simplicis. Narravit nobis abbas Gregorius presbyter coenobii Scholarium, quod ibi senex magnus, magnaeque abstinentiae moratus sit: erat autem simplex circa fidem, et ubicunque eum esse contigisset, **indiscrete** communicabat [Joannes Moschus…, col. 3047].

В данном тексте лексема ***расѫжениѥ*** имеет максимально близкое к греческому аналогу значение – «различение».

6. «*Разоумѣваи пьрѧ мьдьльно твори же* ***расоуждениꙗ*** *не тъштасѧ: Твьрдо разоумѣи·спс҃ениꙗ своѥго хранилиште·ѥже николиже людина обидѣти:·Боуди своимъ повиньникомъ страшьнъ сана ради·а любьзнъ поданиемь милостынѧ: Ѥлико силою прѣвышии ѥси вьсѣхъ· тольма и дѣлы добрыими свьтѣти*» [Изборник 1076 года (11), л. 26].

Данный текст является фрагментом византийского источника – «Поучения» Агапита, диакона Святой Софии в Константинополе, VI в., представляющего собой жанр, который исследователи называют «княжеским зерцалом» [Буланин, 2021] и который содержит изложение максим, принципов поведения для идеального правителя (василевса): Βουλεύου μὲν τὰ πρακτέα βραδέως, ἐκτέλει δὲ **τὰ κριθέντα** σπουδαίως, ἐπειδὴ λίαν ἐστὶ σφαλερώτατον τὸ ἐν τοῖς πράγμασιν ἀπερίσκεπτον (*Разбирая судебные дела, не спеши, но принятые решения исполняй в точности, ибо самое худшее в делах – небрежность (необдуманность)* – перевод Е. К.) [Agapetos Diakonos, 1995, с 42].

В данном тексте слово является переводным эквивалентом причастия *(τὰ κριθέντα)*, а не существительного. Возможно, потому, что на данном этапе развития языка не было строгого разделения между причастиями, прилагательными и отадъективными существительными, о чем говорилось выше. Внимание также привлекает тот факт, что продолжение фразы не соответствует греческому источнику, то есть не является переводом, а, следовательно, выражает точку зрения древнерусского книжника, а не византийского диакона. Синтаксис предложения также подтверждает тот факт, что над ним поработал славянин. На первый взгляд кажется, что переводчик значительно отходит от греческого текста, вступая в противоречие со смыслом: разбирать распрю *мьдьльно* означает то же самое, что рассуждать *не тъштасѧ* (не спеша), и противопоставление здесь неуместно. Против греческого противительного предложения выстраивается славянское сочинительное, а частица «же» приобретает функцию «скрепы». Налицо гармония, подкрепленная синонимией и грамматическим параллелизмом: глагольно-именных словосочетаний *разоумѣваи пьрѧ – твори расоуждениꙗ* и наречий *мьдьльно – не тъштасѧ*.

Расоуждениꙗ в данном контексте опять сближается с «разумом» и перемещается из юридической сферы в сферу духовной деятельности, где тревожно звучит мысль об ответственности за принятые решения перед судом Божиим. Суть высказывания в том, что, выполняя судебные действия над людьми, ты вершишь суд над собой, следовательно, смысл «рассуждения» – в обдуманности и взвешенности решения, которое имеет высокую степень ответственности.

Перед нами, с одной стороны, характерный для раннего христианства и закрепленный в апостольских заповедях принцип проецирования судебного действия во внутренний план: от суда над людьми – к суду над собой, поскольку от этого выбора будет зависеть судьба твоей души, *спс҃ениꙗ своѥго хранилиште*. С другой стороны – характерная для древнерусской литературы тема спасения души как важнейшей цели в жизни, и оценка действий, поступков и помыслов людей с учетом этой цели.

В последующих контекстах, для которых греческие аналоги не были установлены или не являются общепризнанными, мы наблюдаем следующие значения.

1. *«Законъ ѣсть дѣсѧтословьць ижє прѣжє створєниꙗ людьмъѥ ѭпьтьскааго тєльца апина б҃ъ имъ законъ оустави слышимомъ гласомъ тѣмъ жє ѥстьствомь правьдьнѣ* ***расоуждєниѥ*** *творить бл҃гъ бо ѣсть и не ноуждьнъ*» [Изборник великого князя…, л. 161].

Текст взят из главы «От апостольских заповедей» Изборника Святослава 1073 г. Так же, как и в предыдущем контексте, слово *расоуждєниѥ* относится к правовой сфере и входит в состав того же словосочетания – *творить расоуждениѥ*, что означает «совершать суд, выносить решение». Очевидно, можно говорить о том, что слово начинает проявлять коллокационную активность, поскольку вступает в сочетание с одним из самых частотных глаголов древнерусского языка, о чем можно судить по широте контекста использования слова и развитой полисемии (19 значений насчитывается у Срезневского [Срезневский,

стлб. 934–937]), и таким образом закрепляет свое новое значение, возникшее на древнерусской почве.

2. «*въпро(с҃)· О причѧштении тѣла хв҃а· аште достоить вьсегда причѧштатисѧ ст҃<ы>ихъ и животворѧштихъ таин<а>хъ: ѿвѣтъ· Ꙗко оубо вьсѧка жьрьтва боу҃ приносима въ отъпоуштениѥ грѣховъ отъ ба҃ члв҃кмъ оузаконена бысть· ꙗвѣ то ѥсть· паче же бескврьньнаꙗ боу҃ жрьтва· а понеже многа намъ трѣбѣ· и трѣзвениѥ и* ***расоуж(д)ениѥ****·о причѧштении ст҃ыихъ таинъ* : *Блж҃еныи паулъ оуч ить ны гл҃ѧ· ꙗко недостоинѣ ꙗдыи тѣло гн҃е и пиꙗи кръвь въ соудъ себѣ ꙗсть и пиѥть: соуть же нѣции и ꙗко ѥдиною*» [Изборник 1076 года (11) л. 207].

Текст, взятый из Изборника 1076 г. (Ответы Афанасия), посвящен достойному приготовлению к таинству Евхаристии. Согласно автору текста, святые дары необходимо принимать с чистой душой, иначе это может обернуться осуждением, болезнями и даже смертью. Необходимо ощущать страх Божий. В данном тексте мы вновь видим значение: «иметь позволение, испросить совета относительно возможности причащения у настоятелей, святых отцов», которое наблюдалось в пандектах Антиоха и Синайском патерике.

Таким образом, лексема «рассуждение» на этапе своего появления в русском языке имела следующие значения:

1) различение;

2) аскетическое поведение, послушание;

3) вынесение судебного решения.

Многозначность в период становления слова – явление редкое. Его можно объяснить многозначностью греческого прототипа, эквивалентом которого явилось «рассуждение». Но также вероятно, что мы имеем дело не с многозначностью, а с синкретизмом значения, описанным В. В. Колесовым: «Семантическую филиацию слова ***образъ*** можно вскрыть только через греческий текст, потому что в любом славянском контексте это слово многозначно и, следовательно, его конкретное значение древний читатель уточнял самим контекстом. Более того, нам неизвестно, действительно ли это слово было в древнеславянском языке многозначным, и не является ли наше теперешнее толкование его простым приписыванием определенного значения слову, которое В XI в. могло давать синкретичное значение «внешнее проявление какой-то сущности» [Колесов, 1977, с. 123–124].

Объяснением многозначности также может служить и то, что мы наблюдаем лексему «рассуждение» в двух различных контекстах, представленных древнейшими источниками русской письменности: 1) религиозно-философском и 2) религиозно-правовом.

Первый контекст формировал представление о рассуждении как о покорности, смирении, сообразности действий с авторитетом церкви; а второй – как о некоем процессуальном действии, направленном на поиск правды, требующем доказательств и оценки.

Религиозно-правовой контекст преобладал в Изборниках как текстах, обращенных не столько к монашеству, сколько к светским людям, правителям и пастве. В этих текстах слово «рассуждение» сближается со словами «разум», «ум», «мышление», что фиксирует начало осмысления понятия *διάκρισις* русскими людьми как отличного от греческого. Русскому человеку было более понятно значение справедливого решения, приговора в суде, нежели абстрактного различения сущностей, тем не менее, центральная сема греческого слова – идея разделения, отличия одной сущности от другой, связанная с толкованием, объяснением явлений и их божественного смысла с опорой на авторитет – станет основой процесса глубокого размышления, поиска доказательств и оценивания результатов и сохранится в «рассуждении», указывая на способ протекания действия – «путем разделения, расчленения, постановки и адресации вопросов» или «путем справедливого, высшего решения».

Заключение

Исследование показало, что лексема «рассуждение» была не переводной калькой, но функциональной заменой для ряда древнегреческих однокоренных слов, выражавших общее значение «разделение, разъединение, различение», которое, однако приняло в древнерусском языке иную интерпретацию. Фонетические процессы, происходившие в слове, свидетельствовали о его быстрой адаптации к нормам древнерусского языка, а морфологические – закрепляли ономасиологическую структуру слова сперва в общеславянской, а затем в русской национальной специфике. Были выявлены следующие значения лексемы, возникшие на древнерусской почве: 1) обращение к опыту духовных отцов для различения, отделения одного от другого, ясности видения и понимания; 2) судебная деятельность, процедура отделения «добра» от «зла», «хорошего» от «дурного», оценивания и вынесения приговора.

Новые значения сформировались в результате метафорического сдвига: а) переноса физического видения (зрения) во внутренний план видения духовного (понимания); б) переноса судебного разбирательства во внутренний план – суд совести.

Лексема «рассуждение» встречается в древнейших памятниках старославянской письменности, относящихся к разным жанрам поучительной литературы, и обнаруживает различные оттенки значений в каждом из них. За религиозно-философским контекстом закрепилось значение «обращение за духовным советом», а религиозно-правовым – «судебное разбирательство», «решение».

В XI в. лексема ещё была далека от описания процесса мыслительной деятельности, но скрытая отсылка к суду как процессу соизмерения праведности/неправедности, поиска истины и ее доказательств свидетельствовала об особом отношении к действительности, которое носило аксиологический характер. Далее «рассуждение» станет широко употребляться в полемическом дискурсе (произведения Кирилла Туровского, Симеона Полоцкого, Исайи Копинского и челобитные грамоты раскольников), но лишь к XVII в., соединившись с риторической традицией, станет номинацией жанра.

Библиографический список

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова, Ин-т филологии Сибирского отд-ния РАН. Москва : Рукоп. памятники Древней Руси, 2007. Вып. 14: дигнитарь – дрощи. 2020. 381 с.

2. Антиох (монах палестинской лавры св. Саввы; VII в.). Всеобъемлющее собрание (Пандекты) Богодухновенных Святых Писаний / преп. Антиох Монах; пер., коммент. П. К. Доброцветова; ред. пер. Д. Е. Афиногенова. Москва : Сибирская благозвонница, 2015. 750 с.

3. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. Москва : Издательский дом ЯСК, 2022. 831 с.

4. Буланин Д. М. Неизвестный источник Изборника 1076 года // Труды отдела древнерусской литературы. 1990. Т. 44. С. 161–178.

5. Буланин Д. М. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах // Русская литература. 2012. № 2. С. 3–30.

6. Буланин Д. М. Первые московские опыты в жанре «княжеского зерцала» // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 94–112.

7. Евангелие апракос краткий «Остромирово Евангелие», 1056–1057 г. (РНБ, F.п.1.5.), 294 л.

8. Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. Москва : Языки славянских культур, 2010. 848 с.

9. Изборник 1076 года: Тексты и исследования / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; Изд. подгот. В. С. Голышенко и др.; под. ред. С. И. Коткова. Москва : Наука, 1965. 1091 с.

10. Изборник великого князя Святослава Ярославовича 1073 года [с предисл. Геннадия Карпова]. Санкт-Петербург : иждивением Т.С. Морозова, 1880. 266 л.

11. Изборник 1076 г. 2-е издание, переработанное и дополненное / подг. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко; под ред. А. М. Молдована. Т. 1. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 744 с.

12. Иоанн Синайский, преподобный Лествица / Рукопись свт. Киприана, митр. Московского. СТСЛ, 2011. 416 с.

13. Колесов В. В. Лексическое варьирование в Изборнике 1073 г. и древнерусский литературный язык // Изборник Святослава 1073 г.: сборник статей / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Б. А. Рыбаков. Москва : Наука, 1977. С. 108–127.

14. Копко П. М. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1915. Т. XX. Кн. 4. С. 1–92.

15. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. №. 6. С. 27–36.

16. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

17. Кытманова Е. А. Рассуждение как научный жанр // Язык и актуальные проблемы образования. Материалы X Международной научно-практической конференции: г. Москва, 22 января 2024 г. / под ред. Е. И. Артамоновой, О. С. Ушаковой. Москва : МАНПО, 2024. С. 117–124.

18. Миронова Т. Л. Хронология славянских и древнерусских рукописных книг. Москва : Русская книга, 2001. 403 с.

19. Миронова Т. Л. Хронология древнерусских рукописных книг XI в. на основе реконструкции их старославянских протографов // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2004. № 1. С. 234–246.

20. Мушинская М. С. Изборник 1076 года: текстология и язык / Российская академия наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. 478 с.

21. Николов А. Старобългарският превод на «Изложение на поучителни глави към император Юстиниан» от дякон Агапит и развитието на идеята за достойнството на българския владетел в края на IX – началото на X в. // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2000. Год. 24, кн. 3. С. 76–105.

22. Пандект монаха Антиоха: по рукописи XI века, принадлежащей Воскресенскому монастырю: издание Императорскаго Общества истории и древностей российских при Московском университете / под наблюдением О.М. Бодянскаго. Москва : Синодальная тип., 1913. 56 с.

23. Синайский патерик: Текст и палеогр. описание / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. Москва : Наука, 1967. 401 с.

24. Словарь Академии Российской. Санктпетербург: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 5. От Р до Т. 1794. 1084 стб.

25. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / РАН, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. В. Б. Крысько. Москва : Рус. яз., Азбуковник; ЛЕКСРУС, 1988–. Т. 10. Москва: «Азбуковник», 2013. 656 с.

26. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. Санкт-Петербург: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912. Р -Ѩ [йотированный юс малый] и дополнения. Т. 3. 1912. 1684 стлб.

27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стер. Москва : Прогресс, 1986–1987. Т. 3. 832 с.

28. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивир. слов по данным древнеболг. рукописей X–XI вв. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. Москва : Наука, 1977. 336 с.

29. Agapetos Diakonos Der Fürstenspiegel für Kaiser Iustinianos (ed. R. Riedinger). Αθήναι, 1995. 89 p.

30. Antiochus. Pandectes scripturae divinitus inspirate. In Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG), ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857-1866, vol. 89, Col. 1422–1856.

31. DeGraaf D. Some Doubts about Doubt: The New Testament Use of Διακρινω // Journal of the Evangelical Theological Society. 2005. Vol. 48. №. 4. P. 733–755.

32. Joannes Moschus. Pratum spirituale. In Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG), ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857–1866, vol. 87, Col. 2851–3112.

33. Lampe G.W. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1615 p.

34. Papadogiannakis Y. An education through Gnomic wisdom: The Pandect of Antiochus as Bibliothekersatz //Education and Religion in Late Antique Christianity. Routledge, 2016. P. 61–72.

35. Pozsgai I., Tóth I. H. Одноеровая часть из Пандект монаха Антиоха // Revue des études slaves. 2015. Vol. 86. №. LXXXVI-3. P. 319–338.

36. Popovski J. The Pandects of Antiochus: Slavic Text in Transcription // Polata knigopisnaja. An information Bulletin Devoted to the Study of early Slavic Books, Texts and Literatures. Amsterdam, January, 1989. № 23–24.

37. Veder W. Версии или текстове? Княжият изборник и Изборникът на грешния Йоан и техните роднини //Старобългарска литература. 2019. №. 59–60. С. 199–220.

Reference list

1. Anikin A. E. Russkij jetimologicheskij slovar' = Russian etymological dictionary / Rossijskaja akad. nauk, In-t russkogo jaz. im. V.V. Vinogradova, In-t filologii Sibirskogo otd-nija RAN. Moskva : Rukop. pamjatniki Drevnej Rusi, 2007. Vyp. 14: dignitar' – droshhi. 2020. 381 s.

2. Antioh (monah palestinskoj lavry sv. Savvy; VII v.). Vseob#emljushhee sobranie (Pandekty) Bogoduhnovennyh Svjatyh Pisanij = The Comprehensive Collection (Pandects) of the Divine Holy Scriptures / prep. Antioh Monah; per., komment. P. K. Dobrocvetova; red. per. D. E. Afinogenova. Moskva : Sibirskaja blagozvonnica, 2015. 750 s.

3. Balashova L. V., Dement'ev V. V. Russkie rechevye zhanry = Russian speech genres. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK, 2022. 831 s.

4. Bulanin D. M. Neizvestnyj istochnik Izbornika 1076 goda = An unknown source of the 1076 Anthology // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. 1990. T. 44. S. 161–178.

5. Bulanin D. M. Izbornik 1076 goda i spory o nacional'nyh primetah v drevnejshih slavjanskih perevodah = The 1076 Anthology and the controversy over national customs in the earliest Slavonic translations // Russkaja literatura. 2012. № 2. S. 3–30.

6. Bulanin D. M. Pervye moskovskie opyty v zhanre «knjazheskogo zercala» = The first Moscow experiments in the genre of «mirrors for princes» // Paleorosija. Drevnjaja Rus': vo vremeni, v lichnostjah, v idejah. 2021. № 3 (15). S. 94–112.

7. Evangelie aprakos kratkij «Ostromirovo Evangelie» = The Gospel of the Day «Ostromir's Evangelium». 1056–1057 g. (RNB, F.p.1.5.), 294 l.

8. Zaliznjak A. A. Trudy po akcentologii = Works on accentology. T. 1. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 848 s.

9. Izbornik 1076 goda: Teksty i issledovanija = 1076 Anthology: Texts and studies / Akad. nauk SSSR. In-t rus. jaz.; Izd. podgot. V. S. Golyshenko i dr.; pod. red. S. I. Kotkova. Moskva : Nauka, 1965. 1091 s.

10. Izbornik velikogo knjazja Svjatoslava Jaroslavovicha 1073 goda = The 1073 Izbornik of Grand Prince Svyatoslav Yaroslavovich [s predisl. Gennadija Karpova]. Sankt-Peterburg : izhdiveniem T.S. Morozova, 1880. 266 l.

11. Izbornik 1076 g. = 1076 Izbornik. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe / podg. M. S. Mushinskaja, E. A. Mishina, V. S. Golyshenko; pod red. A. M. Moldovana. T. 1. Moskva : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 744 s.

12. Ioann Sinajskij, prepodobnyj Lestvica = St. John of Sinai, the Venerable Lestvitsa / Rukopis' svt. Kipriana, mitr. Moskovskogo. STSL, 2011. 416 s.

13. Kolesov V. V. Leksicheskoe var'irovanie v Izbornike 1073 g. i drevnerusskij literaturnyj jazyk = Lexical Variation in the 1073 Izbornik and Old Russian literary language // Izbornik Svjatoslava 1073 g.: sbornik statej / AN SSSR, Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury; otv. red. B. A. Rybakov. Moskva : Nauka, 1977. S. 108–127.

14. Kopko P. M. Issledovanie o jazyke Pandektov Antioha XI v. = A study on the language of the 11th century Antiochus Pandects // Izvestija otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. Sankt-Peterburg, 1915. T. XX. Kn. 4. S. 1–92.

15. Krysin L. P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom jazyke poslednih desjatiletij = Lexical

borrowing and loan translation in the Russian language of recent decades // Voprosy jazykoznanija. 2002. №. 6. S. 27–36.

16. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge. Toward gaining linguistic knowledge: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the world cognition // Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 c.

17. Kytmanova E. A. Rassuzhdenie kak nauchnyj zhanr = Reasoning as a scientific genre // Jazyk i aktual'nye problemy obrazovanija. Materialy H Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: g. Moskva, 22 janvarja 2024 g. / pod red. E. I. Artamonovoj, O. S. Ushakovoj. Moskva : MANPO, 2024. S. 117–124.

18. Mironova T. L. Hronologija slavjanskih i drevnerusskih rukopisnyh knig = Chronology of Slavonic and Old Russian manuscripts. Moskva : Russkaja kniga, 2001. 403 s.

19. Mironova T. L. Hronologija drevnerusskih rukopisnyh knig XI v. na osnove rekonstrukcii ih staroslavjanskih protografov = Chronology of Old Russian XI century manuscript books on the basis for reconstructing their Old Slavonic protographs // Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. 2004. № 1. C. 234–246.

20. Mushinskaja M. S. Izbornik 1076 goda: tekstologija i jazyk = 1076 Izbornik: textology and language / Rossijskaja akademija nauk, In-t russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2015. 478 s.

21. Nikolov A. Starob#lgarskijat prevod na «Izlozhenie na pouchitelni glavi k#m imperator Justinian» ot djakon Agapit i razvitieto na idejata za dostojnstvoto na b#lgarskija vladetel v kraja na IX – nachaloto na X v. // Palaeobulgarica = Starob#lgaristika. 2000. God. 24, kn. 3. S. 76–105.

22. Pandekt monaha Antioha: po rukopisi XI veka, prinadlezhashhej Voskresenskomu monastyrju: izdanie Imperatorskago Obshhestva istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete = The Pandect of the monk Antiochus: from a manuscript of the XI century belonging to the Resurrection Monastery: a publication of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University / pod nabljudeniem O.M. Bodjanskago. Moskva : Sinodal'naja tip., 1913. 56 s.

23. Sinajskij paterik: Tekst i paleogr. opisanie = The Sinai Paterik: Text and paleographic description / Izd. podgot. V.S. Golyshenko, V.F. Dubrovina. Moskva : Nauka, 1967. 401 s.

24. Slovar' Akademii Rossijskoj = Dictionary of the Russian Academy. Sanktpeterburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1789–1794. Ch. 5. Ot R do T. 1794. 1084 stb.

25. Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) = Dictionary of the Old Russian language (XI-XIVcenturies) / RAN, In-t rus. jaz.; Gl. red. V. B. Krys'ko. Moskva : Rus. jaz., Azbukovnik; LEKSRUS, 1988–. T. 10. Moskva: «Azbukovnik», 2013. 656 s.

26. Sreznevskij I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskago jazyka po pis'mennym pamjatnikam: trud I. I. Sreznevskogo. Sankt-Peterburg: izdanie Otd-nija rus. jaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1890–1912. R -Ꙗ [jotirovannyj jus malyj] i dopolnenija. T. 3. 1912. 1684 stlb.

27. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language : v 4 t. / per. s nem i dop. chlena-korrespondenta AN SSSR O.N. Trubacheva; pod red. i s predisl. prof. B.A. Larina. Izd. 2-e, ster. Moskva : Progress, 1986–1987. T. 3. 832 s.

28. Cejtlin R. M. Leksika staroslavjanskogo jazyka: Opyt analiza motivirovannyh slov po dannym drevnebolgarskih rukopisej X–XI vv. = Lexicon of the Old Slavonic language: Experience of analyzing motivated words according to the data of Old Bulgarian manuscripts of the 10th-11th centuries / AN SSSR, In-t slavjanovedenija i balkanistiki. Moskva : Nauka, 1977. 336 s.

29. Agapetos Diakonos Der Fürstenspiegel für Kaiser Iustinianos (ed. R. Riedinger). Αθήναι, 1995. 89 p.

30. Antiochus. Pandectes scripturae divinitus inspirate. In Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG), ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857-1866, vol. 89, Col. 1422–1856.

31. DeGraaf D. Some Doubts about Doubt: The New Testament Use of Διακρινω // Journal of the Evangelical Theological Society. 2005. Vol. 48. №. 4. P. 733–755.

32. Joannes Moschus. Pratum spirituale. In Patrologiae cursus completus. Series Graeca (PG), ed. Jacques-Paul Migne, 161 vols., Paris, J. P. Migne, 1857–1866, vol. 87, Col. 2851–3112.

33. Lampe G.W. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1615 p.

34. Papadogiannakis Y. An education through Gnomic wisdom: The Pandect of Antiochus as Bibliothekersatz //Education and Religion in Late Antique Christianity. Routledge, 2016. P. 61–72.

35. Pozsgai I., Tóth I. H. Odnoerovaja chast' iz Pandekt monaha Antioha // Revue des études slaves. 2015. Vol. 86. №. LXXXVI-3. P. 319–338.

36. Popovski J. The Pandects of Antiochus: Slavic Text in Transcription // Polata knigopisnaja. An information Bulletin Devoted to the Study of early Slavic Books, Texts and Literatures. Amsterdam, January, 1989. № 23–24.

37. Veder W. Versii ili tekstove? Knjazhijat izbornik i Izbornik#t na greshnija Joan i tehnite rodnini //Starob#lgarska literatura. 2019. №. 59–60. S. 199–220.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 81-2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-165
EDN: SOXJIO

Аббревиатура как средство создания образа ГУЛАГа в романе А. И. Солженицына

Даниил Николаевич Ананьев
Аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
daniil_ananev@bk.ru, https://orcid.org/0009-0004-2834-4187

Аннотация. Работа посвящена аббревиатуре как средству создания образа ГУЛАГа, востребованному при анализе концепта «ГУЛАГ», главенствующего в формировании философского и идейно-эстетического содержания романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Цель статьи – исследовать функционально-стилистическую роль аббревиации и аббревиатур в тексте произведения. Объект исследования – текст романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», предмет – аббревиатуры, использованные в тексте романа автором и создающие образ ГУЛАГа.

В статье применены методы наблюдения и сопоставления, элементы компонентного анализа, контекстуальный, словообразовательный и лексикографический анализ.

В исследовании выделен и получил полиаспектную оценку с лингвистических позиций один из основных способов создания образа ГУЛАГа в романе А. И. Солженицына – введение аббревиатур различных типов как особого вида сложения, характеризующего тенденцию экономии речевых усилий. Доказано, что аббревиатуры становятся средством создания образа сталинских лагерей и его обитателей (заключенных) как языковые символы времени, являются экспликаторами концепта и образа «ГУЛАГ», в том числе при возбуждении его ассоциативного плана, представляют интерес для лингвистического исследования особенностей идиостиля писателя, проявившихся в данном романе.

Результаты исследования вносят определённый вклад в изучение языка произведений А. И. Солженицына, расширяют представления о концептосфере писателя и средствах образности его текстов, идиостиле мастера пера; могут быть применены при освоении дисциплин «Современный русский язык» (раздел «Словообразование»), «Язык художественной литературы», «Стилистика», «Лингвистический анализ текста», «Лингвистический анализ художественного текста» в вузе.

Ключевые слова: аббревиатура; аббревиация; концепт «ГУЛАГ»; А. И. Солженицын; «Архипелаг ГУЛАГ»; образ «ГУЛАГ»

Для цитирования: Ананьев Д. Н. Аббревиатура как средство создания образа ГУЛАГа в романе А. И. Солженицына // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 165–173. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-165. https://elibrary.ru/SOXJIO

Original article

Abbreviation as a means of creating the GULAG image in A. I. Solzhenitsyn's novel

Daniil N. Ananyev
Postgraduate student at the prof. P. A. Lecant department of modern russian language, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina str., 24
daniil_ananev@bk.ru, https://orcid.org/0009-0004-2834-4187

Abstract. The work is devoted to abbreviation as a means of creating the Gulag image, required in the analysis of the concept «GULAG», which is dominant in forming the philosophical, ideological and aesthetic content of A. I. Solzhenitsyn's novel The GULAG Archipelago. The aim of the article is to investigate the functional and stylistic role of abbreviation in the text of the work. The object of the study is the text of A. I. Solzhenitsyn's novel The GULAG Archipelago, the subject is the abbreviations used in the novel by the writer to create the image of the GULAG.

The article uses the methods of observation and comparison, certain elements of component analysis, contextual, word-formation and lexicographic analysis.

© Ананьев Д. Н., 2024

One of the main ways to create an image of the GULAG in A.I. Solzhenitsyn's novel is introduction of various types of abbreviations as a special type of compounding, characterizing the tendency of saving speech efforts. The author proves that abbreviations are a means of creating the image of Stalin's camps and their inhabitants (prisoners) as linguistic symbols of time, they are explicators of the concept and image of «Gulag», including the initiation of its associative plan, they are of interest for linguistic research of the writer's idiostyle features manifested in this novel.

The results of the study make a certain contribution to studying the language of A. I. Solzhenitsyn's works, broaden the understanding of the writer's conceptual sphere and the imagery of his texts, his idiostyle; they can be applied in teaching the disciplines The Modern Russian Language (section Word Formation), The Language of Fiction, Stylistics, Linguistic Analysis of Text, Linguistic Analysis of Literary Text in universities.

Key words: abbreviations; abbreviation; the concept of the GULAG; A. I. Solzhenitsyn; The GULAG Archipelago; the image of the GULAG

For citation: Ananyev D. N. Abbreviation as a means of creating the GULAG image in A. I. Solzhenitsyn's novel. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):165–173. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-165. https://elibrary.ru/SOXJIO

Введение

Аббревиация как один из видов словообразования привлекает внимание лингвистов очень давно [Истрина 1928, Бородин 1964]. В последние годы интерес по-прежнему не угасает, что доказывается регулярными публикациями статей, посвящённых аббревиации. Так, например, В. П. Антонов и Е. С. Грищева освещают специфику функционирования аббревиатур в художественном тексте на материале романа В. И. Круговова «Разгон» [Антонов, Грищева, 2020]; О. Н. Польщикова исследует современную компьютерную лексику и образование сложносокращённых терминов в этой сфере [Польщикова, 2022]; В. И. Теркулов рассматривает теоретические положения, которые определяют новые параметры описания и выделения различных видов аббревиатур [Теркулов, 2022].

Многие лингвисты отмечают, что большинство аббревиатур возникло в России в XX веке. Основной всплеск внимания к образованию сложносокращённых слов приходится на 20–30-е годы – период становления нового государства – Советского Союза. Это связано с курсом руководства партии и страны на отказ от старого наследия, что отметалось как чуждое. Долго и с большими жертвами преодолеваемый кризис во всех сферах и стремление к обновлению и урегулированию социально-экономической, политической, культурной жизни приводят к созданию государственных учреждений с длинными названиями. Закон экономии речевых усилий, обострённое желание перемен в динамичной жизни страны с гигантскими социальными преобразованиями детерминирует создание аббревиатур.

Словари XX века регистрируют, что для обозначения новых ведомств начинают использовать сложносокращённые слова – аббревиатуры, и процесс этот оказался устойчивым в XX веке: *ВЧК* (Всероссийская чрезвычайная комиссия), *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел), *ЦИК* (Центральный исполнительный комитет), *ОГПУ* (Объединенное государственное политическое управление), *МАП* (Министерство авиационной промышленности), *Минатом* (Министерство атомной энергетики), *МВД* (Министерство внутренних дел), *Минвуз* (Министерство высшего образования), *Минздрав* (Министерство здравоохранения), *МИД* (Министерство иностранных дел), *ГУЛАГ* (Главное управление исправительно-трудовых лагерей), *колхоз* (коллективное хозяйство), *наркомат* (народный комиссариат), *ЦК КПСС* (Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза) [Алексеев, 1963] и др. Аббревиатурой является и само название нового государства – *СССР*.

В современной России множество номинаций сохранилось и используется по сей день, многочисленные сложносокращённые слова буквально лексикализовались, поэтому воспринимаются и функционируют как самостоятельные словарные единицы, например: *завхоз* (заведующий хозяйством), *завуч* (заведующий учебной частью), *вуз* (высшее учебное заведение), *загс* (Управление записи актов гражданского состояния), омон (отряд мобильный особого назначения) [Коваленко, 1995] и др.

С. А. Журавлев считает, что сложносокращённые слова (акронимы) являются показателем «нового языкового вкуса эпохи» [Журавлев, 2012]. Сложно не согласиться с мнением исследователя. Действительно, политический курс и экономические преобразования влияют на все сферы жизнедеятельности граждан. Однако стоит подчеркнуть, что аббревиация как процесс становится «общемировой тенденцией в XX веке» [Журавлев, 2012].

В предлагаемой статье исследуются аббревиация при выполнении номинативной и стилеобразующей и функций в тексте романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Особой стилеобразующей чертой произведения справедливо принято считать «автобиографизм, который проявляется в сюжете, композиции, в функциях и в роли автора-повествователя» [Щедрина, 2021, с. 124]. Опираясь на собственный опыт, Александр Исаевич создаёт в тексте романа обобщенный образ человека, который способен духовно укрепиться, переживая лишения, переродиться в нечеловеческих условиях. Произведение воссоздаёт портрет жёсткой и агрессивной в ряде своих тенденций эпохи, когда сложносокращённые слова использовались очень активно, этот факт является неоспоримым.

Основная часть

Источником языкового материала для данного исследования стал роман Александра Исаевича Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Автор родился в 1918 году, время его вхождения в литературу является пиковым в отношении образования новых институтов, организаций, именуемых с помощью сложносокращённых слов в русском языке. Когда Солженицын начинал в 1958 году писать роман, подобной прозы еще не было в советской литературе [Щедрина, 2021, с. 125]. Исторические события и личный опыт помогают писателю создать роман, который станет отрицательным символом эпохи.

В составе названия произведения есть сложносокращённое слово. Необходимо обратиться к лексикографическим источникам, для того чтобы определить лексическое значение слова *ГУЛАГ*. Это акроним, толкование которого появилось впервые в Большом толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова: «ГУЛАГ, -а, м. Государственное управление исправительно-трудовых лагерей, поселений и мест заключения, которое существовало в 1934–1956 гг. при НКВД» [БТС].

Аббревиатура *ГУЛАГ* стала именем концепта, а вложенное в неё содержание концептуализировано и получило образное отражение в тексте романа А. И. Солженицына. Это ключевое слово в структуре средств образного запечатления и осмысления времени, пространства, среды, населяющих её людей и событий, которые отражены в тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ».

Некоторые исследователи заявляют, что семантика слова и содержание номинируемого им концепта «ГУЛАГ» не исчерпывается расшифровкой аббревиатуры, а наполнено дополнительным смыслом и реализуется в конкретном художественном произведении: «Говорить о ГУЛАГе – это значит говорить о лагере как едином принципе организации пространства заключения. Ведь ГУЛАГ – это особый лагерь, и даже не простой «архипелаг», это громадная страна, что невидимо существовала и расширялась во время сталинского режима» [Подорага, 1999, с. 107]. Действительно, в тексте романа А.И. Солженицын употребляет наименование *ГУЛАГ* для целостного «обозначения лагерного мира» [Солженицын, 1962, с. 24].

Необходимо рассмотреть теоретический аспект в связи с задачей определить статус аббревиатуры с помощью классификации. В лингвистической науке принято выделять 8 типов акронимов, однако в тексте романа А. И. Солженицына использованы единицы только пяти из них: 1) буквенные – образованы сложением начальных букв в производящих словах (*МГПУ* – Московский городской педагогический университет); 2) фонемные – сложение начальных фонем производящих основ (*РАН* – Российская академия наук); 3) буквенно-фонемные – сложение начальных букв и фонем производящих основ (*ЦСКА* – Центральный спортивный клуб армии); 4) слоговые – сложение начальных частей производящих основ (*завхоз* – заведующий хозяйством); 5) словно-слоговые – объединение начального элемента одного слова с другим, представленным в полном виде (*Госдума* – Государственная дума) [Суперанская, 2012]. Текст романа «Архипелаг ГУЛАГ» буквально скреплён единицами данных пяти типов. Проанализируем функции аббревиатур как одного из главных языковых средств создания образа ГУЛАГа.

Самым частотным, по нашим наблюдениям, является тип буквенной аббревиатуры. В тексте романа выявлено 9 акронимов, которые многократно встречаются.

Стоит отметить, что некоторые из данных сложносокращённых слов сохранились до наших дней и сейчас также активно используются. Например, *МВД* (Министерство внутренних дел) [Коваленко, 1995]. Эта структура была создана в 1946 году для борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка в огромной новой стране. После распада СССР министерство было упразднено, однако в 1992 году этот государственный орган был воссоздан по приказу президента России Б. Н. Ельцина для поддержа-

ния конституционного строя в стране [Закон РФ №3534-1 от 24 сентября 1992 г.]. В тексте романа А. И. Солженицына эта аббревиатура употребляется неоднократно, однако всегда с негативной коннотацией, которую детерминирует контекстуальное окружение: *«Оттого самые **властолюбивые и сильные** из **вохровцев** старались перескочить во внутреннюю службу **МВД** и продвигаться уже там* [Солженицын, 2022]. В этом фрагменте употреблено слово – `вохровцы`. Существительное образовано от акронима *ВОХР* (Войска внутренней охраны республики) [Коваленко, 1995]. Это подразделение было создано в 1919 году для организации внутреннего порядка и пресечения контрреволюционной деятельности в молодой Советской Республике. После победы большевиков и им союзных сил в гражданской войне (1918–1922 гг.) части ВОХР были расформированы и вошли в состав НКВД. В тексте романа автором с помощью предикатов *властолюбивые* (*властолюбивый* – «любящий властвовать, стремящийся к власти, склонный повелевать» [БТС, 1998]) и *сильные* (*сильный* – «обладающий силой, способный преодолевать значительное сопротивление» [БТС, 1998]), которые входят в синтаксическое окружение акронимов, доказывается мысль о том, что корыстолюбивые люди идут служить в МВД, чтобы добиться статуса и власти, несмотря на то что им приходится заниматься отнюдь не хорошим делом.

Следующая номинация, активно используемая автором романа, – *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел) [Коваленко, 1995], с помощью которой в узусе номинирована структура, созданная в СССР в 1934 году [Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 года…]. На сотрудников Народного комиссариата были возложены обязанности по организации правопорядка, поддержанию политического строя и исполнению наказаний для заключённых, которые находились в лагерях. В тексте романа находим упоминание о приказе, который должны были исполнить сотрудники в 1938 году: *«Говорят, что в феврале-марте 1938 года была спущена по **НКВД** секретная инструкция: уменьшить количество заключённых! (не путём их роспуска, конечно). Я не вижу здесь невозможного: это была логичная инструкция, потому что не хватало ни жилья, ни одежды, ни еды»* [Солженицын, 2022]. Авторская ремарка «*не путем их роспуска, конечно*», выраженная вставной конструкцией, является указанием на то, что НКВД должен был исполнить страшнейший приказ – убийство людей, чтобы уменьшить количество заключённых и улучшить бытовые условия оставшихся отбывать сроки в ГУЛАГе. А.И. Солженицын использует акроним *НКВД*, чтобы рядовому читателю стало ясно, что эта структура является страшным органом. Акроним служит напоминанием о тех зверствах, которые происходили в ГУЛАГе.

Функции по наблюдению за «социалистической законностью» выполняло *ГПУ* (Главное политическое управление) [Коваленко, 1995], созданное при НКВД в 1922 году [Постановление ВЦИК СССР от 6 февраля 1922 года…]. Эта структура занималась решением политических проблем на всесоюзном уровне и подавлением контрреволюционных настроений среди населения. К сожалению, из-за этой структуры осуждены тысячи людей, причём некоторые из них были подвергнуты суду на месте (ГПУ обладало таким особым правом). А. И. Солженицын в тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ» подчеркнул, что бывших сотрудников этого управления не отправляли в лагеря, а лишь конфисковывали всё ценное: *«Особенность нового „золотого" потока в том, что этих своих кроликов **ГПУ**, собственно, ни в чём **не винит** и готово **не посылать** их в страну **ГУЛАГ**, а только хочет **отнять** у них золото по праву сильного»* [Солженицын, 2022]. Предикаты *не винит* (*винить* – «обвинять, считать кого-либо виновным») [Кузнецов, 1998] и *не посылать* в (*посылать* – «отправлять куда-либо») [Кузнецов, 1998] подчёркивают, что «политическую расправу» неугодных проводили не одинаково для всех, «своих» не отправляли в лагеря. Объединением аббревиатур *ГУЛАГ* и *ГПУ* в контексте доказывается мысль о том, что осмысление деятельности ГПУ осуществлено на уровне национальной ментальности не с лучшей стороны, у акронима развилась узуальная негативная коннотация.

В 1923 году ГПУ было преобразовано в *ОПГУ* (Объединенное государственное политическое управление при НКВД СССР) [Коваленко, 1995]. У этого обновленного подразделения остались те же функции контроля и подавления, однако добавилась еще одна: борьба с чуждыми советской власти элементами. Самые жестокие ГУЛАГовские начальники, по мнению А. И. Солженицына, занимали высокие посты именно в ОПГУ: *«**Много восторженных похвал** достаётся Лазарю Когану, бывшему анархисту, в 1918 перешедшему на сторону победивших большевиков, доказавшему свою верность на посту начальника Особого Отдела 9-й армии, потом замести-*

теля начальника войск ***ОГПУ****…»* [Солженицын, 2022]. Лазарь Коган – анархист-коммунист, занимавший пост начальника ГУЛАГ ОПГУ в 1930–1932 гг. Расстрелян в 1939 году по решению Верховного суда СССР. В тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ» назван автором *«главным подручным Сталина и Ягоды, главных надсмотрщиков Беломора, шестерых наёмных убийц»*, которые виновны в гибели сотен тысяч невинных людей [Солженицын, 2022].

В тексте романа находим немалое количество буквенных акронимов, которые являются номинациями различных министерств СССР. *СНК* – Совет народных комиссаров [Коваленко, 1995]. Этот орган организован в 1923 году, основной его задачей являлось восстановление экономики после гражданской войны и создание законодательной базы Советского Союза совместно с *НКЮ* (Народный комиссариат юстиции) [Коваленко, 1995], созданным 27 октября 1917 года, на который была возложена обязанность по созданию новой правовой системы государства. Эти министерства способствовали «*лагерной любви*»: *«Всесоюзный Указ от 8.7.1944 об укреплении брачных уз сопровождался негласным Постановлением* ***СНК*** *и инструкцией* ***НКЮ*** *от 27.11.1944, где говорилось, что суд обязан по первому желанию вольного советского человека беспрекословно расторгать его с половиной, оказавшейся в заключении (или в сумасшедшем доме), и поощрить даже тем, что освободить от платы сумм при выдаче разводного свидетельства. (И никто при этом законодательно не обязывался сообщать той, другой, половине о произошедшем разводе!)»* [Солженицын, 2022]. Автор сообщает, проецируя фоновое прецедентное содержание на расширяемые контекстуальный смысл акронимов, что человек, оказавшийся далеко от своего любимого, мог даже и не догадываться, что его семьи больше не существует официально, ведь СНК и НКЮ поощряли односторонние расторжения браков, чтобы о «заложнике» никто не вспоминал. А. И. Солженицын с документальной точностью убеждает читателя в своей правоте, при этом, как установлено Н. М. Щедриной, художественность его произведений, «полностью построенных на документальном материале, кажется, должна отступить под натиском голого факта» [Прохорова, 2012].

Состав буквенных аббревиатур в тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ» не ограничивается общеизвестными акронимами – официальными номинациями. В исправительных лагерях существовали свои управления, которые тоже именовали сокращённо. «Страна ГУЛАГ» – это страна, которая живет своей жизнью, диктует обитателям свои условия и является не только местом отбывания наказания, но действующей на определённых территориях силой общества» [Ананьев, 2023]. К таким наименованиям необходимо отнести *КВЧ* (культурно-воспитательная часть) [Коваленко, 1995]: *«Принято говорить, что всё возможно в* ***ГУЛАГе****. Самая* ***чернейшая*** *низость, и любой* ***оборот предательства****,* ***дико-неожиданная*** *встреча, и* ***любовь на склоне пропасти*** *– всё возможно. Но если с сияющими глазами станут вам рассказывать, что кто-то перевоспитался казёнными средствами через* ***КВЧ,*** *– уверенно отвечайте:* ***брехня!»*** [Солженицын, 2022]. Оценочный плеонастический предикат *самая чернейшая* (от *чёрный* – в значении ‘преступный, злой’ [БТС]) в форме превосходной степени прилагательного, негативно-оценочная метафора *оборот предательства* (*предательство* – ‘любой плохой поступок, совершенный против человека’), градуальный эпитет *дико-неожиданная* (‘то, чего не ждали’ [Горбачевич, 2002]) и образная метафора *любовь на склоне пропасти* (‘любовь в самых сложных обстоятельствах’ [Козинец, 2011]) доказывают мысль о том, что разное могло произойти в ГУЛАГе, но не исправление личности осуждённых с помощью КВЧ. Работа культурно-воспитательных частей выполнялась не в должной мере, а лишь формально, это доказывается использованием в роли оценочного предиката сленговой эмоционально окрашенной лексемы *брехня* («неправильное, некорректное утверждение» [БТС]).

Анализ частоты использования акронимов показал, что одним из самых распространённых сложносокращённых слов в местах лишения свободы, является *КПЗ* (камера предварительного заключения» [Коваленко, 1995]. В тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ» отмечается, что такие помещения были даже на вокзалах: *«****Столыпин*** *не может идти в пустое место, в конце его назначения всегда есть вокзал, и хоть плохенький городишка, и* ***КПЗ*** *под крышей»* [Солженицын, 2022]. Необходимо отметить, что *Столыпин* – это метонимическое наименование ‘купейного поезда, переделанного под перевозку заключённых’ [БТС]. Также в лексическом запасе людей, побывавших в ГУЛАГе, прочно закрепились еще два сложносокращённых слова: *ШИЗО* (*Штрафной изолятор*) [Коваленко, 1995] и *БУР (Барак усиленного режима)* [Коваленко, 1995]. В

тексте романа А. И. Солженицын, говоря о всех видах лишения свободы заключенных, подчёркивает, что зэки несамостоятельны, лишены абсолютно всего и могут оказаться в штрафном изоляторе или в бараке усиленного режима даже без повода: *«Третья причина – **несамостоятельность** заключённых, их неспособность жить без надзирателей, без лагерной администрации, без охраны, без зоны с вышками, без Планово-Производственной, Учётно-Распределительной, без высших лагерных управлений вплоть до самого **ГУЛАГа**; без цензуры, без **ШИЗО**, без **БУРа;** неспособность передвигаться без конвоя и без собак»* [Солженицын, 2022]. Самое суровое наказание для заключённого – попасть в *ШИЗО*, потому что в нём запрещалось получение писем и посылок, свидания с родственниками, курение, пронос личных вещей (за исключением предметов первой необходимости). Люди в нём могли находиться до 15 суток. Барак усиленного режима не такое страшное наказание, однако люди боялись попасть в *«тюрьму внутри тюрьмы»* [Солженицын, 2022]. Поэтому в тексте романа эти аббревиатуры, как и большинство других, имеют негативную коннотацию.

Необходимо ответить, что буквенные аббревиатуры в тексте романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» выполняют следующие функции: мировоззренческую, регулятивную и экспрессивную.

Прочно входя в лексический запас, аббревиатуры проникли во все государственные структуры. ГУЛАГ не стал исключением. Для обозначения существовавших в нём управлений и структур использовались различные номинации. Во-первых, *УхтПечлаг* – Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь [Коваленко, 1995], в котором, по мнению автора романа, были самые жестокие приговоры заключённым: *«В **УхтПечлаге** как из мешка **сыпались** приговоры на расстрел и на 20 лет: „за подстрекательство к побегу", „за саботаж"»* [Солженицын, 2022]. Раскрывает негативную коннотацию слоговой аббревиатуры сравнение *как из мешка* и предикат *сыпались* в переносном значении (*сыпаться* – ‘обрушиваться во множестве на кого-либо отовсюду, со всех сторон’ [БТС]). Жестокие приговоры в УхтПечлаге уничтожали людей и разрушали их жизни. Во-вторых, необходимо сказать об одном из самых крупных и известных подразделений ГУЛАГа – *БАМЛАГе* (Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь) [Коваленко, 1995], который был создан по приказу ОПГУ №1020/с от 10.11.1932 года. Перед этим управлением была поставлена сложная задача: строительство Байкало-Амурской железной дороги и создание путей на Транссибирской магистрали.

В отношении сложного 1937 года А. И. Солженицын в тексте романа замечает, что власть не щадила никого, даже категорию начальников: *«1937 год, разя своих, не миновал и его головы: начальник **БАМЛАГа**, генерал НКВД, он снова в **благодарность** посажен на уже известную ему Лубянку»* [Солженицын, 2022]. Ирония создается в контексте при помощи слова *благодарность* в контекстуально обусловленном энантиосемичном значении ‘чувство признательности за сделанное добро, оказанную услугу или внимание’ [БТС]. В-третьих, в ГУЛАГе создавались управления не только для строительства определенных объектов, но и отраслевые, которые были задействованы для добычи и обработки полезных ископаемых, номинации которых нашли свое место в тексте. Упоминаются такие управления, как *ГлавЛеслаг* (Главное управление лесозаготовки), *ГлавПромстрой* (Главное управление промышленной стройки), *ГУЛГМП* (Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности) [Коваленко, 1995]: «*Больше того, идея Френкеля оплодотворяет и само развитие ГУЛАГа: признаётся необходимым и ГУЛАГ построить по отраслевым управлениям. Подобно тому как Совнарком состоит из наркоматов, **ГУЛАГ** для своей империи **создаёт** свои министерства: ГлавЛеслаг, ГлавПромстрой, ГУЛГМП (Главное Управление Лагерей Горно-Металлургической Промышленности)*» [Солженицын, 2022]. Образ ГУЛАГа становится не только олицетворением чего-то масштабного и ужасного, о чём свидетельствует предикат *создаёт* (см.: *создавать,* сов. *создать* – «основать, организовать» [БТС]), но и своеобразной метафорой, в которой звучит трагедийная нота: сеть лагерей захватит всю страну, подобно прогрессирующему онкологическому заболеванию.

Подводя итог, отметим, что аббревиатуры в тексте романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» выполняют следующие функции: мировоззренческую, заключающуюся в формировании языковой картины мира людей, прочитавших роман; регулятивную, раскрывающую воздействие текста произведения на читателей; экспрессивную, характеризующуюся в способности создавать негативный образ ГУЛАГа, и комму-

никативную, служащую для выстраивания диалога поколений.

Использование А. И. Солженицыным в тексте романа «Архипелаг ГУЛАГ» номинаций, созданных на основе разнообразных видов сложения, доказывает мысль о том, что содержание аббревиатур контекстуально обобщается, конкретизируется и служит обозначению тех зверств, через которые прошли узники лагерей.

Аббревиатуры в тексте романа А. И. Солженицына позволяют проанализировать оценочное отражение писателем обобщенного образа тюремной системы СССР в XX веке.

Заключение

Аббревиатуры – это одно из средств создания образа ГУЛАГа в тексте романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». С их помощью можно проанализировать контекст произведения в соотнесении с эпохой, которую оно отображает. Аббревиатуры становятся репрезентантами концепта ГУЛАГ и являются частью его объёмного внутреннего содержания.

А. И. Солженицын создал особое направление литературы XX века – лагерную прозу. Как реалист, он с помощью аббревиатур обозначил структуру, устройство ГУЛАГа, чтобы убедить читателя в своей правоте.

Исследование функционально-стилистической функции роли аббревиатур в тексте романа показало, что обилие акронимов позволяет создать жесткий образ эпохи и помогает проследить мотив сокращаемой жизни. Функции аббревиатур помогают показать авторское воздействие на людей через призму текста и служат для выстраивания диалога между А. И. Солженицыным и читателям романа.

Библиографический список

1. Алексеев Д. И., Гозман И. Г., Сахаров Г. В. Словарь сокращений русского языка / под ред. Б. Ф. Корицкого. Москва, 1963; 2-е изд. Москва, 1977; 3-е изд. / под ред. Д. И. Алексеева. Москва, 1983; 4-е изд., стереотип. Москва : 1984.

2. Ананьев Д. Н. Глагол как средство персонификации в тексте романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 7–14. DOI:10.17759/langt.2023100401 (дата обращения: 15.02.2024)

3. Антонов В. П., Грищева Е. С. Аббревиатурная лексика в художественном тексте: на материале романа В. И. Круговова «Разгон» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. №2 (27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviaturnaya-leksika-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romana-v-i-krugovova-razgon (дата обращения: 28.01.2024).

4. Бородин Л. П. Некоторые замечания по поводу орфографии и этимологии слова «выхухоль» // Труды Мордовского государственного природного заповедника им. П. Г. Смидовича. 1964. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-zamechaniya-po-povodu-orfografii-i-etimologii-slova-vyhuhol (дата обращения: 31.03.2024).

5. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. Санкт-Петербург : Норинт, 2002. 224 с.

6. Журавлёв С. А. Аббревиация: взгляд из XXI века // Вестник Марийского государственного университета. 2012. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-vzglyad-iz-hhi-veka (дата обращения: 21.01.2024).

7. Истрина Е. С. Грамматические основы методики правописания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 1928. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-osnovy-metodiki-pravopisaniya (дата обращения: 31.03.2024).

8. Козинец С. Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов : Саратовский источник, 2011. 284 с.

9. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / гл. редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998. URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 31.03.2024).

10. Мелентьева И. Е. «Страшные» слова у Солженицына // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strashnye-slova-u-solzhenitsyna (дата обращения: 28.01.2024).

11. Новый словарь сокращений русского языка: около 32 000 сокращений / под общ. ред. Е. Г. Коваленко. Москва : ЭТС, 1995.

12. Подорога В. ГУЛАГ в уме: наброски и размышления // Страна и ее заключенные. Досье на цензуру. 1999. №7/8. С. 107.

13. Польщикова О. Н. Сложные и сложносокращенные термины компьютерной лингвистики // БГЖ. 2022. № 2 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnye-i-slozhnosokraschennye-terminy-kompyuternoy-lingvistiki (дата обращения: 28.01.2024).

14. Прохорова Т. Г. Самая большая книга о главном. Рецензия на книгу: Щедрина Н. М. «Красное колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samaya-bolshaya-kniga-o-glavnom-retsenziya-na-knigu-schedrina-n-m-krasnoe-koleso-a-solzhenitsyna-i-russkaya-istoricheskaya-proza-vtoroy (дата обращения: 04.05.2024).

15. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. I–VII /

А. И. Солженицын; под ред. Н. Д. Солженицыной. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикс, 2022. 1921 с.

16. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: новые параметры выделения и описания // МИРС. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnosokraschyonnye-slova-novye-parametry-vydeleniya-i-opisaniya (дата обращения: 28.01.2024).

17. Шанский Н. М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху // Мысли о современном русском языке. Москва : Просвещение, 1969. С. 155–166.

18. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Просвещение, 1987. 256 с.

19. Щедрина Н. М. Автобиографизм и саморефлексия в «Архипилаге ГУЛАГ» Александра Солженицына // Изв. Южного федерального ун-та Филологические науки Сер. Литературоведение. 2021. №1. С. 124.

20. Щедрина Н. М. Человек, равный эпохе (к 100-летию со дня рождения Александра Солженицына) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 121–125.

Reference list

1. Alekseev D. I., Gozman I. G., Saharov G. V. Slovar' sokrashhenij russkogo jazyka = Dictionary of Russian abbreviations / pod red. B. F. Korickogo. Moskva, 1963; 2-e izd. Moskva, 1977; 3-e izd. / pod red. D. I. Alekseeva. Moskva, 1983; 4-e izd., stereotip. Moskva : 1984.

2. Anan'ev D. N. Glagol kak sredstvo personifikacii v tekste romana A. I. Solzhenicyna «Arhipelag GULAG» = The verb as a means of personification in A. I. Solzhenitsyn's novel «The GULAG Archipelago» // Jazyk i tekst. 2023. Tom 10. № 4. C. 7–14. DOI:10.17759/langt.2023100401 (data obrashhenija: 15.02.2024)

3. Antonov V. P., Grishheva E. S. Abbreviaturnaja leksika v hudozhestvennom tekste: na materiale romana V. I. Krugovova «Razgon» = Abbreviation lexicon in literary text: based on V. I. Krugovov's novel «Acceleration» // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. 2020. №2 (27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviaturnaya-leksika-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romana-v-i-krugovova-razgon (data obrashhenija: 28.01.2024).

4. Borodin L. P. Nekotorye zamechanija po povodu orfografii i jetimologii slova «vyhuhol'» = Some remarks on the spelling and etymology of the word «vykhukhol» (desman) // Trudy Mordovskogo gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika im. P. G. Smidovicha. 1964. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-zamechaniya-po-povodu-orfografii-i-etimologii-slova-vyhuhol (data obrashhenija: 31.03.2024).

5. Gorbachevich K. S. Slovar' jepitetov russkogo literaturnogo jazyka = Dictionary of the Russian literary language epithets. Sankt-Peterburg : Norint, 2002. 224 s.

6. Zhuravljov S. A. Abbreviacija: vzgljad iz HHI veka = Abbreviation: a view from the XXI century // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-vzglyad-iz-hhi-veka (data obrashhenija: 21.01.2024).

7. Istrina E. S. Grammaticheskie osnovy metodiki pravopisanija = Grammatical bases of spelling methodology // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 1928. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-osnovy-metodiki-pravopisaniya (data obrashhenija: 31.03.2024).

8. Kozinec S. B. Slovar' slovoobrazovatel'nyh metafor russkogo jazyka = Dictionary of word-forming metaphors of the Russian language. Saratov : Saratovskij istochnik, 2011. 284 s.

9. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / gl. redaktor S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg, 1998. URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (data obrashhenija: 31.03.2024).

10. Melent'eva I. E. «Strashnye» slova u Solzhenicyna = Solzhenitsyn's «scary» words // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filologija. Zhurnalistika. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strashnye-slova-u-solzhenitsyna (data obrashhenija: 28.01.2024).

11. Novyj slovar' sokrashhenij russkogo jazyka: okolo 32 000 sokrashhenij = New Dictionary of Russian Abbreviations: circa 32,000 abbreviations / pod obshh. red. E. G. Kovalenko. Moskva : JeTS, 1995.

12. Podoroga V. GULAG v ume: nabroski i razmyshlenija = The GULAG in the mind: sketches and reflections // Strana i ee zakljuchennye. Dos'e na cenzuru. 1999. №7/8. S. 107.

13. Pol'shhikova O. N. Slozhnye i slozhnosokrashhennye terminy komp'juternoj lingvistiki = Compound and compound abbreviated terms in computer linguistics // BGZh. 2022. № 2 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnye-i-slozhnosokraschennye-terminy-kompyuternoy-lingvistiki (data obrashhenija: 28.01.2024).

14. Prohorova T. G. Samaja bol'shaja kniga o glavnom. Recenzija na knigu: Shhedrina N. M. «Krasnoe koleso» A. Solzhenicyna i russkaja istoricheskaja proza vtoroj poloviny HH veka = The biggest book about the main thing. Review of the book: Shchedrina N. M. «Red Wheel» by A. Solzhenitsyn and Russian historical prose of the second half of the XX century // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2012. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samaya-bolshaya-kniga-o-glavnom-retsenziya-na-knigu-schedrina-n-m-krasnoe-koleso-a-solzhenitsyna-i-russkaya-istoricheskaya-proza-vtoroy (data obrashhenija: 04.05.2024).

15. Solzhenicyn A. I. Arhipelag GULAG. 1918–1956: Opyt hudozhestvennogo issledovanija. Ch. I–VII = The GULAG Archipelago. 1918-1956: A literary analysis. Parts I-VII / A. I. Solzhenicyn; pod red. N. D.

Solzhenicynoj. Sankt-Peterburg : Azbuka-Attiks, 2022. 1921 s.

16. Terkulov V. I. Slozhnosokrashhennye slova: novye parametry vydelenija i opisanija = Compound abbreviated words: new parameters for identification and description // MIRS. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnosokraschyonnye-slova-novye-parametry-vydeleniya-i-opisaniya (data obrashhenija: 28.01.2024).

17. Shanskij N. M. Razvitie slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka v sovetskuju jepohu = The development of the Russian word-formation system in the Soviet era // Mysli o sovremennom russkom jazyke. Moskva : Prosveshhenie, 1969. S. 155–166.

18. Shanskij N. M., Tihonov A. N. Sovremennyj russkij jazyk = The Modern Russian Language : v 3 ch. Ch. 2. Slovoobrazovanie. Morfologija. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Prosveshhenie, 1987. 256 s.

19. Shhedrina N. M. Avtobiografizm i samorefleksija v «Arhipilage GULAG» Aleksandra Solzhenicyna = Autobiography and self-reflection in Alexander Solzhenitsyn's The GULAG Archipelago // Izv. Juzhnogo federal'nogo un-ta Filologicheskie nauki Ser. Literaturovedenie. 2021. №1. S. 124.

20. Shhedrina N. M. Chelovek, ravnyj jepohe (k 100-letiju so dnja rozhdenija Aleksandra Solzhenicyna) = The man equal to the epoch (on the 100th anniversary of Alexander Solzhenitsyn's birth) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2019. № 2. S. 121–125.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 26.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 06.10.2024; approved after reviewing 26.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81-11
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-174
EDN: TGZMTI

Словарь Палласа как первое лексикографическое произведение в истории компаративистики

Олег Владимирович Лукин
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Аннотация. Статья посвящена одному из первых произведений отечественной компаративистики «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», опубликованного в 1787–89 гг. при самом деятельном участии императрицы Екатерины II под редакцией известного ученого-энциклопедиста академика П. С. Палласа (Peter Simon Pállas; 22.09.1741 – 8.09.1811).

Автор статьи прослеживает историю становления этого словаря – от замысла до воплощения в первом и втором изданиях. Особое внимание уделено роли Екатерины II и П. С. Палласа в этом грандиозном проекте. На материале документов той эпохи автор доказывает, что словарь был задуман и доведен до логического завершения именно Екатериной II. Необходимость немецкой принцессе овладевать языком титульной нации Российской империи, с которой была связана ее судьба, способствовала ее интересу к сравнению языков, которое в многонациональном государстве нашло самую благодатную почву.

Участие академика П. С. Палласа в редактировании словаря объясняется выдающейся ролью этого ученого-энциклопедиста в европейской науке, личным доверием к нему со стороны императрицы.

Самый факт того, что в создании сравнительного словаря не принимали участие профессиональные лингвисты объясняется тем, что лингвистика как наука появилась несколько позднее, и в немалой степени также тем, что в конце XVIII столетия еще чувствовались влияние эпохи Просвещения и авторитет ученых-энциклопедистов, каковым в полной мере был сам П. С. Паллас.

Все недостатки словаря Палласа, о которых писали позднейшие исследователи, были продиктованы именно тем фактом, что словарь был первым лексикографическим произведением сравнительно-исторического языкознания за почти три десятилетия его появления как такового.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография; П. С. Паллас (Peter Simon Pallas; 22.09.1741 – 8.09.1811); Екатерина II; сравнительно-историческое языкознание; лексикография; Россия; XIX в.

Для цитирования: Лукин О. В. Словарь Палласа как первое лексикографическое произведение в истории компаративистики // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 174–184. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-174. https://elibrary.ru/TGZMTI

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Pallas's dictionary as the first lexicographic work in the history of comparativistics

Oleg V. Lukin
Doctor of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Abstract. The article is devoted to one of the first works of Russian comparative studies «Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the highest ranking person», published in 1787–89 with the

© Лукин О. В., 2024

active participation of Empress Catherine the Great edited by the famous encyclopedic scientist academician P. S. Pallas (Peter Simon Pállas; 22.09.1741 – 8.09.1811).

The author of the article traces the history of this dictionary – from initial plan to its realization in the first and second editions. Special attention is paid to the role of Catherine the Great and P. S. Pallas in this grandiose project. Based on the documents from that time, the author proves that the dictionary was conceived and brought to its logical conclusion by Catherine the Great. The need for the German princess to master the language of the titular nation of the Russian Empire, which her fate was linked to, contributed to her interest in comparing languages, which found the most fertile ground in Russian multinational state.

The participation of Academician P. S. Pallas in editing the dictionary is explained by the outstanding role this scientist played in European science and the Empress' personal trust in him.

The very fact that professional linguists did not take part in compiling the comparative dictionary is explained by the fact that linguistics as a science appeared somewhat later, and that the end of the XVIII century still enjoyed the influence of the Enlightenment and of the authority of encyclopedic scientists, such as P. S. Pallas himself.

All the shortcomings of Pallas's dictionary, mentioned by later researchers, were caused by the fact that this dictionary was the first lexicographic work of comparative-historical linguistics for almost three decades since it appeared as such.

Key words: narrative linguistic historiography; P. S. Pallas (Peter Simon Pallas; 09/22/1741 – 09/8/1811); Catherine the Great; comparative historical linguistics; lexicography; Russia; XIX century

For citation Lukin O. V. Pallas's dictionary as the first lexicographic work in the history of comparativistics. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):174–184. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-174. https://elibrary.ru/TGZMTI

Введение

Становление сравнительно-исторического языкознания началось, как известно, с «открытия» для всего ученого мира известным британским филологом, востоковедом и переводчиком У. Джонсом (англ. Sir William Jones; 28.09.1746 – 27.04.1794) в конце 18 века языка санскрит. Собственно, началом сравнительно-исторического языкознания нередко считается его третий ежегодный доклад на заседании Азиатского общества в Бенгалии, прочитанный 2 февраля 1786 года и опубликованный в 1788 году [Jones, 1799].

Несомненно, открытие санскрита способствовало самому живому интересу к сравнению индоевропейских языков и становлению компаративистики. Однако, на наш взгляд, к этому времени уже появилась одна работа сравнительно-исторической направленности – «Русская грамматика», написанная известным российским историком А. Л. Шлёцером (нем. August Ludwig (von) Schlözer; 5.07.1735 – 9.09.1809), частично опубликованная в 1764 году и находившаяся в забвении до 1875 года (см. [Клубкова, 2018], [Лукин, 2024а]). Так, в VI главе первой части этой книги проводилось сравнение русского языка с другими языками индоевропейской семьи – греческим, латинским и немецким – и доказывалось их родство.

Через год после самого доклада и годом раньше даты его публикации в Российской империи появился первый том знаменитого словаря, известного под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы». Словарь был опубликован П. С. Палласом по распоряжению императрицы Екатерины II. Вторая часть словаря была выпущена в 1789 году. В словаре была представлена лексика более 200 языков и наречий Азии и Европы. Первый том содержал 273 понятия, к которым относились термины родства, названия диких и домашних животных, птиц, природных явлений и т. д. Во втором томе были собраны названия простых числительных на 222 языках. В 1790–1791 гг. словарь П. С. Палласа был переиздан в четырех томах. Во втором издании содержалось уже 272 языка и диалекта, в том числе, 30 языков Африки и 23 языка Америки. При составлении этого словаря П. С. Паллас также использовал материалы, собранные и отредактированные Л. И. Бакмейстером (нем. Hartwig Ludwig Christian Bacmeister; 15.03.1730 – 22.05.1806) (см. [Лукин, 2024б]). Таким образом, Российская империя вполне может претендовать на пальму первенства в создании сравнительно-исторического языкознания.

Интерес к сравнительному языкознанию в нашей стране был продиктован вполне прагматическими факторами. С одной стороны, множество иностранцев, особенно немцев, приглашенные Петром I и Екатериной II, приезжали в Российскую империю в стремлении сделать там карьеру, немыслимую на их родине, что без знания языка титульной нации было невозможно. При этом они совершенно определенно сравнивали свой язык с русским. С другой стороны, Россия всегда была многонациональной страной, так что поле для сравнительно-языковой деятельности

было немалым. На этот факт, в частности, указывал еще Ф. П. Аделунг (нем. Friedrich von Adelung; 25.02.1768 – 18.01.1843), не в последнюю очередь основываясь на собственном опыте [Adelung 1815, s. 3].

Методы исследования

При работе над статьей нами был использован метод нарративной лингвоисториографии, включающий в себя, прежде всего:

1. изучение и анализ биографической литературы;
2. изучение и анализ лингвоисториографической литературы;
3. анализ словаря под редакцией П. С. Палласа.

Источники исследования

Источники нашего исследования можно разделить на две большие группы. В первую входят материалы, связанные с биографическими сведениями о П. С. Палласе, во вторую – источники, касающиеся самого словаря. При этом мы в силу понятных причин сознательно отказываемся от анализа литературы, содержащей сведения о биографии Екатерины II, ограничивая себя лишь материалами, связанными с филологическими штудиями императрицы, ее роли в создании словаря, хотя более известного как словаря П. С. Палласа, и в этом смысле мы полностью разделяем точку зрения А. Д. Ивинского, основанную на детальном исследовании источников [Ивинский, 2016].

Биографические сведения о П. С. Палласе мы находим как в изданиях энциклопедического характера, содержащих биографические сведения о выдающихся деятелях науки XVIII столетия, так и в монографических работах, посвященных этому выдающемуся ученому.

Самым первым «биографическим опытом» жизнеописания П. С. Палласа была глава об ученом и список его трудов в книге немецкого естествоиспытателя, иностранного член-корреспондента Петербургской академии наук К. А. Рудольфи (нем. (Israel) Karl (Carl) Asmund (Asmunt, Asmus) Rudolphi, 14.06.1771 – 29.11.1832) [Rudolphi, 1812, s. 1–78], опубликованные уже через год после смерти ученого.

Небольшая статья во втором томе «Словаря русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России», составленного историком, археографом и библиографом митрополитом Киевским и Галицким Евгением (Евфимий Алексеевич Болховитинов; 18.12.1767 – 23.02.1837) содержит основные биографические сведения о П. С. Палласе [Евгений, 1845, с. 110–114].

Известный деятель российского народного образования, составитель популярных брошюр по сельскому хозяйству, близкий знакомый Л. Н. Толстого, издатель «Одесских новостей», редактор «Народной библиотеки» В. Н. Маракуев (??? – 1921) в 1877 году опубликовал книгу «Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия», предназначенную, как отмечал сам автор, «для учащегося юношества» [Маракуев 1877].

В авторитетном немецком издании «Allgemeine Deutsche Biographie» в 1887 году вышла большая статья про П. С. Палласа немецкого географа, этнолога, социолога, основателя антропогеографии, геополитики и одного из основоположников теории культурных кругов Ф. Ратцеля (нем. Friedrich Ratzel; 30.08.1844 – 9.08.1904) [Ratzel, 1887].

Интереснейшим библиографическим источником является опубликованная в 298 номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1895 год статья член-корреспондента Петербургской Академии наук, библиотекаря Публичной библиотеки Ф. П. Кеппена (нем. Friedrich Teodor Köppen; 30.12.1833 – 24.05.1908) «Ученые труды П. С. Палласа» [Кеппен, 1895а], вышедшая в этом же году отдельной брошюрой [Кеппен, 1895б].

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в 1897 году была опубликована очень небольшая статья о П. С. Палласе [Булич, 1897]. Спустя пять лет, в 1902 году в авторитетном «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова появилась большая статья, посвященная ученому [Половцов, 1902].

Особого внимания среди этих материалов, на наш взгляд, заслуживает крупная работа немецкого историка науки Ф. Вендланда (нем. Folkwart Wendland; род. 1937) «Петер Симон Паллас (1741–1811): Материалы биографии» (нем. *Peter Simon Pallas (1741–1811): Materialien einer Biographie*) [Wendland, 1991].

Две статьи о П. С. Палласе появились в энциклопедических изданиях в начале XXI века: в 2001 году в известном немецком издании «Neue Deutsche Biographie» – статья немецкого исследователя Р. В. Гэртнера (нем. Rainer W. Gärtner) [Gärtner, 2001], в 2014 году в Большой российской энциклопедии – статья крупного отечественного историка науки Э. И. Колчинского (16.09.1944 – 24.01.2020) [Колчинский, 2014].

Работы, посвященные самому словарю, как нам представляется, обращаются к различным граням истории появления этого издания, связанным с деятельностью не только и не столько П. С. Палласа, сколько многих людей, так или иначе связанных со словарем – от самой императрицы, П. С. Палласа и Л. И. Бакмейстера до Ф. И. Янковича де Мириево, проделавшего поистине титанический труд по подготовке и выпуску в свет второго четырехтомного издания словаря [Янкович де Мириево, 1790], [Янкович де Мириево, 1791а], [Янкович де Мириево, 1791б], [Янкович де Мириево, 1791в]. В этот список можно включить даже первого президента США Дж. Вашингтона, который, как и руководители многих других государств, получил от российском императрицы списки слов с просьбой перевести их на языки соответствующих стран.

Самой первой в хронологическом отношении работой в этом ряду следовало бы назвать работу российского лингвиста немецкого происхождения Ф. П. Аделунга (нем. Friedrich von Adelung; 25.02.1768 – 18.01.1843, Санкт-Петербург) о заслугах императрицы Екатерины Великой в области сравнительного языкознания «*Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*» [Adelung, 1815].

В 1853 году в Известиях Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности появилась статья академика Я. И. Бередникова (7.10.1793 – 28.09.1854) «О проекте Бакмейстера составить многоязычный словарь», в которой он особо подчеркивал: «Бакмейстер, хотя и не выполнил программы своей в том виде, как предполагал …; но … ему принадлежит важная часть труда, исполненная под покровительством и при участии Великой Екатерины и имевшего в свое время громкую известность» [Бередников, 1853, стлб. 366–367].

В 1877 году во втором номере журнала «Русский архив» появилась статья российского филолога академика Я. К. Грота (15.12.1812 – 24.05.1893) «Филологические занятия императрицы Екатерины Второй» [Грот, 1877а], вышедшая вскоре отдельной брошюрой [Грот, 1877б].

Словарю Палласа посвящена большая статья в «Очерке истории языкознания в России» крупного отечественного лингвоисториографа С. К. Булича (27.08.1859 – 15.04.1921) [Булич, 1904, с. 219–232].

В 1979 году под редакцией немецкого лингвиста и культуролога, живущего и работающего в Финляндии Г. Хаармана (нем. Harald Haarmann; род. 1946) был выпущен сборник докладов об исследовании П. С. Палласом индоевропейских, финно-угорских и кавказских языков «*Wissenschaftsgeschichtliche Beiträge zur Erforschung indogermanischer, finnisch-ugrischer und kaukasischer Sprachen bei Pallas*» [Haarmann, 1979].

Годом позже появилась книга американской исследовательницы М. Р. Кей (англ. Mary Ritchie Key; 19.03.1924 – 5.09.2003) о вкладе в лингвистику Екатерины Великой «*Catherine the Great's Linguistic Contribution*» [Key, 1980].

Значительное внимание словарю и роли императрицы в его создании уделяется в вышедшей в 1995 году книге немецкого историка К. Шарфа (нем. Claus Scharf) «Екатерина II: Германия и немцы» (нем. *Katharina II: Deutschland und die Deutschen*) [Scharf, 1995].

В последнее время в нашей стране появилось значительное число исследований, касающихся как истории появления словаря П. С. Палласа, так и отдельных аспектов, представленных в этом словаре. К первым можно отнести работы О. А. Волошиной [Волошина, 2012], А. Д. Ивинского [Ивинский, 2014], [Ивинский, 2016], Л. Н. Каминской [Каминская, 2016], Т. В. Клубковой [Клубкова, 2016] и Э. Шахина [Шахин, 2016]. Вторые связаны с отдельными языками, представленными в этом словаре (см. [Новак, 2023], [Норманская, 2020], [Рутенко], [Савельев, 2013], [Савельев, 2014], [Fionnáin, 2020]).

Результаты исследования

1. Основные биографические сведения

Петер Симон Паллас родился в Берлине 22 сентября 1741 года по старому стилю в семье профессора хирургии и главного хирурга в Берлинской медико-хирургической коллегии (в настоящее время – университетская клиника «Шарите»). Разумеется, профессия отца самым непосредственным образом оказала влияние на выбор жизненного пути сына. С тринадцати до семнадцати лет он слушал лекции по анатомии, физиологии, акушерству, хирургии, ботанике и зоологии в Медико-хирургической коллегии в Берлине, в том числе, и лекции собственного отца. Осенью 1758 года семнадцатилетний юноша продолжил свое образование в университете г. Галле, с июля 1760 года – в Лейденском университете, где в возрасте 19 лет защитил диссертацию по медицине «О вредителях, живущих внутри организмов» (лат. *De infestis veventibus intra viventia*).

После Лейдена он отправился в Англию, где изучал ботанические и зоологические коллекции.

Вопреки желанию отца, желавшего видеть сына практическим хирургом, П. С. Паллас начал свою научную деятельность и начиная с лета 1763 года три года работал в Гааге. Там были опубликованы его первые научные труды по анатомии и систематике низших животных, сразу принесшие ему европейскую известность.

Очевидно, именно эта известность двадцатипятилетнего ученого послужила причиной того, что 22 декабря 1766 года императрица Екатерина II пригласила его в Россию на должность профессора и надзирателя кабинета естественной истории. В Россию он приехал 30 июля 1767 года с молодой женой и малолетней дочерью, сразу получив чин коллежского асессора (8 класс Табели о рангах, дававший право на потомственное дворянство с приставкой *von*) и оклад в размере 800 рублей в год от Академии. С этого времени началась его многогранная деятельность в Российской империи, продолжавшаяся более сорока двух лет – вплоть до января 1810 года.

Императрица Екатерина II, которая, как известно, проявляла самый живой интерес и к многочисленным ресурсам своей империи, и к историческим, социально-экономическим и этнографическим особенностями её регионов, стала инициатором многочисленных экспедиций по всей стране. Один из отрядов академической экспедиции возглавил П. С. Паллас. Всего в научных путешествиях по Российском империи он провел чуть более шести лет – с 21 июня 1768 года по 30 июня 1774 года, его отряд преодолел почти тридцать тысяч километров. Был собран поистине уникальный материал не только по естественным наукам (зоологии, ботанике, палеонтологии, геологии, физической географии), но и экономике, истории, этнографии, культуре и быту народов России.

Результатом этих экспедиций стали многотомные научные труды «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (нем *Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs in den Jahren*, 1768–1773), «Собрания исторических сведений о монгольских народностях» (нем. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*, 1776–1801) и «Новые северные доклады по физическому и географическому описанию земли и народностей» (нем. *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*, 1781–1796).

Последний год своей яркой и многогранной научной жизни академик провел в родном Берлине: в январе 1810 года он обратился в Академию наук с просьбой о бессрочном отпуске. 8 сентября 1811 года ученый скончался…

2. Императрица и словарь

Самый факт того, что П. С. Паллас назвал свой словарь «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» заставляет нас определить роль императрицы в идее, подготовке и собственно составлении и выпуске этого издания.

В опубликованной в 1815 году книге «Заслуги Екатерины Великой в области сравнительного языкознания» (нем. *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*) [Adelung, 1815]. Ф. Аделунг указывает на многие факторы, которые способствовали появлению словаря. Еще в бытность свою великой княгиней Екатерину захватила идея универсального глоссария, которую она впоследствии претворяла в жизнь. Как свидетельствует Я. К. Грот, при изучении русского языка она часто сравнивала русские слова и формы с известными ей немецкими и французскими. И уже тогда она пригласила пастора британской фактории в Петербурге Д. Дюмареска (англ. Daniel Dumaresq; 1712–1805), чтобы тот составил некий общесравнительный словарь, через несколько лет была издана работа «Сравнительный словарь восточных языков» (англ. *Comparative Vocabulary of the Eastern Languages*), однако, вероятно, в весьма небольшом количестве экземпляров, и до наших дней не дошла [Грот, 1877, с. 1].

Много лет спустя мысль о составлении общесравнительного словаря снова возникла у императрицы, «… когда глубокая печаль заставляла ее искать развлечения в каком-нибудь новом и постоянном занятии. Это было летом 1784 года, после смерти А. Д. Ланского. Она решилась сама приступить к собиранию материалов для подобного глоссария» [Грот, 1877, с. 1]. В своем письме известному швейцарскому философу и врачу И. Г. Циммерманну (нем. Johann Georg Ritter von Zimmermann; 8.12.1728 – 7.10.1795) от 9 мая 1785 года императрица пишет: «Я прогоняла мою скуку вздором, до сих пор неслыханным. Я сочинила реестр двум- или тремстам коренных слов российского языка, кои велела перевести на столько языков и наречий, сколько их найти могла, и число оных превосходит уже вторую сотню. Каждый день брала я одно из сих слов и писала их на всех языках, какие только могла набрать. От сего узнала я, что язык цельтов по-

ходит на язык остяков. Что слово, означающее на одном языке небо, значит на другом облако, туман, свод» [Екатерина II, 1803, с. 15]. И далее: «Прочитавши книгу «О уединении», сия забава мне наскучила. Но как при всем том жаль бы мне кинуть в огонь столь большую кучу бумаги, … то я велела позвать к себе профессора Палласа, и признавшись ему искренне в сем грехе, оба вместе наконец положили напечатать сии переводы…» [Екатерина II, 1803, с. 16].

Оставим без комментариев эту обширную цитату. Однако, очевидно, не только смерть фаворита императрицы побудила ее к этому занятию. Как свидетельствует немецкий историк и филолог Х. Г. фон Арндт (Christian Gottlieb von Arndt, 2.12.1743 – 2.01.1829), в часы досуга императрица перелистывала страницы девятитомной работы французского ученого, масона и оккультиста А. К. де Жебелена (фр. Antoine Court de Gébelin; 5.09.1728 – 12.05.1784) «Первобытный мир, проанализированный и сопоставленный с современным миром, рассматриваемым в его аллегорическом гении и в аллегориях, к которым этот гений привел» (фр. *Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne considéré dans son génie allégorique et dans les allégories auxquelles conduisit ce genie*), и идея известного ученого свести все языки мира к праязыку, завладела ее вниманием [Arndt, 1818, S. IX–X].

То, что императрица сама трудилась над составлением словника, указывают факты, о которых пишет Я. К. Грот: «Но главное собрание черновых работ Государыни по словарю хранится в Императорской Публичной библиотеке … : это 54 листа, исписанные рукою Екатерины II; на каждом листе одно русское слово переведено на все имевшиеся в виду языки, расположенные в одном и том же порядке, причем каждый список состоит из двух столбцов; с левой стороны идут языки, с правой перевод слова, написанный, как и все прочее, русскими буквами» [Грот, 1877, с. 4] (см. также [Adelung 1815, S. 41–42]).

После этого императрица обратилась к известному ей берлинскому писателю и издателю Ф. Х. Николаи (нем. Christoph Friedrich Nicolai; 18.03.1733 – 11.01.1811) с просьбой составить для нее обозрение всех известных языков и необходимых для их изучения пособий. В ответ на эту просьбу Ф. Х. Николаи в 1785 г. прислал составленный им и его сыном рукописный фолиант под названием «Общее обозрение всех языков мира с предварительным каталогом главных словарей на всех языках и важнейших книг, рассматривающих происхождение всех языков, их этимологию и сродство. Составлено по повелению Ее И. В. Всероссийской Императрицы)» [Грот, 1877, с. 4–5] (см. также [Adelung 1815, s. 42–47]).

3. Академик и словарь

Продолжение и завершение этой грандиозной работы было поручено академику П. С. Палласу. Рассуждая о том, почему выбор императрицы остановился именно на этом ученом, подчеркивают, прежде всего, что ученых с филологическим образованием в России еще не было, и, кроме того, «… Екатерине нужен был человек с громким европейским именем. Палласа она лично знала, и знала его как ученого, хорошо владевшего иностранными языками, не лишенного охоты к лингвистическим поискам и занятиям» [Грот, 1877, с. 4–5]. Впрочем, сам П. С. Паллас едва ли ожидал такого поручения, о чем незадолго до смерти писал: «Не мне вообще следовало поручать такое дело, но я принял его на себя по особенной преданности к столь милостивой Государыне, и должен был спешить изданием, чтобы не слишком раздражать нетерпение, с каким ожидали каждого нового листа из типографии» [Adelung 1815, s. 47] (цит. по [Грот, 1877, с. 6]).

Привлечение же к этой работе известного петербургского библиографа Л. И. Бакмейстера (нем. Hartwig Ludwig Christian Bacmeister; 15.03.1730 – 22.05.1806) было более чем оправдано: еще в 1773 году он составил своего рода программу собирания материалов для сравнения всех языков мира и издал брошюру на четырех языках под названием «*Объявление и прошение, касающиеся до собрания разных языков в примерах = Avertissement et invitation concernant un seul sujet à traduire en plûsieurs langues = Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus = Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben*» [Бакмейстер, 1773], разослав ее ученым разных стран Европы и путешествовавшим по России ученым. Произошло это на одиннадцать лет раньше тех штудий императрицы Екатерины, о которых она сообщала в своем письме швейцарскому философу. Однако, как подчеркивает Я. К. Грот, этими материалами Л. И. Бакмейстер воспользоваться не смог, «… так как трудности дела и другие занятия мало по малу охладили его усердие к осуществлению первоначальной мысли; но эти сообщения послужили потом важным пособием для Палласа, когда ему пришлось быть исполнителем плана Екатерины II» [Грот, 1877, с. 6].

Таким образом, можно увидеть, что идея сравнения языков возникла у Л. И. Бакмейстера значительно раньше, чем у самой императрицы, пригласившей П. С. Палласа завершить задуманное ей предприятие. Однако, уже имеющиеся к тому времени материалы, авторитет всероссийской императрицы и ее доверенного лица академика П. С. Палласа, и, разумеется, целый ряд других обстоятельств, привели к успешному завершению и публикации словаря в 1787 (1-я часть) и в 1789 годах (2-я часть). И неудивительно, что на обложке словаря осталось имена академика как автора-составителя и императрицы, чьей *десницей* эти словари были собраны.

К тому же в 1786 году в Санкт-Петербурге небольшим тиражом была отпечатана брошюра под названием «Шаблон словарного запаса, который должен использоваться для сравнения всех языков» (фр. *Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues*) объемом всего 8 страниц, в которой содержались выбранные императрицей русские слова с переводом на три языка: немецкий, латынь и французский [Modèle, 1786]. Эта брошюра-образец была разослана во все части Российской империи, всем российским посланникам при иностранных государствах и даже главам государств с просьбой прислать как можно быстрее и как можно больше переводов этих слов на малоизвестные языки. К участию в собирании слов были приглашены ученые многих стран.

Авторитет, влияние и возможности императрицы сыграли, пожалуй, всего одну важную позитивную роль: этот грандиозный по объему представленного материала словарь был подготовлен и вышел в свет в рекордно короткие сроки: полностью отпечатанный первый том был поднесен Екатерине 6 января 1787 года накануне ее отъезда в Крым. Таким образом, от начала ее работы над словами летом 1784 года до издания первого тома прошло всего около двух с половиной лет.

4. Судьба словаря

Всего в словаре 285 русских слов: 130 – в первом томе, 155 – во втором, каждое из слов представлено как некое заглавие, под которым приводятся переводы на 200 языков, причем название языка каждый раз повторяется [Паллас, 1787; Паллас, 1789]. Перевод слов дается в кириллической транскрипции, порядок следования языков достаточно произволен. Там, где перевод по тем или иным причинам отсутствует, стоит многоточие.

Словарь был издан тиражом пятьсот экземпляров и едва ли был предназначен для продажи, лишь сорок экземпляров, которые издатель И. Я. Вейтбрехт (нем. Johann Jakob Weitbrecht; 1744 – 3.05.1803) получил в подарок от Екатерины, могли быть проданы. Часть тиража было подарено иностранным государствам и ученым. Малый тираж и ограничение в его распространении было связано с тем, что «… императрица … руководствовалась мыслью, что это только первый опыт, который со временем должен быть усовершенствован и издан в более полном виде» [Грот, 1877, с. 12].

Разумеется, так скоро составленный словарь, в работе над которым не принимали участия профессионалы-лексикографы, не мог не подвергаться критике с самых разных сторон. Об этом с высоты состояния языкознания на вторую половину XIX пишет Я. К. Грот. Во-первых, он подчеркивает недостижимость «отыскания первобытного языка», во-вторых, «… мысль перевести две-три сотни слов … на столько же языков, без строгого определения родства этих последних … не могла иметь важного по своим результатам значения для науки», и в-третьих, сама последовательность как списка слов, так и списка языков оставляют желать лучшего [Грот, 1877, с. 12].

Второе издание словаря Палласа, нередко называемого Петербургским словарем, появилось вскоре после первого. Оно вышло в 1790–1791 гг. в четырех томах общим объемом около двух тысяч страниц тиражом 1000 экземпляров. Издание под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» было переработано и дополнено сербским и российским педагогом Ф. И. Янковичем де Мириево (17.04.1741 – 22.05.1814). Добавлены были слова четырех европейских, 22 азиатских, 30 африканских и 23 американских языков. В течение более двадцати лет, до 1813 г. словарь в продажу не поступал, а несколько его страниц было перепечатано в связи с редакционными исправлениями.

Заключение

Для истории языкознания исключительно важным фактом является то, что «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» были одним из самых первых произведений отечественной компаративистики.

Тот факт, что словарь был задуман и доведен до логического завершения императрицей Екатериной II, косвенно свидетельствует о потребности в такого рода произведениях. А то, что

немецкая принцесса захотела и стала успешно овладевать языком титульной нации Российской империи, с которой была связана вся ее дальнейшая судьба, способствовала интересу к сравнению языков, которое в многонациональном государстве под названием Российская империя нашло самую благодатную почву.

Участие академика П. С. Палласа в работе над словарем объясняется, разумеется, не его филологическими познаниями или образованием, которых, в сущности, не было, но именно выдающейся ролью этого ученого-энциклопедиста в европейской науке, личным доверием к нему со стороны императрицы.

Самый факт того, что в создании сравнительного словаря не принимали участие профессиональные лингвисты объясняется не только тем, что лингвистика как наука появилась несколько позднее, но в немалой степени тем, что в конце XVIII столетия еще чувствовались влияние эпохи Просвещения и авторитет ученых-энциклопедистов, каковым в полной мере был сам П. С. Паллас.

Все недостатки словаря Палласа, о которых писали как ученые разных специальностей вскоре после публикации словаря, так и позднейшие исследователи, были продиктованы именно тем фактом, что этот словарь был самым первым лексикографическим произведением сравнительно-исторического языкознания за почти три десятилетия появления этой отрасли языкознания.

Библиографический список

1. Бакмейстер Л. И. Объявление и прошение, касающиеся до собрания разных языков в примерах = Avertissement et invitation concernant un seul sujet à traduire en plûsieurs langues = Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus = Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben. Санкт-Петербург : при Императорской Академии наук, 1773. 30 стб., 31–34 с.

2. Бередников Я. И. О проекте Бакмейстера составить многоязычный словарь // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1853. Т. 2. Стб. 365–367.

3. Булич С. К. Паллас (Петр-Симон) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXIIA (44). Оуэн – Патент о поединках. Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1897. С. 641–642.

4. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России: Т. 1: (XIII в. – 1825 г.): С прил., вместо вступления, «Введения в изучение языка» Б. Дельбрюка. Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1904. XI, [3], 1248 с. (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета).

5. Волошина О. А. «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2012. 6 (1). С. 354–361.

6. Грот Я. К. Филологические занятия императрицы Екатерины Второй. Москва : Типография Лебедева, 1877б. [2], 18 с.

7. Грот Я. К. Филологические занятия Екатерины II. Русский архив, 1877а, № 4. С. 425–442.

8. Евгений (Болховитинов Е. А.) Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Сочинение митрополита Евгения; Издание Москвитянина. Москва : В университетской типографии, 1845. Т. 2. [2], 290, XVI с.

9. Екатерина II Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с доктором Циммерманом, с 1785 по 1792 год / перевод с французского подлинника. В Санктпетербурге: В Императорской типографии, 1803. [2], 184 с.

10. Ивинский А. Д. Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий» // Русская речь. 2016. №. 5. С. 75–81.

11. Ивинский А. Д. К истории собрания сочинений Екатерины II: почему не был издан шестой том // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. Москва, 2014. С. 106–125.

12. Каминская Л. Н. К истории создания первого российского универсального словаря 1787, 1789 // Ученые записки НовГУ. 2016. № 1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-history-of-creation-of-the-first-russian-universal-dictionary-1787-1789 (дата обращения: 13.09.2024)

13. Кеппен Ф. П. Ученые труды П. С. Палласа // Журнал Министерства народного просвещения. 1895а. № CCXCVIII. С. 386–437.

14. Кеппен Ф. П. Ученые труды П. С. Палласа. Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева и К°, 1895б. 54 с.

15. Клубкова Т. В. Первый российский лингвистический опросник // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 23. Вып. 1. С. 181–188.

16. Клубкова Т. В. Русский язык: взгляд со стороны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 230–238.

17. Колчинский Э. И. Паллас Пётр Симон // П — Пертурбационная функция. Москва : Большая российская энциклопедия, 2014. С. 161–162.

18. Лукин О. В. А. Л. Шлёцер и лингвистический миф XVIII века // Верхневолжский филологический вестник. 2024а. № 1 (36). С. 113–122.

19. Лукин О. В. Л. И. Бакмейстер и санкт-петербургская немецкая диаспора в культурной жизни Российской империи второй половины XVIII века // Ярославский педагогический вестник. 2024б. № 1 (136). С. 226–232.

20. Маракуев В. Н. Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. Москва : тип. А. А. Торлецкого и К°, 1877. IX, 214 с., 1 л. фронт. (портр.).

21. Новак И. П., Нагурная С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 287–300.

22. Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36). С. 92–100.

23. Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. Санкт-Петербург : Печатано в типографии у Шнора, 1787. [18], 411, [1] с.

24. Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 2. Санкт-Петербург : Печатано в типографии у Шнора, 1789. [6], 491с.

25. Половцов А. А. Паллас, Петр Симон // Половцов А. А. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913. / Т. 13: Павел, преподобный – Петр (Илейка), 1902. С. 153–162.

26. Рутенко Ю. С. Тагальский язык в «сравнительном словаре всех языков и наречий» П. С. Палласа // Kunstkamera.ru: Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 1998–2016. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/ (дата обращения: 17.08.2024)

27. Савельев А. В. Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013. № 1 (8). С. 34–54.

28. Савельев А. В. Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Москва, 2014. 29 с.

29. Шахин Э. Труд Петра Симона Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» и его место в исследовании тюркских языков и диалектов // Tatarica: научный журнал. № 2 (7), 2016. С. 11–16.

30. Янкович де Мириево Ф. И. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге: [тип. Брейткопфа], 1790. Ч. 1: А-Д. [2], 454, [2] с.

31. Янкович де Мириево Ф. И. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге: [тип. Брейткопфа], 1791а. Ч. 2: Д-Л. [2], 499, [1] с.

32. Янкович де Мириево Ф. И. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге: [тип. Брейткопфа], 1791б. Ч. 3: Л-С. [2], 518 с.

33. Янкович де Мириево Ф. И. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге: [тип. Брейткопфа], 1791в. Ч. 4: С-Ѳ. [2], 618 с.

34. Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg: Gedruckt bei Friedrich Drechsler, 1815. 210, [1] S.

35. Arndt Chr. G. Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen. Nach Anleitung des russischen Allgemeinen vergleichenden Wörterbuchs. Frankfurt am Main: H. L. Brönner, 1818. XVI, 398 S.

36. Haarmann H. (ed.) Wissenschaftsgeschichtliche Beiträge zur Erforschung indogermanischer, finnisch-ugrischer und kaukasischer Sprachen bei Pallas. Hamburg: Buske, 1979. 252 S.

37. Jones W. The Third Anniversary Discoure, on the Hindus, delivered 2d of February, 1786 // Jones, W. The Worcs of Sir William Jones. In six Volumes. Vol. I. London: Printed for G. G. AND J. Robinson, Pater-Noster-Row and R. H. Evans (Successor to Mr. Edwards), No. 26, Pall-Mall, MDCCXCIX (1799). P. 19–34.

38. Fionnáin M. Ó. «Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas's Сравнительные Словари» // ANGLICA-An International Journal of English Studies 29.3 (2020): P. 113–123.

39. Gärtner R. W. Pallas, Peter Simon // Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 20. Berlin: Duncker & Humblot, 2001. S. 14–16.

40. Key M. R. Catherine the Great's Linguistic Contribution (Current Inquiry into Language and Linguistics, 36.) Carbondale, Illinois; Edmonton, Alberta : Linguistic Research, Inc., 1980. XVI, 200 p.

41. Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues. St. Petersbourg, 1786. 8 p.

42. Ratzel F. Pallas, Peter Simon // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 25. Leipzig : Duncker & Humblot, 1887. S. 81–98.

43. Rudolphi C. A. Beyträge zur Anthropologie und allgemeinen Naturgeschichte. Berlin : bey Haude und Spener, 1812. 188 S.

44. Scharf, C. Katharina II: Deutschland und die Deutschen (Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz, Abteilung Universalgeschichte, vol. 153). Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 1995. xvi, 569 S.

45. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811): Materialien einer Biographie, Bd. 1. Berlin, New York : W. de Gruyter), 1991. (Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin, Bd 80/I-Bd 80/II). 1176 S., 20 Abb.

Reference list

1. Bakmejster L. I. Ob#javlenie i proshenie, kasajushhiesja do sobranija raznyh jazykov v primerah = Avertissement et invitation concernant un seul sujet à traduire en plûsieurs langues = Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus = Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben. Sankt-Peterburg : pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1773. 30 stb., 31–34 s.

2. Berednikov Ja. I. O proekte Bakmeĭstera sostavit' mnogojazychnyĭ slovar' = About Backmeister's project to

compile a multilingual dictionary // Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk po otdeleniju russkogo jazyka i slovesnosti. 1853. T. 2. Stb. 365–367.

3. Bulich S. K. Pallas (Petr-Simon) = Pallas (Peter-Simon) // Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Tom XXIIA (44). Oujen – Patent o poedinkah. Sankt-Peterburg : Semenovskaja Tipolitografija (I. A. Efrona), 1897. S. 641–642.

4. Bulich S. K. Ocherk istorii jazykoznanija v Rossii: T. 1: (XIII v. – 1825 g.) = An outline of the history of Russian linguistics: Vol. 1: (XIII c. - 1825) // s pril., vmesto vstuplenija, «Vvedenija v izuchenie jazyka» B. Del'brjuka. Sankt-Peterburg : tip. M. Merkusheva, 1904. XI, [3], 1248 s. (Zapiski Istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta).

5. Voloshina O. A. «Sravnitel'nyj slovar' vseh jazykov» Petra Simona Pallasa = A Comparative Dictionary of All Languages by Peter Simon Pallas // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2012. 6 (1). S. 354–361.

6. Grot Ja. K. Filologicheskie zanjatija imperatricy Ekateriny Vtoroj.= Empress Catherine the Great's philological studies. Moskva : Tipografija Lebedeva, 1877b. [2], 18 s.

7. Grot Ja. K. Filologicheskie zanjatija Ekateriny II = Catherine the Great's philological studies // Russkij arhiv. 1877a. № 4. S. 425–442.

8. Evgenij (Bolhovitinov E. A.) Slovar' russkih svetskih pisatelej, sootechestvennikov i chuzhestrancev, pisavshih v Rossii = Dictionary of Russian secular writers, compatriots and strangers who wrote in Russia / Sochinenie mitropolita Evgenija; Izdanie Moskvitjanina. Moskva : V universitetskoj tipografii, 1845. T. 2. [2], 290, XVI s.

9. Ekaterina II Filosoficheskaja i politicheskaja perepiska imperatricy Ekateriny II s doktorom Cimmermanom, s 1785 po 1792 god = Philosophical and political correspondence of Empress Catherine the Great with Dr. Zimmerman, from 1785 to 1792 / perevod s francuzskogo podlinnika. V Sanktpeterburge: V Imperatorskoj tipografii, 1803. [2], 184 s.

10. Ivinskij A. D. Ekaterina II i «Sravnitel'nye slovari vseh jazykov i narechij»= Catherine the Great and Comparative Dictionaries of All Languages and Dialects // Russkaja rech'. 2016. №. 5. S. 75–81.

11. Ivinskiĭ A. D. K istorii sobranija sochineniĭ Ekateriny II: pochemu ne byl izdan shestoĭ tom = On the history of Catherine the Great's collected works: why the sixth volume was not published // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. Moskva, 2014. S. 106–125.

12. Kaminskaja L. N. K istorii sozdanija pervogo rossijskogo universal'nogo slovarja 1787, 1789 = On the history of creating the first Russian universal dictionary 1787, 1789 // Uchenye zapiski NovGU. 2016. № 1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-history-of-creation-of-the-first-russian-universal-dictionary-1787-1789 (data obrashhenija: 13.09.2024)

13. Keppen F. P. Uchenye trudy P. S. Pallasa = P.S. Pallas's scientific works // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1895a. № CCXCVIII. S. 386–437.

14. Keppen F. P. Uchenye trudy P. S. Pallasa = P.S. Pallas's scientific works. Sankt-Peterburg : tip. V. S. Balasheva i K°, 1895b. 54 s.

15. Klubkova T. V. Pervyj rossijskij lingvisticheskij oprosnik = The first Russian linguistic questionnaire // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. 2016. T. 23. Vyp. 1. S. 181–188.

16. Klubkova T. V. Russkij jazyk: vzgljad so storony = The Russian language: an outsider's view // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2018. № 189. S. 230–238.

17. Kolchinskij Je. I. Pallas Pjotr Simon = Pallas Peter Simon // P – Perturbacionnaja funkcija. Moskva : Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 2014. S. 161–162.

18. Lukin O. V. A. L. Shlëcer i lingvisticheskiĭ mif XVIII veka = Schlözer and the linguistic myth of the XVIIIth century // Verhnevolzhskiĭ filologicheskiĭ vestnik. 2024a. № 1 (36). S. 113–122.

19. Lukin O. V. L. I. Bakmeĭster i sankt-peterburgskaja nemeckaja diaspora v kul'turnoĭ zhizni Rossiĭskoĭ imperii vtoroĭ poloviny XVIII veka = L. I. Backmeister and St. Petersburg German diaspora in the cultural life of the Russian Empire in the second half of the XVIII century // Jaroslavskiĭ pedagogicheskiĭ vestnik. 2024b. № 1 (136). S. 226–232.

20. Marakuev V. N. Petr Simon Pallas, ego zhizn', uchenye trudy i puteshestvija = Peter Simon Pallas, his life, academic works and travels. Moskva : tip. A. A. Torleckogo i K°, 1877. IX, 214 s., 1 l. front. (portr.).

21. Novak I. P., Nagurnaja S. V. Lingvisticheskiĭ analiz karel'skogo jazykovogo materiala slovarja P. S. Pallasa = Linguistic analysis of Karelian linguistic material in P. S. Pallas's dictionary // Finno-ugorskiĭ mir. 2023. T. 15, № 3. S. 287–300.

22. Normanskaja Ju. V., Kosheljuk N. A. Neopublikovannyĭ mansiĭskiĭ slovar' P. S. Pallasa – ranee neizvestnyĭ mansiĭskiĭ dialekt? = P. S. Pallas's unpublished Mansi dictionary - a previously unknown Mansi dialect? // Uralo-altaĭskie issledovanija. 2020. № 1 (36). S. 92–100.

23. Pallas P. S. Sravnitel'nye slovari vseh jazykov i narechij, sobrannye desniceju vsevysochajshej osoby. Otdelenie 1, soderzhashhee v sebe evropejskie i aziatskie jazyki = Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the highest ranking person. Part 1 containing European and Asian languages. Ch. 1. Sankt-Peterburg : Pechatano v tipografii u Shnora, 1787. [18], 411, [1] s.

24. Pallas P. S. Sravnitel'nye slovari vseh jazykov i narechij, sobrannye desniceju vsevysochajshej osoby. Otdelenie 1, soderzhashhee v sebe evropejskie i aziatskie jazyki = Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the highest ranking person. Part 1 containing European and Asian languages. Ch. 2. Sankt-Peterburg : Pechatano v tipografii u Shnora, 1789. [6], 491 s.

25. Polovcov A. A. Pallas, Petr Simon = Pallas, Peter Simon // Polovcov A. A. Russkij biograficheskij slovar' / izd. pod nabljudeniem pred. Imp. Rus. ist. o-va A. A. Polovcova. Sankt-Peterburg : Imp. Rus. ist. o-vo, 1896–1913. / T. 13: Pavel, prepodobnyj – Petr (Ilejka), 1902. S. 153–162.

26. Rutenko Ju. S. Tagal'skiĭ jazyk v «sravnitel'nom slovare vseh jazykov i narechiĭ» P. S. Pallasa = The Tagalog language in P. S. Pallas's Comparative Dictionary of All Languages and Dialects // Kunstkamera.ru: Jelektronnaja biblioteka Muzeja antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 1998–2016. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/ (data obrashhenija: 17.08.2024)

27. Savel'ev A. V. Otrazhenie vokalizma chuvashskih dialektov v «Sravnitel'nom slovare» P. S. Pallasa = The reflection of vocalism in Chuvash dialects in P. S. Pallas's Comparative Dictionary // Uralo-altaĭskie issledovanija. 2013. № 1 (8). S. 34–54.

28. Savel'ev A. V. Otrazhenie dialektnyh osobennostej v staropis'mennyh pamjatnikah chuvashskogo jazyka XVIII veka (na materiale Slovarja Pallasa) = Dialect peculiarities reflection in old written manuscripts of the Chuvash language in the XVIII century (on the material of Pallas's Dictionary). Moskva, 2014. 29 s.

29. Shahin Je. Trud Petra Simona Pallasa «Sravnitel'nye slovari vseh jazykov i narechij, sobrannye desniceju vsevysochajshej osoby» i ego mesto v issledovanii tjurkskih jazykov i dialektov = Peter Simon Pallas's work “Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the highest ranking person” and its place in the study of Turkic languages and dialects // Tatarica: nauchnyj zhurnal. № 2 (7), 2016. S. 11–16.

30. Jankovich de Mirievo F. I. Sravnitel'nyj slovar' vseh jazykov i narechij, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj = Comparative dictionary of all languages and dialects, arranged in alphabetical order. V Sanktpeterburge: [tip. Brejtkopfa], 1790. Ch. 1: A-D. [2], 454, [2] s.

31. Jankovich de Mirievo F. I. Sravnitel'nyj slovar' vseh jazykov i narechij, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj = Comparative dictionary of all languages and dialects, arranged in alphabetical order. V Sanktpeterburge: [tip. Brejtkopfa], 1791a. Ch. 2: D-L. [2], 499, [1] s.

32. Jankovich de Mirievo F. I. Sravnitel'nyj slovar' vseh jazykov i narechij, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj = Comparative dictionary of all languages and dialects, arranged in alphabetical order. V Sanktpeterburge: [tip. Brejtkopfa], 1791b. Ch. 3: L-S. [2], 518 s.

33. Jankovich de Mirievo F. I. Sravnitel'nyj slovar' vseh jazykov i narechij, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj = Comparative dictionary of all languages and dialects, arranged in alphabetical order. V Sanktpeterburge: [tip. Brejtkopfa], 1791v. Ch. 4: S-Θ. [2], 618 s.

34. Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg: Gedruckt bei Friedrich Drechsler, 1815. 210, [1] S.

35. Arndt Chr. G. Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen. Nach Anleitung des russischen Allgemeinen vergleichenden Wörterbuchs. Frankfurt am Main: H. L. Brönner, 1818. XVI, 398 S.

36. Haarmann H. (ed.) Wissenschaftsgeschichtliche Beiträge zur Erforschung indogermanischer, finnisch-ugrischer und kaukasischer Sprachen bei Pallas. Hamburg: Buske, 1979. 252 S.

37. Jones W. The Third Anniversary Discoure, on the Hindus, delivered 2d of February, 1786 // Jones, W. The Worcs of Sir William Jones. In six Volumes. Vol. I. London: Printed for G. G. AND J. Robinson, Pater-Noster-Row and R. H. Evans (Successor to Mr. Edwards), No. 26, Pall-Mall, MDCCXCIX (1799). P. 19–34.

38. Fionnáin M. Ó. «Scottish Gaelic in Peter Simon Pallas’s Sravnitel'nye Slovari» // ANGLICA-An International Journal of English Studies 29.3 (2020): R. 113–123.

39. Gärtner R. W. Pallas, Peter Simon // Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 20. Berlin: Duncker & Humblot, 2001. S. 14–16.

40. Key M. R. Catherine the Great's Linguistic Contribution (Current Inquiry into Language and Linguistics, 36.) Carbondale, Illinois; Edmonton, Alberta : Linguistic Research, Inc., 1980. XVI, 200 p.

41. Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues. St. Petersbourg, 1786. 8 p.

42. Ratzel F. Pallas, Peter Simon // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band 25. Leipzig : Duncker & Humblot, 1887. S. 81–98.

43. Rudolphi S. A. Beyträge zur Anthropologie und allgemeinen Naturgeschichte. Berlin : bey Haude und Spener, 1812. 188 S.

44. Scharf, C. Katharina II: Deutschland und die Deutschen (Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz, Abteilung Universalgeschichte, vol. 153). Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 1995. xvi, 569 S.

45. Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811): Materialien einer Biographie, Bd. 1. Berlin, New York : W. de Gruyter), 1991. (Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin, Bd 80/I-Bd 80/II). 1176 S., 20 Abb.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-185
EDN: KJWMZZ

Употребление лексемы «green» и особенности восприятия концепта «зеленый» представителями англоязычной культуры

Ева Евгеньевна Шеховцова
Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ярославский государственный технический университет. 150023, г. Ярославль, Московский проспект, д. 88
shekhovtsova_eva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2241-6002

Аннотация. В текстах, опубликованных на страницах англоязычных средств массовой информации, часто встречаются цветонаименования. Особый интерес представляет лексема «green» («зеленый»). Она обозначает один из самых популярных базовых цветов, которые человечество стало различать на ранних этапах своего развития. Данный цвет издавна ассоциировался с природой, растительностью, но восприятие его было различным во многих культурах. Изучение особенностей использования концепта «green» в англоязычных текстах интернет-издания «The Guardian» («Гардиан») стало целью данного исследования, а задачами – выявление предложений и словосочетаний с искомой лексемой, составление корпуса лексических единиц и их упорядочивание, в основу которого были положены темы статей. Методами исследования стали метод контекстуального анализа, сплошной выборки, описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и прием интерпретации. В результате был собран корпус из сорока единиц с лексемой «green», а словосочетания упорядочены по своему значению: «спорт», «экономика», «экология», «политика», «культура», «градостроительство и архитектура», «кулинария». Рассмотрены особенности употребления лексемы «green» и восприятия зеленого цвета в англоязычной культуре. Замечена тенденция употребления выражений с лексемой «green» в переносном значении, что вызывает трудности перевода, определена роль концепта «зеленый» в акцентировании внимания читателей на определенном материале, например, на статьях, посвященных проблемам экологии. Найдены идиоматические выражения, в которых использовано цветонаименование «green». При анализе собранных словосочетаний был сделан вывод о том, что концепт «green» сохранился неизменным.

Ключевые слова: концепт цвета; зеленый; национально-культурная специфика; СМИ; газетный дискурс; цвет; лексическая единица

Для цитирования: Шеховцова Е. Е. Употребление лексемы «green» и особенности восприятия концепта «зеленый» представителями англоязычной культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 185–193. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-185. https://elibrary.ru/KJWMZZ

Original article

The use of the lexeme «green» and the specifics of the concept «green» in english speaking culture

Eva E. Shekhovtsova
Candidate of historical sciences, senior lecturer at the department of foreign languages, Yaroslavl state technical university. 150023, Yaroslavl, Moskovsky prospect, 88
shekhovtsova_eva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2241-6002

Abstract. Colour names can often be found in the texts published in English-language media. The lexeme ‘green’ is of a particular interest. It denotes one of the most popular basic colours that mankind began to distinguish at the early stages of its development. People have long associated this color with nature and vegetation, but its perception is different in many cultures. The aim of this research is to study the specifics of using the concept ‘green’ in the texts of the Guardian online edition, and the objectives are to identify sentences and word combinations with the target lexeme, to compile a corpus of lexical units and to arrange them thematically. The methods used were contextual analysis, continuous sampling, description, comparison, historical research, contrast, and interpretation. As a result, the study presents a corpus of forty units with the lexeme ‘green’, and the word combinations are arranged according to their meaning: ‘sport’, ‘economy’, ‘ecology’, ‘politics’, ‘culture’, ‘urban planning and architecture’, ‘ cooking’. The author considers

© Шеховцова Е. Е., 2024

the specifics of using the lexeme ‘green’ and the perception of the green colour in English-speaking cultures. There is a tendency to use expressions with the lexeme ‘green’ in figurative meaning, which causes difficulties in translation; the concept ‘green’ is also used to focus readers' attention on certain material, for example, on articles about environmental issues. Some idiomatic expressions that contain the colour name ‘green’ have been found. When analysing the collected collocations, the author concludes that the concept «green» has remained unchanged.

Key words: concept of colour; green; national and cultural specifics; mass media; newspaper discourse; colour; lexical unit

For citation Shekhovtsova E. E. The use of the lexeme «green» and the specifics of the concept «green» in english speaking culture. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):185–193. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-185. https://elibrary.ru/KJWMZZ

Введение

Восприятие цвета представителями разных культур отличается не только вследствие физиологических причин, но и из-за психологических установок. Семантизация цвета в рамках культурной парадигмы может выражаться разными способами, а несходное «прочтение цветовой символики, представленной в национальном языке», создает препятствия в процессе межкультурной коммуникации [Гунарёва, 2015]. Следовательно, изучение функционирования цвета в языке помогает понять представителей иных культур, а овладение лексикой, связанной с цветом, является важной задачей при изучении иностранного языка.

Англоязычные средства массовой информации (СМИ) в пространстве интернет часто используют наименования базовых цветов и их оттенков как выразительное средство, воздействующее на читателя. Зеленый цвет относится к базовым цветам.

Слово «green» («зеленый») появилось в английском языке от праиндоевропейского корня g’hel-, означающего «желтый», «зеленый», «синий», «серый» [Спиридонова, 2009, с. 120].

По мнению немецкого филолога-лингвиста Л. Гейгера (1829–1870), люди начали различать зеленый цвет на пятом этапе эволюции цвета после черного, красного, желтого и белого. Проанализировав труды древних греков, ведические гимны и древние трактаты, ученый определил, что существует универсальная последовательность создания основных цветовых терминов в языке [Berlin, 1969, p. 136].

Антрополог Б. Берлин и лингвист П. Кэй придерживались иной точки зрения на проблему последовательности возникновения цветов в языке. Они утверждали, что существует одиннадцать основных цветовых категорий. Зеленому цвету они отвели четвертое место, так как люди стали различать его после белого, черного и красного цвета [Berlin, 1969, p. 2].

Являясь важной составляющей природы, зеленый цвет оказывает влияние на жизнь живых существ и опыт людей, имеющих цветовое видение. Раннее различение зеленого цвета, возникшее в процессе эволюции, объясняется его непосредственной связью с окружающим миром. Тем не менее, раннее появление лексемы «green» в английском языке не привело к ее частому употреблению.

И для нее, и для лексем «brown», «blue», «grey/gray», «yellow» характерна средняя частота употребления в англоязычных текстах, а наиболее распространенными цветолексемами стали «white», «black» и «red» [Захарова, 2020, с. 137].

Цвет как феномен входит в сферу интересов не только специалистов, работающих в области естественных наук, но и тех ученых, которые занимаются проблемами лингвистики [Гуз, 2009, с. 46]. Концепт «green» широко используется в газетном дискурсе, его изучение помогает постичь скрытые смыслы англоязычных текстов, и в этом заключается актуальность настоящей работы.

«Концепт зеленого цвета <…> ассоциируется со всем, что связано с понятием „природа”» [Мишенькина, 2011, с. 292]. Под концептом понимается значение словесного знака, описывающее умственную, духовную, материальную сферу жизни людей, закрепленное «в общественном опыте народа» и связанное с другими словесными знаками [Шведова, 2005, с. 603]. К концептам относят «лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания», формирующие «наивную картину мира» [Ангелова, 2004, с. 7].

Цветонаименования и цветообразы функционируют в политическом интернет-дискурсе и влияют на читательскую аудиторию. Так, с помощью цветообраза партия может выделиться на фоне других партий, в то же время цвет играет роль «конструктивного элемента» метафоры, «фона-сопроводителя для партийного дизайна» и «партийного идентификатора» [Никифорова, 2014, с. 20].

Целью настоящего исследования является изучение особенностей применения концепта «green» в англоязычных текстах, опубликованных на стра-

ницах интернет-издания «The Guardian» («Гардиан»). Задачи: 1) проанализировать статьи «The Guardian» для выявления предложений и словосочетаний, в которых использован концепт «green»; 2) упорядочить собранный корпус по значению и областям использования входящих в него лексических единиц.

Проблема исследования заключается в том, что до настоящего времени не проводилось сравнение традиционного восприятия зеленого цвета в англоязычной культуре, запечатленного, например, в идиомах, и восприятия концепта «green» в современном обществе, то есть не рассматривалось изменение отношения к данному цвету в историческом аспекте. Исследователи сфокусировались на изучении вопроса зависимости видов источников и жанровых особенностей текстов от частотности употребления лексем, обозначающих цвета (В. А. Захарова [Захарова, 2020]), отличия цветовосприятия представителей разных культур (Ю. В. Гуз [Гуз, 2009], Е. В. Мишенькина [Мишенькина, 2011]). Особый интерес для лингвистов представляло рассмотрение цветообозначения «green» в английских идиомах (О. В. Ведута) [Ведута, 2019], в английском суеверном дискурсе (С. А. Халеева) [Халеева , 2013; Халеева, 2016], а также нахождение и описание выразительных средств речи с цветовым компонентом в массмедийном тексте (Н. В. Покровская) [Покровская, 2021].

Гипотезой исследования является предположение о том, что восприятие зеленого цвета представителями англоязычной культуры изменчиво, так как «цветовая картина мира имеет свое выражение не только в цветообозначениях, пословицах, поговорках, фразеологизмах, но и в вербальных ассоциациях, вызванных тем или иным цветообозначением», возникших у человека как результат его жизненного опыта [Гуз, 2009, с. 46].

Концепт цвета считается противоречивым, поскольку его восприятие зависит от многих факторов, главным из которых является культурная принадлежность человека. В то же время цвет – это психический феномен, порождаемый мозгом и зрительным аппаратом индивида. Цветовая картина мира, которая есть у человека, основана на цвете и на индивидуальных, профессиональных, культурных, возрастных и временных особенностях [Kartashkova, 2022, p. 203].

Как указывал П. В. Яньшин, «не существует неких универсальных значений цветов, проявляющихся во всех ситуациях одинаково», так как символ приобретает значение исключительно в определенном контексте [Яньшин, 2021, с. 30].

Научная новизна исследования заключается в сопоставлении традиционной интерпретации зеленого цвета, наблюдаемой в английских идиоматических выражениях, и восприятии современной символики зеленого цвета авторами статей интернет-издания «The Guardian», в том числе на примере неологизмов с лексемой «green».

Методы исследования

При поиске материала исследования использовался метод сплошной выборки, который состоял в том, что анализу подвергался весь массив текстов, из которого были выбраны все языковые явления, выступающие объектом изучения [Шевченко, 2018, с. 10], в данном случае, словосочетания с лексемой «green».

Для анализа выявленных слов и словосочетаний применялся описательный метод (метод лингвистического описания), прием интерпретации, сравнительно-исторический метод и сопоставительный метод для классификации выявленных лексем.

Метод контекстуального анализа был использован при анализе микроконтекста, под которым понимается *«one syntagma (phrase, sentence), wherein the analysed element occurs»* [Бортников, 2020, с. 17] *// «одна синтагма (фраза, предложение), в которой встречается анализируемый элемент»* (здесь и далее перевод автора статьи).

Источниками исследования стали статьи, опубликованные на сайте британской ежедневной леволиберальной газеты «Гардиан» [The Guardian], вышедшие в свет в период с декабря 2023 г. по август 2024 г.

Результаты исследования

На материалах заголовков статей и текстов газеты «The Guardian» был собран корпус, состоящий из сорока единиц с лексемой «green». Рассмотрим группы лексем, упорядоченные по их значению.

При описании событий из области спорта авторы статей часто обращаются к цветонаименованию «green». Например, встречается название английского профессионального футбольного клуба *«Forest Green» // «Форест Грин».* Оно произошло от названия района города Нейлсворт *«Forest Green» // Зеленый лес* [Map of …].

«The Australian Professional Leagues (APL) has already given the green light for a franchise in Auckland to participate in next year's competition, while a deal for an ALM side in Canberra is nearing completion» // «Австралийская профессиональная лига (APL) уже дала зеленый свет франшизе в Окленде

для участия в соревнованиях следующего года, в то время как сделка с командой ALM в Канберре близится к завершению». Здесь выражение *«has already given the green light» // «уже дан зеленый свет»* означает разрешить сделать что-то.

Приведем еще один пример использования выражения *«green light»// «зеленый свет»* в статье, посвященной спорту: «<…> he has been given the green light to leave the club <…>« // «<…> ему дали зеленый свет на уход из клуба <…>».

«But Pochettino has started to see the green shoots, especially in last Saturday's 1-1 Premier League draw at Manchester City, which followed the away wins over Aston Villa (in the FA Cup) and Crystal Palace» // «Однако Почеттино начал замечать первые признаки успеха, особенно в прошлую субботу, когда в Премьер-лиге со счетом 1:1 он сыграл вничью с «Манчестер Сити», последовавшую за выездными победами над «Астон Виллой» (в Кубке Англии) и «Кристал Пэлас». В данном отрывке фраза *«to see the green shoots» // «замечать первые признаки успеха»* дословно переводится *«видеть зеленые ростки», «видеть зеленые побеги».*

Далее рассмотрим отрывок, также относящийся к теме «спорт»: *«The 17-year-old from County Durham starred on the game's biggest stage and local hero provided green shoots of joy» // «17-летний парень из графства Дарем сыграл главную роль на самой большой сцене игры, а местный герой принес им много радости».* Фраза *«provided green shoots of joy»* переводится как «принес много радости».

В статье, описывающей процессы, происходящие в настоящее время в экономике Великобритании, было замечено словосочетание *«green shoots»*: *«UK retailers given hope of 'green shoots of recovery' after Easter pickup» // «Британские ритейлеры надеются на „признаки оживления" после пасхальных распродаж».* Выражение *«green shoots of recovery»* означает *«признаки восстановления».*

В заголовке *«EU to delay new green rule in bid to appease protesting farmers» // «ЕС отложит введение нового зеленого правила в попытке успокоить протестующих фермеров»* есть словосочетание *«green rule»* (дословно *«зеленое правило»*) – это *«Зеленые правила ЕС»*, как называют трансграничный налог.

В результате проведенного исследования был найден ряд выражений с лексемой «green», которые использованы для описания экологической ситуации в Великобритании. Например, в заголовке статьи *«The green hooligans menacing our parks» // «Зеленые хулиганы, угрожающие нашим паркам»* фраза *«green hooligans» // «зеленые хулиганы»* имеет значение «попугаи». Так автор статьи называет зеленых лондонских попугаев из-за их окраса и повадок.

Использована фраза *«green challenges» («экологические проблемы»)*: *«From water to wood-burning stoves: 11 green challenges Labour must solve» // «От водоснабжения до дровяных печей: 11 экологических проблем, которые должны решить работники».*

«Green space could be even better for young brains than we realized» // «Зеленые насаждения могут быть даже полезнее для молодых мозгов, чем мы предполагали». «Green space» // «зеленые насаждения», «зеленое пространство» – так называют площадки у школ, где ученики могут отдохнуть на свежем воздухе и пообщаться с природой. Такая фраза встретилась еще в одном заголовке: *«Locals hit back at Spurs' football plans for 'green and biodiverse' space» // «Местные жители реагируют на планы „Шпор" по созданию „зеленого и биоразнообразного" футбольного пространства».*

Синонимичное выражение *«green oasis» // «зеленый оазис»* тоже имеет положительное значение: *«Hamburg's wartime bunker is reinvented as an unlikely green oasis» // «Военный бункер в Гамбурге превратился в необычный зеленый оазис».*

Авторы статей «The Guardian» обеспокоены вопросом, как сохранить баланс в природе и получить дешевую энергию. Например, заголовок *«Is Science Museum's green power gallery tainted by fossil-fuel cash?» // «Запятнана ли галерея зеленой энергетики Музея науки деньгами от ископаемого топлива?»* содержит выражение *«green power» // «экологически чистая энергия», «зеленая энергия»*, которое описывает безопасность получаемой энергии для окружающей среды. В статье используется похожая по значению фраза *«green energy» // «зеленая энергия», «зеленая энергетика»*: *«But the new Science Museum gallery, Energy Revolution, the Adani Green Energy Gallery, has gone down badly – with environmentalists» // «Но новая галерея музея науки «Энергетическая революция», галерея зеленой энергии Адани, была встречена критикой со стороны экологов».*

В названии другой статьи есть вид топлива *«green hydrogen» («зеленый водород»)*: *«Is Andrew Forrest's energy dream in peril? The future of green hydrogen in Australia explained» // «Неужели мечта Эндрю Форреста об энергии в опасности? Объяснено будущее зеленого водорода в Австралии».*

Для обозначения безопасного получения энергии было образовано словосочетание *«green generation»* (*«зеленая генерация», «зеленая генерация электроэнергии»*): *«The extra electricity demand would be matched by new investments in green generation, he said on Thursday, which would more than compensate for the use» // «Дополнительный спрос на электроэнергию будет сопровождаться новыми инвестициями в зеленую генерацию, заявил он в четверг, что более чем компенсирует потребление».*

На страницах «Гардиан» обсуждается влияние человека на окружающую среду, в связи с чем уместно упомянуть выражение *«green jobs» // «„зеленые" рабочие места»*, описывающее трудовую занятость, которая помогает сохранить и восстановить окружающую среду: *«Ed Balls says Starmer should perform 'big U-turn' and drop £28bn as size of green jobs plan – as it happened» // «Эд Боллс говорит, что Стармеру следует совершить «большой разворот» и сократить план создания «зеленых» рабочих мест на 28 млрд фунтов стерлингов: как это произошло»*.

Выражение *«green transition» // «переход к зеленой экономике», «зеленый переход», «переход к экологичности», «зеленый переходный период»* появилось в английском языке как результат обеспокоенности людей влиянием их деятельности на природу: *«My clothes are secondhand and I invest money in totally sustainable companies working for a green transition» // «Я покупаю одежду из секонд-хенда и инвестирую деньги в полностью устойчивые компании, работающие над переходом к зеленой экономике»*.

Выражение *«green economy» // «зеленая экономика»* также встречается в рассмотренных статьях: *«Green economy could generate 3.3m jobs across Africa by 2030 – report» // «Зеленая экономика может создать 3,3 млн рабочих мест по всей Африке к 2030 году – отчет»*.

Фраза *«green image»* означает *«экологический имидж», «зеленый имидж»*: *«Climate hero or villain? Fossil fuel frenzy challenges Norway's green image» // «Климатический герой или злодей? Безумие на ископаемом топливе бросает вызов экологическому имиджу Норвегии»*. Концепт «green» есть также в следующем предложении: *«In the short term, AI has been problematic for Microsoft's green goals» // «В краткосрочной перспективе ИИ (искусственный интеллект) создает проблемы для достижения экологических целей Microsoft».* Здесь *«green goals»* означает *«экологические цели»*.

Выражение *«green pledge» («зеленые обязательства»)* описывает инициативу по уменьшению влияния арбитражной практики на окружающую среду: *«Labour formally drops £28bn green pledge and blames Tories for 'crashing the economy' – as it happened» // «Лейбористы официально отказываются от „зеленых обязательств" на 28 млрд фунтов стерлингов и обвиняют тори в „крахе экономики": как это произошло».*

Зеленый цвет, который у слушателей вызывает представления, связанные с растительностью, упоминается в словосочетании *«green volcanoes»* (*«зеленые вулканы»*): «'We hiked green volcanoes near Barcelona': readers' favourite day trips from cities» // «„Мы побывали на зеленых вулканах близ Барселоны": любимые однодневные поездки читателей из городов».

Что касается использования лексемы «green» для описания политической коммуникации, следует отметить, что «колорема чаще всего реализует идеологическую функцию», а зеленый цвет, который ассоциируется с партией зеленых, «индицирует их борьбу за экологическое здоровье планеты» [Астафурова, 2014, с. 37].

Например, название партии зеленых присутствует в заголовке: *«Green party's 'progressive politics' leaves members out in the cold» // «„Прогрессивная политика" партии зеленых оставляет ее членов в стороне». «Green party» – «партия зеленых».* Другой вариант названия этой партии – «Greens» («зеленые»): *«Greens say Labour should focus more on building council homes and that new housing plan is flawed – as it happened» // «Зеленые говорят, что лейбористам следует больше сосредоточиться на строительстве муниципальных домов, и что новый план жилищного строительства несовершенен: как это случилось»*.

О деятельности партии зеленых рассказывается в статье *«Green party losses in EU elections raise concerns over Green Deal» // «Потери партии зеленых на выборах в ЕС вызывают обеспокоенность по поводу „Зеленого соглашения"».* Здесь *«Green Deal» – «Зеленое соглашение»,* под которым понимается пакет природоохранных мер.

Словосочетание *«green win» («победа „зеленых"»)* сообщает читателю об успехах представителей данной партии в их деятельности: *«A nuclear plant's closure was hailed as a green win. Then emissions went up» // «Закрытие атомной станции было воспринято как победа „зеленых". Затем выбросы возросли»*.

Для описания инновационных процессов в британском сельском хозяйстве использован термин *«green revolution» («зеленая революция»)*: *«'We're facing a critical shortage': why UK's green revolution urgently needs skilled workers» // «„Мы*

сталкиваемся с критической нехваткой": почему британская „зеленая революция" срочно нуждается в квалифицированных работниках».

Выражение *«green policy» («зеленая политика», «экологическая политика»)* использовано для описания действий политика, не наносящих вред окружающей среде: *«Scuttling his flagship green policy, Sir Keir Starmer has imperilled his credibility» // «Отказавшись от своей ведущей зеленой политики, сэр Кир Стармер поставил под угрозу свой авторитет».*

Слово «green» встречается не только в статьях, связанных с деятельностью партии зеленых, но и в текстах, описывающих работу других партий и политиков. Например, в статье *«'Kamala IS brat': Harris campaign goes lime-green to embrace the meme of the summer» // «„Камала – девчонка": кампания Харрис становится лимонно-зеленой, чтобы поддержать летний мем»* рассказывается об использовании цвета *«lime-green» («лимонно-зеленый», «лаймово-зеленый», «желто-зеленый», «салатовый»)* в качестве фона официальной страницы кампании американского политика Камалы Харрис в Twitter. Именно такой цвет был на обложке альбома популярной британской певицы Charli XCX. Данный цвет также называют *«brat green» // «слизисто-зеленый», «радиолюминесцентный зеленый»*. Использование такого редкого цвета в предвыборной кампании К. Харрис показывает, что политик стремится привлечь молодежь к участию в политической жизни США с помощью понятного ей цветосимвола и опираясь на популярность и авторитет кумиров молодого поколения.

Экоактивисток в одной из статей называют *«green women» // «зеленые женщины»*: *«Raging, radical and ready for change: France's angry green women are an inspiration to us all» // «Неистовые, радикальные и готовые к переменам: разгневанные зеленые женщины Франции вдохновляют всех нас».* Такое наименование невольно заставляет читателя вспомнить фольклор и вызывает двоякое отношение к этой группе женщин.

В шотландском, валлийском и английском фольклоре существует персонаж *«Green Lady» // «Зеленая Леди».* Это традиционное и доброжелательное привидение, обитающее во многих домах и замках [Sutherland], но существует и иная точка зрения, что Зеленая Леди способна причинить вред повстречавшему ее человеку. Возможно, автор статьи использовал словосочетание «green women», чтобы показать, что экоактивистки приносят пользу обществу, однако их способы достижения целей не всегда просты, а их выступления иногда раздражают общественность.

Известно, что представители англоязычной культуры положительно относятся к зеленому цвету, так как в их сознании он связан со счастьем, теплом, новым началом, однако существуют суеверия с цветонаименованием «green», в которых зеленый цвет приносит неудачу [Халеева, 2013, с. 185].

Лексема «green» встречается в тексте о культурной жизни Великобритании. Так, большой популярностью пользуется *«Green Man» // «Зеленый человек»* – музыкальный фестиваль в Уэльсе, который ежегодно проходит «в долине, окруженной живописными холмами Национального парка Брекон Биконс» [Музыкальный фестиваль …]: *«Green Man festival review: Sherelle sets the tone, Big Thief are a big hit and Sampha closes in style» // «Обзор фестиваля Green Man: Sherelle задает тон, Big Thief пользуется большим успехом, а Sampha стильно завершает»*.

Словосочетание *«green leaves» («зеленые листья»)* используется в заголовке статьи, посвященной паблик-арту – современному виду искусства в городской среде: *«From Banksy's green leaves to Miami's pink islands, public art's a party – and everyone's invited!» // «От „зеленых листьев" Бэнкси до „розовых островов" Майами – паблик-арт – это вечеринка, и приглашены все желающие!».*

Поиск текстов с лексемой «green», посвященных градостроительству и архитектуре, увенчался успехом. Например, была найдена статья о современных архитектурных проектах под заголовком: *«AI drive brings Microsoft's 'green moonshot' down to earth in west London» // «Искусственный интеллект воплощает „зеленый лунный проект" Microsoft в западном Лондоне»*. Здесь *«green moonshot»* означает *«зеленый лунный снимок».*

Словосочетание *«green belt» («зеленый пояс», «зеленые насаждения»)* используется в тексте, посвященном современным проблемам застройки новых территорий в Великобритании: *«England's green belt can't stay entirely untouched for ever, building design tsar says» // «Зеленый пояс Англии не может вечно оставаться нетронутым, говорит король строительного дизайна».*

Выражение *«green future» («зеленое будущее»)* описывает план устойчивого развития градостроительства: *«'Britain's joiners, welders, engineers, technicians and construction workers are the people who are going to deliver a green future for this country,' Miliband says» // «„Британские столяры, сварщики, инженеры, техники и строители – это*

те люди, которые собираются построить зеленое будущее для этой страны”», – говорит Милибэнд».

Словосочетание «green standards» («зеленые стандарты») применяется для того, чтобы описать требования к проектированию и строительству зданий, которое приводит к минимальному потреблению энергии, ресурсов и использованию материалов, безопасных для окружающей среды. Примером с таким словосочетанием является заголовок: *«Labour must resist housebuilders' pleas to weaken green standards, experts say» // «Эксперты считают, что лейбористы должны противостоять призывам застройщиков ослабить „зеленые стандарты”».*

На страницах «Гардиан» опубликованы рецепты блюд, в описании которых есть лексема «green». Так, встретилось словосочетание *«green tea» – «зеленый чай»*: *«Cocktail of the week: Down Hall's green tea martini – recipe» // «Коктейль недели: Мартини с зеленым чаем от Down Hall – рецепт».*

Популярный ингредиент многих английских блюд – *«green bean» («зеленая фасоль»)*: «Rachel Roddy's recipe for baked chicken with tomatoes, and a green bean salad» // «Рецепт запеченной курицы с помидорами и салатом из зеленой фасоли от Рэйчел Родди».

Лексема *«green»* означает не только зеленый цвет, но и *«зелень», «овощи»*, что может вызвать трудности при самостоятельном переводе статей у студентов: *«Green is good: Alice Zaslavsky's winter pie with brussels sprouts, leeks and cheesy potato – recipe» // «Зелень – это вкусно: зимний пирог Алисы Заславски с брюссельской капустой, лукомпореем и нежным картофелем: рецепт»*.

В заголовке одной из статей использовано словосочетание *«green vegetable stew»* (*«тушеные зеленые овощи»*): *«Nigel Slater's recipes for green vegetable stew with basil pesto toasts, and asparagus with melted cheese» // «Рецепты рагу из зеленых овощей Найджела Слейтера с тостами в соусе песто из базилика и спаржей с плавленым сыром»*.

Заключение

Анализ статей с сайта «Гардиан» позволил собрать корпус и разделить его на семь смысловых групп: «спорт», «экономика», «экология», «политика», «культура», «градостроительство и архитектура», «кулинария».

Собранный корпус выражений с лексемой «green» дает возможность утверждать, что в большинстве случаев наблюдается употребление прилагательного, обозначающего цвет, в переносном значении. Образуются словосочетания, «значения которых не всегда связаны с основными (прямыми) значениями исходного прилагательного», поэтому возникают трудности их перевода [Городецкая, 2008, с. 44]. Таким примером может послужить выражение *«green belt» («зеленый пояс»)*, используемое в переносном значении *(«зеленые насаждения»)*.

В процессе работы с источниками были выявлены идиоматические выражения, которые могут вызвать особый интерес исследователей, так как в них наиболее ярко проявляются «национальные особенности» жителей Великобритании [Ведута, 2019, с. 12.]: *«green shoots of recovery» («признаки восстановления»), «green light» («зеленый свет»)*.

В найденных словосочетаниях концепт «green» исторически не претерпел изменений. В качестве примера было приведено сравнение словосочетаний «green women» и «Green Lady». Это свидетельствует о том, что гипотеза об изменении восприятия зеленого цвета англоязычным обществом не нашла своего подтверждения. В случае если наблюдается несоответствие в восприятии зеленого цвета в контексте определенного выражения, можно утверждать, что имеет место уникальная ассоциация.

Нельзя не согласиться с исследователем Е. Я. Городецкой, которая утверждала, что те словосочетания, в которых использованы прилагательные, обозначающие цвет, помогают привлечь внимание читателя. Они являются особым стилистическим средством, помогающим оказывать сильное психологическое и эмоциональное воздействие на население [Городецкая, 2008, с. 44]. Это дает возможность предположить, что в англоязычных средствах массовой информации будут появляться новые словосочетания с лексемой «green» для описания актуальных событий, происходящих в мире.

Библиографический список

1. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Вып. 3. Москва : ООО «Изд-во Прометей», 2004. С. 3–10.

2. Астафурова Т. Н. Лингвосемиотика цвета в институциональной коммуникации / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1(20). С. 34–45.

3. Бортников В. И. Лингвистический анализ текста : учебно-методическое пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 112 с.

4. Ведута О. В. Символическая насыщенность цве-

тообозначения green в английских идиомах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 11–14.

5. Городецкая Е. Я. К проблеме сочетаемости английских прилагательных, обозначающих цвет в политическом дискурсе // Вологдинские чтения. 2008. № 66. С. 42–44.

6. Гуз Ю. В. Ассоциативный эксперимент на восприятие цвета носителями русского английского немецкого и китайского языков // МНКО. 2009. № 1. С. 46–49. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-na-vospriyatie-tsveta-nositelyami-russkogo-angliyskogo-nemetskogo-i-kitayskogo-yazykov (дата обращения: 19.09.2024).

7. Гунарёва Е. С. Дискурсивные особенности цветообозначений в современном публицистическом тексте (на материале американской прессы) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12. URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61591 (дата обращения: 19.09.2024).

8. Захарова В. А. Выразительное цветообозначение в англоязычных массмедийных текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 3. С. 136–140.

9. Мишенькина Е. В. Национально-культурная специфика концепта «Цвет» у русских и англичан // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. С. 288–295. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-kontsepta-tsvet-u-russkih-i-anglichan (дата обращения: 19.09.2024).

10. Музыкальный фестиваль «Зеленый человек» в Уэльсе // Travelcalendar : сайт. URL: https://travelcalendar.ru/muzykalnyj-festival-zelenyj-chelovek-v-uelse/ (дата обращения: 19.09.2024).

11. Никифорова А. М. Актуализация цветонаименований и цветообразов в современном американском политическом интернет-дискурсе: (на материале сайтов политический партий США). Санкт-Петербург, 2014. 22 с.

12. Покровская Н. В. Колоративные тропы в современном англоязычном массмедийном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 11. С. 3455–3461. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kolorativnye-tropy-v-sovremennom-angloyazychnom-massmediynom-tekste (дата обращения: 19.09.2024).

13. Спиридонова И. И. Цветообозначения в языке: параллели между русским и немецким языками // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 119–125.

14. Халеева С. А. Национально-культурные цветоустановки и знаковое своеобразие английских «колороморфных» суеверий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10(28). С. 180–189.

15. Халеева С. А. Этнокультурное своеобразие английских суеверий с цветонаименованием «green» // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 7-2. С. 66–70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnoe-svoeobrazie-angliyskih-sueveriy-s-tsvetonaimenovaniem-green (дата обращения: 19.09.2024).

16. Шведова Н. Ю. Русский язык : избр. работы. Москва : Яз. славян. культуры, 2005. 639 с.

17. Шевченко В. Д. Введение в теорию и практику лингвистического анализа : метод. указания / В. Д. Шевченко, Э. П. Васильева, М. В. Черкунова. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2018. 26 с.

18. Яньшин П. В. Психосемантика цвета : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Изд-во Юрайт, 2021. 417 с.

19. Berlin B. Basic colour terms: Their universality and evolution / B. Berlin, P. Kay. Berkeley : University of California Press, 1969. 178 p. URL: https://archive.org/details/basiccolortermst0000berl/mode/2up?view=theater (дата обращения: 19.09.2024).

20. Kartashkova F. I. Colour meaning in English literary pieces / F. I. Kartashkova, L. E. Belyaeva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13, No. 1. P. 201–212.

21. Map of Nailsworth Gloucestershire and surrounding areas // England Maps. URL: http://england.maps2013.co.uk/nailsworth.html (дата обращения: 19.09.2024).

22. Sutherland A. Enigmatic Green Lady in British folklore // AncientPages. URL: https://www.ancientpages.com/2017/01/09/enigmatic-green-lady-in-british-folklore/ (дата обращения: 19.09.2024).

23. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com (accessed: 19 September 2024).

Reference list

1. Angelova M. M. «Koncept» v sovremennoj lingvokul'turologii = «Concept» in modern linguistic culture studies // Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki. Vyp. 3. Moskva : OOO «Izd-vo Prometej», 2004. S. 3–10.

2. Astafurova T. N. Lingvosemiotika cveta v institucional'noj kommunikacii = Linguosemiotics of colour in institutional communication / T. N. Astafurova, A. V. Oljanich // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2014. № 1(20). S. 34–45.

3. Bortnikov V. I. Lingvisticheskij analiz teksta = Linguistic analysis of text: uchebno-metodicheskoe posobie. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2020. 112 s.

4. Veduta O. V. Simvolicheskaja nasyshhennost' cvetooboznachenija green v anglijskih idiomah = Symbolic saturation of colour name green in English idioms // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 3. S. 11–14.

5. Gorodeckaja E. Ja. K probleme sochetaemosti anglijskih prilagatel'nyh, oboznachajushhih cvet v politicheskom diskurse = Towards the issue of combinability of English adjectives denoting colour in political discourse / Vologdinskie chtenija. 2008. № 66. S. 42–44.

6. Guz Ju. V. Associativnyj jeksperiment na vosprijatie cveta nositeljami russkogo anglijskogo nemeckogo i kitajskogo jazykov = Associative experiment on colour perception by speakers of Russian, English, German and Chinese languages // MNKO. 2009. № 1. S. 46–49. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-na-vospriyatie-tsveta-nositelyami-russkogo-angliyskogo-nemetskogo-i-kitayskogo-yazykov (data obrashhenija: 19.09.2024).

7. Gunarjova E. S. Diskursivnye osobennosti cvetooboznachenij v sovremennom publicisticheskom tekste (na materiale amerikanskoj pressy) = Discursive specifics of colour denotations in the modern journalistic text (based on the material of the American press) // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2015. № 12. URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61591 (data obrashhenija: 19.09.2024).

8. Zaharova V. A. Vyrazitel'noe cvetooboznachenie v anglojazychnyh massmedijnyh tekstah = Expressive colour naming in English-language mass media texts // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 3. S. 136–140.

9. Mishen'kina E. V. Nacional'no-kul'turnaja specifika koncepta «Cvet» u russkih i anglichan = National and cultural specificity of the concept «Colour» among the Russians and the English / Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2011. № 1. S. 288–295. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-kontsepta-tsvet-u-russkih-i-anglichan (data obrashhenija: 19.09.2024).

10. Muzykal'nyj festival' «Zelenyj chelovek» v Ujel'se = The Green Man Music Festival in Wales // Travelcalendar : sajt. URL: https://travelcalendar.ru/muzykalnyj-festival-zelenyj-chelovek-v-uelse/ (data obrashhenija: 19.09.2024).

11. Nikiforova A. M. Aktualizacija cvetonaimenovanij i cvetoobrazov v sovremennom amerikanskom politicheskom internet-diskurse (na materiale sajtov politicheskij partij SShA). = Actualizing colour names and colour images in modern American political online discourse (the case study of the political parties' websites in the USA). Sankt-Peterburg, 2014. 22 s.

12. Pokrovskaja N. V. Kolorativnye tropy v sovremennom anglojazychnom massmedijnom tekste = Colour tropes in contemporary English-language mass media text // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. № 11. S. 3455–3461. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kolorativnye-tropy-v-sovremennom-angloyazychnom-massmediynom-tekste (data obrashhenija: 19.09.2024).

13. Spiridonova I. I. Cvetooboznachenija v jazyke: paralleli mezhdu russkim i nemeckim jazykami = Colour nominations in languages: parallels between the Russian and German languages // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2009. № 4. S. 119–125.

14. Haleeva S. A. Nacional'no-kul'turnye cvetoustanovki i znakovoe svoeobrazie anglijskih «koloromorfnyh» sueverij = National-cultural colour settings and iconic uniqueness of English «colouromorphic» superstitions // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 10(28). S. 180–189.

15. Haleeva S. A. Jetnokul'turnoe svoeobrazie anglijskih sueverij s cvetonaimenovaniem «green» = Ethnocultural uniqueness of English superstitions with «green» colour-naming // Social'no-jekonomicheskie issledovanija, gumanitarnye nauki i jurisprudencija: teorija i praktika. 2016. № 7-2. S. 66–70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnoe-svoeobrazie-angliyskih-sueveriy-s-tsvetonaimenovaniem-green (data obrashhenija: 19.09.2024).

16. Shvedova N. Ju. Russkij jazyk = The Russian language : izbr. raboty. Moskva : Jaz. slavjan. kul'tury, 2005. 639 s.

17. Shevchenko V. D. Vvedenie v teoriju i praktiku lingvisticheskogo analiza : metod. ukazanija = Introduction to the theory and practice of linguistic analysis : methodological instructions / V. D. Shevchenko, Je. P. Vasil'eva, M. V. Cherkunova. Samara : Izd-vo Samarskogo un-ta, 2018. 26 s.

18. Jan'shin P. V. Psihosemantika cveta = Colour psychosemantics : ucheb. posobie dlja vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izd-vo Jurajt, 2021. 417 s.

19. Berlin B. Basic colour terms: Their universality and evolution / B. Berlin, P. Kay. Berkeley : University of California Press, 1969. 178 p. URL: https://archive.org/details/basiccolortermst0000berl/mode/2up?view=theater (data obrashhenija: 19.09.2024).

20. Kartashkova F. I. Colour meaning in English literary pieces / F. I. Kartashkova, L. E. Belyaeva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13, No. 1. P. 201–212.

21. Map of Nailsworth Gloucestershire and surrounding areas // England Maps. URL: http://england.maps2013.co.uk/nailsworth.html (data obrashhenija: 19.09.2024).

22. Sutherland A. Enigmatic Green Lady in British folklore // AncientPages. URL: https://www.ancientpages.com/2017/01/09/enigmatic-green-lady-in-british-folklore/ (data obrashhenija: 19.09.2024).

23. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com (accessed: 19 September 2024).

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-194
EDN: IJWTGX

Особенности передачи псевдоустности при переводе корейских дорам на русский язык (на материале дорамы «Sky Castle»)

Елена Сергеевна Ляпина
Аспирант лингвистического факультета кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Государственный университет просвещения. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2.
esl31@mail.ru, 0009-0000-4973-2913

Аннотация. В данной статье рассматриваются определённые особенности аудиовизуального перевода корейских дорам под призмой псевдоустности, раскрывается понятие псевдоустности как специально созданного сценаристами искусственного языка и описываются его основные понятия. Актуальность данного исследования оправдана повышенным интересом к корейским дорамам в русскоязычных странах. Корейские сериалы, включая дорамы, получили огромную популярность благодаря своей оригинальности и уникальному стилю. При переводе корейских дорам на русский язык важно сохранить особенности и структуру оригинального текста, включая псевдоустность, которая является ключевым элементом корейских драматургических произведений. Цель данного исследования заключается в изучении особенностей передачи псевдоустности при переводе корейской дорамы «Sky Castle» на русский язык и разработке методов эффективной передачи этого явления. Задачи исследования: проанализировать понятие псевдоустности и его значение в контексте аудиовизуального перевода; выделить особенности передачи псевдоустности в корейской дораме «Sky Castle»; разработать стратегии и методы передачи псевдоустности при переводе корейских дорам на русский язык. Теоретическая и практическая ценность исследования состоит в том, что оно позволит разработать рекомендации для переводчиков и лингвистов по эффективной передаче псевдоустности при переводе корейских дорам на русский язык. Полученные результаты будут полезны как для специалистов в области перевода, так и для любителей корейских дорам. Результаты исследования могут также способствовать более глубокому пониманию культурных особенностей Южной Кореи, отраженных в корейских дорамах, и помочь улучшить качество аудиовизуального перевода этого жанра на русский язык. Исследование также может быть полезным для студентов и исследователей в области культурологии, лингвистики и кинематографа, интересующихся явлением псевдоустности в контексте аудиовизуального перевода. Данное исследование направлено на обогащение научного дискурса в области переводоведения и культурных исследований.

Ключевые слова: псевдоустность; аудиовизуальный перевод; искусственный язык; корейская дорама; поликодовый текст; полимодальность; переводческая насмотренность; русская разговорная речь; фразеологизм

Для цитирования: Ляпина Е. С. Особенности передачи псевдоустности при переводе корейских дорам на русский язык (на материале дорамы «Sky Castle») // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 194–203. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-194. https://elibrary.ru/IJWTGX

Original article

Specifics of translating pseudo-oral language in korean doramas into russian (the case of the dorama Sky Castle)

Elena S. Lyapina
Postgraduate student, faculty of linguistics, department of language theory, anglistics and applied linguistics, State university of education. 105005, Moscow, Radio str., 10, bld. 2.
esl31@mail.ru, 0009-0000-4973-2913

Abstract. This paper examines certain features of audiovisual translation of korean doramas from the perspective of pseudo oral language. The article introduces the concept of pseudo oral language as an artificial language specially created by scriptwriters and describes its basic principles. The relevance of this study is due to the increased interest in korean doramas in russian-speaking countries. Korean TV series, including doramas, have gained immense popularity due to their originality and unique style. When translating korean doramas into russian, it is important to preserve the

© Ляпина Е. С., 2024

specifics and structure of the original text, including pseudo oral language, which is a key element of korean dramas. The purpose of this study is to investigate the peculiarities of conveying pseudo oral language when translating the Korean dorama Sky Castle into russian and to develop effective methods of the translation. The study objectives are to analyse the concept of pseudo oral language and its meaning in the context of audiovisual translation; to identify the specifics of pseudo oral language in the korean dorama Sky Castle; to develop the strategies and methods of conveying pseudo oral language when translating Korean doramas into russian. Theoretical and practical value of the study is that it gives recommendations for translators and linguists on how to effectively translate pseudo oral language in Korean doramas into russian, using the example of the dorama Sky Castle. The results will be helpful for both translation professionals and korean dorama fans, and can also contribute to a deeper understanding of South Korean cultural characteristics reflected in korean doramas and help to improve the quality of audiovisual translation of this genre into russian. Moreover, the study will be useful for students and researchers in cultural studies, linguistics and cinematography interested in the phenomenon of pseudo oral language in audiovisual translation. This study aims to enrich academic discourse in translation studies and cultural studies.

Key words: pseudo oral language; audiovisual translation; artificial language; korean dorama; polycode text; polymodality; translator's visual experience; russian colloquial speech; phraseology.

For citation Lyapina E. S. Specifics of translating pseudo-oral language in korean doramas into russian (the case of the dorama Sky Castle). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):194–203. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-194. https://elibrary.ru/IJWTGX

Введение

С приходом телевидения и интернета в современный мир роль аудиовизуального перевода резко возросла. Перевод кино и сериалов стали выделять в отдельный сегмент перевода – аудиовизуальный. Вместе с тем открылось новое поле для изучения лингвистами в сфере кинoперевода и вытекающие из него полимодальность и псевдоустность, чему и посвящена данная статья [Hayes, 2021, p. 1–26]. Являясь жизненно важным компонентом аудиовизуального перевода, псевдоустность – это не просто натуральность речи в репликах героев дорам, способных передавать прописанный заранее сценарий и выдавать за чистую монету, это стратегия сценаристов передать смысл с помощью единого посредника – языка.

Одной из главных особенностей аудиовизуального перевода является его ограниченность в использовании из-за временных рамок аудиодорожки и видеоряда. Именно поэтому внимание смещается, главным образом, на видео и сюжет, чтобы переведённый текст совпадал с тем, что мы видим на картине, а после обращаем внимание на содержание. Данная статья посвящена феномену псевдоустности в аудиовизуальном переводе и его особенностям передачи.

В современном мире корейская культура завоевывает популярность и признание поклонников по всему миру. Особенно ярко это проявляется в поп-культуре, включая дорамы, фильмы, музыку и моду. Однако при переводе корейских произведений на другие языки, такие как русский, возникают определенные трудности из-за языковых и культурных различий. В данном контексте важно учитывать особенности корейского языка, иерархические отношения и вежливые формы обращения, а также передать аутентичные эмоции, идиомы и пословицы. Кроме того, умение сохранить атмосферу и дух оригинала, которые играют ключевую роль в создании качественного перевода, который будет понятен и приемлем для русскоязычной аудитории.

Методы исследования

Для достижения поставленных целей и задач использованы методы компаративного анализа, лингвистической экспертизы, контент-анализа, исследования речевых и межкультурных особенностей.

В качестве материала исследования использована корейская дорама «Sky Castle», выпущенная в 2018 году, в оригинальном и переведенном на русский язык вариантах, где проанализированы диалоги, характеры персонажей, специфика языка и структуры сценария. Целью данного исследования является анализ феномена псевдоустности в аудиовизуальном переводе, в частности, в контексте перевода корейских дорам на русский язык, а также разработка эффективных методов передачи псевдоустности в переводе, гарантирующих сохранение естественности и аутентичности оригинального диалога на языке перевода. Проведено качественное исследование, включающее контент-анализ и сравнительный анализ для изучения особенностей псевдоустности в аудиовизуальном переводе. Теоретическая база для изучения псевдоустности состояла из литературы по аудиовизуальному переводу, псевдоустности и лингвистическим особенностям корейского и русского языков.

Методы исследования в области аудиовизуального перевода, которые были использованы в данном исследовании:

1. Анализ аудиодорожки и видеоряда: изучение звуков и изображений для точного соответствия переведенного текста и диалогов к изображениям и действиям на экране.

2. Лингвистический анализ: анализ лексики, синтаксиса, грамматики и структуры текста для передачи смысла и атмосферы оригинала в переводе.

3. Культурный анализ: учет культурных различий, особенностей языка, иерархических норм и культурных нюансов для достоверной передачи смысла и контекста.

4. Работа с эмоциями и идиомами: передача аутентичных эмоций, идиом и пословиц, сохранение уникальных черт культуры и языка оригинала.

5. Синхронизация с изображением: гармонизация перевода с видео, учитывая временные рамки аудио и видео для полной согласованности.

6. Создание устойчивых аудиовизуальных шаблонов: разработка стратегий и шаблонов для эффективного и качественного аудиовизуального перевода.

База исследования

В современном мире цифровизация коснулась всех сфер деятельности человека: появление огромного количества видеоконтента не только отечественного, но и зарубежного, привело к развитию аудиовизуального перевода. При работе с текстами с видеорядом перевод проходит несколько семиотических уровней, которые требуют особой подготовки.

В данном исследовании важны металингвистические знания языка, так как реплики построены на вербальной основе и по отношению к друг другу стоят в отношении «язык-объект», что является предметом лингвистики. В связи с этим данная тема стоит одной из самых изучаемых в XXI в. [Jiménez-Crespo, 2020, p. 314–316].

В первую очередь рассмотрим понятия, которые схожи с современным понятием аудиовизуального перевода. Первое понятие, которое стоит назвать в соответствии с данной темой – киноперевод, который состоит из аудио- и видеоряда, наложенных друг на друга и правильно интерпретированных переводчиком. Следующее понятие, важное для рассмотрения в данной теме, «креолизованный» перевод – фактурный текст, состоящий из вербальной и невербальной частей, что представляет собой трудность для перевода. «Ограниченный» перевод – ещё один важный термин, одна из классификаций переводческой эквивалентности, когда замена происходит только на одном уровне [Díaz-Cintas, Massidda, 2019, p. 255–270].

При переводе видеоматериала важно учитывать многоканальность продукта, которая требует учитывания баланса объёма информации разных типов в одном потоке. Немаловажным параметром является вид перевода: субтитрирование, закадровый, дубляж. В связи с этим стоит учитывать и время наложения, и количество символов в строке, и связь с видеорядом. Тем самым, говоря о субтитрировании, стоит разобраться в двух видах перевода [Mehta, 2020, p. 102–120].

Рассмотрим особенности передачи фраз при переводе и основные понятия, необходимые для этого. Главный компонент данной работы – псевдоустность. Данный феномен показывает, что спонтанная речь в кадре – это грамотно спланированный продукт, который интегрирован в видеоряд [Wang, Zhang, Kuo, 2020, p. 473–486]. Далее, полимодальность – это система четырёх параллельно идущих потока. В них входит: видеоряд (кадры на экране); вербальный видеоряд (субтитрирование, титры, вывески в кадре); вербальный аудиоряд (диалоги, песни); невербальный аудиоряд (музыка, посторонние шумы). Правило, которому подчиняются визуальный ряд имеет преимущество перед вербальным видеорядом [Paulínyová, Perez, 2021, p. 138–156].

Псевдоперевод, который также называют как фиктивный перевод, – это текст, который принимают за перевод, но у данного продукта никогда не существовало исходного текста. На псевдоперевод впервые обратил внимание Гидеон Тури в 1984 году. Данный феномен он описал в своей работе в области описательного переводоведения, где главный акцент внимания был направлен на сосредоточении внимания на роли перевода, как «предполагаемого перевода», согласно этому термину, перевод рассматривается как таковой, если факты не доказывают обратного [Toury, 1995, p. 40].

Также, немаловажным умением для адаптации текста является транскреативность – оригинальная адаптация реплик, уход от буквализма и кальки, с целью достижения той же самой эмоциональной составляющей у зрителя, как и в оригинале.

Для плодотворного процесса важно учитывать также и экстралингвистические знания специалиста, чтобы грамотно сделать перевод тек-

ста, и он выглядел натурально. Важным фактором являются культурологические и социологические знания, особенно Южной Кореи, при переводе реплик на русский язык. Более ясную картину даёт понимание специалиста о культурной жизни страны: традиции, особенности менталитета и обычаи.

Фонетические знания также являются немаловажными, ведь считывание артикуляции упрощает процесс понимания текста на слух. Стилистика, при понимании жанра кинофильма и знание узконаправленной лексики или же жаргона и сленга, упростит задачу передачи лексики. Знание компьютерной лингвистики – специальных программам для субтитрирования и распознавания речи в текст, – сокращает время работы.

Таким образом можно сделать вывод, что подготовка специалистов, которые смогут учитывать все аспекты передачи псевдоустности, должна быть многогранна и разнообразна.

Теоретические основания исследования

Говоря об особенностях передачи псевдоустной речи, стоит упомянуть, что данный термин крайне важен для сферы аудиовизуального перевода, так как с его приходом на российский рынок, соответственно, повышается качество продукта, реализуемого на территории России. Как отмечает Ф. Чауме в своих трудах высказался, что аудиовизуальный дискурс тесно граничит с псевдоустным дискурсом, которые вместе сочетают в себе как правильную орфографию, так и произношение, что приводит к более быстрому восприятию зрителями вербальной информации из визуальных потоков, редуцированной грамматики, которые соответствуют смене кадров и лексики, характеризующийся в общем для устной речи [Granell, Chaume, 2023, p. 20–40].

Если резюмировать сказанное, то псевдоустность – это искусственно созданная на экране (или в субтитрах) натуральная речь, при котором диалоги героев были созданы таким образом, чтобы создать максимальный эффект реалистичности для зрителя.

Существует несколько ученых, которые исследовали псевдоустность и различные подходы к ее изучению.

Уильям Лабов (William Labov) – американский лингвист, который работал в области социолингвистики. Он исследовал феномен социолингвистических вариантов и вариаций в языке различных социальных групп, включая псевдоустность как один из лингвистических признаков [Labov, 2018].

Джером Брунер (Jerome Bruner) – американский психолог и лингвист, известный своими исследованиями в области психологии познания. Он рассматривал язык как инструмент формирования и передачи знаний, включая псевдоустность как способ создания особенного стиля высказывания [Брунер, 1977].

Гюнтер Кресс (Gunther Kress) рассматривает псевдоустность как существенный аспект мультимедийных и аудиовизуальных текстов. Он подчеркивает, что это имитирует разговорную речь, чтобы создать ощущение непосредственности и реализма, что крайне важно для привлечения аудитории. В своей работе о мультимодальности Кресс предполагает, что это помогает преодолеть разрыв между письменным и устным дискурсом в медиатекстах [Gunther, 2008, p. 66].

Теория диалогизма М. М. Бахтина дает основополагающий взгляд на псевдоустность. Он утверждает, что любой язык по своей сути диалогичен, что означает, что он всегда предполагает взаимодействие между голосами [Бахтин, 1996, 1979]. Псевдоустность в этом контексте имитирует полифонию реального диалога, создавая более динамичную и интерактивную структуру повествования в письменных текстах [Волошинов, 2000].

Коммуникативная модель Р. О. Якобсона подчеркивает важность контекста и кода в языке. Псевдоустность, по словам Якобсона, использует эти элементы для имитации устной речи в рамках письменной или сценарной структуры [Jakobson, 1960, 1975]. Такая имитация помогает более эффективно передавать эмоции и намерения, делая диалог более естественным и достоверным [Почепцов, 2001, с. 40–41].

Анри Мешонник фокусируется на ритме и поэтике языка. Он утверждает, что псевдоустность – это не только воспроизведение разговорной речи, но и передача ритмических и эмоциональных нюансов речи. Такой подход гарантирует, что написанный диалог найдет отклик у аудитории на более интуитивном уровне [Мешонник, 2014].

Уолтер Онг исследует переход от устной речи к грамотности и особенности каждого способа общения. Он предполагает, что псевдоустность в письменных текстах помогает привнести спонтанность и выразительность устных традиций в сферу грамотности, тем самым обогащая восприятие текста, делая его более понятным и увлека-

тельным [Farrell, Thomas, 1978, p. 30–51].

Исследования Деборы Таннен по разговорному стилю и анализу дискурса проливают свет на то, как псевдоустность может использоваться для отражения речевых паттернов в реальной жизни. Она подчеркивает важность таких особенностей, как поворот, интонация и повторение, для создания правдоподобного псевдоустного диалога. Это помогает зрителям воспринимать сценарный диалог как спонтанный и искренний [Tannen, Hamilton, Schiffrin, 2015].

Джон Дарем Питерс исследует роль медиа в формировании человеческого общения. Он утверждает, что псевдоустность в аудиовизуальных медиа помогает очеловечить взаимодействия, опосредованные технологиями, делая их более личными и непосредственными. Этот эффект особенно важен в таких жанрах, как драма, где эмоциональная вовлеченность играет ключевую роль [Peters, Durham, 1999 p. 90].

Концепция псевдоустности анализируется с различных точек зрения, каждая из которых способствует более глубокому пониманию ее роли в аудиовизуальных и мультимедийных текстах. Такие ученые, как Гюнтер Кресс, Михаил Бахтин, Роман Якобсон, Анри Мешонник, Уолтер Онг, Винсент Жув, Дебора Таннен и Джон Дарем Питерс, дают ценную информацию о том, как она имитирует разговорную речь, повышает реалистичность и способствует вовлечению аудитории. Объединяя эти различные точки зрения, мы можем оценить сложность и значимость псевдоустности в современных средствах массовой информации.

Каждый из ученых имеет свой собственный подход к изучению псевдоустности, и их работы вносят ценный вклад в понимание этого явления в различных дисциплинах.

Проблема для русского языка заключается в том, что граница псевдоустности чётко не определена, и закономерности речевых актов не были изучены в полном объёме. Однако, некую базу для понимания основ псевдоустной речи специалисты смогли создать специальные руководства по переводу аудио- и видеоматериалов, например, исследование провёл Пол Бандиа и создал своё собственное исследование о псевдоустном переводе.

После определения границы русского языка в рамках псевдоустности, мы выявим направление, основные правила, по которым выстраивается перевод аудиовизуального контента, а после – сделаем выводы по решению ряда проблем лингвистических, а также затронем ряд психолингвистических проблем.

Исследователи обнаружили некоторые из возможных причин, по которым переводчик может интерпретировать оригинальную работу в качестве перевода. «Псевдопереводы», которые маскируются под оригинальные переводы, могут быть вполне правдоподобными, если их удачно интерпретировали. Данную работу можно считать своеобразным литературным приёмом, повествовательным вымыслом, при котором зритель воспринимает буквально замечание о том, что текст является переводом. В действительности, возможно, автор бы и хотел, чтобы его труд воспринимали как перевод, ведь он тоже хочет быть замеченным в работе. По факту говоря, работа переводчика – автора текста должна быть настолько гладкой, чтобы она была незаметна зрителю и соответствовала сюжету также, как и зритель бы смотрел оригинал.

Псевдоперевод также выгоден переводчикам, так как может дать определённую анонимность, позволяя ему сохранить определённую степень анонимности, а также попробовать для себя новый стиль, тему и жанр. Авторы также могут предпочесть публикацию псевдоперевода для обхода закона о цензуре, так как в некоторых странах, культурах и режимах происходило так, что переведённые произведения могли обходить данный закон из-за более лояльного отношения цензоров другой страны.

Некоторым текстам приписывают особенности стиля, такие как оригинальные обороты речи, культурные особенности и своеобразный почерк в речи. Приёмы псевдоперевода, которые могут быть использованы для преображения текста и придания ему более аутентичного вида. Псевдоперевод может стать эффективным инструментом в тех случаях, когда цензура значительно ограничивает использование исходного текста. Такая интерпретация помогает передавать темы, которые касаются социальных и политических тем.

Псевдоперевод, однако, не всегда подразумевает воспроизведение уже популярных произведений. Если смотреть работы некоторых авторов, то это отличная возможность показать новое веяние в текстах и интерпретировать темы новыми способами.

Исследователи выявили несколько возможных причин, по которым автор может предпочесть представить оригинальное произведение в качестве перевода. Псевдопереводы, которые

маскируются под переводы, могут быть более или менее «правдоподобными». В некоторых случаях этот приём используется в основном как литературный приём, как своего повествовательный вымысел, и автор, скорее всего, не ожидал бы, что читатели воспримут буквально утверждение о том, что текст является переводом.

Поскольку они имитируют процесс перевода различными способами, псевдопереводы особенно склонны подвергать сомнению фундаментальную надёжность перевода. Как утверждает Эмили Аптер: «Разоблачение переводческой фальшивки заставляет читателя осознать масштабы эпистемологического мошенничества или фальшивой инаковости, присущей любому переводу» [Apter, 2006, p. 306].

Результаты исследования

В статье исследуются особенности псевдоустности в языковой паре корейский-русский при субтитрированном переводе. В качестве исследуемого материала используется корейская дорама «Sky Castle». Перейдём с общих теоретических знаний на частную практику и рассмотрим примеры из корейской дорамы, где можно проследить псевдоустный перевод.

При переводе корейских дорам на русский язык, таких как «Sky Castle», переводчики должны учитывать несколько особенностей псевдоустной передачи. Эти особенности помогают сохранить аутентичность и соответствие диалогу, сохраняя при этом культурные нюансы.

Особенности псевдоустной передачи могут выражаться в нескольких языковых моделях.

При переводе разговорных выражений и сленга, который часто используется в неформальном стиле, важно отразить повседневную речь. Стоит найти эквивалентные выражения на русском языке, которые передают тот же уровень неформальности и культурный контекст. Например, распространенный корейский сленг можно заменить русским, который выполняет аналогичную социальную функцию.

Неформальное корейское выражение «아, 진짜?» (a, jinjja) (Ах, правда?) может быть переведено на русский как более разговорный эквивалент, например: «Да ладно?»

Также в корейском языке существует сложная система обращений и уровней вежливости, которые указывают на социальный статус и взаимоотношения между персонажами. Перевод этих выражений на русский язык, который не имеет прямого эквивалента, требует тщательной адаптации с учетом иерархических лестниц.

Переводчики могут использовать официальные или неофициальные формы обращения (например, «вы» или «ты») и другие контекстуальные маркеры, указывающие на уважение или фамильярность.

В корейских диалогах дорамы часто встречаются культурные отсылки, идиомы и пословицы. Их необходимо адаптировать, чтобы они были понятны русской аудитории, сохранив при этом первоначальный смысл.

Корейская идиома, такая как «바늘 도둑이 소 도둑 된다» (baneul doduki so doduk doenda) (Похититель иголок становится вором коров), может быть переведена как аналогичная восточная пословица, звучащая на русском языке как «Кто ворует иглу, тот ворует и корову», что обеспечивает надлежащую передачу морального урока герою.

Наряду с этим часто используются преувеличенные эмоциональные выражения и интонации, чтобы передать драматизм и сентиментальность. При переводе на русский язык необходимо следить за тем, чтобы эмоциональный подтекст не был утрачен.

Переводчики могут использовать восклицания, риторические вопросы и особые интонационные знаки в субтитрах или сценариях дубляжа, чтобы они соответствовали интенсивности оригинала.

Использование имен и форм обращения (например, таких титулов, как «оппа», «онни», «дяденька») имеет важное значение в корейской культуре, которые также закрепились и в русском языке. Эти термины имеют специфический смысл, связанный с отношениями и уважением.

Переводчики могут заменить их русскими эквивалентами или пояснить контекст в диалоге. Например, «орра» (старший брат) может быть переведено как «старший брат» или просто «брат», в зависимости от контекста. Также широко распространено использование семейных терминов, таких как «omma» (мать) и «appa» (отец).

В «Sky Castle» эти особенности играют решающую роль в передаче сложной социальной динамики и эмоциональной глубины драмы. Персонажи часто используют неформальную речь со сверстниками и официальную речь со старшими, что обеспечивает ясность социальной динамики. Для того, чтобы показать это, персо-

нажи используют почтительные обращения, чтобы выразить уважение к собеседнику.

В переводе используется «вы» для выражения уважения, и «ты» для фамильярности, а также уважительные титулы, такие как «г-н» или «г-жа», по мере необходимости.

В дораме есть отсылки к корейскому образованию и общественному давлению, которые либо адаптированы русскими эквивалентами, либо кратко объяснены с учетом культурного контекста.

1 серия

Корейский оригинал: «진짜 진예?» (jinjja jinye?)

Русский перевод: «Не врёшь?»

Фраза «진짜 진예?» – это неформальный способ сказать: «Правда?» или «Ты серьезно?». Перевод «Не врёшь?» отражает неформальный и скептический тон, используя разговорное русское выражение.

Корейский оригинал: «무슨 파티?» (Museun pati?)

Русский перевод: «Повод-то какой?»

«무슨 파티?» переводится как «Какая вечеринка?» Русский вариант «Повод-то какой?» подразумевает «По какому поводу вечеринка?». Этот перевод добавляет контекста и поддерживает разговорный тон, подразумевая любопытство по поводу причины вечеринки.

2 серия

Корейский оригинал: «말이 때 마리...» (mari ttae mari…)

Русский перевод: «И я о том же.»

Корейскую фразу можно перевести как «Я согласен» или «Совершенно верно». Русский вариант перевода «И я о том же» означает «Я думаю так же» или «Я согласен», что эффективно выражает согласие в неформальной форме.

Корейский оригинал: «그래서...» (Geuraeseo...)

Русский перевод: «И что дальше?»

«그래서...» означает «Итак...». Русское «И что дальше?» поддерживает естественное течение беседы, сохраняя любопытный тон.

Корейский оригинал: «나도 이상 살게 싫어. 나 더 이상 살고 싶지 않아» (nado isang salge sileo. na deo isang salgo sipji ana).

Русский перевод: «Я больше не хочу жить в страданиях».

Корейское предложение выражает желание говорящего больше не жить в страданиях. В русском переводе «Я больше не хочу жить в страданиях» сохраняется эмоциональный накал.

3 серия

В оригинале на корейском: «네, 알겠습니다요». (Ne, algetseumnida)

Русский перевод: «Да, конечно, госпожа.»

«네, 알겠습니다요» означает «Да, я понимаю». Русский вариант придаёт фразе официальный тон, соответствующий контексту.

Корейский оригинал: «그래서 뭐?» (Geuraeseo mwo?)

Русский перевод: «И что?»

«그래서 뭐?» переводится как «Ну и что?», отражая грубый и неформальный тон в речи говорящего.

Корейский оригинал: «빨리 가 봐». (Ppalli ga bwa)

Русский перевод: «Можешь идти.»

«빨리 가 봐» означает «Идти быстро». Фраза переводится как «Ты можешь идти», что передает аналогичную директиву, но в более снисходительном тоне.

Корейский оригинал: «눈이 웁이요?» (nuni upiyo?)

Русский перевод: «Смотреть его глазами?»

Эта фраза предлагает посмотреть чьими-то глазами. Русский вариант переводится прямо, сохраняя метафорическое значение.

Корейский оригинал: «대머리». (daemeori)

Русский перевод: «И я тоже так считаю».

Корейское «대머리» означает «лысый», но контекст может подразумевать согласие или общее мнение. Русское «Я тоже так считаю» отражает чувство согласия.

4 серия

Корейский оригинал: «엄마 정말 미안해». (Eomma jeongmal mianhae)

Русский перевод: «Мне так жаль».

«엄마 정말 미안해» означает «Мама, мне очень жаль». Русское «Мне так жаль» сохраняет эмоциональность извинения.

Следующие фразы также можно встретить в выбранной для исследования дораме.

«내 사람이야, 네 일은 내게만 보여줘» (nae saramiya, ne ileun naegeman boyeojwo). – «Ты мой

человек, твоя работа – смотреть на меня». Эта фраза несет в себе чувство собственничества и исключительности. Как будто говорящий говорит: «Ты принадлежишь мне, и твое внимание должно быть сосредоточено только на мне». Это отражает глубокую эмоциональную привязанность и желание безраздельного внимания в отношениях.

Перевод довольно точный, он передает суть чувства собственности и исключительности. Это все равно что сказать: «Ты мой, и твоя задача – сосредоточиться только на мне».

«행복이란 사랑하는 사람 옆에 있을 때 생긴다» (haengbokiran saranghaneun saram yeope iteul ttae saengginda). – «Счастье – это быть рядом с тем, кого любишь». Здесь акцент делается на идее, что счастье приходит от близости с тем, кого любишь. Это романтическое чувство, которое предполагает, что удовлетворение и радость можно обрести в присутствии любимого человека.

Перевод хорошо отражает суть оригинала, передавая, что счастье приходит, когда ты с тем, кого любишь, как в пословице: «Счастье – это быть рядом с тем, кого любишь».

«너를 생각하면 내 맘이 빨리 뛴다» (neoreul saenggakhamyeon nae mami ppalri ttwinda). – «Когда я думаю о тебе, мое сердце бьется быстрее». Перевод эффективно передает идею учащенного сердцебиения при мыслях о возлюбленном. Эта строка выражает учащенное сердцебиение, когда думаешь о человеке, которого любишь. Это поэтический способ выразить, что мысли о любимом вызывают сильные эмоции и волнение.

«너는 나에게 어둠 속의 빛이야» (neoneun naege eodum sokui bitiya). – «Ты для меня – свет во тьме». Здесь метафорические образы используются для описания любимого человека как путеводной звезды в трудные времена. Это передает идею о том, что этот человек приносит надежду, утешение и яркость в жизнь говорящего. Перевод хорошо передает метафорические образы, выражающие то, что возлюбленный – это свет во тьме, подобно фразе: «Ты – свет в моей тьме». Псевдоперевод здесь вступает в целях литературного эффекта. В таких репликах слушатель вступает в сотрудничество с автором, осознавая истинного автора текста.

«사랑은 말이 아닌 행동이다» (sarangeun mali anin haengdongida). – «Любовь – это не слова, а действия». Эта фраза подчеркивает важность действий, а не просто слов о любви. Это говорит о том, что истинная любовь проявляется в поступках и жестах, а не в пустых заявлениях.

«너와 함께 남은 인생을 살고 싶어» (neowa hamkke nameun insaengeul salgo sipeo). – «С тобой я хочу прожить всю оставшуюся жизнь». Эта строка выражает глубокое желание провести остаток своей жизни с человеком, которому адресована эта фраза. Она передает чувство преданности делу построения совместного будущего. Перевод отражает желание провести всю жизнь с человеком, к которому обращаются, аналогично фразе: «Я хочу прожить с тобой остаток своей жизни».

«우리는 서로를 사랑하기 위해 이 세상에 함께 왔어» (urineun seororeul saranghagi wihae i sesange hamkke wasseo). – «Мы вместе в этом мире для того, чтобы любить друг друга». Идея здесь в том, что цель совместного существования в этом мире – любить друг друга. Это подчеркивает важность любви как руководящей силы в жизни.

Этот перевод эффективно передает цель быть вместе, чтобы любить друг друга, подобно тому, как говорят: «Мы здесь, в этом мире, чтобы любить друг друга».

«너에게 내 사랑은 끝없다» (neoege nae sarangeun kkeuteopda). – «Моя любовь к тебе – бесконечна». Эта фраза выражает идею бесконечной любви. Это говорит о том, что любовь говорящего не знает границ, что указывает на глубокую и прочную привязанность.

В целом, переводы эффективно передают суть и чувства оригинальных фраз, хотя и с небольшими вариациями в выражении.

Каждая из этих фраз «Sky castle» отражает глубокие эмоции и сентиментальность, обычно встречающиеся в романтических отношениях, выраженные поэтическим и проникновенным языком.

Заключение

Перевод корейских дорам, таких как «Sky Castle», на русский язык требует тщательного соблюдения баланса между лингвистической точностью и культурными особенностями. Используя разговорные выражения, почетные обращения, культурные отсылки, эмоциональное выражение и формы обращения, переводчики могут создать версию, которая найдет отклик у российской аудитории, сохранив при этом суть оригинальной драмы. Этот процесс псевдо-

устной передачи гарантирует, что перевод выглядит естественным и понятным, сохраняя аутентичность персонажей и их взаимодействия.

Перевод псевдоустной речи с корейского на русский в «Sky Castle» предполагает не только дословный перевод, но и культурную адаптацию для сохранения неформальности, эмоциональных нюансов и динамики разговора. Этот процесс гарантирует, что переведенный диалог найдет отклик у целевой аудитории, сохраняя при этом суть оригинального сценария. Уделяя особое внимание разговорным выражениям, культурным отсылкам, эмоциональной насыщенности и формам обращения, переводчики эффективно сокращают языковой и культурный разрыв между корейской и русской аудиториями.

В переведенных фразах содержится глубокая эмоциональная суть и сентиментальность, отражающие сильные чувства и романтику. Каждая фраза передает важные идеи любви, преданности и совместного существования, используя образы и метафоры для выражения чувств. Переводы эффективно передают и сохраняют смысл и чувства оригинальных фраз, улавливая их поэтический и проникновенный характер. Все эти высказывания идеализируют отношения и выражают желание быть с любимым человеком, придавая этим идеям романтическую окраску и глубину.

В заключении хочется подчеркнуть, что перевод корейских фраз из дорамы «Sky Castle» требует не только лингвистической точности, но и способности передать эмоциональную глубину и контекст сцены. Русские переводы удачно отражают смысл оригинальных высказываний, сохраняя их эмоциональную окраску и сентиментальность. Благодаря тщательной работе переводчиков, зритель получает возможность погрузиться в атмосферу драмы и почувствовать всю глубину чувств и эмоций, которые передаются через эти выразительные фразы. Переводы демонстрируют профессионализм и чувство преданности к передаче аутентичного содержания, что делает их особенно ценными для зрителей.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 частях. Т. 5. Москва : Русские словари, 1997. 556 с.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. 2-е изд. Москва : Искусство, 1986. 445 с.

3. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации [пер. с англ.]. Москва : Прогресс, 1977. 413 с.

4. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка (основные проблемы социологического метода в науке о языке) // М.М. Бахтин (Под маской). Москва : Лабиринт, 2000. 196 с.

5. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. Москва : «Рефл-бук», 2001. 656 с.

6. Apter Emily S. The translation zone: a new comparative literature / Translating and interpreting. 2007. 306 p.

7. Deborah Tannen, Heidi Hamilton, Deborah Schiffrin «Discourse and gender». The Handbook of Discourse Analysis, 2nd Edition. Chichester, UK : John Wiley & Sons, Ltd, 2015. 983 p.

8. Díaz-Cintas J., Massidda S. Technological advances in audiovisual translation. In: Minako O'Hagan (Ed.). The Routledge handbook of translation and technology. London : Routledge, 2019. P. 255–270.

9. Farrell T. J. Developing literacy: Walter J. Ong, and basic writing, Journal of Basic Writing, 2 (1). 1978. P. 30–51.

10. Granell X., Chaume F. Audiovisual translation, translators, and technology: From automation pipe-dream to human–machine convergence. Linguistica Antverpiensia, New Series : Themes in Translation Studies, 2023. P. 20–40.

11. Jakobson R. Linguistics and Poetics, «Style in Language» / ed. by Th. A. Sebeol., Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 1960 // «Структурализм: „за" и „против"». Москва, 1975.

12. Jiménez-Crespo M. A. The «technological turn» in translation studies. Translation Spaces, 9(2). 2020. P. 314–341.

13. Kress G. Meaning and learning in a world of instability and multiplicity. Studies in Philosophy & Education, 27(4). 2008. P. 253–266.

14. Labov W. «Principles of Linguistic Change, Cognitive and Cultural Factors», 2018. 449 p.

15. Mehta S. Localization, diversification, and heterogeneity: Understanding the linguistic and cultural logics of Indian new media. International Journal of Cultural Studies, 23(1). 2020. P. 102–120.

16. Peters J., Durham J. Speaking into the air: a history of the idea of communication / Communication-Philosophy-History, 1999. 388 p.

17. Paulínyova L., Perez E. Integration of audiovisual translation training into a translation study programme. Translation and Interpreting Training in Slovakia, 2021. 156 p.

18. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam : John Benjamins. 1995. 312 p.

19. Hayes L. Netflix disrupting dubbing. Journal of Audiovisual Translation. 4(1). 2021. 26 p.

20. Wang D., Zhang X., & Kuo A. S.-Y. Researching inter-Asian audiovisual translation. Perspectives, 28(4). 2020. 486 p.

Reference list

1. Bahtin M. M. Sobranie sochinenij = Collected works. V 7 chastjah. T. 5. Moskva : Russkie slovari, 1997. 556 s.

2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of Verbal Art / sost. S. G. Bocharov; tekst podgot. G. S. Bernshtejn i L. V. Derjugina; primech. S. S. Averinceva i S. G. Bocharova. 2-e izd. Moskva : Iskusstvo, 1986. 445 s.

3. Bruner Dzh. Psihologija poznanija. Za predelami neposredstvennoj informacii = The psychology of cognition. Beyond immediate information [per. s angl.]. Moskva : Progress, 1977. 413 s.

4. Voloshinov V. N. Marksizm i filosofija jazyka (osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke) = Marxism and philosophy of language (main problems of the sociological method in the science of language) // M. M. Bahtin (Pod maskoj). Moskva : Labirint, 2000. 196 s.

5. Pochepcov G. G. Teorija kommunikacii = Theory of communication. Moskva : «Refl-buk», 2001. 656 s.

6. Apter Emily S. The translation zone: a new comparative literature / Translating and interpreting. 2007. 306 p.

7. Deborah Tannen, Heidi Hamilton, Deborah Schiffrin «Discourse and gender». The Handbook of Discourse Analysis, 2nd Edition. Chichester, UK : John Wiley & Sons, Ltd, 2015. 983 p.

8. Díaz-Cintas J., Massidda S. Technological advances in audiovisual translation. In: Minako O'Hagan (Ed.). The Routledge handbook of translation and technology. London : Routledge, 2019. R. 255–270.

9. Farrell T. J. Developing literacy: Walter J. Ong, and basic writing, Journal of Basic Writing, 2 (1). 1978. R. 30–51.

10. Granell X., Chaume F. Audiovisual translation, translators, and technology: From automation pipe-dream to human–machine convergence. Linguistica Antverpiensia, New Series : Themes in Translation Studies, 2023. R. 20–40.

11. Jakobson R. Linguistics and Poetics, «Style in Language» / ed. by Th. A. Sebeol., Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 1960 // «Strukturalizm: „za" i „protiv"». Moskva, 1975.

12. Jiménez-Crespo M. A. The «technological turn» in translation studies. Translation Spaces, 9(2). 2020. R. 314–341.

13. Kress G. Meaning and learning in a world of instability and multiplicity. Studies in Philosophy & Education, 27(4). 2008. R. 253–266.

14. Labov W. «Principles of Linguistic Change, Cognitive and Cultural Factors», 2018. 449 p.

15. Mehta S. Localization, diversification, and heterogeneity: Understanding the linguistic and cultural logics of Indian new media. International Journal of Cultural Studies, 23(1). 2020. R. 102–120.

16. Peters J., Durham J. Speaking into the air: a history of the idea of communication / Communication-Philosophy-History, 1999. 388 p.

17. Paulínyova L., Perez E. Integration of audiovisual translation training into a translation study programme. Translation and Interpreting Training in Slovakia, 2021. 156 p.

18. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam : John Benjamins. 1995. 312 p.

19. Hayes L. Netflix disrupting dubbing. Journal of Audiovisual Translation. 4(1). 2021. 26 p.

20. Wang D., Zhang X., & Kuo A. S.-Y. Researching inter-Asian audiovisual translation. Perspectives, 28(4). 2020. 486 p.

Статья поступила в редакцию 29.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 29.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья
УДК 81’42
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-204
EDN: ENBNDE

Роль когнитивной метафоры в вербализации концептов (на материале газетно-публицистического и художественного дискурсов французского языка)

Кузнецов Валерий Георгиевич
Доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики факультета французского языка, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38
vgk.avamo@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-6245-6163

Аннотация. Метафора играет важную роль в когнитивно-дискурсивной парадигме современной лингвистики и смежных науках, поскольку она является проявлением аналоговых возможностей человеческого сознания. Сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. В современной когнитивной науке метафора определяется как ментальная операция, как способ концептуализации и категоризации объективной действительности. Когнитивная метафора обладает двумя важными функциями – гносеологической и креативной. Настоящая статья имеет целью установить и проанализировать когнитивные метафоры, вербализующие наиболее частотные концепты газетно-публицистического и художественного дискурсов французского языка. Отмечается, что частотность употребления когнитивных метафор в газетной публицистике обусловлена коммуникативными и прагматическими установками этого вида дискурса. В газетно-публицистическом дискурсе французского языка нередко встречаются военные, медицинские, анималистические и природные метафоры, имеющие целью образного представления социально значимых политических, экономических и общественных событий. Метафоры этих типов обладают прагматической и экспрессивной функцией и тем самым воздействуют на читателей и формируют общественное мнение. Метафоризация концептов в художественном дискурсе исследуется на материале романа известного французского писателя Армана Лану «Майор Ватрен». Индивидуально-авторская картина мира обусловлена художественным восприятием описываемой реальности и содержит ключевые концепты концептосферы автора. В романе присутствует значительное количество военных, природных, звуковых, цветовых, обонятельных, анималистических метафор, а также образные сравнения. Проведенное исследование свидетельствует о том, что метафоры этого типа обладают значительной прагматической и экспрессивной функцией в романе А. Лану.

Ключевые слова: концепт; когнитивная метафора; типы метафор; метафоризация; вербализация; дискурс; газетно-публицистический дискурс; художественный дискурс

Для цитирования: Кузнецов В. Г. Роль когнитивной метафоры в вербализации концептов (на материале газетно-публицистического и художественного дискурсов французского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 204–211. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-204. https://elibrary.ru/ENBNDE

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

The role of cognitive metaphors in verbalizing concepts (based on newspaper journalistic and literary discourses in french)

Valery G. Kuznetsov
Doctor of philological sciences, professor, department of lexicology and stylistics, faculty of french language, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka str., 38
vgk.avamo@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-6245-6163

© Кузнецов В. Г., 2024

Abstract. The metaphor plays an important role in the cognitive-discursive paradigm of modern linguistics and related sciences because it manifests the analogue potentials of human consciousness. Human thought processes are largely metaphorical. In modern cognitive science the metaphor is defined as mental operation, as a mean of conceptualization and categorization of objective reality. The cognitive metaphor has two important functions – epistemological and creative. The present article aims to identify and analyze the cognitive metaphors verbalizing the most frequent concepts in French newspaper journalistic and literary discourses. It is noted that military, medical, animalistic and natural metaphors are quite often found in newspaper and journalism discourse aimed at vivid representation of socially significant political, economic and public events. The frequent use of cognitive metaphors in newspaper journalism is conditioned by communicative and pragmatic characteristics of this discourse type. Cognitive metaphors have pragmatic and expressive functions and thereby affect the readers and form the public opinion.

Metaphorisation of concepts in literary discourse is studied using the material of the novel by the famous French writer Armand Lanoux «Le commandant Watrin» (The Major Watrin). The personal author's worldview is based on the artistic perception of the reality described and contains the key concepts of the author's conceptual sphere. The novel contains a considerable amount of military, natural, sound, color, smell and animalistic metaphors, as well as figurative comparisons. The research suggests that metaphors of this type have a significant pragmatic and expressive function in A. Lanoux's novel.

Key words: concept; cognitive metaphor; types of metaphors; metaphorization; verbalization; discourse; newspaper journalistic discourse; literary discourse

For citation Kuznetsov V. G. The role of cognitive metaphors in verbalizing concepts (based on newspaper journalistic and literary discourses in french). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):204–211. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-204. https://elibrary.ru/ENBNDE

Введение. Аристотель заложил основы изучения метафоры как динамического процесса. В настоящее время выделяют четыре функции метафоры: экспрессивную, креативную, когнитивную и прагматическую. Следует различать понимание метафоры в узком и широком смысле. В узком смысле метафора представляет собой сравнение, усеченное до одного элемента. В широком смысле метафора – употребление лексемы в переносном значении, основанное на сходстве между двумя денотатами по самым различным признакам. Важное место в проблематике метафоризации занимает установление мотивации метафорических переносов и типов метафор, их функций. Основной сферой употребления метафор являются два вида дискурса – газетно-публицистический и художественный, которые и являются предметом исследования настоящей статьи.

В. Г. Гак отмечал универсальность метафоры в языке, и проявляется эта универсальность в «пространстве и во времени, в структуре языка и функционировании. Она присуща всем языкам во все эпохи, она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях» [Гак, 1988, с. 11].

Когнитивная метафора. Типы когнитивных метафор. Исследование механизмов метафоризации занимает, наряду с изучением категоризации и языковой картины мира, центральное место в когнитивной лингвистике, так как является проявлением аналоговых возможностей человеческого мышления. В современной когнитивистике метафора определяется как ментальная операция, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки различных явлений, событий социальной действительности. Теория когнитивной метафоры впервые была изложена в получившей широкую известность книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», опубликованной в 1980 г. и переведенной полностью на русский язык в 2004 г. [Лакофф , Джонсон, 2004]. Новизна данной работы состоит в обосновании того, что метафора не ограничивается сферой языка, поскольку сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Основу метафоризации составляет пролифирирование определенных свойств когнитивной области источника в область цели. Чрезвычайно важным аспектом в изучении когнитивного аспекта метафоры является именно то, что она отражает способность человека устанавливать и вербализовать сходство между разными классами объектов и индивидов. Таким образом, когнитивная метафора является элементом концептуальной системы. Она является механизмом взаимодействия концептов и тесно связана с понятием языковой картины мира.

Существующие определения концепта нередко не учитывают такие его стороны, как родовое понятие, широкую номинацию и этносемантическую природу. В связи с этим нами предлагается определение концепта, учитывающее все его аспекты. **Концепт – явление этносемантической категориальной природы, репрезентирующее**

совокупность знаний языкового коллектива об отображаемом фрагменте объективной или субъективной действительности и вербализуемое языковыми средствами, формирующими картину мира. Концепт представляет собой многомерное образование, в котором объединены понятийные, ценностные и образные составляющие.

Следует назвать предшественников когнитивной теории метафоры, которых несправедливо не упоминают. Мы имеем в виду выдающегося представителя Женевской лингвистической школы Ш. Балли. Природу метафоры он связывал с сближением абстрактного и конкретного. «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове». Балли приводит следующий пример: «Говоря: Cet homme est rusé comme un renard «Этот человек хитер, как лиса» (сравнение), мы выражаем в аналитической форме ту же самую мысль, которую мы высказали бы, сказав: Cet homme est un renard ~ «Этот человек – настоящая лиса» [Балли, 1961, с. 221].

Наибольшим метафорическим потенциалом обладают слова с широким информативным содержанием, например, *жизнь – борьба, жизнь – путешествие.* «Чем более многопризнаковым, информативно богатым и нерасчлененным является значение слова, тем легче оно метафоризуется» [ЛЭС, 1990, с. 296].

Когнитивная метафора обладает двумя ведущими функциями – гносеологической и креативной. Как отмечалось выше, гносеологическая функция обусловлена тем, что когнитивная метафора выступает как активное средство познания, концептуализации и категоризации.. Креативная функция обусловлена тем, что когнитивная метафора является источником новых значений, расширяет и обогащает словарный состав языка, заполняет лакуны в лексико-семантической системе. «Метафора является не только ресурсом образной (поэтической) речи, но и источником новых значений слов…» [ЛЭС, 1990, с. 296].

Гносеологическая функция обусловливает межпредметный статус когнитивной метафоры. Она является предметом исследования не только лингвистики, но и философии, логики и когнитивной психологии. Механизмы метафоризации привлекали пристальное внимание таких философов, как Ф. Ницше и Х. Ортега-и-Гассет. Немецкий философ Ф. Ницше считал, что познание в принципе метафорично. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет полагал, что метафора – это едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой абстракции.

На этот важный аспект обращала внимание видный отечественный лингвист Н. Д. Арутюнова. «Без метафоры, – писала Н. Д. Арутюнова, – не существовало бы лексики «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [Теория метафоры …, 1990, с. 9].

Составляющими частями концептуальной метафоры являются скрипт и фрейм. Скрипт – это сценарий (последовательность событий), наиболее характерный для сферы-источника. Например, для сферы-источника «война» типичными сценариями будут объявление военных действий, начало боя, стрельба из разных видов оружия, ранение или смерть участников и др. Под фреймом концепта мы понимаем фрагмент содержательной структуры концепта, своего рода, подразделение концепта. Фрейм (англ. *frame*, фр. *cadre*) структурирует соответствующую концептуальную сферу, например, военную. Фреймами концепта «война» являются: виды вооружения, боевые действия, характеристика участников войны, их межличностные отношения, отношение к войне, результаты военных конфликтов. Метафора способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой.

Метафоризация концепта представляет собой его образное представление – результат процесса образной концептуализации определенного фрагмента объективной реальности. В качестве фрагмента могут выступать отраженные в сознании определенные явления, события, действия, сущности, в том числе связывающие их объективно или субъективно отношения.

Вызывает возражение встречающийся в литературе термин «метафорический концепт». Правильнее говорить о приемах метафоризации концепта в дискурсе в соответствии с его прагматическими установками.

Роль когнитивной метафоры в вербализации концептов газетно-публицистического дискурса французского языка. Согласно наше-

му определению, дискурс – это *институционально и персонально обусловленная область, сфера и форма языковой коммуникации в совокупности с экстралингвистическими факторами – прагматическими, социокультурными, психологическими, эмоционально-аффективными, идеологическими, эстетическими в событийном аспекте.*

В газетных текстах нередко встречаются военные метафоры, являющимися результатом метафоризации концепта «война», ассоциативные связи этого концепта, а также медицинские, анималистические и природные метафоры. Как отмечает Ж.-П. Менье, военная метафора позволяет свести наши знания о политике к «обыденным» представлениям о войне и всему, что с ней связано, при этом концепт «война» нередко метафоризируется. «Военная метафора сводит наше знания о политике к представлению о соотношении сил, стратегиям и тактикам в случае объединения и разобщения, успешным и неуспешным действиям, сражению, которое разворачивается на политической арене. При этом метафора редуцирует наше представление о дискуссионных проблемах и возможностях социальной рефлексии, наделяя ролью наблюдателей вовлеченных лиц» [Meunier, 1994, с. 60]. Примеры:

L'Etat, qui détient 15 % de Renault, et ***a bataillé*** *pour augmenter l'âge légal de la retraite, pouvait certes difficilement accepter de financer ces départs* [Le Figaro]. Усилия государства увеличить правовой возраст выхода на пенсию сравниваются с борьбой.

... la banque refuse le prix demandé pour les actions .. Le ***conflit*** *est ouvert. Tous les* ***coups*** *sont permis* [Le Courier de Russie]. Отказ выкупить акции грозит конфликтом подобно военному между банком и акционерами, которые могут прибегнуть к крайним мерам.

Финансовая несостоятельность одной страны может спровоцировать ударную волну. *Une faillite du pays enverrait une* ***onde de choc*** [Le Figaro].

Giat Industries : le PDG ***contre-attaque*** [Les Echos]. Действия президентов-генеральных директоров сравниваются с контратакой.

La mise en bourse d'Air Frane sur la ***rampe de lancement*** [Les Echos]. Начало размещения акций компании Эр-Франс на бирже сравнивается с пусковой установкой.

Французские исследователи отмечают особенности восприятия дискуссии и спора во французской культуре. «Во французской культуре такой вид общения, как дискуссия, воспринимается, по крайней мере, частично, как своего рода война ... В самом деле, в нашей культуре дискуссия и спор всегда ассоциируются со столкновением» [Meunier, 1994, с. 63]. Это наблюдение подтверждается следующими примерами.

Le divorce entre Jean-Marie Le Pin et Bruno Mégret a été définitivement prononcé ce week-end à Marignane mais la ***guerre*** *entre les chefs des deux «Front national» n'en est sans doute qu'à ses débuts* [Les Echos]. Партийные разногласия представлены как война.

*Dans cette déclaration de «****combat****» le premier ministre répètera que son gouvernement poursuivra les réformes «jusqu'au bout».*Заявление премьер-министра характеризуется как борьба.

Нередко в газетных текстах наряду с военными метафорами встречаются медицинские метафоры для обозначения болезненных явлений и событий в политической и экономической жизни.

La crise irlandaise ***contamine*** *la zone euro* [Le Figaro]. Ирландский кризис представлен как заразный. Та же метафора употребляется и в следующей фразе из той же газеты. *La crainte d'une* ***contagion*** *de la crise de la dette ...*

La ***febrilité*** *commence à s'installer de l'autre côté des Pirénées* [Le Figaro]. Реакция финансовых рынков на снижение курса евро характеризуется как лихорадочное состояние.

La gauche ***panse ses plaies*** *au cinéma* [Le Figaro]. Успокоительную для левых роль кино журналист образно сравнивает с перевязыванием ран.

Нам встретилась своего рода метафора траура. *Croissance* ***en berne*** [Le Figaro]. Замедление экономического роста сравнивается с приспущенным флагом.

Анималистические метафоры. *Pourtant, l'Espagne ne manque pas d'arguments pour souligner sa différence avec le* ***Tigre celtique*** [Le Figaro]. Под кельтским тигром имеется в виду Ирландия.

Le taux d'emploi des 55–64 ans progresse, certes, mais à une vitesse d'***escargot*** [Le Figaro]. Медленное увеличение числа работающих пожилых людей сравнивается со скоростью улитки.

Природная метафора. *«Le Courrier picard» traverse des* ***turbulences*** [Les Echos]. Финансовые трудности региональной газеты сравниваются с турбулентностью.

Когнитивные метафоры в художественном дискурсе. Авторская картина мира представляет собой определенный набор концептов, принадлежащих концептуальной картине мира автора

текста. Изучение индивидуально-авторской картины мира было положено ведущими представителями направления эстетического идеализма К. Фосслером и Л. Шпитцером. В соответствии с установками этого направления языковая картина мира писателя обозначалась как «душа писателя». Исследования Фосслера охватывают целые эпохи в истории французской, итальянской, испанской литератур. Большое влияние на изучение художественного стиля оказали работы Шпитцера, посвященные языку и стилю писателей от средневековья до 20 века.

Французские исследователи Жан-Луи Шисс (Jeane-Louis Chiss), Жак Фийоле (Jacques Filliolet), Доминик Менгено (Dominique Maingueneau) утверждают, что для автора произведения использование метафор является средством выражения глубинного содержания творческой личности, а для читателя подобная практика показывает те предпосылки, которые повлияли на зарождение сюжета произведения и открыли пути доступа к нему [Chiss, Filliolet, Maingueneau, 2001, с. 150]. Метафоризация представляет собой ассоциативное мышление, которое у творческих личностей глубже и оригинальнее, отличается нестандартностью.

Предметом нашего анализа является использование когнитивных метафор в романе известного французского писателя Армана Лану «Майор Ватрен», действие которого происходит во время Второй мировой войны. В этой связи в нем нередко встречаются военные метафоры, вербализующие концепт «война». Этот концепт является универсальным, поскольку присутствует во всех языковых социумах. В то же время он является в высокой степени социально значимым. Военные конфликты присутствовали в истории человеческого общества на протяжении всей его истории. Концепт «война» не утратил своей социальной значимости и в настоящее время. В связи с этим вызывает возражение отнесение этого концепта к лингвокультурологическим [Венедиктова, 2004, с. 5]. В художественном дискурсе метафоризируются разные фреймы концепта «война». Фрейм «виды вооружения», скрипт «их использование – стрельба». Концепт война» метафоризируются несколькими видами когнитивных метафор: анималистическими, метафорами звука, цвета, стихийными явлениями, метафорой бедствия и разрушения.

Анималистические метафоры (в литературе употребляется также термин зооморфные метафоры):

Au loin il y eut un ***grondement de bête****:l'artillerie allemande* [Lanoux, 1962, p. 18]. Огонь артиллерии сравнивается со звериным рычанием.

les ***grondements des chiens*** *de ciel qui (les avions) s'éloignaient …* [Lanoux, 1962, p. 63]. Звук самолетов сравнивается с завыванием псов.

Le char se déplaçait latéralement. En ***crab*** [Lanoux, 1962, p. 133]. Движение танка боком сравнивается с манерой перемещения крабов.

.. les avions ennemis, une vingtaine, qui tourbillonnaient comme des ***corbeaux*** .. [Lanoux, 1962, p. 139]. Немецкие самолеты кружились как вороны.

Quitter l'abri des fours était plus démoralisant pour eux ..François se sentit comme un ***bernanrd-l'hermite*** *arraché de sa coquille …* [Lanoux, 1962, p. 163]. После того как лейтенант Фрасуа был вынужден покинуть укрытие, он почувствовал себя раком-отшельником, вырванным из своей раковины.

Анималистические метафоры нередко сочетаются с звуковыми, поскольку ассоциируются с криками, как правило, хищных животных:

Une nouvelle virée de stukas ***hurlant*** *à la mort les coucha tous, le nez sur l'acier des armes* [Lanoux, 1962, p. 128].

Анималистическая метафора сочетается с медицинской и звуковой:

Les ***gémissements*** *reprirent, un cri triste de* ***chiot*** [Lanoux, 1962, p. 129]. Стоны раненых сравниваются с жалобным визгом щенка.

Нередко военная техника персонифицируется и производит действия, присущие человеку. Дж. Лакофф и М. Джонсон относят персонификацию к онтологическим метафорам: «к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 59].

... des projecteurs de la D. C. A. ***fouillaient*** *les nuages verts de bronze, d'ou venait un bourdonnement léger* [Lanoux, 1962, p. 59]. Прожекторы прочесывали облака.

Loin vers l'horizon, en face, sur les coteaux, quelques fusées rouges venaient de monter dans le ciel. Elles semblaient animées d'une étrange ***courtoisie*** *et ne voulaient pas redescendre* [Lanoux, 1962, p. 114]. Продолжительное нахождение ракет в воздухе представлено автором как своего рода любезность по отношению к персонажу романа лейтенанту Субейраку.

Лучи прожектора сравниваются с веерами. .. *les phares de la D.C.A. promenaient dans le ciel leurs* ***éventails*** *électriques* [Lanoux, 1962, p. 77].

Bqui dansaient, se faisaient signe, dénonçaient les hommes traqués [Lanoux, 1962, p. 164]. Немецкие ракеты танцевали и даже обменивались друг с другом знаками, чтобы поразить французских солдат.

... les armes automatiques ***faisaient fureur*** [Lanoux, 1962, p. 173]. Автоматы бесновались.

Неотъемлемым скриптом войны является стрельба, бомбардировки, шум моторов, репрезентированные в соответствии с их проявлением звуковыми метафорами:

Узуальной метафорой является «свист пуль, гул снарядов, мин». *Les éclats d'obus* ***sifflaient*** *en tous sens* [p. 120]. *La grenade partit en* ***vrombissant*** [p. 127].

Une mitrailleuse s'éteignit mais l'autre continua à ***crépiter*** .. [Lanoux, 1962, p. 127]. *... le tir allemand continuait à* ***miauler*** [Lanoux, 1962, p. 119]. Глагол *miauler* употребляется в ономатопоэпическом значении. Также в этом смысле употребляется глагол *изрыгать. Les mitrailleuses lourdes et légères allemandes* ***crachaient*** *sans interruption ...* [Lanoux, 1962, p. 125]. Звуковые метафоры представляют собой лексические знаки, мотивированные означающим. Иными словами, имеет место звуковой символизм.

... les ***craquements*** *lointains de l'artillerie ...* [Lanoux, 1962, p. 63]

... les chars ***grondaient*** ... [Lanoux, 1962, p. 173]. ... громыхали танки ...

... vibrer l'air des sirènes ***déchirantes*** *des stukas* .. [Lanoux, 1962, p. 122]. Невыносимый звук пикирующих бомбардировщиков *раздирал душу.*\

Leurs chars? C'était ça, ***l'infernal bruit*** *de moteur* [Lanoux, 1962, p. 172]. Шум моторов танков был ужасным, как в аду.

... les maisons flambaient, les chars ***grondaient****, les armes automatiques* ***faisaient fureur*** [Lanoux, 1962, p. 173]. Сильный, прерывистый шум танков передается глаголом *громыхать*, а беспрерывная стрельба из автоматов – глаголом *бесноваться.*

Un ***craquement*** *retentit. On aurait dit qu'un géant* ***cassait du bois****. Les stukas revenaient* [Lanoux, 1962, p. 124]. Шум моторов пикирующих бомбардировщиков сравнивается с громким треском ломающихся сучьев.

В романе встречается оригинальная звуковая метафора, основанная на ассоциации с музыкой:

Une saison en enfer avait commencé pour lui au moment précis où les stukas, dont il ignorait alors jusqu'au nom, avaient joué leur rôle ***wagnérien*** *...* [Lanoux, 1962, p. 130]. Рёв немецких пикирующих бомбардировщиков ассоциируется в сознании лейтенанта Субейрака с грозной мощью мелодий композитора Рихарда Вагнера.

Нам встретилась только одна звуковая метафора, не связанная с военными действиями:

... la fontaine ***gémissait*** *toujours, comme une ffille amoureuse* [Lanoux, 1962, p. 63].

Журчание источника сравнивается со вздохами влюбленной девушки.

Звуковая метафора сочетается с природной:

L'horizon venait de se déchirer ... ***Un typhon*** *de ferraille éclatait ...Des* ***bruits*** *délirants tombaient du ciel, des* ***ouragan****s de ménaces géantes, interminables* ***vrombissements*** *de sirènes monstres doublés de* ***bruits*** *de moteurs* [Lanoux, 1962, p. 120]. Шквалистый огонь сравнивается со смерчем.

Природная метафора вербализует концепт «природа», имеющий широкий фреймовый состав. В анализируемом романе природная метафора встречается при описании тумана и солнечного света.

La brume toujours épaisse se ***dorait*** *par endroits. On eût dit d'****un rayon de soleil*** *traversant un aquarium* [Lanoux, 1962, p. 130]. Просвет в плотном тумане сравнивается с лучом солнца, пронизывающим воду в аквариуме.

Une espèce de ***fromage lumineux*** *montait dans la brume et l'irisait. C'était bien le soleil, le soleil d'un autre monde* [Lanoux, 1962, p. 133]. Появившееся солнце сравнивается со светящейся головкой сыра.

Причудливые формы облаков сравниваются с огромными плывущими городами Вавилона, висящими садами, золотыми куполами минаретов. Этот образ навеян А. Лану фресками итальянского художника П. Веронезе. Причем небо персонифицируется. *Ce jour-là, le ciel commençait à gonfler d'immences architectures mouvantes, de nuages, de* ***villes flottantes*** *énormes, de Babylon en cumulus et, sur les lointains, de précieux* ***jardins suspendus*** *... des* ***bulbes dorés****, des minarets, toute une cité d'Orient, un prodigieux* ***Véronèse plafonnant*** ...[Lanoux, 1962, p. 213].

La brume ***glauque*** *laiteuse montait à l'assaut du ciel. Il ne restait plus qu'une toute petite coupole transparente ..* ***bleu de Chartre*** [Lanoux, 1962, p. 121]. Источником метафоризации в просвете тумана выступают голубые витражи собора в Шартре. Метафоризация носит имплицитный характер, поскольку требует от читателя знакомство с данным собором. В первой фразе присутствует цветовая метафора: цвет тумана сравнивается с цветом морской воды.

Le soleil ne serait pas pourtant couché avant une heure. Ses grands rayons d'ostensoir perçaint le ciel

de ***glaives*** *héroïques et la campagne vallonnée et vaste, bossue, devenait bleue par contraste, d'un bleu de* ***vitrail*** .. [Lanoux, 1962, p. 18]. Напоминающие дарохранительницу широкие лучи солнца сравниваются с мечами. В этой фразе присутствует также цветовая метафора: синий цвет долины сравнивается с цветом церковного витража.

Сильная интенсивная массированная стрельба сравнивается с шквалом. *Une* ***rafale*** *salua sa tête quand elle émergea* [Lanoux, 1962, p. 170]. *Devant lui, des rafales d'arme automatique crachèrent* [Lanoux, 1962, p. 171].

Цветовая метафора:

Des avions ***brillaient*** *dans le ciel comme des* ***couteaux*** [Lanoux, 1962, p. 99]. Блеск самолетов сравнивается с блеском ножей.

*La lune était presque au zénith, et on voyait sa lueur reflétée ... comme un troue d'****or*** *sous le village* [Lanoux, 1962, p. 77]. Луна сравнивается со своего рода золотой дырой на фоне погруженной в темноту деревни.

Война неизбежно сопровождается ранениями, увечьями. Цветовая метафора используется при описании ран:

Ça (la plaie) ressemblait à de la ***gelée de groseille*** [Lanoux, 1962, p. 129]. Рана по виду напоминала желе из смородины.

La culotte déchiquetée laissait voir une croûte de ***confiture séchée*** ... [Lanoux, 1962, p. 131]. Покрытая коркой рана напоминала засохшее варенье.

Обонятельная метафора:

L'air se chargeait d'une ***sale odeur*** *de poudre, pas* ***grisante*** *du tout* [Lanoux, 1962, p. 122]. То, что запах пороха не опьяняющий, свидетельствует о том, что он очень неприятный.

Морская метафора:

Par ***ondes****, les avions descendaient et mitraillaient* [Lanoux, 1962, p. 122]. Непрерывные авианалёты сравниваются с волнами.

Игровая метафора:

C'était un ***colin-maillard*** *sanglant* [Lanoux, 1962, p. 164]. Попытки избежать прямого соприкосновения с превосходящими силами противника сравнивается с игрой в кровавые жмурки.

Метафора бедствия и разрушения:

...les murs de quelques maisons étaient ... ***éventrés*** *par les obus* ... [Lanoux, 1962, p. 148]. Разрушение стен дома снарядами представляет собой тяжелое зрелище.

Следует отметить, что в вышеперечисленных примерах метафоры и образные сравнения обладают прагматической функцией и тем самым воздействуют на читателей по схеме «персонажи-читатели», что является эффективным средством экспрессивности художественного текста.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что использование концептуальной метафоры демонстрирует ее высокий прагматический и экспрессивный потенциал в газетно-публицистическом и художественном дискурсе. Метафоризация концепта – результат процесса образной концептуализации определенного фрагмента объективной действительности. Когнитивная метафора образует фундамент концептуальной системы, она определяет способ осознания субъектом и языковым социумом событий, фактов, явлений, ситуаций, в том числе политических, экономических и социальных. В газетно-публицистическом дискурсе вербализуются посредством метафор разнообразные аспекты политической, экономической, социальной жизни социума. Встречаются военные, медицинские, анималистические, природные метафоры, имеющие целью образного представления социально значимых политических и общественных событий с целью воздействия на читателей и формирования общественного мнения.

Когнитивные метафоры являются ключевыми элементами концептуальной системы проанализированного художественного дискурса, репрезентируют авторскую картину мира. Помимо военных и анималистических встречаются метафоры других типов: звуковые, цветовые, обонятельные, природные, метафоры бедствия и разрушения. Анималистические метафоры нередко сочетаются с звуковыми. Военная техника персонифицируется и производит действия, присущие человеку. Поскольку военные операции сопровождаются людскими и материальными потерями, автор использует метафоры бедствия и разрушения. Использование когнитивных метафор позволяет акцентировать наиболее значимые аспекты описываемых событий.

Библиографический список

1. Балли Ш. Французская стилистика. Москва : Издво иностр. лит., 1961. 394 с.

2. Балли Ш. Язык и жизнь. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 232 с

3. Венедиктова Л. Н. Концепт «Война» в языковой картине мира: Сопоставительное исследование на материале английского и русского языков. Тюмень, 2024. 20 с.

4. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и в тексте / отв. ред. В. Н. Телия. Москва : Наука, 1988. 174 с.

5. Кочнова К. А. Языковая картина мира писателя : аспекты и методы исследования // Вестник ВГУ. Серия : Филология, журналистика. 2015. № 3. С. 53–56.

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н Баранова. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

7. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. редактор В. Н. Ярцева. Москва : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

8. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2004. 255 с.

9. Маслова В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста : монография. Витебск : Изд-во Витебского госуд. ун-та им. П. М. Машерова, 2014. 104 с.

10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва : АСТ» Восток-Запад», 2007. 314 с.

11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

12. Теория метафоры : сборник: / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова. Москва : Прогресс, 1990. 512 с.

13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед ун-т., 2001. 238 с.

14. Bacry P. Les figures de style: et autres procédés stylistiques. Paris : Belin, 1992. 335 p.

15. Bally Ch. Le langage et la vie. Zürich : Max Niehans, 1935. 227 p.

16. Lanoux R. Le commandant Watrin. Moscou : Éditions en langues étrangères, 1962. 383 p.

17. Meunier J.-P. Métaphores Journalistiques // Recherches en Communication. № 2. 1994. P. 57–72.

18. Queneau R. Exercices de style. Paris : Gallimard, 1947. 160 p.

19. Trésor de la langue française: dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècles (1878–1960). Paris : Edition du Centre national de la recherche scientifique, 1979. 12562 p.

20. Vinay J., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris : Didier, 1958. 331 p.

Reference list

1. Balli Sh. Francuzskaja stilistika = French stylistics. Moskva : Izd-vo inostr. lit., 1961. 394 s.

2. Balli Sh. Jazyk i zhizn' = Language and life. Moskva : Editorial URSS, 2003. 232 s

3. Venediktova L. N. Koncept «Vojna» v jazykovoj kartine mira: Sopostavitel'noe issledovanie na materiale anglijskogo i russkogo jazykov = The concept «War» in the linguistic picture of the world: A comparative study of the material in English and Russian. Tjumen', 2024. 20 s.

4. Gak V. G. Metafora: universal'noe i specificheskoe = The metaphor: the universa and the specific // Metafora v jazyke i v tekste / otv. red. V. N. Telija. Moskva : Nauka, 1988. 174 s.

5. Kochnova K. A. Jazykovaja kartina mira pisatelja : aspekty i metody issledovanija = The writer's linguistic worldview : aspects and methods of research // Vestnik VGU. Serija : Filologija, zhurnalistika. 2015. № 3. S. 53–56.

6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem = The metaphors we live by / pod red. i s predisl. A. N Baranova. Moskva : Editorial URSS, 2004. 256 s.

7. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' (LJeS) = Linguistic Encyclopedic Dictionary (LED) / gl. redaktor V. N. Jarceva. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 685 s.

8. Maslova V. A. Pojet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj = The poet and culture: Marina Tsvetaeva's conceptosphere : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2004. 255 s.

9. Maslova V. A. Kognitivnyj i kommunikativnyj aspekty hudozhestvennogo teksta = Cognitive and communicative aspects of literary text : monografija. Vitebsk : Izd-vo Vitebskogo gosud. un-ta im. P. M. Masherova, 2014. 104 s.

10. Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaja lingvistika = Cognitive linguistics. Moskva : AST» Vostok-Zapad», 2007. 314 s.

11. Stepanov Ju. S. Konstanty = Stepanov Yu.S. Constants. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. 824 s.

12. Teorija metafory = The theory of metaphor : sbornik: / per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. jaz.; vstup. st. i sost. N. D. Arutjunova. Moskva : Progress, 1990. 512 s.

13. Chudinov A. P. Rossija v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory = Russia in the metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphors : monografija. Ekaterinburg : Ural. gos. ped un-t., 2001. 238 s.

14. Bacry P. Les figures de style: et autres procédés stylistiques. Paris : Belin, 1992. 335 p.

15. Bally Ch. Le langage et la vie. Zürich : Max Niehans, 1935. 227 p.

16. Lanoux R. Le commandant Watrin. Moscou : Éditions en langues étrangères, 1962. 383 p.

17. Meunier J.-P. Métaphores Journalistiques // Recherches en Communication. № 2. 1994. P. 57–72.

18. Queneau R. Exercices de style. Paris : Gallimard, 1947. 160 r.

19. Trésor de la langue française: dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècles (1878–1960). Paris : Edition du Centre national de la recherche scientifique, 1979. 12562 p.

20. Vinay J., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris : Didier, 1958. 331 p.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 811.133.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-212
EDN: ENDMAU

Специфика французского языка в Западной и Центральной Африке

Светлана Александровна Погодаева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии, Кубанский государственный университет. 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149
sapogodaeva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8425-9746

Аннотация. Данная статья посвящена осмыслению феномена африканского французского языка. Обоснована необходимость изучения территориального варианта французского языка, используемого в Западной и Центральной Африке, где наблюдаются более значительные отличия используемого в них французского языка от центрального французского; вместе с тем как раз там французский язык играет бóльшую роль в повседневном общении, чем во франкоговорящих странах Магриба. Рассмотрены причины распространения и роль французского языка в современной Африке: будучи изначально языком колонизаторов, он стал языком элиты, образования, администрации, межэтнического и межгосударственного общения, маркером молодежной культуры. В ходе исследования выявлены особенности территориальной и хронологической вариативности французского языка в Африке. В области произношения отмечены наличие сочетания звуков, не свойственных французскому языку, неточная передача отдельных гласных и согласных звуков; среди особенностей написания – непривычное для центрального французского языка использование надстрочных знаков, слитное либо двоякое написание отдельных слов; в области грамматики – опущение артиклей, построение вопросительных предложений с помощью интонации (без инверсии); в сфере лексикологии – значительный пласт лексики, обозначающий реалии и образованный от местных языков (африканизмы), в том числе по традиционным моделям словообразования французского языка (аффиксация, словосложение, переосмысление), заимствования (чаще из английского языка), архаизмы. В африканском французском прослеживается тенденция к ослаблению принятых в языке Франции норм (лаксизм), что объясняется стремлением к утверждению национальной самобытности. Согласно статистике, в сегодняшней Африке проживает больше франкофонов, чем в Европе, и число их существенно вырастет в ближайшее время. Таким образом, все те языковые изменения, которые происходят на африканском континенте, являются значимыми для будущего французского языка в целом.

Ключевые слова: территориальный вариант французского языка; франкофоны; неологизмы; африканизмы; реалии; архаизмы; лаксизм

Для цитирования: Погодаева С. А. Специфика французского языка в Западной и Центральной Африке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 212–223. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-212. https://elibrary.ru/ENDMAU

Original article

The specificity of the french language in Western and Central Africa

Svetlana A. Pogodaeva
Candidate of philological sciences, associate professor, department of french philology, Kuban state university. 350040, Krasnodar, Stavropolskaya str., 149
sapogodaeva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8425-9746

Abstract. The This article focuses on conceptualizing the phenomenon of the african french language. There is a need to study the territorial variant of french used in Western and Central Africa, which shows greater differences between the french used there and Central French; however, French plays a greater role in everyday communication in those areas than in the French-speaking countries of the Maghreb. The author considers the reasons for the spread of French and its role in modern Africa: originally the language of colonizers, it has become the language of the elite, education, administration, inter-ethnic and inter-state communication, and a marker of youth culture. The study highlights the specifics of territorial and chronological variability of French in Africa. In terms of pronunciation, there is a combi-

© Погодаева С. А., 2024

nation of sounds not typical of the french language, inaccurate pronunciation of some vowel and consonant sounds; the specifics of writing include the use of superscripts unusual for the Central French language, fused or alternative spelling of some words; in the field of grammar, there is omission of articles, construction of interrogative sentences using intonation (without inversion); in the field of lexicology – a significant layer of vocabulary denoting realities and derived from local languages (Africanisms), including traditional models of word formation in the french language (affixation, compounding, reinterpretation), borrowings (usually from the english language), archaisms. In african french there is a tendency to weaken the norms accepted in the language of France (laxism), which is explained by the desire to assert national identity. According to statistics, there are more francophones living in Africa today than in Europe, and their number will grow significantly in the near future, thus all the linguistic changes that are taking place on the african continent are significant for the future of the french language in general.

Key words: territorial version of the french language; francophones; neologisms; africanisms; realities; archaisms; laxism

For citation Pogodaeva S. A. The specificity of the french language in Western and Central Africa. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):212–223. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-212. https://elibrary.ru/ENDMAU

Введение

Проблема территориальной вариативности французского языка давно интересует ученых-лингвистов, однако в последнее время их взгляд все больше смещается в сторону африканского континента, в условиях расширения всесторонних контактов России со странами Африки. Подтверждением тому является увеличивающееся год от года число африканских студентов, приезжающих на учебу в Россию (так, в 2023 г. оно составило более 34000 человек [Число африканских … , 2023]), а также проводимые в последнее время значимые международные мероприятия, такие как Саммит Россия-Африка, бизнес-диалог Россия-Африка в рамках ПМЭФ [ВТОРОЙ САММИТ … , 2024]. По мнению экспертов, проводивших в 2022 г. исследование, посвященное современному состоянию французского языка, именно в Африке решается его будущее [Organisation internationale …]. Тем не менее, отмечаем наличие недостаточного количества научных работ, а особенно словарей и справочных изданий по данной проблематике. Цель нашей статьи – изучить специфику территориального варианта французского языка в Африке, характеризующегося своей неоднородностью, динамичной изменчивостью, в чем видится сложность и в то же время ценность и актуальность данного исследования.

Уточним, что под вариативностью языка понимают его способность в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех языковых уровнях под воздействием внутренних или внешних причин закономерностей развития языка [Радченко, 2017]. Языковая вариативность может рассматриваться по хронологическим и по территориальным признакам. Согласно последним, она формируется между вариантами разных континентов (в частности, между французским языком Европы и Африки), разных стран, разных провинций, разных департаментов, городов и даже кварталов. Вместе с тем полагают, что французский язык представляет собой систему национальных и ненациональных, официальных и неофициальных вариантов, литературных и просторечных разновидностей, вариантов внутриэтнического и межэтнического общения [Дзюбенко, 2009].

Для достижения поставленной цели в работе использованы научные методы: метод сплошной выборки языкового материала, метод переводческого анализа, метод контекстуального анализа, сравнительный метод при рассмотрении примеров использования французского языка Африки (далее ФЯ2) в сравнении с французским языком Франции (далее ФЯ1), взятых с интернет-сайтов научной и туристической направленности, из справочников и словарей.

Языковая ситуация в Африке

Африка – уникальная языковая лаборатория, в ней представлена почти треть из существующих во всем мире языков (2 из 6 тысяч) [Diversité dans …]. С учетом такого языкового разнообразия, представляется не менее удивительным тот факт, что в современной Африке на французском языке говорят больше людей, чем в Европе либо любой другой части света. Так, согласно Обсерватории французского языка Франкофонии или Международной организации франкоязычных стран (МОФ) (*Francophonie, Organisation internationale de la Francophonie, OIF*), в 2018 г. насчитывали 301 млн франкофонов в мире: 140 909 000 из них проживали в Африке, что на 7,5 млн человек больше, чем в Европе [Organisation internationale …]. В 2022 г. число франкофонов в мире выросло до 321 млн, 61,8 %

из них – жители Африки [France diplomatie]. МОФ прогнозирует, что франкоговорящее население будет заметно увеличиваться и к 2050 г. достигнет 700 млн человек (8 % от всего населения), при этом 70 % из них будут проживать в Африке, переживающей серьезный демографический подъем [Черкасов, 2023]. Сулейман Башир Диань *(Souleymane Bachir Diagne)* отметил, что французский язык таким образом стал более, чем когда-либо, языком Африки *(«La langue française est donc plus que jamais langue d'Afrique»)* [Organisation internationale …].

Почему французский язык, зародившийся в Европе, получил такую распространенность и значимость на африканском континенте? Дело в том, что у Франции и Бельгии в свое время были значительные колониальные владения в Африке. Позже они обрели государственную независимость, но официальным языком в большинстве из них так и остался французский язык [Французский язык … , 2018]. Французский язык в Африке представлен в следующих статусах: 1) единственный государственный язык; 2) один из государственных языков; 3) официальный язык, дополняющий местные языки в некоторых сферах общения; 4) неофициальный язык, дополняющий местные языки; 5) язык международного общения; 6) язык интернета, 4-й по частоте использования в мировой паутине.

В странах с пестрым этническим составом, где французский язык не имеет статус официального языка, он тоже остается языком общения. Если обратить внимание на количество используемых в современной Африке местных языков и диалектов, то невольно возникает ассоциация с Вавилонской башней. Так, в Сенегале говорят на 20 языках [Багана, 2020], в Буркино-Фасо используется более 60 языков [Буркино-Фасо …, 2023], в Того насчитывают 50 местных языков и диалектов, в Кот-д' Ивуаре – 70 [Французский язык …, 2018], в Центральноафриканской Республике их – более 100, в Камеруне – 248 [Dictionnaire universel, 2008], а в Демократической Республике Конго – около 800 [Гак, 2024], поэтому большинство африканцев предпочитают в повседневной жизни общаться на французском. На лицо парадокс: будучи изначально инструментом колонизации, впоследствии этот язык стал языком объединения африканских народов.

Для современной африканской молодежи владение французским официальным языком является важным условием для получения школьного и университетского образования, сдачи профессиональных экзаменов, устройства на престижную работу. Отмечают также, что знание просторечного французского африканского языка (*le français populaire africain*) «становится модным атрибутом молодежной культуры» [Орехова, 2024, с. 122].

Французский язык перестал быть языком угнетения, он стал средством общения, дополняющим родной язык [Веденина, 1988], или, как его еще называют – языком-посредником (*langue véhiculaire)* [Dictionnaire universel, 2008, p.709], но, по мнению лингвистов, речь идет не об одном языке: в Африке присутствуют суперстратные варианты французского языка, которые образуются «в странах, где данный язык используется как средство публичного официального общения, но не является родным, национальным языком для большинства населения» [Гак, 2024, с.79]. В связи с этим, вслед за французским писателем гваделупского происхождения Д. Максименом (*D. Maximin*), Е. Я. Орехова предлагает применительно к языковой ситуации в Африке использовать термин «франкополифония», который расширяет «пространство понятия франкофония, наделяя его множеством голосов и регистров французского языка» [Орехова, 2024, с. 120].

По мнению Л. Г. Веденной, ФЯ2 является экспортом ФЯ1 и его бельгийского варианта в страны Африки, бывшие в тот период французскими и бельгийскими колониями. Процесс его внедрения начался в середине XIX в., закрепление его происходило в неродственной социально-культурной среде, распространение языка проходило по-разному: если в Северной Африке колониальная экспансия натолкнулась на вооруженное сопротивление местного населения, то завоевание Тропической Африки шло быстрее, из-за разобщенности племен и народностей той территории. Выделяют три основных ареала распространения французского языка в Африке: северный (Алжир, Марокко, Тунис, Мавритания), западный (Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Того, Сенегал), центральный (Габон, Камерун, Конго, Заир, Бурунди, Руанда, Чад, Центральноафриканская республика) [Веденина, 1988], последние два объединяют чаще под названиями Тропическая (Субсахарская) Африка или территория южнее Сахары. Отдельными зонами распространения считают острова Индийского океана (Мадагаскар, Маври-

кий, Коморские острова, Сейшельские острова) [Гак, 2024].

ФЯ2 развивается под влиянием местных африканских, в том числе креольских языков, языков-пиджинов (*petit nègre, petit français, français tirailleur, français militaire*) [Словарь современной … , 2019; Гак, 2024] и соседних западноевропейских (английского и португальского) языков. Отмечают, что именно в странах южнее Сахары наблюдаются более значительные отличия ФЯ2 от ФЯ1, вместе с тем как раз там французский язык играет бóльшую роль в повседневном общении, чем в странах Магриба [Гак, 2024]. В связи с этим считаем значимым рассмотреть особенности использования французского языка на этой территории.

Особенности французского языка в Африке южнее Сахары

Среди особенностей, свойственных ФЯ2, выделяют следующие:

1) в области произношения:

- наличие сочетания звуков, не свойственных французскому языку.

Например, [mb] – чаще в антропонимах или топонимах: *Mbappé* – фамилия известного французского футболиста Килиана Мбаппе, отец которого родом из Камеруна; [dʒ]: *djebel (m)* – гора или горный район; *djinnes (m pl)* – джины, духи (Сенегал); [tʃ]: *tchapolo (m)* – алкогольный напиток, приготовленный с использованием проса, сорго, иногда кукурузы (Западная Африка) [Dictionnaire universel, 2008, p. 1221, p. 384–386]; *tchrourrr* – междометие, выражающее раздражение, гнев, презрение (Кот-д'Ивуар) [Côte d'Ivoire …];

- неточная передача открытых и закрытых, задних и передних гласных звуков, что лингвисты объясняют отсутствием этих фонологических противопоставлений в местных языках [Гак, 2024];

- опущение отдельных согласных звуков.

Например: *Y a quoi? (=Il y a quoi ?)* (В чем дело ?) ; *Kessia (= Qu'est-ce qu'il y a ?)* (Что такое ?) [Côte d'Ivoire …].

Утверждается, что современные африканцы не стремятся произносить так, как современные французы. Правильное произношение считается вычурностью, в частности, это касается произношения звука [r] [Французский язык …, 2018].

2) особенности написания:

- непривычное для ФЯ1 использование надстрочных (диакритических) знаков во ФЯ2, слитное написание отдельных слов.

Например: *Tchôko-tchôko*, где *ô* передает [ɔ] (Кот-д'Ивуар), что соответствует в ФЯ1 выражению *Quoiqu'il arrive* (Чтобы не случилось) [Côte d'Ivoire …]; *du poulet Pâpâpâ* – курица, приготовленная с какао; *République Alcoolisê* – алкогольный напиток со специями; Aurevoir *Maman* – коктейль из мякоти тамариндового дерева, ананаса и лимона (Кот-д'Ивуар) [Bushman – Café, 2024];

- неустойчивое (двоякое) написание отдельных слов.

К примеру, *chocobi (m) / chocobit (m)* означает не всеми одобряемую в Африке «манеру говорить на правильном французском языке» и соответствующие глаголы – *chocobiter / chocobizer* [Dictionnaire universel, 2008, p. 237].

3) в области грамматики:

- использование преимущественно простых предложений; вопросительные фразы во ФЯ2 строятся без инверсии, с помощью интонации; опущение отрицательной частицы *ne* перед глаголом в отрицательной форме (примеры приведены ниже);

- устранение артиклей перед существительными или безличного местоимения *il*.

Например: *Faut faire chap-chap* (*=Dépêche-toi, on y va!*) (Надо поторопиться!) [Côte d'Ivoire …].

Надо признать, что такие грамматические особенности свойственны и для ФЯ1 разговорного стиля. Однако есть запоминающиеся случаи неграмотного использования французского языка африканцами – так называемого *le français cassé* или *le français déformé* (ломаного, деформированного французского). К примеру, камерунский студент, обучавшийся в 2020-х гг. в Кубанском госуниверситете, использовал феминитив *russesse* в значении «русская». Использование такого французского объясняется интерференцией других, в первую очередь, местных языков, желанием проявить языковую креативность и даже посмешить [Medane, 2014, p. 1669].

4) в области словоупотребления:

- большое количество слов из местных языков (20 %) [Франция, 1997, с. 33] и слов, изменивших свое значение.

Например, *maquis (m)* (густые заросли, партизанское движение, подполье во Франции в период Оккупации) [Гак, 2008, с. 641] в Африке используется в значении «подпольный бар, уличная закусочная, где подают африканские блюда»

[Dictionnaire universel, 2008, p. 770; Африканский французский, 2021].

В вышедшем в 2008 г. в издательстве «Hachette» «Универсальном франкоязычном словаре» представлены 42000 французских слов, 6000 из них имеют специфически африканское значение, связаны они с описанием климата, фауны, флоры, природных богатств, местных культур [Dictionnaire universel, 2008], то есть представляют собой реалии, обозначаемые общим термином «африканизмы». Впервые появление слова *africanisme (m)* в толковых и этимологических словарях фиксируют в 1752 г. с дефиницией «термин, используемый для обозначения иноязычных выражений и выдуманных слов, которыми пользовались африканские авторы» [Centre national …], позже она расширилось до: «оборот, термин или произношение, свойственное разговорному французскому в Африке» [Dictionnaire universel, 2008, p. 22] , а 1931 г. появляется глагол *africaniser* [Centre national …] – «африканизировать», то есть «принять африканский образ жизни и мышления» [Dictionnaire universel, 2008, p. 22]. Вслед ним появились другие глаголы, обозначающие процесс национальной реконструкции, например: *congoliser (<congolisation), gaboniser (<gabonisation), sénégaliser (<sénégalisation), tchadiser (<tchadisation), togoliser (<togolisation)* [Dictionnaire universel, 2008, p. 274, p. 535, p. 1144, p. 1221].

Говоря об использовании французского языка в Африке, в целом подтверждают, что там допустимо послабление использования принятых в ФЯ1 норм. Это объясняется стремлением к утверждению национальной самобытности или выступает как отличительный признак определенных групп населения [Гак, 2024], тем более, что до сих пор в отдельных регионах Африки констатируют низкий уровень грамотности местного населения [Diversité dans …]. Так, в современном Сенегале небрежное отношение к французскому языку объясняют тем, что он ассоциируется с колониальным прошлым, а также распространяющейся модой на английский язык в ущерб французскому [Багана, 2020]. К тому же полагают, что в сложившихся условиях многоязычия сложно найти африканцев свободно говорящих, читающих и грамотно пишущих на французском языке [Куксова, 2020].

Лексический фонд французского африканского языка

Лексика представляет собой сферу языка, наиболее подверженную трансформациям. Слова реагируют на все изменения в жизни общества, особенно они подвержены воздействию со стороны молодежи, которая, как отмечено ранее, представляет большинство среди носителей французского языка в современной Африке. Таким образом, ФЯ2 имеет существенные отличия от ФЯ1. Они касаются, прежде всего, лексики, семантики, способов словообразования.

Согласно классификации Л. Г. Ведениной, в лексическом фонде современного ФЯ1 происходят изменения следующих типов: 1) сокращения: изменения формы без изменения смысла; 2) трансформация: изменения формы с изменением смысла; 3) заимствования: возникновение новой формы; 4) переосмысление; 5) переосмысление-возрождение: новый смысл забытых слов; 6) создание новых слов: возникновение нового смысла [Веденина, 2020, с. 234]. Рассмотрим их подробнее в сравнении с ФЯ2.

Отмечаем, что во ФЯ1 и во ФЯ2 при сокращении слово чаще усекается в конечной части. Хорошо узнаваемое слово, интернационализм *crocodile (m)* в результате фонетического явления под названием «апокопа» во ФЯ2 приобрело форму *croco (m)* и получило дополнительные значения «кожа крокодила» и «контролер общественного транспорта» [Клоков, 1996, с. 133].

Крупнейший город Кот-д'Ивуара Абиджан *(Abidjan)* жители страны, используя так называемую «неофициальную топонимию» [Основы маркетинговой … , 2023, с. 108], сокращенно называют *Babi*, например: «*Babi by night! No comment!»* – «Абиджан ночью ! Без комментариев!», а работники сферы туризма окрестили его туристическим направлением, специализирующимся на организации делового туризма и досуга: «*Abidjan … Destination touristique BLEISURE»* [Côte d'Ivoire …]. Словосложение англицизмов *Business* и *Leisure* по типу образования телескопных слов способствовало так называемому «нейм-мингу» – созданию подходящего названия для туристической дестинации [Основы маркетинговой …, 2023, с. 207]. На сайте туристической направленности отмечаем использование как отдельных англицизмов (например: *un less* – «что-то неважное, малозначительное»), так и целых фраз на английском языке. Таким образом, англомания не обошла стороной и этот регион. Обратимся к примеру, подтверждающему использование *franglais* – лингвистического «коктейля» из французских и английских слов: «*Networking, incentives, team-building… le green favorise l'esprit corporate mais aussi propose des*

activités à divertir toute la famille» – «Нетворкинг, поощрительные поездки для работников, построение (сплочение) команды … зеленый цвет способствует корпоративному духу, а также предлагаются развлечения для членов всей семьи» [Côte d'Ivoire …].

Во ФЯ2 наблюдаем тенденцию к использованию феминитивов. Так, на ивуарийском туристическом сайте с целью представить женщину-шеф-повара использована лексема-неологизм *cheffe (f)* [Côte d'Ivoire …].

Изменение формы слова во ФЯ2 может привести к изменению смысла, например: от *industriel* (промышленный) из ФЯ1 образовали во ФЯ2 *indus (m)*, используемое в значении «готовая одежда или человек, носящий одежду, сшитую фабричным способом» [Клоков, 1996, с. 224]. Во французском толковом словаре *Indus (m)* трактуют как «тот, кто родился на Тибетском плато, на северном склоне Гималаев» [Dictionnaire universel, 2008, p. 639–640], а также переводят как «Инд» – название реки, начинающейся в Гималаях, от имени которой получила название Индия.

Изменение формы с изменением смысла происходит, когда во ФЯ2 используют наречие *comment* (как, каким образом) в значении «безусловно, конечно» [Клоков, 1996, с. 120]. В ивуарийском варианте французского языка используют словосочетание *Bien même* для усиления утвердительного сообщения, например: «*Tu as préparé l'exposé?»* / «*Bien même!*», а вопрос «*C'est comment?*» означает «Как жизнь? Как дела?» [Côte d'Ivoire …] и соответствует речевому клише *Comment ça va* ? во ФЯ1. Подчеркнем также, что вопросительные фразы во ФЯ2 строятся без инверсии, с помощью интонации.

Заимствование с возникновением новой формы во ФЯ2 наблюдаем в глаголе *cravater* (носить костюм с галстуком) от *cravate (f)* (галстук) [Клоков, 1996, с. 132]. Отмечают, что во ФЯ1 преобладает образование глаголов от существительных [Воронцова, 2022]. Во ФЯ2 тоже очень востребован такой способ образования глаголов (глагольных словосочетаний) от существительных: под влиянием местных субстратных языков «расширяется конверсия имени в глагол» [Гак, 2024, с. 92]. Например: *girafe (f)* (жираф) > *girafer* (списывать у соседа по парте, сильно вытягивая для этого шею) [Boutaud, 2021]; *tête (f)* (голова) > *têter* (отбить головой, ударить головой) [Dictionnaire universel, 2008, p. 1234] > *se têter* (общаться наедине) (Кот-д'Ивуар) [Côte d'Ivoire …]; *torche (f)* (фонарь) > *torcher* (подсветить электроприбором); *doigt (m)* (палец) > *doigter* (показывать пальцем); *enceinte (f)* (беременная женщина) > *mettre enceinte* (сделать женщину беременной); *science (f)* (наука) > *sciencer* (думать, размышлять) [Côte d'Ivoire …]. Так, ивуарийское выражение *Faut sciencer* соответствует во ФЯ1 *Il faut (je dois, je vais) réfléchir* (Мне надо, я должен подумать) и может быть использовано, чтобы вежливо прервать общение с собеседником, к примеру, отказаться от покупки в магазине.

Во ФЯ2 распространен способ образования новых слов путем повтора слогов или самих слов. Например: *nebneb (m)* (акация, произрастающая в Тропической Африке), *boubou (m)* (просторная африканская туника без рукавов) [Dictionnaire universel, 2008, p. 854, p. 161], *petit-petit* (очень мало) (Того, Бенин) [Клоков, 1996, с. 321], *goy-goy/ goi-goi (m)* (слабак, лодырь, подлец) [Клоков, 1996, с. 205], *façon-façon (*очень странный) (Буркино-Фасо, Кот-д'Ивуар), *woro-woro (m)* (маршрутное такси) (Кот-д'Ивуар) [Côte d'Ivoire …].

Слова во ФЯ2 образуются и по традиционным французским моделям, чаще путем аффиксации. Обратимся к примерам. Так, от англицизма *boy (m)* образовались лексема со значением «слуга», далее слова *boyesse (f)* (служанка) и *boyerie (f)* (помещение для слуг), которые уже могут быть отнесены к локальным историзмам и имеют в словаре помету «устаревшие» [Dictionnaire universel, 2008, p. 167], а от хорошо знакомого во ФЯ1 слова *essence* (f) (бензин) с использованием суффиксов образовали *essencerie (f)* (автозаправочная станция) и *essencier (m) (*служащий на АЗС) [Гак, 2024, с. 92], от слова *dibi* (мясо) из местного африканского языка волоф появился африканизм *dibiterie (f)* (шашлычная). В приведенных примерах наблюдаем использование самого распространенного принципа номинации – функционального, «в основе которого лежит назначение объектов наименования» [Дзюбенко, 2021, с. 337].

Достаточно распространенным источником номинации во ФЯ2 является переосмысление слов. Нередко значения слов меняются настолько, что «молодые африканцы, приезжающие во Францию, с удивлением узнают, что *canari* – это птица, а не кувшин, а *gendarme* – это не птица, а жандарм» [Гак, 2024, с. 92], при том, что этимология последнего слова вполне очевидна (от *gens d'armes* – вооруженные люди).

Утверждают, что в странах Африки сильны традиции предков (семейства, рода, этнической группы) [Бобила, 2023, с. 88], а семья является одной из главных социокультурных ценностей [Рыбалкина, 2018, с. 48], там присутствует своеобразная система родства [Словарь современной …, 2019], что находит свое отражение в использовании лексем семантического поля «семья». Так, французская лексема *fils (m)* (сын, потомок) [Гак, 1998, с. 444] в африканском варианте приобретает дополнительные значения «племянник, родственник, сверстник сына», а также «сынок» для обращения пожилого человека к мальчику и юноше [Клоков, 1996, с. 181]. Особенностью семейного уклада Африки является полигамия [Рыбалкина, 2018, с. 48], в связи с этим *petite femme (f)* переводится не как диминутив во ФЯ1 «женушка», а как «последняя жена полигама» (Нигер, Чад, Мали) или как «невеста», девочка, с которой по традиции сразу после рождения заключен брак, чаще она воспитывается в семье будущего мужа (Буркино-Фасо), *petite mère (f)* может означать «тетя, младшая сестра матери в матролинейной семье», «супруга младшего брата в патрилинейной семье» (Буркино-Фасо, Нигер, Центральноафриканская республика) или «мачеха», то есть жена отца-полигама, более младшая по возрасту, чем мать ребенка (Мали) [Клоков, 1996, с. 321].

В современном ФЯ1 на протяжении последних десятилетий идеология политкорректности, регулирующая «нормы лингвистического поведения, связанные прежде всего с эвфемизацией и табуизацией ряда слов и выражений» [Погодаева, 2018, с. 35], не допускает использование слов *vieux* (m) (старик), *vieille (f)* (старуха) в уважительно-ласковом значении «отец, мать», как это возможно во французском ивуарийском языке, где в тоже время выражение *Ton papa ! Ta maman!* (дословно: Твой папа! Твоя мама!) являются непростительным ругательством [Côte d'Ivoire …].

Во ФЯ2 отдельные французские слова «обросли» дополнительным смыслом. К примеру, глагол *payer* (платить) употребляется в значении *acheter* (купить), а существительное *cadeau (m)* (подарок) используется в значении «бесплатно» или «чаевые». Например: *«Faut prendre cadeau, pardon!», «C'est pour toi, c'est cadeau»* (Надо взять подарок! Это для тебя, бесплатно!) [Côte d'Ivoire …]. В данных фразах наблюдаем устранение безличного местоимения *il* и артиклей, такое нарушение нормы ФЯ1 свидетельствует о доминировании лаксизма – подхода к вопросам нормы, заключающегося в принятии «любых нарушений нормы, любых форм языка» [Гак, 2024, с. 234], о чем говорилось ранее. Примечательно, что от существительного *cadeau (m)* во ФЯ2 образован глагол *cadonner* (дарить подарок) путем сложения двух слов *(cadeau + donner)* [Веденина, 1988, с. 209], с использованием популярного во ФЯ1 способа образования телескопных слов или «слов-слитков» [Воронцова, 2022, с. 107].

Во ФЯ2 отмечены особенности использования колористической лексики. Так, прилагательное *blanc* (белый) используется в значении «европеец» [Франция, 1997, с. 33], *langue blanche* (европейский язык) [Веденина, 1988, с. 208], а *rouge* (красный) в значении «африканец со светлым оттенком кожи» [Клоков, 1996, с. 355], производное от прилагательного *jaune* (желтый) слово *jauneux* означает «человека, пораженного желтой лихорадкой» (Тропическая Африка) [Клоков, 1996, с. 228].

А. А. Сидоров и Р. А. Наумов, рассматривая семантические процессы и типы трансформаций наименований во ФЯ2, выделяют 4 вида отношений между основными понятиями: 1) внеположенность (сужение смысла) или исключение; 2) подчинение или включение (расширение смысла); 3) перекрещивание или пересечение; 4) контрадикторность [Сидоров, 2022].

К отношениям внеположенности отнесен процесс смещения, когда для наименования одного понятия используют названия смежного понятия в пределах одного родового [Сидоров, 2022]. Так, существительное *gâteau (m)*, имеющее во ФЯ1 значение «сладкий пирог, торт», в результате смещения во ФЯ2 приобретает значение «пончик, кнели из просяной муки», таким образом, оно не выходит за пределы родового понятия «сладкое мучное изделие» [Сидоров, 2022, с. 58] или «пирожное с арахисом» (*beignet, nougatine de cacahuètes*) [Dictionnaire universel, 2008, p. 543]. Таким образом, для ФЯ2 свойственна бóльшая конкретизация, поэтому отмечается сужение смысла данной лексемы, имеющей достаточно широкую семантику во ФЯ1, где помимо основного вышеуказанного значения, оно может означать «кулич, лепешка», а также «барыш», «выгода», «слой», «масса», «соты», «кусочек воска» и даже быть оценочной характеристикой для человека: *papa (m) gâteau* – чрезмерно любящий и балующий своих детей отец

[Гак, 2008, с. 479; Dictionnaire universel, 2008, p. 543].

Ученые отмечают, что трудолюбие является важной чертой, характеризующей национальный характер. Так, немцы трудятся размеренно и экономно, у них всё рассчитано и предусмотрено; японцы отдаются труду с самозабвением; у русских трудолюбие носит азартный, даже авральный вариант мобилизации сил с последующим спадом трудовой активности. Труд африканцев на протяжении веков был подневольным, рабским, что не способствовало развитию трудолюбия, он является для них тяжкой обязанностью [Мельникова, 2006]. В связи с этим и сейчас работать для африканца – это неизбежная, необходимая для зарабатывания денег, деятельность. Видимо, поэтому глагол *travailler* (работать, разрабатывать, обрабатывать) [Гак, 2008, с. 1077] в Африке также означает «иметь оплачиваемую работу, зарабатывать деньги» [Клоков, 1996, с. 401], то есть наблюдается расширение смысла лексемы.

У этого же глагола во ФЯ2 появились дополнительные значения: «сбивать с пути истинного» и «наводить порчу» [Клоков, 1996, с. 401], последнее подчеркивает веру африканцев в магию [Бобила, 2023, с. 89], их приверженность народной религии вуду *(vaudou, vodu, vodoun)*, сочетающей в себе элементы католичества, племенных верований, предрассудки, убеждения в том, что на человека можно влиять с помощью колдовства [Dictionnaire universel, 2008, p.1302]. Глагол *travailler* в этом значении имеет синонимы, отражающие такую особенность африканского менталитета: переосмысленный французский глагол *attacher* (наводить порчу) (Тропическая Африка) [Гак, 2024, с. 98] и африканизмы *marabouter* (от *marabout (m)* – колдун, знахарь), *waker* (от *wak (m)* – заговор) (Буркино-Фасо) со значением «навести порчу с помощью колдуна» [Гак, 2008, с. 641; Клоков, 1996, с. 417].

Перекрещивание или пересечение наблюдается в использовании слова *garba*, означающего «мальчик, официант»: оно путем метонимического переноса преобразовалось в название популярного сытного ивуарийского блюда из манной крупы и жареного соленого тунца, которое подавали клиентам мужчины нигерийского происхождения *(garba)*, позже от него путем словосложения со словом *drome* (от греческого *dromos* – «покупка») [Dictionnaire universel, 2008, p. 395] появился африканизм *garbadrome (m)* – место общественного питания, где подают это блюдо (Кот-д'Ивуар) [Côte d'Ivoire …].

Отмечают, что в современном ФЯ1 сейчас гораздо меньше неологизмов с отрицательно-привативным значением [Воронцова, 2022], то есть со значением, противоположным значению производящего слова, префиксом *non-*: *réservation (f) non-disponible* (бронирование невозможно) [Tripadvisor], *non-dit (m)* (несказанное), *non-événement (m)* (ожидаемое событие, которое оказалось неинтересным) по сравнению с концом XX века, «когда таких слов было много, их даже обозначали словом *non-mot»* [Воронцова, 2022, с. 26]. Во ФЯ2, в частности в Того, наблюдается тенденция к образованию слов-антонимов с префиксом *pas-*: *pas-content* (недовольный), *pas-fort* (слабый в учебе, некомпетентный), *pas-gros* (худой), *pas-sévère* (нетребовательный) [Клоков, 1996, с. 314]. Иными словами, контрадикторность тоже способствует номинации в современном ФЯ2.

Во ФЯ2 присутствует архаический пласт лексики, «отражающий динамику приспособления французского языка к специфическим условиям Африки» [Словарь современной …, 2019, с. 6]. Так, французские архаизмы *écolage (m)* (плата за обучение), *doubler* (остаться на второй год в школе), *redoublant (m)* (второгодник) [Dictionnaire universel, 2008, p.407, p. 392] до сих пор используются в африканских странах и выступают в качестве «хронологических дивергентов» французского языка Африки [Дзюбенко, 2009, с. 207].

В рассматриваемых нами франкоязычных странах Африки иначе воспринимается время суток. В ряде стран Африки, например, в Нигере, с 11 часов дня вместо традиционного французского приветствия *Bonjour*! (Добрый день!) используют *Bonsoir!* (Добрый вечер!). Есть случаи «недобросовестной номинации» [Ионова, 2021, с. 82]: так, словом *Lipton* в Нигере называют любой чай в пакетиках.

Отдельные словосочетания и фразы передают юмор, острословие африканского народа, его житейские наблюдения, оценку жизненных ситуаций, совет. Например: для обозначения студии – небольшого жилья, используют два глагола *entrer-coucher* (зайти-прилечь); *trouver son terminus* – дословно «найти свою конечную станцию» означает «найти любовь своей жизни или встретить сильного, непобедимого соперника»; *avoir la bouche sucrée, faire sa bouche sucrée* – «иметь сахарные уста» означает «быть угодли-

вым, уговаривать»; фразы *J'emprunte le 11* – «Я воспользуюсь номером 11» означает «Я пойду пешком»; *Ta bouche porte pas caleçon* – дословно «Твой рот не носит кальсоны», что соответствует в русском языке «У тебя язык без костей, много говоришь» [Côte d'Ivoire …]; *Respectez-vous!* – дословно «Уважайте себя!» используется в значении «Прекратите лгать»; выражение *gagner son Paris* во ФЯ2 является омофоном *gagner son pari* из ФЯ1 и означает «достигнуть полного благополучия» [Орехова, 2024, с. 125, 127].

Таким образом, лексический фонд современного ФЯ2 представлен африканизмами, заимствованиями (чаще англицизмами), архаизмами и неологизмами с преобладанием разговорной, эмоционально-окрашенной лексики. Достаточно распространенным источником номинации в ФЯ2 является переосмысление слов ФЯ1, обращение к нему вызвано необходимостью передать культурные, социальные, геополитические, религиозные реальности стран Африки. В связи с этим происходит обогащение ФЯ1, наполнение его языковых единиц новыми значениями.

Заключение

Итак, рассмотрев причины распространения и роль французского языка в современной Африке, особенности территориальной и хронологической вариативности французского языка как полинационального, отмечаем, что во французском языке Африки продолжают развиваться многие тенденции французской языковой системы, в частности создание новых слов по традиционным нормативным моделям центрального французского языка. Помимо лексического уровня, где отмечается заметное увеличение семантической дифференциации, и на других уровнях языковой системы возникают элементы, которые отличаются от нормативного состояния французского языка на территории Франции, что свидетельствует о специфике развития французского языка в Африке. Проанализированный нами языковой материал демонстрирует сложный путь приспособления европейского языка к местной действительности, обогащение его реалиями, связанными с ее уникальной природной и оригинальной социальной средой, с особенностями этнической психологии.

Несмотря на взятый многими странами Африки курс независимого от бывших стран-колонизаторов экономического и политического развития, французский язык по-прежнему там востребован. Сменив свой статус с языка колонизаторов на статус языка-посредника, он способствует объединению и успешному взаимодействию франкоязычных стран. Вместе с тем он тоже подвержен значительным изменениям, и, если принять во внимание впечатляющие темпы демографического роста на африканском континенте, то следует допустить, что именно там в ближайшие десятилетия будет решаться будущее французского языка.

Библиографический список

1. Африканский французский. 06.09.2021 // Alphapedia – Свободная Российская Энциклопедия. URL: https://alphapedia.ru/w/African_French (дата обращения: 28.05.2024).

2. Багана Ж. Языковая ситуация в Сенегале: взгляд через призму франкоязычных СМИ / Ж. Багана, Е. Л. Куксова, К. Слободова Новакова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. № 10(1). С. 82–89.

3. Бобила С. О некоторых особенностях африканской культуры / С. Бобила, С. В. Постников // Иностранный язык для профессиональных целей (ко Дню российской науки): сборник научных статей. Саратов: Изд-во «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. С. 87–90.

4. Буркина-Фасо изменила статус французского языка на рабочий. 31 декабря 2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19659173 (дата обращения: 29.04.2024).

5. Веденина Л. Г. Особенности французского языка : пособие для учителя. Москва : Просвещение, 1988. 240 с.

6. Веденина Л. Г. Французский язык: структура, функционирование, культуроносный смысл. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2020. 456 с.

7. Воронцова И. Б. Очерки по современному французскому словообразованию. Москва : ЛЕНАНД, 2022. 112 с.

8. ВТОРОЙ САММИТ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ГУМАНИТАРНЫЙ ФОРУМ РОССИЯ – АФРИКА: сайт. URL: https://summitafrica.ru (дата обращения: 25.04.2024).

9. Гак В. Г. Введение во французскую филологию : учебник и практикум для вузов / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова. Москва: Юрайт, 2024. 303 с. URL: https://urait.ru/bcode/536248 (дата обращения: 27.05.2024).

10. Гак В. Г. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. Москва : Русский язык – Медиа; Дрофа, 2008. 1160 с.

11. Дзюбенко Ю. С. Ономасиологический подход к изучению вариативности лексики (на материале французского языка Франции, Бельгии, Швейцарии и Квебека) // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 4 (89). С. 337–340.

12. Дзюбенко Ю. С. Хронологические дивергенты французского языка, функционирующие в сфере обра-

зования Франции, Бельгии, Швейцарии и Канады // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 206–210.

13. Ионова С. В. Недобросовестная номинация – вербальный вирус публичной коммуникации // Методология современного языкознания 3: сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой / отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова. Москва : Изд-во: ООО «Р.Валент», 2021. С. 82–89. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46458259&pff=1(дата обращения: 20.05.2024).

14. Клоков В. Т. Словарь французского языка в Африке. Лингвострановедческие особенности. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1996. 432 с.

15. Куксова Е. Л. Английский и французский языки в многоязычной Африке: языковая политика и образование / Е. Л. Куксова, Т. Г. Волошина, Ю. С. Блажевич // Вестник Удмурдского университета. 2020. Т. 30. Вып. 2. С. 238–243.

16. Мельникова Е. В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). Москва : Диалог культур, 2006. 304 с.

17. Основы маркетинговой лингвистики : учебник / Л. Г. Антонова, Е. В. Бирюкова, Е. Г. Борисова [и др.]; под общ. ред. Л. Г. Викуловой. Москва : Языки народов мира, 2023. 217 с.

18. Орехова Е. Я. Фанкополифония: взаимодействие языков и культур франкоязычной Африки // Романские тетради. Москва : Языки народов мира, 2024. С. 119–130. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67305454 (дата обращения: 20.05.2024).

19. Погодаева С. А. О политкорректности во французском туристическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 1 (29). С. 34–41. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32866677 (дата обращения: 07.06.2024).

20. Радченко В. Г. Лексико-семантическая вариативность словарного состава французского языка Северной Америки / В. Г. Радченко, Н. В. Трещёва // Лексикография и коммуникация – 2017: сборник материалов III Международной научной конференции. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2017. С. 76–81.

21. Рыбалкина И. Г. Семейные отношения у средних слоев африканских обществ // Азия и Африка сегодня. 2018. № 12. С. 47–52.

22. Сидоров А. А. Сематические трансформации на лексическом уровне французского языка Тропической Африки / А. А. Сидоров, Р. А. Наумов // Военно-филологический журнал. 2022. № 3. С. 56–63.

23. Словарь современной фразеологии французского языка Африки / под ред. Ж. Баганы, А. Н. Ланглера. Москва : Флинта, 2019. 436 с.

24. Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц / под ред. Л. Г. Ведениной. Москва : Интердиалект+ / АМТ, 1997. 1040 с.

25. Французский язык популярнее в Африке, чем в Европе. 06.04.2018 // fanfakt.ru: сайт. URL: https://fanfact.ru/francuzskij-jazyk-populjarnee-v-afrike-hem-v-evrope/ (дата обращения: 25.04.2024).

26. Черкасов П. П. Франкофония. 15.06.2023 // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://bigenc.ru/c/frankofoniia-e69fd3 (дата обращения: 25.04.2024).

27. Число африканских студентов в РФ увеличилось за год более чем на 10 %. 24.08.2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/18580233 (дата обращения: 29.04.2024).

28. Boutaud A.-S. Dictionnaire des francophones: le français par tous / Anne-Sophie Boutaud. 30.04.2021. URL: https://lejournal.cnrs.fr/articles/dictionnaire-des-francophones-le-francais-par-tous (дата обращения: 25.04.2024).

29. Bushman - Café: сайт. URL: https://www.omenu.ci/restaurant/10/ (дата обращения: 09.07.2024).

30. Centre national des ressources textuelles et lexicales: сайт. URL: https://www.cnrtl.fr//etymologie/ (дата обращения: 25.04.2024).

31. Côte d'Ivoire Tourisme: сайт. URL: https://tourismecotedivoire.ci. (дата обращения: 25.04.2024).

32. Dictionnaire universel / sous dir. B. Cerquiglinin, J.-M. Ollé. Vanves : Hachette, 2008. 1556 p.

33. Diversité dans la francophonie africaine et avenir de la langue française // Continent-africain: сайт. URL: continent-africain.com (дата обращения: 25.04.2024).

34. France diplomatie: сайт. URL: diplomatie.gouv.fr/ru (дата обращения: 25.04.2024).

35. Medane H. Le "français cassé" chez les jeunes Algériens : Interférence et calque au service de l'humour / Hadjira Medane et Kheira Yahiaoui // SHS Web of Conferences: 4e Congrès Mondial de Linguistique Française. Section Sociolinguistique, Dialectologie et Écologie des langues. 2014. Volume 8. P. 1669–1683. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2014/05/shsconf_cmlf14_01006/shsconf_cmlf14_01006.html (дата обращения: 28.05.2024).

36. Organisation internationale de la Francophonie: сайт. URL: https://www.francophonie.org/ (дата обращения: 28.05.2024).

37. Tripadvisor: сайт. URL: https://www.tripadvisor.fr/Attraction_Review-g297513-d26638099-Reviews-Kante-Abidjan_Lagunes_Region.html (дата обращения: 28.05.2024).

Reference list

1. Afrikanskij francuzskij = African French. 06.09.2021 // Alphapedia – Svobodnaja Rossijskaja Jenciklopedija. URL:

https://alphapedia.ru/w/African_French (data obrashhenija: 28.05.2024).

2. Bagana Zh. Jazykovaja situacija v Senegale: vzgljad cherez prizmu frankojazychnyh SMI = The linguistic situation in Senegal: a view through the prism of the French-language media / Zh. Bagana, E. L. Kuksova, K. Slobodova Novakova // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika. 2020. № 10(1). S. 82–89.

3. Bobila S. O nekotoryh osobennostjah afrikanskoj kul'tury = On some features of African culture / S. Bobila, S. V. Postnikov // Inostrannyj jazyk dlja professional'nyh celej (ko Dnju rossijskoj nauki): sbornik nauchnyh statej. Saratov: Izd-vo «Saratovskij voennyj ordena Zhukova Krasnoznamennyj institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii», 2023. S. 87–90.

4. Burkina-Faso izmenila status francuzskogo jazyka na rabochij. 31 dekabrja 2023 = Burkina Faso has changed the status of French to working status. December 31, 2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19659173 (data obrashhenija: 29.04.2024).

5. Vedenina L. G. Osobennosti francuzskogo jazyka = Some features of the French language : posobie dlja uchitelja. Moskva : Prosveshhenie, 1988. 240 s.

6. Vedenina L. G. Francuzskij jazyk: struktura, funkcionirovanie, kul'turonosnyj smysl = The French language: structure, functioning, cultural meaning. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2020. 456 s.

7. Voroncova I. B. Ocherki po sovremennomu francuzskomu slovoobrazovaniju = Essays on the modern French word formation. Moskva : LENAND, 2022. 112 s.

8. VTOROJ SAMMIT JeKONOMIChESKIJ I GUMANITARNYJ FORUM ROSSIJa – AFRIKA = THE SECOND SUMMIT ECONOMIC AND HUMANITARIAN FORUM RUSSIA – AFRICA : sajt. URL: https://summitafrica.ru (data obrashhenija: 25.04.2024).

9. Gak V. G. Vvedenie vo francuzskuju filologiju = Introduction to French philology : uchebnik i praktikum dlja vuzov / V. G. Gak, L. A. Muradova. Moskva: Jurajt, 2024. 303 s. URL: https://urait.ru/bcode/536248 (data obrashhenija: 27.05.2024).

10. Gak V. G. Novyj francuzsko-russkij slovar' = New French-Russian dictionary / V. G. Gak, K. A. Ganshina. Moskva : Russkij jazyk – Media; Drofa, 2008. 1160 s.

11. Dzjubenko Ju. S. Onomasiologicheskij podhod k izucheniju variativnosti leksiki (na materiale francuzskogo jazyka Francii, Bel'gii, Shvejcarii i Kvebeka) = Onomasiological approach to studying lexical variations (in the French language of France, Belgium, Switzerland and Quebec) // Mir nauki, kul'tury i obrazovanija. 2021. № 4 (89). S. 337–340.

12. Dzjubenko Ju. S. Hronologicheskie divergenty francuzskogo jazyka, funkcionirujushhie v sfere obrazovanija Francii, Bel'gii, Shvejcarii i Kanady = Chronological divergents of French functioning in education in France, Belgium, Switzerland and Canada // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2, Jazykoznanie. 2009. № 1 (9). C. 206–210.

13. Ionova S. V. Nedobrosovestnaja nominacija – verbal'nyj virus publichnoj kommunikacii = Misnomination as a verbal virus of public communication // Metodologija sovremennogo jazykoznanija 3: sbornik statej v chest' jubileja V. A. Pishhal'nikovoj / otv. red. K. S. Kardanova-Birjukova. Moskva : Izd-vo: OOO «R.Valent», 2021. S. 82–89. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46458259&pff=1(data obrashhenija: 20.05.2024).

14. Klokov V. T. Slovar' francuzskogo jazyka v Afrike. Lingvostranovedcheskie osobennosti = Dictionary of the French language in Africa. Linguocultural specifics. Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1996. 432 s.

15. Kuksova E. L. Anglijskij i francuzskij jazyki v mnogojazychnoj Afrike: jazykovaja politika i obrazovanie = English and French in multilingual Africa: language policy and education / E. L. Kuksova, T. G. Voloshina, Ju. S. Blazhevich // Vestnik Udmurdskogo universiteta. 2020. T. 30. Vyp. 2. S. 238–243.

16. Mel'nikova E. V. Kul'tura i tradicii narodov mira (jetnopsihologicheskij aspekt) = Culture and traditions of the peoples in the world (ethnopsychological aspect). Moskva : Dialog kul'tur, 2006. 304 s.

17. Osnovy marketingovoj lingvistiki = Basics of marketing linguistics : uchebnik / L. G. Antonova, E. V. Birjukova, E. G. Borisova [i dr.]; pod obshh. red. L. G. Vikulovoj. Moskva : Jazyki narodov mira, 2023. 217 s.

18. Orehova E. Ja. Fankopolifonija: vzaimodejstvie jazykov i kul'tur frankojazychnoj Afriki = Fancopolyphony: language and culture interactions in French-speaking Africa // Romanskie tetradi. Moskva : Jazyki narodov mira, 2024. S. 119–130. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67305454 (data obrashhenija: 20.05.2024).

19. Pogodaeva S. A. O politkorrektnosti vo francuzskom turisticheskom diskurse = On political correctness in French touristic discourse // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. 2018. № 1 (29). S. 34–41. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32866677 (data obrashhenija: 07.06.2024).

20. Radchenko V. G. Leksiko-semanticheskaja variativnost' slovarnogo sostava francuzskogo jazyka Severnoj Ameriki = Lexical-semantic variability in the vocabulary of the French language of North America / V. G. Radchenko, N. V. Treshhjova // Leksikografija i kommunikacija – 2017: sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Belgorod: Izdatel'skij dom «Belgorod», 2017. S. 76–81.

21. Rybalkina I. G. Semejnye otnoshenija u srednih sloev afrikanskih obshhestv = Family relations in the middle classes of African societies // Azija i Afrika segodnja. 2018. № 12. S. 47–52.

22. Sidorov A. A. Sematicheskie transformacii na leksicheskom urovne francuzskogo jazyka Tropicheskoj

Afriki = Seme transformations at the lexical level in the French language of Tropical Africa / A. A. Sidorov, R. A. Naumov // Voenno-filologicheskij zhurnal. 2022. № 3. S. 56–63.

23. Slovar' sovremennoj frazeologii francuzskogo jazyka Afriki = Dictionary of modern phraseology of the French language of Africa / pod red. Zh. Bagany, A. N. Langlera. Moskva : Flinta, 2019. 436 s.

24. Francija. Lingvostranovedcheskij slovar'. 7000 edinic = France. Linguistic and country studies dictionary. 7000 entries / pod red. L. G. Vedeninoj. Moskva : Interdialekt+ / AMT, 1997. 1040 s.

25. Francuzskij jazyk populjarnee v Afrike, chem v Evrope = The French language is more popular in Africa than in Europe. 06.04.2018 // fanfakt.ru: sajt. URL: https://fanfact.ru/francuzskij-jazyk-populjarnee-v-afrike-hem-v-evrope/ (data obrashhenija: 25.04.2024).

26. Cherkasov P. P. Frankofonija = Francophonie. 15.06.2023 // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: sajt. URL: https: //bigenc.ru/c/frankofoniia-e69fd3 (data obrashhenija: 25.04.2024).

27. Chislo afrikanskih studentov v RF uvelichilos' za god bolee chem na 10 % = The number of African students in the Russian Federation has increased by more than 10% over the year. 24.08.2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/18580233 (data obrashhenija: 29.04.2024).

28. Boutaud A.-S. Dictionnaire des francophones: le français par tous / Anne-Sophie Boutaud. 30.04.2021. URL: https://lejournal.cnrs.fr/articles/dictionnaire-des-francophones-le-francais-par-tous (data obrashhenija: 25.04.2024).

29. Bushman - Café: sajt. URL: https://www.omenu.ci/restaurant/10/ (data obrashhenija: 09.07.2024).

30. Centre national des ressources textuelles et lexicales: sajt. URL: https://www.cnrtl.fr//etymologie/ (data obrashhenija: 25.04.2024).

31. Côte d'Ivoire Tourisme: sajt. URL: https://tourismecotedivoire.ci. (data obrashhenija: 25.04.2024).

32. Dictionnaire universel / sous dir. B. Cerquiglinin, J.-M. Ollé. Vanves : Hachette, 2008. 1556 p.

33. Diversité dans la francophonie africaine et avenir de la langue française // Sontinent-africain: sajt. URL: continent-africain.com (data obrashhenija: 25.04.2024).

34. France diplomatie: sajt. URL: diplomatie.gouv.fr/ru (data obrashhenija: 25.04.2024).

35. Medane H. Le "français cassé" chez les jeunes Algériens : Interférence et calque au service de l'humour / Hadjira Medane et Kheira Yahiaoui // SHS Web of Conferences: 4e Congrès Mondial de Linguistique Française. Section Sociolinguistique, Dialectologie et Écologie des langues. 2014. Volume 8. P. 1669–1683. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2014/05/shsconf_cmlf14_01006/shsconf_cmlf14_01006.html (data obrashhenija: 28.05.2024).

36. Organisation internationale de la Francophonie: sajt. URL: https://www.francophonie.org/ (data obrashhenija: 28.05.2024).

37. Tripadvisor: sajt. URL: https://www.tripadvisor.fr/Attraction_Review-g297513-d26638099-Reviews-Kante-Abidjan_Lagunes_Region.html (data obrashhenija: 28.05.2024).

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 06.10.2024; approved after reviewing 27.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья
УДК 130.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-224
EDN: CAYQKV

Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания

Ольга Николаевна Астафьева[1]✉, Хажисмель Гисович Тхагапсоев[2]
[1]Доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119606, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84
[2]Доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173
[1]onastafieva@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8727-6322
[2]gapsara@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5778-5265

Аннотация. Статья является продолжением исследования, посвященного особенностям становления и развития информационно-семиотической теории культуры в отечественной культурологии. Раскрывается значимость концепта «информация» в ключе современных идей и принципов постнеклассической парадигмы научного познания, показываются возможности включения положений информационно-семиотической теории культуры в методологический каркас культурологии. Из бесконечного многообразия видов и элементов культуры авторы выделяют два фундаментальных и системообразующих качества культуры – творчество и информацию. Сложное сопряжение природного, социального и культурного посредством информации определяет процесс смыслообразования, а по мере изобретений технологии хранения, трансляции и использованияи, увеличения объемов доступной человеку информации, скорости оперирования ею возрастает «культурность» человека. Видовая специфика информации представлена в статье разными формами и типами культуры, сущность которых раскрывается на примерах исследования телесности, нематериального культурного наследия. Принцип «максимума информации», проявляющийся в культуре и искусстве, стимулируется условиями среды, фактором увеличения разнообразия используемых средств. Следствием его действия во всех видах и жанрах является увеличивающаяся информативность произведений искусства.

В статье актуализируется дискуссионный вопрос об «атоме культуры», или «культуреме», о выявлении «элементарных» частей, минимальных фреймов (паттернов) культуры, которые в процессах ассоциаций, референций и эмерджентции обретают привычные нам формы и знаково-символические облачения. Ставится вопрос о трех типах эмерджентции культурного бытия – структурно-стилевой, ментальной, субъектной, влияющих на развитие новых стилей, форм и жанров. Методологические ресурсы информационно-семиотического подхода в культурологии раскрывают дефиниции «референция – эмерджентция – фрейм – фрактал – рекурсия», в сочетании с категориями истории и философии культуры составляет основу тезауруса информационно-семиотической теории культуры, внося в междисциплинарную методологическую версию культурологии свои поправки.

Ключевые слова: культура; информация; модусы бытия человека; культурная форма; телесность; нематериальное культурное наследие; динамика культуры; фрейм; эмерджентция; типологизация культуры; культурология

Для цитирования: Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 224–233. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-224. https://elibrary.ru/CAYQKV

© Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г., 2024

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Developing information-semiotic theory of culture in the methodology of culturological knowledge

Olga N. Astafieva[1]✉, Khazhismel G. Tkhagapsoev[2]
[1]Doctor of philosophical sciences, professor, UNESCO department, director of the scientific and educational center «Civil society and social communications», Russian Presidential academy of national economy and public service. 119606, Moscow, Vernadsky prospect, 84
[2]Doctor of philosophical sciences, professor, Kabardino-Balkarian state university named after Kh. M. Berbekov. 360004, Nalchik, Chernyshevsky str., 173
[1]onastafieva@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8727-6322
[2]gapsara@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5778-5265

Abstract. The article continues the research devoted to the specifics of forming and developing the information-semiotic theory of culture in russian cultural studies. The article explains the significance of the concept "information" in terms of modern ideas and principles of the post-non-classical paradigm of scientific cognition and shows the possibility of including the information-semiotic theory of culture in the methodological framework of cultural studies. Out of the infinite variety of types and elements of culture, the authors emphasize two fundamental and system-forming qualities of culture – creativity and information. The complex mixture of natural, social and cultural information determines the process of sense formation, and as the technology of storage, transmission and use is developing, the amount of information available to man is growing, and the speed of processing it is rising, the human level of culture is increasing. The specificity of information is presented in the article by different forms and types of culture, whose essence is shown by the examples of studying corporality or intangible cultural heritage. The principle of «maximum information» manifested in culture and art is stimulated by the environment conditions and the increasing diversity of the means used. The effect of its functioning in all types and genres of art works is their increasing informativeness.

The article actualizes the debatable issue of the «atom of culture» or «cultureme», about the identification of «elementary» parts, minimal frames (patterns) of cultural forms, which in the processes of associations, references and emergence acquire familiar forms and symbolic meanings. The authors discuss the emergence of three types of cultural being - structural-stylistic, mental, subjective, influencing the development of new styles, forms and genres. The authors consider the methodological resources of the information-semiotic approach in culture studies; the definitions of «reference – emergence – frame – fractal – recursion», in combination with the categories of history and philosophy of culture form the basis for the thesaurus of information-semiotic theory of culture, making the amendments to the interdisciplinary methodological version of culture studies.

Key words: culture; information; modes of human existence; cultural form; corporeality; intangible cultural heritage; culture dynamics; frame; emergence; culture typology; culture studies

For citation: Astafieva O. N., Tkhagapsoev H. G. Developing information-semiotic theory of culture in the methodology of culturological knowledge. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):224–233. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-224. https://elibrary.ru/CAYQKV

Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания

Направление размышлений о методологическом каркасе современной культурологии мы начали в ранее опубликованной нами статье «Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры» [Астафьева, Тхагапсоев, 2023, с. 221–230] с выявления истоков информационно-семиотической теории [Чернавский, 2001; Моль, 1966; Лотман, 2010; Лотман, 2018]. Опираясь на концептуальные положения работ Ю. М. Лотмана, А. Моля, Д.С. Чернавского, мы намеренно ограничились изложением основных этапов развития представлений о том, что глубинное основание культуры составляют информационные процессы [Степин, 2001; Урсул, 2013; Колин, 2015; Кармин, 2011; Каган, 1996; Барт, 2000; Тхагапсоев, Астафьева, 2020]. В заключительной же части нашего исследования мы намерены показать «окна возможности», которые открывает информационно-семиотическая теория в плане развития культурологической науки на перспективу.

На наш взгляд, любая теория, заявляющая о себе на арене науки, может стать и становится частью методологического багажа и рабочим инструментом ученого лишь в той мере, в какой она способна раздвинуть горизонты его (ученого) виденья. В чем же и как рассматриваемая теория раздвигает горизонты культурологии? Если формулировать кратко, то – во всем. Вызов и категоричность такого ответа, согласитесь, требуют пояснения. Поэтому прежде всего примем за исходное понятие понимание информации как меры отраженного разнообразия объектов [Урсул, 1971], сущность которой, однако, значительно превышает возможности количественного описания, поскольку может быть выраженной различными способами и использоваться для конструктивного или иного описания информационных процессов. Одним словом, познание культуры раскрывается для нас своими разными структурными, образно-смысловыми сторонами и, благодаря информационно-семиотическому подходу, снижает неопределенность знаний обо всех феноменах культуры, как моделируемых объектов, раскрывая завесу «континуума смыслов», имманентно им присущих.

Культурологические исследования, таким образом, предполагают сложный процесс – от объяснения символического мира культуры к постижению континуума смыслов с его многомерным контекстом. Получение соответствующих научных знаний всегда включает и личное видение автора на предмет познания и способов воздействия на него, на основе которого осуществляется различение ценности полученной информации. Обратим внимание, что ключевую роль играет то обстоятельство, что информационно-семиотическая теория базируется на антропологической концепции о многомерной природе человека, а также предлагает, как уже подчеркивалось, новое видение глубинной сущности культуры, соответственно, – и всей «анатомии» отношений «человек-деятельность-культура-социум». Позволим себе пунктирно обозначить возможности методологической интерпретации информационно-семиотической теории в культурологических исследованиях.

Информационные ресурсы усложняющегося бытия культуры

Из бесконечного многообразия видов и проявлений культуры и ее элементов выделим два фундаментальных и системообразующих качества культуры – *творчество* посредством разных деятельности и накапливаемую, перерабатываемую, хранимую и передаваемую из поколения в поколение *информацию*.

Хотя через призму разбираемой теории они оба взаимосвязаны, тем не менее, почему исследование культуры мы начинаем с деятельности? Прежде всего потому, что деятельность – это акт порождения, продуктивное действие, когда что-либо в процессе становится результатом, т.е. производится. Не менее важен и второй аспект, без которого ответ останется незавершенным. Речь идет об осмыслении перехода от одного этапа творческой деятельности к следующему этапу – восприятию результатов, которое может повлиять на итоговую оценку и смыслы, первоначально закладываемые автором.

С позиции информационно-семиотической теории, о которой идет речь, человек посредством деятельности творит не только артефакты культуры, но и много такого, что к культуре напрямую не относимо, а именно – продукты (и отходы) социобиологических вещественно-обменных отношений «человек-природа» – многомиллиардные тонны мусора, выбросов в атмосферу, горы отвалов от добычи ископаемых, опасные излучения. Однако все это почему-то не учитывается в ныне бытующей деятельностной теории культуры, как не учитывается и при делении культуры на мир «материальных», «духовных» подсистем в расхожих у нас типологических системах культурологии. А информационно-семиотическая теория, подчеркнем еще раз, исходит из учета непреложного факта, что человек имеет в широком смысле – две формы бытия: неспецифическую, то есть био-социальную (как у животных) и специфическую – «культурную», которая присуща только ему и базируется на уникальном даре творить смыслы, знаки, символы, сопрягая их воедино в информацию и выстраивая в итоге когнитивно-символические процессы и алгоритмы, позволяющие накапливать знание и информацию. При этом неспецифическое бытие обеспечивает решение витальных проблем человека: размножение, самосохранение, само-воспроизводство на основе механизмов присвоения ресурсов природы и коллективной формы бытия с опорой на социобиологические механизмы – на доминирование и принуждение. Для такой формы бытия, как показывает история, не требуется много информации – издревле и по сей день существуют племена, опирающиеся на весьма скромные языки с лексикой из пары сотен слов. Однако такое упрощение не свойственно культурологическому

подходу. Как показывает анализ, к вопросам культурогенеза и становления культуры с разных сторон подходили многие исследователи: А. Я. Флиер [Флиер, 2012], И. В. Кондаков [Кондаков, 2024, с. 54], Д. Л. Спивак [Спивак, 2024, с. 21], раскрывая вопрос взаимосвязи и включенности природы в культуру. Расширение методологического инструментарии в теории культуры произошло за счет учета информационных аспектов и самоорганизации в становлении культуры, в частности, разработки смыслогенетической концепции культуры [Пелипенко, 2012, с. 151–196], синергетической концепции культуры [Астафьева, 2012а, с. 105–150; Каган, 2006, с. 59–62], трактовки культуры как сложной эволюционирующей открытой системы [Степин, 2011], где авторы с разных сторон раскрывают проблемы генетической информации в динамике сложных антропо-социо-культурных систем, представленности в структуре культуры семиотических кодов и т. д. Сложное сопряжение природного, социального и культурного посредством информации определяет процесс смыслообразования. И. В. Кондаков выявляет эту сложную взаимосвязь на стадии появления протоформ, полагая, что «практически все явления действительности, попадающие в сферу мышления, деятельности и творчества человека, так или иначе становятся культурой – нечеловеческой, если она формируется без сознательного участия человека, или человеческой. В том и другом случае, они попадают в смысловое поле культурного дискурса» [Кондаков, 2024, с. 54].

Таким образом, в культурном бытии присутствует и динамическая, и структурная форма информации, поскольку мир смыслов, идей, сомнений, познания, свободы, дерзаний, исканий себя, нескончаемого внутреннего диалога человека; мир любви, вдохновения и творчества, созидается благодаря дару человека творить информацию. И здесь потребность в информации огромна, ведь необходимо объять и выразить, как безмерную сложность бытия, так и тончайшие грани мыслей, чувств и ощущений человека. Основанием этого особенного мира (мира культуры), формировавшегося в сложных процессах антропо-социо и культурогенеза, подчеркнем еще раз, и стали когнитивно-ментальные, то есть информационные процессы нашего мозга, базирующиеся на знако-творчестве. В этом контексте очевидно, что «культурность» человека возрастала ровно в той мере, в какой увеличивались объемы доступной ему информации, скорости оперирования ею, а также строились (изобретались) технологии ее хранения, трансляции и использования. Рост культурности, в свою очередь, означало «обуздание и нивелирование биологического и социо-биологического» в человеке. В этом контексте процесс культурогенеза предстает и как обретение человеком еще одного сущностного измерения в ряду множества давно номинированных измерений, а именно – «homo informaticus». Но это еще не все.

Видовая специфика информации в разных формах культуры

Дело в том, что рассматриваемая теория исходит из принципа единства материального и духовного в культуре – их раздельное бытие невозможно, как невозможно бытие информации без ее носителя. И здесь уместно обратиться к таким формам культуры как спорт, хореография, вокал, где человек выступает не только «как носитель» всей информации о любом виде и всех жанрах указанных форм культуры (человек и есть носитель любой социальной информации и ее бесконечного многообразия), но и инструмент ее «декодирования», то есть исполнения всех жанров всех перечисленных форм культуры – посредством пластики, динамики, эстетики своего тела или своего голоса. Но этот, казалось бы, явно очевидный факт пока очень осторожно учитывается в существующих сегодня подходах к типологизации культуры. Тем не менее, можно говорить о самостоятельном направлении в культурологии, где телесность рассматривается как социокультурный феномен и информационный процесс. Этому способствуют открытия в области нейрофизиологии мозга, а также гибкий подход к пониманию онтологических и социокультурных оснований телесности, что позволяет включить проблемы человеческого тела в информационную картину мира, подходить к познанию человеческой телесности посредством коммуникаций. Междисциплинарная основа культурологии позволяет на основе информационно-семиотического подхода сосредоточиться на проблеме целостности человека, на объяснении того, как достигается «соответствие между внутренними и внешними факторами информации и развитие способности диалога между «внешними» и «внутренними» состояниями тела» [Цветус-Сальхова, 2011, с. 72–73], поскольку «знаки и символы как знаки внешнего и внутреннего аспектов в пространстве телесности со-

единяются в одну языковую структуру» [Цветус-Сальхова, 2011, с. 72–73].

Но не только это направление культурологических исследований раздвигает рамки типологии культуры. Очевидно, что костюм, кухня и жилище не сводятся, не могут сводиться к их материальным субстанциям, иначе сказать – к их вещественной стороне (как принято считать), а значит – не могут считаться всего лишь «элементами материальной культуры». Признание того, что они составляют огромный пласт «нематериального культурного достояния» человечества, обладающего уникальными свойствами культуры, значимо, особенно в контексте понимания, что, с одной стороны, объекты нематериального наследия обладают всеми признаками материальных объектов музейного значения, за исключением их неосязаемости [Мастеница, 2017, с. 82]. С другой стороны, «по отношению к такому свойству как информативность следует подчеркнуть, что объекты нематериального культурного наследия зачастую содержат гораздо больший объем информации, чем материальные музейные предметы, так как первые представляют собой процесс, ментальные представления, абстрактные образы, ценностные нормы, нравственные критерии, эстетические категории в разнообразных проявлениях человеческой деятельности» [Мастеница, 2017, с. 82], в то время как процесс или технология, личное участие в созидании объекта нематериального наследия – сложный путь включения, понимания, вовлечения, приспособления, интерпретации, освоения. Объекты нематериального наследия являют собой сущностные, знаковые и смысловые, а порой самые яркие и запоминающиеся аспекты, элементы, измерения культуры [Мастеница, 2000, с. 87–90; Купцова, Сазонова, 2022, с. 56–64]. Информационно-семиотический ресурс культуры, считают исследователи, в отличие от материально-вещественного и энергетического не исчерпывается при потреблении, напротив, эволюция феномена «происходит в направлении увеличения объема воспринимаемой информации» [Рыжов, 2002, с. 159]. Особенно ярко этот принцип «максимума информации» проявляется в культуре и искусстве и стимулируется условиями среды, фактором увеличения разнообразия используемых средств. Следствием его действия во всех видах и жанрах является увеличивающаяся информативность произведений искусства. Не случайно М. С. Каган различает эстетическую и художественную информацию, для возникновения которой требуются более сложные условия, во-первых, наличие субъекта, способного к преобразованию объектов в художественный образ; во-вторых, адекватное художественное восприятие; в-третьих, «наличие создаваемого данным субъектом художественного текста, в котором этот образ материализуется и получается тем самым независимое от создавшего его субъекта существование; в-четвертых, наличие еще одного типа субъекта – читателя, зрителя, слушателя, к коему адресован данный текст и который должен быть способен «декодировать» его, раскрыть заключенное в нем художественное содержание, осуществляя акт сотворчества, необходимый для актуализации художественной информации» [Каган, 2006, с. 61].

Таким образом, художественная информация возникает в процессе коммуникации художника-творца в со-творчестве с реципиентом.

Если учесть эти обстоятельства (и информационную сущность культуры), базовые типы культур и основания к их выделению (конституированию) должны бы выглядеть следующим образом:

– эзотерико-символические формы (магия, ритуалы, религии, идеологии);

– знаково-символические формы (они известны, комментариев не требуют);

– вещественно-знаковые формы (жилище-архитектура, костюм, кухня, дизайн, монументалистика, мир ландшафтной культуры);

– телесно–инструментальные (или инструментально-символические) формы (балет, хореография, музыкальное исполнительство, спорт, игра, театр мима);

– синтетические формы (образование, театральное искусство, кино, музей);

– условная социальная информация (системы базовых кодов и когнитивных структур культуры, то есть языки естественные и искусственные, миф, обычаи, традиции, научные теории и парадигмы, мировоззренческие универсалии культуры), на основе которой и происходит восприятие любой информации, наделение ее смыслами и соотнесение с целостным миром культуры. Так информационно-семиотическая теория открывает принципиально новое, не просто «панорамным», но «трехмерный» ракурс виденья культуры – выделения ее типологических элементов и типологических рядов.

И, наконец, об «атоме культуры» или «культуреме», о проблеме, которая поставлена еще Абрахамом Молем. Речь идет о поиске и выяв-

лении тех «элементарных» частей («атомов культуры»), комбинации которых якобы создают (порождают) реальные формы культуры. Эта идея в свое время была подхвачена и в нашей культурологии – Каган и Кармин видели в роли таковых «атомов» знание, ценности, проекты, регулятивы (социально-нормативные установления-традиции, законы), хотя трудно назвать их элементарными. Ведь знание, как известно, существует в виде и весьма сложных теорий и даже масштабных парадигмальных систем. И еще: культурная форма имеет предназначение связывать не субстанциональную (то есть информационную, смысловую) сущность культуры с ее материальным, вещественным, знаково-символическим «телом». Однако, как видим, у М. С. Кагана и А. С. Кармина культурная форма так и сводится к сумме тех же «не вещественных», то есть смысловых форм культуры (знание, ценности, проект, регулятивы). Дискуссионность подобного понимания «атома культуры» продолжить обоснование сложной сущности культуры. И, на наш взгляд, через обращение к информационно-семиотической теории, перед нами вновь раскрывается принципиально иное решение – раскрыть в качестве «атома культуры» минимальные фреймы (паттерны) форм культуры, которые в процессах ассоциаций, референций и эммердженции обретают привычные нам формы и знаково-символические облачения. Но и это еще не все.

Человек как субъект культуры

Очевидно, что в культуре, как ни в одной другой сфере бытия, велика роль субъекта, «действенного Я», формы и процессы его бытия(как он возможен и как существует реально). Между тем, в гуманитарной науке субъекта любой сферы определяют весьма абстрактно как «носителя предметно-практической деятельности». Едва ли это абстрактное и расплывчатое определение относимо к культуре. С субъектом культуры, с субъектностью в культуре все обстоит куда сложнее: вопрос способности всех субъектов к творчеству и проявлению себя в культуре, т.е. быть носителем практической деятельности, иначе говоря – творцом культуры. Большинство субъектов культуры пребывает в ролях ее акторов и агентов (ценителей, поклонников, «фанатов» – потребителей культуры). И вот здесь встает ключевой вопрос: «Можно ли в них видеть субъектов, реально влияющих на культуру, ее судьбы, процессы ее развития?» Иными словами – это вопрос о взаимоотношении деятельности, личности и творчества. И в этом вопросе мы разделяем позицию исследователей, полагающих, что личность не только осуществляет деятельность, то есть «не только внутри процесса, но и над деятельностью. Она может подняться над пространством деятельностей, отказаться от той или иной деятельности, выбрать другую, построить новую деятельность, даже изменить свою жизненную траекторию» [Зинченко, 2014, с. 279] Соответственно, подобное проявление свободы и творчества характеризует процесс культурной и художественной деятельности, где «развертывается индивидуальное бытие и «бытование» личности» <…> и «этот особый процесс <…> психологически обеспечивает специфическую форму связи его (человека – *О. Н., Х. Г.*) особенных и всеобщих проявлений – художественную/духовную как иносказательную, в которой он получает основание для самоопределения в человеческом мире» [Иванов, 2002, с. 360]. Поэтому наш ответ на поставленный вопрос скорее положительный, чем отрицательный: «В субъекте можно и следует видеть человека творческого – созидателя культуры». Однако как понимать это утверждение и что оно предполагает? Особенно, если мы говорим о способности к творчеству, как проявлению развитости особого рода «духовного интеллекта», предполагающего достижение человеком духовности, высокой нравственности и способностей высших порядков, дополненных разумным началом – осознаваемостью восприятия информации, понимания и действования (творчество) через размышление [Герасимова, 2002, с. 136].

Дело в том, что культура, как и любая сложная и развивающаяся система, постоянно испытывает процессы эммердженций (идейных, жанровых, стилевых и т. д.), которые по-разному воспринимаются различными акторами и агентами культуры. Кем-то они принимаются с восторгом, кем-то просто отторгаются, а в итоге меняются культурные предпочтения и вкусы в социуме(обществе). В этом контексте есть все основания говорить и об эммердженции культурного бытия в целом. Речь при этом может идти об эмерджениях трех типов: структурно-стилевой (что касается самой культуры, ее новаций, течений); ментальной (что относится к изменениям вкусов и предпочтений акторов и агентов культуры) и, наконец, субъектной, которая отражает распределение акторов и агентов (поклонников, фанатов) культуры в плане под-

держки ими тех или иных перемен (новаций), случившихся в культуре в ходе эммерджденций. И самое главное: очевидно, что описанные типы эммерджденции культурного бытия влияют друг на друга, выводя в конечном итоге культуру, ее стили, формы и жанры на новые треки, пути и уровни развития(что повторяется бесконечно). Так информационно-семиотическая теория культуры в очередной раз открывает перед нами новые грани и измерения культуры, ее процессов. Примеры подобного рода можно продолжать и продолжать.

Методологические ресурсы информационно-семиотического подхода в культурологии

В естественных науках принципиальные изменения, как правило, связаны со скачкообразными сдвигами, то есть сменой парадигмы науки, ее глубинных оснований. В гуманитарных науках, как правило, все происходит иначе – здесь назревшие, тренды и методологические идеи заявляют о себе постепенно, прежде всего, в форме перемен и новаций в тезаурусе. Так происходит и в данном случае – в процессах развития культурологии. Характерна в этом плане дефиниция «фрейм» – информационное отражение (описание) некоей целостности бытия (или ситуации), с которой человек соотносит себя, свои действия, свое познание. Роль и значимость фрейма сегодня такова, что он соотносится со знанием, общением, процессом познания, ментальным миром человека и ментально-когнитивными процессами, с поведением и действиями человека. Фрейм соотносится также с текстами любого типа и характера – от художественных до технических. В итоге фрейм в ходу едва ли ни во всех науках о человеке – социологии, психологии, когнитивистике, лингвистике, филологии, теории музыки, в педагогике. Естественно, что «фрейм» все активнее заявляет о себе в культурологии [Хохлова, 2017, с. 29–35; Гурина, 2005; Сухоносова, 2016, с. 227–232; Дуркина, 2013, с. 90–93; Ерофеева, 2012, с. 36–49; Докучаева, 2010, с. 5–16], а давно обосновавшаяся здесь дефиниция «паттерн» (элемент культуры) активно используется в теории информации – для описания составных частей фрейма. И еще – культура, будучи сложной и динамичной системой, конечно же, подвержена синергетическим эффектам. И это тоже уже находит отражение в тезаурусе культурологии. В итоге с давно освоенными в культурологии идеями «система – элемент – иерархия» все и чаще соседствуют дефиниции «референция – эммерджденция – фрейм – фрактал – рекурсия» [Николаева, 2014; Зайченко, 2013, с. 57–59; Зайченко, 2014, с. 10–13]. Эти дефиниции, разумеется, в сочетании с категориями истории и философии культуры составляет основу тезауруса информационно-семиотической теории культуры. Без опоры на указанные понятия лишается аналитического и объяснительного потенциала, превращается в формальную схему и в метафору даже одна из центральных в культурологии категория «система».

Остается лишь заметить – информационно-семиотическая теория культуры уже входит в практику, позволяет вскрыть саму природу динамичной сложности культуры в условиях цивилизационных изменениях, внося в междисциплинарную методологическую версию свои поправки, от значимости которых культурологическая наука только выиграет.

Библиографический список

1. Астафьева О. Н., Тхагапсоев Х. Г. Истоки становления и основания для развития информационно-семиотической теории культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 221–230.

2. Астафьева О. Н. Культура как самоорганизующаяся система: синергетическая концепция // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012а. 479 с.

3. Астафьева О. Н. Синергетический подход к исследованию культуры // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012б. 479 с.

4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 2000. С. 196–238.

5. Герасимова И. А. Совместное мышление как искусство: опыт философско-синергетического исследования // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копцик. Москва : Прогресс-Традиция, 2002. С. 156–182.

6. Гурина Р. В., Соколова Е. Е. Фреймовое представление знания. Москва : Народное образование, 2005. 176 с.

7. Докучаева Р. М. Фреймовая структура высказываний как маркер единого коммуникативного пространства // Вестник Коми государственного педагогического института. 2010. № 10. С. 5–16.

8. Дуркина Г. С. Фреймовая организация художественного текста (на материалах русской классической и современной литературы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9. С. 90–93.

9. Ерофеева М. Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения // Социология власти. № 8. 2012. С. 36–49.

10. Зайченко М. А., Яковлева Е. А. Рекурсивная форма движения и ее проявления в культуре // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013 Т. 155. № 1. С. 57–59.

11. Зайченко М. А. Специфика рекурсивного принципа в языке и музыке // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1. С. 10–13.

12. Зинченко В. П. Личность, бессознательное, творчество (интерпретация психолога-методолога) // Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция, Перевод : коллективная монография / под общ. ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. Москва : Политическая энциклопедия, 2014. С. 277–306.

13. Иванов С. П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер // Человек как субъект культуры / отв. ред. Э. В. Сайко. Москва : Наука, 2002. С. 331–365.

14. Ивин А. А. Аксиология. Москва : Юрайт, 2023. 342 с.

15. Каган М. С. Об эвристической ценности информационного подхода в эстетике: в 1 т. / Каган М. С. Избранные труды в VII томах. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2006. 356 с.

16. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. 415 с.

17. Кармин А. С. Культурология. Санкт-Петербург : Лань, 2001. 830 с.

18. Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Москва : Стратегические приоритеты, 2015. 268 с.

19. Кондаков И. В. Человеческая и нечеловеческая культура: общее и особенное // VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации»: программа, тезисы докладов, Москва 30 октября – 1 ноября 2024 г. Москва : Институт наследия, 2024. 284 с.

20. Купцова И. А., Сазонова В. А. Нематериальное культурное наследие: концептуальные подходы к определению феномена // Обсерватория культуры. 2022. № 19 (1). С. 56–64.

21. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. Москва : АСТ, 2018. 256 с.

22. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. 704 с.

23. Мастеница Е. Н. Музейный предмет как объект информации и факт культуры // Человек в информационном пространстве цивилизации: культура, религия, образование: междунар. науч. конф. Краснодар-Новороссийск 19-21 сент. 2000 г.: тез докл.; науч. ред. И. И. Горлова и др. Краснодар, 2000. С. 87–90.

24. Мастеница Е. Н. Нематериальное наследие как объект музеефикации: теоретико-методологические основания // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1 (1). С. 79–85.

25. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. Москва : Мир, 1966. 352 с.

26. Николаева Е. В. Фракталы городской культуры. Санкт-Петербург : Страта, 2014. 264 с.

27. Пелипенко А. А. Смыслогенетическая концепция культуры // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012. 479 с.

28. Рыжов В. П. Информационные аспекты самоорганизации в искусстве // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве / сост. и отв. ред. В. А. Копцик. Москва : Прогресс-Традиция, 2002. С. 156–182.

29. Спивак Д. Л. Культурная идентичность и ее биологические корреляты // VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации»: программа, тезисы докладов, Москва 30 октября – 1 ноября 2024 г. Москва : Институт наследия, 2024. 284 с.

30. Степин В. С. Культура : в т. 2 // Новая философская энциклопедия. Москва : Мысль, 2001. С. 341–347.

31. Степин В. С. Цивилизация и культура: поиск новых стратегий развития человечества в XXI столетии (размышления над новой книгой В. С. Степина «Цивилизация и культура»). Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. 408 с.

32. Сухоносова С. В. Возможности фрейм- анализа в формировании образа города у студентов-культурологов: постановка проблемы // Педагогическое образование в России. 2016. № 1. С. 227–232.

33. Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н. Информационно-семиотическая теория культуры. Введение / Х. Г. Тхагапсоев, О. Н. Астафьева, И. И. Докучаев, И. В. Леонов. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. 208 с.

34. Урсул А. Д. Информация. Методологические аспекты. Москва : Наука, 1971. 296 с.

35. Урсул А. Д. Культура как информационный феномен // Философская мысль: электронный журнал. 2013. № 8. С. 295–355. URL: htpp//e-notabene.ru/fr/article_508.html (дата обращения: 14.09.2024)

36. Флиер А. Я. Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. 2012. №4. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (дата обращения: 10.08.2024)

37. Хохлова А. Л. Типология семантических фреймов в музыке // Вестник музыкальной науки. 2017. № 2 (16). С. 29–35.

38. Цветус-Сальхова Т. Э. «Тело» и «Телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 72–73.

39. Чернавский Д. С. Синергетика и информация. Москва : Наука, 2001. 243 с.

Reference list

1. Astaf'eva O. N., Thagapsoev H. G. Istoki stanovlenija i osnovanija dlja razvitija informacionno-semioticheskoj teorii kul'tury = Sources of formation and grounds for the development of the information-semiotic theory of culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 4 (35). S. 221–230.

2. Astaf'eva O. N. Kul'tura kak samoorganizujushhajasja sistema: sinergeticheskaja koncepcija = Culture as a self-organizing system: a synergetic concept // Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmozhnosti ih integracii / pod red. Ju. M. Reznika. Moskva : Nauchno-politicheskaja kniga, 2012a. 479 s.

3. Astaf'eva O. N. Sinergeticheskij podhod k issledovaniju kul'tury = A synergetic approach to studying culture // Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmozhnosti ih integracii / pod red. Ju. M. Reznika. Moskva : Nauchno-politicheskaja kniga, 2012b. 479 s.

4. Bart R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov = Introduction to the structural analysis of narrative texts // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / per. s fr. G. K. Kosikova. Moskva : Progress, 2000. S. 196–238.

5. Gerasimova I. A. Sovmestnoe myshlenie kak iskusstvo: opyt filosofsko-sinergeticheskogo issledovanija = Joint thinking as art: experience of philosophical-synergetic research // Sinergeticheskaja paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve / sost. i otv. red. V. A. Kopcik. Moskva : Progress-Tradicija, 2002. S. 156–182.

6. Gurina R. V., Sokolova E. E. Frejmovoe predstavlenie znanija = Frame representation of knowledge. Moskva : Narodnoe obrazovanie, 2005. 176 s.

7. Dokuchaeva R. M. Frejmovaja struktura vyskazyvanij kak marker edinogo kommunikativnogo prostranstva = Frame structure of utterances as a marker of a single communicative space // Vestnik Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2010. № 10. S. 5–16.

8. Durkina G. S. Frejmovaja organizacija hudozhestvennogo teksta (na materialah russkoj klassicheskoj i sovremennoj literatury) = Frame organization of artistic text (based on Russian classical and modern literature) // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 9. S. 90–93.

9. Erofeeva M. Frejm-analiticheskaja model' kommunikacii: vozmozhnosti i ogranichenija = Frame-analytical model of communication: possibilities and limitations // Sociologija vlasti. № 8. 2012. S. 36–49.

10. Zajchenko M. A., Jakovleva E. A. Rekursivnaja forma dvizhenija i ee projavlenija v kul'ture = Recursive form of movement and its manifestations in culture // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013 T. 155. № 1. S. 57–59.

11. Zajchenko M. A. Specifika rekursivnogo principa v jazyke i muzyke = Recursive principle specificity in language and music // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2014. № 1. S. 10–13.

12. Zinchenko V. P. Lichnost', bessoznatel'noe, tvorchestvo (interpretacija psihologa-metodologa) = Personality, the unconscious, and creativity (interpretation by a methodological psychologist) // Sovremennye metodologicheskie strategii: Interpretacija. Konvencija, Perevod : kollektivnaja monografija / pod obshh. red. B. I. Pruzhinina, T. G. Shhedrinoj. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2014. S. 277–306.

13. Ivanov S. P. Sub#ekt hudozhestvennogo dejstvija v postroenii i razvitii kul'turnyh sfer = The subject of artistic action in constructing and developing cultural spheres // Chelovek kak sub#ekt kul'tury / otv. red. Je. V. Sajko. Moskva : Nauka, 2002. C. 331–365.

14. Ivin A. A. Aksiologija = Axiology. Moskva : Jurajt, 2023. 342 s.

15. Kagan M. S. Ob jevristicheskoj cennosti informacionnogo podhoda v jestetike = On the heuristic value of the information based approach in aesthetics : v 1 t. / Kagan M. S. Izbrannye trudy v VII tomah. Sankt-Peterburg : ID «Petropolis», 2006. 356 s.

16. Kagan M. S. Filosofija kul'tury = Philosophy of culture. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1996. 415 s.

17. Karmin A. S. Kul'turologija = Culture studies. Sankt-Peterburg : Lan', 2001. 830 s.

18. Kolin K. K., Ursul A. D. Informacija i kul'tura = Information and culture. Moskva : Strategicheskie prioritety, 2015. 268 s.

19. Kondakov I. V. Chelovecheskaja i nechelovecheskaja kul'tura: obshhee i osobennoe = Human and non-human culture: common and special features / VI Rossijskij kul'turologicheskij kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kul'turnaja identichnost' v prostranstve tradicii i innovacii»: programma, tezisy dokladov, Moskva 30 oktjabrja – 1 nojabrja 2024 g. Moskva : Institut nasledija, 2024. 284 s.

20. Kupcova I. A., Sazonova V. A. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie: konceptual'nye podhody k opredeleniju fenomena = Intangible cultural heritage: conceptual approaches to defining the phenomenon // Observatorija kul'tury. 2022. № 19 (1). S. 56–64.

21. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and the explosion. Moskva : AST, 2018. 256 s.

22. Lotman Ju. M. Semiosfera = Semiosphere. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2010. 704 s.

23. Mastenica E. N. Muzejnyj predmet kak ob#ekt informacii i fakt kul'tury = The museum object as an object of information and a fact of culture // Chelovek v informacionnom prostranstve civilizacii: kul'tura, religija, obrazovanie: mezhdunar. nauch. konf. Krasnodar-Novorossijsk 19-21 sent. 2000 g.: tez dokl.; nauch. red. I. I. Gorlova i dr. Krasnodar, 2000. S. 87–90.

24. Mastenica E. N. Nematerial'noe nasledie kak ob#ekt muzeefikacii: teoretiko-metodologicheskie osnovanija = Intangible heritage as an object of museumification: theoretical and methodological bases // Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii. 2017. № 1 (1). S. 79–85.

25. Mol' A. Teorija informacii i jesteticheskoe vosprijatie = Information theory and aesthetic perception. Moskva : Mir, 1966. 352 s.

26. Nikolaeva E. V. Fraktaly gorodskoj kul'tury = Fractals of urban culture. Sankt-Peterburg : Strata, 2014. 264 s.

27. Pelipenko A. A. Smyslogeneticheskaja koncepcija kul'tury = The semantic-genetic concept of culture // Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmozhnosti ih integracii / pod red. Ju. M. Reznika. Moskva : Nauchno-politicheskaja kniga, 2012. 479 s.

28. Ryzhov V. P. Informacionnye aspekty samoorganizacii v iskusstve = Information aspects of self-organization in art // Sinergeticheskaja paradigma. Nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve / sost. i otv. red. V. A. Kopcik. Moskva : Progress-Tradicija, 2002. S. 156–182.

29. Spivak D. L. Kul'turnaja identichnost' i ee biologicheskie korreljaty = Cultural identity and its biological correlates // VI Rossijskij kul'turologicheskij kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kul'turnaja identichnost' v prostranstve tradicii i innovacii»: programma, tezisy dokladov, Moskva 30 oktjabrja – 1 nojabrja 2024 g. Moskva : Institut nasledija, 2024. 284 s.

30. Stepin V. S. Kul'tura = Culture : v t. 2 // Novaja filosofskaja jenciklopedija. Moskva : Mysl', 2001. S. 341–347.

31. Stepin V. S. Civilizacija i kul'tura: poisk novyh strategij razvitija chelovechestva v HHI stoletii (razmyshlenija nad novoj knigoj V. S. Stepina «Civilizacija i kul'tura») = Civilization and culture: searching for new strategies of human development in the XXI century (reflections on V. S. Stepin's new book Civilization and Culture). Sankt-Peterburg : SPbGUP, 2011. 408 s.

32. Suhonosova S. V. Vozmozhnosti frejm-analiza v formirovanii obraza goroda u studentov-kul'turologov: postanovka problemy = Frame-analysis possibilities in forming the image of the city among students of culture studies: stating the problem // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2016. № 1. S. 227–232.

33. Thagapsoev H. G., Astaf'eva O. N. Informacionno-semioticheskaja teorija kul'tury. Vvedenie = An information-semiotic theory of culture. Introduction / H. G. Thagapsoev, O. N. Astaf'eva, I. I. Dokuchaev, I. V. Leonov. Sankt-Peterburg : Asterion, 2020. 208 s.

34. Ursul A. D. Informacija. Metodologicheskie aspekty = Information. Methodological aspects. Moskva : Nauka, 1971. 296 s.

35. Ursul A. D. Kul'tura kak informacionnyj fenomen = Culture as an information phenomenon // Filosofskaja mysl': jelektronnyj zhurnal. 2013. № 8. S. 295–355. URL: htpp//e-notabene.ru/fr/article_508.html (data obrashhenija: 14.09.2024)

36. Flier A. Ja. Proishozhdenie kul'tury: novaja koncepcija kul'turogeneza = The origin of culture: a new concept of cultural genesis // Znanie. Ponimanie. Umenie: jelektronnyj zhurnal. 2012. №4. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/ (data obrashhenija: 10.08.2024)

37. Hohlova A. L. Tipologija semanticheskih frejmov v muzyke = Typology of semantic frames in music // Vestnik muzykal'noj nauki. 2017. № 2 (16). S. 29–35.

38. Cvetus-Sal'hova T. Je. «Telo» i «Telesnost'» v kul'turologicheskih issledovanijah = «Body» and «Corporeality» in cultural studies // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 351. S. 72–73.

39. Chernavskij D. S. Sinergetika i informacija = Synergy and information. Moskva : Nauka, 2001. 243 s.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 26.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 32.019.52
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-234
EDN: CHXIAC

Образ советской эпохи «застоя» в личных письмах писателя Л. Воробьева

Татьяна Леонидовна Каминская
Доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 173003, г. Великий Новгород, ул. Санкт-Петербургская, д. 41
tlkam1@mail.ru, https://orcid.org/000-0002-8371-787X

Аннотация. В статье рассматривается образ советского периода, именуемого сегодня эпохой «застоя», который реконструируется по текстам личных писем костромского и новгородского писателя Леонида Воробьева (1932–1976 гг.). Автора писем с некоторой долей условности относят к писателям-деревенщикам. По публикационной активности Леонида Воробьева можно считать успешным писателем, автором десятков книг, вышедших в Ярославле, Ленинграде и Москве, а рассматриваемые письма (более 200-х) написаны в самый плодовитый период творчества, в последнее десятилетие жизни писателя. Этот период связан с организацией в Новгороде отделения Союза писателей, чем был обусловлен переезд в город Леонида Воробьева.

Автор статьи обращается к тем фрагментам личной переписки, которые характеризуют социокультурную реальность эпохи, акцентируя внимание на событиях личной жизни, связанных с реалиями советского времени.

Особое внимание уделено таким аспектам, как жизнь творческого человека в идеологических координатах того времени, связанная с взаимоотношениями с издательствами и личностями редакторов; устройством быта в распределительной системе товарного дефицита и самой возможности жизни в советское время только литературным трудом.

Эпоха «застоя» исследуется методами дискурс-анализа и контент-анализа, представая многослойным противоречивым феноменом: в ней фиксируется, с одной стороны, зависимость творчества от советской идеологии, с другой – просветительские усилия государства и содействие образовательным и творческим практикам.

Актуальность статьи связана, во-первых, с самим материалом исследования и, во-вторых, с необходимостью с сегодняшней полувековой дистанции непредвзято осмыслить исторический период, который зачастую оценивается полярно и однозначно.

Ключевые слова: эпоха «застоя»; письма писателя; ностальгия по советскому; советская идеология; Леонид Воробьев; интерпретация советской реальности; издательская политика, советский быт

Для цитирования: Каминская Т. Л. Образ советской эпохи «застоя» в личных письмах писателя Л. Воробьева // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 234–241. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-234. https://elibrary.ru/CHXIAC

Original article

The soviet era of «stagnation» in personal letters of the writer L. Vorobyov

Tatiana L. Kaminskaya
Doctor of philological sciences, head of the department of journalism, Yaroslav the Wise Novgorod state university. 173003, Veliky Novgorod, St. Petersburg str., 41
tlkam1@mail.ru, https://orcid.org/000-0002-8371-787X

Abstract. The article examines the image of the Soviet period, referred to as the era of «stagnation», reconstructed on the basis of personal letters written by the Kostroma and Novgorod writer Leonid Vorobyov (1932–1976). The author of the letters conventionally belongs to the group of village writers. Judging from his numerous publications, Leonid Vorobyov can be considered a successful writer, the author of dozens of books published in Yaroslavl, Leningrad and Moscow, and the letters in question (more than 200) were written during the writer's most prolific period, which was the last decade of his life. This was the period when Leonid Vorobyov moved to Novgorod where the Novgorod branch of the Writers' Union was organized.

© Каминская Т. Л., 2024

The author of the article turns to the fragments of the letters that describe the social-cultural reality of the period, focusing on the events of personal life related to the Soviet realities.

The article pays special attention to such aspects as the life of a creative person within the ideological framework of that time, including relationships with publishing houses and editors' personalities; the arrangement of everyday life in the distribution system of commodity shortages; and the very possibility of earning a living in the Soviet times through literary work alone.

The author analyzes the period of «stagnation» using the methods of discourse analysis and content analysis, showing a multilayered contradictory phenomenon: noting, on the one hand, the dependence of creative work on Soviet ideology, and, on the other hand, the state's efforts of enlightenment and promotion of educational and creative practices.

The relevance of the article is connected, firstly, with the research material itself, and, secondly, with the need, after half a century, to impartially comprehend the historical period, which is often assessed in polar and unambiguous terms.

Key words: the era of «stagnation»; writer's letters; nostalgia for the Soviet; Soviet ideology; Leonid Vorobyov; interpretation of Soviet reality; publishing policy, Soviet everyday life

For citation Kaminskaya T. L. The Soviet era of «stagnation» in personal letters of the writer L. Vorobyov. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):234–241. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-234. https://elibrary.ru/CHXIAC

Введение

Осмысление советской эпохи периода «застоя» осуществляется в искусстве и в науке. К настоящему моменту данному феномену посвящены несколько десятков публикаций, содержащихся в базе РИНЦ. Как правило, в них СССР рассматривается чаще всего как экономический проект [Ершов, Любимов, 2019], как социально-идеологический конструкт [Лушин, Утешева, 2019] и как среда для существования довольно экзотических явлений (таких, например, как нонконформистское искусство [Суворова, 2021] или советский анекдот [Капустина, 2012]). Зачастую наука предъявляет цифры и показатели, предлагая на их основании разделить «застой» на два периода, в первой части которого «(приблизительно 1964–1975 гг.) еще не ощущался фундаментальный кризис советской системы управления общественными отношениями, о чем может свидетельствовать повышение материального уровня советских граждан, укрепление социальных гарантий» [Упоров, Тицкий, 2021, с. 504]. При этом чаще всего в исследованиях не содержится сведений о самоощущении граждан, живших в тот период.

При этом «застой» получает самые полярные оценки наших современников – от номинации «ледниковый период» [Каравайцева, 2012], до повода для ностальгических переживаний [Оглезнева 2018]. Интересно при этом, что ностальгию по советскому транслирует молодое поколение, не жившее в тот период [Романова, Федорова, 2021]. Этот факт не в последнюю очередь связан с текстами медиа и произведениями искусства о периоде «застоя», которые от разоблачительных историй 1990-х годов перешли в 2000-х к изображению «застоя» как стабильного и безмятежного времени. В целом, ностальгия по прошлому в искусстве, как указывают исследователи, явление не новое: «эксплуатируется образ идеального прошлого, которое ощущается как потеря, но в котором современные жители России испытывают потребность, что становится важным для актуализации духовных оснований современного общества, в чем, собственно, и заключается парадокс современности» [Злотникова, Куимова, 2021, с. 141].

Востребованность осмысления советского времени подчеркивается культурологами: «Восприятие советского в современной культуре обновляется в последние годы с высокой частотой: чем больше в жизни политики, тем больше сложности, эмоционального накала и двусмысленности в этом восприятии» [Дидковская, 2022, с. 159].

Представляется важным при исследовании образа «застоя» осмыслить его социокультурное пространство, являющееся сложным феноменом; оно «изначально объединяет культурную и социальную составляющие, которые взаимосвязаны и взаимозависимы» [Ерохина, 2023, с. 243]. В этом пространстве нельзя недооценить роль творческой советской интеллигенции, ставшей «фактором не только творческого подъема, но и перехода от монокультуры к культурному многообразию. Отдельные произведения поражают своей глубиной, отражением личностных чувств персонажей. После эпохи «оттепели» даже период «застоя» не мог существенно повлиять на запрос науки, культуры и искусства, на человечность, ориентацию на личность, ее заботы, интересы, права» [Лушин, Утешева, 2019, с. 122].

Личные письма того времени представляются удачным материалом для непредвзятого образа того времени, поскольку в отличии от авторов мемуаров и произведений искусства их авторы

допускают меньше искажений повседневности и метафоризации, так как адресованы современникам.

Рассмотрение личных писем как релевантного источника исторических сведений и фактов личных биографий известных людей имеет давнюю традицию [Никонова, Жумлякова, 2022]. Особняком здесь стоит переписка писателей, поскольку именно писателям свойственно профессиональное умение подмечать детали и вписывать события личной жизни в социальный контекст современности [Карташова, Бобыкина, 2021]. Отмечалось, что писательское письмо «обладает индивидуальными характеристиками, которые находят реализацию как в содержании, письмо выполняет информативную (сбор материала) и коммуникативную (соотнесение материала с личностью адресата) функции, так и во внешней форме» [Минибаева, Жигалова, 2023, с. 66].

Методы и материал исследования

Для реконструирования образа советской эпохи «застоя» автор использовала дискурсивный и коммуникативно-прагматический подходы, позволяющие учесть лингвистические и тематические аспекты репрезентации образа в общем поле межличностной коммуникации. Материалом исследования послужили более 200 личных писем писателя Леонида Воробьева, написанных им за последнее десятилетие жизни (1967–1976) из Новгорода (*ныне – Великий Новгород*), к своему галичскому другу Олегу Каликину.

Методом контент-анализа отобраны ключевые слова и темы писем, характеризующие социокультурную реальность того времени.

Результаты исследования

Сегодня сведения о советском писателе Леониде Воробьеве можно найти не только в краеведческих электронных ресурсах [Костромской и новгородский писатель…] и в новостях региональных медиа к юбилеям [Томмингас, 2021], но и критических очерках [Дедков, 1981], в научных публикациях [Каминская. Воробьев, 2009; Каминская, 2022]. В Новгород писатель с семьей из костромских мест переехал в 1967 году по приглашению местных властей для организации новгородского отделения Союза писателей [В Великом Новгороде сегодня вспоминают…]. Конец 1960-х ознаменован организацией разветвленной по стране сети творческих союзов, членами которых могли стать авторы, имеющие за плечами опубликованные книги или персональные художественные выставки. Новгородское писательское отделение сформировалось из минимально необходимых для организации пяти членов, которых искали по всей стране, гарантируя благоустроенное жилье:

А вот квартира, город, расположение дома радуют…Понимаешь, Олег, зима на носу, а никакой заботы о воде, дровах, уюте и прочем, чего никогда бы не смог получить в Костроме (10.10.1967).

В письмах подробно описаны реалии переезда и обустройства, ожидания приезда других писателей, смены приехавших. Так, не прожил в городе и года писатель из Якутии Юрий Шамшурин, на смену которому приехал Владимир Кулагин: <…> *Две недели, как мне сняли гипс с ноги. Хожу уже нормально. Даже в Москву решил поехать не поездом, а автобусом, точно по маршруту Радищева.* (В Москву командировка по делам организации отделения Союза писателей в Новгороде).

Приятель мой Шамшурин уехал назад в Якутию. Здесь, говорит, с голоду подохнешь. А там ему обещают двухтомник.

<…> 21 сентября было организовано отделение СП. Я, как беспартийный, как всегда, в ревкомиссии. Всего нас пять человек: два поэта, три прозаика. Один переводчик еще, остался прикрепленным к Ленинграду. Четверо из нас – на пенсии. Привычная картина. (10.10.1967);

<…> *Приедет сюда поэт Владимир Кулагин. Пока я его не видел.*

Я веду переписку с Лениздатом, там мой сборник на рецензии, не забываю и Ярославль (22.09.1968).

Что касается писательских дач и санаториев, то ими пользовалась преимущественно столичная писательская элита, писатели же в регионах на общих основаниях покупали или получали пресловутые, полагающиеся всем советским людям, 6 соток земли для дачных дел:

Подзанял я денег и купил дачу… Дача – огород с домиком. Шесть соток, в основном, клубника. Я домик покрасил внутри и снаружи. Оклеил обоями. Сделал мелкие улучшения. И уже две ночи с сыном там ночевали. В общем, дачник. 365 рублей с инвентарем. (16.07.1969).

Живя в Новгороде, а автор писем старается не терять связи с волжскими городами и Верхне-Волжским издательством <…> *В остальном жизнь течет по-прежнему, по-тихому. Печатаю тут рукопись, о которой писал, для Ярославля. Напечатали в шестой «Волге» мой рассказ. Пятый уже раз я в ней печатаюсь. Этот рассказ*

сильно нравился Дедкову. Там концовка, если подумать, по нынешним временам загибистая. Не думал я, что его напечатают. Вызывающий рассказ (23.09.69).

Причем, интересно, что выбор издательства обусловливался не только объективными причинами (местом проживания или востребованностью автора в центрах), но и причинами личного характера:

<…> теперь о своей повестушке… Написал за советом в три адреса: тебе, Никольскому и Дедкову. Все – за «Современник». А отдал в «Волгу». Не могу я быть перекати-полем. Ведь «Волга» выручала меня в тяжелые времена: пять рассказов дала, один за одним. Критическую статью. Анонсирует каждый год. И вышло бы, что провинциальной Золушке предпочел столичную невесту. Не дело это (4.10.71).

Между издательствами, как и между авторами, существовала конкуренция, хотя это слово в советское время практически не употреблялось. При этом существовали и неписанные правила (например, нельзя было издать две книги в один год в разных издательствах, особенно обижались столичные на публикации в региональных):

<…> Подписал верстку для «Волги». Почему для нее – объяснял тебе в письме. А «Наш Современник» рассердился, прислал верстку, с портретом, с отличным рисунком, с биографической справкой и приписку, что, мол, теперь выдерут с меня за набор и клише. Вот так. (30.10.71).

Перед самым Новым годом позвонили, что без моего ведома (Ура!) включили в план издания 1976 года небольшую книжку рассказов в издательстве «Современник». Сделали ее в подарочном оформлении. Четырежды Ура!

Ан нет. Не по Сеньке шапка. Вдруг в «Лениздате» заколодило. И перенесли меня на 76 год. Сие не страшно. Аванс получен. Никуда не уйдут.

Но в Москве – компьютер. Две книги в один год нельзя. Мне письма, звонки, а я лежу – помираю, меня колют…. Да, почему я такую секретность предлагаю. Был тайный сговор с Ярославлем на 1977 год. А две книги в год нельзя… Сказка про белого бычка. Пока затаился, куда кривая вывезет… 1-го областное совещание. Мой семинар писательский. Идти бы надо… Тогда врачи плюнут лечить. Сожрал вагон лекарств. А и писать не мог, и читать худо (30.01.75).

Отношения с советской цензурой – отдельная тема писательских писем, причем изменения в тексты вносились, порой, в последний момент перед изданием книги, и нередко, даже без ведома автора, что объяснялось не только требованиями «системы», но и человеческим фактором редакторов:

Здорово, Олег!

Привет всем твоим домочадцам. Посылаю вот газету с новым рассказом. ***Испохабили рассказ здорово, но кое-что осталось.***

<…> Дело идет к весне, летом думаю совершить обычный вояж, загляну и на Костромщину. А послезавтра еду с бригадой выступать по области. Как в Костроме. Ведь и здесь я в Союзе писателей самый молодой.

Спасибо за пожелание выступить где-нибудь с рассказом. Вроде бы «Волга» рассказ приняла, да он тебе знакомый. Вроде бы «Полярная звезда» (Якутия) рассказ взяла. Вроде бы Лениздат включил меня в план 70-го года. Дай Бог (30.01.1968).

<…> Книжка в Лениздате, видимо, выйдет в декабре, книжка в Ярославле на днях будет сдана в набор. ***Последнее меня огорчает. Два года говорил, что приеду, посмотрю перед набором. А они – раз и квас.*** *Уж не хитрят ли, не уменьшают ли договорный объем? Все может быть, пока меня тут нет. А книжке этой придаю первостепенное значение. Десятая, отчетная, к сорокалетию!* (30.10.71).

А дел навалилось… Звонят из Ленинграда, уточняют все со второй версткой (книжка должна выйти к маю). Потом самая главная верстка – «Современник». Вычитал полубольной. И расстроился. ***Редакторша отобрала все новое, зав. лит многое повыкинул – заменил апробированным: ответственности меньше.*** *Опять старое. Обидно. И с деньгами хуже. Хорошо, что хоть «Щепова» да «Знакомое лицо» сохранили.* (17.03.73).

<…> Лениздат. Книжка по графику должна быть сдана в производство с 1 по 5 марта. Я в больнице. Наверное, редакторша обрывает телефон у меня на дому. А жена на службе. Книга может еще затянуться. Пусть. ***Все равно все хорошее из нее долой, и это подобрал «Советский писатель». Трусы, гниды и сволочи. Сделали мне что-то второго издания «Долгой жизни». Острота прочь. Ни денег, ни удовлетворения от этой книги я не получу. Если бы выходила она одна – пришлось бы краснеть.***

Три года редакторша мотала мне душу. Обманывала меня и начальство, оттягивая сдачу. Такого свинства я еще не видел. Ей на пенсию, работать неохота, и она решила закончить работу на мне. Она «больная», а

Воробьев «сложный». А в феврале уехала она на Кавказ…

Как я жил эти годы, когда договор с Лениздатом связал по рукам и ногам. Вдруг подарок с неба – «Советская Россия» – и книжка на столе.

Другой год – другой подарок. Бог есть. «Современник» - сами!!!Так еще Лениздат тут же завел дело – две книги за один год…

Третий год – «Советский писатель», и завтра – даже не верю – пришлют.

Причем начислено 1800 руб, получу чуть больше 1500.

Но в этом ли суть? Столько дыр, что это не деньги. (2.03.76).

Многократно в письмах рассказывается о писательских поездках с выступлениями по стране и области, которые, после небывалой популярности творческой интеллигенции в период оттепели и в «застой» вызывали большой интерес у широкой публики. В одном из писем указано, что в год происходит более 20ти таких командировок, и неизменно на встречи собираются сотни людей. Писатели выступали в цехах и школах с лекциями по истории литературы, рассказывали о современной прозе, читали стихи. Командировки служили и для сбора материала для самих писателей, которые в это время совершенно не выглядели богемой и таковыми не являлись. На широкую ногу была поставлена просветительская работа, а также работа с творческой молодежью:

<…> У меня декабрь проходил в поездках и трудах. Даже и сегодня – семинар молодых авторов. Напишу тебе и пойду.

6го декабря я выехал в Ленинград, сделал кое-какие дела, и в Москву. «Долгая жизнь» вышла, в Ярославле – книжка в наборе (кстати, данные о ней ты можешь прочитать в плане «Верхней Волги» на 1972 год, что есть в любом книготорге), теперь, думаю, надо оккупировать столицу.

<…> 14го был в Чудове. Открывали музей и памятник Некрасову. 16го -19го был в Окуловке. Проводили кустовой семинар (25.12.71).

<…> Вот и езжу по районам Новгородской области. Добираю первоначальный вариант книжки. Заодно зарабатываю на радио и в газете. Был в Пестове (в мае). Район похож на Кологрив. Потом в Демянске (это Селигер). Потом в знаменитом Валдае. (17.06.71).

<…> Неделю сидел, еще безработица.

Ну а сейчас, как лев, кинулся в работу, в заработки. Опять рецензии, командировки, выступления.

В командировках одно хорошо: повидал много производств. В цехах выступал. Видел, как делают фарфор, мебельную фурнитуру, стеклянную посуду, перчатки, телевизоры, джутовые мешки и проч. (8.03.71).

Творческие командировки для написания очерков и статей по заказам редакций газет были небольшим финансовым подспорьем для писателей, поскольку членство в писательской организации служило, скорее, возможностью не считаться «тунеядцем», не имея стабильной работы.

<…> Весь август просидел за очерками. Небывалый случай: Кологрив зверски взбодрил меня, и я написал пять очерков. Точнее, в пяти частях один очерк. Больше трех печатных листов. За одно лето.

Послал в «Правду», откуда командировку брал. А там и еще и набранного дать не могут. Копии – в «Наш Современник» и «Северную правду».

Просьба. Если что-то начнет появляться в «Северюге» – посылай мне. Пожалуйста. Боюсь, обкарнают.

В №8 «Молодой гвардии» есть статейка обо мне: «За двумя волоками».

2-го сентября сын пойдет в 10ый, дочь в первый класс. Все опять повторится сначала… (31.08.74).

Впрочем, постоянное ожидание гонораров и вынужденность несистемных заработков – советская обыденность для многих творческих советских людей, как и жизнь в долг.

Здравствуй, Олег!

Неудобно отвечать тебе на письмо: все грошей не могу послать. Десять раз собирался, но то один прорыв, то другой. В марте как-нибудь стабилизирую положение и должен рассчитаться. Вообще-то говоря, в январе я заработал до черта. Применил и использовал все: платные выступления, публикации, рецензии и т.д. Заработал триста – а долгов четыреста. Сказались: моя поездка на Урал к родителям и сессия жены: не зарабатывал в то время. Ну несколько выкрутился, а февраль – опять прорыв. Февраль сидел в Питере с редактором. (8.03.71).

Самые необходимы вещи, по сегодняшним представлениям, семья писателя смогла приобрести только на пятый год после переезда:

<…> Теперь еще одна новость: написал я еще маленькую повестушку. Однако очень острую – не знаю, пойдет ли куда. Но написал, брат. И доволен – выговорился. Тем более, что очерк да всякие житейские мелочи могли отвлечь, и тянул бы все. Буду посылать. Дома все в норме. Получил за прежнюю повесть: сразу все и размаркидонил.

Семья не мала, да и дыр хватает. Кое-что из барахла купил, стиральную машину «Сибирь» да пылесос «Вихрь». Теперь вроде все есть, да белить, красить надо. Ну, это к лету. (10.02.72).

Вопреки сложившимся представлениям о тотальном атеизме советских лет «застоя» и несмотря на массированную антирелигиозную советскую пропаганду, письма писателя показывают большой интерес его современников к деятелям церкви прошлого, у многих людей – к религиозным практикам, об этом свидетельствуют не только упоминания о родственнике, историке русской церкви, но и всевозможные апелляции к Богу:

<…> Я все надеюсь на творческую командировку… Надо мне побывать в парфеньевском районе. Я, наверное, писал тебе о Е.Е. Голубинском, – прадеде? Профессоре Московской Духовной Академии? И атеисты, и церковники вспоминают его. А я упомянул («В гости к Щепову», да и наболтал «под шафе»). И полезли ко мне со всех сторон: подари, продай… А ничего и нет. В родовом доме (если все не сожгли) должно кое-что быть. Тетки дали согласие. Хочу поехать… (17.06.76).

<…> А приезжали тут из Академии наук, и я узнал, что на прадеда моего сейчас дикая, совершенно невообразимая мода. (2.06.1976).

Необходимо заметить, что командировка оказалась в смысле поиска артефактов, оставшихся от профессора Е. Е. Голубинского, безрезультативной.

Не обходятся письма без упоминаний привычных советских реалий – дефицита товаров; здесь писатели имели некоторые преференции, но только в приобретении книг и подписок на многотомные издания (практика издавать подписные издания закончилась в 1990-е годы):

<…> Решил послать тебе вот эту книжицу. У вас, поди, ее нет. Большую часть тиража взял Новгород, ибо это о нас. А мне уж больно понравилась.

Были новгородские иконы (альбом) по 7 рублей. Те не успел ухватить даже себе. А в Питере ими аж спекулируют. (17.02.75).

<…> ***Сумел подписаться на 50-титомную библиотеку для детей. Большой успех: из-за нее тут передрались все.*** *Издание, видимо, будет отличным… 1-го августа выезжаю в творческую командировку. Союз писателей благословил на 20 дней.* (13.07.76).

В последних, предсмертных письмах писателя ощущается усталость от бесконечной борьбы при издании текстов и ожиданий выхода публикаций и гонораров, однако позитивный настрой связан с возможностью творческой работы – ***пишется***:

<…> Хорошо, что ты пишешь, а то как-то тоскливо, тошно. Зима необычно суровая для здешних мест. Да и простыл. Вот сижу дома, хандрю. А водки не пью…

Для меня это – большое утешение. Да еще при моей болезненной страсти к порядку в делах. Все в порядок привел. Даже на книги нечто вроде каталога составил…

<…> Пусть денег мало – будут. Все-то дела в порядке, везде-то написано, позвонено. Отчет Литфонду подписал в срок.

<…> Вот, пожалуй, и все. Ждем весны, а я особенно. Как всегда, жду «остаточка» от издательского договора, и новой книжки, и решения вопроса в других издательствах.

Так вот вся жизнь в ожиданиях. Лежат вот у меня две посмертные книги Шукшина – тоже всю жизнь, как он пишет, ждал, когда бросит кино и примется за писание по-настоящему. И дождался. Вышли сейчас две книги рассказов и киносценарий. И печатать больше нечего. И его нет…(19.01.76).

Отсутствие денег и «жизнь взаймы» – привычные реалии для российского писателя всех времен, и в этом смысле советская эпоха – не исключение:

Дома, когда уезжал, все было в норме. Правда, безденежье: похороны, поездки. Но мы к этому привыкли: перепады все время. (15 дек 1975).

<…> Денег нет… А настроение ничего. А потому, что пишется. В областную газету фельетоны запустил. А когда ты получишь это письмо, допишу, даст Бог, большой рассказ. Смело и откровенно пишу в стол. Но посылать в издательства буду. Любопытны ответы. Название – «Ресторан»… А тебе посылаю афишу : можешь повесить ее в мансарде или в туалете. Посмотреть и вспомнить: вот чем приходится заниматься на старости лет. «Кормимся, Ваше Сиятельство» **(Последнее письмо, 9.09.76)**.

Надо отметить, что по советским меркам 40-летие считалось уже началом старости, а не временем расцвета, как сегодня. Письма изобилуют сообщениями о смертях друзей и знакомых из писательской среды, едва перешагнувших 50-летний рубеж. До старости в понимании сегодняшнего дня писатель не дожил.

Заключение

Эпоха «застоя» предстает перед читателями личных писательских писем противоречивым феноменом, с одной стороны, как характеризующаяся выстроенной государственной политикой под-

держки образования, просвещения и творческих союзов, с другой – как отсутствие стабильности и уверенности в завтрашнем дне у человека, живущего только плодами своего творческого труда. Не случайно самыми частотными словами писем являются слова *ожидание* (выхода в свет книг, публикаций, договоров, денег), *командировка* (творческая, с выступлениями, для написания очерков и переговоров с издательствами), а самые частотные темы: цензурирование в издательствах, необходимость содержать семью и зависимость от несистемных заработков.

В то же время разрушается стереотип о невостребованности во время «застоя» инициативы, отсутствии конкуренции и личностного фактора в принятии издательских и государственных решений.

Автор статьи благодарит Людмилу Каликину и всю ее семью за хранение писем на протяжении полувека.

Библиографический список

1. В Великом Новгороде сегодня вспоминают одного из основателей новгородской писательской организации // газета «Новгород» от 07.04.2024. URL: https://gazetanovgorod.ru/novosti/v-velikom-novgorode-segodnya-vspominayut-odnogo-iz-osnovatelej-mestnoj-pisatelskoj-organizaczii.html?ysclid=lxe4kop3bp665880629 (дата обращения: 13.09.2024)

2. Дедков И. Терпение и надежда // Во все концы дорога далека : лит.-критич. статьи. Ярославль, 1981. С. 147–164.

3. Дидковская Н. А. Рецепция советской эстетосферы в культуре современной России // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 151–161.

4. Ерохина Т. И. Социокультурное пространство как фактор формирования духовно-нравственных ценностей // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 241–249.

5. Ершов Б. А., Любимов А. В. Период развитого социализма в СССР: вехи истории // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 1 (18). С. 22–29.

6. Злотникова Т. С., Куимова В. М. Ностальгия по советскому в современном медиапространстве // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 133–143.

7. Каминская Т. Л. Проза шестидесятников как источник региональной идентичности современников (костромской и новгородский писатель Леонид Воробьев) // В сборнике: Кострома. Genus Loci. Альманах. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / сост. и отв. редактор А. В. Зайцев. Кострома, 2022. С. 60–64.

8. Каминская Т. Л., Воробьев Л. Л. «И нашлась та родная сторона…»: Леонид Иванович Воробьёв (1932–1976) // Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород, 2009. С. 859–864.

9. Капустина О. В. Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 9–12.

10. Каравайцева И. С. «Ледниковый период»: поэзия, власть и общество в Советском Союзе эпохи застоя // в сб: Культура и история в компаративном измерении: материалы I Всероссийского научно-методологического семинара. 2012. С. 118–125.

11. Карташова Е. П., Бобыкина Е. Н. Частное письмо в эпистолярии С. Довлатова: стилевой аспект // Вестник марийского государственного университета. Т. 15. № 1. 2021. С. 92–97.

12. Костромской и новгородский писатель Леонид Иванович Воробьев // Костромка.ру. URL: https://lib.kostromka.ru/vorobyov/index.php (дата обращения: 09.08.2024)

13. Лушин А. И., Утешева О. В. Социальная сущность и исторические особенности формирования творческой интеллигенции Ленинграда в 1965–1985 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 120–126.

14. Минибаева С. В., Жигалова Я. И. Эпистолярный жанр как форма репрезентации языковой личности // Казанская наука. №7. 2023. С. 65–67:

15. Никонова С. И., Жумлякова О. С. Личные документы как исторический источник (по материалам проекта «Наследие») // Гуманитарные науки в XX веке: интернет-журнал. 2022. № 18. С. 34–45.

16. Оглезнева Е. А. Рецензия на книгу: «ностальгия по советскому» // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 55. С. 260–269.

17. Романова А. П., Федорова М. М. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения Российской Федерации // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22 (1). С. 6–18.

18. Суворова А. А. Советское наивное искусство: между конформностью и нон-конформизмом // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2021. № 3. С. 82–90.

19. Томмингас Т. Архивы раскрывают тайны. Леонид Воробьев – писатель из советского прошлого // 53Новости от 22.01.2021.. URL: https://53news.ru/novosti/64373-arkhivy-raskryvayut-tajny-leonid-vorobjov-pisatel-iz-sovetskogo-proshlogo.html?ysclid=lxe4hq8nsr578129177 (дата обращения: 23.08.2024)

20. Упоров И. В., Тицкий И. А. Период «застоя» в СССР: социально-политическая характеристика // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 3–6 (73). С. 504–507.

Reference list

1. V Velikom Novgorode segodnja vspominajut odnogo iz osnovatelej novgorodskoj pisatel'skoj organizacii = Veliky Novgorod today remembers one of the founders of the Novgorod Writers' Organization // gazeta «Novgorod» ot 07.04.2024. URL:

https://gazetanovgorod.ru/novosti/v-velikom-novgorode-segodnya-vspominayut-odnogo-iz-osnovatelej-mestnoj-pisatelskoj-organizaczii.html?ysclid=lxe4kop3bp665880629 (data obrashhenija: 13.09.2024)

2. Dedkov I. Terpenie i nadezhda = Patience and hope // Vo vse koncy doroga daleka : lit.-kritich. stat'i. Jaroslavl', 1981. S. 147–164.

3. Didkovskaja N. A. Recepcija sovetskoj jestetosfery v kul'ture sovremennoj Rossii = Reception of the Soviet esthetic sphere in the modern Russian culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 4 (31). S. 151–161.

4. Erohina T. I. Sociokul'turnoe prostranstvo kak faktor formirovanija duhovno-nravstvennyh cennostej = Sociocultural space as a factor of forming spiritual and moral values // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 4 (35). S. 241–249.

5. Ershov B. A., Ljubimov A. V. Period razvitogo socializma v SSSR: vehi istorii = The period of developed socialism in the USSR: milestones of history // Problemy social'nyh i gumanitarnyh nauk. 2019. № 1 (18). S. 22–29.

6. Zlotnikova T. S., Kuimova V. M. Nostal'gija po sovetskomu v sovremennom mediaprostranstve = Nostalgia for the Soviet in contemporary media space // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021. № 2 (119). S. 133–143.

7. Kaminskaja T. L. Proza shestidesjatnikov kak istochnik regional'noj identichnosti sovremennikov (kostromskoj i novgorodskij pisatel' Leonid Vorob'ev) = The prose of the sixties as a source of contemporary regional identity (Kostroma and Novgorod writer Leonid Vorobyov) // V sbornike: Kostroma. Genus Loci. Al'manah. Materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / sost. i otv. redaktor A. V. Zajcev. Kostroma, 2022. S. 60–64.

8. Kaminskaja T. L., Vorob'ev L. L. «I nashlas' ta rodnaja storona…»: Leonid Ivanovich Vorob'jov (1932–1976) = «And that native land was found...»: Leonid Ivanovich Vorobyov (1932–1976) // Novgorodskij kraj v russkoj literature. Velikij Novgorod, 2009. S. 859–864.

9. Kapustina O. V. Sovetskij anekdot kak istoricheskij istochnik dlja izuchenija obraza intelligenta = Soviet jokes as a historical source for studying the image of intelligentsia // Intelligencija i mir. 2012. № 4. S. 9–12.

10. Karavajceva I. S. «Lednikovyj period»: pojezija, vlast' i obshhestvo v Sovetskom Sojuze jepohi zastoja = «Ice Age»: poetry, power and society in the Soviet Union of the stagnation era // v sb: Kul'tura i istorija v komparativnom izmerenii: materialy I Vserossijskogo nauchno-metodologicheskogo seminara. 2012. S. 118–125.

11. Kartashova E. P., Bobykina E. N. Chastnoe pis'mo v jepistoljarii S. Dovlatova: stilevoj aspekt = Personal letters in S. Dovlatov's epistolary: a stylistic aspect // Vestnik marijskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 15. № 1. 2021. S. 92–97.

12. Kostromskoj i novgorodskij pisatel' Leonid Ivanovich Vorob'ev = Kostroma and Novgorod writer Leonid Ivanovich Vorobyev // Kostromka.ru. URL: https://lib.kostromka.ru/vorobyov/index.php (data obrashhenija: 09.08.2024)

13. Lushin A. I., Utesheva O. V. Social'naja sushhnost' i istoricheskie osobennosti formirovanija tvorcheskoj intelligencii Leningrada v 1965–1985 gg. = Social essence and historical features of forming Leningrad's creative intelligentsia in 1965-1985 // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. 2019. № 4 (52). S. 120–126.

14. Minibaeva S. V., Zhigalova Ja. I. Jepistoljarnyj zhanr kak forma reprezentacii jazykovoj lichnosti = Epistolary genre as a form of linguistic personality representation // Kazanskaja nauka. №7. 2023. S. 65–67:

15. Nikonova S. I., Zhumljakova O. S. Lichnye dokumenty kak istoricheskij istochnik (po materialam proekta «Nasledie») = Personal documents as a historical source (based on the materials of the project Heritage) // Gumanitarnye nauki v HH veke: internet-zhurnal. 2022. № 18. S. 34–45.

16. Oglezneva E. A. Recenzija na knigu: «nostal'gija po sovetskomu» = Book review: «nostalgia for the Soviet» // Vestnik Tomskogo universiteta. Filologija. 2018. № 55. S. 260–269.

17. Romanova A. P., Fedorova M. M. «Sovetskaja nostal'gija» nesovetskogo cifrovogo pokolenija Rossijskoj Federacii = «Soviet nostalgia» of the non-Soviet digital generation in the Russian Federation // Juzhno-Rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2021. T. 22 (1). S. 6–18.

18. Suvorova A. A. Sovetskoe naivnoe iskusstvo: mezhdu konformnost'ju i non-konformizmom = Soviet naive art: between conformity and non-conformism // Novoe iskusstvoznanie. Istorija, teorija i filosofija iskusstva. 2021. № 3. S. 82–90.

19. Tommingas T. Arhivy raskryvajut tajny. Leonid Vorob'ev – pisatel' iz sovetskogo proshlogo = Archives reveal secrets. Leonid Vorobyov, a writer from the Soviet past // 53Novosti ot 22.01.2021. URL: https://53news.ru/novosti/64373-arkhivy-raskryvayut-tajny-leonid-vorobjov-pisatel-iz-sovetskogo-proshlogo.html?ysclid=lxe4hq8nsr578129177 (data obrashhenija: 23.08.2024)

20. Uporov I. V., Tickij I. A. Period «zastoja» v SSSR: social'no-politicheskaja harakteristika // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 3–6 (73). S. 504–507.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 94
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-242
EDN: BOGOOF

Элементы культурно-цивилизационной матрицы локальной цивилизации Республики Сейшельские Острова

Елена Ивановна Елизова[1]✉, **Надежда Юрьевна Ланцевская**[2]
[1]Кандидат педагогических наук, начальник отдела по международной деятельности, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, Шадринский государственный педагогический университет. 641870, г. Шадринск, ул. Карла Либкнехта, д. 3
[2]Кандидат культурологии, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, Шадринский государственный педагогический университет. 641870, г. Шадринск, ул. Карла Либкнехта, д. 3
[1]elisowa@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0002-1060-3513
[2]detkovanu@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0002-0440-8471

Аннотация. Интерес России к международному сотрудничеству с Африкой возрастает с каждым годом. Республика Сейшельские Острова, как «малая страна» и локальная цивилизация на Африканском континенте, обладают весомым потенциалом для взаимодействия с Россией в сфере бизнеса и туризма. В 2023 году Шадринским государственным педагогическим университетом при поддержке Министерства просвещения РФ в столице Сейшельских островов начал функционировать Центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку в целях продвижения русского языка и российской культуры. Изучение возможностей включения русского языка как иностранного в программу образовательных учреждений Сейшельских островов становится «вызовом» в контексте современных геополитических условий и культурно-цивилизационных особенностей Сейшельского мира, а также раскрывает базовые ценности в рамках одной локальной цивилизации, транслируемые через сформировавшуюся языковую картину жителей архипелага Сейшельских островов.

В статье анализируются подходы к пониманию локальной цивилизации, локальной культуры, культурно-исторических типов, культурно-цивилизационной матрицы в контексте исторических, культурологических и философских взглядов ученых XX века и первой четверти XXI века. Авторы данной статьи берут за основу положение, согласно которому культурно-цивилизационная матрица отражает специфику основных сфер жизни общества – материальную, экономическую, информационно-семиотическую (язык, смыслы, искусство и пр.). В связи с этим подробно рассматривается процесс генезиса сейшельской цивилизации и культуры, охватывающий активный период становления с 1756 г. по 1976 год и связанный с полиэтническим влиянием африканских, азиатских и европейских народов, а также особенностями природно-климатических условий. Постулируется влияние мифологических и религиозных верований на формирование менталитета сейшельцев. В качестве одного из значимых элементов культурно-цивилизационной матрицы рассматривается креольский язык, претендующий на статус самостоятельного, несмотря на очевидную связь с фонетикой, грамматикой, вокабуляром европейских, африканских и азиатских языков.

Ключевые слова: Африка; Республика Сейшельские Острова; культурно-цивилизационная матрица; локальная цивилизация; культура

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ, в рамках исполнения государственного задания для ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» на прикладную НИР «Влияние культурно-цивилизационных особенностей развития на систему образования в Республике Сейшельские Острова» № 073-00022-24-03 от 23 августа 2024 года

Для цитирования: Елизова Е. И., Ланцевская Н. Ю. Элементы культурно-цивилизационной матрицы локальной цивилизации Республики Сейшельские Острова // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 242–252. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-242. https://elibrary.ru/BOGOOF

© Елизова Е. И., Ланцевская Н. Ю., 2024

Original article

Elements of the cultural and civilizational matrix of the local civilization of the Republic of Seychelles

Elena I. Elizova[1]✉, Nadezhda Yu. Lantsevskaya[2]
[1]Candidate of pedagogical sciences, head of the department of international work, associate professor, department of philology and social-humanitarian disciplines, Shadrinsk state pedagogical university. 641870, Shadrinsk, Karl Libknecht str., 3
[2]Candidate of culturology, associate professor, department of philology and social-humanitarian disciplines, Shadrinsk state pedagogical university. 641870, Shadrinsk, Karl Libknecht str., 3
[1]elisowa@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0002-1060-3513
[2]detkovanu@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0002-0440-8471

Abstract. Russia's interest in international cooperation with Africa is growing every year. The Republic of Seychelles, as a «small country» and a local civilization on the african continent, has significant potential for cooperation with Russia in the field of business and tourism. The Center for Open Education in Russian and Russian language teaching was set up in the capital of Seychelles in 2023 by Shadrinsk state pedagogical university supported by the RF Ministry of Education in order to promote the russian language and russian culture. Studying the possibilities of including russian as a foreign language in the curriculum of Seychelles educational institutions becomes a «challenge» in the context of modern geopolitical conditions and cultural-civilizational specifics of the Seychelles world, and also reveals the basic values within one local civilization, transmitted through the established linguistic worldview of Seychelles people.

The article analyzes certain approaches to understanding local civilization, local culture, cultural-historical types, cultural-civilizational matrix in the context of historical, cultural and philosophical views of the scientists in the XX – first quarter of the XXI century. The authors of the article assume that the cultural and civilizational matrix reflects the specificity of the main spheres in the society's life – material, economic, informational and semiotic (language, meanings, art, etc.). In this regard, the authors consider in detail the process of Seychelles' civilization and culture genesis, with an active formation period from 1756 to 1976, and related to the multi-ethnic influence of african, asian and european nations, as well as the specific natural and climatic conditions. Mythological and religious beliefs influence the formation of Seychellois mentality. One of the most significant elements of the cultural and civilizational matrix is the Creole language which claims to be independent, despite its obvious connection with phonetics, grammar and vocabulary of European, African and Asian languages.

Key words: Africa; the Republic of Seychelles; cultural and civilizational matrix; local civilization; culture

The study was funded by the RF Ministry of Education, within the framework of the state assignment for Shadrinsk state pedagogical university to carry out the applied research «The impact of cultural and civilizational specifics of development on the education system in the Republic of Seychelles» No. 073-00022-24-03 of August 23, 2024

For citation: Elizova E. I., Lancevskaya N. Yu. Elements of the cultural and civilizational matrix of the local civilization of the Republic of Seychelles. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):242–252. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-242. https://elibrary.ru/BOGOOF

Введение

Целью нашего исследования является изучение элементов культурно-цивилизационной матрицы локальной цивилизации Республики Сейшельские Острова (РСО). Объектом внимания выступает история локальной цивилизации Сейшельских островов. Предметом – элементы культурно-цивилизационной матрицы РСО как локальной цивилизации.

Интерес к РСО связан со следующими обстоятельствами: при поддержке Министерства просвещения РФ совместно с российскими педагогическими университетами в 2023 году созданы Центры открытого образования на русском языке и обучения русскому языку (далее – ЦОО) в 28 африканских странах. Так, за Шадринским государственным педагогическим университетом закреплены две страны восточной и центральной Африки – Республика Мадагаскар и Республика Сейшельские Острова, в каждой из которых с 2023 года функционируют ЦОО и проведены краткосрочные образовательные курсы по изучению русского языка. В РСО русский язык не изучается ни в одном из образовательных учреждений страны, что значительно усложняет расширение языкового присутствия на территории Сейшельских островов. Вместе с тем, следует отметить, что за годы развития дипломатических отношений с Сейшельскими Островами с 1976 года более 300 студентов прошли долгосрочные и краткосрочные курсы в СССР и РФ. Граждане

РСО, получившие образование в советских и российских вузах и проживающие на территории РСО, хорошо владеют русским языком и выражают готовность к сотрудничеству. В поисках механизмов дальнейшего продвижения русского языка на каждой из ступеней образования в РСО представляется необходимым изучение влияния культурно-цивилизационных особенностей развития на систему образования на Сейшелах, что становится возможным, на наш взгляд, посредством исследования элементов культурно-цивилизационной матрицы РСО как локальной цивилизаций: культурных, экономических, ценностных, религиозно-этических основ.

Для достижения цели в статье решаются следующие задачи:

1. исследуется содержание понятий «локальная цивилизация» и «культурно-цивилизационная матрица»;

2. ретроспективно описывается процесс становления локальной цивилизации РСО;

3. выделяются основные элементы культурно-цивилизационной матрицы РСО.

Методы исследования

Теоретической базой исследования выступили труды таких ученых, как Н. Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби, Р. П. Трофимова, О. Шпенглер, которые занимались изучением вопросов культурно-цивилизационного развития.

В основу размышлений о матричной структуре культуры положены работы С. Г. Кирдиной. Аспекты африканской культуры и цивилизации проанализированы с опорой на исследования И. О. Абрамовой и Л. Л. Фитуни.

Опорными методами исследования стали наблюдение и анализ документов, культурологический, исторический, социокультурный анализы, системный подход.

Результаты исследования

Внимание к истории развития локальных цивилизаций в социогуманитарной науке появилось в XIX веке и связано в первую очередь с работами Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. Согласно взглядам этих исследователей, развитие культур и цивилизаций не однолинейно. В противовес эволюционной или формационной теориям, предполагающим единообразное поступательное развитие культур по универсальному пути (не исключая, конечно, случаи регресса) от более низких форм организации к более совершенным, возникают теории культурно-исторических типов, заявляющие о полилинейном, самобытном и самодостаточном развитии всех культур.

На протяжении многих лет понятие «локальная цивилизация» не входило в научно разработанный аппарат исследователей, однако предпринимались попытки выделения особенностей развития культур всех типов. Так, разработанная отечественным социологом и культурологом Н. Я. Данилевским теория локальных культурно-исторических типов ставит под сомнение европоцентристский взгляд на периодизацию истории. По мнению ученого, развитие каждой культуры можно условно разделить на значимые этапы (древний, средний и новый периоды истории). Это позволяет объяснить различия между локальными культурно-историческими типами, особенностями психического строя и воспитания народов, творящих эти культурные типы. Н. Я. Данилевский справедливо утверждает, что жизненный цикл каждого культурно-исторического типа соотносится с циклами живых организмов, а именно многолетних растений – зарождение, созревание, цветение, плодоношение, увядание и смерть (не означающую полное исчезновение культуры, но ее переход на новый уровень и развитие в другом направлении) [Данилевский, 2024].

Немецкий историк О. Шпенглер оперировал понятиями «культуры» (развивающиеся и подобные по структуре организмы с индивидуальным обликом и ограниченным сроком жизни) и «цивилизация» («старость» культуры). Свою концепцию ученый аргументировал в труде «Закат Европы» (1880–1936) [Шпенглер, 2024], рассматривая культуру как тело, в котором помещается душа. Концепция О. Шпенглера предполагает, что история человечества есть смена подобных по структуре, но с индивидуальным обликом организмов, срок жизни которых ограничен. О. Шпенглер «утверждает нелинейность исторического процесса: у него всемирная история представляется в виде протяженного во времени поля, в разных местах которого вспыхивают, разгораются и угасают костры культурных миров, оставляя после себя пепелища с останками созданных в них ценностей» [Масаев, 2012, с. 256]. Эти культуры, несмотря на структурное подобие, совершенно самостоятельны, замкнуты и взаимонепроницаемы. Каждая культура определяется особой, уникальной идеей – душой (согласно терминологии автора концепции). Душа объективирует себя в деятельности народа, выражает себя в прасимволе, который может быть отражением этических, мифологических, философских, эстетических, науч-

ных проявлений народа. Такими прасимволами, например, являются тело в античной культуре, арка в китайской, пещера в арабской. Также, как и Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер делит жизненный цикл культуры на периоды, схожие с периодами человеческой жизни – расцвет, зрелость, увядание и смерть. Старческий возраст каждой культуры назван ученым цивилизацией [Шпенглер, 2024].

Английский историк и социолог А. Дж. Тойнби ввёл понятие «цивилизационные системы» [Тойнби, 1991], разделяя мысли своих предшественников о множественности и различиях культур, обладающих уникальными характеристиками. Однако культуры А. Дж. Тойнби рассматривает не как замкнутые и обособленные образования, а как общественную целостность, состоящую из религиозных, территориальных и политических компонентов.

В последние два десятилетия различные области научного знания (история, лингвистика, политология, социология, философия, культурология) занимаются вопросами развития и взаимодействия цивилизаций, вызванными нестабильностью протекающих процессов и развитием глобализационных явлений [Гусейнов, 2008].

Современные ученые объединили взгляды исследователей общей проблематикой уникального развития локальных цивилизаций. Так, А. В. Горюнов отмечает, что локальная цивилизация «характеризуется неповторимым культурным стилем, определяющим ее специфику» [Горюнов, 2011, с. 66]. Согласно подходу, сформулированному исследователем И. Валлерстайном, локальные цивилизации обладают самодостаточностью (внутренней связностью, выделенностью из окружающего социального пространства), и культурной спецификой» [Валлерстайн, 1998, с. 198]. Исследователями Р. В. Голубиным, А. С. Сорокиным, А. П. Коротышевым локальная цивилизация определяется как «общность людей, этносов и народов, объединяемых единством социокультурных ценностей, исторических судеб и геополитических интересов» [Голубин, 2014, с. 8].

Если рассматривать локальную цивилизацию с точки зрения синергетического подхода, то можно определить ее как открытую систему, для которой характерна самоорганизация на основе законов развития и гомеостаза [Воеводина, 2013].

Р. П. Трофимова понимает под локальной цивилизацией некую социальную систему, в основу которой положены языковые, культурные, ценностные, этические и технологические представления об обществе и общности [Трофимова, 2001 с. 44].

Представление сложных систем, в том числе цивилизаций, в виде матричной структуры, является в настоящее время признанным способом наглядного представления локальной цивилизации. В этой связи следует упомянуть концепцию институциональных матриц С. Г. Кирдиной, по мнению которой «базовые культурные, экономические, политические и идеологические институты образуют в совокупности так называемые институциональные матрицы, представляющие собой своеобразный генотип общества» [Кирдина, 2007, с. 15]. Следует подчеркнуть, что институциональная матрица локальной цивилизации начинает формироваться в момент образования государства и сохраняет свою структуру на протяжении всего развития общества.

Результаты цивилизационных исследований позволяют детерминировать культурно-цивилизационную матрицу (далее – КЦМ) как когнитивные стереотипы, образующие ментальную и культурную целостность людей, объединяющие крупные популяции людей и пронизывающие наиболее важные аспекты деятельности людей, что подтверждает взаимовлияние жизнедеятельности и особенностей КЦМ отдельного государства.

Каждая цивилизация, на фоне имеющихся типичных черт, базируется на специфических структурах и определенном генотипе общественного развития с учетом конкретных условий существования этноса, государства, нации. Эти структуры имеют надгосударственный, наднациональный и надэтнический характер и оказывают влияние на формирование когнитивных установок относительно цели деятельности, необходимости и возможности ее осуществления. Стереотипы, формирующиеся в ходе основных видов человеческой деятельности, входят в структуру КЦМ конкретного государства.

Основными видами человеческой деятельности являются культурно-духовная, экономическая и социальная, поэтому стереотипы, формирующиеся в ходе этих видов деятельности, входят в структуру культурно-цивилизационной матрицы общества, проживающего в одном государстве. Регулирование и упорядочивание видов человеческой деятельности и условия их реализации входит в задачу политики, обеспечивающей формирование в обществе представлений о взаимоотношениях гражданского порядке.

На формирование КЦМ Сейшельских островов оказали свое воздействие следующие сферы общественной жизни: тип хозяйственной деятельности и характер взаимоотношения с природными ресурсами; язык; письменность; система социальных отношений и формы общественного сознания.

Сейшельские острова – архипелаг, расположенный в западной части Индийского океана. Культура Республики Сейшельские Острова может быть охарактеризована как эклектичная: большая часть цивилизационных основ сформирована под африканским влиянием, но также присутствуют европейские (британские и французские), восточно-малагасийские, индийские и азиатские корни. Как отмечает исследователь A. C. MacEwen в своей работе «Fragments of Early Seychelles History», «население африканского происхождения сложилось в результате длительного процесса консолидации различных этносов, представители которых были завезены в конце XVIII-XIX веков на Сейшелы в качестве рабов из разных регионов Африки, Мадагаскара, Маврикия и других островов Индийского океана» [Цит. по: Меритон, 2001].

Ретроспективно обозревая возникновение интереса к Сейшельским островам, следует подчеркнуть, что первое обстоятельное знакомство с архипелагом состоялось в 1510 году в рамках территориальных исследований, проводимых португальцем Жоаномди Нова. Вслед за этим событием португальские картографы отметили на компасной карте остров Илья Ганаа, сегодня имеющий название Маэ (самый большой остров архипелага, площадью 157,3 км², на котором находится единственный город страны Виктория (столица государства, культурный, экономический и политический центр Республики) и в настоящее время единственный в стране международный аэропорт [Панина, 2016]). Однако данные открытия не способствовали основательному заселению архипелага португальцами.

После 1606 года Сейшельские острова становятся объектом внимания англичан. По данным исследователя Э. Р. Меритон, впервые документальная фиксация факта пребывания британских исследователей на архипелаге произведена в 1609 г. Джоном Джурденом, служащим Ост-Индской компании [Меритон, 2001].

Начало XVII века может быть охарактеризовано как время появления устойчивого внимания к архипелагу, связанное с англичанами и голландцами, занимающимися торговлей. Сейшельские острова стали транзитным пунктом для торговцев по пути в Индию как источник питьевой воды. Также Сейшельские острова представляли интерес для субкультуры пиратства, которое использовало территорию архипелага в качестве стратегической базы для наблюдений за проходящими судами и подготовки нападений на них. Но в целом острова были необитаемыми, и началом времени их активного заселения исследователи считают 1742 г., когда губернатор острова Иль де Франс (Маврикий) Маэ де Лабурдонне отправил на острова исследовательскую экспедицию Лазара Пико. Речь идет о так называемом французском этапе истории Сейшельских островов. Архипелаг и главный остров были названы в честь губернатора – острова Лабурдонне и Маэ соответственно.

Интенсивное конституирование культуры Сейшел запускается после 1756 г., когда Сейшельские острова после посещения очередной экспедиции во главе с Корнелем Николя Морфеем объявляются территорией Франции и начинают заселяться выходцами из Африки и с Мадагаскара [Меритон, 2001]. Корнель Николя Морфей дает новое именование островам в честь виконта Жана Моро де Сешелля, генерального инспектора финансов Людовика XV. Хранящийся в Seychelles Natural History Museum артефакт в виде «камня на владение» свидетельствует о том, что с 1 ноября 1756 года остров Маэ и 70 других островов принадлежат королю Франции и носят название «Сейшельские острова» [McAteer, 2022].

Последовавшие французские экспедиции уже носили исследовательский характер и наращивали знание о природных ресурсах островов. Также была произведена более точная фиксация местоположения и границ архипелага в целом на картах.

Инженер Брейер дю Барре (обнаруживший морской кокос на острове Праслен – один из центральных символов современной Республики Сейшельские Острова) 27 августа 1770 года основал первое французское поселение на острове Св.Анны. В течение нескольких лет колонистам в составе 23 человек удалось добиться стабильного урожая риса, пшеницы и кукурузы, а также начать разведение птиц и животных (на остров были привезены козы, свиньи, черепахи, домашняя птица) [McAteer, 2022].

Второе поселение было основано в 1772 г. на месте нынешней Виктории географом, лейтенантом Шарлем Рутьером де Романвиль.

С 1793 по 1811 годы в период Французской Революции Сейшельскими островами управлял

губернатор Жан-Батист Кео (второй вариант имени, указанный в исторических документах, – Кэ де Куинси). Данный период времени для Сейшельских островов явился периодом культурного и экономического подъема. Под влиянием новых колонистов, в том числе и из Европы, активно формировалось население островов, выросшее в два раза по сравнению с предыдущим периодом. Также вырос приток рабов из Африки и создавались сельскохозяйственные товарищества [Панина, 2016]. Развивалась хозяйственная культура территории – помимо риса, пшеницы и кукурузы успешно собирали урожай маниока, бататы, кофе, сахарного тростника. Лидером экспорта стал хлопок. Кроме этого продавали кокосовое масло, гвоздику, древесину.

После 1811 года с прибытием от английского правительства коменданта Бартоломью Салливена в истории развития Сейшельских островов начался так называемый английский период. В рамках подписания Парижского договора 30 мая 1814 года Сейшельские острова по политическим причинам стали колонией Британии при сохранении полномочий губернатора Кео де Кенси. Однако влияние Британии на Сейшельские острова было иным, нежели со стороны Франции: Британия не основывала колоний, не навязывала английский язык и культуру. В связи с этим французский язык на территории островов был сохранен, а на его основе возник креольский. Но Британия привнесла в культуру Сейшельских островов не менее значимые основы – во-первых, речь об упразднении рабства в 1835 году («согласно статистике, к 1835 году было освобождено 6521 человек при общей численности населения островов около 7500 человек, 11 февраля 1839 г. было объявлено о полном освобождении» [История Сейшельских островов…]), а во-вторых, об утверждении Католической церкви (в настоящее время около 90% жителей Сейшел исповедуют католичество) [Кривушин, 2022]. Два данных обстоятельства и новый единый креольский язык способствовали консолидации общества Сейшельских островов [McAteer, 2022].

Властью католической церкви было положено начало активному развитию образования на островах. Строительство приходов в обязательном порядке сопровождалось открытием школ. Исследователи отмечают, что влияние религии и церкви на образование было определяющим вплоть до 1970 годов [Меритон, 2001].

При всех достоинствах в плане цивилизационной трансформации английский период был отмечен спадом в материальной культуре. Снижение цен на хлопок в связи с конкуренцией с американской продукцией, переход на новую валюту (фунт стерлингов) – те обстоятельства, которые негативно повлияли на культурное и экономическое положение территории.

После официального упразднения рабства основной деятельностью колонистов Сейшельских островов стало монопрофильное хозяйство, связанное с возделыванием плантаций кокосовых пальм. И данный вид деятельности к последней трети XIX в. стал единственным источником стабильного дохода для сейшельцев.

По данным исследований, сейшельская цивилизация вышла из состояния культурного и экономического кризиса после открытия Суэцкого канала, способствовавшего установлению регулярных торговых отношений с Европой. Улучшение материальной базы повлекло за собой увеличение населения – к 1900 году демографические показатели рождаемости выросли в два раза [Республика Сейшельские Острова…].

Очередной вехой в истории сейшельской культуры стал 1903 год, когда архипелаг благодаря британскому Министерству по делам колоний обрел собственную администрацию во главе с губернатором и главнокомандующим [McAteer, 2022].

Только с 1936 года Сейшельские острова начинают налаживать свой аутентичный культурный баланс: разрабатывается план культурного развития территории, проводятся реформы по преодолению значительного отставания колоний от метрополии в сфере культуры, образования и здравоохранения.

О возрастающей гражданской сознательности сейшельцев говорят факты проведения первых выборов в 1948 году и установления в 1967 году всеобщего избирательного права.

В 1970 году в результате I Конституционного совещания в Лондоне была принята Конституция Сейшельских островов, был сформирован новый законодательный орган – Законодательная Ассамблея. Помимо этого, был взят курс на развитие туризма на островах, в связи с чем в 1971 году построен международный аэропорт на Сейшелах и новый морской порт в столице [30].

В 1975 г. Сейшельские острова стали «автономной колонией» согласно документам, разработанным на II Конституционном совещании в Лондоне. А в январе 1976 г. был подготовлен текст новой Конституции и 26 июня 1976 г. на политической карте мира появилось новое государство –

Республика Сейшельские Острова во главе с президентом Джеймсом Менкемом. В результате государственного переворота в 1977 году к власти пришел бывший премьер-министр Франс Альбер Рене, магистральной целью политики которого стало освобождение сейшельцев от капитализма и иностранного влияния.

С 2004 года правление государством перешло в руки вице-президента Джеймса Мишеля, а с 2016 года присягу принял Дэнни Фор [McAteer, 2022]. В октябре 2020 года вновь состоялись выборы президента. Победителем стал Вейвел Рамкалаван. Возглавив государство в сложный период пандемии, новый президент обозначил магистральные направления своей деятельности: сбалансировать потребности в бюджетных средствах, повысить уровень благосостояния, здравоохранения и образования в стране, решить некоторые социальные проблемы, среди которых самые серьезные – проблема героина, безработица среди молодежи и проблема подготовки квалифицированной рабочей силы. С этого момента был также взят курс на решение экологических проблем (повышение уровня моря, обесцвечивание кораллов и сокращение рыбных запасов).

Уникальность географического положения Сейшельских островов, а именно – их удаленность от материков – способствовала тому, что здесь сложился самобытный культурный комплекс, некогда переживший влияние традиционных культур территорий, с которых прибывали люди на острова. Речь, естественно, и о европейских колонистах, и о привозимых рабах-африканцах.

Привезенные на территорию островов рабы, насильно отделенные от своей традиционной культуры, не имели возможность воспроизводить ее в полном объеме в новых условиях.

Объединяясь в группы на землях плантатора, представители различных этнических сообществ привносили отдельные элементы своей материнской культуры в «общий культурный котел», что приводило к возникновению специфических культурных сейшельских традиций, окрашенных колоритом африканского компонента.

В целом мы видим, что в сейшельской культуре тесно переплетены алгоритмы африканской культуры с элементами культур европейских и азиатских народов под общим названием «креольская культура» [Фадеичева, 2014]. Матрично-образующей в данном случае будут выступать именно африканские корни.

На период начала 20-х годов XXI века РСО является независимым государством, население которого, сформировавшись из представителей различных народов, относит себя к одному обществу и нации – креольскому народу с одним общим языком – креольским, получившим статус государственного в 1981 году. На Архипелаге активно используются 3 языка и каждый из них – государственный (креольский, английский, французский). Кроме того, в сентябре 2024 года в Национальной Ассамблее РСО был утвержден проект закона о наделении статусом официального языка жестов [McAteer, 2022].

За несколько веков заселения и освоения Сейшельских островов здесь произошло смешение различных расовых и этнических групп населения – европеоидная раса, негроидная, монголоидная и смешанные расы, малагасийцы, китайцы, индийцы, европейцы, африканцы десятилетиями формировали культуру под общим названием – сейшельская. По данным исследования Э. Меритон, само название «сейшельцы» принято на островах всеми жителями, не зависимо от их расовых корней. Это, по мнению исследователя, «выражает степень глубокой интеграции всех групп населения страны» [Меритон, 2001]. Однако существует некоторое внутреннее разделение жителей Сейшел на «сейшельцев» – белокожих людей, и «креольцев» – темнокожих людей, некогда бывших представителями различных африканских этносов.

Таким образом, анализ локальной цивилизации Сейшельских островов говорит о специфических матричных основах, которые были определены и природными условиями мягкого муссонного климата, океаном, богатой флорой, и полиэтническим влиянием. Все это сформировало основные черты национального характера сейшельцев, объективирующихся в неспешности, спокойствии, жизнерадостности, любви к природе, удовлетворению жизнью при условии материального минимализма.

Итак, локальная цивилизация РСО представляет собой матрицу, формирующуюся из элементов других цивилизаций – экономических и культурных структур цивилизаций с приоритетом одного «матричнообразующего» этноса (Н. Я. Данилевский). Элементы матрицы локальной цивилизации определяют её сущностные черты, доминанты, которые с течением времени обрастают новыми, более сложными элементами. На практике элементы цивилизационной матрицы проявляются как этнопсихологические и этнокультурные специфические черты, присущие только этому

народу, и оказывают существенное влияние на его историческое развитие.

Локальная цивилизация государства, в том числе и РСО, детерминируется совокупностью идей и политических институтов, условиями культурной и материальной жизни, общественными отношениями и производительными силами, проявлениями религиозной, интеллектуальной и художественной деятельности.

КЦМ Сейшельских островов, рассматриваемая как основа духовной культуры нации, основана на стереотипах, имеет языковое преломление и представлена в языке всей той информацией, которую жители архипелага собрали о себе с момента заселения островов и зафиксировали ее в вербальных образах. Таким образом, наличие КЦМ приводит к стабильности культурного ядра каждой нации, в том числе и сейшельцев, обеспечивает способность их сохранения и воспроизводства на протяжении веков в образах мира разных народов, несмотря на перемены в реальной, окружающей человека действительности.

На основании вышеизложенного можно резюмировать, что под КЦМ сейшельцев нами понимается основа социокультурной целостности бытия жителей Сейшел, обладающая собственным ядром с заданными пределами культурных трансформаций. В результате различных этнических комбинаций, имевших место за последние несколько столетий, был сформирован народ Сейшельских островов, который составляют потомки арабов, португальцев, голландцев, рабов-африканцев, французов и правящих долгое время англичан.

Особое место в КЦМ Сейшельских островов занимает язык. Известно, что креольский язык существует как самостоятельный язык и обладает своими произносительными нормами, своей грамматикой, вокабуляром, содержащим много слов из африканских и индийских языков [Дьячков, 1987]. Для 90 % населения Сейшел креольский язык является родным языком. По утверждению шведского исследователя Б. Шегрена произношение в сейшельском креольском языке напоминает язык суахили [Шегрен, 1983]. Б. Шегрен, проводя в ряде своих работ аналогию между Сейшельскими островами и островами Вест-Индии, утверждает, что «креольские языки, сформировавшиеся на основе французского, так похожи, что их носители без труда смогли бы понять друг друга, тогда как они не смогли бы понять „нормального" французского произношения» [Шегрен, 1983, с. 213]. Основой креольского языка, как и маврикийского, является франкоязычный пиджин, на который оказал влияние и мадагаскарский (малагасийский) язык [Андерсон, 2001].

Сохранение креольского языка на Сейшелах, следуя культурологической теории национализма Б. Андерсона [Андерсон, 2001], не только играет огромное значение для развития РСО как отдельного государства, но и способствует единению нации, закреплению ее ценностных ориентиров, объединению прошлого и настоящего сейшельцев, постоянно находящихся в непосредственном контакте.

Кроме того, изучение языкового материала жителей Сейшельских островов позволяет приблизиться к пониманию национальной специфики их восприятия действительности, выявить ценностные ориентиры этой нации и совершить попытку моделирования языковой картины мира сейшельцев и, исходя из нее, выдвигать предположения об особенностях национального характера КЦМ сейшельского мира.

Следует подчеркнуть, что при этом не стоит ожидать полного уподобления сейшельской культуры креольскому языку. Очевидно, что все сейшельцы, в силу своих личностных, возрастных особенностей и профессиональных интересов используют в своей жизнедеятельности различные слова и словосочетания, объем их словарного запаса также не одинаков. В этом случае нельзя согласиться с последователями теории Гумбольдта, в том, что все люди, говорящие на одном языке, думают одинаково [Цит. по: Серио, 1995].

Языковая картина мира сейшельцев представляет собой сложное явление: она отражает структуру человеческого сознания и содержательно наполняет КЦМ креольцев. С позиции содержания, как известно, человеческое сознание включает в себя несколько компонентов, определяющих национальное миропонимание (сенсорный компонент), отражающих национальный менталитет (понятийный компонент), выражающих субъективную оценку индивида (оценочный компонент) и способствует формированию нравственного сознания и нравственных чувств (морально-нравственный компонент) [Корнилов, 2003, с. 228].

Далее следует отметить условное деление формируемых оценок на две группы: первичные и вторичные. Первичные оценки непосредственно фиксируют именно эмоциональное отношение коллективного носителя языка к обозначаемому. Вторичные же оценки имеют более сложную структуру,

они касаются не отдельных объектов, а используются по отношению к обобщенным и значимым моделям поведения представителя сейшельской культуры. При этом модели поведения формируются в случае возникновения социально значимых ситуаций, поэтому вторичные оценки рассматриваются как результат осмысления народной мудрости и преломления коллективного опыта через призму иерархии общественных ценностей для каждой конкретной личности.

Очевидно, что при изучении КЦМ сейшельского мира имеют значение выражаемые вербально оценки обеих групп: 1) субъективные оценки (т.н. коннотативная лексика с национально-культурным характером, связанная с отражением уровня эмоциональности и темперамента субъекта); 2) слова и другие элементы языка, раскрывающие ценностные векторы нации: пословицы, поговорки, другие нерасчленимые обороты речи.

В КЦМ Сейшельских островов обнаруживается сочетание культурных традиций, выраженное в языковых единицах креольского языка. Так, о локальных традициях можно узнать из передаваемых местными жителями старинных рассказов и мифов, что свидетельствует о существовании устной культуры Сейшельских островов до их французской колонизации и заселения Архипелага выходцами из Африки и Мадагаскара (истории о поисках пиратских кладов, тайнах спрятанных сокровищ, их сторожевых духах). Это подтверждают и фольклорные тексты, дающие представление об актуальных для Сейшельских островов формах и жанрах существования устной культуры [Милюкова, 2011].

В подтверждение данному факту служат также сейшельские сказки, аккумулирующие в себе европейское, индийское и африканское культурные влияния («Оклор и царь», «Райский сад» и др.) [Милюкова, 2011]. Так, сказочный герой мальбар (дядюшка Мальбар) получил свое имя в честь выходцев из Индии, в течение многих десятилетий занимавшихся на островах коммерческой деятельностью и зарекомендовавших себя как успешных предпринимателей.

Анализ научно-публицистической литературы и собственные наблюдения позволяет констатировать наличие сформировавшейся национальной идентичности сейшельцев в условиях мультикультурного сосуществования представителей различных этносов. Вместе с тем, сейшельская культура испытывает на себе влияние культурных, политических, экономических и социальных изменений, особенно в устной форме. В первую очередь речь идет о смещении позиций креольского языка вследствие преимуществ владения английским языком, особенно это касается современной молодежи РСО, отдающей предпочтение английскому языку в повседневном общении как языку их профессионального будущего. Вместе с тем, сторонниками сохранения креольского языка в стране организуются различные мероприятия, реализуются культурно-просветительские проекты, направленные на приобщение детей и молодежи РСО к чтению и общению на креольском языке. Наблюдаются попытки развития креольского языка и на государственном уровне: в печатных и электронных СМИ информационные материалы публикуются на трех языках – креольском, английском и французском, что дает право надеяться на сохранение локальной сейшельской культуры [Kriegel, 2007].

Заключение

Таким образом, сейшельская культура, вобравшая в себя опыт и богатство других более древних цивилизаций, окончательно сформировала свою КЦМ после перехода к католицизму как одной из распространенных христианских конфессий. Ключевые идеи сейшельского мира сформировались на основе постоянного европейского присутствия на островах и обеспечили устойчивость культурного ядра жителей Сейшельских островов.

Результаты анализа различных исследований, имеющих отношение к локальной цивилизации сейшельского мира, позволяют утверждать, что КЦМ сейшельцев как единой нации отражает связи нескольких цивилизаций. Представители всех этносов, поселившихся на территории архипелага, прошли стадию культурно-языковых трансформаций, что привело к становлению локальной сейшельской цивилизации и формированию КЦМ этого государства.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что исследование локальной цивилизации и КЦМ Сейшельских островов приводит не только к уточнению специфики миропонимания в отдельно взятой стране, но и к формулировке некоторых общих положений о мировосприятии локальной цивилизации и системе ее морально-этических ценностей. Все это важно знать при выстраивании эффективной коммуникативной стратегии России с Республикой Сейшельские Острова в плане дальнейшего продвижения русского языка и российской культуры на территориях архипелага.

Авторы выражают благодарность Чрезвычайному и Полномочному послу РФ в Республике Сейшельские Острова А. А. Кожину за помощь в достоверном изложении фактических материалов статьи.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 286 с.

2. Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы. Философские перипетии // Вестник Харьковского государственного университета. 1998. № 409. С. 198–203.

3. Воеводина М. И. Синергетический подход к пониманию культуры // Kant. 2013. № 1 (7).

4. Голубин Р. В. История мировых цивилизаций / Голубин Р. В., Сорокин А. С., Коротышев А. П. Хрестоматия. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет. 2014. 272 с.

5. Горюнов А. В. Существуют ли в действительности локальные цивилизации? // Философия и общество. № 1. январь – март 2011. С. 66–84.

6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Издательство Юрайт. 2024. 453 с.

7. Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2008. 528 с.

8. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва : Наука, 1987. 106 с.

9. История Сейшельских островов. URL: https://seyclub.ru/about/history/ (дата обращения: 23.08.2024).

10. Кирдина С. Г. Х-эффективность и Х-экономики : синтез теоретических подходов // Пространство экономики. 2007. № 2. С. 9–26.

11. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : ЧеРо. 2003. 347 с.

12. Кривушин И. История исследований религий в Африке: от колониальной науки к ее деколонизации. Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 7–35.

13. Масаев М. В. Феномен постижения истории как «гештальта» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (65). 2012. № 1-2. С. 102–122.

14. Меритон Э. Р. Африканский компонент в культуре населения Сейшельских островов. Санкт-Петербург, 2001. 163 с.

15. Милюкова Е. В. Сейшельские экспедиции 2008-2009 гг. // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 9 (71). С. 273–286.

16. Панина Л. В. Новейшее строение острова Маэ (Сейшельский архипелаг) / Панина Л. В., Зайцев В. А. // Вестник Московского университета. Серия 4. Геология. 2016. №1. С. 20–26.

17. Республика Сейшельские Острова: общие сведения о стране // Консульский информационный портал. URL: https://www.kdmid.ru/docs/seychelles/information-about-the-country/ (дата обращения: 27.07.2024)

18. Серио П. Этнос и демос : Дискурсивное построение коллективной идентичности. Этничность. Национальные движения. Социальная практика. Санкт-Петербург, 1995.

19. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник. Москва : Прогресс, 1991. 730 с.

20. Трофимова Р. П. «Локальные цивилизации» и взаимодействие в них культурных и экономических факторов // Финансы : теория и практика. 2001. № 2. С. 43–50.

21. Фадеичева М. А. Государство-праздник и государство-будни : к вопросу о возможности еще одной типологии современных государств // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 91–96.

22. Шегрен Б. Осколки континента. Москва : Наука, 1983. 344 с.

23. Шпенглер О. Закат Европы / пер. А. А. Франковский. Москва : Юрайт, 2024. 237 с.

24. Kriegel S., Neumann-Holzschuh I. Sirandann! Zanbaget! Contescreoles des Seychelles. Creolica, 2007.

25. McAteer W. Another Story. The history of Seychelles 1976-2020. Mahe, Seychelles : Pristine books, 2022, 370 p.

Reference list

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma = Imaginary communities. Reflections on the origins and expansion of nationalism. Moskva : Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 2001. 286 s.

2. Vallerstajn I. Istoricheskie sistemy kak slozhnye sistemy. Filosofskie peripetii = Historical systems as complex systems. Philosophical vicissitudes // Vestnik Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. № 409. S. 198–203.

3. Voevodina M. I. Sinergeticheskij podhod k ponimaniju kul'tury = Synergetic approach to understanding culture // Kant. 2013. № 1 (7).

4. Golubin R. V. Istorija mirovyh civilizacij = The history of word civilizations / Golubin R. V., Sorokin A. S., Korotyshev A. P. Hrestomatija. Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskij gosuniversitet. 2014. 272 s.

5. Gorjunov A. V. Sushhestvujut li v dejstvitel'nosti lokal'nye civilizacii? = Do local civilizations really exist? // Filosofija i obshhestvo. № 1. janvar' – mart 2011. S. 66–84.

6. Danilevskij N. Ja. Rossija i Evropa = Russia and Europe. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt. 2024. 453 s.

7. Gusejnov A. A. Dialog kul'tur: vozmozhnosti i predely = Dialogue of cultures: opportunities and limits // Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij: VIII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija, 22–23 maja 2008 g. Sankt-

Peterburg : Izd-vo SPbGU, 2008. 528 s.

8. D'jachkov M. V. Kreol'skie jazyki = Creole languages. Moskva : Nauka, 1987. 106 s.

9. Istorija Sejshel'skih ostrovov = The history of the Seychelles Islands. URL: https://seyclub.ru/about/history/ (data obrashhenija: 23.08.2024).

10. Kirdina S. G. H-jeffektivnost' i H-jekonomiki : sintez teoreticheskih podhodov = X-efficiency and X-economies : the synthesis of theoretical approaches // Prostranstvo jekonomiki. 2007. № 2. S. 9–26.

11. Kornilov O. A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov = Linguistic worldviews as derived from national mentalities. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : CheRo. 2003. 347 s.

12. Krivushin I. Istorija issledovanij religij v Afrike: ot kolonial'noj nauki k ee dekolonizacii. Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom = History of religious studies in Africa: from colonial science to its decolonization. State, religion and church in Russia and abroad. 2022. № 3. S. 7–35.

13. Masaev M. V. Fenomen postizhenija istorii kak «geshtal'ta» = The phenomenon of comprehending history as a "gestalt" // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Sociologija». Tom 24 (65). 2012. № 1-2. S. 102–122.

14. Meriton Je. R. Afrikanskij komponent v kul'ture naselenija Sejshel'skih ostrovov = African component in the culture of the Seychelles population. Sankt-Peterburg, 2001. 163 s.

15. Miljukova E. V. Sejshel'skie jekspedicii 2008-2009 gg. = Seychelles expeditions 2008-2009 // Vestnik RGGU. Serija : Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2011. № 9 (71). S. 273–286.

16. Panina L. V. Novejshee stroenie ostrova Maje (Sejshel'skij arhipelag) = The most recent structure of the island of Mahé (Seychelles archipelago) / Panina L. V., Zajcev V. A. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 4. Geologija. 2016. №1. S. 20–26.

17. Respublika Sejshel'skie Ostrova: obshhie svedenija o strane = The Republic of Seychelles: basic information about the country // Konsul'skij informacionnyj portal. URL: https://www.kdmid.ru/docs/seychelles/information-about-the-country/ (data obrashhenija: 27.07.2024)

18. Serio P. Jetnos i demos : Diskursivnoe postroenie kollektivnoj identichnosti. Jetnichnost'. Nacional'nye dvizhenija. Social'naja praktika = Ethnos and demos : The discursive construction of collective identity. Ethnicity. National movements. Social practice. Sankt-Peterburg, 1995.

19. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii = Understanding history : sbornik. Moskva : Progress, 1991. 730 s.

20. Trofimova R. P. «Lokal'nye civilizacii» i vzaimodejstvie v nih kul'turnyh i jekonomicheskih faktorov = «Local civilizations» and the interaction of their cultural and economic factors // Finansy : teorija i praktika. 2001. № 2. S. 43–50.

21. Fadeicheva M. A. Gosudarstvo-prazdnik i gosudarstvo-budni : k voprosu o vozmozhnosti eshhe odnoj tipologii sovremennyh gosudarstv = The Holiday State and the Everyday State: towards the possibility of another typology of modern states // Diskurs-Pi. 2014. № 1. S. 91–96.

22. Shegren B. Oskolki kontinenta = Fragments of a continent. Moskva : Nauka, 1983. 344 s.

23. Shpengler O. Zakat Evropy = The sunset of Europe / per. A. A. Frankovskij. Moskva : Jurajt, 2024. 237 s.

24. Kriegel S., Neumann-Holzschuh I. Sirandann! Zanbaget! Contescreoles des Seychelles. Creolica, 2007.

25. MsAteer W. Another Story. The history of Seychelles 1976-2020. Mahe, Seychelles : Pristine books, 2022, 370 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-253
EDN: HMXLIC

Социокультурные аспекты идеала личности в сознании российского подростка

Наталия Николаевна Летина[1]✉, Анна Павловна Чернявская[2]
[1]Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, начальник отдела научных исследований, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
[2]Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
[1]liotina@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1884-7827
[2]achernyavskaya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6882-3332

Аннотация. В статье представлена систематизация результатов масштабного мониторинга социокультурных интенций современного российского подростка – обучающегося школы, проведенного в процессе работ над Государственным заданием ЯГПУ им. К.Д. Ушинского на 2024 г. от Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Социокультурные основы развития воспитательных систем общеобразовательных организаций» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000). Основная задача статьи – определение социокультурных аспектов представлений школьников старших классов о категории культурно-антропологического идеала личности. Научная значимость статьи обеспечена комплексностью методологического синтеза на основе социокультурного подхода, теоретического анализа, систематизации, количественного анализа и контент-анализа результатов опроса. Научная значимость детерминирована необходимостью осмысления актуального состояния категории культурно-антропологического идеала в сознании современного российского подростка. В настоящей статье систематизированы ключевые позиции категории идеала применительно к личности, осмыслены ответы респондентов 7 российских регионов на вопросы, связанные с выявлением симпатии к предложенному перечню известных персон и определению привлекательных характеристик личности. Установлены ключевые категории персон, выступающих идеалами для современных подростков: в хронологическом плане это наши современники или деятели недавнего прошлого; в деятельностном – активные персоны, достигшие высокого уровня самореализации; в профессиональном: президент, поэт, император, предприниматель, режиссер-аниматор, футболист. Выявлены значимые личностные черты, привлекающие старшеклассников, а именно: целеустремленность, ум, сила характера, мудрость, доброта, талант, успех, чувство юмора, патриотизм, красота, известность, в меньшей мере: физическая сила, популярность, богатство. Обобщены результаты других исследований, проводимых в этой сфере.

Ключевые слова: категория идеала личности; культурно-антропологический идеал; культурный герой; социокультурные интенции; современный российский подросток; мониторинг, воспитание российских детей и подростков; образовательная организация; ценности

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К.Д. Ушинского на 2024 год от Минпросвещения РФ по теме «Социокультурные основы развития воспитательных систем общеобразовательных организаций» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000)

Для цитирования: Летина Н. Н., Чернявская А. П. Социокультурные аспекты идеала личности в сознании российского подростка // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 253–266. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-253. https://elibrary.ru/HMXLIC

Original article

Sociocultural aspects of the ideal personality in the russian teenager's mind

Natalia N. Letina[1]✉, Anna P. Chernyavskaya[2]
[1]Doctor of culturology, associate professor, professor at the department of cultural studies, head of the research depart-

© Летина Н. Н., Чернявская А. П., 2024

ment, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
[2]Doctor of pedagogical sciences, professor at the department of pedagogical technologies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
[1]liotina@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1884-7827
[2]achernyavskaya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6882-3332

Abstract. The article provides the systematized results of a large-scale monitoring of sociocultural intents a modern Russian teenage school students have. The research was conducted within the framework of the State Assignment to K.D. Ushinsky YSPU for 2024 from the Russian Federation Ministry of Education on the topic "Sociocultural bases for the development of educational systems in general education institutions" (registry number 720000F.99.1.BN62AB84000). The main objective of the article is to determine the sociocultural aspects of understanding the concept of cultural and anthropological ideal of a personality by high school students. The scientific significance of the article is ensured by the complexity of methodological synthesis on the basis of sociocultural approach, theoretical analysis, systematization, quantitative analysis and content analysis of the survey results. The scientific significance is determined by the need to comprehend the current state of the category of cultural-anthropological ideal in the minds of modern Russian teenagers. This article systematizes the key positions of the "ideal" category in relation to a person and analyzes the answers of the respondents from 7 Russian regions to the questions about their attitudes towards the proposed famous persons and the definition of attractive personal characteristics The authors identify the key categories of persons who serve as ideals for modern teenagers: chronologically, they are our contemporaries or figures of the recent past; pragmatically, they are active persons who have achieved a high level of self-fulfillment; professionally, they are: president, poet, emperor, businessperson, animation director, and footballer. The article identifies significant personality traits that attract high school students, namely: determination, intelligence, strong character, wisdom, kindness, talent, success, a sense of humor, patriotism, beauty, fame and, to a lesser extent, physical strength, popularity, wealth. Moreover, the results of other studies conducted in this field are summarized.

Key words: category of the ideal personality; cultural and anthropological ideal; cultural hero; socio-cultural intentions; modern Russian teenager; monitoring, bringing up Russian children and teenagers; educational institution; values

The article is prepared for publication within the framework of the State Assignment to Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky for 2024 from the RF Ministry of Education on the topic «Sociocultural bases for the development of educational systems in general education institutions» (registry number 720000F.99.1.BN62AB84000)

For citation: Letina N. N., Chernyavskaya A. P. Sociocultural aspects of the ideal personality in the Russian teenager's mind. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):253–266. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-253. https://elibrary.ru/HMXLIC

Введение

В картине мира и мировоззренчески значимом комплексе ценностей современного российского подростка категория идеала личности, культурно-антропологической матрицы, несомненно, имеет важное значение для самоидентификации, определения ядра собственной личности, определения траектории жизни и судьбы.

Рассмотрим, как преломились и выразились в сознании российских школьников социокультурные аспекты идеала личности, согласно систематизации результатов произведенного в 2024 г. масштабного мониторинга, охватившего более 7000 респондентов из семи регионов Российской Федерации.

Теоретический обзор

Идеал личности – категория, имеющая в социогуманитарном дискурсе как долгую историю изучения, так и особую актуальность, усиливающуюся в кризисные историко-культурные периоды и требующую оперативной ревизии и модернизации сложившихся подходов толкования.

Изучением категории «идеал» и идеалов занимались многие виднейшие философы и психологи: А. Ф. Лазурский, В. Е. Давидович, В. П. Бранский, Л. А. Раскин, К. А. Абульханова, Л. И. Божович, Ф. Е. Василюк, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Г. В. Иванченко, А. Адлер, Л. Бинсвангер, У. С. Буллит, М. Кляйн, Х. Кохут, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, Р. Тайсон, Ф. Тайсон, В. Франкл, Э. Эриксон и другие [Разуваева, Шевченко 2015; Фролова, 2010].

В философской трактовке идеал означает «…наиболее общее, универсальное и, как правило, абсолютное ценностное представление…», педагогический смысл данного феномена представлен как «…индивидуально принятый стандарт (признаваемый образец) чего-либо, как правило, касающийся личных качеств или способностей…» [Педагогический …, 2009, с. 15]. Выда-

ющийся философ Э. В. Ильенков, которому в российской философии принадлежит бесспорная заслуга в возрождении проблемы идеального, пишет, что «идеал – представление о совершенстве, идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека или общественного класса. Формирование природных предметов сообразно идеалу представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа цели деятельности до ее фактического осуществления» [цит. по: Тимофеева, 2009, с. 190]. Содержание идеалов связано с образом жизни людей, с их жизненным и культурным опытом, идеал может выступать призывом к моральному совершенствованию человека вообще, воплощая в себе определенные исторические устремления людей [Тимофеева, 2009].

В. Е. Давидович рассматривал идеал как цель, которая властно детерминирует направленность деятельности, задает ей вектор» [Давидович, 1983, с. 33]. Он считал идеал «оцененной целью» и именно поэтому высшей ценностью.

Достаточно часто понятия «идеал» и «ценности» употребляют как синонимичные. В целях нашего исследования они были разграничены следующим образом: Идеалы – это то, к чему мы все стремимся, как было сказано выше – это наиболее универсальное представление. В качестве идеала могут выступать значимые для человека цели (профессиональные, материальные, личностные и пр.); персоналии, как некоторые люди, добившееся много в жизни, так и просто окружающие люди, выступающие ролевыми моделями. Ценность – это то, чему человек придаёт значение. Значение также можно придавать делу, вещи, качествам личности, человеку и др. [Фёдоров, Благова, 2016]. Со времен Т. Гоббса ценности понимаются в гуманитарных науках очень расширительно, с опорой на экономические, социальные, политические и нравственные основания [Гоббс, 2024].

В западной философии и психологии больше принято изучать именно ценности, хотя под ними часто подразумеваются именно идеалы. Одну из классификаций ценностей предложил Г. Оллпорт и его коллеги, выделившие шесть типов ценностей, на которые ориентируются люди и которые они реализуют в своей жизни: теоретические, экономические, эстетические, социальные, политические и религиозные [Allport, Vernon, Lindzey, 1970].

С точки зрения анализа социокультурных идеалов подростков и возможной опоры на них в воспитательной и образовательной деятельности, проводимого в данной статье, важными представляются не только данная классификация, но и типы стилей жизни индивида, формируемых на основе выделенных Г. Оллпортом ценностей, которые обосновал К. Грэйвс [Graves, 1970]. Он придерживался позиции, разделяемой многими психологами, педагогами и философами о том, что далеко не каждый человек достигает моральных и нравственных вершин в своем развитии. Индивиды останавливаются на определенной ступени, которая соответствует их систем ценностей. И выделил семь стилей жизни:

1. Реактивный. Индивиды, находящиеся на этом уровне, лишены каких-либо ценностных устоев и в основном действуют, только исходя из своих физиологических потребностей.

2. Стадный. Характеризуются высокой зависимостью.

3. Эгоцентрический. Проповедуют ярко выраженный индивидуализм, агрессивны и эгоистичны, уступают только жесткому давлению.

4. Ригидный. Тяжело переносят неопределенность, отвергают лиц с иными, чем у них, системами ценностей, пытаясь во всем навязать свой собственный взгляд.

5. Манипулятивный. Стремятся достичь цели путем манипулирования другими. Они прагматичны, стремятся к высокому положению и признанию.

6. Социоцентрический. Ориентированы на создание гармоничных отношений с окружающими.

7. Экзистенциальный. Эти лица чувствуют себя комфортно в условиях неопределенности, например, среди людей с различными ценностными взглядами [Graves, 1970].

А. С. Фетисов, проводя анализ культурно-воспитательного идеала личности в XXI веке, приходит к выводу о том, что он соединяет в себе основы общечеловеческой нравственности, национального характера и индивидуальности личности [Фетисов, 2023]. Это достаточно общее, но справедливое умозаключение, нуждающееся в конкретизации. Чем эти характеристики общего и индивидуального отличаются (или не отличаются) у молодого человека, живущего сегодня от его сверстников в прошлом?

Понимание этого факта очень важно, поскольку каждое из поколений формирует свой идеал. Э. В. Ильенков очень тонко показал, что идеал – это то, что есть; что определяется тем бытием, в

котором живет человек; и то, что будет определять жизнь общества в дальнейшем [Ильенков, 2006]. Подростковый возраст – возраст формирования своего идеала, сензитивный период для морального и личностного становления, развития самосознания.

То, как формируются идеалы, можно проследить на этапах формирования самосознания, выделенных Л. С. Выготским. Подросток начинает этот путь на первом этапе, на котором происходит формирование собственного образа, «образное и связное» узнавание себя, своей личности, сначала во внешней деятельности и общении. За ним следует этап интериоризации собственного образа. Лишь в 12–15 лет возникает осознание того, что существует внутренний мир и у других людей. Собственный образ переносится во внутрь. Третий этап развития самосознания – интегрирование. Подросток все более и более начинает осознавать себя как единое целое. Отдельные черты характера и личности все более и более становятся в его самосознании частью целого. Четвертый этап - отграничение собственной личности от окружающего мира, осознание личностного своеобразия. Пятый этап состоит в переходе к суждениям о себе и других по собственным, внутренним моральным критериям. Эти критерии, разумеется, берутся подростком на более ранних этапах из внешнего мира, но постепенно становятся его собственными. Шестой этап заключается в нарастании интериндивидуальной вариации [Выготский, 1984].

Важность понимания идеалов школьников для создания воспитательной системы подтверждается не только в психологии, но и в философии. В частности, Г. В. Лобастов показал переход от всеобщего к тому, что существует в индивидуальном сознании. Он писал о том, что понятие идеального заключается в превращении всеобще-универсальной формы деятельности человека в собственную способность каждого индивида, и наоборот. «На основе понимания этого обстоятельства только и возможна действительно научная педагогика, педагогика формирования свободной творческой личности» [Лобастов, 2019, с. 133].

Методы исследования

В исследовании использованы социокультурный подход, герменевтический подход, культурфилософский подход, культурологический анализ, систематизация, теоретический анализ, контент-анализ и количественный анализ результатов опроса, элементы семиотики, мифокритики.

Основой для сбора эмпирического материала послужил опросник, разработанный авторским коллективом. Опросник содержит шестнадцать вопросов, половина из которых – в закрытой форме с возможностью множественного выбора, другая часть – открытые вопросы. Проведение опроса было анонимным, из личной информации респонденты указывали только пол, возраст, населенный пункт и регион проживания. Использование для опроса мессенджера гарантировало, что окружающие подростка люди (учителя, родители, одноклассники и пр.) не будут иметь доступа к ответам. Все это, вместе взятое, обеспечило конфиденциальность ответов и, соответственно их правдивость. Более подробно текст опросника и его описание представлены в статье [Чернявская, Летина, 2024].

Результаты исследования

Обобщенное представление старшеклассников о социокультурных ценностях современного российского общества можно понять, проведя анализ их ответов на вопрос 14 анкеты: «Какие ценности характерны для русской / российской культуры?». Вопрос предполагал множественный выбор из семнадцати вариантов ответов и свой ответ.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос «Какие ценности характерны для русской / российской культуры?»

Варианты ответов	%% респондентов, выбравших вариант ответов								
	Гр 1	Гр 2	Гр 3	Гр 4	Гр 5	Гр 6	Гр 7		
	Кировская обл.	Респ. Карелия	Камчатский край	Костромская обл.	Респ. Саха (Якутия)	Новосибирская обл	Ярославская обл.	Общие результаты	Ранг
жизнь	37,4	33,6	36,2	33,7	30,9	42,1	31,4	35,0	3
достоинство, права и свободы человека	41,4	38,1	43,5	46,6	44,4	43,0	47,3	43,5	2

индивидуализм	16,2	10,5	15,5	12,5	11,8	12,1	13,9	13,2	10
патриотизм, гражданственность	58,1	52,2	56,1	54,8	55,1	36,4	54,1	52,4	1
высокие нравственные идеалы	18,8	15,0	17,9	16,7	15,9	16,5	14,6	16,5	9
идеалы рыночной экономики	5,8	4,0	6,1	5,8	7,1	7,5	5,3	5,9	17
крепкая семья	40,8	36,8	32,9	39,2	31,4	26,2	35,3	34,7	4
комфорт	19,1	22,3	24,7	24,0	20,1	24,3	23,6	22,6	7
созидательный труд	15,2	11,3	8,9	10,3	10,3	10,3	9,2	10,5	14
приоритет духовного над материальным	15,4	10,1	12,0	9,5	11,8	9,3	7,2	10,8	13
приоритет материального над духовным	10,2	5,3	7,0	6,0	6,6	9,3	6,5	7,3	16
служение Отечеству и ответственность за его судьбу	33,5	24,7	32,1	29.3	33,1	23,4	29,0	29,3	5
гуманизм, милосердие	16,0	8,5	12,1	13,3	9,3	9,3	11,3	11,4	12
справедливость	18,1	20,6	22,4	21,8	24,3	18,7	20,3	20,9	7
историческая память и преемственность поколений	23,6	21,1	19,9	19,9	17,4	15,9	17,7	19,4	8
единство народов России	31,2	31,2	32,0	28,8	33,1	16,8	27,1	28,6	6
соборность, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение	12,6	8,5	11,5	9,6	10,8	9,3	10,8	10,4	15
затрудняюсь ответить	8,6	13,4	10,7	9,8	12,5	16,8	9,1	11,6	11
другое	0,3	2,4	3,1	2,1	2,5	2,7	3,5	2,4	18
Кол-во респондентов	364	247	648	4104	534	108	1319	7324	

Примечание: в каждом из регионов выделены три ценности, выбранные большинством респондентов.

Вопрос оказался для старшеклассников трудным, поскольку привел к необходимости задуматься, в том числе и над собственными ценностями и моральными приоритетами. О сложности вопроса свидетельствует то, что 11,6 % респондентов отказались отвечать на него, а в Новосибирской области почти пятая часть старшеклассников (16,8 %) уклонилась от ответа. Среди всех вопросов, предложенных респондентам, это самый высокий процент отказов. Из столь настораживающего факта необходимо делать выводы в направлении коррекции психологического просвещения (подростки, которые понимают себя и свой внутренний мир, обычно готовы открыто говорить о ценностях, тем более этот вопрос можно отнести к косвенным по своей форме), воспитательной работы с детьми и работы с родителями. Базовые ценности формируются преимущественно в семье, поэтому родители должны прямо или косвенно демонстрировать свои ценностные ориентации и говорить о них с детьми.

Больше всего респондентов выделило такие ценности российской культуры, как патриотизм и гражданственность (52,4 % респондентов в целом по выборке). Воспитанию гражданственности и патриотизма у молодого поколения и поддержанию гражданственности в целом в России всегда уделялось много внимания, это общенациональная ценность и идеал. В недавней истории страны был период, когда о гражданственности говорили меньше, с помощью средств массовой информации и разного рода выступлений ориентируя народ на следование иным ценностям, но он остался в прошлом. Было бы интересно сравнить результаты данного исследования с аналогичными, проведенными 15–25 лет назад, но такой возможности у авторов исследования не представилось.

Возрождение идеалов патриотизма и гражданственности очевидно, и это вселяет уверенность в будущее страны. Стоит отметить и успехи гражданского воспитания, активно развивающегося в последние годы в образовательных организациях.

В целом, ценности и идеалы, которые можно отнести к формированию демократического государства, гражданственности, социальной сфере превалируют в выборе респондентов во всех регионах. К этой группе ценностей в данном вопросе отнесены такие ценности, как «патриотизм, гражданственность» (52,4 % респондентов в целом по выборке), «достоинство, права и свободы человека», стоящая на втором месте по частоте выбора (43,5 % респондентов), «служение Отечеству и ответственность за его судьбу» (29,3 %), «историческая память и преемственность поколений» (19,4 %), «единство народов России» (28,6 %), «соборность, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение» (10,4 %). Все эти ценности являются традиционными, существовавшими и существующими в стране на протяжении веков, определяющими устои государства. Отрадно, что подростки впитали их и, значит, будут строить свою жизни и жизнь страны с опорой на них.

Глубинные ценности гуманизма также закрепились в сознании подростков: ценность жизни как таковой стоит на третьем месте (35 % всех респондентов), высокие нравственные идеалы (выбранные 16,5 % респондентов), ценности справедливости (20,9 %), гуманизма, милосердия (11,4 %), приоритета духовного над материальным (10,8 %), хотя и выбраны меньшим количеством респондентов, но все же важны для них. Стоит отметить, что только выбор ценности «справедливость» обусловлен, скорее всего, возрастными особенностями и тем, что подростки переживают период отграничения свое личности от других (Л. С. Выготский) и очень болезненно реагируют на ситуации, когда ущемляются их права, затрагивается их достоинство, предпринимаются попытки вмешательства в формирующуюся Я-концепцию.

На четвертом месте стоит ценность семьи (34,7 % респондентов), опора на семью и желание в будущем создать свою крепкую семь подтверждается и ответами на другие вопросы (вопросы 3 и 4), в которых семья как базовая ценность и цель стоит также на втором-третьем местах.

Подтвердились и результаты, полученные в других исследованиях. Так, в портрете идеалов, составленном на основе контент-анализа постов, оставляемых подростками на страницах известных блогеров, наиболее распространенными являются идеалы, проявляющиеся во взаимодействии с другими людьми – толерантность, честность, а применительно к себе – идеалы гедонизма, индивидуализма и независимости [Рубанова, Шалова, 2022]. В нашем исследовании идеал гедонизма («комфорт», выбранный 22,6 % респондентов) опережает многие другие моральные и нравственные ценности.

Больших различий между ответами респондентов из разных регионов не обнаружено, что свидетельствует о том, что в исследовании выявлены взгляды подростков на ценностные приоритеты, характерные для всей страны.

Приведем избранные результаты исследования, раскрывающие социокультурные смыслы ответов российских школьников на связанные вопросы №№ 15 «Кто из перечисленных известных людей вызывает у Вас наибольшую симпатию?» и № 16 «Какие характеристики привлекают Вас в человеке, выбранном в ответ на предыдущий вопрос № 15» закрыто-открытого типа.

Ситуация с соотнесенностью известных и репрезентативных персон прошлого и настоящего с эмоционально и аксиологически значимым параметром – симпатией, – у российских подростков сложная, близкая к кризисной (Таблица 2). Непосредственным маркером данного состояния является вторая по иерархии позиция выбора респондентов – «затрудняюсь ответить» (10,3 % по выборке), опосредованным – имманентные социокультурные и личностные интенции.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос 15 «Кто из перечисленных известных людей вызывает у Вас наибольшую симпатию?», % от числа опрошенных

Ответы	**Гр 1**	**Гр 2**	**Гр 3**	**Гр 4**	**Гр 5**	**Гр 6**	**Гр 7**	**среднее по выборке, %**
	Кировская обл.	Карелия	Камчатка	Костромская обл.	Якутия	Новосибирская обл.	Ярославская. обл	
философ Сократ	2,5	1,2	1,9	1,8	2,2	2,8	1,6	1,8
Великий князь Александр Невский	1,6	1,2	0,9	1,7	1,5	1,9	2,4	1,7
игумен земли Русской св. Сергий Радонежский	1,1	0,4	0,6	1,3	0,2	0,9	1,2	1,1
художник Рафаэль	1,6	2	1,9	2,2	2,4	5,6	3,3	2,2
Иконоп исец Андрей Рублев	0,8	0,4	1,2	0,7	0,9	0	0,7	0,7
государь Иван IV Васильевич Грозный	1,4	0,4	1,2	1,1	1,3	1,9	1	1,1
император Петр I	5,4	**7,4**	**9**	**9,4**	6,4	8,4	8,5	**8,7**
композитор В. А. Моцарт	0,5	0,4	2,6	1,6	1,5	1,9	1,6	1,6
император Наполеон Бонапарт		1,2	0,9	0,6	1,7	0	0,4	0,7
русский полководец А. В. Суворов	0,8	0,4	2	2,2	1,3	1,9	1,7	1,9
поэт А. С. Пушкин	**9,5**	**5,7**	**8,4**	9,3	6,4	9,3	**9,5**	**8,9**

композитор П. И. Чайковский	3,3	2,5	1,9	1,3	0,9	0	1,2	1,5
писатель Л. Н. Толстой	1,6	3,3	2,3	1,7	1,1	3,7	1,2	1,7
ученый А. Эйнштейн	4,1	2,5	2,3	1,7	2,8	0,9	2,7	2,3
писатель Дж. Роулинг	2,5	2	0,8	1,1	1,3	0,9	1,3	1,3
аниматор и режиссер Х. Миядзаки	6,5	7,4	7	3,9	10,9	7,5	5,2	**5,2**
режиссер Ф. Бондарчук	1,1	1,2	0,8	1,1	0,4	0,9	1	1,0
актер А. Петров	1,9	3,7	0,5	1,2	0,4	0	2	1,3
актриса Э. Уотсон	3	1,6	1,1	1	3,9	3,7	1,1	1,4
фигурист Е. Плющенко	0,5	0,4	0,6	0,4	0,0	0,9	0,5	0,4
футболист Кр. Роналду	2,7	4,5	3,6	3,9	4,9	1,9	4,4	4,0
летчик-космонавт Ю. А. Гагарин	2,5	3,3	2,8	2,8	2,1	1,9	2,4	2,7
советский ученый С. П. Королёв	0	0,8	1,1	0,4	0,4	0	0,6	0,5
президент В. В. Путин	**13,4**	**14,8**	**18,3**	**22,4**	**12,4**	**21,5**	**21,3**	**20,4**
журналист, телеведущий В.Р. Соловьев	0,5	1,2	0,3	0,3	0,2	0	0,2	0,3
предприниматель И. Маск	6,8	4,5	3,9	3,3	4,5	0	3,8	3,7
предприниматель П. Дуров	12,3	7,8	2,3	5	4,9	4,7	5,2	**6,3**
затрудняюсь ответить	7,6	10,2	10,6	10,4	**14,8**	12,1	8,7	**10,3**
Другое	3,5%	7,4%	7,3%	4,3	5,8%	4,7%	4,5%	3,4%

В задачи вопроса не входила проверка эрудированности в отношении предъявленных персоналий. Однако уровень знания респондентов, на наш взгляд, мог способствовать выбору или отказу от выбора. Полагаем, что третьим местом в предпочтениях респондентов А. С. Пушкин (8,9 % в целом по выборке) обязан прежде всего школьной программе по литературе и актуализации знания о поэте в связи с юбилеем. И, несмотря на стереотипичность такого выбора, маркирующей шаблонность мышления подростков, значимость образовательной организации в формировании знания и понимания ценности персонального опыта великого творца прошлого верифицируется как несомненная. Связь изучения школьного предмета с воспитанием уважения и пиетета к русской литературе и ее представителям подчеркивают и отдельные самостоятельные ответы: «писатели Золотого и Серебряного века» (респондент из Новосибирской обл.), «А. А. Ахматова, А. А. Блок» (респондент из Кировской обл.), «В. Маяковский, М. А. Булгаков» (респонденты из Республики Карелия), «Н. Гоголь» (Камчатский край), «С. А. Есенин, А. П. Чехов» (Костромская обл.), «М. Горький» (Ярославская обл.).

Уровень симпатии к русскому писателю-классику респонденты показали более высоким, чем к зарубежному современному автору: Л. Н. Толстой опередил по выборке автора еще недавно культовой вселенной Гарри Поттера Дж. Роулинг (1,7 % против 1,3 % по выборке). Отметим и влияние изучения истории – Петр I занял четвертое место в иерархии симпатий респондентов (8,7% по выборке). Возможно, интерес к истории проявляли и респонденты, предложившие в качестве собственного варианта известных руководителей государств и политических лидеров прошлого: Екатерина II, В. И. Ленин, И. В. Сталин, а также персон, появление которых должно насторожить и стать аспектом целенаправленной воспитательной коррекции: Г. Распутин, А. Гитлер, Б. Муссолини, Хирохито.

Развивая эрудиционную и образовательную составляющую анализа, с сожалением отметим, что другие предметы школьного цикла, в рамках которых могло осуществляться знакомство с достижениями выдающихся исторических деятелей, ученых, музыкантов, художников, космонавта (физика, обществознание, изобразительное искусство, искусство, история изобразительного искус-

ства, музыка, история музыки, а также история) не дали такого заметного влияния, как литература. Особенно в отношении отечественных российских деятелей.

Парадоксально, но симпатии школьников к античному философу Сократу выше, чем к Св. Сергию Радонежскому (1,7 % и 1,15 % по выборке), что можно объяснить только незнанием, непониманием, неспособностью оценить духовно-нравственное значение деятельности последнего. Аналогичные интенции сопровождают низкий уровень симпатии к полководцу А. В. Суворову (1,9 %), великому князю Александру Невскому (1,7 %), иконописцу Андрею Рублеву – автор выдающейся иконы «Троица» упомянут в 0,7 % ответах по выборке. П.И Чайковский, брендирующий русскую музыку и балет, достиг 1,5 % по выборке; композитор В. Моцарт опережает его на 0,1 % (1,6 % по выборке). Не оценен вклад советского ученого С. П. Королева (0,5 % по выборке) в развитие космоса, впрочем, и симпатия к первому космонавту Ю. Гагарину имеет вес 2,7 %. Их ученых лишь А. Эйнштейн преодолел порог 2 %, получив 2,3 % по выборке.

Так, в сложившемся выборе респондентов выявлена корреляция бинарных оппозиций «знание – незнание» и «симпатия – отсутствие симпатии».

Фактором интерпретации подростков являются и ключевые грани идентичности представленных персон.

В отношении национальной культурной и отчасти гражданской идентичности выявлен аксиологический приоритет отечественных, русских и российских персон перед зарубежными. Среди десяти первых по иерархии персон половина отечественных (В. В. Путин, А. С. Пушкин, Петр I, П. Дуров, Ю. А. Гагарин) и половина зарубежных (Х. Миядзаки, Кр. Роналду, И. Маск, А. Эйнштейн, Рафаэль). Но сама иерархия выстроена в пользу симпатии к национальным российским деятелям: первые четыре позиции занимают «свои» / «наши», согласно классификации мифокритики и культурной антропологии, В. В. Путин (существенное опережение по выборке), А. С. Пушкин, Петр I, П. Дуров.

Несомненно, влияет на ситуацию и временная, историческая идентичность выдающихся личностей: подросткам менее интересны персоны далекого прошлого и более интересны близкие по времени. Из семи первых по количеству упоминаний персон пять – ныне живущие наши современники. Среди предложенных респондентами самостоятельно персон таких немало: 10 по 1 группе выборки, более 40 по 9 группе выборки. И здесь мы акцентируем необходимость развития воспитательного потенциала исторических дисциплин школьного и дополнительного образования, а также исторического компонента преподавания предметного цикла, культурно-просветительской деятельности.

Значима для распределения симпатий российских подростков и профессиональная, деятельностная идентичность предложенных персон, каждой из которых предпослан отчетливый идентификатор, связанный с областью деятельности, где они достигли вершинного уровня. Лидирующие позиции занимают: президент, поэт, император, предприниматель (2 персоны), режиссер-аниматор, футболист. И пока отечественная наука продолжает дискутировать о роли «антропологического идеала в формировании социального мировоззрения» [Яроцкий, 2023, с. 27], мы не можем на основании опроса выстроить рейтинг наиболее значимых для респондентов профессий. Профессиональные идентификаторы в заданном контексте несут аксиологическую символику, знаменуют и олицетворяют высшую государственную власть и политику, творчество, инновации и предпринимательство, спорт, которые привлекательны для респондентов и определяют спектр идеализируемых сфер деятельности, ориентиров и образцов возможной самореализации и личностных достижений.

Данный вопрос имплицитно содержит связь с категорией культурно-антропологического образца, выраженной через актуализацию архетипических матриц – культурного героя и корреспондирующего с ним идеала личности. Обозначим его ключевые составляющие на основании первых десяти по иерархии персон (В. В. Путин, А. С. Пушкин, Петр I, П. Дуров, Х. Миядзаки Кр. Роналду, И. Маск, Ю. А. Гагарин, А. Эйнштейн, Рафаэль) и предложенных респондентами кандидатур. В отношении последних проакцентируем: на первый взгляд, активность по предложениям своих вариантов свидетельствует о сформированности персонализированного идеала личности, но состав предлагаемых персон разнороден и дискуссионен в своей остросубъективной детерминированности.

Если с представителями художественной культуры и литературы прошлых эпох (А. А. Ахматова, Данте, М. Пруст, Э. М. Ремарк, А. П. Чехов) ситуация определена обоснованным влиянием несомненного социокультурного авторитета, то набор вызывающих симпатию современников диагностирует интерес к модному у молодежи мас-

совому или альтернативно-протестному трендам культуры: актеры, спортсмены, корейские айдолы, блогеры, музыканты (реп, панк, андеграунд и пр.). Актуализация подобных социокультурных типов корреспондирует с характерной для мифа «идеализацией культурного героя» [Злотникова, 2017, с. 166]. К идеалам современного подростка (персоналиям) могут относиться герои (пожарные, военнослужащие, космонавты, герои труда, подростки, совершившие подвиг), люди, добившиеся выдающихся достижений в своей профессии, люди, взявшие на воспитание сирот, члены семьи и окружающие люди (учителя, воспитатели, знакомые), отличающиеся заботливостью, нежностью, справедливостью, искренностью [Личностные …, 2024].

Сходные результаты были получены в исследовании, проведенном П. А. Баевым на выборке в 1200 человек – студентов вузов четырех городов [Баев, 2023]. Окружающие люди (родственники, друзья, коллеги) выступают в качестве идеала для 24 % респондентов, учителя – для 16 %, публичные персоны – для 11 %, герои кино или книг – для 10 %. Герои, о которых говорилось в связи с событиями в обществе стали наиболее популярными идеалами и ролевыми моделями: волонтеры, участвовавшие в различных событиях (эпидемия COVID, различные, в основном трагические, события) являются идеалом для 21 % респондентов, солдаты, погибшие во время военных действий – для 18 %.

В этом же исследовании 22 % респондентов сказали, что у них нет идеала, а 18 % разочаровались в своих идеалах. Устойчивое, устоявшееся и сиюминутное, изменчивое – два вектора, влияние которых на категорию идеала личности российского подростка дает разнородные, несогласованные импульсы.

Представление о культурно-антропологическом идеале в сознании российских подростков высоко индивидуализировано, о чем свидетельствуют высокая дробность ответов и существенный для данного вопроса вес категории «другое» (3,4 % от выборки и девятая позиция из двадцати девяти в общей иерархии). Приоритетные сферы приложения активности культурного героя – государственная служба (власть), творчество (преимущественно литература, музыка, кино), предпринимательство, спорт, медиасреда (блогинг). Уровень достижений – безусловно вершинный (первых десяти персон по иерархии) и различный, но субъективно мыслимый респондентами как высокий (предложенные респондентами персоны). Приоритеты временного континуума: настоящее и не слишком отдаленное прошлое (самый исторически отдаленный период скорее исключение – эпоха Возрождения, когда жил Рафаэль Санти). Категория идеала респондентов в целом слабо соотносится с соотносится с признанными в качестве таковых деятелей прошлого, несколько лучше обстоят дела с репрезентативными деятелями настоящего. Приоритеты пространственного континуума: Россия и СССР, мир (Япония, Португалия, США, Италия).

Качественные характеристики обобщенного культурно-антропологического идеала, рассматриваемого как самодостаточная целостность (Таблица 3), предъявлены в следующей иерархии: целеустремленность (45,2 % по выборке), ум (41,9 %), сила характера (39,9 %), мудрость (38,9 %), доброта (35,4 %), талант (33,6 %), многого добился в жизни, чувство юмора, патриотизм, красота, известность, физическая сила, популярность, богатство.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос 16 «Какие характеристики привлекают Вас в человеке, выбранном в ответ на предыдущий вопрос № 15», % от числа опрошенных

Ответы	Гр 1	Гр 2	Гр 3	Гр 4	Гр 5	Гр 6	Гр 7	среднее по выборке, %
	Киров. обл.	Карелия	Камчатка	Костр. обл.	Якутия	Новосиб. обл.	Яросл. обл	
целеустремленность	48,2	41,8	44,7	45,1	43,8	41,1	46	**45,2**
доброта	30,8	30,7	34,9	35,3	41,4	39,3	34,6	35,4
мудрость	45,8	34,4	36,8	38,3	37,1	29	42,2	38,9
сила характера	43,9	39,8	39	40,5	36,3	33,6	39	**39,9**
физическая сила	9,8	11,9	16,3	14,7	15,5	20,6	14,1	14,6
патриотизм	17,7	15,2	21,3	23,3	15,0	21,5	19,7	21,3
талант	39,5	34,4	35,6	32,1	33,9	27,1	35,3	33,6
ум	43,6	37,3	41,3	42	44,0	29,9	41,8	**41,9**
красота	15	23,4	20,2	19,6	25,8	24,3	18,1	20,6
чувство юмора	22,1	23,4	25,5	24,8	33,9	24,3	24,8	25,4
популярность	8,7	14,8	15,1	11,6	10,1	10,3	10,2	11,5

Богатство	9,3	13,1	13,4	10,2	12,4	9,3	8,2	10,5
многого добился в жизни	30,8	31,6	30,1	25,5	25,5	20,6	26,2	26,5
известность	14,2	19,7	17,9	16,5	13,5	10,3	14,9	16,1
затрудняюсь ответить	8,2	10,2	9,3	9,1	9,4	11,2	7,4	8,9
Другое:	1,1	4,8	3,5	0,5	1,9	0,9	2	1,7

Показательно, что, отвечая на вопрос о качествах, привлекающих в выбранной персоне, респонденты давали ответы даже в ситуации, когда персона не была выбрана. Так, затруднившиеся ответить на вопрос № 15 определили иерархию привлекающих их качеств, поставив на первые пять позиций доброту, целеустремленность, чувство юмора, силу характера, ум (Таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какие характеристики привлекают Вас в человеке, выбранном в ответ на предыдущий вопрос № 15», % от числа опрошенных по группе выборки

Персона / характеристики	**Гр 1**	**Гр 2**	**Гр 3**	**Гр 4**	**Гр 5**	**Гр 6**	**Гр 7**	среднее по гр. выборки
затрудняюсь ответить	Киров. обл.	Карелия	Камчатка	Костр. обл.	Якутия	Новосиб. обл.	Яросл. обл	
доброта	17,9	24	26,5	30,4	41,8	23,1	33,9	31,0
целеустремленность	25	12	19,1	19,2	22,8	23,1	31,3	21,5
чувство юмора	10,7	20	16,2	17,8	34,2	38,5	26,1	20,8
сила характера	14,3	16	17,6	17,1	21,5	7,7	20	17,7
ум	21,4	20	17,6	14,5	20,3	7,7	16,5	16
красота	10,7	12	16,2	15,7	5,1	15,4	20	15
мудрость	10,7	4	8,8	10,3	15,2	7,7	15,7	11,3
талант	17,9	4	11,8	7,3	13,9	15,4	14,8	9,9
физическая сила	7,1	4	8,8	5,2	10,1	7,7	10,4	6,9
многого добился в жизни	0	8	7,4	6,8	6,3	7,7	8,7	6,9
патриотизм	3,6	4	1,5	5,2	1,3	0	5,2	4,2
богатство	3,6	4	5,9	4,0	1,3	0	7,0	4,2
известность	7,1	4	1,5	4,0	5,1	0	4,3	4,0
популярность	0,0%	4,0%	1,5%	2,3%	1,3%	0,0%	4,3%	2,4%

Гуманистическая настроенность российских подростков не может не обнадеживать, но нивелированность гражданской позиции мы рассматриваем как предмет настороженного наблюдения и повод для дальнейшего изучения.

Среди превысивших вес в 30 % ответов по выборке доминируют волевые (целеустремленность и сила характера), интеллектуальные (ум и мудрость), духовно-нравственные (доброта) категории личности и категория одаренности (талант).

В группе набравших вес более 20 % по выборке характеристик сконцентрированы разнородные категории: положительную результативность деятельности (многого добился в жизни), психологическую способность комически воспринимать несовершенство (чувство юмора), духовно-нравственную позицию и социальное чувство любви к Родине (патриотизм), эстетическую ценность (красота).

Показательно, что критерии социального успеха и признания (известность и популярность) и материального благополучия (богатство) не получили высокого отклика у респондентов, что противоречит высокой востребованности карьеры и успеха, а также денег при ответе на вопрос 4 «Для меня главное в жизни это...». Возможно, вдохновляться российские подростки предпочитают более возвышенными категориями, а достигать лично стремятся в том числе и более практичных измеряемых результатов. Не входит в сферу конструктов антропологического идеала опрошенных и характеристика физического развития (физическая сила).

Если проводить обобщение качеств человека, составляющих в целом идеал современного подростка, то к ним относятся здоровье, красота, чистоплотность, физическая сила, сообразительность, терпеливость, благоразумие, доброта, честность, справедливость, мужество, совесть, милосердие [Личностные …, 2024]. В сверстниках подростки больше всего ценят уникальность, любознательность, хорошая успеваемость, находчивость, талант, умение многое делать своими руками, трудолюбие, бережное отношение к природе,

самоконтроль, эрудированность, обаяние, аккуратность, уравновешенность, спортивность, высокие моральные качества (долг, честь, ответственность) [Личностные …, 2024].

Региональная дифференциация предпочтений практические нивелирована в отношении целеустремленности, уверенно занимающей первую позицию (исключение – Якутия, предпочли ум), но предъявлена в отношении характеристик второго и третьего уровней. Ум занимает второе место, как в целом по выборке, у респондентов Камчатки, Костромской области. У респондентов из Кировской и Ярославской областей на втором месте мудрость (45,8 % по 1 группе выборки и 42,2 % по 7 группе). У респондентов из Карелии на втором месте сила характера (39,8 % по 2 группе), у новосибирцев – доброта (39,3 % по 6 группе). Сила характера (третье место по выборке) аналогичные позиции занимает в группах выборки из Кировской области, Камчатки, Костромской и Новосибирской областей. У респондентов из Якутии на третьем месте доброта (41,4 % по 5 группе), а ярославцы отдали его уму (41,8 % по 7 группе). Так, региональный компонент скорее характеризуется нюансировкой в выстраивании иерархии среди значимых для всех характеристик. Выходящих за пределы выбранного состава ключевых шести характеристики решений немного: школьники Якутии ценят чувство юмора (33,9 % по 5 группе), а респондентам Кировской области и Карелии важной характеристикой идеала личности является способность многого добиться (30,8 % и 31,6 % в группах соответственно).

Приведем избранные результаты в отношении корреляции выбранных персон и качеств.

Наиболее привлекательными для российских подростков характеристиками возглавляющего иерархию симпатий Президента РФ В.В. Путина (Таблица 5) определены мудрость (60,5 % по группе выборки), сила характера (55,1 %), целеустремленность (54,2 %), патриотизм (53,4 %), ум (51,9 %).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Какие характеристики привлекают Вас в человеке, выбранном в ответ на предыдущий вопрос», % от числа опрошенных по группе выборки

Персона / характеристики	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**Среднее по группе**
Президент Путин В.В.	Кировская обл.	Карелия	Камчатка	Костромская обл.	Якутия	Новосибирская обл.	Ярославская обл.	
мудрость	73,5	63,9	61,0	58,7	56,1	30,4	66,9	60,5
сила характера	63,3	44,4	54,2	54,7	60,6	52,2	55,9	55,1
целеустремленность	63,3	52,8	52,5	53,7	43,9	47,8	50,9	54,2
патриотизм	69,4	50,0	55,9	51,6	59,1	34,8	56,9	53,4
ум	44,9	44,4	55,9	54,8	34,8	39,1	43,4	51,9

Интеллектуальные и волевые качества в сочетании с модальностью любви к Родине доминируют, формируя ключевые параметры антропологического идеала политического лидера России. Следующие за ними духовно-нравственная категория доброты и психологическое качество чувства юмора (6 и 7 места) акцентируют человечность идеализируемого образа. Контрольные по отношению друг к другу, но не синонимичные категории, характеризующие широту признания – известность и популярность, – находятся за пределами десяти наиболее значимых для респондентов качеств выбранной персоны, что не отменяет их наличия, но определяет иные аксиологические приоритеты антропологических представлений подростков об идеале личности, охарактеризованные выше. У респондентов Кировской области, Камчатки, Ярославской области вес мудрости существенно больше второй по количеству упоминаний характеристикой (шаг от 10 до 19 %). Региональные нюансы связаны и с изменением места отдельных позиций в иерархии: в частности, школьники Якутии и Новосибирской области в качестве наиболее привлекательной черты определили силу характера (60,6 % и 52,2 % соответственно), у новосибирцев в первой пятерке характеристик мудрость уступила место доброте.

В иерархии характеристик пяти первых по симпатии российских подростков выявлены следующие позиции. Поэт А. С. Пушкин: талант (55,2 %), мудрость (47,5 %), ум (44,9 %), доброта (35,1 %,) целеустремленность (27,9 %) (Таблица 6). Император Петр I: целеустремленность (59,8 %), сила характера (56,5 %), ум (49,4 %),

мудрость (41,6 %), многого добился в жизни (29,0 %). Предприниматель П. Дуров: целеустремленность (58,2 %), ум (49,1 %), многого добился в жизни (42,4 %), сила характера (35,7 %), талант (26,6 %). Режиссер-аниматор Х. Миядзаки: талант (59,1 %), доброта (45,4 %), мудрость (39,6 %), целеустремленность (32,8 %), чувство юмора (28,3%). Футболист К. Роналду: целеустремленность (62,1 %), физическая сила (52,4 %), сила характера (43,4 %), многого добился в жизни (37,6 %), талант (36,6 %).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Какие характеристики привлекают Вас в человеке, выбранном в ответ на предыдущий вопрос», % от числа опрошенных по группе выборки

Персона / характеристики	Кировская обл.	Карелия	Камчатка	Костромская обл.	Якутия	Новосиб. обл.	Ярослав обл.	среднее по группе выборки
поэт А. С. Пушкин	1	2	3	4	5	6	7	
талант	65,7	64,3	48,1	52,9	67,6	30	60	55,2
мудрость	57,1	64,3	46,3	46,3	44,1	10	51,2	47,5
ум	45,7	35,7	50	42,1	50,0	50	50,4	44,9
доброта	22,9	35,7	25,9	36,8	44,1	60	32,8	35,1
целеустремленность	17,1	14,3	33,3	27,4	26,5	50	30,4	27,9

Показательна корреляция состава наиболее привлекательных качеств среди первых пяти лидеров иерархии с гранями идентичности.

Применительно к лидеру Российского государства (Президент РФ и российский император) выявлены три константных качества: мудрость, сила характера, целеустремленность. Полагаем, что от образа верховного правителя и образа верховной власти российские подростки ожидают проявления прежде всего высокой состоятельности осмысленного разума и силы волевых интенций.

Применительно к выдающимся творцам, которые представлены в вершине иерархии персонами русского поэта А. С. Пушкина и зарубежного режиссера-аниматора Х. Миядзаки качествами, конституирующими творческую личность в сознании респондентов являются: талант, мудрость, доброта, целеустремленность.

Выдающиеся достижения в предпринимательстве и спорте соотносятся с оказавшимися универсальными для подростков целеустремленностью, результативностью и успешностью, силой характера и талантом. Применительно к спорту зафиксирована специализированная характеристика, а именно физическая сила.

Заключение

В работе над Государственным заданием Министерства просвещения Российской Федерации Ярославскому государственному педагогическому университету им. К.Д. Ушинского по теме «Социокультурные основы развития воспитательных систем общеобразовательных организаций» отдельным аспектом исследования стало определение актуального состояния категории культурно-антропологического идеала, идеала личности в сознании современного российского подростка.

Учитывая широту охвата респондентов: географическую и национальную представленность; сбалансированность выборки по полу и возрасту; наличие респондентов из школ, расположенных в больших и малых городах, сельских поселениях; обучающихся из гимназий, лицеев и «обычных» школ, можно с уверенностью говорить о том, что выявленные тенденции характерны для старшеклассников России в целом.

Анализ ответов респондентов свидетельствует о взаимно коррелирующих интенциях: потребности и проявленности аксиологического наполнения категории культурно-антропологического идеала при недостаточной сформированности целостного образа и образца культурного героя, а также недостаточной соотнесенности в сознании российских подростков реальных персон с идеалами культурного героя и личности в целом, и в российском масштабе, в частности.

В горизонте воспитания детей и молодежи в России данный фактор несет перманентный вызов, ответы на который должны иметь комплексный характер и, помимо прочего, реализовываться через генерализированные современные культурные практики.

Напомним, эффективные социокультурные прецеденты по формированию категории национального идеала личности характерны для Рос-

сии: житийная литература и иконопись; Военная галерея Зимнего дворца в Санкт-Петербурге (инициатор Александр I); портретная галерея выдающихся русских деятелей (устроитель П. М. Третьяков); серия «Жизнь замечательных людей» (с 1890 г. – издательство Ф. Ф. Павленкова, возрождена М. Горьким, советский цикл изданий), литературный цикл рассказов о пионерах-героях.

Актуальная ситуация только начинающейся культурной поддержки российских ценностей определяет необходимость при разработке и модернизации воспитательных систем учитывать синергийный характер сложившегося в сознании подростков идеала личности и недостаточную сформированность представлений о национально значимом культурно-антропологическом образце в актуальной социокультурной среде и художественных практиках современности [Летина, 2024].

Библиографический список

1. Баев П. А. Экспертный анализ моральных авторитетов современной молодежи // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции / науч. редактор Т. И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 512–515.

2. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 томах : Т.4. Педология подростка: Проблема возраста. Москва : Педагогика, 1984. 368 с.

3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Электронная библиотека «Полис». 181 с. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf (дата обращения 06.08.2024)

4. Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского унив-та. 1983. 184 с.

5. Злотникова Т. С. Перекодирование мифа о Н. Г. Чернышевском // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. Выпуск 4. С. 157–169.

6. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. 2-е изд. Киев : Час-Крок, 2006. 312 с.

7. Летина Н. Н. Коммуникативные стратегии культурного героя в контексте воспитания социокультурных интенций российских детей и подростков // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 4 (139). С. 210–222. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-4-139-210. https://elibrary.ru/TXELPW

8. Личностные идеалы подростков. URL: https://ya.ru/search/?text=личностные++идеалы+подростков+&lr=16&search_source=yaru_desktop_common&search_domain=yaru (дата обращения 06.08.2024)

9. Лобастов Г. В. Э. В. Ильенков: личность и творчество // Экономические и социально-гуманитарные исследования. № 4 (24). 2019. С. 126–138. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-4-126-138

10. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. 3-е изд., стер. Москва : Большая российская энциклопедия, 2009. 527 с.

11. Разуваева Т. Н., Шевченко Е. А. Путь к идеалам личности: персонологическая модель исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 12 (209). Выпуск 26. С. 152–156.

12. Рубанова Э. Э., Шалова С. Ю. Идеал человека в представлении современных подростков // Мир науки, культуры, образования. № 4 (95). 2022. С. 48–50.

13. Тимофеева С. В. К вопросу взаимосвязи ценностей и идеала // Вестник КрасГАУ. 2009. № 5. С. 188–192.

14. Фетисов А. С. Идеалы и идеология в формировании профессионально важных качеств педагога и обновлении образовательной практики / Реализация идейного потенциала историко-педагогического знания в контексте современной образовательной политики : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Оренбург, 2023. С. 223–227. EDN: PCHRBO

15. Фёдоров В. А., Благова А. С. Эволюция понятия «Ценность» // Вестник РУДН. Серия Философия. 2016. № 1. С. 128–140.

16. Фролова С. Л. Классификация идеалов в педагогике // Ярославский педагогический вестник. № 1. 2010. С. 12–17.

17. Чернявская А. П., Летина Н. Н. Осмысление целей общего образования российскими старшеклассниками // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 5 (140). С. 8–25. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-5-140-8. https://elibrary.ru/ZMGQKY

18. Яроцкий В. В., Преображенская К. В. Онтологические аспекты формирования социально-антропологических идеалов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 3-2. С. 25–31.

19. Allport G. W., Vernon P. E., & Lindzey G. Study of Values. Boston : Houghton Mifflin, 1970. 28 p.

20. Graves C. W. Levels of Existence: An Open System Theory of Values // Journal of Humanistic Psychology, Fall, 1970. P. 131–155.

Reference list

1. Baev P. A. Jekspertnyj analiz moral'nyh avtoritetov sovremennoj molodezhi = Expert analysis of moral authorities for contemporary youth // Jekspertnye instituty v XXI veke: civilizacionnye i cifrovye koncepcii menjajushhegosja mira. Sbornik nauchnyh trudov Vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / nauch. redaktor T. I. Grabel'nyh. Irkutsk, 2023. S. 512–515.

2. Vygotskij L. S. Sobranie sochinenij = Collected works v 6 tomah : T.4. Pedologija podrostka: Problema vozrasta. Moskva : Pedagogika, 1984. 368 s.

3. Gobbs T. Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo = Leviathan, or Matter, Form, and Power of the church state and civil state // Jelektronnaja biblioteka «Polis». 181 s. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf (data obrashhenija 06.08.2024)

4. Davidovich V. E. Teorija ideala = The theory of the ideal. Rostov n/D : Izd-vo Rostovskogo univ-ta. 1983. 184 s.

5. Zlotnikova T. S. Perekodirovanie mifa o N. G. Chernyshevskom = Recoding the myth about N. G. Chernyshevsky // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2017. Tom 18. Vypusk 4. S. 157–169.

6. Il'enkov Je. V. Ob idolah i idealah = On idols and ideals. 2-e izd. Kiev : Chas-Krok, 2006. 312 s.

7. Letina N. N. Kommunikativnye strategii kul'turnogo geroja v kontekste vospitanija sociokul'turnyh intencij rossijskih detej i podrostkov = Communicative strategies of a cultural hero in the context of cultivating socio-cultural intents of Russian children and teenagers // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2024. № 4 (139). S. 210–222. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-4-139-210. https://elibrary.ru/TXELPW

8. Lichnostnye idealy podrostkov = Teenagers' personal ideals. URL: https://ya.ru/search/?text=lichnostnye++idealy+podrostkov+&lr=16&search_source=yaru_desktop_common&search_domain=yaru (data obrashhenija 06.08.2024)

9. Lobastov G. V. Je. V. Il'enkov: lichnost' i tvorchestvo = E. V. Ilyenkov: personality and creativity // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. № 4 (24). 2019. S. 126–138. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-4-126-138

10. Pedagogicheskij jenciklopedicheskij slovar' = Pedagogical Encyclopedic Dictionary / gl. red. B. M. Bim-Bad. 3-e izd., ster. Moskva : Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 2009. 527 s.

11. Razuvaeva T. N., Shevchenko E. A. Put' k idealam lichnosti: personologicheskaja model' issledovanija = The path to personal ideals: a personolized model of research // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. 2015. № 12 (209). Vypusk 26. S. 152–156.

12. Rubanova Je. Je., Shalova S. Ju. Ideal cheloveka v predstavlenii sovremennyh podrostkov = The human ideal in the minds of modern adolescents // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. № 4 (95). 2022. S. 48–50.

13. Timofeeva S. V. K voprosu vzaimosvjazi cennostej i ideala // Vestnik KrasGAU. 2009. № 5. S. 188–192.

14. Fetisov A. S. Idealy i ideologija v formirovanii professional'no vazhnyh kachestv pedagoga i obnovlenii obrazovatel'noj praktiki = Ideals and ideology in forming teachers' professionally important qualities and innovating educational practice // Realizacija idejnogo potenciala istoriko-pedagogicheskogo znanija v kontekste sovremennoj obrazovatel'noj politiki : sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Orenburg, 2023. S. 223–227. EDN: PCHRBO

15. Fjodorov V. A., Blagova A. S. Jevoljucija ponjatija «Cennost'» = Evolution of the concept «Value» // Vestnik RUDN. Serija Filosofija. 2016. № 1. S. 128–140.

16. Frolova S. L. Klassifikacija idealov v pedagogike = Classifying ideals in pedagogy // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. № 1. 2010. S. 12–17.

17. Chernjavskaja A. P., Letina N. N. Osmyslenie celej obshhego obrazovanija rossijskimi starsheklassnikami = Russian high school students' understanding of the goals of general education // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2024. № 5 (140). S. 8–25. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-5-140-8. https://elibrary.ru/ZMGQKY

18. Jarockij V. V., Preobrazhenskaja K. V. Ontologicheskie aspekty formirovanija social'no-antropologicheskih idealov = Ontological aspects of forming socio-anthropological ideals // Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2023. T. 24. № 3-2. S. 25–31.

19. Allport G. W., Vernon P. E., & Lindzey G. Study of Values. Boston : Houghton Mifflin, 1970. 28 p.

20. Graves S. W. Levels of Existence: An Open System Theory of Values // Journal of Humanistic Psychology, Fall, 1970. P. 131–155.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 07.10.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-267
EDN: HYFZPO

Рецепция позитивизма в русском символизме

Юлия Алексеевна Кузьмина
Аспирант, преподаватель кафедры теории и истории культуры факультета культурологии, Российский государственный гуманитарный университет. 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6.
kuzminaulia983@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-6529-2028

Аннотация. Становление ментальной парадигмы русского символизма протекало в акте систематического отрицания положений позитивизма. Такие современные исследователи, как И. А. Паперно, О. Матич, Дж. Д. Гроссман, Е. А. Муртузалиева и др., все чаще видят в подобном радикальном отторжении своеобразный тип конституирующей преемственности и зависимости одного дискурса от другого. В статье предпринимается попытка рассмотреть формирование символистских теорий как систематический процесс пошагового достраивания бинарных оппозиций значимым аспектам положительной философии. Исследовательским объектом в данной работе выступает мировоззренческая парадигма русского символизма, предметом – формы рецепции позитивизма в ней. Источниками становятся публицистические тексты, программные статьи, очерки, письма, рецензии и эссе Мережковского, Белого, Иванова, Блока, Эллиса и других представителей русского символизма. В процессе анализа устанавливаются следующие бинарные пары: 1) разграничение явления и сущности – их синтез, 2) абстрактный теоретический субъект – «реальная» волевая личность, 3) противопоставление субъекта объекту – их синтез в сверхсубъектности, 4) коллективность – свободное всеединство, 5) прогресс – культ памяти, 6) кумулятивность – вырождение, 7) промышленность – стихийность, 8) научный утопизм – эстетический утопизм, 9) рациональное предвидение – мистическое пророчество. Делается вывод о том, что стремление зарождающегося символизма противопоставить себя позитивизму приводило к тому, что новое мировоззрение формировалось в рамках того горизонта проблем и категорий, который был задан именно положительной философией, а значит, можно утверждать и о созидательном, конституирующем влиянии последней на ментальную парадигму русского символизма.

Ключевые слова: символизм; позитивизм; познание; контркультура; соборность; сверхсубъектность; эстетическая утопия; интуитивное познание

Для цитирования: Кузьмина Ю. А. Рецепция позитивизма в русском символизме // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 267–276. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-267. https://elibrary.ru/HYFZPO

Original article

Reception of positivism in russian symbolism

Yulia A. Kuzmina
Postgraduate student, lecturer at the department of theory and history of culture, faculty of cultural studies, Russian state university for the humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6.
kuzminaulia983@gmail.com, https://orcid.org/0009-0009-6529-2028

Abstract. The formation of the Russian Symbolism mental paradigm came as an act of systematic denial of positivism. Such contemporary researchers as I. A. Paperno, O. Matic, J. D. Grossman, E. A. Murtuzalieva and others often see in this radical rejection a certain type of constitutive continuity and dependence of one discourse on the other. The article attempts to consider symbolist theories formation as a systematic process of gradually completing binary oppositions to significant aspects of positive philosophy. The object of the research is the Russian Symbolism ideological paradigm, and the subject is the forms of positivism reception in it. The sources for the analysis are publicist texts, program articles, sketches, letters, reviews and essays by Merezhkovsky, Bely, Ivanov, Blok, Ellis and other representatives of Russian Symbolism. The following binary pairs are established in the course of the analysis: 1) distinction between phenomenon and essence – their synthesis, 2) abstract theoretical subject – «real» volitional personality, 3) opposition of subject to object – supersubjectivity, 4) collectivity – free all-unity, 5) progress – cult of memory, 6) cumulativeness – degeneration, 7) industry –

© Кузьмина Ю. А., 2024

spontaneity, 8) scientific utopianism – aesthetic utopianism, 9) rational foresight – mystical prophecy. It is concluded that the aspiration of the emerging symbolism to oppose positivism led to the fact that the new worldview was formed within the range of problems and categories, which was set by positive philosophy, and therefore the creative, constitutive influence of the latter on the mental paradigm of Russian symbolism can be stated.

Key words: symbolism; positivism; cognition; counterculture; communalism; supersubjectivity; aesthetic utopia; intuitive cognition

For citation Kuzmina Yu. A. Reception of positivism in russian symbolism. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):267–276. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-267. https://elibrary.ru/HYFZPO

Введение

Постановка вопроса. Русский символизм, оформившийся на рубеже XIX–XX вв., осознавал себя как нечто принципиально «большее, чем искусство», хотел стать «прежде всего мироощущением и умонастроением» [Ермилова, 1989, с. 3], формой «иного состояния сознания человечества» [Эллис, 2000, с. 173], цельным «миросозерцанием» [Белый, 1994, с. 24].

Процесс становления нового миропонимания на первых порах протекал не за счет сознательной манифестации какой-либо позитивной программы, но скорее как акт систематического отрицания, о чем неоднократно писал А. Белый: «знамя, объединившее нас, – отрицание бытия, нас сложившего» [Белый, 1989, с. 36]. Развивая тему апофатии, современные исследователи также часто характеризуют символизм с помощью понятий «контркультуры» [Жеребин, 2011, с. 287] или «альтернативной культуры» [Хренов, 2013, с. 26–40]. Однако необходимо отметить, что его отрицательная программа была специфической и узко направленной. Ее носители не бунтовали против минувшей культуры как таковой. Наоборот, мы наблюдаем тенденцию непрестанного поиска религиозно-эстетических корней в предшествующей литературной и философской традиции, а также своеобразную сакрализацию культурной Памяти [Дзуцева, 2009, с. 42]. Протест символистов рос лишь в отношении к выделенному культурному сегменту: «наше „нет” брошено на рубеже двух столетий – отцам». «Отцы большинства символистов» же, согласно наблюдениям того же Белого, – «образованные позитивисты; и символизм в таком случае являет собой интереснейшее явление в своем „декадентском” отрыве от отцов; он антитеза „позитивизма” семидесятых – восьмидесятых годов в своем „нет” этим годам» [Белый, 1989, с. 35].

Методы исследования. В разжигании «революции против устоев позитивистического быта среды» [Белый, 1994, с. 424] символисты не просто отклоняли теоретические и практические аспекты позитивизма, но всякий раз стремились предложить каждому из них соответствующую бинарную пару. Потому в данной работе становление символистской мировоззренческой парадигмы будет представлено как пошаговое достраивание ряда бинарных оппозиций ключевым положениям культуры «отцов». Выбранный подход позволит не только полнее раскрыть содержание нового миросозерцания, но и взглянуть на противодействие двух конкурирующих дискурсов под новым углом. Так как оппозиция всегда есть «разница в сходном» [Лотман, 1970, с. 104], антиномичность различных признаков предполагает их включенность в общую фундаментальную категорию. Кроме того, иерархические отношения и степень значительности элементов одной системы сохраняются и в системе, выстроенной противоположно, даже при смене ценностного статуса. Таким образом, можно допустить, что именно позитивизм сформировал тот горизонт категорий и проблем, в рамках которого и происходило выстраивание нового представления о мироздании. По крайней мере, ретроспективно оглядываясь назад, к выводам о конституирующем влиянии борьбы с положительной философией приходит и сам зрелый символизм в своей рефлексии. Так, «новыми людьми» зарождающегося символистского мировоззрения, согласно Белому, могли стать только «люди-бунтари», «люди в пику», «люди высшей многострунной культуры, окончившие два факультета», у которых «Оствальд и „Основы химии” Менделеева – в одной руке; „Апокалипсис” – в другой» [Белый, 1994, с. 424]. Глубинное усвоение позитивизма, по его свидетельству, и делало его «имеющим что ответить и Смайльсу, и Конту, и Спенсеру» [Белый, 1994, с. 429]. Принципы символизма оформлялись именно в качестве ответа, а значит были и структурно предопределены той системой, от которой отталкивались.

История вопроса. Если об «отторжении позитивизма» [Хренов, 2014, с. 141] и «противостоянии символистов старшему поколению» [Хренов, 2014, с. 113] в исследовательской литературе многократно говорилось, то созидательному влиянию последнего посвящено критически мало работ. В первую очередь следует выделить коллективный сборник статей «Creating Life: The Aesthetic Utopia

of Russian Modernism» (1994), авторами которого (И. А. Паперно, О. Матич, Дж. Д. Гроссман и др.) утверждается, что хоть сознательно позитивизм и «был отвергнут», глубинная преемственность все же прослеживается: «идеализм и мистика русских модернистов опиралась на прочный позитивистский субстрат» [Paperno, 1994, p. 11]. Кроме того, и в монографии Матич «Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России» (2008) в становлении литературно-медицинского дискурса декадентского вырождения также раскрывается конституирующее влияние позитивизма на русский символизм [Матич, 2008, с. 8]. Среди русскоязычной литературы также подчеркнем вклад Е. А. Муртузалиевой, раскрывшей тенденцию опоры на позитивистские установки в художественной практике Мережковского [Муртузалиева, 2014, с. 17–21].

Основная часть

Школа – миросозерцание. В первую очередь отметим, что рецепция позитивизма в публицистике символистов часто строится на искаженном терминологическом аппарате. Ярлык «позитивист» зачастую поверхностно накладывался на любого представителя научной интеллигенции. Кроме того, нередко понятие настолько расширяло свое значение, что деформировалось до неузнаваемости. Так, в статьях А. Блока упоминаются схоластики-позитивисты средних веков [Блок, 2003, с. 128], в текстах Вяч. Иванова позитивизм то отождествляется с аполлоническим и разрастается до онтологического начала [Иванов, 1994, с. 28], то сближается с категорией античного рока, эксплицированной в XX веке в формах детерминизма и механицизма [Иванов, 1994, с. 54]. Не менее своеобразные образы демонстрирует и Д. С. Мережковский, размышляющий о том, что на принципах «самого строгого позитивизма» построена не Европейская, но Китайская тысячелетняя цивилизация [Мережковский, 2007, с. 585].

Обе тенденции демонстрируют склонность к расширению содержания понятия. Определение здесь отходит от укорененной во времени и пространстве конкретной философской школы до некого омертвляющего статичного начала, могущего проявлять себя в разнообразных формах в различные исторические периоды. Философский позитивизм Конта становится лишь одной из таких частных форм, в которой это широкое позитивистское начало актуализировалось. Потому в символистской критике понятия «позитивизм», «софистика», «аполлоническое», «александрийское», «рок», «схоластика», «критическая эпоха», «европейская культура», «цивилизация» и т. д. часто могут выступать синонимичными и восприниматься как различные исторические воплощения единого позитивистского духа.

Механика производства подобных построений, с одной стороны, уже сама по себе демонстрирует усвоение принципов «контизма». Объекты отождествления здесь рассматриваются, как и заповедовал О. Конт, не на глубинном срезе первопричин, а на уровне узких подвижных явлений ради выявления общего, которому придается статус закона. Так, китайский культ старших приравнивается Мережковским к позитивистскому коллективизму, церемониал и этикет императорского двора к строгости позитивистского метода и т.д. Кроме того, широкое рассмотрение позитивизма как некого начала находит параллели с текстами самого Конта, где пусть и без метафизической окраски, а скорее в виде коллективного разума, но все же выделен эволюционирующий позитивный дух, также каждый раз являющий собой нечто более широкое, чем конкретное философское направление. С другой стороны, такие построения являются типичными для дискурсивного оформления образа конституирующего Другого. Так как сам символизм подчеркнуто претендовал на то, чтобы выйти за пределы конкретно-исторической школы искусства, то и позитивизм, от которого он отталкивался, должен был принять вид более фундаментальный, чем реальное учение.

Разграничение явления и сущности – синтез. Основатель позитивизма Огюст Конт считал «склонность к неразрешимым вопросам» пагубной врожденной особенностью человеческого разума, процветающей на теологической и метафизической стадиях. Она связана со стремлением к достижению абсолютного знания, задача которого «объяснить внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей» [Конт, 2003, с. 63]. Положительная же стадия провозглашает бесплодность таких стремлений и отказ от попыток постижения сущности, вместо которой предлагается сосредоточить «свои усилия в области действительного наблюдения» [Конт, 2003, с. 72], которому доступны лишь изменчивые явления. «Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова – простым исследованием законов, то есть постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями <....> мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи

никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования» [Конт, 2003, с. 73].

Понятия ощутительного явления и идеальной сущности были глубоко усвоены символизмом и стали тем категориальным аппаратом, на базе которого выстраивалась оппозиция позитивистскому принципу разграничения. Символизм потребовал не только «ноуменального вчувствования вещей» [Иванов, 1994, с. 95], но и открытия «двойной тайны»: синтеза «мира явлений и мира сущностей» [Иванов, 1974, с. 592].

Хоть символисты и соглашались с тем, что утилитарные успехи положительной науки стоят на разграничении сущности и явления, они воспринимали их мнимыми, обнажающими деградацию попыток постижения абсолютного бытия объекта, дошедших до довольства бытием отвлеченным, «бытием для нас». Прогрессивный рост знания становится здесь регрессивным ограничением «объекта знания; прежде таким объектом была вселенная; потом – вселенная, изучаемая с какой-либо определенной точки зрения» [Белый, 1994, с. 26]. Такой тип методологической организации объявляется «знанием о незнании». Постулаты позитивизма начинают расцениваться как переход от постижения смысла вещи к постижению ее материала [Белый, 1994, с. 31–35], самовольное установление пределов знания, безумное провозглашение «тяжкой формы хронического незнания» «предметом гордости» современной цивилизации [Белый, 1994, с. 239], осуществляющей «познавательную деятельность ради познавательной деятельности», в чем усматривается ее кризис и вырождение. Тем самым, по мысли Блока, западная культура создала познавательную ситуацию, где «все отдельно, далеко, „непознаваемо”», на ноумене ее рукой «написано: „Непознаваем, неприкосновенен. Проходите”» [Блок, 2003, с. 34–35]. Таким образом, знание буквально оказалось «вне бытия» [Белый, 1994, с. 30].

Стремясь воплотить должное бытие, символисты развивали эстетические идеи Мореаса, который «обращается к таинственным и прихотливым связям и соответствиям „явлений” и „идей”» [Гофман, 1937, с. 55], и теорию «Correspondances» Бодлера, «знаменующую общение высших и низших миров» [Иванов, 1994, с. 152]. Теперь поэт представал как «видящий глубочайшую истинную реальность вещей, realia in rebus, и не отказывающий в относительной реальности и феноменальному постольку, поскольку оно вмещает реальнейшую действительность, в нем сокрытую» [Иванов, 1994, с. 153]. Не случайно этимологию самого слова «символ» символисты возводили к глаголу συμβάλλω (соединяю) [Белый, 1994, с. 36]. В наиболее завершенной форме стремление к синтезу сущности и явления отражено в эстетической программе Иванова. Здесь обязанность художника – двойственная задача: 1) «прозревать и благовествовать сокровенную волю сущностей»; при этом 2) «не навязывать свою волю на поверхность вещей», то есть творить в соответствии с желанием к форме самого эмпирического материала. Такое ненасильственное творчество – истинный реализм, понимаемый как «принцип верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем» [Иванов, 1994, с. 144].

Соединение «тварного» и «абсолютного» в поэтическом символе отмечали и исследователи. Аге А. Ханзен-Леве указывал на его двойственную знаковую природу, вещественную и метафизическую одновременно [Ханзен-Леве, 2003, с. 7–17]. О той же двойственности писал и В. Гофман. Кроме того, оба исследователя отмечали, что за такой артикуляцией символической структуры стоит особая «гносеологическая концепция символистов», из которой и произрастают все прочие особенности их мировоззрения [Гофман, 1937, с. 54].

Абстрактный теоретический субъект – «реальная» личность. Развитие науки виделось символистам как движение к непрерывному дроблению абсолютного бытия исследовательского объекта на узкие аспекты его относительного бытия. Членение вместо синтеза осмыслялось ими не только как методологическая, но и как культурно-мировоззренческая особенность ментальной парадигмы отцов. Так, о бытовом поведении своего отца Белый пишет: «предметы он видел в их, так сказать, дифференциальном раздробе» [Белый, 1989, с. 53]. Главная характеристика такого «раздроба» – непрекращаемость. Необратимое дробление мира привело к патологическим последствиям, одно из которых, – членение субъекта познания.

Символисты осмысляли позитивистскую эпоху, как господство оторванного от жизненной цельности «теоретического человека» [Иванов, 1994, с. 68], гносеологического субъекта, содержание которого – «безличное утверждающее сознание» [Белый, 1994, с. 42]. В системе, где мир низведен до явления, а личность до субъекта «наше „Я” есть только форма, которой я связываю различные формы. Наше „Я” есть субъект, оно есть форма, и ничего более» [Белый, 1994, с. 318]. Субъект становится абстрактной «внеопытной нормой», «пределом мышления», который даже «нельзя помыслить», а потому степень отчужде-

ния доходит до противоестественных форм, выражаемых в символистской публицистике в метафорах болезни и греха («порок безличия» [Белый, 1994, с. 145–153]). Кроме того, так как и сама наука раздроблена многочисленными методами, то и единый абстрактный гносеологический субъект распадается на «множество методологических „я”» [Белый, 1994, с. 187]. Таким образом, культура отцов мыслилась как «доведенная до предела дезантропоморфная тенденция» [Хренов, 2013, с. 30].

Сведение человека к субъекту рефлексировалось символистами как планомерное отождествление познающего с механизмом 1) действующим по неизменным законам и 2) не обладающим свободой воли. Оппозиционное провозглашение личности механизму же утверждалось в метафорах античной трагедии, где возвращение познающему плоти мыслилось рождением героя, а его волевое сопротивление детерминизму среды и механицизму научных законов сравнивалось с драматическим противостоянием року. Так как в современной культуре «много стремящихся к познанию и мало волящих» [Иванов, 1994, с. 89], возвращение познавательному субъекту воли становилось сверхзадачей символизма, обещающей преодоление механицизма. Опиралось же оно на идеи Вл. Соловьева, в которых истину только д*о*лжно осуществить, а потому творческое воление всегда необходимо предшествует познанию.

При таком подходе символом идеальной познавательной ситуации для символистов стали биография и философия Ницше, выдвинутое *«я»* которого, на их взгляд, снова «соединяет *познание с бытием*» [Белый, 1994, с. 186], и таким образом, возвращает волевую личность как активного участника познавательного процесса. Волевое творчество предстало для них видом личностного познания, «соединением познания с бытием», но при условии «самоопределения поэта не как художника только, но и как личности – носителя *внутреннего* слова» [Иванов, 1974, с. 592]. Таким образом, «символизм сделался исканием „свободной личности”» [Эллис, 1998, с. 30]. Причем сами концепции личности отличались крайним своеобразием: от блоковского «вочеловечения» – до соборной личности Иванова и множественной личности Белого.

Интересным дополнением к данной теме станет рассмотрение символистского способа выборки философских авторитетов. В лозунге «София – так София, а там посмотрим» освятил ее Белый [Белый, 1989, с. 44], раскрывший, что на начальном этапе становления символизма авторитеты избирались исключительно по принципу противопоставленности отцовскому позитивизму: «операционными ножами, то есть и Шопенгауэром, и Соловьевым, и Марксом (позднее), и Ницше, я отрезывался от него» [Белый, 1989, с. 196]. Здесь часто возникает вопрос о том, почему символисты не хотели опираться на главного врага позитивизма – Гегеля. Интересное мнение по этому поводу высказывает Н. А. Хренов: «философская доктрина Гегеля – доктрина имперсональная: у него индивидуальная воля для истории не имеет значения» [Хренов, 2013, с. 30], потому видящие сущность творческого и познавательного процесса в новом утверждении волевого «Я» символисты не хотели использовать Гегеля в качестве таких отмеживающих «ножей».

Противопоставление субъекта объекту – сверхсубъектность. Исследователь русского позитивизма П. С. Шкуринов называет «противопоставленность объекта субъекту – типичной для позитивистской доктрины» [Шкуринов, 1980, с. 63]. Усвоив позитивистские категории, символисты и здесь предложили синтез как оппозицию противопоставленности. Объединяющий явление и сущность символ начинает выступать еще и инструментом связи «между „я” и „не-я”» [Ермилова, 1989, с. 29]. «Слияние с познаваемым, полное взаимное проникновение субъекта и объекта, отождествление познающего и познаваемого» [Эллис, 2000, с. 27] становится для многих символистов условием осуществления познания.

Методом достижения такой познавательной ситуации, где происходит «слияние с конкретными объектами» и «погружение в идею вещи» Эллис определил созерцание [Эллис, 1998, с. 31]. Его одновременным условием и результатом оказывается «абсолютное развитие» личности, ее преображение, выход за пределы Я [Эллис, 1998, с. 18]. Иванов, писавший, что вещее в творчестве есть «погружение в тот созерцательный экстаз, когда „нет преграды” между нами и „обнаженною бездной”» [Иванов, 1974, с. 591], также ставил его условием личностную трансформацию, раскрытое «Все-Я, объемлющее вселенную» [Иванов, 1994, с. 86]. В его концепции «Все-Я» есть место встречи макро- и микрокосма, оказывающихся тождественными. Здесь любое познание трансформируется в самопознание, и человек начинает «искать истолкования всего из себя» [Иванов, 1994, с. 87].

Возвращение волевой личности, таким образом, являлось необходимым шагом к дальнейшему преодолению ее субъектности, обнаружению возможности «сверхсубъектности», «сверхиндивидуальности» и «над-индивидуальности». Имен-

но разрушение субъектных границ приводит к «снятию противоречия субъекта и объекта в „Я”» [Белый, 1989, с. 310], слиянию с объектом. В обосновании такого взгляда символисты использовали различные эстетические концепции, часто значительно искажая их. Особое внимание уделялось творчеству Шопенгауэра, Шеллинга и Гете, но основной упор делался на Ницше. В первую очередь, его дионисийское начало рисовало ситуацию, где «субъективное исчезает до полного самозабвения» и осуществляется крушение «всех неподвижных и враждебных границ» [Ницше, 2016, с. 53], что особо показательно в связи с уже упомянутым нами отождествлением позитивизма и аполлонического начала Ивановым. Кроме того, описанный аффект античной трагедии, построенный на акте единения зрителя и хора, привлекал символистов как потенциальная механика преодоления личной субъектности. Также, на заре становления течения символисты значительно трансформировали концепцию сверхчеловека, приблизив ее к соловьевскому богочеловечеству. В их трактовке «Ницше выдвигает целью исторической эволюции проявление *всеединой личности, сверхчеловека*», который будет являться проявленным «в личности всеединым духом», неким сверхиндивидуумом [Белый, 1994, с. 245].

Противоречие в утверждении волевой личности и необходимости преодоления субъектности снималось за счет разработки концепций соборности, всеединства и согласия, обещавших единение в сохранении различий. В очередной раз здесь читается влияние идей Соловьева, где «истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [Меняева, 2013, с. 50].

Коллективность – свободное всеединство. Символизм полагал, что «вочеловечивание безличного» необходимо приведет к человеческому всеединству: «я могу, расширяя свое самосознание, расширяя жизнь того центра, который во мне стоит как самосознающее „Я”, все с большим и большим правом говорить не „Я”, а „Мы”, потому что мое индивидуальное „Я” будет все более и более переживать совершенно свою связь с другим коллективом, ибо мое „Я” есть не только „Я” – оно есть организованный коллектив, оно есть единство, многообразие в потенции», «„я”, которое в сущности говоря, заключает в себе также и коллектив, и всякое „Мы”, и всякие отдельные субъективные „я”» [Белый, 1994, с. 324].

Перспектива «единодушного пребывания вместе» при ближайшем рассмотрении оказывается оппозицией принципам позитивной коллективности и социальности. Согласно учению Конта, теологическая и метафизическая стадии подчеркнуто индивидуальны, а «новая философия во всей ее совокупности будет стремиться обнаруживаться как в действительной, так и в умозрительной жизни связь каждого со всем» [Конт, 2003, с. 185]. Однако континианская «связь каждого со всем» существенно отличается от символистской в аспекте сохранения индивидуально-личностного начала, ведь для нее «человек в собственном смысле слова не существует, существовать может только человечество» [Конт, 2003, с. 185]. Такая связь, требуемая Контом как от человеческого общества, так и от ученого сообщества, воспринимающего науку исключительно как коллективное дело, осмысливается символистами как механическое и насильственное уравнение каждого со всеми. Механически организованное «множество, не связанное соборностью», «скопление людей в единство посредством их обезличения» представляется же символистам дьявольским легионом [Иванов, 1994, с. 99].

Наглядно артикулирует такую тенденцию в мемуарах Белый, раскрывая принципы уравнивания в главном постулате «профессорского бытия», «страшном каноне: „как у всех”!» [Белый, 1989, с. 69]. Быт профессорских квартир разворачивался только в соответствии с принципами «быть как все» и «как полагается». Тот же принцип объединения являлся и принципом ограничения, отделяющим профессорский социальный круг: «я всосал это все в себя еще с карачек: на то „мы” – профессорский круг, чтоб младенцы у „нас” не так ползали, как у всех прочих, а конституционно и позитивистически» [Белый, 1989, с. 107].

Механическая коллективность позитивизма, в восприятии русских символистов, переростала в своеобразное преклонение перед авторитетами, слепое подражание, традиционность, статику и машинальную преемственность: «„Позитивисты” – говорили мы с Блоком в юности; и „тип” вставал, не столько „папаши”, сколько Паши, Аркаши, Николаши, иль как его там; еще с „папашами” я боролся; с Аркашами, с Николашами – никогда: я их слишком знал в их „статусе насценди”; они шли в услужение в университет; и нанимался в педелей, охраняющих папашины достижения» [Белый, 1989, с. 121]. Находила же она оправдание в текстах самого Конта, указывающего как на необходимую преемственность предшествующих форм знания новым, так и на социальную преемственность индивида в роде за счет положительной морали. Именно такие традицион-

ность и наследственность, не дающие личности шанса для индивидуального проявления, легли в основу уже приводимого нами сравнения позитивизма и культа старшинства Китайской цивилизации в очерке «Желтолицые позитивисты» Мережковского.

Прогресс – культ памяти, кумулятивность – вырождение, промышленность – стихийность. Согласно Конту, основной задачей положительной стадии является «деятельное повседневное стремление к практическому улучшению человеческого существования» [Конт, 2003, с. 106]. Непрекращающийся прогресс зиждется на регулярном приросте системного знания законов, обещающего возможность рационального предвидения, осознанного и контролируемого вмешательства в ход природных процессов. Гарантом улучшения становится «промышленная жизнь», возможная как феномен лишь на этой стадии, ведь здесь в отличии от теологического и метафизического состояний ума человек исходит из несовершенства мира и необходимости его исправления [Конт, 2003, с. 106].

Каждому аспекту из приведенного выше комплекса символисты предлагали бинарную пару. Прогрессу, как единственно возможному направлению человеческого познания, они противопоставили намерение заново открыть прошлое. Попытка оппонировать отцам «продиктовала интерес к тем образам прошлого, которые были заштампованы прохожею визою поколения семидисятников и восмедисятников; они не учили Фета, Тютчева, Баратынского; мы их открывали в пику отцам <...> в пику Стюарту Миллю тактически поддерживали лозунги „назад к Канту", „назад к Ньютону", <...> со всею решительностью провозглашали „назад к Пушкину"...» [Белый, 1989, с. 37].

Можно отметить, что сам контизм поощряет и даже считает необходимым обращение к прошлому, но лишь в том ключе, где оно рассматривается сквозь концепцию непрерывной эволюции, «все элементы и фазисы которой по существу своему примыкают друг к другу» [Конт, 2003, с. 75]. Здесь прошлое становится лишь приготовлением настоящего и интересует только с точки зрения выявления законов для построения дальнейших прогнозов будущего. Внимание символистов к прошлому демонстрирует иные тенденции. Оно рассматривается не как поле обоснования уже известного настоящего, а как актуальная возможность познания. Главным комплиментом мыслителям и писателям прошедших эпох для символистов является причисление их к «своим». Своими в разное время назначались Данте, Гете, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Фет и.д. Их наследие виделось символистам изобилующим символами, что якобы оставляло читателю возможность для выстраивания связи между Я и неизменной сущностью, то есть осуществлять актуальное познание. Таким образом, гносеологический потенциал того или иного текста не укладывался в линейную картину эволюции, как в позитивизме, а зависел исключительно от интуитивных способностей автора.

Наиболее радикальным выражением данной идеи является концепция Памяти Иванова. Согласуясь с Платоном, Иванов утверждает познание как припоминание. Символ здесь органическое образование народной стихии, потому в творчестве поэт «изобретает новое – и обретает древнее», становится «органом народного воспоминания», через который «народ вспоминает свою древнюю душу и восстанавливает спящие в ней веками возможности» [Иванов, 1994, с. 141].

Исключало символистское познание и кумулятивность. Влияние «Критики отвлеченных начал» (1880) Соловьева проявлялось еще и в том, что истина стала рассматриваться как «внутренняя связь всего со всем (всеединство)» [Соловьев, 1998, с. 736], не могущая дробиться на части. Знание о истине тождественно самому себе в своем единстве, а значит не может накапливаться из разрозненных данных чувственного опыта и рационального мышления. Кроме того, ее постижение для символистов есть результат личностной трансформации, а значит «истина никогда не является принадлежностью большинства <…> она рождается в отдельном индивидууме» [Белый, 1994, с. 218], что также противоречит положительной коллективности, обеспечивающей кумулятивность. Накопленное коллективом знание, таким образом, воспринималось не просто как бесполезное, но и как вредоносное. «Культура наша – венец человеческих знаний. Этот венец – смертный венец. Человечеству грозит смерть», так как накопленное – господство фетиша, трансформирующее жизнь в музей [Белый, 1994, с. 167]. Таким образом, положительной кумулятивности символисты противопоставили вырождение как симптом эпохи [Матич, 2005, с. 189–300].

Интересно также, что промышленность, являющаяся результатом прогресса и кумулятивности и главным достижением позитивного духа, вызывала у символистов подлинный ужас. Не только в художественной литературе, но и в публицистике промышленный город обретает инфернальные черты. Так, у Блока он нередко окрашивается

вампиризмом: «пузатые пауки-города, сосущие окружающую растительность, испускающие гул, чад и зловоние» [Блок, 2003, с. 22]. Белый же соотносит «коптящую дымами сферу промышленности» со сферой Аида [Белый, 1994, с. 304], машина здесь «символ смерти», «скелет», «новый гомункул», «источник катастроф» [Белый, 1994, с. 300]. Кроме того, иногда индустриализация и вовсе персонифицируется в образе апокалиптической Блудницы [Белый, 1994, с. 415–416]. Промышленность трансформировала культуру в цивилизацию, исказила творчество форм в утилитарное производство продуктов потребления, стала «роговым наростом», защищающим героя от осознавания рока, а значит и перерождения. Ей символисты противопоставили природную и сверхприродную стихийность, художественный пантеизм, первобытный ритм и апокалиптичность.

Научный утопизм – эстетический утопизм, рациональное предвидение – мистическое пророчество. Позитивистское «деятельное повседневное стремление к практическому улучшению человеческого существования» [Конт, 2003, с. 106] подразумевает моральное преобразование общества и материальное воздействие на природу за счет открытия социальных и естественных законов, материалом для которых выступают наблюдаемые факты. Простое наблюдение фактов однако не способно привести к открытию законов, так как оно в окончательной полноте невозможно. Тогда наука заменяет его «рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии». «Такое предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями» и позволяет, в отличии от простого наблюдения, менять ход совершающихся явлений [Конт, 2003, с. 106]. «Истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти» [Конт, 2003, с. 80]. Таким образом, рациональное предвидение обещает утопическое будущее, достижение которого целиком базируется на новой позитивной науке.

В ответ на научную утопию символисты развивали эстетическую утопию, способом говорения о которой являлось мистическое пророчество, возможное в моменты религиозного экстаза. Согласно концепции Иванова, символизм пытается «как бы возродить „иератическую речь пророчествования”» [Бычков, 1999, с. 87], оттого большое значение в нем начинают играть бессознательные интуиции поэта, погружающие его в древнюю стихию жреческого магического языка. Таким образом, «понимание роли художника в культуре рубежа XIX–XX вв. нашло выражение прежде всего в актуализации образа художника-гения, вестника и пророка, мистика и мага, отправителя культа, теурга» [Летина, 2009, с. 68]. Помимо рациональной организации положительного предвидения и бессознательно-экстатической направленности пророчества еще одной существенной разницей между ними становится принципиально утилитарная направленность первого и очищенность «от служения внешнему опыту» второго.

Стремление «придать своему творчеству проповеднический, пророчественный характер, а порой и элементы действительного магизма» [Быстров, 2021, с. 12] выражалось в мотивах ожидания преображения личности и мира. Содержание такого преображения отсылало к эстетической утопии Соловьева, завершившего «Критику отвлеченных начал» постулатом о том, что окружающий мир не соответствует критериям истины: «мы живем вне истины, а потому и не познаем истину <...> не только наше познание ложно, ложно само наше бытие, сама наша действительность». Соответственно, «для истинной организации знания необходима организация действительности. А это уже есть задача не познания, как мысли воспринимающей, а мысли созидающей, или творчества» [Соловьев, 1988, с. 743]. Таким образом, «основой „цельного знания” у Вл. Соловьева становится эстетическое» [Кондаков, 2020, с. 64].

Символисты активно развивали концепцию эстетической утопии, утверждали, что «современная теория знания должна исчезнуть или стать теорией творчества» [Белый, 1994, с. 39], подразумевая под последним, в первую очередь, творчество самой жизни как воплощение должного. Таким образом, символизм приходит к выводу, что «нет никакого познания в смысле объяснения явлений словом» [Белый, 1994, с. 136] и предлагает вместо него творчество-познание, где «творчество прежде познания: оно творит самые объекты познания» [Белый, 1994, с. 143]. Преображенная личность в таком утопическом построении утверждением имени, с одной стороны, утверждает и бытийность называемого, с другой, – познает ее.

Заключение

В приведенной работе были выделены многочисленные бинарные пары, достроенные символизмом по отношению к аспектам русского позитивизма. Среди них: 1) разграничение явления и сущности – их синтез, 2) абстрактный теоретиче-

ский субъект – «реальная» личность, 3) противопоставление субъекта объекту – сверхсубъектность, 4) коллективность – свободное всеединство, 5) прогресс – культ памяти, 6) кумулятивность – вырождение, 7) промышленность – стихийность, 8) научный утопизм – эстетический утопизм, 9) рациональное предвидение – мистическое пророчество.

Нельзя не отметить, что каждый первый член бинарной пары, являет собой не второстепенный аспект позитивизма, а его фундаментальную характеристику. Верно также и обратное, каждый второй элемент представляет собой ту смысловую основу, на базисе которой строилась ментальная парадигма русского символизма. Таким образом, отчаянное стремление противостоять положительной философии приводило к тому, что символистское мировосприятие буквально выстраивалось в рамках того горизонта гносеологических проблем, который был задан позитивизмом.

Библиографический список

1. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3 кн. Москва : Худож. лит., 1989. Кн. 1. 543 с.

2. Белый А. Символизм как миропонимание. Москва : Республика, 1994. 582 с.

3. Блок А. Полное собрание сочинений : В 20 т. Москва : Изд-во «Наука», 2003. Т. 7. 503 с.

4. Быстров В. Н. Между трагедией и утопией: Идея Преображения мира у русских символистов. Москва : Прогресс-Плеяда, 2021. 384 с.

5. Бычков В. В. Эстетические пророчества русского символизма // Полигнозис. 1999. № 1. С. 83–104.

6. Гофман В. Язык символистов // Литературное наследство [Символисты]. Москва : Объединение. 1937. Т. 27/28. С. 54–105.

7. Дзуцева Н. В. Память как парадигма культуры в творческом сознании Вячеслава Иванова // Соловьёвские исследования. 2009. № 4 (24). С. 40–47.

8. Ермилова В. Е. Теория и образный мир русского символизма. Москва : Наука, 1989. 176 с.

9. Жеребин А. И. Вертикальная линия: венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. Санкт-Петербург : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2011. 635 с.

10. Иванов В. И. Родное и вселенское. Москва : Республика, 1994. 428 с.

11. Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель : Foyer Oriental Chretien, 1974. Т. 2. 852 с.

12. Кондаков И. В. «Цветение и сияние духовных сил». Эстетическая утопия Владимира Соловьева // OSTCRAFT. Литературная коллекция. Научное обозрение. Москва : Модест Колеров. 2020. № 2–3. С. 53–96.

13. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов-на-Дону : Изд-во «Феникс», 2003. 256 с.

14. Летина Н. И. Культурно-философские основания самосознания творца рубежа XIX–XX вв. в России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1 (1). С. 66–70.

15. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Изд-во «Искусство», 1970. 387 с.

16. Матич О. Александр Блок: Дурная наследственность и вырождение // Тело в русской культуре. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. С. 289–300.

17. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. Москва : Новое литературное обозрение, 2008. 396 с.

18. Меняева М. П. Идея согласия в контексте учения о всеединстве В. С. Соловьева // Вопросы культурологии и философии. 2013. № 4 (30). С. 4–10.

19. Мережковский Д. С. Желтолицые позитивисты // Он же. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Санкт-Петербург : «Наука», 207. С. 58–599.

20. Муртузалиева Е. А. К вопросу о влиянии философии позитивизма на литературно-критическую и литературоведческую деятельность Д. С. Мережковского // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 3. С. 17–21.

21. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2016. 224 с.

22. Соловьев В. С. Собрание сочинений : В 2 т. Москва : Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.

23. Ханзен-Леве А. А. Русский символизм. Система мифопоэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. 816 с.

24. Хренов Н. А. Избранные работы по культурологии. Культура и империя. Москва : «Изд-во „Согласие”», Изд-во «Артем», 2014. 528 с.

25. Хренов Н. А. Символизм в контексте столкновения антропоморфной и дезантропоморфной тенденций в культуре // Культура и искусство. 2013. № 1(13). С. 26–40.

26. Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 416 с.

27. Эллис (Кобылинский Л. Л.). Неизданное и несобранное. Томск : Изд-во «Водолей», 2000. 480 с.

28. Эллис (Кобылинский Л. Л.) Русские символисты. Томск : Изд-во «Водолей», 1998. 288 с.

29. Paperno I. Introduction // Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism. California : Stanford university press, 1994. P. 1–13.

Reference list

1. Belyj A. Na rubezhe dvuh stoletij. Vospominanija = At the turn of two centuries. Memories. V 3 kn. Moskva : Hudozh. lit., 1989. Kn. 1. 543 s.

2. Belyj A. Simvolizm kak miroponimanie = Symbolism as a worldview. Moskva : Respublika, 1994. 582 s.

3. Blok A. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works : V 20 t. Moskva : Izd-vo «Nauka», 2003. T. 7. 503 s.

4. Bystrov V. N. Mezhdu tragediej i utopiej: Ideja Preobrazhenija mira u russkih simvolistov = Between tragedy and utopia: The idea of the world's Transfigura-

tion in the Russian Symbolism. Moskva : Progress-Plejada, 2021. 384 s.

5. Bychkov V. V. Jesteticheskie prorochestva russkogo simvolizma = Aesthetic prophecies of Russian Symbolism // Polignozis. 1999. № 1. S. 83–104.

6. Gofman V. Jazyk simvolistov = Symbolists' language // Literaturnoe nasledstvo [Simvolisty]. Moskva : Ob#edinenie. 1937. T. 27/28. S. 54–105.

7. Dzuceva N. V. Pamjat' kak paradigma kul'tury v tvorcheskom soznanii Vjacheslava Ivanova = Memory as a culture paradigm in Vyacheslav Ivanov's creative mind // Solov'jovskie issledovanija. 2009. № 4 (24). S. 40–47.

8. Ermilova V. E. Teorija i obraznyj mir russkogo simvolizma = Theory and figurative world of Russian Symbolism. Moskva : Nauka, 1989. 176 s.

9. Zherebin A. I. Vertikal'naja linija: venskij modern v smyslovom prostranstve russkoj kul'tury. = The vertical line: Viennese Art Nouveau in the semantic space of Russian culture. Sankt-Peterburg : Izd-vo im. N. I. Novikova, 2011. 635 s.

10. Ivanov V. I. Rodnoe i vselenskoe = The native and the universal. Moskva : Respublika, 1994. 428 s.

11. Ivanov Vjach. Sobr. soch. = Collected works. V 4 t. Brjussel' : Foyer Oriental Chretien, 1974. T. 2. 852 s.

12. Kondakov I. V. «Cvetenie i sijanie duhovnyh sil». Jesteticheskaja utopija Vladimira Solov'eva = «The blossom and radiance of spiritual forces». Vladimir Soloviev's aesthetic utopia // OSTCRAFT. Literaturnaja kollekcija. Nauchnoe obozrenie. Moskva : Modest Kolerov. 2020. № 2–3. S. 53–96.

13. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) = The spirit of positive philosophy. (On positive thinking). Rostov-na-Donu : Izd-vo «Feniks», 2003. 256 s.

14. Letina N. I. Kul'turno-filosofskie osnovanija samosoznanija tvorca rubezha XIX–XX vv. v Rossii = Cultural and philosophical bases of the creator's self-consciousness at the turn of the XIX–XX centuries in Russia // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2009. № 1 (1). S. 66–70.

15. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of literary text. Moskva : Izd-vo «Iskusstvo», 1970. 387 s.

16. Matich O. Aleksandr Blok: Durnaja nasledstvennost' i vyrozhdenie = Alexander Blok: Bad heredity and degeneration // Telo v russkoj kul'ture. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. S. 289–300.

17. Matich O. Jeroticheskaja utopija: novoe religioznoe soznanie i fin de siecle v Rossii = Erotic utopia: the new religious consciousness and fin de siecle in Russia. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 396 s.

18. Menjaeva M. P. Ideja soglasija v kontekste uchenija o vseedinstve V. S. Solov'eva = The idea of consent in the context of V. S. Soloviev's doctrine of Unity // Voprosy kul'turologii i filosofii. 2013. № 4 (30). S. 4–10.

19. Merezhkovskij D. S. Zheltolicye pozitivisty = Yellow-faced positivists // On zhe. Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury. Sankt-Peterburg : «Nauka», 207. S. 58–599.

20. Murtuzalieva E. A. K voprosu o vlijanii filosofii pozitivizma na literaturno-kriticheskuju i literaturovedcheskuju dejatel'nost' D. S. Merezhkovskogo = On the Influence of positivism philosophy on D. S. Merezhkovsky's literary criticism and literary studies // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3. S. 17–21.

21. Nicshe F. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki = The birth of tragedy from the spirit of music. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2016. 224 s.

22. Solov'ev V. S. Sobranie sochinenij = Collected works : V 2 t. Moskva : Mysl', 1988. T. 1. 892 s.

23. Hanzen-Leve A. A. Russkij simvolizm. Sistema mifopojeticheskih motivov. Mifopojeticheskij simvolizm. Kosmicheskaja simvolika = Russian symbolism. The system of mythopoetic motifs. Mythopoetic symbolism. Cosmic symbolism. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2003. 816 s.

24. Hrenov N. A. Izbrannye raboty po kul'turologii. Kul'tura i imperija = Selected works on cultural studies. Culture and Empire. Moskva : «Izd-vo „Soglasie"», Izd-vo «Artem», 2014. 528 s.

25. Hrenov N. A. Simvolizm v kontekste stolknovenija antropomorfnoj i dezantropomorfnoj tendencij v kul'ture = Symbolism in the context of the conflict between anthropomorphic and disanthropomorphic tendencies in culture // Kul'tura i iskusstvo. 2013. № 1(13). S. 26–40.

26. Shkurinov P. S. Pozitivizm v Rossii XIX veka = Positivism in Russia in the XIX century. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 416 s.

27. Jellis (Kobylinskij L. L.). Neizdannoe i nesobrannoe = Unpublished and uncollected. Tomsk : Izd-vo «Vodolej», 2000. 480 s.

28. Jellis (Kobylinskij L. L.) Russkie simvolisty = Russian Symbolists. Tomsk : Izd-vo «Vodolej», 1998. 288 s.

29. Paperno I. Introduction // Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism. California : Stanford university press, 1994. P. 1–13.

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 27.10.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-277
EDN: HCNTTW

Новое искусство и поиск исторической субъектности Алексея Ремизова

Иван Сергеевич Савушкин
Аспирант кафедры теории и истории культуры факультета культурологии, Российский государственный гуманитарный университет. 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6
vanya.savushkin.99@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-6576-5390

Аннотация. Исследования, посвященные первой волне русской эмиграции, зачастую раскрывают культурные, бытовые и творческие практики эмигрантов как демонстративное и публичное продолжение «дореволюционной жизни». Однако актуальные культурологические подходы позволяют рассмотреть их совокупность как новый, самостоятельный тип русской культуры. В статье предпринимается попытка увидеть в творческом материале А. М. Ремизова пример самостоятельного развития русской культуры и искусства эмиграции. Обращение к искусству русской эмиграции первой волны как к новому искусству позволяет достичь и другой цели, а именно: определить историческую субъектность русского эмигранта, в частности, Алексея Ремизова. Понятие «историческая субъектность», сформулированное автором статьи, подразумевает под собой различные культурные практики, направленные на осмысление эмигрантом хода истории и на определение своего места в этой истории. Таким образом, объектом данной статьи становится культура первой волны русской эмиграции, предметом – та специфическая историческая субъектность деятелей этой культуры. Источниками данной работы являются художественные тексты А. М. Ремизова, изобретенное им тайное общество «Обезьянья великая и вольная палата» и его опыт как художника в эмиграции. Кроме того, в качестве источника для этой работы выступает и критика творчества Ремизова эмигрантским сообществом. Методология строится вокруг структуралистского подхода, закона «единства и тесноты стихового ряда», а также принципа существования литературных и внелитературных рядов Ю. Н. Тынянова. В ходе анализа искусство Ремизова осмысляется как многогранное культурное и эстетическое явление, демонстрируется, что при кажущихся тавтологии и повторении дореволюционных культурных практик оно функционирует как самостоятельный, оригинальный и новый феномен. Делается вывод об оригинальности ремизовского подхода к искусству и о том, как А. М. Ремизов формулирует свою историческую субъектность с помощью своего искусства.

Ключевые слова: искусство русской эмиграция первой волны; Ремизов; культурная практика; закон единства и тесноты стихового ряда; смысловые ряды; бытовой ряд; историческая субъектность; ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ

Для цитирования: Савушкин И. С. Новое искусство и поиск исторической субъектности Алексея Ремизова // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 277–287. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-277. https://elibrary.ru/HCNTTW

Original article

New art and the search for historical subjectivity by Alexey Remizov

Ivan S. Savushkin
Postgraduate student, the department of theory and history of culture, Russian state university for the humanities. 125993, Moscow, Miusskaya sq., 6.
vanya.savushkin.99@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-6576-5390

Abstract. Studies on the first wave of russian emigration often describe the emigrants' cultural, social, and creative practices as a demonstrative and public continuation of «pre-revolutionary life». However, current culturological approaches make it possible to consider their totality as a new, independent type of russian culture. The article attempts to consider A. M. Remizov's creative work as an example of independent development of russian culture and art in emigration. Addressing the arts of the russian first wave emigration as a new form of art helps to achieve yet another goal, namely, to define the historical subjectivity of the russian emigrant, particularly of Alexei Remizov. The notion of «historical subjectivity» introduced by the author of the article implies various cultural practices aimed at the emigrant's understanding of the history course and defining their place in this history. Thus, the object of this article is the culture

© Савушкин И. С., 2024

of the Russian emigration's first wave, and the subject is the specific historical subjectivity of the representatives of this culture. The sources for this study are A. M. Remizov's literary texts, the secret society Monkey Great and Free Chamber he invented, and his experience as an artist in emigration. In addition, the author uses the criticism of Remizov's work by the emigrant community as a source for this work. The methodology is based on the structuralist approach, the law of «unity and density of the verse line», and Y. N. Tynyanov's principle of literary and extra-literary series. The author's analysis conceptualizes Remizov's art as a multifaceted cultural and aesthetic phenomenon, and demonstrates that while seemingly tautological and repetitive of pre-revolutionary cultural practices, it functions as an independent, original and new phenomenon. The conclusion is made about the originality of Remizov's approach to art and how A. M. Remizov expresses his historical subjectivity through his art.

Key words: russian emigration art of the first wave; Remizov; cultural practice; law of unity and density of the verse line; semantic sequences; everyday life; historical subjectivity; OBEZVELVOLPAL

For citation Savushkin I. S. New art and the search for historical subjectivity by Alexey Remizov. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2024;(4):277–287. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-277. https://elibrary.ru/HCNTTW

Введение

Алексей Ремизов, родившийся в 1877 году в Москве, был писателем, художником-оформителем и одним из ярчайших представителей русского модернизма. Происходил он из семьи со старинными художественными традициями, однако сам Ремизов так и не смог получить профессиональное образование художника. В дореволюционной России он был больше знаменит как писатель нежели как художник, его художественные работы воспринимались скорее как «чудачества писателя». Сам Ремизов не воспринимал свои графические работы как самостоятельные произведения искусства. Он относился к картинам, скорее, как к вынужденному техническому решению: «картинки свои не ценю, но для какой-то истории может быть любопытно, что бывает, когда слова не пишутся и не выговариваются» [Обатнина, 2008 с. 221].

Такое отношение к живописи останется у Ремизова и в эмиграции, сильно позже, обращаясь 15 июля 1949 года к А. Ф. Рязановской, он писал: «Гоголя я не бросаю. <…> Сны Гоголя я рисую. Когда-то все подготовил и все мои рисунки пропали (не совсем, но их найдут, когда меня не будет на свете). А сейчас я рисую – МОЯ ГЛАЗАТАЯ РУКА, рисуя, не вижу. Это называется „раскованный рисунок”» [Обатнина, 2008, с. 221].

Алексей Ремизов относился к искусству как составной части мира и человека, а к миру и человеку, соответственно, как составной части искусства. Объектами его творчества становился язык обыкновенного общения, литературный язык и обыкновенная грамматика. Вдохновением же, зачастую, служили сны. По этой самой причине язык Ремизова изобилует таким большим количеством его личных метафор таких как «глазатая рука», «подстриженные глаза», «испредметные движения» и так далее. Многие исследователи (например, Е. Обатнина, Е. Трубецкая, О. Лейкинд и Д. Северюхин) предполагают, что причина такого художественного поведения лежит в плохом зрении Ремизова, однако, мы можем допустить, что настоящая причина такого художественного приема состоит в самом понимании культуры Ремизовым.

Методология исследования

Теоретико-методологические принципы исследования базируются на структурном подходе, конкретно на законе «единства и тесноты стихового ряда» Ю. Н. Тынянова. Необходимо отметить, что исследовательскому алгоритму имманентен не классический вариант тыняновского закона, а инновационное для отечественной культурологии прочтение этого закона, предложенное И. В. Кондаковым в его работе «Теснота смысловых рядов в художественной культуре XX–XXI вв.» [Кондаков, 2022, с. 124–130]. Кондаков утверждает, что трансформация и изменение художественной культуры в XX и XXI веках можно объяснить и описать с помощью закона «тесноты стихового ряда». Закон этот подразумевает под собой следующее: некоторые вербальные формулы, выстроенные определенным порядком, начинают приобретать групповой смысл, в то время как по отдельности они этого смысла лишены. Этот процесс описывается понятием «кажущейся семантики» или «видимостью значения». В конечном счете, плотность художественного текста обеспечивается тем, что рядом с главными словами, которые несут в себе основной смысл стоят слова имеющие видимость значения: «Поэтический текст становится многозначным, наполненным множеством субъективных смысловых оттенков, порожденных множественными ассоциациями между смежными словами и призванных восполнить „семантические пробелы” в тексте за

счет „кажущейся семантики". Такой текст оказывается также многослойным, поскольку он демонстрирует связь между поэтическим текстом и его явными и воображаемыми подтекстами, между его поверхностными и глубинными смысловыми структурами» [Кондаков, 2022, с. 126.].

Позднее, в работе под названием «О литературной эволюции» Тынянов будет разрушать замкнутость литературных текстов и указывать на контекстуальность и наличие других рядов: «Построение же замкнутого литературного ряда и рассмотрение эволюции внутри его наталкивается то и дело на соседние культурные, бытовые в широком смысле, социальные ряды и, стало быть, обречено на неполноту» [Тынянов, 1977, с. 270].

И. В. Кондаков предлагает экстраполировать этот закон и на другие виды искусства. В разных произведениях искусства, вербальных и, что важно, невербальных будет действовать этот принцип перекликания различных «рядов», открытый Тыняновым. Важно, что сам факт пересечения смысловых рядов имеет эмерджентную функцию, что может (и даже должно) приводить к порождению новых смысловых линий: «формируются явления, относящиеся к синтезу искусств и синестезии. Возникающие в этом смысловом пространстве интер- и гипертекстуальные комплексы неизбежно предстают и как интермедиальные явления, то есть как явления культуры, соединяющие в себе различные медиа» [Кондаков, 2022, с. 127]. В этом аспекте особенно интересно рассмотреть творчество Алексея Ремизова. Ремизов был писателем и художником в широком смысле этого слова. Совершенным особняком стоит его невербальный арт-проект «Обезьянья Великая и Вольная Палата», ее и следует рассмотреть отдельно. ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ особенно интересен, так как он существовал на стыке бытового и культурного смысловых рядов.

Новый и старый ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ Функционирование закона Ю.Н. Тынянова на практике

Общество вольной обезьяньей палаты зародилось как своеобразная игра еще в 1908 году в России. Причина появления кроется, с одной стороны, в «театрализации» жизни в целом, весьма характерной тенденции серебряного века, с другой стороны, из-за провалившейся революции 1905 года. Так или иначе, игровая форма тайного общества сама по себе представляла акт искусства, который включал тайное приветствие, наличие пригласительных писем, выполненных особой вязью, устав и многое другое. Ключевой особенностью этой организации являлось то, что при внешней шутливости она предполагала очень четкие правила, иерархию, обряды и лидера – Царя Асыку Первого. Помимо конституции, Ремизов также подготовил и манифест, в котором перед членами общества сталось лишь одно, но обязательное правило: называть ложь ложью а лицемерие лицемерием.

Эта игровая и абсурдная практика интересна нам, она представляет из себя своего рода зеркало. Жизнь и история палаты были неразрывно связаны с историческим контекстом. Палата как бы «отражала» действительность. Когда в стране происходит революция Ремизов превращает ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ в тайное общество, устанавливает в нем конституционную монархию царя Асыки Первого и провозглашает идеологию «Свободновыраженной анархии». Или, например, из-за того, что Ремизов очень долго не мог получить разрешение на выезд за границу и находился под постоянной угрозой ареста, у членов ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛа появилось право беспрепятственно пересекать все возможные границы: «Обезьянья Палата тем и обезьянья, дает все права и освобождает от всяких обязанностей». Своей главной целью Ремизов видит создание идеального утопического общества, которое, в отличие от остальной России, будет «правильно» функционировать.

Характерно то, что в эмиграции этот арт-проект не перестал существовать, напротив, оказался куда более востребованным, чем на родине. Помимо того, что много «Обезьяньих кавалеров» оказались в эмиграции вместе с Ремизовым, обезьянья палата сильно расширилась. Несмотря на то, что, на первый взгляд, актуальность в существовании этого общества отпала, так как безвозвратно изменился бытовой и культурный «ряды», обезьянья палата приобрела новый смысл: «сама идея «Палаты» приобрела особый смысл: призрачный материк объединил разбросанных по Европе литераторов, художников, философов, врачей, издателей и многих других выходцев из России. «ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ» хранил как драгоценность прошлое этих пилигримов и объединял их в настоящем, не только создавая иллюзию общности, но и вполне реально закрепляя принципы взаимопомощи, товарищеской поддержки и творческой заинтересованности друг в друге» [Обатнина, 2001, с. 226].

В эмиграции «Палата» сохранит также и свою основную цель: попытку систематизировать содержание, отталкиваясь от постоянно меняющегося контекста. Ремизов создает новый список

участников, вводет новые должности (например, забеглые князья) и так далее. В эмиграции «Палата» перестала быть «частной» и стала общественным достоянием. Письма с приглашением вступить в тайное общество и раньше воспринимались членами «Палаты» как самостоятельные художественные произведения, однако в эмиграции они были оценены коллекционерами и официально приобрели такой статус. Кроме того, в обществе Ремизова появляются люди, желающие написать и перевести историю обезьяньей палаты на другие языки и познакомить тем самым с этой игрой иностранцев, которые никогда и не находились в условиях, при которых создавалась Палата, а значит, исходя из банальной логики, не могли ни принять участия в этом обществе, ни оценить его задачи и цели по достоинству[Обатнина, 2001, с. 232].

Ситуация с переводом на английский язык должна была осложниться еще и тем, что одним из инструментов своего искусства Ремизов считал слово, а если быть точнее, то свое вольное использование русской грамматики и лексики.

Появление этих и многих других тенденций, связанных с Палатой в эмиграции, крайне интересны еще и потому, что ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ представлял из себя арт-объект только самим фактом своего существования. «Палату» нельзя сравнить с художественными объединениями или с эмигрантскими журналами, так как ОБЕЗВОЛПАЛ не выпускал коллективных трудов, не был связан каким-то общим делом, не имел целей и задач. Суть этого общества состояла в самом факте проживания театральной жизни, «ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ аккумулировал в себе мифотворческий и символотворческий потенциал Серебряного века и реализовался как игровое осмысление идеологических и эстетических концептов дореволюционной России и русской эмиграции» [Обатнина, 2001, с. 7].

Елена Обатнина связывает жизнь «Палаты» в эмиграции со своеобразной ностальгией и поиском общности, однако, если это так, тогда остается необъяснимой внешняя реакция на это общество (критика, попытки перевода на иностранные языки и прочее). Быть может, что Ремизов и прочие обезьяньи кавалеры не стремились продолжать игру исключительно потому, что началась она еще в России. Возможно, что такая форма перформативного искусства продолжала существовать исключительно из-за того, что изменился контекст и «Палата» приобрела новую актуальность.

Необходимо вернуться к теоретической базе данной работы и подробнее рассмотреть теорию Тынянова о функционировании литературного и бытового / культурного / социального рядов. Юрий Николаевич Тынянов, указывая на невозможность изучения «замкнутой» литературы, утверждает, что причиной тому является сам процесс эволюционирования литературы. «Но уже и по отношению к современной литературе невозможен путь изолированного изучения. Существование факта *как литературного* зависит от его дифференциального качества (то есть от соотнесенности либо с литературным, либо с внелитературным рядом), другими словами – от функции его. То, что в одной эпохе является литературным фактом, то для другой будет общеречевым бытовым явлением, и наоборот, в зависимости от всей литературной системы, в которой данный факт обращается. Так, дружеское письмо Державина – факт бытовой, дружеское письмо карамзинской и пушкинской эпохи – факт литературный» [Тынянов, 1977, с. 273].

Иначе говоря, какой-то литературный прием существует как литературный прием, только пока он актуален, когда же он «стирается» или же «автоматизируется», то перестает быть самодостаточным смысловым элементом. Однако он не исчезает из культуры как таковой, чаще всего он просто меняет свою функцию, совершает своеобразную рокировку в общем смысловом ряду. Вместо самостоятельной смысловой функции «стертый» литературный элемент превращается в проводника – нечто такое, что связывает литературный и внелитературные ряды. По этому правилу существуют, например, газетные фельетоны. Однако, если экстраполировать тыняновские законы на невербальные вида искусства, то мы можем увидеть, что по такой же логике функционируют и газетные карикатуры, костюмы актеров на сцене, мизансцена и так далее.

«Стертый метр является здесь средством *прикрепления* злободневного, бытового, фельетонного материала к литературному ряду. Функция его совершенно другая, нежели в поэтическом произведении, она служебная. К тому же ряду фактов относится и „пародия” в стиховом „маленьком фельетоне”. Пародия литературно жива постольку, поскольку живо пародируемое. Какое литературное значение может иметь заведомо тысячная пародия на лермонтовское „Когда волнуется желтеющая нива...” и на пушкинского „Пророка”? Между тем стиховой „маленький фельетон” сплошь да рядом пользуется ею. И здесь мы имеем то же: функция пародии стала служебной, она

служит для *прикрепления* внелитературных фактов к литературному ряду» [Тынянов, 1977, с.274].

Согласно этому выводу Тынянова, мы видим, как культура превращает факт бытового ряда в факт литературного ряда и наоборот. Из этого вывода мы можем предположить, что игровая практика Обезьяньей палаты и театральность жизни Ремизова в России были лишь фактами бытового ряда, в то время как оказавшись за рубежом трансформировались в факты литературного ряда (если пользоваться словарем Тынянова).

Для обоснования этого аргумента нам необходимо обратиться к русской культуре Серебряного века. Л. А. Колобаева в предисловии к своей монографии пишет: «Стоит вспомнить странный, „безбытный" быт А. Добролюбова, или мифологизированную игру в кружке „аргонавтов" с участием А. Белого, или театральность поведения, свойственную А. Ремизову, с его Вольной Обезьяньей Палатой, включавшей немалый круг самых разных литераторов – от В. Розанова, Л. Шестова и Е. Замятина до М. Горького, или артистизм Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал с их „башней", или поведенческую игру М. Волошина и обитателей его коктебельского дома, их стилизованные одежды, жесты и не всегда безобидные мистификации» [Колобаева, 2000, с. 4]. Помимо ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА в те же годы появилось и «Заячье ведомство», организованное Пришвиным. Вот цитата из его дневника за 5 марта 1917 года: «Под самый конец царствования Романова, когда министры сменялись с большой скоростью, мы с Ремизовым, независимо друг от друга, основали два новые ведомства: он – Обезьянье в кругу своих знакомых, я – Заячье внутри Министерства Торговли и Промышленности (где я служил, укрываясь от войны, делопроизводителем отдела „Военного Времени")» [Пришвин, 2007, с. 365]. Между двумя этими тайными обществами моментально произошел союз и многие обезьяньи кавалеры стали носить еще и дополнительный титул: Заячьи сенаторы.

Кроме того, много исследователей утверждают, что любовь к псевдонимам серебряного века, также стоит отнести к игровым практикам. Псевдоним для художника, в широком смысле этого слова, явление не редкое, однако в XIX веке обычно под псевдонимом старались спрятаться молодые авторы, в то время как в начале XX века псевдоним почти поголовно вытесняет настоящие имена. Ровно такую же практику мы можем наблюдать и в среде политических партий Российской империи. Можно расширить доказательную базу, указав на особую любовь поэтов и писателей Серебряного века к тавтограммам и брахиколонам, центонам, футуристической зауми, палиндромам, анаграммам. Художник Анненков, вспоминая свое общение с тем же А. Ремизовым, писал о его идее создать некую «Русалию», которая бы воплощала и балет, и литературу, и символизировала бы собой всю русскую культуру [Анненков, 1991, с. 206]. Или же вспоминал то, как Ремизов смотрел на боевые орудия и восхищался их красотой, говоря при этом, что это безумно красивые машины, когда не стреляют. Очевидно, что в данной реплике присутствует определенная доля театральности, так как орудия созданы не для восхищения, а для стрельбы. Отказывая им в их первоначальной функции и наделяя их эстетической красотой, Анненков демонстрирует нам «игровой» взгляд деятеля культуры серебряного века на окружающую его действительность [Анненков, 1991, с. 201].

Мы видим, что создание обезьяньей палаты Алексеем Ремизовым является хоть и гиперболизированной формой игровой практики, однако вполне естественной для культуры Серебряного века. В связи с этим, мы можем утверждать, что в России ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ являлся фактом бытовой культуры, а всплеск популярности этого тайного общества в эмиграции можно объяснить тем, что ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ превратился в факт литературного ряда. Сама по себе «Палата» стала самостоятельным культурным объектом, который обладает самодостаточным семантическим шлейфом. По этой причине мы можем сказать, что продолжение игровой практики тайного общества не было вызвано одной лишь ностальгией по исчезнувшей России или же пространством осмысления идеологических и эстетических концептов дореволюционной России в эмиграции, напротив, эмиграция и вынужденный разрыв литературного, в широком смысле слова, ряда с бытовым рядом подарили литературному факту «новую жизнь». Надо отдельно отметить, что для многих деятелей русской эмиграции сама эмиграция давала «новую» жизнь их деятельности.

Новая живопись Ремизова. Сны писателей как новое искусство

Отдельно интересно проанализировать живопись Ремизова и его отношение к ней. Находясь в эмиграции, Ремизов будет составлять альбомы снов разных русских писателей. Писатели, такие как Гоголь, Тургенев, Достоевский, будут создаваться им заново с помощью представлений само-

го Ремизова о снах этих писателей. После образы эти будут представлены на суд общественности.

Сны привлекали Ремизова, особенно сны, перемешанные с реальностью. Само по себе описание сна это не новый прием, однако сны ,сопоставленные с реальностью, текст, сопоставленный с картинкой, являются авторским приемом Алексея Ремизова: «Сны я записываю, как научился писать. Сны я помню: но вижу во сне отчетливее, чем мои записи. Трудно передать несообразность, а также несоответствие, и невольно сон исправляется числом и мерой. Рисунок точнее передает сон. Я пробовал – рисую, и то не ахти как! Моя натура – что-то не очень натуральная, передача исковерканной и без того *реальности сна* (курсив автора статьи). Чтобы изловчиться в рисунке, я решил изображать всякий день мой сон: сновидение в середине страницы, а вокруг и с боков дневное: встречи и происшествия» [Художники русской эмиграции, 1994, с. 381].

Сон как постоянный лейтмотив изобразительного творчества Ремизова не случаен по некоторым причинам. Во-первых, сон – это «чистый» нарратив, не скованный никакими законами реализма, логики и так далее, что безусловно дает автору небывалую творческую свободу. Во-вторых, сон – это элемент бытовой жизни (или факт бытового ряда, пользуясь терминологией Тынянова). И, в третьих, природа сна не до конца известна сегодня, а во времена Ремизова практически не была изучена вовсе, а значит, природа сна обладает определенной мистической функцией, содержит какую-то тайну. Если бы Ремизов хотел написать критическую статью, посвященную Пушкину или Гоголю, то он непременно столкнулся бы с академической критикой, так как уже существовала определенная школа и академические традиции литературоведения. В случае же описания сна Ремизов оказывался свободен и – при этом – создавал определенный образ Пушкина, Гоголя, Тургенева, так как их сон – это факт их бытового ряда, а, значит, часть их внутреннего мира. Причем образы эти были не классические дореволюционные, напротив, художественный опыт Ремизова вполне можно отнести к «новому» искусству русского зарубежья.

Работы Ремизова все-таки столкнулись с формальными представлениями о писателях и поэтому не воспринимались критиками как сны исторических личностей, однако, высоко оценивались как самостоятельные произведения искусства. Вот что писал Осоргин по поводу работ Ремизова: «Не только трудно, но и невозможно представить себе, чтобы Тургенев или его герои когда-нибудь грезили образами, изображенными Ремизовым и резко противоречащими тургеневской простоте и ясности: зато для толкования самого Ремизова и его произведений эти образы необходимы – во всей их сказочности и фантастической путанице, в их детской стилизации, богатейшей орнаментике („Песнь торжествующей любви") и чертовщине. <…> Иллюстрации к „сновидениям" принадлежат, кажется, к лучшим его художественным опытам, и право их полной оценки следует предоставить консилиуму художников и врачей; литературному суду они, во всяком случае не подлежат» [Осоргин, 1927, с. 453].

Общество русского зарубежья не позволяло Ремизову «переработать» гениев русской литературы, хотя очевидно, что такая идея у автора альбомов определенно присутствовала. И несмотря на это, сам по себе художественный ход (изображать сны, перемешанные с реальностью, превращать факт бытового ряда в факт литературного ряда) был оценен многими по достоинству. Михаил Осоргин, в рецензии к книге «Взвихренная Русь» оценил художественный калейдоскопический взгляд Ремизова. Он называет книгу памятником революции, но, что важно, памятником совершенно новым, так как она останется непонятной тем, кто сам не пережил событий 1918–1920-х годов в России. Книга Ремизова с помощью снов, в частности, не просто передает революционный быт, как это делают многие мемуаристы 20-х годов, она его возрождает: «Рассказать книгу невозможно. Тому, кто ее только перелистает она покажется набором мелких рассказчиков, сценок, чудачеств, отступлений, случайных записей, непровдоподобных снов пестрящих подлинными именами. Времени от времени тон бытовой повести или нарочное гаерство переходит в неожиданную, высокую, как бы даже преувеличенную лирику и вновь завершается какой то заметкой, годной для газетного отдела курьезов и анекдотов. Нужно привыкнуть к письму Ремизова, чтобы прежде чем дойдешь до последней умиротворяющей страницы, где-то на полустроке, внезапно, но с полной ясностью понять, что вся эта суета манеры, вся эта не слитая смесь быта и бытия, бодрствования и сна, крови и анекдота, великого горя и мизерных радостей – все это и есть олицетворение взвихренной России…» [Осоргин, 1927, с. 453].

Из этой цитаты Осоргина видно, что метод Алексея Ремизова абсолютно уникален, нов, и, что самое главное для этой статьи, демонстрирует нам принцип работы тыняновского «закона стихотвого ряда» в невербальном искусстве. Мы ви-

дим, как лишенные самостоятельной семантики факты (такие, как сны, анекдоты, случайные записи и прочее) выстраиваются в ряд и приобретают общий смысл. Интересно дополнить это наблюдение тем, что, как минимум в глазах Осоргина, эта книга ценна сама по себе именно, исходя из ее калейдоскопической манеры. Она составлена в новом формате на основе логики Обезьяньей палаты. Не каждый читающий сможет понять логику Ремизова, не каждый сможет уловить тонкую художественную ценность «памятника», и, скорее, будет склонен отнести «Взвихренную Русь» к очередному «чудачеству», в то время как текст, как и ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ, является своеобразным «тайным обществом переживших революцию в России». Произведение, во многом составленное из текстов бытового ряда, переплетая несовместимые вещи, создает новый литературный ряд и новое прочтение революционных событий.

Литература А. М. Ремизова. Историческая субъектность Ремизова как эмигранта

«В эмиграции, вопреки ожиданиям соотечественников, не признававших Россию с большевиками, Ремизов неоднократно демонстрировал оптимистический взгляд на постреволюционное поколение литературной молодежи, хотя его позиция утвердилась независимо от сменовеховской агитации» [Обатнина, 2020, с. 95.]

Изучая стиль и метод Алексея Ремизова, нам видится необходимым также поднять проблему исторической субъектности Ремизова как эмигранта. Под исторической субъектностью стоит понимать особые практики пишущего человека, направленные на осмысление своего места в настоящей исторической действительности и на определение своей роли в ней. Многие эмигранты первой волны сталкиваются с проблемой имплицитного определения своей исторической субъектности. Как правило, это выражено в проблеме «Миссии русского зарубежья». Этой проблематике в отечественной историографии посвящено много текстов, достаточно вспомнить работу Михаила Назарова «Миссия русского зарубежья» [Назаров, 2020, с. 544]. Автор этого труда ставит перед собой задачу исследовать уникальный опыт русской эмиграции в познании разных общественных систем. То, что в нашей работе названо «исторической субъектностью», выражается у Назарова в понятии «миссия» и замыкается политической и политологической деятельностью русского зарубежья. Нам видится необходимым определить историческую субъектность, или «миссию» культурного, далекого от политики, эмигранта Алексея Ремизова. Его тексты, в частности, «Взвихренная Русь» , дают нам такую возможность.

Книга «Взвихренная Русь» представляется нам не стилизованным под мемуаристку художественным текстом, а, скорее, рефлексией над жизнью в революционной России, однако рефлексией, составленной вне России. Мемуары были настолько частым явлением в литературе русского зарубежья, что даже сам факт писания мемуаров стал поводом для шуток. Вот что пишет Надежда Тэффи в своем рассказе «Городок»: «Кроме мужчин и женщин, население городишки состояло из министров и генералов. Из них только малая часть занималась извозом – большая преимущественно долгами и мемуарами. Мемуары писались для возвеличения собственного имени и для посрамления сподвижников. Разница между мемуарами заключалась в том, что одни писались от руки, другие на пишущей машинке». Учитывая специфику Ремизовского стиля, его нельзя заподозрить в том, что он пытался подражать популярному жанру. Такая мемуарная стилистика была, скорее, инструментом для автора, нежели конечной целью. Описывая события февральской революции в России, Ремизов ставит рассказчика в положение наблюдателя. Все события главный герой либо слышит, либо видит из окна, либо вспоминает вырезку из газеты, но никогда не участвует в событиях. Надо отметить, что цитаты из книги «Взвихренная Русь» даются в этой работе с той орфографией, которая выбрана редактором зарубежного издательства в 1990 году. Выше нами неоднократно утверждалось, что в качестве объекта искусства для Ремизова выступал русский язык. Однако, помимо словотворчества Ремизов использовал специальную вязь для написания своих «обезьяньих писем», значит частью литературной игры и частью арт-объекта являются не только слова сами по себе, но и то, как они выглядят. Это значит, что, цитируя памятник, необходимо цитировать его именно в том виде, в каком он до нас дошел.

«По обѣдѣ вышелъ я на волю – чего тамъ на волѣ? А тамъ земля шаталась.И вѣковая стѣна вотъ-вотъ рухнетъ. Пробрался я къ Семеновскому мосту и повернулъ на Фонтанку къ „князю обезьяньему” М. М. Исаеву. Посидѣлъ немного и домой. Выхожу изъ воротъ.

– Матушки, горитъ! – закричала старуха, шла она шаталась съ своимъ шитымъ мѣшкомъ, чиновница.

– Что горитъ?

– Окружный горитъ.

„Окружный горитъ!" Посмотрѣлъ я вверхъ, а тамъ дымъ – длинный – идетъ – и идетъ.

– Окружный горитъ и Комендантское! – сказаль студентъ.

– Потушите огонь! – слышу.

– Предварилка горитъ! – крикнула барышня, раскраснѣвшаяся, бѣжитъ она по Фонтанкѣ къ Литейному. Петербургъ горѣлъ. Горѣли черныя гнѣзда: судъ, война и неволя. Земля шаталась» [Ремизов, 1990, с. 39].

Иногда рассказ прерывается сценами бреда, а иногда дневниковыми записями: «И не помню, что мнѣ подъ этотъ день снилось. Помню изъ газетъ: въ тотъ день выскочилъ какой-то Вейсъ и очень осердился, какъ смѣли безъ него „хлѣбныя карточки" готовить, и что онъ этого не допуститъ. И еще помню статью В. В. Розанова объ автомобиляхъ, какъ наша „радикальная демократія" спитъ и видитъ захватить автомобили и кататься. А главное и это, какъ „Богъ – быкъ" въ воскресеніе, засѣло въ памяти: „государь уѣхалъ въ ставку"» [Ремизов, 1990, с. 45].

Калейдоскопический, сонно-бредовый образ революционной России создается Ремизовым для того, чтобы передать атмосферу конца света. Эсхатологический мотив встречается и в других его текстах, опубликованных в эмиграции. Речь идет про его сборник «Россия в письменах», который писался и в России, и за рубежом, но полностью редактировался и публиковался уже в эмиграции. Вот, что пишет Ремизов про свои последние дни в Петрограде перед эмиграцией: «В первый раз взял я с полки петровскую мою тетрадь, когда по злому ли наущению либо от простоты нашей Санктпетербург <так! – Ред> обернули в Петроград. Очень меня тогда за сердце взяло: город святого Петра – Санктпетербург – и вдруг какой-то Петроград! С тех пор много воды утекло. Война вспорола каменный мешок, в котором сидючи простецы наши валяли простецкую свою жизнь, храня исконный завет: – здорово живешь – обознался – наплевать. Смута пошла, а с нею раздор и раззор. Уничтожили навсегда твердый знак. А загаженный, заплеванный Петербург обратили из Петрограда в красный Петроград. И пришло такое время конечное, вон побежали из Петербурга кто куда, оставляя дом Петров – последнее наше окно» [Ремизов, 2017, с. 38].

Мы видим, что автор говорит про «конченное» время, сравнивает эту эпоху со смутным временем, а «окно в Европу» называет «последним нашим окном». Мы видим, что Ремизов видит «последние времена», однако не стоит считать, что Ремизов видит конец истории как таковой. Возможно автор говорит о конце истории в России, но никак не о конце Русской истории.

Какие же знаки сигнализируют Ремизову, что наступают последние времена? Например, изменения в грамматике: «уничтожили твердый знак». Как для писателя это – серьезная потеря для Ремизова. Кроме того, изменившееся поведение людей символизирует конец времени. Ремизов, подобно булгаковскому профессору Преображенскому, отмечает «разруху в клозетах». Приведем цитату из «Взвихренной Руси», это фрагмент перевода случайно обнаруженного «обезьяньего» письма: «спѣшу увѣдомить тебя, другъ мой, что положеніе дѣлъ въ великой бѣлой имперіи страшно измѣнилось: всѣ люди вышли изъ скотскихъ загоновъ и объявили, что они ч е л о в ѣ к и, но при этомъ они стали разбрасывать нечистоты на площадяхъ и улицахъ, утверждая, что во всеобщемъ засореніи заключается истинная свобода. Вожди ихъ говорили, что людей единственно можно убѣждать, отказавшись отъ всякаго принужденія, поэтому никто никого не сталъ слушаться. И каждый сталъ дѣлать, что хотѣлъ» [Ремизов, 1990, с. 300].

Но самая главная трагедия для Ремизова и самый главный сигнал конца света, это прекращение общения между людьми: «Вотъ это-то и есть самое страшное: не слушаютъ! – не слышатъ словъ твоихъ. Кричали, кричали – слава Богу! – повели въ комиссаріат» [Ремизов, 1990, с. 71]. Завершая свою книгу «Взвихренная Русь», в маленьком рассказе «В конце концов», Ремизов дает нам, читателям, свое определение России: «Россія! – это разговоръ на долгіе годы, а споръ безконечный. Всякій тутъ свое – и по своему правъ» [Ремизов, 1990, с. 516]. В условиях, когда Россия – это разговор и спор, потерять возможность вести диалог является главным признаком конца света. Однако, как мы увидим ниже, конец света для Ремизова не означает конец истории как таковой. Правильнее было бы определить это явление, скорее, как «конец мира».

Мир, в котором герой Ремизова не мог больше говорить, мир , где его могут прийти и арестовать, автор считает, как нам кажется, погибшем миром. Именно из-за «глухоты» окружающего общества Ремизов убивает и обезьянью Палату, чтобы возродить ее в эмиграции. Мы видим, что ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ не перестает существовать совсем, он возрождается в эмиграции, однако он перестает существовать в отдельно взятом мире.

Согласно сюжету книги большевики постепенно арестовывают всех участников «Великой и Вольной Обезьяньей Палаты», а далее производят массовую казнь на Марсовом поле. Марсовое поле в Петербурге, место захоронения героев революции, становится у Ремизова своеобразным капищем, на котором приносят в жертву обезьян и их предводителя Царя Асыку Первого. «Марсово поле насытилось визгомъ и стономъ, а земля взбухла отъ пролитой обезьяньей крови, а народъ надорвалъ себѣ животики отъ хохота, прискакалъ на мѣдномъ конѣ, какъ вѣтеръ, всадникъ, весь закованный въ зеленую мѣдь: высоко-взвившійся арканъ стянулъ мнѣ горло – и я упалъ на колѣни. И въ замерѣвшей тишинѣ, дерзко глядя на страшнаго всадника, передъ лицомъ ненужной, ненавистной, непрошенной смерти, я, предводитель обезьянъ Австраліи, Африки и Южной Америки, прокричалъ гордому всаднику и ненавистной мнѣ смерти трижды пѣтухомъ» [Ремизов, 1990, с. 300].

Заканчивается книга рассказом под названием «Неугасимые огни». Этот рассказ является своего рода постскриптумом, так как предыдущий рассказ, подобно пьесе, символично заканчивается словом «Конец», а текст «Неугасимые огни» помещен сразу после. Сюжет этого рассказа представляет из себя подробнейшее описание церковных служб в Москве. Лирический герой сначала оказывается на службе в одном храме, затем он переходит в другой, следом в третий. В конечном счете герой рассказа наблюдает, как в церковной службе, в своеобразном шествии, начинают принимать участие московские святые, московские цари, митрополиты и так далее: «Въ мѣдныхъ каскахъ, закованные въ сѣрую сталь, проходили ливонцы, обагрившіе кровью московскій берегъ, а слѣдомъ пестро и ярко царевичи: грузинскіе, касимовскіе и сибирскіе. Шишаки лѣсовчиковъ и русскихъ „воровъ”, а подъ ними шаршавыя головы юродивыхъ – не брякали тяжелыя вериги, висѣло желѣзо, какъ тѣнь, на измученномъ тѣлѣ. И въ бѣлыхъ оленьихъ кухлянкахъ скользили лопаринойды, шептались – шаптали – и отъ ихъ шопота сгущался туманъ, и сквозь туманъ: ослѣпленные зотчіе и строители, касаясь руками стѣнъ. Неугасимые огни горятъ надь Россіей!» [Ремизов, 1990, с. 524].

В текстах, опубликованных Ремизовым в эмиграции, мы видим два смысловых блока, проходящих красной линией через его «эмигрантские» труды. Это, во первых, мотив «конца мира**,** и во вторых, мотив «живой» истории прошлого, которая предстает периодически перед глазами лирического героя. Именно в переплетении этих сюжетных блоков мы видим историческую субъектность эмигранта Алексея Ремизова. Возможно, Ремизов понимает историю после революции не как законченную, а скорее как остановленную. Свою же историческую субъектность видит в роли наблюдателя за этим «пройденным» отрезком истории.

Бунин, к примеру, в своих дневниках пишет о том, что большевики и революция окончательно уничтожили старый мир, а он, эмигрант, вынужден жить в новой реальности. Алексей Ремизов также пишет об уничтожении старого мира, однако «персонажи» старого мира никуда не исчезли для него. Можно сказать, что в отличие от Бунина, Ремизов так и не начал жить в новой реальности, но, в тоже время, нельзя сказать, что историческая реальность Ремизова когда-то совпадала с бунинской.

Рассказчик вспоминает прошлое и заново переживает его: «Живо встаетъ старая память – ночные успенскіе крестные хода» [Ремизов, 1990, с. 519]. Этой старой памятью рассказчик вспоминает не только события, в которых он принимал участие, он вспоминает и далекое прошлое: войну 1812 года, Годунова и Ивана Грозного. Вспоминает он это, так как убежден, что на протяжении веков процесс крестного хода не изменился, и благодаря наблюдению за крестным ходом, он переживает и эти древние эпохи в том числе: «въ унисонъ ревутъ басы, да звенящій перекликъ кононарховъ, а подъ конецъ густой кадильный дымъ къ голубѣющимъ утреннимъ сводамъ – тропарь Преображенью – такъ при царѣ Иванѣ, такъ при Годуновѣ, такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ: столповой распѣвъ костеръ изъ тьмы – голубѣющій разсвѣтъ – тропарь Преображенью» [Ремизов, 1990, с. 520].

Михаил Осоргин назовет лирического героя Ремизова «малюсеньким человеком» [Осоргин, 1927, с. 456]. Нам представляется это крайне удачным описанием. Герой Ремизова никогда не участвует в революции, он только наблюдает. В конце книги выясняется, что герой Ремизова и не сильно страдает от революции, так как она не отнимает у него ничего (у него ничего и не было). Революция лишь дает ему эмоции, переживания и заражает его «верой в бурю»: «вотъ надвигается въ мірѣ, идетъ и придетъ, наконецъ, подыметъ и развѣетъ – развущитъ» [Ремизов, 1990, с. 517]. Историческая субъектность этого «малюсенького человека» выражается в том, что он осознает, свою неспособность повлиять на историю, однако не потому, что история закончилась или он выпал из этой истории. Этот человек является наблюда-

телем, кроме того, наблюдателем активным. Герой Ремизова может «старой памятью» вспоминать историю, поставленную на паузу, причем вспоминать все события одновременно.

Историческая субъектность Алексея Ремизова похожа на средневековое, религиозное эсхатологическое мышление. История не выстроена в линейный нарратив, прошлое и настоящее может переживаться одновременно, а будущее выражено в буре, приносящей конец света, однако у этого конца света нет конкретной даты. Ремизов и его литературный герой как бы «заражены» (терминология Ремизова) ощущением беды, которая обязательно придет. Однако, несмотря на то, что Ремизов эмигрант, сам факт эмиграции и переворота 1917 года не является для него концом истории. История продолжается для Ремизова, и он - как художник в широком смысле слова - продолжает заниматься искусством, которое вполне можно назвать «новым искусством».

Заключение

В заключении к данной статье необходимо отметить, что проведенный анализ творчества Алексея Ремизова в эмиграции позволяет говорить о его искусстве как о «новом искусстве». Несмотря на кажущуюся тавтологию и, казалось бы, простое продолжение дореволюционной традиции ремизовского творчества, мы видим, что в эмиграции оно приобретает новые смыслы. ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ, бывший в России всего лишь шуткой для близкого Ремизову кругу людей, в эмиграции превращается в полноценный арт-проект с огромным количеством участников. Калейдоскопический стиль литературы Ремизова, бывший в России скорее литературным чудачеством, превращается в эмиграции в особый литературный прием, который превращает мемуарный текст в живой памятник революции и так далее. Благодаря этому выводу удается определить и историческую субъектность Алексея Ремизова как писателя и художника в эмиграции. По меткой формулировке Михаила Осоргина, приведенной выше, историческая субъектность Ремизова может быть названа «субъектностью малюсенького человека», который признает, что история России не остановила свой ход, несмотря на крах старого мира, история продолжается, однако движется она скорее не к «светлому будущему», а к «концу света». Сам Ремизов берет на себя роль наблюдателя, а не вершителя истории, однако наблюдателя не пассивного, а активного. Ремизов может, как бы, жить в истории, «вспоминая ее старой памятью».

Библиографический список

1. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т 1. Санкт-Петербург : Искусство, 1991. 327 с.

2. Базанов П. Н. Царь и советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственную деятельность: политическая и издательская деятельность. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2022. 322 с.

3. Дэвидсон П. Переосмысление русской литературной традиции в диаспоре. Бунин, Набоков, Вячеслав Иванов // Век диаспоры: сб. науч. тр. / Новое литературное обозрение. Москва, 2021. С. 50–29.

4. Ковальчук С. Н. Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. Москва : Новый хронограф, 2017. 432 с.

5. Колобаева Л. А. Русский символизм. Москва : Изд-во Моск. Ун-та, 2000. 296 с.

6. Кондаков И. В. Теснота смысловых рядов в художественной культуре XX–XXI веков // Сложность социокультурного мира современности: реалии и оптики анализа : Сборник материалов и докладов XXIV российской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 14–15 апреля 2022 г.) / редкол.: Л. А. Закс и др. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2022. С. 124–130.

7. Милюков П. Н. «Русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / отв. ред. и сост. М. Г. Вандалковская, В. В. Тихонов. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 326 с.

8. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века). В двух томах. Т. 1. Москва : Русская идея, 2020. 544 с.

9. Обатнина Е. Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата. А. М. Ремизов в лица и документах. Санкт-Петербург : Изд-в Иван Лимбаха, 2001. 384 с.

10. Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов. Личность и творчество писателя. Москва : Новое Литературное обозрение, 2008. 296 с.

11. Обатнина Е. Р. Писатель на фоне сменовеховства: Ремизов и Пришвин // Словестность и история. Москва, 2020. С. 91–108.

12. Осоргин М. А. Алексей Ремизов. Взвихренная Русь // Современные записки. Кн 31. Париж : Таир, 1927. С. 453–456.

13. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917 / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной; указат. имен Т. Н. Бедняковой, Е. В. Михайлова. Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Росток», 2007. 608 с.

14. Ремизов А. М. Россия в письменах. Собрание сочинений. Т. 13. Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Росток», 2017. 928 с.

15. Ремизов А. М. Взвихренная Русь. Glasgow, 1990. 708 с.

16. Ремизов А. Огонь вещей. Сны и предсонье / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е. Р. Обатниной. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лтимбаха, 2005.

17. Сомов К. А. Дневник. 1923–1925 / вступ. статья, подгот. текста, коммент. П. С. Голубева. Москва : издательство Дмитрий Сечин, 2018. 716 с.

18. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. Москва, 1977. С. 270–281.

19. Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь / авторы Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. Санкт-Петербург : Издательство Чернышева, 1994. 592 с.

20. Шёнле А. Эмоциональная, моральная, и идеологическая амбивалентность изгнания. Николай Тургенев и перформанс политической эмиграции. // Век диаспоры: сб. науч. тр. / Новое литературное обозрение. Москва, 2021. С. 30–50.

Reference list

1. Annenkov Ju. P. Dnevnik moih vstrech. Cikl tragedij = A diary of my encounters. A Cycle of Tragedies. T 1. Sankt-Peterburg : Iskusstvo, 1991. 327 s.

2. Bazanov P. N. Car' i sovety: russkaja jemigracija v bor'be za rossijskuju gosudarstvennuju dejatel'nost': politicheskaja i izdatel'skaja dejatel'nost' = The Tsar and the Soviets: Russian emigration fighting for Russian statehood: political and publishing activities. 2-e izd., ispr. Sankt-Peterburg : Izd-vo RHGA, 2022. 322 s.

3. Djevidson P. Pereosmylenie russkoj literaturnoj tradicii v diaspore = Rethinking the Russian literary tradition in the diaspora. Bunin, Nabokov, Vjacheslav Ivanov // Vek diaspory: sb. nauch. tr. / Novoe literaturnoe obozrenie. Moskva, 2021. S. 50–29.

4. Koval'chuk S. N. Nastojashhij izgnannik s soboj vse unosit: sud'by uchenyh jemigrantov v Latvii 1920–1944 gg. = A true outcast takes everything with him: the fates of scientific emigrants in Latvia 1920-1944. Moskva : Novyj hronograf, 2017. 432 s.

5. Kolobaeva L. A. Russkij simvolizm = Russian Symbolism. Moskva : Izd-vo Mosk. Un-ta, 2000. 296 s.

6. Kondakov I. V. Tesnota smyslovyh rjadov v hudozhestvennoj kul'ture XX–XXI vekov = The density of semantic rows in the XX-XXI centuries artistic culture // Slozhnost' sociokul'turnogo mira sovremennosti: realii i optiki analiza : Sbornik materialov i dokladov XXIV rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Ekaterinburg, 14–15 aprelja 2022 g.) / redkol.: L. A. Zaks i dr. Ekaterinburg : Gumanitarnyj universitet, 2022. S. 124–130.

7. Miljukov P. N. «Russkij evropeec». Publicistika 20–30-h gg. XX v. = «The Russian European». Journalism of the 20-30s of the XX century / otv. red. i sost. M. G. Vandalkovskaja, V. V. Tihonov. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2012. 326 s.

8. Nazarov M. V. Missija russkoj jemigracii. (Na fone kataklizmov XX veka) = The Russian emigration's mission. (Against the background of XX century cataclysms). V dvuh tomah. T. 1. Moskva : Russkaja ideja, 2020. 544 s.

9. Obatnina E. R. Car' Asyka i ego poddannye. Obez'jan'ja Velikaja i Vol'naja Palata. A. M. Remizov v lica i dokumentah = King Asyka and his subjects. Monkey Great and the Free Chamber. A. M. Remizov in persons and documents. Sankt-Peterburg : Izd-v Ivan Limbaha, 2001. 384 s.

10. Obatnina E. R. A. M. Remizov. Lichnost' i tvorchestvo pisatelja = A. M. Remizov. The writer's personality and creative work. Moskva : Novoe Literaturnoe obozrenie, 2008. 296 s.

11. Obatnina E. R. Pisatel' na fone smenovehovstva: Remizov i Prishvin = The writer against the background of changing guidelines: Remizov and Prishvin // Slovestnost' i istorija. Moskva, 2020. S. 91–108.

12. Osorgin M. A. Aleksej Remizov. Vzvihrennaja Rus' = Alexei Remizov. Swirled Russia // Sovremennye zapiski. Kn 31. Parizh : Tair, 1927. S. 453–456.

13. Prishvin M. M. Dnevniki. 1914–1917 = Diaries. 1914-1917 / podgot. teksta JI. A. Rjazanovoj, Ja. 3. Grishinoj; komment. Ja. 3. Grishinoj; ukazat. imen T. N. Bednjakovoj, E. V. Mihajlova. Sankt-Peterburg : OOO «Izdatel'stvo «Rostok», 2007. 608 s.

14. Remizov A. M. Rossija v pis'menah. Sobranie sochinenij = Russia in writings. Collected Works. T. 13. Sankt-Peterburg : OOO «Izdatel'stvo «Rostok», 2017. 928 s.

15. Remizov A. M. Vzvihrennaja Rus' = Swirled Russia. Glasgow, 1990. 708 s.

16. Remizov A. Ogon' veshhej. Sny i predson'e = The fire of things. Dreams and pre-dreams / sost., podgot. teksta, vstup. stat'ja i komment. E. R. Obatninoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo Ivana Ltimbaha, 2005.

17. Somov K. A. Dnevnik. 1923–1925 = The Diary. 1923-1925 / vstup. stat'ja, podgot. teksta, komment. P. S. Golubeva. Moskva : izdatel'stvo Dmitrij Sechin, 2018. 716 s.

18. Tynjanov Ju. N. O literaturnoj jevoljucii = On literary evolution // Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moskva, 1977. S. 270–281.

19. Hudozhniki russkoj jemigracii (1917–1941). Biograficheskij slovar' = Russian emigration artists (1917-1941). Biographical dictionary / avtory D. Ja. Severjuhin, O.L. Lejkind. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Chernysheva, 1994. 592 s.

20. Shjonle A. Jemocional'naja, moral'naja, i ideologicheskaja ambivalentnost' izgnanija. Nikolaj Turgenev i performans politicheskoj jemigracii = The emotional, moral, and ideological ambivalence of exile. Nikolai Turgenev and the performance of political emigration // Vek diaspory: sb. nauch. tr. / Novoe literaturnoe obozrenie. Moskva, 2021. S. 30–50.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.
The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 36 п. л., 32,33 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 239. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 13.12.2024

Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69